КЭТРИН КУРТЦ

Архивы Дерини

Магия Дерини

Архивы Дерини

Магия Дерини

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

КЭТРИН КУРТЦ

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

KATHERINE

KURTZ

The Deryni Archives

Deryni Magic: A Grimoire

КЭТРИН

КУРТЦ

Архивы Дерини

Магия Дерини

АСТ
Издательство
Москва

Северо-Запад Пресс
Санкт-Петербург

2001

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)
К93

Серия основана в 1999 году

Katherine Kurtz
THE DERYNI ARCHVES
1986
DERYNI MAGIC: A GRIMOIRE
1990

Серийное оформление Александра Кудрявцева

Перевод с английского Инны Шаргородской («Архивы Дерини») и Натальи Баулиной («Магия Дерини»)

Иллюстрации Дмитрия Вяземского

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Александра Корженевского.

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Оригинал-макет подготовлен издательством «Северо-Запад Пресс»

Подписано в печать 19.09.01. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 38,64. Тираж 15000 экз. Заказ № 2055.

Куртц К.

К93 Архивы Дерини. Магия Дерини: Фантаст. романы: Пер. с англ. / К. Куртц. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2001. — 732, [4] с.: ил. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-010704-8 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-066-0 («Северо-Запад Пресс»)

«Хроники Дерини». Уникальная сага — «фэнтези», раз и навсегда вписавшая имя Кэтрин Куртц в золотой фонд жанра «литературной легенды».

«Хроники Дерини». Сказание о мире странном, прозрачном и прекрасном, о мире изощренно-изысканных придворных интриг, жестоких и отчаянных поединков «меча и колдовства», о мире прекрасных дам, бесстрашных кавалеров, порочных чернокнижников и надменных святых. Сказание о мире, силою магии живущем — и магию за великий грех считающем.

Настоящие поклонники фэнтези!

«Хроники Дерини» должны стоять на вашей книжной полке — между Толкиным и Желязны. Особенно — ПОЛНЫЕ «Хроники Дерини»!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)

© Katherine Kurtz, 1986, 1990
© Перевод. Н. Баулина, 2001
© Перевод. И. Шаргородская, 2001
© ООО «Издательство АСТ», 2001
© «Северо-Запад Пресс», составление и подготовка текста, 2001

АРХИВЫ ДЕРИНИ

Келдор
Толан
Меара
Истмарк
Грекота
Кэрбери
Ренгарт
Гвиннед
Торент
Графство
Кулди
Ремут
Лендорские горы
Монастырь
св. Иллтида
Конкардин
Коннаит
Найфорд
Мурин
Монастырь
св. Уллана
Планнед
Финанна
Ховикк
Пустыня

Предисловие

Добро пожаловать, читатель, в королевство Гвиннед, в мир Дерини. Даже если вы не бывали здесь раньше, что-то наверняка покажется вам знакомым, поскольку Гвиннед и соседствующие с ним королевства несколько напоминают наши Англию, Уэльс и Шотландию десятого, одиннадцатого и двенадцатого веков — уровнем культуры и техники, общественным устройством, степенью влияния средневековой церкви на жизнь каждого человека, будь то дворянин или простолюдин. Отличается же этот мир, помимо своих исторических деятелей и географии, главным образом наличием магии, поскольку Дерини — это раса колдунов.

Слово «магия» на самом деле не очень-то подходит для обозначения способностей Дерини, потому что многое из того, что они умеют, в наше время называется экстрасенсорным восприятием или ЭСВ. Телепатия, телекинез, телепортация и другие «паранормальные» феномены сейчас, на пороге двадцать первого века, когда наука продолжает расширять наши представления о человеческом потенциале, возможно, могут оказаться куда более нормальными, чем считалось раньше. Ведь многое из того, что сегодня является для нас наукой, для суеверного, фео-

дального средневекового общества казалось бы магией. Людей того времени весьма насмешила бы сама мысль о том, что болезни вызывают невидимые микроскопические существа, называемые «микробы», ибо *каждый* тогда знал, что причиной болезни являются дурные гуморы в организме — а порою и Божий гнев.

Конечно, все «магические» феномены не может объяснить даже современная наука. Происходящие в Гвиннеде события усложняются тем, что и сами Дерини не всегда хорошо разбираются в многообразии собственной магии. Одной из ее форм являются прирожденные способности Дерини — функции из категории ЭСВ. Существует также сложная сфера ритуальных действий, которые, будучи произведены при соответствующем ментальном сосредоточении, помогают магу сконцентрировать силу, чтобы добиться определенных предсказуемых результатов. И, наконец, есть еще сверхъестественные возможности, магические для самих Дерини, подключаться неведомыми способами к неведомым источникам силы, за которые неизвестно чем должна расплачиваться бессмертная человеческая душа — существование которой тоже не вполне доказано. Этот последний вопрос всегда глубоко интересовал людей, занимавшихся философскими изысканиями в сфере науки или религии, или эзотерических дисциплин. (И если мы определим магию как искусство по своему желанию что-то изменять в мире, тогда, возможно все силы Дерини являются магическими. Денис Арилан, в частности, размышляет о сверхъестественных факторах в посвященном ему рассказе).

В таком случае Дерини имеют способности и силу, которые недоступны большинству людей, — хотя

и они не всемогущи. Лучшие представители этой расы, возможно, являются идеалом совершенного человечества — мы все могли бы стать такими, если бы научились преодолевать свою житейскую ограниченность и поняли свое высочайшее предназначение. Приятно думать, что в каждом из нас существует в зародыше Дерини.

Способностями Дерини, за некоторыми исключениями, можно научиться пользоваться, как любым другим умением; и кто-то из Дерини бывает более искусен и силен, чем остальные. Главное — овладеть равновесием, физическим, психическим и духовным, подчинить себе свое тело и свои ощущения. Большинство Дерини даже без надлежащего обучения способны снимать усталость, хотя бы на время, блокировать физическую боль и наводить сон — на себя самого или на кого-то другого, на Дерини и на простого человека, как с согласия этого другого, так и без согласия.

Еще один весьма полезный дар Дерини — целительский, но он редко встречается и требует специального, сложного обучения. Должным образом подготовленный Целитель способен заживить практически любую рану, если только успевает наладить исцеляющую связь с пациентом прежде, чем тот умрет. Болезни ему лечить несколько сложнее, из-за того, что прежде необходимо рассмотреть все симптомы, поскольку средневековая медицина знала уже кое-какие механизмы заболевания. (Врачи, и люди, и Дерини, *проводили* связь между гигиеной и уменьшением возможности заражения, но тогдашняя технология не позволяла еще понять, в чем эта связь заключается).

Кому-то могут и не нравиться упомянутые способности — такие, как наведение сна, например, ведь

это может быть использовано во вред человеку, бессильному сопротивляться. Но еще опаснее для тех, кто не Дерини по крови, выглядят силы, не имеющие отношения к исцелению. Ибо Дерини могут читать мысли, часто без ведома или согласия человека; могут навязать другому свою волю. Самые высокоодаренные Дерини, как известно, способны даже принимать обличье другого человека.

В действительности существуют определенные ограничения в использовании всех этих способностей, но об этом знает мало кто из людей, а те, кто знает, имеют искаженные представления. И то обстоятельство, что некоторые Дерини способны, сами не зная как, подключаться к энергии сил, противных воле Божией, отнюдь не умаляет человеческих страхов. И когда в рассказах взаимодействуют персонажи-люди и персонажи-Дерини, этот страх непонятного выходит на первое место.

Однако не всегда люди боялись Дерини как расы, хотя какой-то конкретный Дерини и мог внушать страх конкретному человеку. До Междуцарствия Дерини, во времена правления династии Халдейнов, великодушных королей, которые благоразумно поддерживали дружеские отношения с самыми высоконравственными Дерини, раса эта была довольно немногочисленной и достаточно осмотрительной при взаимодействии с людьми, и обе расы жили в относительной гармонии.

Дерини имели свои школы, религиозные институты и ордена, помогали своими знаниями и целительскими талантами каждому нуждавшемуся, и собственная их внутренняя дисциплина не допускала никаких грубых злоупотреблений великой силой, которой они владели. Разумеется, неприятные инциденты

порой случались, ибо обладание большой силой всегда является искушением; но все-таки Дерини злоупотребляли ею крайне редко, поскольку до 822-го года мы не находим никаких свидетельств об общей враждебности по отношению к ним. В этом же году принц Фестил из расы Дерини, сын Торентского короля, внезапно вторгся в страну с востока и одним ударом уничтожил всю королевскую семью Халдейнов, за исключением двухлетнего принца Эйдана, которому удалось спастись.

В дальнейшем ухудшении отношений между людьми и Дерини следует винить правление Фестилийской династии, поскольку приверженцы Фестила I почти все были, как и он сам, безземельными младшими сыновьями и быстро поняли, как можно выгодно использовать преимущества своей расы в завоеванной стране. В первые годы правления новой династии король на многое не обращал внимания либо смотрел сквозь пальцы, поскольку слишком занят был упрочением своей власти и организацией органов управления.

Однако со временем эти злоупотребления силой становились все более вопиющими и нелицеприятными и привели в конечном итоге к изгнанию в 904-м году последнего короля Фестилийской династии (при посредстве Дерини же) и к реставрации власти прежнего, человеческого рода Халдейнов в лице Синхила Халдейна, внука принца Эйдана, который спасся когда-то от убийц Фестила I.

К несчастью, во всех грехах Дерини времен Междуцарствия стали винить не алчность и дурные побуждения отдельных индивидуумов, а саму магию Дерини. К тому же после Реставрации новый режим достаточно быстро перенял если не методы, то хотя

бы цели прежних властителей. После смерти восстановленного на престоле короля Синхила все последующие короли более чем двадцать лет находились под влиянием регентских советов, поскольку сыновья Синхила умерли молодыми — в течение десяти лет — и наследником трона стал четырехлетний внук Синхила Оуэн.

И регенты, прекрасно помнившие все былые несправедливости, никак не могли упустить такой удобный случай перераспределить добычу Реставрации к своей выгоде. Желание обзавестись новыми землями, титулами и должностями заставило людей припомнить Дерини все их грехи в преувеличенном виде, в результате чего была забыта роль Дерини в самой Реставрации. Новые хозяева использовали любой предлог, чтобы завладеть богатством и влиянием бывших правителей, и через несколько лет Дерини, остававшиеся в Гвиннеде, начали постепенно лишаться всех своих политических, социальных и религиозных прав.

Церковь также сыграла свою роль. Под влиянием священников-людей политические игры приобрели философское оправдание всего за одно поколение, и очень скоро Дерини стали считать носителями зла, дьявольским семенем, которому даже церковь не может обещать спасения, — ибо праведный и богобоязненный человек, разумеется, не может делать того, что делают Дерини; следовательно, Дерини *должны быть* прислужниками сатаны. И выжить Дерини могли, только полностью отказавшись от своих сил, да и то оставаясь впоследствии под строжайшим наблюдением.

Все это, конечно, произошло не сразу. Но Дерини и прежде были малочисленной расой; и хотя це-

лые семьи их постепенно лишались милости или уничтожались, многие из тех, кто не входил непосредственно в обладающие политической силой круги, как мирские, так и духовные, попросту не видели, как меняется баланс, пока не стало слишком поздно. Великие антидеринийские преследования, начавшиеся после смерти Синхила Халдейна, сократили число проживавших в Гвиннеде Дерини на две трети. Кое-кто бежал в другие страны, где принадлежность к расе Дерини не влекла за собой автоматически смертный приговор, но гораздо больше Дерини погибло. Лишь немногие успели уйти в подполье, скрыв тайну своей истинной личности; и почти все они даже потомкам не рассказывали никогда, кто они есть на самом деле, отказавшись от былого величия.

Таковы самые общие сведения из истории Дерини, имеющие отношение к рассказам этого сборника; гораздо подробнее об этом повествуется в трех трилогиях, образующих мир Дерини. Трилогия *«Легенды о Камбере Кулдском»* — *«Камбер Кулдский»*, *«Святой Камбер»* и *«Камбер-еретик»* — повествует о низвержении последнего короля Фестилийской династии при помощи Камбера и его детей, и о том, что случилось тринадцатью годами позже, после смерти короля Синхила Халдейна. Трилогия *«Хроники Дерини»* — *«Возрождение Дерини»*, *«Игра Дерини»* и *«Властитель Дерини»* — переносит нас почти на двести лет позднее, когда нелюбовь к Дерини среди простых людей начинает ослабевать, но держится еще среди церковнослужителей. Трилогия *«Истории о короле Келсоне»* — *«Сын епископа»*, *«Милость Келсона»* и *«Тень Камбера»* — это продолжение *«Хроник»*; дальнейшие же романы будут посвящены исследованию эпохи

между царствованием преемников Синхила и вступлением на трон Келсона Халдейна.

Все рассказы этого сборника, кроме первого, приходятся на времена между трилогиями о Камбере и Дерини, и служат для восстановления хронологии. В общем повествовании явно недоставало некоторых эпизодов, необходимых для сюжета и для его дальнейшего развития в будущем романе. Три рассказа были написаны специально для этого сборника и никогда ранее не появлялись в печати. Еще один не печатался некоторое время, а остальные не имели широкого распространения. Относительно романов все они канонические — то есть полностью согласуются с сюжетами. Большинство даже строится на эпизодах или с участием персонажей, которые упоминаются в романах. И в некоторых рассказах, помимо прочего, намекается на то, что будет происходить в следующих книгах.

Но прежде чем вы приступите к чтению, мне, вероятно, следует сказать несколько слов о моем подходе к истории Дерини. Я упоминала уже, что провожу приблизительную параллель с реальной мировой историей, если говорить о культуре, уровне техники, типе управления, роли церкви и так далее. Однако читатели часто делают замечание, что читаются мои книги скорее как исторические, чем фантастические. Практически меня почти всерьез обвиняли в том, что я просто переношу реальную историю в несколько другое измерение.

Что ж, на это мне нечего ответить. Отчасти такое впечатление создается потому, конечно, что я училась на историка и хорошо разбираюсь в деталях и подоплеке реальных исторических событий, откуда и черпаю.

Но случается, что я понятия не имею, откуда приходит материал — я просто знаю, что должно быть именно так, а не иначе. Когда меня спрашивают, что делал персонаж А после события Б, и я отвечаю, что не знаю, потому что персонажи со мной еще не разговаривали — я не шучу. Кроме того, добротно сделанные персонажи имеют тенденцию вести себя, как им хочется, а не так, как задумал автор. И мне остается отвечать только: «Я не могу доказать, что я права; я просто знаю, что дело было именно так.» Порой мне *самой* кажется даже, что я просто подключаюсь к течению уже происшедших событий, и все, что от меня требуется, это сидеть, смотреть и описывать то, что вижу. Я подозреваю, что это знакомо в некоторой степени каждому автору. Но если читатели, когда речь идет о Дерини, столь серьезно относятся к вымыслу, поневоле задумаешься, не лежит ли все-таки в основе этого вымысла некая мифическая правда. (Я, пожалуй, *могла бы* рассказать, как чувствовала порой, что Камбер заглядывает мне через плечо, споря или соглашаясь с тем, что я печатаю, но ведь это не более чем моя причуда — не так ли?)

Итак, перед вами рассказы о Дерини и о тех, кто имел с ними дело, в том виде, как мне их преподнесли персонажи. Надеюсь, они вам понравятся.

Сан Вэли, Калифорния
июнь, 1985 г.

С чего все начиналось...

Осень, 888 г.

Хронологически рассказ «*С чего все начиналось...*» возглавляет всю написанную до сих пор историю Дерини, ибо действие в нем происходит лет за пятнадцать до «*Камбера Кулдского*». Он был написан для «*Festschrift*» в честь пятидесятилетия публикаций Андре Нортон. («*Festschrift*» — это антология, составленная в честь писателя из рассказов его друзей, тех авторов, кого вдохновило в свое время его творчество и кто желает воздать ему дань уважения.) Главным требованием было, чтобы рассказ мог понравиться самой Андре.

И поскольку я выросла на книгах Андре о детях и животных («*Сын Стармана*» — моя первая любимая вещь), я решила, что мне следует ответить такой же историей. Дети Камбера показались мне самыми подходящими кандидатами, поскольку у меня не было ни одного рассказа о Дерини до «*Камбера Кулдского*». А рассказ о Джореме, Райсе и Ивейн давал мне к тому же возможность еще раз вернуться к личности Катана, старшего сына Камбера, который в первой трилогии погиб довольно рано. Вдобавок у меня как раз скончались от возрастных осложнений мои любимые кошки, Симбер и Джилли, и рассказ этот мог стать им в некотором роде памятником —

ведь у малолетних детей Камбера в замке Кайрори наверняка были кошки. (Собаки у них тоже были, но я, увы, не любительница собак и знаю о них немного. Да простят меня собачники, но в этом рассказе псы, боюсь, прожили весьма недолго.)

Из всего этого само собой вытекало, что Райс окажется Целителем и сделает для своего кота то, чего не смогла сделать я в реальности. Написание имени кота Cimber я изменила на Symber, потому что в предыдущем написании оно слишком походило на имя Камбер. Леди Джоселин называет Симбера «чертовым дылдой» — так моего Симбера во времена его подростковой нескладности называла моя мать; но он вырос со временем, как и в рассказе, в очень красивого кота. Джилли, которая стала безымянной белой кошкой, что спит у ног Катана, никогда не была нескладной. Даже во младенчестве это была вполне соразмерная миниатюрная кошечка, которая постепенно подрастала, — вот уж кто задергал бы возмущенно своим пышным хвостом, скажи ей, что она когда-то не была красавицей!

Итак, рассказ написан в честь Андре и в честь Симбера с Джилли. Его очень любил мой сын Камерон, который в то время, когда я писала его, был в том же возрасте, что и Райс с Джоремом, и обожал кошек не меньше, чем я. Я думаю, что он любил рассказ «*С чего все начиналось...*» еще и потому, что, как в нем показано, даже дети Дерини, несмотря на все свои дарования, сталкиваются с теми же проблемами, подрастая, что и всякий другой ребенок.

Одиннадцатилетний Райс Турин, закусив губу и полностью сосредоточась, смотрел на красную фигурку лучника на доске между ним и Джоремом Мак-Рори. Затем передвинул ее на два квадрата, поставив под угрозу синего аббата Джорема.

Мальчик помладше следил в это время, как начавшийся дождь усеивает брызгами затуманенное стекло высокого окна, но, заметив на доске движение, резко повернул белокурую голову.

— Нет! Моего монаха тебе не видать! — вскрикнул он и вскочил на ноги, едва не перевернув доску. — Райс, это нечестный ход! Катан, что мне делать?

Катан, скучавший у камина пятнадцатилетний подросток, которому простуда не позволила отправиться на охоту с остальными домочадцами, с тяжким вздохом оторвался от своего чтения. У ног его дремала белая кошка, которая не шелохнулась даже, когда Райс радостно расхохотался и стукнул себя по рыжей, растрепанной голове.

— Ага! Я заставлю его отступить! Глянь, Катан! Мой лучник сейчас возьмет его аббата!

Катан вместо ответа высморкался и придвинулся ближе к огню, собираясь снова погрузиться в чтение, и тут военачальник Джорема решительно двинулся через всю доску, взял красного лучника, и ликование Райса сменилось ужасом.

— Отступить, вот как? — торжествующе сказал Джорем, садясь на место и победно сверкая серыми глазами. — Что *теперь* скажешь?

Уничтоженный Райс поежился в своей подбитой мехом тунике и уставился на доску. Откуда взялся этот военачальник? Что за дурацкая игра!

Другого результата ждать и не приходилось. В *кардунет* Джорем почти всегда у него выигрывал. Хотя Райс был на целый год старше, и оба учились в аббатстве святого Лиама, одной из лучших монастырских школ во всем Гвиннеде, одинаково хорошо, но стратегического дара, такого, как у его молочного брата, у Райса просто не было. Джорем уже в десять лет заявил, что, достигнув совершеннолетия, вступит в орден святого Михаила и станет монахом-рыцарем — к огорчению своего отца, графа Камбера Кулдского.

Камбер возражал не против духовного сана — а Джоселин, мать Джорема, была и вовсе довольна, что один из ее сыновей хочет стать священником. Сам Камбер часто рассказывал мальчикам о том счастливом времени, которое провел в юности в Священном Ордене, пока по причине смерти старшего брата не стал наследником графского титула, и ему не пришлось вернуться домой и заняться своими обязанностями. Наследником же титула Мак-Рори должен был стать брат Джорема Катан, если не случится больше никакого несчастья вроде лихорадки, что свела недавно в могилу их брата и сестру, и Джорем тогда будет волен следовать своему духовному призванию, в чем было отказано их отцу, Камберу.

Нет, Камбера беспокоил сам орден святого Михаила — его священники-воины порой слишком рьяно ратовали за то, чтобы Дерини, пользуясь привилегиями, которые дает им владение магией, не забывали и об ответственности за свои поступки. Камбер, сам могущественный и высокообразованный Дерини, с этической позицией монахов в принципе не спорил; и детей своих всегда учил, что долг должен стоять на первом месте.

Однако настойчивые попытки Ордена навязать свои философские взгляды обществу уже не раз доводили до беды — ибо Королевским Домом Гвиннеда были Дерини и среди тех, кто частенько злоупотреблял силой, встречались и царственные особы. До сих пор гнев короля обрушивался только на отдельных провинившихся; но вдруг Джорем станет монахом, а король однажды разгневается на весь Орден...

Правда, пока еще в школах ордена святого Михаила дети Дерини получали самое лучшее образование, какое только возможно, если не считать того весьма специфического обучения, которое проходили редкие кандидаты в Целители; дар этот даже среди Дерини, благословенной — или проклятой, по мнению некоторых — расы, обладавшей многими психическими и магическими способностями, встречался не часто. Проблемы же между Дерини и людьми, да и между самими Дерини, возникали лишь из-за злоупотребления силой, часто происходившего по невежеству.

Потому-то Камбер и послал Джорема и осиротевшего Райса в школу при аббатстве святого Лиама — и не забирал их оттуда, даже когда Джорем возмечтал о вступлении в орден. Ведь мальчик не мог дать даже временного обета, пока ему не стукнет четырнадцать. А за четыре года многое может измениться. Вдруг Джорем перерастет свое детское увлечение отважными и решительными рыцарями святого Михаила, их красивыми темно-синими одеяниями с белоснежными кушаками и более трезво, если у него и впрямь духовное призвание, подойдет к выбору ордена.

Райс же, хотя и с удовольствием посещал духовную школу, призвания к религии не ощущал. Пока

он еще понятия не имел, чем бы ему *хотелось* заняться, когда вырастет.

Никаких грандиозных планов на будущее он не строил. Отец его, пусть и дворянин, был всего лишь вторым сыном и не наследовал ни титула, ни состояния. Мать его была близкой подругой леди Джоселин, и только поэтому младенец Райс не остался без крова над головой, когда родители его умерли от чумы всего через год после его рождения. Сам он был неглуп, умел хорошо считать и ладил с животными, как это умеют многие Дерини, — но эти способности еще не позволяли подобрать для юного дворянина какое-то занятие в жизни.

Лишь одно можно сказать наверняка, думал Райс, глядя на доску и отвергая один за другим приходившие в голову ходы: он не рожден солдатом. Военные тактика и стратегия, которыми так увлекался Джорем, были для него китайской грамотой. Учился он прилежно, к тому же Джорем, так хорошо разбиравшийся в этом, был его лучшим другом, поэтому экзамены сдавать Райсу худо-бедно удавалось, и он понимал, что у Джорема во всех военных делах просто природное чутье; равняться с ним мальчик даже не пытался.

И сейчас, глядя на доску и не решаясь сделать ход, он признавал сей факт с особенным унынием. Дождь, который стучал в оконное стекло и колотил по крыше, уныние это только усиливал. Началась настоящая гроза, и, невзирая на то, что был разгар дня, даже здесь, в верхней комнате, где было большое окно и пылал огонь в камине, стало совсем темно и холодно.

С досады он пожелал Камберу, леди Джоселин и прочим хорошенько промокнуть — уехали себе с ко-

ролем на охоту и бросили их тут с этой дурацкой игрой! Катан еще брюзжит и сердится все утро, вместо того чтобы радоваться, что сидит дома, в тепле, в сухой одежде, с кошкой и интересной книжкой.

Может быть, и вправду лучше почитать? Безнадежно сражаться с Джоремом Райсу надоело. Он решил уже бросить игру и пойти поискать какую-нибудь книжку, но тут в комнату вошла запыхавшись младшая Мак-Рори, Ивейн, с расплетшимися льняными косичками, таща своего черного кота Симбера. Она ухватила его под передние лапы, и туловище Симбера свешивалось ей до самых колен. Удивительно, но кот не возражал против такого обращения.

— Катан, Катан, там по лестнице кто-то ходит! — она пробежала мимо Райса и Джорема к старшему брату и принялась тормошить его с назойливостью, присущей только шестилетнему ребенку.

Катан вздохнул, опустил книгу на колени и вытер нос уже насквозь промокшим платком.

— Конечно, ходит, — хрипло буркнул он.

— Катан, я не шучу! — не отставала девочка. — И в большом зале что-то звякает.

— Собаки, наверное.

— Собаки не звякают.

— Ну, значит, слуги.

— Не *слуги* это! — она топнула маленькой ножкой. — Симбер убежал от них. Он испугался. А слуг он не боится.

— Видно, попал под ноги кухарке, она и погнала его веником.

— Нет! — Ивейн прижала к себе кота. — Там кто-то есть. Пойди посмотри. Ну пожалуйста, Катан!

— Ивейн, не хочу я ходить по лестницам, — огрызнулся Катан. — И играть не хочу. Если ты еще

не заметила — я простужен, и потому злой. Почему бы тебе не пристать к Райсу и Джорему?

— Они играют в свою дурацкую игру! Конечно, я маленькая, и меня никто не слушает!

Повеселевший Райс заговорщически подмигнул Джорему, который тоже сидел ухмыляясь.

— Мы тебя выслушаем, правда, Джорем? — сказал он, радуясь предлогу бросить безнадежную партию и заняться чем-нибудь другим.

Джорем, похоже, тоже устал от игры, потому что сразу согласился.

— Разумеется, выслушаем, сестренка, — сказал он, вставая и поправляя кинжал за поясом своей синей школьной туники. — Давай-ка ты нам покажешь, где там они ходят. Не дадим ворам утащить наше серебро. Как ты думаешь, слуг они связали?

— Джо-рем!

— Ну ладно, ладно! — Джорем сложил руки и попытался изо всех сил принять серьезный вид, какой надлежит иметь будущему рыцарю святого Михаила. — Я же сказал, пойдем посмотрим. Оставь Симбера, тут он будет в полной безопасности.

— Нет!

— Дай тогда *я* его понесу, — предложил Райс. — А ты нас поведешь и покажешь, что да где.

— Неси, — согласилась она и передала ему кота. — Но впереди пускай идет Джорем. У него кинжал.

— Хорошая мысль, — сказал Джорем, отворачиваясь и пряча улыбку. Он прижал палец ко рту, призывая к молчанию, и тихонько приоткрыл дверь, ведущую на лестницу, а Райс взвалил кота к себе на плечо, придержав его снизу рукою. Кот тут же громко замурлыкал ему в ухо и принялся месить его плечо передними лапами.

Выходя вслед за Джоремом и Ивейн на винтовую лестницу, Райс заметил смущенную и несколько снисходительную улыбку Катана, но сделал вид, что не видит ее. Какое *ему* дело, что думает Катан? Если Ивейн считает, что опасную вылазку должен возглавить Джорем, она просто признает всем известный факт... ведь Катан не раз ругал Райса за его беспомощность в воинском деле. Зато своего драгоценного Симбера она доверила именно Райсу — а это выражение куда большего доверия с ее стороны.

Но все-таки и Райс не зря обучался военному искусству. Пока он спускался по лестнице, стараясь ступать так же бесшумно, как Джорем, как ступает кот, что мурлычет у него на руках, он мысленно заглянул в разум Симбера — вдруг там внизу *действительно* кто-то чужой.

Оказалось, Симбер и впрямь был *напуган*. Сейчас-то здоровенный черный котяра успокоился в ласковых руках и выражал свое удовольствие экстатическим мурлыканьем, мешая Райсу прислушаться как следует к его ощущениям; и все-таки мальчик уловил *нечто*, что не понравилось Симберу и заставило бежать к Ивейн в поисках защиты. И Райс усомнился почему-то, что это была кухарка с веником.

Он отправил Джорему ментальный посыл, но в этот момент брат и сестра Мак-Рори уже спустились с лестницы и оказались перед занавесом, закрывавшим вход в большой зал, и тут внезапно занавес раздвинулся, из-за него высунулись чьи-то волосатые руки, сгребли обоих детей и втащили в зал.

— Я же говорил, был тут ребенок! — прорычал грубый голос.

— Райс, Райс! — завизжала Ивейн. Кто-то, явно побольше и потяжелее Джорема, громко выдохнул:

«Уф!», и Райс, поднырнув под занавес, налетел вместе с котом прямо на клубок сцепившихся тел — одного взрослого и двоих детей.

— Катан! — завопил Джорем, вырвавшись на мгновение из рук незнакомца и изловчившись при этом выхватить из-за пояса кинжал. — Берегись, Райс!

Райс же в это время был занят тем, что пытался увернуться от вынырнувшего откуда-то еще одного человека. И тут кот Ивейн, больно оцарапав его, внезапно сорвался с плеча, Райс вскрикнул от неожиданности и чуть не упал, однако в тот же миг противник его завопил еще громче от удивления и ужаса, потому что Симбер, как оказалось, прыгнул на него и повис на руке, вцепившись в нее всеми когтями и зубами.

Грабитель выругался и замахал руками, пытаясь стряхнуть кота, но Симбер только глубже вонзил когти и прилип намертво. Райс хотел было дернуть грабителя за ногу и опрокинуть, но тот отмахнулся ногой, чуть не попав мальчику в голову, и Райс передумал. Он быстро огляделся по сторонам, пытаясь понять, двое грабителей или больше, и только успел удивиться, куда подевались собаки, как увидел, что Ивейн вырвалась на свободу, воспользовавшись тем, что противник отвлекся на кинжал Джорема. Она кинулась прямехонько на того, кто сражался с ее котом, и с силой пнула его в голень.

Грабитель взвыл и завертелся на месте. Кот в результате ослабил таки свою хватку. Грабитель попытался схватить Ивейн, не сумел и снова затряс рукой, надеясь избавиться наконец от злобного черного демона, нещадно терзавшего его плоть. Он так сильно взмахнул рукой, что Симбер сорвался и, отлетев, уда-

рился в стену. Затем кот шлепнулся наземь и обмяк, а Ивейн отчаянно закричала.

Что было дальше с девочкой и котом, Райс уже не видел, потому что внимание его отвлекла новая опасность. Он поспешил на помощь Джорему, который явно проигрывал в борьбе со своим противником, пытавшимся отобрать кинжал, но тут внезапно появился третий грабитель. Он бросил мешок с добычей, схватил Райса одной рукой, а другой потащил из ножен меч.

Райс силился припомнить знакомые ему по тренировкам или хотя бы понаслышке приемы рукопашного боя, но что толку — он был безоружен, а противник — раза в три старше него и тяжелее. Кое-как увернувшись от удара, который должен был снести ему голову, он увидел наконец Катана — тот стоял у дверей на лестницу с мечом в руке и громко звал слуг на помощь.

Катан бросился на грабителя, который ловил Ивейн, но что происходило между ними, Райс не видел, занятый спасением собственной жизни. Ивейн нырнула между ног Катана и оказалась в безопасности у него за спиной, а внимание Райса отвлекла на мгновение ужесточившаяся драка между Джоремом и его противником. И тут внезапно правую ногу его обожгло сзади огнем, и Райс потерял равновесие.

Он схватился за раненое место и упал, терзаемый невыносимой болью и страхом, и попытался отползти от грабителя с мечом. Рука, когда он отдернул ее, была вся в крови, серый шерстяной чулок мгновенно стал красным. Райс увидел, что противник поднял меч, собираясь покончить с ним, дыхание у него перехватило, и он не смог выдавить из себя ни звука, но мысленный его крик заполнил весь зал и вы-

рвался за его пределы. Он не сомневался, что сейчас умрет — и все же сделал последнюю, отчаянную попытку увернуться от опускавшегося клинка.

Он так и не узнал, каким чудом подоспел Катан; увидел только взмах другого меча, отбивший смертоносный удар, и вслед за тем этот меч обрушился на голову грабителя, раскроив череп надвое. Во все стороны брызнули мозги и кровь, и Катан, не дожидаясь, пока рухнет поверженный враг, повернулся к противнику Джорема. Мужчина, который нападал на Ивейн, стонал теперь на полу, зажимая руками рану в животе и стараясь отползти подальше от Катана.

Тут наконец в зал вбежали слуги и помогли Катану одолеть и связать последнего грабителя. Только тогда Райс отважился сесть и взглянуть на свою рану.

О, Господи, какой ужас!

Он со свистом выдохнул воздух сквозь сжатые зубы, зажал рану рукой, и по щекам его покатились слезы.

Большое сухожилие с задней стороны икры было перерублено. Крови, правда, текло теперь меньше, чем вначале, хотя рана была глубокой, но ногу жгло и дергало все сильнее по мере того, как отходил шок. Такую рану может заживить только Целитель, но если это не удастся, Райс на всю жизнь останется хромым.

— Сейчас пошлем за Целителем! — пообещал один из слуг, побледневший при одном взгляде на ногу Райса. — Ты только не волнуйся.

Райс сдержал слезы, поскольку был уже достаточно взрослым и знал, что они не помогут, затем свернулся клубочком на левом боку и, закрыв глаза, под-

ложил под голову руку. Чтобы расслабиться, он начал твердить про себя заклинание, снимающее боль.

И это помогло. Когда он открыл глаза, нога уже онемела, и страх немного отступил. Возле него стояли на коленях Джорем и Ивейн, девочка, шмыгая носом, укачивала на руках Симбера. Кот не шевелился, но еще дышал.

— Сильно ранен? — спросил Джорем, вытягивая шею, чтобы лучше видеть. — Иисусе, да он подрезал тебе поджилки! Крови, правда, немного. Ничего, отец скоро вернется. Мы с Катаном послали ему Зов.

— Я, кажется, тоже послал ему Зов, — сказал Райс, глубоко вздохнув, чтобы как-то унять вновь пробудившиеся страх и отчаяние, и ради спокойствия Ивейн изобразил кривую улыбку. — Ему и всем Дерини в двух графствах. Я думал, они нас поубивают.

— Они чуть не убили Симбера, — выдавила Ивейн, всхлипнула и горестно склонила головку, прислушиваясь к неровному дыханию кота. — Этот злодей ударил его о стенку! Он еще дышит, но еле-еле.

Она подняла на Райса заплаканные глаза, умоляя сказать, что все будет хорошо, но тут Джорем чуть заметно покачал головой. Кот и вправду был плох. Райс, задумавшись, как облегчить ей предстоящую утрату, машинально подвинул здоровую ногу, чтобы подпереть раненую, и содрогнулся от боли.

— Мне очень жаль, малышка, — тихо сказал он. — Но, может, еще обойдется. Ты... положи его тут, со мной. Вдруг, когда придет Целитель, он сможет вылечить нас обоих. А я буду думать о Симбере и меньше буду думать о своей ноге.

Сглотнув комок в горле, Ивейн устроила кота в сгибе левой руки Райса, у самой груди. Бесчувственное тельце без слов говорило о том, как тяжко искалечен кот, и Райс погладил бархатную лапку кончиками пальцев и посмотрел на Ивейн, всей душой желая помочь как-то бедному зверьку.

— А ты... ведь *ты* не умрешь, Райс, правда? — спросила она очень тихо.

Он заставил себя улыбнуться.

— Не бойся, — сказал мягко. — Рана скверная, но она заживет.

Тут подошел Катан, нагнулся взглянуть на рану, потом тяжело опустился на пол и горестно вздохнул, вытирая нос заляпанным кровью рукавом.

— Эх... ну ладно, отец скоро привезет Целителя. Король послал с ним брата Сирилда. Это один из лучших Целителей. Проклятье! — он стукнул по полу измазанным в крови кулаком. — Почему я не спустился раньше! Почему я не пошел с вами, как просила Ивейн! Они дали собакам отравленное мясо, пока слуги были в погребе. И прекрасно знали, что в замке почти никого нет.

Тут явился управляющий спросить, что делать с пленниками, и Катан с Джоремом отправились присмотреть за ними, пока не прибудет Камбер. Ивейн же осталась с Райсом и положила ему на голову свои маленькие ручки, чтобы помочь войти в расслабленное, полудремотное состояние, уменьшавшее боль. Это Райс мог сделать и сам, как все, даже необученные Дерини, но оттого, что это делал кто-то *другой*, ему стало гораздо легче, и он забылся милосердным сном в ожидании приезда Целителя.

И снился ему кот, свернувшийся у него под боком, — будто бы Симбер прижался теснее и тычется

холодным, влажным носом, и мурлычет так громко, что все тело его отзывается вибрацией.

Потом ему приснилось то лето, когда Камбер привез домой котенка, умильный комочек черного меха с оливковыми глазками и острыми, как иголочки, коготками на кончиках бархатных лапок. К рождеству это прелестное существо преобразилось, как частенько бывает, в неуклюжего долговязого подростка с огромными, как у летучей мыши, ушами, несоразмерно длинными лапами и тонким хвостом. Леди Джоселин называла его тогда «этот чертов дылда».

Однако к следующему лету Симбер вырос и стал именно таким, каким обещал быть во младенчестве — гладким, грациозным, похожим на пантеру зверьком; таким его и помнил Райс — это был друг, утешитель и молчаливый наперсник всей семьи Мак-Ори, правда, Ивейн и Райса он как будто предпочитал всем остальным. И сейчас Райсу снился Симбер, мурлыкал ему в самое ухо, и звук этот убаюкивал мальчика и уносил его все глубже и глубже...

Раз он начал просыпаться, привстал было, но кто-то мягко уложил его обратно. Райс подумал, что надо подняться все-таки и посмотреть, кто там рядом с ним, но понял тут же, что это должен быть Целитель и что сопротивляться не следует. Он ощутил короткое встревоженное прикосновение к своему сознанию разума Камбера, затем разума леди Джоселин, но сил у него было слишком мало, чтобы проявить интерес к тому, что происходит вокруг. И он снова безвольно погрузился в сон, и снова замурлыкал кот...

А потом он действительно *услышал* у себя под ухом кошачье мурлыканье. Он все еще лежал свер-

нувшись на левом боку и, когда открыл глаза, увидел у своей груди томно растянувшееся гибкое черное тельце, бархатные лапки, месившие руку, и почувствовал на щеке прикосновение холодного влажного носа. Справа стоял на коленях незнакомый человек в ярко-зеленой тунике Целителя и вытирал вымытые руки чистым полотенцем.

— Вот и славно, — сказал Целитель, удовлетворенно улыбаясь, — меня удивляет только, что ты сам не довел дело до конца. С котом у тебя получилось прекрасно.

— Что получилось? — тупо спросил Райс, ибо слова эти показались ему полной бессмыслицей.

Целитель только усмехнулся и, покачав головой, отложил полотенце. Райс подумал, что ему, должно быть, лет пятьдесят, хотя из-за веснушек, усыпавших нос и щеки, он казался моложе, да и седины было немного в редеющих рыжеватых волосах. Морщинок возле темно-карих глаз тоже почти не было видно, только вот аккуратная бородка и усы успели поседеть больше, чем голова. Он разрешил Райсу перевернуться на спину, но когда мальчик попытался сесть, придержал его за грудь.

— Не сейчас, сынок. Прежде чем ты начнешь двигать ногами, надо убедиться, что я убрал все сгустки крови. Конечно, с такими вещами, как подколенные сухожилия, на себе самом справиться не так-то просто, — продолжал он, сгибая исцеленную ногу Райса в колене и легонько проводя рукой по тому месту, где была рана. — Лорду Камберу пришлось мне помогать. Гораздо легче исцелять, когда есть возможность свести сначала вместе поврежденные ткани. Когда же края раны разошлись на целую пядь, их свести нелегко и исцелить сложнее... Но ты еще узна-

ешь обо всем этом, когда немного подучишься. Ты и вправду ничего не знаешь? Кстати, я — Сирилд, королевский Целитель.

— А я — Райс Турин, — выдавил Райс, начиная понимать, о чем говорит Сирилд, и чувствуя от этого легкое головокружение.

— Знаю, знаю. И скоро твое имя узнает великое множество людей. Ведь это настоящий праздник — обнаружить нового Целителя, — он перестал водить рукою по ноге Райса и осторожно выпрямил ее, потом задумчиво посмотрел на мальчика.

— Из твоих родителей кто-нибудь был Целителем?

— Нет. Но они умерли, когда я был совсем маленьким.

— Хм. А из других родственников?

— Не знаю, — тихо сказал Райс. — Я что... и вправду исцелил Симбера?

— Кота? Еще как! И почти полностью остановил кровотечение у себя самого, — Сирилд почесал Симберу грудку и улыбнулся, когда кот потерся головой о его руку и замурлыкал громче. — Так что тебе не за что меня благодарить, дружок. Отныне у тебя «есть» собственный Целитель, который всегда о тебе позаботится.

Райс, все еще не смея до конца поверить услышанному, приподнялся на локтях.

— Но если я... Целитель, — он произнес это слово с благоговением, — почему я не знал об этом? Почему мне никто не сказал?

— Видимо, никому в голову не пришло проверить, — сказал Сирилд, выбирая свои инструменты из таза с водой и вытирая их насухо. — Ведь монахи не могут знать все о своих учениках. Да и ты, в конце концов, не из семьи Целителей.

Он ссыпал со звоном чистые инструменты в зеленую сумку Целителя, и Райс вздрогнул.

— С другой стороны, ты только вступил в тот возраст, когда дар, если он есть, наконец проявляется, — продолжал Сирилд. — Конечно, дар Целителя можно обнаружить и раньше, если есть причина его искать; но частенько бывает так, что, пока его осторожно выявляют в ходе обучения, он вдруг проявляется сам, если в нем возникает большая нужда, — он улыбнулся. — Наверное, можно сказать, что твой четвероногий друг послужил для тебя ка... *катализатором*?

Сирилд от души расхохотался над своим каламбуром, и Райс тоже не удержался от смеха. Он широко улыбался, когда Целитель помог ему сесть, потом сгреб кота в охапку и усадил к себе на колени, и Симбер своим довольным мурлыканьем, казалось, вторил его радости.

И когда Камбер и проникшийся почтением Джорем, Ивейн и все остальные домочадцы подошли к нему с поздравлениями, для Райса уже не существовало вопроса, чем он займется, когда вырастет.

Песнь Целителя

1 августа 914 г.

«Песнь Целителя» — это не рассказ, а, скорее, просто подробное изложение небольшого эпизода из жизни нескольких персонажей книг о Камбере. Целитель, разумеется, Райс; а песня его — это *Adsum Domine*, гимн Целителей из ордена святого Гавриила, основанный на постулатах этического кодекса Целителей. Камбер слышал часть этого гимна, когда, будучи Элистером Келленом, посетил вместе с Райсом аббатство св. Неота, в книге *«Камбер-еретик»*, но случилось это через несколько лет после того, как он услышал его целиком в рассказе *«Песнь Целителя»*. Здесь гимн *Adsum Domine* звучит во время магического посвящения в Целители новорожденного сына Райса и Ивейн, Тиега Джорема Турина.

Целительское обучение отличается от всех прочих видов обучения, и в ученики принимают лишь тех редких счастливчиков Дерини, у кого обнаруживается этот весьма специфический дар. К призванию Целителя Дерини относятся с таким же уважением, как к призванию священника, и считают его дающимся от Бога. И потому неудивительно, что Целители обучаются, в основном, при духовных орденах, таких, как орден святого Гавриила.

Но, кроме этой школы в аббатстве св. Неота, где учился Райс, есть и другие: гораздо более светская и практическая школа варнаритов в Грекоте, которую посещал Тавис О'Нилл (впоследствии Целитель принца Джавана), и еще одна школа Целителей, даже более элитарная, чем в аббатстве св. Неота, и, по-видимому, тоже с религиозной ориентацией, как при ордене святого Гавриила, где получил образование отец Эмрис. (Я лично подозреваю, что этот последний имел какое-то отношение к тому таинственному черно-белому кубическому алтарю, который нашли под Грекотой Камбер и Джорем.) Когда в последующих книгах Морган и Дункан начнут изучать внезапно открывшийся у них целительский потенциал, мы, конечно, узнаем о Целителях и об их обучении несколько больше. (То, что Джебедия использует несколько другую словесную формулу для обращения к Сторонам Света, наводит на мысль о том, что не только у Целителей Дерини существуют разные традиции обучения.)

Рассказ *«Песнь Целителя»* дает нам, помимо понимания этики Целителей, еще и некоторое, не менее важное, представление о существовании несколько иного вида ритуалов, чем те, которые обычно используют Дерини — это скорее религиозные обряды, нежели традиционные магические действия, весьма отличающиеся от ритуалов передачи силы у принцев династии Халдейнов и от выстраивания различных магических защит, и от всего остального. Они не совсем христианские, хотя христианские священники — Джорем и Камбер-Элистер — ничего не имеют против, и Камбер даже совершает во время ритуала таинство крещения. Суть же в том, что этот обряд

Дерини — весьма древний, старше, может быть, чем само христианство. И это говорит об определенной универсальности взглядов Дерини на мир — *всепринятии* в широком смысле, если хотите — а это что-то да значит для каждого человека, который когда-либо задумывался о своих взаимоотношениях с Созидающей Силой, сущность которой мы обычно называем Богом.

И, наконец, рассказ *«Песнь Целителя»* раскрывает для нас самые глубинные личные отношения Райса и Ивейн, не просто мужа и жены, но еще и магических партнеров, — и позволяет представить хотя бы отчасти богатство их физического, ментального и духовного взаимопроникновения. Каждому дано испытать подобную радость в отношениях с тем, кого он любит.

Третьи роды у Ивейн прошли гораздо легче, подумал Райс Турин, размешав поссет, заваренный на травах, и повернулся к своей жене, которая вместе с новорожденным сыном лежала в другом конце комнаты. Райс был Целителем, но как пройдут роды и он не мог знать, поскольку оба они с женой чуть ли не с момента зачатия чувствовали, что этот ребенок, в отличие от родившихся ранее сына и дочери, тоже будет Целителем. Во время беременности Ивейн часто ощущала в своем сознании пульсацию развивающегося дара ребенка. Порой ей даже нельзя было присутствовать, когда Райс занимался Исцелением. Боль пациентов тревожила плод и ее самое.

Но за пару недель до родов все затихло, и дару предназначено было дремать еще несколько лет. Ивейн посмотрела на мужа, который подошел к ней и наклонился над кроватью, протягивая чашу душистого вина, и улыбнулась. У груди ее покоилась рыжеватая головка сына, жадно, с причмокиваньем сосавшего молоко.

— Он уж точно твой сын, — тихо сказала Ивейн. Озорно стрельнув в Райса своими голубыми глазами, она взяла у него чашу и сделала глоток вина. — Если тебе мало, что у него дар Целителя — у него еще твои волосы, твой рот, твои руки...

Райс ответил ей такой же лукавой улыбкой, поняв и тот смысл, что был скрыт за ее словами, потом нагнулся и поцеловал вторую, невостребованную младенцем грудь, а далее внимание его привлекли губы, чуть влажные от вина. Обняв жену, он прильнул губами к ее рту, нежно, но настойчиво, объял ее и своим разумом, и обоих захлестнула теплая волна спокойной радости, слившегося воедино его и ее удовлетворения. Чутье Целителя отметило легкий трепет женского лона, сокращение мышц, которое следует за появлением на свет ребенка, и Райс осторожно прилег на кровать рядом с женой, мимолетно приласкав ребенка, положил руку ей на живот и откинулся на подушки.

«Теперь тебе надо отдыхать, любовь моя», — мысленно прошептал он.

Она довольно вздохнула и вскоре заснула в его объятиях.

Так они и лежали — Ивейн и ребенок спокойно спали в тепле его рук, а сам Райс предавался дремотному созерцанию, — когда послышался тихий стук в дверь. Он знал, кто должен прийти, и, получив

утвердительный ответ на свой мысленный вопрос, так же мысленно сказал: «Добро пожаловать!»

Трое мужчин, которые, улыбаясь, появились вслед за тем в дверях, все принадлежали к полувоенному ордену святого Михаила — они были подпоясаны белыми рыцарскими кушаками и при мечах. Двое носили синие орденские мантии, а третий и самый старший из них облачен был в пурпурную мантию епископа. Райс тоже улыбнулся им и частью своего сознания Целителя быстро оградил мысленным щитом спящую Ивейн, дабы ее ничто не потревожило. Гости приблизились к кровати, Райс свободной рукой взял руку старшего и коснулся поцелуем аметистового перстня. Мысленно он воскликнул: «Камбер!», но вслух произнес другое имя — по привычке и потому, что дверь в это время закрывал слуга.

— Как поживаете, епископ Элистер? — спросил он, пожимая руки остальным гостям.

Камбер Мак-Рори, которого все знали теперь как епископа Элистера Келлена, смотрел в это время с нежностью на свою спящую дочь и внука, затем погладил пушистую головку новорожденного и отвернулся, чтобы присесть на табурет, поднесенный одним из сопровождающих.

— Весьма недурно для старика, — Камбер усмехнулся, ибо, хотя ему было шестьдесят восемь лет, он не чувствовал себя и не выглядел даже на шестьдесят, сколько было тому человеку, обличье которого он носил. И он знал, что Райс это знает. — Надеюсь, и мать, и дитя благополучны?

— Да, отдыхают, как видите. Джорем, Джебедия, а вы как?

Джорем, по виду явно брат спящей женщины, только на несколько лет старше, пригладил растрепавшиеся от ветра светлые волосы и улыбнулся.

— Не знаю, как Джеб, а я чувствую, что стал старше. Ведь я становлюсь дядей уже в пятый раз, как тебе известно.

Райс засмеялся.

— Отцом ты не стал, зато ты — *святой отец*, — шутливо сказал он. — Вам, священникам, не на что жаловаться. Джебедию тоже никто *не заставлял* выбрать холостяцкую жизнь рыцаря духовного ордена.

— Так я об этом и не жалею, — ухмыльнулся Джебедия, сложив на груди руки. — Всякое призвание чем-то да вознаграждается.

Все засмеялись, поскольку эти четыре человека обладали в королевстве Гвиннед, пожалуй, большей властью, чем кто бы то ни было, даже и сам король. Камбер, как Элистер Келлен, был канцлером Гвиннедским, а еще — епископом северной епархии Грекота, весьма значительной. Прежде он был главным викарием ордена святого Михаила. Джорем Мак-Рори, сын Камбера и рыцарь-священник этого ордена, исполнял обязанности доверенного секретаря и помощника канцлера-епископа — и имел куда большее влияние, нежели подразумевала эта должность. Граф Джебедия Алькарский, Великий Магистр могущественных рыцарей святого Михаила, был маршалом и командовал всей армией Гвиннеда. Райс же был официальным Целителем Короны Гвиннеда и отвечал за здоровье трех юных наследников престола и самого короля.

Но сегодня Райса не интересовала никакая светская или духовная власть, он думал только о Целительстве. Ибо его жена, дочь Камбера и сестра Джоре-

ма, произвела на свет будущего Целителя — настолько редкий случай среди представителей магической расы Дерини, к которым они все принадлежали, что при обнаружении у ребенка дара проводился специальный ритуал.

По этой-то причине и явились в Шиил, поместье Райса и Ивейн близ столицы, три эти очень занятых и влиятельных человека — их привело не только желание увидеть нового члена семьи Камбера и поздравить родителей. Ночью Райс собирался по всем правилам и в согласии с обычаями Дерини посвятить своего новорожденного сына в Целители. А при сем обряде должны были присутствовать близкие родителей и ребенка.

Ивейн проснулась через несколько часов после того, как стемнело, приняла поздравления отца, брата и друга, а затем все поужинали, и пока она кормила ребенка, мужчины занялись необходимыми приготовлениями. То была ночь Праздника Урожая, первая ночь августа, и Джебедия привез из аббатства святого Неота испеченный утром хлеб, дабы преломить его в честь праздника. Керамическое блюдо с этим хлебом поставили в центре покрытого белой скатертью стола посреди комнаты — то было самое лучшее подношение для предстоявшего посвящения, ибо в монастыре святого Неота учились многие из знаменитых Целителей. На стол был поставлен также кубок вина, не столь, правда, благородного происхождения, и чаши с водой, солью и елеем — во время церемонии дед собирался окрестить внука. Епископ возложил на плечи белую епитрахиль и подошел к мужчинам, вставшим в центре комнаты.

— Стены здесь защищены постоянными чарами, и круг нам выстраивать не обязательно, но я все-та-

ки пройду его на всякий случай, — сказал Райс и, надев зеленый плащ Целителя, застегнул его у горла. — Джебедия, тебя я попрошу встать на восточной стороне. Отец, Джорем, вы, как всегда, — на южной и северной...

Все прошли на предложенные места, остановились в нескольких ярдах от стены и повернулись лицом внутрь круга, и свет свечей, стоявших на полу вдоль стен, озарил ореолом три внушительные, вселяющие доверие фигуры — две синих мантии, одна пурпурная. Ивейн же села на стул у западной стены, и с ребенком на руках, освещенная сзади свечой, казалась мадонной в золотом ореоле.

Успокоив предварительно разум, Райс двинулся не торопясь к Джебедии и, остановившись между ним и свечой, поднял обе руки на высоту груди и обратил их ладонями наружу. Застыл так на мгновение, пока энергия струилась меж его пальцев, сверкая и потрескивая, выстраиваясь в надежную защиту; затем прикрыл глаза и пошел вдоль стены, стараясь ее не касаться. Двое других мужчин склоняли голову, когда он проходил у них за спиной, видя внутренним взором невидимый поток энергии, остававшийся позади него и выглядевший для них как полоса зеленого огня.

Райс, завершив круг, вновь оказался за спиной Джебедии, медленно вытянул руки в другую сторону и, запрокинув голову, глубоко вдохнул энергию, вызванную им к жизни. Невидимый свет вспыхнул над головами присутствующих. Райс опустил руки и вернулся в круг, по пути дружески коснувшись плеча Джебедии. Пока он обходил комнату, Ивейн успела выйти в центр круга, и теперь она передала ему сына.

Распущенные волосы ее, схваченные вокруг лба тонким шнурком, падали на плечи сверкающим потоком расплавленного золота. И нервным трепетом отозвалось во всем существе Райса прикосновение ее рук, когда она передавала ему ребенка. Он вздрогнул, свободной рукой поймал ее руку и крепко прижал к своей груди; взгляды их встретились, и два разума слились в столь пылком порыве, что энергию их взаимодействия успели ощутить все, кто был в комнате, прежде чем Райс вспомнил, что они здесь не одни. Он уловил долетевший от Камбера снисходительный и веселый импульс и, несколько поумерив силу своих чувств, но ничуть не смущенный, поднес руку жены к губам.

«Боже, как я люблю тебя! — мысленно сказал он Ивейн, не боясь, что его услышат другие. — И благодарю за сына.»

Она не ответила ему ни словом, ни мыслью. Только улыбнулась, потянулась к нему, не отнимая руки, и поцеловала в губы. Затем чуть отодвинулась и, обойдя его кругом, встала сзади, но связь между ними по-прежнему сохранялась, словно горящее в очаге ровное пламя. Все повернулись лицом на восток. И хотя жена больше не касалась его, Райс чувствовал, что руки ее обнимают его, охватывают словно крылья, согревая и защищая. Она начала произносить хорошо знакомые слова первого призыва, и голос ее зазвучал чуть ниже, чем обычно.

— Вне времени и вне пространства земного находимся мы. По завету предков сошлись мы и стали единым целым.

Райс благоговейно склонил голову и сосредоточился на безмолвии внутри себя, легко касаясь губами рыжеватого пушка на головке сына.

— Во имя Твоих Благословенных Апостолов Матфея, Марка, Луки и Иоанна; во имя Праведных Ангелов; во имя Сил Света и Тени просим мы, спаси и сохрани нас от всех опасностей, о Всевышний, — продолжала она. — Отныне, и присно, и во веки веков. Per omnia saecula saeculorum.

— Аминь, — дружно выдохнули все, осеняя себя крестом.

Райс поднял голову, когда Ивейн вышла из-за его спины, и, обменявшись улыбками, они вдвоем приблизились к Джебедии под внимательными взглядами остальных. Рыцарь слегка поклонился и, пропустив их справа от себя, повернулся лицом к чуть заметно мерцавшей защитным полем стене. Затем обратился к Райсу с вопросом:

— Вы не будете возражать, если я прочту свой призыв? Ему научил меня отец, и он немного отличается от традиционного.

— Почтем за честь, — ответил Райс за обоих с легким поклоном, ибо, даже не глядя на Ивейн, знал, что она согласна.

Джебедия улыбнулся, заложил руки за пояс, выпрямился и начал читать призыв, обращенный к стражу востока.

— Благословен будь, Святой Рафаил-Исцелитель, Господин Ветров и Бурь, Князь Воздуха, Охранитель Востока! Пред тобою предстают ныне слуги твои, Райс и Ивейн, дабы посвятить сына своего, рожденного Целителем!

Райс поднял сына, подержал мгновение над головою крошечный сверток, после чего все трое низко поклонились. И перед тем, как пойти далее, к южной стене, Ивейн тронула рыцаря за плечо кончиками пальцев.

— Благодарю, Джеб. Это было прекрасно.

Затем они подошли к Джорему, встретившему их довольной улыбкой.

— Я последую примеру Джебедии, если не возражаете, — сказал он. И, когда они встали справа от него, он обнажил меч, поцеловал рукоять в виде креста и поднял клинок, указуя на юг.

— Благословен будь, Святой Михаил-Защитник, кто победил Змия, Хранитель Врат Эдема, Князь Огня, Охранитель Юга! Пред тобою предстают ныне слуги твои, Райс и Ивейн, дабы посвятить сына своего, рожденного Целителем!

И опять Райс поднял на миг ребенка, все поклонились, и Джорем, опустив меч в знак окончания призыва, вложил его в ножны. Прежде чем отступить и дать им пройти, он поцеловал своего маленького племянника в лоб и благословил его. Ивейн нежно обняла его за талию, поцеловала в губы, и Райс ощущал эти объятия и поцелуй так, словно на месте Джорема был он сам. Затем они подошли к западной стене, где сидела прежде Ивейн. Она склонила голову, собираясь с мыслями, и приветственно вскинула руки.

— Благословен будь, Святой Гавриил, Вестник Небес, Князь Воды и Охранитель Запада, кто принес радостную весть Нашей Благословенной Госпоже! Пред тобою предстают ныне слуги твои, Райс и Ивейн, дабы посвятить сына своего, рожденного Целителем!

Райс поклонился, но дитя вверх не поднял.

— Ради матери этого ребенка вверяю я его также под защиту Госпожи Нашей, — сказал он мягко, глядя Ивейн в глаза. — Ибо Целительский дар — это дар милосердия и сострадания, а не только физического

исцеления, и сердцу Царицы Небес любо и то, и другое.

Затем он в третий раз поднял сына, и, когда они поклонились, рука Ивейн коснулась крошечной ручки сына, и нежность ее слилась воедино с нежностью Райса. И наконец они подошли к Камберу.

Внешность его была иной, чем у отца Ивейн, ибо вот уже почти десять лет он носил чужое обличье ради спасения короля и королевства; и даже здесь, в этом священном круге, слишком опасно было скидывать его, покуда в том не было великой нужды. С годами они привыкли к этому, как к необходимой предосторожности. И по сравнению с другими жертвами эта была не так уж и велика.

Ведь любовь, которой светилось чужое лицо, которая согревала сердца этих троих людей, была подлинной. Да и внешность Элистера Келлена давно стала для них привычной. Элистер, чье тело лежало в тайном склепе глубоко под землей, был теперь частью Камбера.

— Благословен будь, Святой Уриил, Властитель Смерти, которая никого не минует, — негромко начал Камбер, с достоинством, которое даровал ему возраст, а может, и неоднократные встречи с Темным Ангелом, и отсутствие страха перед чем бы то ни было.

— О, ты, кто владеет тропами лесными и всей сушей земной, Князь Земли, Охранитель Севера! — рука Камбера легла на плечо Райса, и тот почувствовал, как заструилась через него витальная энергия, перетекая к Ивейн. — Пред тобой предстают ныне слуги твои, Райс и Ивейн, и мои дорогие дети... — Камбер перевел взгляд на личико ребенка, — дабы посвятить сына своего, рожденного Целителем!

Свет неизменной любви Камбера словно следовал за Райсом и Ивейн, когда те, поклонившись, вновь подошли к Джебедии, чтобы замкнуть круг. После чего все собрались в центре комнаты, и Камбер, чья белая епитрахиль так и светилась в магическом поле, приступил к таинству крещения.

Райс передал сына Джорему и отступил в сторону, предоставив свершение этого обряда святым отцам. Часть сознания его готовилась к дальнейшему — ибо суть этого ночного бдения была еще впереди — другая же часть с бесстрастным интересом следила за происходящим. Ивейн присела на стул, он опустил руки ей на плечи, но был сейчас слишком сосредоточен на своих мыслях, чтобы испытывать к ней физическое влечение. Откинув голову, Ивейн прислонилась к его груди, однако он знал, что она чувствует, как он постепенно отдаляется от нее в ту область, что доступна только Целителю. Тем временем ее отец помазал головку ребенка елеем, коснулся его язычка солью, спрыснул водой и нарек ему имя Тиег Джорем, «... in nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti, Amen.»

Когда обряд подошел к концу, ребенка снова положили на руки Райсу, и все отступили на несколько шагов. Ивейн, доверчиво глядя на него, подалась в ожидании вперед.

Наступила тишина, особенно глубокая в этой защищенной со всех сторон комнате, и Райс прислонил голову к головке сына. Погрузившись в транс Целителя, он осторожно прикоснулся своим разумом к сознанию ребенка. Возникла хрупкая связь, и ребенок вздрогнул во сне, когда встретились и слились на мгновение в невообразимой гармонии воедино два целительских потенциала.

Мысли Райса перескочили через годы назад, вернулись к прекрасным дням его ученичества среди монахов ордена святого Гавриила, и как наяву он услышал снова «Credo» своих учителей-Целителей. Сам Райс, не имея сильного голоса, в церковном хоре не пел, но слова помнил до сих пор. Когда-нибудь маленький Тиег еще услышит этот гимн во всей его красоте и познает всю тяжесть священного бремени, предназначенного ему; но сегодня хватит и одного голоса Райса.

Он прижал сына к сердцу и запел, и его густой баритон постепенно начал обретать силу и звучность. «Adsum, Domine: Me gratiam corpora hominum sanare concessisti...»

Узри меня, Господи:
По милости Твоей исцеляю я плоть человеков.
Узри меня, Господи:
С благословения Твоего прозреваю я души.
Узри меня, Господи:
Силою Твоею властен я над сердцами.
Не оставь, Господи, меня,
ниспошли силу и мудрость
Лишь по зову Твоему
служить Тебе дарами Твоими...

Это был старинный гимн Adsum Domine, включавший в себя сущность этических заповедей, которыми руководствовались все Целители, как миряне, так и священники, чуть ли не с тех самых пор, как Целители вообще появились среди Дерини. Друзья смотрели на Райса с удивлением, хотя, сознавал он, для них слова гимна, который он пел, не имели и малой доли той значимости, какой обладали они для Целителя — и так много теряли сейчас из-за того, что

он пел один, без поддержки хора! Когда этот гимн пели Целители-монахи, гармония их голосов задевала самые потайные струны души всякого Целителя. И эти струны трепетали сейчас в памяти Райса, и прежняя эйфория охватила его, когда он допел вступительную часть и перешел к антифону. «Dominus lucis me dixit, Ecce...»

И сказал мне Господь Пресветлый: смотри,
Я избрал тебя, чадо Мое, человекам в дар.
Душу твою до того, как зачали тебя, прежде даже, чем солнце зажглось,
Я отметил печатью Моей до скончанья времен.
Ты — Моя Исцеляющая рука,
Мощь Моя, коей Я возвращаю жизнь.
Через Меня познаешь ты дух Исцеляющих сил,
Темные тайны земли, лесов и долин.
Через дары Мои познаешь ты любовь,
Кою питаю к тебе: облегчай же боль
И человека, и зверя. Огнем души
Всякую порчу сжигай,
страданье развеивай сном.
И тайны Мои в сердце твоем храни,
ибо они — святыня, доверенная тебе.
Тайны же сердца другого не вызнавай,
Если он сам для тебя не откроет души.
Да будут руки твои чисты — исцеляй,
Да будет чиста душа —
прикоснись и даруй покой...

Все слушали Райса как завороженные; и, когда он, перед тем как перейти к последнему антифону, опустился на колени, он ощутил эту завороженность и благоговение, которое вызывали у его друзей сила, заключенная в песне, глубина и необъятность вселенной, подвластной Райсу, — и той великой ответственности, которую возлагала эта вселенная на его плечи.

На вытянутых руках он поднял сына, и песня его зазвучала как молитва. Ивейн словно оказалась ря-

дом с ним, у локтя, хотя и не вставала со своего места. Сердца и разумы их слились, и нежный голос ее присоединился к его голосу, вначале робко, потом все смелее. «Adsum domine...»

Узри меня, Господи:
Все дары мои — у ног Твоих.
Узри меня, Господи:
Всего сущего Ты Творец,
Безраздельно правишь Ты Светом и Тьмою,
Жизни Податель и Дар Жизни — все это Ты.
Узри меня, Господи:
Предан я всецело воле Твоей.
Узри меня, Господи:
Жизнь моя — служение Тебе,
власть моя над плотию и духом — от Тебя.
Веди же, Господи, меня и сохрани
от всякого искушения,
Дабы с честию Тебе служил и не уронил Дара
своего...

Он умолк, и благоговейная тишина окружила его. По щекам его заструились слезы смирения, ибо он явственно ощутил, что Небесная Благодать осенила этот священный круг, улыбнувшись его сыну, и, стоя на коленях, он благодарно поклонился. Затем медленно поднял голову и, оглядевшись, увидал, что все друзья его стоят на коленях, погруженные в глубокую задумчивость.

Только Ивейн смотрела на него блестящими от слез глазами, и он, поднявшись на ноги, бережно передал ей сына. Только Ивейн, подумал он, поняла, что сейчас произошло, как понял это он сам.

Опустившись на одно колено, он обвил рукою ее талию, прижался головой к ее плечу и с нежностью посмотрел на сына, Тиега Джорема, который однажды станет Целителем.

Призвание

24 декабря 977 г.

Действие в этом рассказе происходит в шестидесятую годовщину разрушения монастыря св. Неота, в его развалинах. Все шестьдесят лет продолжались начавшиеся этим разрушением преследования Дерини. Дерини перестали быть хозяевами Гвиннеда. Близился конец царствования короля Утера Халдейна, внука Синхила Халдейна, который вернулся на трон при помощи Камбера и его родственников; отец же Утера, Райс-Майкл Халдейн, с юных лет находился под влиянием настроенного против Дерини алчного Регентского Совета.

За эти годы всякое участие Дерини в управлении королевством постепенно прекратилось, а религиозные санкции, принимаемые Рамосским Собором, окончательно превратили принадлежность к расе Дерини в несмываемое клеймо — вначале ограничения предпринимались против власти Дерини вообще и магической власти в частности, но очень скоро приобрели нравственное обоснование, ибо церковь стала видеть в Дерини носителей и распространителей зла. Под вопросом оказалось само продолжение существования этой расы после того, как принятые Рамосским Собором законы имели силу на протяжении трех-четырех поколений. Епископские три-

буналы отправляли Дерини на костер; а светские лорды, владевшие правом высокого правосудия, вольны были поступать с ними как заблагорассудится.

Джилре д'Эйриал — не Дерини, но он много слышал о них. Времена власти Дерини еще не стали столь далеким прошлым, чтобы умерли все те, кто еще помнил о них и мог рассказать, как это было, но очевидцев тем не менее становилось все меньше, и с каждым годом воспоминания их обрастали все более цветистыми подробностями и превращались в легенды. Жизнь Джилре до поры до времени была вполне типичной для представителей рыцарского сословия, ибо он должен был после смерти отца унаследовать титул барона д'Эйриала. (Титул этот наводит на мысль, что сэр Радульф д'Эйриал, отец Джилре, мог заполучить в свое время одно из имений, ранее принадлежавших Дерини или тем, кто им сочувствовал, ибо в Верхнем Эйриале в свое время находилась штаб-квартира Ордена святого Михаила, пока монахов этого ордена не изгнали из Гвиннеда.)

Но Джилре не хочет становиться бароном д'Эйриалом — хотя и вынужден подчиняться велению долга, пока неумолимая судьба не лишит его и этого выбора. Он обречен, и последнее, чего он может ожидать, выехав из дому в этот солнечный декабрьский день, так это того, что чудом вновь обретет возможность выбора.

Если вдруг имя Симон покажется вам смутно знакомым, вспомните поездку Камбера в монастырь Св. Неота и молодого послушника-Целителя, который изучает процессы, происходящие в его собственном теле.

Было холодно и безветренно, когда Джилре, обреченный молодой наследник д'Эйриалов, остановил кобылу на вершине холма и оглянулся на дорогу, по которой ехал. Зимнее солнце достигло своего зенита, и от всадника с лошадью падала на нетронутый снег причудливая кургузая тень, но от того места, где юноша свернул с главной дороги, к холму тянулась четкая цепочка следов. Мало кто осмелился бы последовать сюда за ним, ибо путь его лежал к развалинам, в которых, как считали многие, водились привидения, но уж Капрус последует точно и разыщет его без труда. Капрус считал прямо-таки своей обязанностью всегда знать, где его старший брат, поскольку мать с рождения приучила его следить, не сделает ли Джилре какой оплошности, которая могла бы лишить его благосклонности отца и обратить эту благосклонность на сына от второго брака. Знал бы Капрус, сколь мало нужен титул его предполагаемому сопернику — и сколь мало времени остается до того, как титул этот перейдет к следующему наследнику: от брата к брату!

Но до смертного часа Джилре оставался еще не один месяц. А отец их уже умирал, и юноша не мог больше смотреть на его агонию. Хоть несколько часов могут Капрус и его мать посидеть возле умирающего без него; его не хватятся, пока старик не умрет. И пока Капрус не явится за ним, у Джилре есть время еще раз проверить свои желания и прийти к какому-то твердому решению. Здесь, в Лендорских предгорьях, хотя бы чистый воздух. В душной комнате больного отца он не мог больше выдержать ни минуты.

Джилре вздохнул, и в морозном воздухе повисло облачко пара, затем тронул каблуками бока лошади и пустил ее вперед, позволив ей самой выбирать дорогу и не сводя глаз с замаячивших впереди руин. Суровые местные зимы и более пятидесяти лет запустения довершили распад, начало коему положили разрушение монастыря и изгнание его обитателей. Окрестные арендаторы тоже немало поспособствовали процессу, соблазнившись голубым тесаным камнем, из которого получались добротные стены, очаги и овечьи загоны, и даже боязнь привидений не останавливала расхитителей. Местами от наружных стен не оставалось уже ничего, кроме фундамента.

О привидениях Джилре вспомнил, когда кобыла пробиралась осторожно по заваленному обледенелыми обломками внутреннему двору и шарахнулась от выскочившего из какого-то укрытия кролика. По его мнению, место это неминуемо должно было порождать подобные страхи. Ведь когда-то монастырь был оплотом запрещенной магии. Здесь царило колдовство Дерини — колдовство, которое церковь осудила как зло, предав анафеме тех, кто его практиковал. Смертный приговор угрожал каждому Дерини, если только тот не отрекался от своих порожденных адом сил и не проводил всю оставшуюся жизнь в смирении и покаянии. И не имело значения, что здесь в монастыре обитали, по слухам, только целители и учителя целителей, ибо исцеляли они при помощи своих нечистых сил и, следовательно, при помощи Сатаны — так, во всяком случае, учили священники. Разрушители монастыря, рьяные посланцы регентов молодого короля, убили всех до единого монахов и заодно их учеников, осквернив пролитием крови

святое место, осквернив злодейским убийством сам алтарь.

И злодеяния их этим не ограничились. Словно мало было убийств, мало было награбленного монастырского добра, они еще методично разрушили все, что не могли унести — разбили стекла, уничтожили чудесную резьбу по дереву, украшавшую алтарные завесы, сиденья для хора и дверные косяки, даже на камне оставив следы своих мечей и топоров, а потом запалили огонь. Пищей огню послужили редчайшие рукописи — среди еретических писаний Дерини были и памятники человеческого искусства, — а затем дубовые балки и тростник крыш. Пожар догорел через два дня, и тогда при помощи лошадей и веревок люди растащили все, что уцелело. Сегодня, спустя более чем полвека, лишь несколько стен поднимались выше холки лошади Джилре. После всего этого ничего удивительного не было в том, что местные побаивались призраков.

Джилре, разумеется, не встречал здесь ни одного привидения. Дерини во плоти он тоже никогда не встречал, правда, в этом он уверен не был, поскольку священники уверяли, что колдуны эти хитры и могут провести любого. Священники уверяли, что следует избегать даже мест, где когда-то обитали Дерини, — в детстве Джилре никак не мог понять, почему; да и теперь личный опыт говорил ему, что конкретно к этому месту их предупреждения отношения иметь не могут. Здесь уж точно не было зла. А что касается привидений...

Ох, уж эти привидения! Джилре миновал развалины сторожки у бывших ворот и направил кобылу к руинам подвала, над которым возвышались когда-то спальни монахов и учеников. Ему вспомнился

разговор, который завел он однажды со старым Симоном об этих пресловутых привидениях, — и тот насмешливый снисходительный взгляд, которым ответил ему старик.

Конечно, кому было и знать! Старик жил в этих развалинах, когда еще отец Джилре был мальчишкой. Если тут и водились привидения, Симона они не беспокоили — как и Джилре.

Однако не вовремя обратился он мыслями к былым временам вместо того, чтобы следить за дорогой. Джилре не приезжал сюда с тех пор, как с ним произошло несчастье, и забыл то, о чем помнила кобыла — неожиданно для него она скакнула вниз, на дно бывшего погреба. Не так это было и глубоко, всего-то по брюхо лошади, но Джилре прыжок застал врасплох, и, пытаясь удержаться, юноша непроизвольно напряг правую руку. Он чуть не выпал в результате из седла. Руку от запястья до плеча пронзила столь сильная боль, что он едва не потерял сознание.

Остаток пути он проделал, растеряв все мысли, опустив голову в подбитой мехом шапке на грудь и держа бесполезную правую руку под кожаной курткой для верховой езды, чтобы уберечь ее от толчков. Добравшись до ниши, которую обычно использовал в качестве стойла, спешился он без особого труда; но когда попытался ослабить подпругу, оказалось, что сделать это одной левой рукой невозможно. Сдержав слезы гнева и разочарования, он похлопал кобылу по шее и, оставив ее как есть, начал карабкаться по занесенным снегом булыжникам во двор монастыря. При этом меч его, подвешенный весьма неудобно ближе к правому боку, нещадно путался в ногах, и несколько раз он чуть не упал, споткнувшись,

отчего жаркие слезы снова выступили на глазах, как ни старался он с ними справиться. Но когда он выбрался на ровное, освещенное солнцем место, где идти было легко, горечь отступила.

Все здесь навевало приятные воспоминания. В детстве он частенько незаметно ускользал сюда поиграть, представлял себе, что разрушенная церковь цела, и был счастлив, ни на мгновение не подозревая, что у него будет отнят всякий выбор прежде, чем он успеет его сделать.

Он уже тогда страстно мечтал стать священником. Игры его отражали его мечты — он *был* священник, и служил мессу с желудевой чашечкой вместо потира и дубовым листком вместо дискоса. Однажды он рискнул рассказать об этом старому священнику, своему домашнему учителю, и спросил, возможно ли ему стать когда-нибудь священником, но старик разворчался, прочел ему целую проповедь и назначил суровую епитимью — не только за кощунственные игры, но даже и за сами мечты о духовном сане, ведь он был старшим сыном лорда. В священники могли идти младшие сыновья знатных родов, но уж никак не наследники. В довершение ко всему отец Эрдик нарушил тайну исповеди и рассказал обо всем его отцу.

Отец отреагировал, как и следовало ожидать, весьма сурово: по голому заду Джилре щедро прогулялись березовые розги, а потом он просидел взаперти неделю на воде и хлебе. Нескоро удалось ему снова выбраться из дому без присмотра, и никогда больше не доверялся он нарушившему обет священнику. Но свои богослужения с желудями и листьями все-таки не забросил, хотя с возрастом осознал, конечно, всю

несерьезность этих игр, и они прекратились сами собою, сохранившись только в памяти.

Вспомнив те времена, Джилре улыбнулся невольно, дивясь своей тогдашней невинности и наивности. Сейчас ему уже двадцать лет. Он по-прежнему наследник и вот-вот станет бароном д'Эйриал. На прошлую пасху его посвятил в рыцари сам король Утер, который, зная об ожидающем его наследстве, называл его Верным и Возлюбленным Другом. Любой на его месте был бы счастлив; но все, чего хотел Джилре д'Эйриал на самом деле, это стать священником.

Улыбка его угасла, и, развернувшись, он медленно, тщательно выбирая путь среди обугленных балок и обломков камней, побрел через двор к тому, что осталось от часовни. Кое-где на снегу валялись свежие овечьи катышки, свидетельствуя о том, что какие-то живые существа здесь бывают, но человеческих следов не было видно. Джилре, размахивая здоровой рукой, чтобы удержать равновесие, поднялся по разбитым обледенелым ступеням и остановился в широком, предназначавшемся для процессий дверном проеме, разглядывая южный трансепт, средокрестие и восточный неф. Среди развалин паслась та самая овца, пощипывая лишайник и побитую морозом траву.

Джилре снял шапку, поскольку для него это место было по-прежнему святым, и двинулся по трансепту к хорам, вновь задумавшись о прошлом монастыря. Говорили, что разрушили его в тот год, когда умер добрый король Синхил — в год, когда епископы осудили и предали анафеме всю расу Дерини, позволив богобоязненным гражданам преследовать их и даже убивать. Произошло это в сочельник — Джил-

ре прикинул в уме и понял, что именно *сегодня* исполняется полных шестьдесят лет со дня разрушения монастыря..

В этот момент солнце скрылось за облаками, тень накрыла Джилре и разрушенный проход к хорам, и юноша вздрогнул. Сидя все последние дни в угнетающей атмосфере комнаты, где умирал отец, он и забыл, что нынче сочельник. Считается, что именно в годовщину ужасных событий предпочитают являться гости из потустороннего мира — а какое место подходит для их посещения больше, чем осквернённый убийством алтарь?

Его слегка зазнобило, и не от холода, и Джилре нервно глянул в сторону осквернённого алтаря. Выпавший ночью снег украсил его новыми завесами, скрыл огромные трещины в освященной когда-то плите, но иллюзия целости развеялась, как только снова выглянуло солнце. Разбитые края алтаря слишком ярко свидетельствовали о злобе и ненависти разрушителей, и Джилре вдруг захотелось, словно защищаясь, осенить себя крестом — но бездействующая правая рука помешала.

Разозлясь и на беспомощность свою, и на суеверное чувство, которое заставило о ней вспомнить, он бросился вперед, к хорам, оступился в снегу, и меч ударил его по боку. Но у подножия алтарных ступеней вся напускная бодрость оставила его окончательно. Задохнувшись, он упал на колени на нижней ступени и прикрыл лицо здоровой рукой.

Ему было отказано во всем. Когда-то у него был выбор, но не хватило духу настоять на своем; теперь же для него все пути были закрыты. Даже если рука отказала бы не из-за злокачественной опухоли, а просто была повреждена — все равно он не мог бы дер-

жать в ней меч и не мог бы стать священником. К кандидатам в священники церковь предъявляла свои определенные требования, и никогда не посвятили бы в сан человека, который не может удержать в руках, как должно, принадлежности богослужения.

Ничего не видя от слез, которые он больше не мог сдерживать, Джилре рванул завязки своего теплого плаща, стащил его с плеч и бросил мехом вниз на более-менее сухое место у ступеней. Затем рухнул на него ничком, не чувствуя ласки солнечных лучей на спине, ничего не чувствуя, кроме горя из-за своей утраты, и ничего не в силах делать, кроме как плакать, уткнувшись лбом в здоровую руку. Через какое-то время отчаяние его сменилось гневом — он дерзнул возмутиться против Бога, дерзнул воспротестовать против несправедливости того, что случилось с ним, и взмолился об отсрочке неминуемой смерти — но вскоре раскаялся в своей вспышке.

Что поделаешь! Если уж ему суждено умереть, так ничего и не совершив в своей жизни, он должен хотя бы *смертью своей* послужить к вящей славе Того, кому охотнее служил бы как-нибудь иначе. Прочитав короткую молитву, он признался, что боится того, что его ожидает, и попросил даровать ему силы принять предназначенное. Но и это не принесло утешения, и тогда он впал в горестное оцепенение и просто лежал, не думая ни о чем, а солнце слабо пригревало спину, и страх постепенно сменялся смирением.

Какое-то время под смеженными веками его играли только разноцветные пятна; но потом, с необыкновенной яркостью, какую ему редко приходилось видеть раньше, перед внутренним взором его начали возникать некие образы.

Вокруг него воздвиглись вновь стены монастыря, высокий, изукрашенный мозаикой купол вознесся над головою. Загорелись свечи, озаряя святилище, вновь покрыла резьба светлое дерево сидений для хора, на снежно-белых стенах заиграли розовые отблески рубиновой лампады над высоким алтарем.

В святилище молча, не торопясь входили люди — монахи в белых одеяниях с откинутыми на плечи капюшонами, с волосами, заплетенными в косу. Он видел, как процессия вливалась в двери и расходилась вокруг него двумя шеренгами, монахи занимали свои места на хорах. Затем, повернувшись к алтарю, они дружно поклонились и запели, и голоса их слились в столь совершенной гармонии, какой Джилре никогда не слыхал. Он разобрал только несколько первых слов, но душа его внезапно исполнилась невероятной жажды жизни.

«*Adsum domine...*» Вот я, Господи...

Эти слова произносил кандидат в священники, представая перед епископом, который посвятит его в сан... слова, которые Джилре никогда не произнесет.

Отчаяние накатило на него с новой силой, видение померкло, и Джилре с глухим рыданием перекатился на бок и сел, поддерживая ноющую руку. И тут заметил вдруг, что он уже не один; и развернулся резко, схватившись здоровой рукой за кинжал на поясе.

Но еще разворачиваясь, он понял, что незваный гость не желает ему зла, ибо в противном случае он мог быть убит уже несколько раз. А увидев старика, сидевшего на камне в нескольких футах от него, юноша успокоился окончательно. Смущенно улыбнувшись, он задвинул кинжал обратно в ножны и

выпрямился, быстро проведя по лицу левым рукавом, будто отбрасывая с глаз прядь волос. Овца должна была ему подсказать, кого он может здесь увидеть. Только бы старик не заметил, что он плакал.

— Симон! Ты меня напугал. Я думал, здесь никого нет.

— Я уйду, если хочешь, — отвечал тот.

— Нет. Не уходи.

— Вот и хорошо.

Никто не знал, кто такой старый Симон и откуда он взялся. Он уже был стар, когда в эти развалины прибегал поиграть мальчишкой отец Джилре. Он пас свою овцу, по весне продавал овечью шерсть; иногда приходил в городскую церковь послушать мессу. Симон-пастух, Симон-отшельник, Симон-святой человек, как считали некоторые. Джилре однажды случайно обнаружил, что Симон умеет читать и писать — искусство не из простых и среди крестьян практически не встречавшееся, особенно здесь, на Лендорском плоскогорье. Джилре самому пришлось побороться за эту привилегию, а ведь он был сыном лорда. Он не пытался расспрашивать, чтобы не испортить ненароком дружеских отношений, но порой ему казалось, что Симон не совсем тот человек, за которого себя выдает. Кем бы он ни был, для Джилре он всегда оставался другом.

Старик улыбнулся и кивнул, как будто знал, о чем сейчас думает юноша, и взгляд его голубых глаз был кроток и дружелюбен. Джилре молчал, и тогда Симон поднял одну белую бровь и тихонько поцокал языком.

— Ну, молодой хозяин Джилре, давненько же я тебя не видал. Что привело тебя на холмы в этот праздничный день? Вроде ты должен сейчас отмечать

сочельник в доме твоего отца и готовиться к встрече Рождества.

Джилре понурил голову. Похоже, старик не слыхал ни о болезни отца, ни о его собственном несчастье. Опухоль на внутренней стороне руки отчаянно задергало, когда он прижал руку к себе. И при мысли о том, что к его отцу и к нему самому неотвратимо приближается смерть, ему чуть не сделалось дурно.

— Не будет нынче праздника в Верхнем Эйриале, Симон, — тихо сказал он. — Мой отец умирает. Я... отлучился ненадолго.

— Понятно, — немного помолчав, сказал старик. — Ты уже ощущаешь бремя ответственности, которое скоро возляжет на тебя.

Джилре не ответил. Если бы все было так просто! Будь у него здоровы обе руки, думал он, отказался бы он от жизни лорда, от управления землями Эйриалов, от милостей короля — всего того, что навязывал ему отец. Будь у него здоровы обе руки, он отдал бы все это своему брату и поступил бы так, как жаждал все годы своей жизни. Но несчастный случай, и *это*... то, что поселилось и разрослось в его руке, лишили его всякого выбора.

Он нечаянно сжал руку чуть сильнее, словно пытаясь инстинктивно защититься от того, что его так пугало, вздрогнул и, как ни старался, не сумел скрыть от внимательных глаз Симона гримасу боли. Джилре посмотрел на старика с вызовом, словно подстрекая спросить, в чем дело, но тот уже повернулся к разрушенному алтарю, и лицо его ничего не выражало.

— Тяжело терять то, что любишь, — пробормотал Симон, как будто проверяя его. — И ответственность

нести тяжело, даже если человек ей рад. Если же он принимает на себя эту тяжесть волею обстоятельств, а не потому, что выбрал сам и с любовью, то нести ее становится еще трудней.

— Ты хочешь сказать, что я не люблю отца? — ошеломленно спросил Джилре после паузы.

Симон покачал головой.

— Нет, конечно. Я думаю, ты его очень любишь, как и подобает сыну любить отца. Будь это не так, ты не мучился бы сейчас над выбором, который должен сделать. Нам редко бывает *приятен* выбор, который ставится перед нами, но тем не менее мы обязаны выбирать.

Джилре проглотил комок в горле и опустил взгляд на волчий мех плаща, на котором сидел, машинально растирая онемевшую правую руку, чтобы согреть ее.

— Почему... почему ты решил, старик, что мне предстоит какой-то особенный выбор? — сказал он несколько агрессивно. — Мой отец умрет, я стану бароном д'Эйриал. Какой же тут выбор? Для этого я и рожден.

— По крови — да, — отвечал Симон. — Но по духу... сдается мне, что ты пришел в развалины монастыря в тот час, когда отец твой лежит при смерти, и простерся пред алтарем вовсе не потому, что ты вне себя от радости и предвкушаешь вступление в мирское твое наследство. Ты, конечно, искренне горюешь о своем отце, — добавил он, заметив изумленный взгляд Джилре. — Но я думаю, ты и сам не понимаешь, что привело тебя сюда и заставило плакать — здесь, в этих развалинах, перед алтарем, орошенным кровью многих святых людей.

Джилре вздохнул и снова удрученно опустил глаза. Кое-что Симон, конечно, понял. Нетрудно было догадаться. Как-то они беседовали, отвлеченно, правда, о достоинствах духовной жизни святых отцов. Симон никогда о себе не рассказывал, но было понятно, что когда-то, может быть, в раннем детстве ему случилось жить в монашеской общине. Видимо, там он и научился читать и писать.

— Это в любом случае не имеет значения, — пробормотал Джилре себе под нос. — Чисто теоретический вопрос. У меня больше нет выбора — только долг и ответственность, с которыми я буду справляться все хуже и хуже. Боже, лучше бы я умер поскорее!

Он не успел договорить эти горькие слова, как Симон вскочил на ноги и, мгновенно одолев разделявшие их несколько футов, схватил его за больную руку. Джилре громко вскрикнул. Но Симон уже встал рядом с ним на колени, задрал рукав, стянул перчатку и осторожно провел пальцами по распухшему запястью.

— Что это? — проворчал он, затем перевернул руку, увидел черное пятно на внутренней стороне и присвистнул. — Почему ты не сказал, что болен?

Джилре сглотнул, чувствуя себя загнанным в ловушку, и попытался отнять руку.

— Оставь меня. Пожалуйста. Какая тебе разница?

— Для тебя это может означать жизнь! — огрызнулся старик, и взгляд его приковал юношу к месту. — Как это началось?

— Я упал... упал с коня несколько месяцев назад, — против воли начал объяснять Джилре. — Думал сначала... что это просто скверное растяжение такое, но потом... появилась опухоль.

— Болит сильно?

Джилре наконец сумел отвести взгляд и, уставя в землю невидящие глаза, со вздохом кивнул.

— Скоро... я не смогу это больше скрывать, — с трудом вымолвил он. — Я не могу удержать меч, не могу...

Как ни старался он не думать о этом, но старая мечта вновь ожила в памяти: вот он в облачении священника, идет служба, он поднимает потир... Он затряс головой, чтобы прогнать видение.

Нет у него больше выбора. Никогда не сбудется мечта; он даже хорошим господином не сможет стать для своих подданных. Для него закрыты все двери. Пока не появилась эта чернота на руке, он не думал всерьез о смерти, но, наверное, ему действительно *лучше* умереть.

— Что еще ты не можешь делать? — мягко, но настойчиво спросил Симон. — Ведь есть что-то, чего ты *действительно* хочешь больше всего на свете?

— Наверно, я хочу другой судьбы, — прошептал Джилре и уткнулся головой в колени, не пытаясь больше отнять у Симона руку. — Я мог сделать это еще прошлой весной, когда был здоров и от меня зависело, какое решение я приму. Но сейчас у меня нет выбора. Я умру. Пока об этом никто не знает, кроме домашнего врача, но скоро узнают все, — он поднял полные слез глаза и посмотрел на больную руку. — Когда была возможность, мне не хватило храбрости последовать зову сердца — а теперь я даже воле отца не могу последовать и быть достойным правителем для его подданных, когда его не станет.

Он отрешенно уставился в пространство перед собой, но тихий вздох Симона вернул его к действительности.

— Я не могу помочь тебе принять решение, Джилре, зато могу помочь с рукой, — сказал старик. — Это будет больно, но опухоль расти перестанет.

Джилре сглотнул комок в горле, боясь дать волю надежде.

— Хотелось бы верить, но это невозможно, — с трудом выговорил он. — Джилберт сказал, опухоль вернется, и будет чем дальше, тем хуже. Можно отрезать руку — это поможет, *если* я выживу в результате — но что это даст? Я все равно не смогу вести ту жизнь, которую выбрал бы, будь мне это дано...

— Выбор есть всегда, сынок, — ответил Симон тихо, но так убедительно, что Джилре не удержался от того, чтобы снова посмотреть на него. — Если ты сейчас выберешь мою помощь, перед тобой может снова открыться тот выбор, которого ты так желаешь. Что ты теряешь?

И правда, что я *теряю*? — подумал Джилре, глядя старику в глаза и чувствуя легкое головокружение. И вслед за тем, словно его заставила действовать некая сила извне, он обнаружил вдруг, что вынимает левой рукой кинжал из ножен и протягивает его старику рукоятью вперед, а потом он встал, по знаку Симона снова накинул на плечи плащ и поднялся по алтарным ступеням.

— Садись сюда, — шепнул старик, подталкивая его в левую сторону.

Джилре, придерживая меч у правого бока, опустился на холодный мрамор, прислонился спиной к каменной плите и расправил плащ. С северной стороны алтаря намело снегу, и Симон, оттянув ему рукав, зарыл больную руку в сугроб для того, чтобы она онемела. Юноша не сопротивлялся. Солнце уже наполовину склонилось к закату — неужели прошло

столько времени? — но свет его, когда Джилре опустил голову на мраморную плиту, ударил прямо в глаза и заиграл золотыми отблесками на лезвии кинжала, которое Симон протирал в это время подолом своей на удивление чистой серой нижней рубашки.

От холода руку заломило еще сильней, чем от опухоли, и тогда Симон развернул ее внутренней стороной кверху и провел рукой по тому месту, которое надлежало вырезать.

— Не смотри на это, — сказал он и отвернул захолодавшими пальцами голову Джилре. — Смотри на закат, думай о чем-нибудь. Любуйся облаками. Вдруг ты прочтешь в них ответы на свои вопросы.

От прикосновения старика мозг Джилре словно онемел, как и его плоть, и юноше показалось, что он странным образом отделился от своего неподвижного тела. Когда Симон снова взялся за больную руку и приставил к ней лезвие, Джилре собрался с духом и глянул все-таки туда, где сталь взрезала край черного пятна, которое он так ненавидел и боялся. На снег брызнула алая кровь, над нею в морозном воздухе закурился парок, и Джилре, отведя глаза, уставился в небо. Через несколько мгновений глаза его закрылись, и он уснул.

И снова оказался в церкви, но теперь она выглядела меньше, чем та, что привиделась в первый раз, была не больше часовни, а Джилре стал участником событий, а не наблюдателем — он шел по узкому нефу вслед за несколькими, такими же счастливыми, как он сам, юношами в белых одеяниях. Как и остальные, в правой руке он держал зажженную свечу, а левую прижимал благоговейно к покрывавшей его грудь дьяконской епитрахили. С другой стороны сидели в ряд люди, одетые в серые, а не в белые, как в

первом видении, сутаны, но у некоторых из них волосы были так же заплетены в косу. А у подножия алтаря ждали два человека в полном облачении, в митрах.

Джилре и его сотоварищи опустились на колени у их ног — откуда-то он знал, что это епископ и аббат; старший из священников произнес какие-то неразборчивые слова, но Джилре ответ был известен. И он запел вместе с остальными юношами, поднявши свечи, и голоса их в этом святом месте зазвучали чисто и звонко.

«*Adsum domine...*» Вот я, Господи...

На этом видение задрожало и растаяло, к его великому сожалению, а потом он долго пребывал в пустоте и отрешенности, печалясь об утраченном и лишь смутно ощущая, как солнце согревает лицо, а спину холодит мрамор даже сквозь куртку и плащ, правая же рука, лежавшая на снегу, закоченела так, что ее он не чувствовал вовсе.

И не было у него желания ни открыть глаза, ни пошевелиться, ни даже думать. Через какое-то время видение вернулось — он стоял перед епископом на коленях, и тот возложил ему на голову руки, посвящая его.

«*Accipe Spiritum Sanctum...*»

И Джилре явственно ощутил, как священная Сила пронизала каждый нерв его и каждый мускул, как наполнила его божественная Энергия — до краев, через край. Джилре охватил такой восторг, что его даже пробила дрожь.

И вдруг он почувствовал прикосновение к лицу холодных рук и услышал мягкий голос старого Симона, приказывавший ему открыть глаза. Джилре с трудом сглотнул, ибо в горле у него пересохло, и не-

которое время еще никак не мог сообразить, где находится. Лицо Симона расплывалось перед глазами.

— Это ты... я...

— С тобой все в порядке. Похоже, ты у меня даже заснул, — улыбаясь сказал старик. — Сны видел?

— Да. Откуда ты знаешь? Симон, это было чудесно! Я...

Смутившись, Джилре поднял руки и протер глаза, и тут только до него дошло, что правая рука слушается его, как и левая, и совершенно не болит. От запястья и выше она была перевязана полоской серого холста, и повязка лежала ровно — нигде ни намека на выпуклость. На снегу виднелись пятна крови, но их было гораздо меньше, чем он ожидал. Симон очистил лезвие кинжала талым снегом и, протерев насухо, вернул его Джилре.

— По-моему, ваш врач слишком уж тебя напугал, — сказал старик. — Опухоль не вернется. Несколько дней рука еще будет слабовата, но меч, я думаю, удержать ты сможешь... да и все, что пожелаешь.

— Но...

Симон покачал головой и поднял руку, предупреждая вопрос, потом встал и, прикрыв глаза рукой от солнца, посмотрел на запад. Джилре тоже поднялся на ноги, и тут Симон принялся закидывать снегом пятна крови, уничтожая следы того, что здесь произошло. Закончив, он посмотрел на Джилре.

— Сюда идет твой брат, и с ним еще люди, — сказал Симон. — Боюсь, он несет печальное известие... но как бы там ни было, теперь ты можешь принять решение, думая о том, чего ты хочешь на самом деле, а не о своем нездоровье. И если ты хочешь отбла-

годарить меня, прошу, никому не рассказывай о том, что исцелил тебя я.

— Даю слово, — ответил Джилре.

Старик поспешил прочь и исчез среди развалин так быстро, что Джилре, хотя и смотрел ему вслед, не заметил, в какой стороне тот скрылся.

А потом послышался голос брата, выкликавший его имя, и юноша понял, что его вот-вот обнаружат. Он торопливо зашел за разрушенный алтарь, чтобы еще хоть на несколько минут укрыться от Капруса, и дрожащими пальцами, боясь поверить в невозможное, сорвал с руки повязку. На месте рокового черного пятна он увидел только бледную желтоватую тень — да еще розовую полоску, след разреза. От опухоли не осталось и следа.

Совершенно потрясенный, он согнул пальцы, сжал руку в кулак, глядя на напрягшиеся под кожей сухожилия, — мышцы повиновались безупречно. В душе шевелилось какое-то смутное подозрение насчет старика Симона, но пока он не мог ни о чем думать, кроме своей руки. Довольно и того, что произошло чудо, он снова волен выбирать.

— Лорд Джилре!

Голос сэра Лоркана, сенешаля, прозвучал совсем близко, вернув его к действительности, и Джилре, бросив повязку на снег, поспешно опустил рукав. Не время думать о чудесах. Не без труда натягивая на влажные руки перчатки, он услышал глухой перестук подков по плитам разрушенного нефа, и звук этот привел его в ярость.

Глупцы! Неужели они не понимают, что здесь по-прежнему святое место? Как они смеют вести сюда лошадей?

Преисполнившись возмущения, он выпрямился и опустил правую руку на рукоять меча. Рассказывать о том, что здесь произошло, он пока не собирался. Вышел из-за алтаря, и тут его заметили наконец, Капрус указал в его сторону, подзывая остальных. Лошади скользили и оступались на неровных, присыпанных снегом плитах, и всадники их больше следили за дорогой, чем озирались по сторонам в поисках Джилре.

Всего всадников было десять, во главе с Капрусом и Лорканом. Капрус с растрепавшимися золотыми кудрями казался разъяренным, а морщинистое лицо Лоркана было таким мрачным, каким Джилре его никогда не видел. Следом ехали отец Арнуфф, мастер Джилберт, врач, и с полдюжины всадников в доспехах, несущих цвета отца — теперь уже *его* цвета, понял вдруг Джилре. Короткие их копья были воткнуты в стременные упоры, священник держал в руке серебряную корону отца. И хотя Джилре этого ожидал, по телу его пробежал озноб.

— Выведите лошадей из церкви, — сказал он спокойно, когда всадники остановились в трансепте и начали было спешиваться. — Не спорьте, Лоркан, сделайте это.

Он заметил, как вскинулся возмущенно Капрус, однако Лоркан что-то резко сказал ему и развернул своего гнедого грудь в грудь с серым жеребцом Капруса, вынуждая его повернуть, и Капрус, удивившись, проглотил то, что собирался ответить. Они молча выехали из нефа, и там Лоркан, Капрус, священник и врач, спешившись, отдали поводья остальным всадникам. Лошадей отвели подальше, и эти четверо вернулись к алтарю, о чем-то переговариваясь на ходу между собою. Добравшись до алтарных

ступеней, Лоркан выступил вперед и поклонился. Под теплым плащом на нем были кожаный костюм для верховой езды и кольчуга, на Капрусе и враче — тоже.

— Сожалею, лорд Джилре. Ваш отец умер, — сказал он, выдыхая облачка пара. — Он велел вам передать...

И указал на отца Арнуффа, который тут же вышел вперед, держа в подрагивающих руках корону.

— Вы — наследник, милорд, — сказал он, и в глазах его промелькнуло сострадание при виде того, как Джилре тянется дотронуться до сверкающего ободка левой рукой. — Поскольку король был осведомлен заранее, никаких осложнений не возникнет. Да благословит вас Господь в ваших стараниях, милорд.

Джилре чувствовал, каких усилий стоит им всем не смотреть на его неподвижную правую руку, но он еще не готов был открыться. Он кивнул и неторопливо сошел вниз по алтарным ступеням. Капрус смотрел на него со смешанным выражением скорби и зависти на лице, Лоркану явно было не по себе. Только степенный мастер Джилберт был как будто спокоен, но и в его карих глазах читалось сострадание.

— Благодарю вас, святой отец, — тихо сказал Джилре, опускаясь перед священником на одно колено. — Сделайте милость, благословите корону моего отца перед тем, как возложить ее на мою голову. Вскоре мне придется принять немало трудных решений, и я буду весьма нуждаться в помощи Божией, дабы стойко выдержать все.

Против этого не мог бы возразить даже Капрус. Все вокруг тоже встали на колени, глухо позвякивая доспехами под одеждой, и Джилре наклонил голову

и получил благословение. Корона, возложенная на него, показалась ему слишком тяжелой и холодной, словно металл ее давил на саму его душу, и, поднявшись на ноги, он отвернулся от всех, пряча взгляд.

Вот и настало время принимать решения. Он стал бароном, но может изменить все в одно мгновение, если отважится. Медленно отступив к алтарю, он положил на заснеженную плиту левую руку, словно принося присягу, а правой коснулся мрамора так, чтобы не видели остальные. И, глядя на свои живые, послушные пальцы, понял, что корону ему носить не предназначено.

— Сэр Лоркан, — тихо сказал он через плечо, — вы были вассалом моего отца?

— Вы знаете, что это так, милорд.

— И теперь вы мой вассал?

— Я ваш вассал, — твердо прозвучал ответ.

— Благодарю вас. Позовите сюда остальных, пожалуйста.

Он так и остался стоять лицом к алтарю, но хорошо слышал, как у него за спиной затоптался Капрус, как зашушукались вполголоса Джилберт и священник, когда Лоркан отошел, чтобы подать знак вооруженным всадникам приблизиться. Те подошли, и Джилре с глубоким вздохом повернулся, чувствуя, как тяжко давит на лоб корона. Воины встали на колени полукругом у подножия ступеней, шлемы придавали их лицам горделивое выражение. Капрус стоял в стороне вместе со священником и врачом и следил с некоторым беспокойством за Лорканом, который поднялся на несколько ступеней и поклонился.

— Исполнено, как вы просили, милорд.

— Да. Благодарю вас, — Джилре обратил взор на воинов, смотревших на него. — Господа, сэр Лоркан

подтвердил, что будет по-прежнему хранить верность мне как барону д'Эйриалу. Могу ли ли я рассчитывать также на вашу верность?

С утвердительными возгласами все они вытащили мечи и, взявшись латными рукавицами за обнаженные клинки, протянули их ему рукоятью вперед. Джилре кивнул.

— Благодарю вас. И не требую дополнительной клятвы. Можете встать, но пока не уходите, пожалуйста. Лоркан!

— Да, милорд?

— Мне нужен ваш совет. Капрус, выйди вперед, пожалуйста.

Лоркан подошел к Джилре, всадники поднялись с колен, убрали оружие в ножны, и Капрус нерешительно вышел вперед. Услышав свое имя, он побледнел, и рука его, лежавшая на рукояти меча, сжала ее так, что перчатка на костяшках пальцев чуть не лопнула. Джилре молча спустился на три ступеньки, остановился, когда дорогу ему преградил снежный сугроб по колено высотой, и жестом велел Капрусу приблизиться. После некоторого колебания тот повиновался и, поскольку Джилре продолжал молчать, неуверенно опустился на одно колено. Джилре ощущал за спиною близкое присутствие Лоркана, но смотрел брату в глаза не отрываясь. Он собирался задать Капрусу вопрос и не был уверен, что ему понравится ответ, но и вопрос и ответ были необходимы, если только он надеялся сделать когда-нибудь то, чего жаждало его сердце. И он взмолился про себя, чтобы ответ оказался именно таким, какой он хотел услышать.

— Какой совет вам нужен, милорд? — тихо спросил Лоркан.

— По правосудию. Имею ли я право, как барон д'Эйриал и рыцарь этого королевства, вершить на моей земле Высокое и Низкое Правосудие над всеми моими вассалами, великими и малыми?

— Да, милорд, имеете.

Высокое Правосудие: власть над жизнью и смертью. Он знал, что имеет это право, но хотел подтверждения. И не успел Капрус даже рта открыть, желая возразить что-то, как Джилре левой рукой вытащил из ножен меч и с силой вонзил его рукоятью вверх в сугроб между ними.

— Молчи, Капрус! — предупредил он. — Помолчи и подумай хорошенько о том, о чем я тебя сейчас спрошу. У меня есть на то причины, и я клянусь, что не причиню тебя зла.

Оскорбленный Капрус даже затрясся, непроизвольно сжимая кулаки, но смолчал, а старший брат, взявшись рукою за пояс, посмотрел на него сверху вниз. Вообще-то Джилре, невзирая на постоянное ворчание Капруса по поводу несправедливых законов о наследовании, не сомневался в том, что Капрус неспособен на вероломные поступки, но сейчас он должен был окончательно увериться в этом — и что еще важнее, в этом должны были увериться его подданные. Он снова получил возможность выбора, но сделать этот выбор был намерен со всей ответственностью.

— Капрус д'Эйриал, — сказал он громко, — я требую от тебя торжественной клятвы перед Богом и присутствующими здесь рыцарями в том, что ты никогда, ни словом, ни делом, не выступишь против меня и против нашего отца во вред нашим подданным.

Губы у Капруса дрожали, но на взгляд Джилре он отвечал твердым взглядом. В гордых голубых глазах его пылал гнев.

— Ты смеешь требовать от меня клятвы? — спросил он. — И почему вдруг после речей о Высоком Правосудии? Разве я дал тебе повод сомневаться в моей верности?

— Возложи руки на меч и поклянись перед Богом, — ответил Джилре. — Я не должен тебе ничего объяснять. Сделай это.

На миг он испугался, что Капрус откажется. Требование было слишком серьезным. Но его упрямый и порой высокомерный младший брат никогда не лгал и не нарушал клятвы, Джилре знал это. Неужели он не сможет переступить через свою гордость?

— Поклянись, Капрус, — повторил он. — Пожалуйста.

И в этот день доверие его было вознаграждено во второй раз, ибо Капрус наконец сдался, опустил глаза и сорвал с себя перчатки, после чего решительно возложил обнаженные руки на рукоять меча, соединив большие пальцы на выпуклости, под которой хранилась священная реликвия. И снова поднял к Джилре лицо, стиснув челюсти, но ничем более не выказывая своих чувств.

— Перед Всемогущим Господом и присутствующими здесь рыцарями клянусь, что я всегда буду верен нашему отцу и тебе, — сказал Капрус, произнося слова твердо и отчетливо. Взгляд его потемнел, челюсти сжались еще сильней, но затем, взявшись за лезвие меча, он выдернул его из снега и поднял высоко, словно талисман. — Более того, я клянусь, по доброй воле и по своему хотению, что становлюсь отныне твоим вассалом и тебе отдаю и душу, и тело, и все,

чем владею на земле. Верой и правдой буду я служить тебе и оборонять не на жизнь, а на смерть от любого врага, и да поможет мне Господь! — Он умолк и облизал губы, затем продолжил: — И если ты думаешь, что я когда-нибудь поступал с тобой нечестно, то ты не прав, Джилре, — что бы там ни говорила моя мать. Я рожден твоим законным братом, и теперь ты — мой законный господин!

Он поднес клинок к губам и бесстрашно поцеловал реликвию, но когда протянул меч Джилре, чтобы тот принял клятву, в глазах его мелькнул страх, порожденный не двуличием, но сомнением — вдруг Джилре не поверит ему? А Джилре, с трудом скрывая свое облегчение, взял меч левой рукой под рукоять и посмотрел на озадаченного Лоркана.

— Сэр Лоркан, еще один вопрос. Среди прочих моих привилегий имею ли я право, как барон, посвящать в рыцари?

— *В рыцари?* Да, милорд, имеете, но...

Лоркан шагнул было вперед, удивленный и растерянный не менее всех остальных, что начали возбужденно переговариваться между собой, но тут Джилре, покачав головой, взялся за рукоять меча исцеленной правой рукой и, отсалютовав им, поднес рукоять к губам, чтобы поцеловать запечатленную в ней реликвию. Все изумленно ахнули, поскольку со дня своего падения он не владел правой рукой. Ошеломленный Капрус разинул рот, затем вскочил на ноги и схватил брата за руку, чтобы взглянуть на нее поближе.

— Джилре, твоя рука... — и в голубых глазах его засветилась искренняя радость.

Джилре ответил ему улыбкой, затем подтолкнул легонько, возвращая обратно на колени, и обвел

взглядом остальных, по-прежнему держа меч поднятым в правой руке.

— Господа, когда я молился сегодня, случилось нечто неожиданное для меня, — спокойно сказал он. — Я был в отчаянии, ибо думал, что у меня отнят всякий выбор. Господь счел возможным вернуть мне его, — он снова улыбнулся брату. — Надеюсь, ты не обидишься на меня, Капрус, если я переложу на тебя часть своего бремени. Ту часть, о которой ты всегда мечтал, как бы ты меня ни любил, и теперь я знаю, что ты достоин этого.

Джилре выпрямился, поднял меч и коснулся клинком правого плеча Капруса.

— Во имя Господа нашего и святого Михаила посвящаю тебя в рыцари, Капрус д'Эйриал, — сказал он. Затем коснулся клинком левого плеча. — Прими же от меня право носить оружие и оборонять слабого и беззащитного.

Он поднял меч и, глядя на отражение клинка в блестящих от слез глазах брата, коснулся золотоволосой головы.

— Я возлагаю на тебя также попечение над землями нашего отца и отправление правосудия, высокого и низкого, — добавил он, на мгновение переведя взгляд в сторону на застывших в благоговении свидетелей. — Будь же ты отважным рыцарем и добрым господином для них, твоих подданных.

Он снял ножны с пояса и вложил в них меч, передал и то, и другое в руки изумленному Капрусу, а потом снял с головы корону. И поднял ее обеими руками высоко над головой, чтобы никто не усомнился в том, что он вполне способен владеть правами, которые сейчас передает другому, — и чтобы никто не усомнился в его намерении.

— Перед Богом и в присутствии свидетелей я отказываюсь от всех притязаний на земли и титул д'Эйриалов и отдаю их навсегда стоящему здесь Капрусу д'Эйриалу, моему брату, сыну покойного Радульфа д'Эйриала, и его законным потомкам. Это мое окончательное намерение, которое, я надеюсь, одобрено будет господином нашим королем.

Он взял Капруса за руку правой рукой, помог подняться и развернул его лицом к присутствующим. Подумал при этом, такое же ли у него самого довольное лицо, как у чуточку еще растерянного брата, и подивился, почему этот выбор казался ему прежде таким трудным.

— Господа, позвольте представить вам нового барона д'Эйриала. Повелеваю вам принести ему клятву верности, какую вы приносили нашему отцу и мне. Поспешите. Уже довольно поздно.

Лоркан поклялся. Всадники поклялись. И мастер Джилберт поклялся, и даже священник. И Лоркан, когда Капрус и все остальные, оглядываясь благоговейно и переговариваясь на ходу, пошли к лошадям, задержался ненадолго возле Джилре.

— Что же вы теперь станете делать? — спросил тихо старый рыцарь у юноши, который смотрел вслед всадникам, растворявшимся в сиянии заката. — Ведь вы все отдали, мой господин.

— Больше я не ваш господин, Лоркан... и не отдал я ничего такого, что имело бы для меня значение, — Джилре обратил к нему свой взор. — Не понимаете? Я ничего не имел до этого дня. И потому отдал все, чтобы получить то, чего хочу на самом деле, — он снял перчатку и положил исцеленную руку на разрушенный алтарь.

— Поймите же. Мое место — здесь. То есть, конечно, не у этого злосчастного разбитого алтаря. Я не меньше вас изумляюсь тому, что чудо произошло в месте, где когда-то правила магия. Вдруг это означает, что магия никогда не была злом?.. не знаю. Я знаю только, что я уже не тот человек, который приехал сюда несколькими часами ранее.

Он сжал руку, словно пряча в кулаке что-то драгоценное, и поднял глаза вверх, туда, где в видении его над алтарем горела священная лампада.

— Я думаю, то был знак, Лоркан... посланный мне, чтобы я понял наконец. Ведь я всегда хотел этого... вы знаете, чего именно. И я не собираюсь упустить эту возможность во второй раз.

Старик покачал головой.

— Вы правы. Я не понимаю, — он хмыкнул, затем протянул Джилре руку. — Но если вы нашли свое призвание, да поможет вам Бог преуспеть на этом пути, мой господин.

— Не ваш господин, Лоркан. Просто Джилре... и, может быть, когда-нибудь — *отец* Джилре, если то, о чем я молюсь, сбудется.

— А если нет?

— Надеюсь, что да, — сказал он с улыбкой. Краем глаза он заметил какое-то движение в северном трансепте и крепко встряхнул руку Лоркана на прощанье.

— Вам пора идти, старый друг. Ваш новый господин ждет вас, как и мой — меня. Служите же Капрусу верой-правдой, как служили бы мне. Он достоин того, не сомневаюсь.

Старый рыцарь не ответил, но когда он склонился над рукой своего бывшего господина, дабы поцеловать ее в последний раз в знак почтения, его по-

крытые шрамами давнишних сражений пальцы бережно погладили запястье, которое больше не было изуродовано опухолью. Затем он отвернулся, спустился с алтарных ступеней и, ссутулясь немного, зашагал прочь, споткнувшись разок, когда проходил по нефу.

Джилре долго смотрел ему вслед, хотя солнце слепило глаза, потом надел перчатку и вновь возложил руки на разрушенный алтарь, склонив голову в немой благодарности. Солнце закатилось, сгустились вечерние тени, а он все стоял, пока чья-то рука не коснулась наконец его плеча.

— Джилре?

— *Adsum*, — шепнул он.

Смешок старого Симона прозвучал музыкой в его ушах. Пошел снег, первые хлопья его, кружась, опустились на землю. Настал тот час, сообразил Джилре, когда первая вечерняя звезда появляется на горизонте, возвещая наступление Рождества.

— Пойдем, дружок, — услышал он голос Симона. — Но словом этим ты ответишь другому человеку, не мне. Пойдем, я отведу тебя к незапятнанному алтарю.

Бетана

Лето, 1100 г.

Этот рассказ переносит нас больше чем на сто лет вперед, во времена Моргана, Келсона и других известных нам персонажей *«Хроник Дерини»*. Причин для его написания у меня было две: краткое упоминание в *«Игре Дерини»* о том лете, когда Аларик Морган упал с дерева и сломал руку; и просьба прислать рассказ о колдуньях для антологии под названием *«Котел Гекаты»*. Старуха Бетана мне никогда не казалась настоящей колдуньей, но она, безусловно, отвечала обычным представлениям о них, как о старых каргах с волшебными котлами и всем прочим. Кроме того, она всегда вызывала у меня любопытство. Ее появление в *«Игре Дерини»* оказалось хотя и кратким, но достаточно интригующим, и вызвало гораздо больше вопросов, чем дало на них ответов.

Кто такая Бетана? Кем был ее муж, Даррел? Что с ним случилось? И что превратило ее саму в то, чем она стала? Ведь не всегда же она была старой ведьмой и жила в холмах, влача жалкое существование за счет своих овец, лечения травами и изготовления любовных напитков для местных крестьян. Похоже, что какое-то отношение к Дерини она имела, но была ли она Дерини по крови, только необученной,

или была, как Варин де Грей, кем-то совсем другим?

Потому я и вернулась к падению Аларика с дерева и встрече его с загадочной обитательницей холмов, которая уже и сейчас старая ведьма, хотя на двадцать лет моложе, чем в *«Игре Дерини»*, — и позволила персонажам развернуться. В результате я узнала даже больше, чем хотела, о Бетане и ее муже, и еще об одном Дерини, которого я вовсе не ожидала здесь встретить; а заодно расширила свои представления о мрачных временах преследования Дерини, суровость которых к тому времени, когда Аларик Морган достиг возмужания, только-только начала смягчаться.

Старая Бетана, прикрыв рукою глаза от солнца, хмуро смотрела на луг. Этих детей она уже здесь видела. Двое были сыновья Кассанского герцога; двух других она не знала. Сегодня эти четверо бешеным галопом носились по ее лугу на своих лохматых пони, разгоняя овец, которых она собирала все утро.

Один из мальчишек, пригнувшись в седле, с криком поскакал прямо на овцу с ягненком, и Бетана сердито заворчала. Овца шарахнулась в ужасе и ринулась в сторону, пытаясь убраться с дороги, ягненок стремглав побежал за нею. Тогда Бетана, размахивая пастушьим посохом, заковыляла к девчонке, которая была к ней ближе всех.

— Эй, вы! Ну-ка, прекратите!

Пони девочки тут же встал как вкопанный, но сама она, не сумев удержаться, перелетела через его голову — только юбки разлетелись да ножки мелькнули

— и шлепнулась в траву, а пони попятился и, заржав, встал на дыбы. Бетана схватила девочку за руку и, хорошенько встряхнув, поставила на ноги.

— Поди-ка сюда! — крикнула она. — Что это вы расскакались тут, кто позволил вам носиться где ни попадя да пугать овец честной женщины? Ну-ка, говори, девочка! Что скажешь в свое оправдание?

Девочка подняла на нее большие голубые глаза, в которых читалось только удивление, словно она совсем не ушиблась, и тут к ним галопом подскакали трое мальчишек. Старшему на вид было лет двенадцать, но держал он себя уже, как настоящий воин. Остальные были младше года на два, один — с такими же светлыми локонами, как у девчушки.

— Отпустите мою сестру! — крикнул светленький, натягивая поводья своего пони и свирепо глядя на Бетану.

— Не обижайте ее! — вступился и старший. — Она не сделала ничего худого.

Бетана рассмеялась и покачала головой.

— Не спешите, молодые господа! Прежде я хотела бы услышать ваши извинения, — она посмотрела на свою пленницу. — Как тебя зовут, девочка? И кто из вас додумался погонять моих овец?

Девочка, на вид лет пяти-шести, потупилась, не глядя на брата и остальных мальчиков, хотя старший уже схватился за рукоять кинжала.

— Простите, бабушка, — тихо сказала она. — Мы не знали, что эти овцы ваши. То есть, мы знали, что они — не герцога Джареда, и решили, что их никто не пасет. Думали, они просто так тут бродят.

Бетана не изменила сурового выражения лица, хотя внутренне немного смягчилась. Может, дети и впрямь не собирались издеваться над нею.

— Думали они, ишь ты, — проворчала она. — Так кто же вы такие?

Старший несколько надменно выпрямился в седле и посмотрел на нее сверху вниз.

— Я — Кевин, граф Кирни, — он кивнул в сторону русоволосого мальчика. — Это мой брат, лорд Дункан, а это — лорд Аларик Морган, брат Бронвин. Отпустите же ее, — добавил он уже не так задиристо.

— Ах, отпустить? Прежде я скажу вам кое-что, молодой граф Кирни. Хорошо бы вам поучиться вежливому обхождению, коли хотите, чтобы вас почитали не только за ваш громкий титул. Вроде я еще не слыхала, чтоб вы извинились за то, что разогнали моих бедных овечек?

Юный граф разинул рот — похоже, с ним не часто так разговаривали, — и тогда его брат выехал вперед на своем пони, снял охотничью кожаную шапочку и учтиво поклонился.

— Пожалуйста, простите нас, бабушка. Мы все виноваты. Это был необдуманный поступок с нашей стороны. Чем можем мы загладить свою вину?

Бетана, медленно выпустив руку девочки, обвела ее и мальчиков несколько подозрительным взором. Было в этих детях что-то настораживающее, но что именно? Что-то такое, чего она давно ни в ком не ощущала...

Впрочем, неважно. Она поддернула выцветшую, оборванную юбку и оперлась на посох, уставясь на них сурово и решив молчать до тех пор, пока взгляд ее не заставит их опустить глаза. Долго ждать не пришлось.

— Ладно же. Принимаю ваши извинения. И, чтоб уж покончить с этим, можете помочь мне собрать овец, которых вы разогнали.

Светловолосый мальчик кивнул без всякого возмущения.

— Вполне справедливо, бабушка. Сейчас и соберем.

Ребята со всем усердием занялись делом и вскоре благополучно собрали всех овец, даже тех, которых Бетана не сумела найти утром. И, покончив с этим, они расположились отдохнуть и перекусить на лугу под высоким деревом. Девочка пригласила и Бетану к их столу, но старуха молча покачала головой и вернулась к своей пещере, откуда был виден весь луг. Столь благородное общество — не для нее. К тому же она явно не слишком нравилась старшему мальчику, Кевину. Но девчушка, по-видимому, прониклась искренним сочувствием к старой одинокой женщине, потому что принесла ей все-таки завернутые в салфетку свежий хлеб и сыр, когда дети покончили с едой. Она молча положила сверток на плоский камень у пещеры и даже присела в изящном реверансе, прежде чем вернуться к своим друзьям.

От подобного подношения Бетана не могла отказаться. А как пахла эта еда! Хлеб оказался мягким и нежным, в самый раз для ее старых, сточившихся зубов и больных десен — такого хлеба она не пробовала, пожалуй, со времен своей юности, когда они с Даррелом только поженились. И этот соленый сыр ему бы понравился...

Растроганная воспоминанием, она уселась возле самой пещеры на солнышке и доела остатки вкусной еды, нежась под его лучами. На лугу играли дети, и вскоре журчание их голосов, прохладный ветерок и приятное тепло в желудке навеяли на нее дремоту, глаза закрылись сами собой. Прижав к щеке руку с обручальным кольцом, Бетана медленно

уплыла в страну грез. И пригрезилось ей, что она снова молода и рядом лежит ее Даррел.

Он был красив, может, потому, что принадлежал к магической расе, но поначалу она его боялась. Он, рискуя собственной жизнью, спас ее от жизни такой, что ей до сих пор не хотелось вспоминать об этом. И любовь их стала для нее путеводной звездой и облагородила знания, которые угрожали прежде разрушить ее душу.

Он учился у нее тому, что она знала — древней магии, позволявшей благополучно принимать роды, изгонять духов и предсказывать будущее, тайны которой передавались в ее роду от матери к дочери. Многие методы у них были схожи, но силу свою он черпал из какого-то другого источника, недоступного ей; а она учила его, в свою очередь, как повелевать стихийными силами — то была примитивная магия, не столь возвышенная, как ритуалы и заклинания загадочных, пугающих Дерини, но действовала она не хуже, просто по-другому. И вместе мечтали они построить иной, лучший мир, в котором не будут убивать людей только за то, что они отличаются от других. Мир, в котором их дети могли бы жить, ничего не боясь.

Но ребенка они не родили; вернее, ему не довелось увидеть белый свет. Городок, в котором они жили, очень скоро накрыла новая волна безумия, при активной поддержке тамошнего лорда. Даррел преподавал математику в Грекоте, и о том, что он Дерини, знали лишь немногие близкие друзья. Вместе с несколькими коллегами, тоже Дерини, он тайно занимался обучением детей своей расы, что по Рамосским законам каралось смертью.

И кто-то на них донес. Лорд отправил отряд вооруженных всадников к маленькой ферме, где собиралась тайная школа. Они убили учителя, который давал уроки в тот день. Захватили больше двадцати детей, привезли их в город и заперли, как овец, в загоне посреди главной площади, поскольку с одобрения лорда и городского священника решено было сжечь их, как еретиков Дерини, каковыми они, несомненно, и являлись.

Бетана и Даррел были на площади среди толпы, собравшейся поглазеть на приведение приговора в исполнение, и она вспомнила сейчас запах масла, которым пропитаны были дрова для костра. Увидела снова перепуганные лица детей, большинство из которых было не старше девочки Бронвин и ее брата, игравших сейчас на лугу. И к горлу ее подкатила дурнота, как это было много лет назад, когда из двора за площадью вышли стражники с факелами и заняли места вокруг загона с детьми. Следом появились капитан стражи и священник, капитан нес свиток, с которого на шнурах свисали печати. Толпа ожила, словно проснувшийся от спячки зверь, загомонила, но не в страхе, а в предвкушении развлечения. Никто не собирался вступаться за испуганных малышей.

— Даррел, мы должны что-то сделать! — прошептала она на ухо мужу. — Этого нельзя допустить. А если бы среди них был наш ребенок?

Ей было только семнадцать лет, и она носила их первое дитя. Но муж ее покачал головой, и в голосе его прозвучало отчаяние.

— Нас всего двое. Мы ничего не можем. Говорят, что нас выдал священник. Когда дело касается Дери-

ни, даже тайна исповеди, кажется, перестает быть священной.

Она прижалась головой к его плечу и заткнула уши, стараясь не слышать ханжеских голосов священника и капитана, когда один произносил набожные речи, а второй зачитывал приговор. И святые слова, и буква закона служили всего лишь оправданием для убийства. Дитя, которое она носила под сердцем, заворочалось в ее чреве, и она расплакалась, придерживая одной рукою живот, а другой цепляясь за руку Даррела.

А потом послышался стук копыт, и народ позади них забеспокоился. Оглянувшись, она увидела отряд вооруженных людей, скачущий сквозь расступавшуюся толпу, в то время как другой отряд перекрывал все выходы с площади — и каждый из конников с грозным видом держал в руках лук с наложенной на стрелу тетивой. Впереди ехал рыжеволосый юноша в зеленом платье, не старше ее самой, с глазами зелеными, как озаренный солнцем лес. Вырвавшись из толпы, он остановил своего белого жеребца перед капитаном.

— Это Баррет! Мальчишка, глупец! — прошептал Даррел. — О Боже, Баррет, не надо!

«Баррет? — подумала она. — Он — Дерини?»

— Отпустите детей, Тарлетон, — заговорил тем временем тот, кого муж ее назвал Барретом. — Ваш господин не позволяет его именем убивать детей. Отпустите их.

Тарлетон напрягся, опустил руку с недочитанным свитком.

— Здесь вы не властны, лорд Баррет. Это вассалы *моего* лорда... отродья Дерини! И мы избавим от них землю!

— Я сказал, отпустите их, — повторил Баррет. — Ни в ком из них нет зла. Разве дети могут быть еретиками?

— Все Дерини еретики! — вскричал священник. — Как смеете вы вмешиваться в дела нашей Святой Матери Церкви?

— Помолчи, священник, — буркнул Тарлетон. По его знаку стражники с факелами подошли к самому загону, где сбились в кучу насмерть перепуганные дети, и поднесли огонь к пропитанным маслом сучьям.

— Я предупреждаю вас, Баррет, — не вмешивайтесь, — продолжал Тарлетон. — Рамосский закон гласит, что тот, кто не повинуется ему, должен умереть. Мне все равно, умрут они сейчас или чуть позже, но если *вы* вынудите меня запалить костер прямо сейчас, они умрут без благословения, и души Дерини не получат даже отпущения грехов. Вы не можете отвести от них смерть. Только сделаете ее еще страшнее.

Несколько мгновений оба не двигались с места, не отводя друг от друга оценивающего взгляда. Бетана почувствовала, как напрягся ее муж, как затвердели мускулы его руки, и поняла со страхом, что Баррет не отступит. Молодой лорд оглянулся на своих людей, выстроившихся позади кругом, и бросил поводья на шею своего коня.

— Мне никогда *не нравился* Рамосский закон, — отчетливо выговорил он и поднял руки, словно обращаясь с мольбой к небесам.

И в то же мгновение его окружило трепещущее изумрудное пламя, ясно различимое даже в ярком солнечном свете. Толпа ответила дружным вздохом, словно над площадью пронесся порыв холодного

зимнего ветра. Тарлетон побагровел, а священник, перекрестясь украдкой, спрятался у него за спиной.

— Клянусь всей моей силой, которую эти дети себе даже не представляют, вы их не получите, — сказал Баррет. — Я клянусь в этом. Я остановлю вас, если придется, этой силой и спасу их, но при этом погибнет много людей, которые не заслужили такой участи.

Зрители начали беспокойно озираться по сторонам, ища пути к отступлению, но лучники Баррета сомкнули ряды, охраняя все выходы с площади. С нее было не уйти.

— Но я предоставляю вам выбор, — продолжал Баррет, возвысив голос, чтобы заглушить тревожный ропот толпы. — Отпустите детей, позвольте моим людям забрать их отсюда, и в качестве выкупа за них я сам отдамся в ваши руки. Что больше обрадует вашего лорда? Несколько необученных детей, которые никому не могут причинить вреда? Или же такой, как я, настоящий маг, который в любой момент, стоит только пожелать, разнесет здесь все? Правда, мне это не доставит удовольствия, как вы думаете сейчас про себя.

Смятение толпы все усиливалось, и никто, кроме Бетаны, не услышал сдавленного голоса Даррела: «Нет!» Тарлетон помешкал несколько мгновений, затем поднял руку, призывая народ к тишине. Судя по всему, Баррет ошарашил его тем, что прочел его мысли, но самообладания он все-таки не утратил. Толпа постепенно затихла.

— Стало быть, благородный лорд Баррет де Лейни является еретиком Дерини, — сказал капитан. — Правильно делал мой лорд, что не доверял вам.

— Вашему лорду не мешало бы прислушаться к голосу совести, ибо в судный день ему придется ответить за свои дела, — отвечал Баррет.

— Просто подарок, сказал бы я, — продолжал Тарлетон, словно не слыша его слов. — Но как мне знать, исполните ли вы свою часть договора? Что такое слово Дерини?

— Что такое слово любого человека? — возразил Баррет. — Все, кто меня знает, знают и то, что мое слово всегда было крепче оков. И я даю слово, что, если вы позволите моим людям забрать детей, я сдамся вам в руки и не воспользуюсь своей силой. Таково мое слово. Моя жизнь — за жизнь этих детей. На этих условиях я согласен предстать пред моим Господом.

— Должно быть, вы сошли с ума! — ответил Тарлетон, и лицо его исказил угрожающий оскал. — Но я принимаю ваши условия. Стража, выдайте детей людям его светлости. Лучники, возьмите на прицел милорда Баррета и следите за тем, как он держит слово Дерини. Я что-то не слыхал, чтобы колдуны умели останавливать стрелы на лету.

Из укрытий на крышах по обе стороны от Тарлетона выступило полдюжины лучников, целясь в заложника. Стражники недовольно заворчали, но повиновались и, отойдя от загона, окружили Баррета, стараясь, впрочем, не подходить близко к пылавшему вокруг него зеленому магическому огню. Воины Баррета начали подъезжать по одному к загону, каждый подхватывал на седло по ребенку, и наконец загон опустел, и последняя лошадь с двумя всадниками умчалась галопом прочь. Осталось лишь четыре лучника, по-прежнему державшие стрелы наложен-

ными на тетиву. Один из них коротко отсалютовал Баррету.

— Сэр, ждем ваших приказаний.

Баррет спокойно кивнул.

— Благодарю вас за службу, приказаний бóлее не будет. Ступайте.

Четверо лучников поклонились, дружно развернулись и поскакали вслед за остальными. Когда стук подков затих вдали, Баррет соскочил с лошади и медленно пошел к Тарлетону. Люди шарахнулись в стороны, и Тарлетон со священником невольно отступили на несколько шагов. Подойдя к ним на расстояние в несколько футов, он остановился и наклонил голову. Магический огонь погас, Баррет левой рукой вытащил меч из ножен и протянул Тарлетону рукоятью вперед.

— Я держу свое слово, капитан, — сказал он, сверкнув глазами.

Тарлетон осторожно принял оружие, отступил еще на шаг, и сразу же полдюжины его стражников бросились к Баррету, дабы связать ему руки.

— Его глаза! — прошипел священник. — Это зло! Зло! Остерегайтесь его взгляда, милорд!

В толпе поднялся крик, Тарлетон подал стражникам какой-то знак и, повернувшись, направился обратно во двор. Баррет старался высоко держать голову, но все-таки споткнулся несколько раз, когда стражники потащили его через площадь.

Старуха покачала в полусне головой, не желая вспоминать далее; но видение продолжало разворачиваться перед ее внутренним взором, и не было у нее сил открыть глаза и прогнать его.

Во дворе за площадью находилась кузня, и с того места, где стояли они с Даррелом, видна была разно-

образная кузнечная утварь и жаровня, на которой мастер раскалял железо. Туда-то и повели своего пленника стражники Тарлетона, и один из них осторожно вынул из огня раскаленный металлический брус. Потом солдаты сомкнулись вокруг пленника, скрыв его от посторонних взглядов.

Но она, хоть и не видела ничего, поняла, что его ослепляют. Крик его разнесся по всей площади, дитя шевельнулось в ее чреве, и вновь подкатила дурнота. И когда она, зажмурив глаза, заткнула уши, чтобы не слышать этих страдальческих криков, Даррел отвел ее руку от уха и сказал сурово и непреклонно:

— *Я* слова не давал! И пойду за ним. Если удастся вытащить его оттуда, мы отправимся в монастырь святого Луки. Встретимся там. Да сохранит тебя Господь, милая.

И не успела она слова сказать, как он уже проскользнул сквозь толпу и вскочил на коня Баррета; и когда он верхом на белоснежном жеребце поскакал во двор за площадью, вокруг него вспыхнуло золотистое пламя магической защиты.

При виде этого в толпе началась настоящая паника, люди с воплями ринулись ко всем выходам с площади. Людской поток подхватил Бетану и против ее воли повлек за собою, унося прочь от Даррела, и слезы брызнули из ее глаз от бессильной ярости.

Но она разглядела все же белого жеребца, взвившегося на дыбы у входа во двор — боевой конь яростно бил копытами, — и заметила безвольно обмякшее, окровавленное тело, перекинутое через седло перед ее мужем.

Коня окружили стражники Тарлетона, но он прорвался сквозь их ряды и поскакал через площадь, и

тогда вступили в дело лучники, в ее мужа полетели стрелы, разившие заодно ни в чем не повинных людей.

Вокруг нее слышались отчаянные вопли, вонзавшиеся в ее мозг, как те стрелы, и она тоже начала кричать и побежала, и...

Тут другой крик ворвался в ее сознание, она очнулась и, выпрямившись, увидела маленькую Бронвин, которая бежала к ней по лугу и вопила во все горло.

— Бабушка! Бабушка! Идите сюда. Мой брат расшибся! Идите скорее!

Бетана, опираясь на посох, тяжело поднялась на ноги и разглядела на лугу двух мальчиков, склонившихся над третьим. Девочка бежала так быстро, что не смогла вовремя остановиться и, схватив старуху за руку, чуть не сбила ее с ног.

— Пожалуйста, бабушка, пойдемте скорее. Он расшибся! Кажется, руку сломал!

Идти ей совсем не хотелось. На что ей эти дети, одно беспокойство от них! Но что-то в умоляющем выражении лица девчушки напомнило ей о тех, других личиках на давно забытой площади, и поэтому она взяла все-таки свою сумку с целебными травами и лоскутами для перевязки и заковыляла вниз по каменистому склону холма. Девочка суетливо дергала ее за руку — скорее, скорее!..

Когда она добралась до детей, мальчики подняли головы, и юный Маклайн вскочил, словно собравшись защищать друга. На земле, тяжело дыша, лежал светленький мальчуган. Взгляд на сломанную ветку дерева поведал ей о случившемся. А вид согнутой под неправильным углом правой руки мальчика досказал остальное. Кевин, молодой граф, догадался

разрезать рукав до плеча — обнаженная плоть уже вспухла и побагровела. Мальчик был в сознании, но дышал с трудом. Не только руку сломал, но и расшибся изрядно. Правда, крови не было видно. А это — хороший знак.

— Что ж, давай глянем, — буркнула она, неуклюже опустилась на колени возле мальчика и положила рядом сумку. — Здесь чувствуешь?

Она дотронулась до руки выше и ниже перелома, и мальчик кивнул, вздрогнув, но не издал ни звука. Бетана старалась не причинять лишней боли, но пока она ощупывала руку, проверяя, что да как, лицо его покрылось смертельной бледностью.

— Обе кости сломались, — заключила она наконец. — Вправлять будет трудно и больно, — она перевела взгляд на Кевина. — Я могу заняться этим, а вы вернитесь-ка домой да приведите кого с носилками. Руку нельзя будет двигать, пока кости немного не срастутся.

Молодой граф был бледен, но в ясных голубых глазах еще сквозила прежняя надменность.

— Это правая рука, — сказал он со значением. — Вы уверены, что сумеете вправить как должно? Может, лучше привести нашего врача?

— Нет, коли хотите сохранить руку, — пренебрежительно мотнув головой, ответила она. — Врач ее, скорее всего, отрежет. Это скверный перелом. Еще чуть-чуть, и кость проткнула бы кожу — тогда он *точно* потерял бы руку. Я знаю, что делаю. Ступайте же!

Надменность испарилась. Кевин сдержанно, но благодарно кивнул, забрался на пони и ускакал галопом. Двоих оставшихся ребятишек Бетана отправила искать деревяшки для лубков, а сама уселась скре-

стив ноги и еще раз проверила сломанную руку. Мальчик дышал уже ровнее, только порой от прикосновения к больному месту со свистом втягивал воздух сквозь сжатые зубы. Прежде всего следовало дать ему что-нибудь для утоления боли.

Подтащив сумку, она принялась искать на ощупь требуемые травы и снадобья, глядя при этом сощуренными глазами на мальчика. Выбор она предоставила своему чутью и немало удивилась, обнаружив, что в одном из мешочков, которые она вытащила, — смертельный яд.

«Почему? — подумала она, уставясь на мешочек и пытаясь понять причину. — Ведь это всего лишь ребенок, не враг какой и не...»

О, добрые боги и повелители стихий! Этот мальчишка — Дерини!

В одно мгновение ожила в ней былая горечь: Даррел умер у нее на руках, потому что получил в спину несколько стрел; умер, потому что не мог не спасти своего друга Дерини; умер — из-за детей Дерини.

Она так сильно горевала после смерти Даррела, что их собственный ребенок родился мертвым; а потом она долго, очень долго была больна, лежала в монастыре святого Луки, и все равно ей было, умрет *она* или выживет, и что-то порвалось внутри, чтобы никогда уже не срастись...

О, Даррел...

Рыдания подступили к горлу, она прижала мешочек к высохшей груди, и по обветренным щекам ее покатились слезы.

Даррел заплатил своей жизнью за детей Дерини. Он принял стрелы и умер — за детей Дерини. И вот теперь в ее руках другой ребенок Дерини, и он не в

силах защитить себя от справедливой мести. Ужели несправедливо — одна эта жизнь в обмен на ее утраченную любовь?

Она потянулась за кубками, которые оставили дети после еды. Один был пуст, но во втором плескалось на два пальца воды — этого хватит. Мальчик лежал с закрытыми глазами и не видел, как она всыпала в кубок нужное количество сероватого порошка и размешала его первой попавшейся под руку веточкой. Она дала бы ему смертоносное питье не дрогнув, но, когда она приподняла его голову, он вдруг широко открыл доверчивые серые глаза.

— Что это? — спросил он, слегка вздрогнув, оттого что больная рука его сдвинулась с места.

— Питье от боли, — солгала Бетана, смущенная его взглядом. — Выпей. И потом ничего не почувствуешь.

Мальчик послушно взялся здоровой рукой за ее руку, державшую кубок, светлые ресницы опустились. Кубок был уже у самых губ, когда он вдруг застыл и снова вскинул на нее глаза, в которых появилось внезапное понимание.

— Это же яд! — выдохнул он и оттолкнул кубок. — Вы хотите убить меня!

Она ощутила прикосновение его разума к своему и в страхе отпрянула, отпустив его. Он со стоном упал обратно на траву, прижал больную руку к себе и, откатившись в сторону, попытался сесть. Но Бетана схватила его за плечо и прочла старое заклинание, лишающее человека сил, — сейчас, измученный болью, он не смог бы противостоять ее колдовству, даже если бы имел достаточно знаний, но откуда ему было набраться этих знаний! Она вцепилась ему в волосы, вздернула голову кверху и снова поднесла

кубок, и мальчик уставился на него мутными от боли глазами так, словно надеялся отшвырнуть кубок взглядом.

— Но за что? — прошептал он, и по щекам его покатились слезы. — Я же не сделал вам ничего плохого. Не может быть, чтобы из-за *овец*!..

Не желая ничего слушать, она попыталась силой заставить его открыть рот.

«Даррел, единственная любовь моя, я мщу за тебя!» — подумала она, борясь с мальчиком, упорно отворачивавшим голову.

Но когда она стиснула зубы и, не обращая внимания на его стоны и постепенно слабеющее сопротивление, вновь поднесла к его губам кубок, солнечный луч упал вдруг на ободок обручального кольца, и в глаза ей ударило золотое сияние. Она сморгнула и замерла.

«Даррел... боги мои, что это я делаю?»

Она вдруг поняла, что перед нею совсем маленький мальчик — он старался держаться мужественно, но ему было всего лет девять, не больше. Да, он Дерини, но разве это его вина, как и у тех детишек Дерини, и у Даррела и Баррета, который пожертвовал собой? Разве *этому* учил ее Даррел? И не сошла ли она с ума, задумав убить Дерини, кем был и *он* сам?

Тихо вскрикнув, она бросила кубок, отпустила мальчика и закрыла лицо руками.

— Прости меня, Даррел, — прорыдала она, целуя кольцо. — Прости. О, прости меня, любовь моя. Пожалуйста, прости меня, любовь моя, моя жизнь...

Когда она, утерев глаза подолом рваной юбки, подняла наконец голову, мальчик снова лежал на спине, не сводя с нее изучающих серых глаз. Миловидное лицо его кривилось от боли, он поддерживал

больную руку здоровой, но бежать больше не пытался.

— Вы поняли, кто я, правда? — спросил он очень тихо.

Она кивнула, и его серые глаза на мгновение закрылись и распахнулись снова.

— Этот Даррел... его что, убил Дерини?

Бетана, сдержав рыдания, покачала головой.

— Нет, — прошептала она. — Он *был* Дерини и умер, спасая своих.

— Кажется, я понял, — сказал мальчик не по годам серьезно и кивнул. Затем вздохнул глубоко и продолжил: — Послушайте, если вам не хочется, вы ведь не должны меня лечить. Кевин все равно приведет врача, хоть вы и сказали, что не надо. Врач мне поможет.

— И оставит без руки, маленький Дерини? — она выпрямилась, вновь обретая спокойствие. — Нет уж, я не допущу. Даррел бы этого не одобрил. Как ты сможешь продолжать его дело без правой руки?

Он вопросительно поднял брови, а Бетана сунула мешочек с ядом обратно в сумку и вытащила стопку свернутых желтоватых повязок.

— Никаких снадобий от боли я тебе не дам, — с кривой улыбкой сказала она. — После того, что чуть было не произошло, я не положусь уже ни на себя, ни на тебя. Но руку все-таки *вправлю*. И даю тебе свое слово, что все будет хорошо, если станешь вести себя, как я скажу.

— Ваше слово? Ладно, — мальчик посмотрел на Дункана и Бронвин, которые приближались к ним с охапками дерева.

Разбирая деревяшки в поисках подходящих, Бетана вспоминала другого Дерини и его ответ: «Мое

слово крепче оков!» — и знала, что тоже исполнит сказанное. Затем она велела второму мальчику обстругать выбранные деревяшки, объяснив, что они должны быть плоскими с одной стороны, и, отослав его, поглядела с грубоватой лаской на раненого мальчика.

Видимо, что-то в ее лице успокоило его — а, может, он прочел ее мысли, как это делал когда-то Даррел. Но, встретившись с ней глазами, он явно расслабился и как будто даже задремал, положив голову на колени к сестре, пока Бетана раскладывала перед собою лубки и повязки, готовясь приступить к делу.

Теперь она поняла, что все трое детей были Дерини; когда она велела второму мальчику сесть рядом и держать Аларика за здоровую руку, она почувствовала, что *он знает* что-то об ее ремесле — хотя понимает не лучше, чем в свое время Даррел. Даррелу она *попыталась* бы объяснить эту старинную премудрость...

— Ты, девочка, попробуй его успокоить, — хрипло сказала она, легко проводя рукой по месту перелома в сторону запястья. — Хорошенькая девочка способна отвлечь мужчину от боли. Так учил меня мой Даррел.

Аларик напрягся, словно испугавшись, что она сейчас расскажет всем о том, что было между ними; но потом закрыл глаза, глубоко вздохнул и вновь расслабился. Несколько секунд Бетана ждала, пока начнет действовать одно из старых заклинаний Даррела, затем, предупреждая, сжала запястье и принялась тянуть за руку, слегка поворачивая ее и направляя, чтобы края кости встали на место. Мальчик со свистом втянул воздух сквозь зубы и выгнулся от боли; но не издал ни звука и даже непроизвольно не

пытался отнять руку. И вправив все, как полагается, Бетана привязала лубки, которые подал Дункан, так, чтобы рука от бицепса до кончиков пальцев оставалась неподвижной. Аларик же, когда все было уже сделано, потерял наконец от боли сознание.

Тут на лугу появились скачущие галопом всадники. Они подъехали как раз в тот миг, когда Бетана, завершив работу, поднялась на ноги. Первым торопливо спешился мужчина с сумкой, весьма похожей на ее собственную, и встал на колени возле мальчика. Еще два всадника, соскочив с седел, принялись разворачивать носилки. Четвертый, с которым в одном седле прискакал лорд Кевин, спустил наземь мальчика, потом спешился сам. Он был молод и белокур, и очень походил на ее Даррела, каким тот был, когда они встретились впервые.

— Я Диверил, сенешаль герцога Джареда, — сказал он, глядя на врача, который проверял в это время ее работу. — Его светлость и отец мальчика в отъезде. Что здесь произошло?

Бетана, опершись на посох, слегка наклонила голову.

— Мальчики есть мальчики, сэр, — уклончиво ответила она. — Молодой лорд упал с дерева, — и указала посохом на сломанную ветвь. — Я всего лишь сделала для него, что было в моих скромных силах. Рука должна срастись как следует.

— Макон? — спросил сенешаль.

Врач одобрительно кивнул, и тут пациент его застонал и пришел в себя.

— Все сделано как надо, милорд. Если не двигать рукой, станет как новенькая, — он глянул на Бетану. — Вы, матушка, кажется, не давали ему ничего из ваших трав?

Бетана, пряча кривую улыбку, покачала головой.

— Нет, сэр. Он храбрый парнишка, справился и без этого. Из него вырастет прекрасный солдат. И будет много сражаться.

— Да, наверное, так и будет, — сказал Диверил, глядя на нее столь странно, что она даже заподозрила, не понял ли он скрытый в ее словах второй смысл.

Мальчик-то точно понял. Когда его уложили на носилки, собираясь тронуться в путь, он поманил ее к себе здоровой рукой. Врач дал ему что-то из *своих* болеутоляющих средств, зрачки серых глаз расширились, и Аларик, борясь со сном, с трудом поднимал свои светлые ресницы. Но рука его была тверда, когда он притянул ее к себе поближе и прошептал на ухо:

— Благодарю вас, бабушка... вы знаете, за что. Я постараюсь... продолжить *их* дело.

Бетана снисходительно покивала в ответ, зная, что, проснувшись после действия снадобья, он ничего не вспомнит. Но в тот миг, когда носилки тронулись в путь, он еще успел поднести к губам ее руку и поцеловал кольцо — кольцо Даррела! — точно так же, как когда-то целовал его *он*.

Больше мальчик не мог бороться со сном — пальцы его разжались; носильщики осторожно вынесли его из тени на солнечный свет, знатные же господа вскочили в седла. Малышка Бронвин чинно присела в реверансе — а *она*, знала ли она, что здесь произошло? — и наконец все поскакали в сторону замка.

Бетана задумчиво поднесла руку к лицу, провела по щеке гладким золотым ободком, не отрывая взгляда от удалявшихся всадников и мерно покачивавшихся носилок. Но к тому времени, как их по-

глотило солнечное марево, мысли ее уже снова вернулись к далекому прошлому, и случившееся сегодня обратилось в неясное воспоминание.

— Ну, Даррел, хоть одного из них мы спасли, правда? — прошептала она, поцеловала кольцо и улыбнулась.

А потом подняла сумку и, мурлыча себе под нос песенку, побрела к своей пещере на холме.

Посвящение Арилана

1 августа 1104 г. – 2 февраля 1105 г.

Епископ Дерини Арилан был весьма интересен для меня с той самой минуты, как появился на совете регентов Келсона в романе *«Возрождении Дерини»*. Я знала, что Арилан – скрывающийся Дерини (хотя еще представления не имела тогда о существовании Совета Камбера), но открылось это только во *«Властителе Дерини»*, и Брион вряд ли мог знать об этом. Хотя то, что он назначил в тайный совет столь незначительного, не имеющего своей епархии епископа, говорит о близкой дружбе между ними и глубоком доверии. (К моменту смерти Бриона Денис Арилан был фактически его духовником – а как он к этому пришел, я расскажу в следующем романе).

Епископы, друзья Арилана, похоже, не знали о том, что он Дерини и что он не имел права быть епископом. Его вообще не посвятили бы в духовный сан, знай церковники, кто он такой, – ибо среди прочих ограничений, наложенных на Дерини Рамосским Собором, им под страхом смертной казни было запрещено становиться священниками.

Церковь каким-то образом не допускала возможности обойти этот запрет – однако Арилану это все же удалось. В романе *«Властитель Дерини»* он говорит, что, на-

сколько ему известно, они с Дунканом — единственные Дерини, посвященные в духовный сан за несколько веков. (Не исключено, что сам Арилан и помог Дункану благополучно пройти испытание, хотя Дункан тогда не знал и не мог знать, что Арилан — Дерини.)

Так каким же образом удавалось церкви не пускать Дерини в священники? Что мешало им тайным образом добиваться посвящения в сан? Как сумел Арилан обойти препятствия — и какой ценой? Чем он оправдывал себя? И не сожалел ли впоследствии?

«Скажите, — спрашивает Дункан в романе *«Властитель Дерини»*, — вас не мучило, что вы остаетесь безучастным, когда вокруг страдают и умирают такие же, как вы? Вы были в силах помочь им, Арилан, но вы ничего не сделали.»

Арилан отвечает: «Я сделал все, что мог, Дункан. Я бы сделал больше, но... я не хотел рисковать тогда, я не был уверен, что это принесет пользу». По этим словам можно судить, что цена была высока.

В этом рассказе, между прочим, появляются два уже знакомых вам персонажа из Совета Камбера, хотя двадцатилетний Денис Арилан знает только их имена и ничего не знает даже о существовании этого Совета. Втайне от Дениса брат его Джемил тоже входит в Совет Камбера — Денису же известно только то, что у Джемила есть некие могущественные высокопоставленные друзья, и не только при дворе короля Бриона. О других братьях Арилана и о связях их с королевским домом Халдейнов вы узнаете из трилогии о Моргане.

Двадцатилетний Денис Арилан, помогая другу облачаться в черную сутану и белый стихарь, еще не знал, вправду ли Господь поражает всякого Дерини, который осмеливается искать посвящения в духовный сан, но собирался вскоре выяснить — вернее, выяснить это должен был его друг, Джориан де Курси.

— Облеки меня покровом невинности, Господи, укрой светом Твоим, — тихо бормотал Джориан, когда Денис помогал ему продеть голову в новый стихарь. — Да буду достоин я принимать дары Твои и достоин раздавать их.

Ткань, пахнувшая солнцем, летом и ветром, легла мягкими складками поверх сутаны Джориана, и Денис завязал шнурки одеяния.

— *Ты не обязан проходить через это, ты же знаешь*, — сказал он другу мысленно, как умеют только Дерини, усилив магическую связь прикосновением руки.

В это чудесное августовское утро в библиотеке семинарии *Arx Fidei* одевались еще три кандидата, которым помогали соученики из старших классов, поскольку ризница, в которой обычно происходило облачение, была занята архиепископом, приезжавшим обычно на рукоположение, и его свитой.

— *Вдруг это правда?* — продолжал Денис. — *Джориан, послушай меня! Ведь если они обнаружат, кто ты, они убьют тебя*!

Джориан только улыбнулся в ответ, принимая у Дениса белый шелковый кушак и с надлежащей молитвой повязывая его вокруг талии.

— Скрепи меня узами любви с Тобою, Господи Иисусе Христе, и опоясшь непорочностью, дабы сила Твоя пребыла со мною!

— *Джориан, вдруг это правда?* — настаивал Денис.

— *А вдруг неправда?* — ответил Джориан тем же сокровенным способом, позволявшим Дерини общаться в присутствии посторонних, кто не должен был знать об их происхождении. — *Мы так и не узнаем, если кто-нибудь не попробует. И это должен сделать я. Я не так хорошо обучен, как ты, — сам этого не хотел, и если разоблачат меня, для наших это будет гораздо меньшей потерей. Я хочу быть священником — я рожден для этого, Денис, — и, может быть, мне лучше умереть, если я этого не добьюсь.*

— *Ты сошел с ума!*

— *Возможно. Но тем не менее я не поверну обратно, когда цель так близка. Если я призван стать священником, Господь позаботится обо мне.*

Джориан, перебросив через левое плечо дьяконский орарь, начал читать вслух другую молитву, а Денис вновь принялся возиться с завязками.

— Тебя, Кто сказал: «Ноша Моя легка, бремя Мое — свет», Тебя благодарю за то, что могу нести благословение Твое всему миру.

— *И если я этого не сделаю,* — продолжил мысленно Джориан, — *может быть, ты сделаешь за меня.*

Лишь внутренняя дисциплина помогла Денису сохранить невозмутимое выражение лица, когда друг его, шепча молитву, закреплял последнюю принадлежность облачения, ибо Джориан был прав. В качестве предосторожности они все годы обучения скрывали свою дружбу, чтобы, если одного разоблачат, не пострадал бы заодно и другой, но оба знали прекрасно, что все решает эта последняя проверка. Кто-то

должен был пройти ее первым, и это был Джориан. Двести лет церковь под страхом смертной казни запрещала Дерини получать духовный сан, и священники утверждали, что Бог поразит каждого, кто дерзнет нарушить запрет. Говорили, что так и происходило не однажды в десятом веке, в самом начале гонений против Дерини. И в каждой семинарии новичкам рассказывали свои страшные истории о том, что случалось с теми, кто пытался получить сан обманом.

В результате почти двести лет в Гвиннеде не было ни священников, ни тем более епископов Дерини. Во всяком случае, о таковых не знали даже учителя Дерини — а уж они-то должны были знать. Но если Дерини хотели положить когда-нибудь конец преследованию своей расы и вернуть себе высокие посты и былую власть, начинать следовало с церкви, с попыток изменить внушаемое ею представление о Дерини, как о воплощении зла. Прежде чем стремиться к светской власти, надо было обрести власть внутри церкви. Учителя надеялись, что Денис Арилан, их лучший ученик, дойдет в конечном итоге до епископского сана, и настояли, как он ни противился, на том, что первым, расчищая ему путь, должен пройти испытание старший годами, но менее одаренный Джориан де Курси.

— Внимание, преподобные господа, — предупредил басом отец Лоуэлл, капеллан аббатства, просунув голову с тонзурой в дверь библиотеки, и отступил с дороги.

В библиотеку вошел отец Калберт, энергичный молодой аббат семинарии, в сопровождении нескольких преподавателей и священников-гостей, и все четыре кандидата, поспешно поправляя облачения,

обратили к ним свои взгляды. Денис и другие помощники отошли в сторону, и все низко поклонились, когда Калберт поднял руки, благословляя, и произнес положенное приветствие.

— Pax vobiscum, filii mei.

— Deo gratias, Reverendissimus Pater, — ответили они в унисон.

— Ах, какие прекрасные выйдут из вас священники, — сказал Калберт, улыбаясь и одобрительно разглядывая своих подопечных. Затем он обратился к семинаристам-помощникам. — Можете идти на свои места, а я скажу вашим братьям несколько слов напоследок.

Денис, потупив взор, как подобает, послушно вышел вслед за остальными, но, проходя мимо Джориана, послал ему мысленно слова прощания, словно бросил вызов — не Калберту, ибо тот был многомудрый и святой человек, а жестокому закону, который превратил этот день радости в день страха для его друга. Без физического контакта, помогающего ментальной связи, и без сосредоточенности на ней Джориана посыл этот отнял у него много энергии, но он не пожалел об этом, ибо успел ощутить слабый, но полный благодарности отклик друга, прежде чем за ним закрылась дверь.

Он едва сознавал происходящее, когда шел потом по монастырскому двору и занимал со своими однокашниками положенные места в процессии позади несущих крест и кадила, когда пел вместе со всеми вступительный гимн — сердце его возносилось в неустанной молитве, чтобы Джориан благополучно прошел посвящение и чтобы Господь не поразил никого из них за дерзость.

— Jubilate Deo, omnis terra, — пел он. — Servite Domino in laetitia. Introite in conspectu euis in exsultatione...

Воскликните Господу, вся земля. Служите Господу с веселием. Представайте пред лице Его с пением...

Церковь Заступника была переполнена, из-за приезда на посвящение архиепископа и родственников нынешних кандидатов из знатных семей — Джориан тоже был знатного рода, но из родни его почти никого не осталось в живых. Это было, кстати, еще одной из причин, по которой первым позволили рискнуть Джориану, ибо в случае разоблачения никакие церковные или мирские наказания не могли угрожать мертвым — даже мертвым Дерини. Денис Арилан, входя с процессией в битком набитую церковь, весь напрягся в ожидании приближавшегося испытания.

Алтарь сиял свечами. Сверкали, отражая свет, подсвечники и алтарная плита. Привычный запах воска и ладана успокоил немного душу Дениса, наполнил ее прежней радостью, и, благоговейно сложив на груди руки, он проследовал на свое место в правом крыле хоров, располагавшихся по обе стороны от алтаря.

— Bendicte, anima mea, Domino, — запел хор другой псалом. — Et omnia quae intra me sunt nomini sancto eius... Благослови, душа моя, Господа, и вся внутренность моя — святое имя Его...

Процессии архиепископа, казалось, не будет конца; ее состав не сулил ничего доброго Дерини, случись таковому быть уличенным сегодня в обмане. И одного архиепископа хватило бы — то был ярый ненавистник Дерини, Оливер де Нор, архиепископ Ва-

лорета и примас всего Гвиннеда, про которого говорили, что в бытие свое странствующим епископом он отправил на костер не одного Дерини, — но с ним было еще двое священников, также имевших репутацию злостных гонителей Дерини. Отец Горони, капеллан архиепископа, отыскавший и отправивший на казнь несколько магов. И священник по имени Дарби, постепенно приобретавший печальную известность и назначенный недавно пастырем расположенного по соседству прихода Святого Марка — по традиции этот пост был переходной ступенью для привилегированных сынов церкви к сану епископа. Все церковники Гвиннеда слышали об Александре Дарби, чей трактат о Дерини, который он написал, еще учась в семинарии Грекоты, стал рекомендованным чтением для всех стремящихся к духовному сану.

Но уже не время было размышлять об опасности, которую представляли собой посетители Arx Fidei. Время было думать о Джориане, который появился в конце процессии, ведомой аббатом Калбертом, среди остальных трех дьяконов со свечами в руках. Если молодой Дерини и питал какие-то страхи по поводу предстоящего, на серьезном лице его отражалась лишь сдержанная радость, ибо близился миг, к которому он готовил себя всю жизнь. И Денис снова начал молиться, так, словно никогда раньше не молился, прося пощадить Джориана; и некоторое время потом казалось ему, что молитва его услышана.

Молния не поразила Джориана де Курси, когда его вызвали и он ответил «Adsum» и, преклонив колени, передал с почтительным поклоном свою свечу архиепископу. И не прилип к небу его язык, когда

он отвечал на ритуальные вопросы. И не пал он мертвым, когда архиепископ возложил руки на его голову, благословляя и посвящая в сан, и когда это сделали остальные священники, и когда ладоней его коснулось святое помазание.

Когда же облаченный наконец в белую ризу и епитрахиль священника Джориан и остальные посвященные двинулись вослед за архиепископом к алтарю, дабы отслужить свою первую в жизни мессу, Денис начал верить, что все пройдет благополучно. Джориан уже получил причастие из рук архиепископа де Нора и сам вышел со святыми дарами причащать соучеников и прихожан, и вот тут-то внезапно восторг на его лице сменился изумлением, и юноша неожиданно споткнулся.

— Иисусе сладчайший, помоги мне! — услышал Денис слабый голос Джориана, и молодой священник, побледнев, упал на колени и схватился за ограду алтаря, едва не выронив святые дары.

Отец Ориолт, посвященный в сан одновременно с Джорианом, не растерялся и подхватил дароносицу, и тут архиепископ де Нор, передав свои дары отцу Горони, устремился к скорчившемуся у ограды Джориану, а с другой стороны к нему заторопился аббат Калберт.

— Джориан, вам плохо? — спросил Калберт, поддерживая юношу за плечи.

Их окружили священники, и ответа своего друга Денис не слышал, как не слышал и дальнейших реплик, но сомневаться в недомогании Джориана не приходилось — тот совсем сполз на пол и исчез за фигурами святых отцов. По знаку де Нора Горони принес из алтаря собственный потир архиепископа,

и Джориану дали из него выпить, но это не помогло. Наоборот, юноше стало еще хуже.

Затем Джориана подхватили Ориолт и отец Риордан, наставник младших классов, и отвели в ризницу, следом отправились де Нор и аббат. Что-то здесь не так — думал в смятении Денис. Неужели это Бог поразил Джориана?

Он не мог поверить в это, но чем же тогда объяснить то, что произошло? Джориан был вполне здоров. И утром, когда Денис помогал ему одеваться, чувствовал себя прекрасно. Он не мог растеряться и утратить самообладание, когда приступил к исполнению своих новых обязанностей, поскольку, будучи дьяконом, достаточно часто помогал священнику причащать паству.

И единственное, что приходило на ум, — эта внезапная слабость Джориана как-то связана с тем, что он Дерини. Бог его поразил, как и утверждали легенды; и когда настала очередь Дениса идти к причастию, он невольно напрягся, ожидая, что Господь поразит сейчас и его, как виновного в том же грехе.

Освященная облатка, которую Денис принял от отца Горони, показалась ему суше, чем обычно, и комом стояла в горле, когда он возвращался на место, но божественный гнев его все-таки не поразил. Правда, он еще и не бросил вызова Святой Церкви, пройдя посвящение в сан.

Всю службу он думал только о Джориане, тревожась о его состоянии. Архиепископ вскоре вышел из ризницы вместе с Ориолтом и продолжил как ни в чем не бывало раздачу причастия, но в ризницу на это время удалился отец Дарби; а потом де Нор снова ушел туда, и вместо него службу завершал отец Горони.

Джориан так и не вышел дать свое первое благословение, как остальные новоиспеченные священники, и по окончании службы в ризницу разрешили пройти только лицам из свиты архиепископа. На праздничной трапезе Джориан тоже не появился — архиепископ же пришел с опозданием, без своего капеллана и отца Дарби.

Ни архиепископ, ни аббат во время трапезы ни словом не обмолвились о Джориане, хотя не могли не понимать, что семинаристы и гости аббатства должны обсуждать происшествие, пользуясь отменой на праздничный день правила Молчания. И никто не осмелился спросить о нем. Только после вечерней службы, когда учащиеся собрались без посторонних, хмурый аббат Калберт поднялся на кафедру и сдержанно призвал всех к вниманию.

— Дорогие мои дети во Христе, как это ни тяжело, но мой долг рассказать вам о Джориане де Курси, — начал он, и от тона его и от того, что он пропустил новое звание Джориана, Дениса пробила холодная дрожь. — Я знаю, все вы встревожены. И очень хотел бы сообщить вам, что с Джорианом все в порядке... или даже, что он умер. К несчастью, я не могу сказать ни того, ни другого. Ибо Джориан де Курси оказался шпионом Дерини, засланным к нам.

Слова эти прозвучали вполне бесстрастно, но все услышавшие их разинули рты. Дениса охватила паника, и, борясь с бессмысленным и могущим оказаться роковым порывом к бегству, он задействовал все свое умение Дерини, чтобы выглядеть спокойным, не более потрясенным, чем остальные, и только на руках его, которые он, стиснув, поднес к губам в безмолвной молитве за Джориана, побелели от напряжения костяшки пальцев. Семинаристы начали

переговариваться, сначала шепотом, потом все громче, Калберт поднял руку, призывая к молчанию, и все немедленно затихли.

— Никто из нас до сегодняшнего дня не подозревал об этом. Дерини владеют искусством обмана — но никакая магия не обманет Владыку Воинства Небесного! Господь поразил Джориана де Курси за гордыню и непослушание, и слуги Божии свершат правосудие. Завтра Джориана де Курси отвезут в Валорет, где он предстанет перед трибуналом архиепископа. Некоторых из вас могут попросить дать показания под присягой о его пребывании здесь, в Arx Fidei, ибо это немыслимо, что Дерини сумел подобраться столь близко к Святым Таинствам.

Им запретили обсуждать это происшествие между собой, но после повечерия, когда семинаристам полагалось быть уже в постели, Денис и несколько других старшекурсников переговорили все-таки в коридоре перед дортуаром с молодым отцом Ориолтом, кто единственный, кроме архиепископа, свитских и аббата, побывал в ризнице, куда отвели Джориана.

— Я не знаю, что случилось, — шепотом говорил Ориолт, и Денис придвинулся ближе, чтобы ничего не пропустить. — Я думал, у него просто голова закружилась от волнения и вчерашнего поста. У меня так закружилась слегка. Да еще вино, которое привез архиепископ, на пустой желудок...

— Но почему он звал на помощь? — спросил Вениамин, старшекурсник, который прислуживал у алтаря и который, как Денис и почти все собравшиеся, должен был пройти посвящение в сан будущей весной.

Денис, желая знать правду, осторожно вошел в мысли Ориолта, когда тот ответил, покачав головой:

— Не знаю. У него кружилась голова. Он еле дошел до ризницы. И там его чуть не вырвало. Я побыстрее снял с него облачение, думая, вдруг у него жар; а он дрожал как лист, и зрачки ужасно расширились. Де Нор велел дать ему еще вина, но это не помогло. Я боялся, что у него начнутся судороги, но потом он потерял сознание. И тогда де Нор велел мне возвращаться с ним заканчивать службу, сказав, что с Джорианом побудет отец Дарби. Наверное, Дарби учился на врача.

Ему пытались еще задавать вопросы, но Ориолт больше ничего не видел, и Денис знал, что он говорит правду. Они разошлись по спальням, поскольку разговоры во время Великого Молчания ночных служб были запрещены, и больше часа Денис пролежал в постели, глядя в потолок и размышляя об услышанном, и подозрения все сильнее терзали его душу. Недомогание Джориана, как его описал Ориолт, было весьма похоже на отравление или на...

Мераша! Снадобье Дерини, о котором знали немногие люди... болезнь Джориана могла быть вызвана именно им. Мераша была сильным, дурманящим сознание средством, которое создали сами Дерини еще века назад, чтобы учиться с его помощью контролировать себя. На людей она действовала как легкое успокоительное, но у Дерини вызывала, даже в малых дозах, головокружение, тошноту и утрату координации, делая невозможными концентрацию и использование психических сил. Денису давали ее несколько раз во время обучения, чтобы он узнал, как она действует, и научился противостоять, на случай, если враги используют мерашу против него; но ни-

какое обучение не помогало полностью нейтрализовать ее действие — а Джориан этому вообще не учился. И вряд ли даже знал, что такое мераша.

Неужели Джориану дали мерашу? Неужели церковники прознали как-то о восприимчивости к ней Дерини и пользовались ею при посвящении в духовный сан, зная, что для людей она безвредна — зато мгновенно разоблачит Дерини? Выходит, нет никакой «божьей воли» в том, чтобы не допускать Дерини в церковь, а есть всего лишь воля самой церкви, человеческий запрет, продолжающий ограничивать их расу со времен реставрации Халдейна?

Вдруг он догадался, и как это можно было сделать: освященное вино! Ориолт заметил, что вино архиепископа было очень крепким. Архиепископ привозит с собой свое — и это никого не удивляет, потому что ему приходится по долгу службы объезжать разные приходы, а кое-где местное вино бывает весьма низкого качества.

И пользуясь своим вином, в которое кое-что подбавлено, он может не только потешить свой разборчивый вкус, но и не позволить ни одному Дерини получить сан, избежав Божьей кары, — а если кому-то из них уже удалось стать священником, успешно очистить алтарь от такой скверны...

Да, мераша должна быть в вине. И де Нор дал его Джориану выпить два... нет, три раза: дважды из своего потира и еще в ризнице, хотя там уже вино было неосвященное. Скандальное, святотатственное злоупотребление таинством, для которого вино предназначено, но зато это обеспечивает достижение цели и избавляет от страха перед Дерини... дает исключительную возможность отбора правильных кандидатов в священники и епископы!

Дениса даже затрясло, когда до него дошел весь смысл собственного предположения, он съежился под тонким одеялом, не желая верить. И все же необходимо выяснить, так ли это на самом деле... и придумать, как обойти это препятствие, поскольку его посвящение в сан состоится всего через шесть месяцев. О том, что будет теперь с Джорианом, которому так не повезло, лучше пока не думать.

Он заставил себя вспомнить, кто этим утром дежурил в ризнице, и перед мысленным взором его возникли лица двух семинаристов. Один из них ночевал в другой спальне, а второй, его приятель Элгин де Торрес, тихо похрапывал всего через несколько кроватей от Дениса.

Денис долго всматривался в темноту дортуара и, убедившись, что все спят, поднялся, набросил поверх ночной рубахи накидку и тихо подошел к кровати Элгина. Затем встал на колени у изголовья и легко коснулся кончиком пальца между глаз Элгина, усиливая тончайшую ментальную связь.

— Элгин, привозил ли сегодня архиепископ де Нор свое вино для богослужения? — спросил он, требуя ответа в виде картинки, а не слов.

В памяти Элгина сразу же всплыли воспоминания о его пребывании в ризнице — как капеллан де Нора вынимал из тюков пышные облачения, изукрашенные драгоценными камнями потир и дискос и, наконец, скромного вида флягу, из который он налил вино в графин, предназначенный для выноса в алтарь.

Вот оно! Де Нор привез свое вино! Конечно, в него необязательно была добавлена мераша, но могло быть и так. Все четверо посвященных в сан, причащаясь, пили из потира архиепископа.

Как узнать, была ли мераша уже в вине, когда Горони наливал его в графин, или ее добавили позже? Ее могли подмешать и в графин с водой — не такое оскорбление таинства, но результат тот же. Интересно, когда Джориану дали выпить вина в третий раз, в ризнице, это было здешнее вино или опять из личного запаса де Нора? Зная это, можно было ответить на вопрос относительно воды... но рассказать мог только Ориолт, остальных спрашивать было небезопасно, а Ориолт уже спал и мог уехать прямо с утра, получив назначение.

Впрочем, вино или вода — разница небольшая. Добавление мераши в священный сосуд — дьявольское деяние, в результате которого только что посвященного богослужителя предает именно то таинство, что дает ему право отправлять церковную службу. Это напомнило Денису страшную историю времен Реставрации — негодяй-священник использовал при крещении отравленную соль для убийства новорожденного принца Халдейна. Денис до сих пор помнил, какое жуткое впечатление она на него произвела.

Однако осквернение вина казалось ему еще более чудовищным поступком, ибо искажало главное таинство церкви, пусть даже только для Дерини, желающего стать священником. И хлебом, и вином причащались лишь священники и епископы — благодарение Богу, никто другой из Дерини никогда не подходил к алтарю за утешением и прощением, даруемыми этим таинством.

Но священник-Дерини, причастившись мерашей, не мог даже отслужить свою первую в жизни мессу, ибо тот, кто его посвящал, тем самым его и предавал. Неудивительно, что столько лет среди священни-

ков нет и не было Дерини. Как мог кандидат уклониться — или хотя бы узнать, что надо уклониться — от того таинства, для отправления которого его и должны посвятить в сан?

Денис весь дрожал, выйдя из разума Элгина. Он поспешно скрыл следы своего пребывания в нем, углубив сон юноши. Подозрение необходимо проверить. Если ему удастся незаметно пробраться в ризницу, он может найти там доказательства — вдруг графины вымыты небрежно, а то и вообще не вымыты до сих пор, из-за суматохи, последовавшей за разоблачением Джориана.

И сделать это надо сейчас, поскольку завтра с утра, а то и ночью дежурные по ризнице уничтожат все следы происшедшего. Если Дениса застанут в церкви в столь поздний час, это ему ничем не грозит, старшие семинаристы имеют право прийти помолиться в любое время, даже во время Великого Молчания. Но если застанут в ризнице — он должен будет предоставить весьма убедительное объяснение, особенно после случившегося с Джорианом.

Однако упускать эту возможность нельзя. Ибо если стать священником Денису препятствует не божественный промысел, а всего лишь вино с мерашей, он или его учителя, возможно, сумеют найти обходной маневр. А не сумеют, тогда у Дениса есть еще выбор — либо рискнуть, как Джориан, либо уйти из семинарии Arx Fidei и исчезнуть совсем, навсегда отказавшись от мысли быть полезным обществу в качестве скрывающегося Дерини.

С самого начала, однако, стало понятно, что его затея с ризницей не удастся, во всяком случае, этой ночью. Ибо, когда он незаметно проскользнул в церковь и остановился в южном трансепте, чтобы

осмотреться, он увидел двоих своих однокашников, стоявших на коленях в тени хоров. А из алтаря в этот момент вышел отец Риордан, наставник младших, и направился к ним.

Проклятье! Риордан просто-напросто прикажет ему возвращаться в постель, как, судя по его безмолвной жестикуляции, он и приказывает тем двоим. Денис не обязан подчиняться Риордану, но отказ уйти может вызвать ненужные подозрения. Он задумался, не уговорить ли ему наставника нарушить Молчание, чтобы спросить о Джориане... под невинным предлогом, конечно, будто он ищет утешения... но Денис тут же понял, что не посмеет настаивать, если Риордан не захочет говорить. А Риордан тем временем уже отправил двоих полуночников к выходу и направился к Денису.

К счастью, судя по выражениям лиц семинаристов, которые покорно пошли к себе в спальню и, проходя мимо, поклонились Денису, Риордан был настроен нынче довольно снисходительно. Он сочувственно кивнул Денису, подойдя ближе, но сразу поднял руку и знаком велел ему уходить.

Денис поклонился в ответ, приняв, как он надеялся, самый скорбный и встревоженный вид, со всею пристойностью пряча руки в рукавах одеяния и рассчитывая исключительно на свою репутацию в семинарии, как одного из самых способных и самых набожных студентов.

— Простите за нарушение Молчания, отец, но я не могу спать, — прошептал он. — Я хотел помолиться за душу Джориана де Курси. Не могли бы вы... сказать, что с ним случилось?

Риордан скрестил руки на груди и смущенно вздохнул.

— Вы же знаете, Денис, что нарушать молчание запрещено.

— Я приму от вас любое наказание, отец, — покорно пробормотал Денис, потупив глаза и молитвенно складывая руки. — Но... я помогал ему... одеваться сегодня утром... — он сглотнул комок в горле. — Я думаю о его душе. Вдруг мои смиренные молитвы помогут ему раскаяться в содеянном.

Устало вздохнув, Риордан повернулся к алтарю, к висевшему над ним большому, в натуральную величину распятию с бледной фигурой Царя Небесного, озаряемой отблесками лампад рубинового стекла, что горели перед дарохранительницей.

— Понимаю, сын мой. Я тоже молился за него, — тихо сказал он. — Неужели я мог так ошибиться в нем? Призвание его казалось столь несомненным, столь...

Риордан растерянно покачал головой и вздохнул еще раз.

— В любом случае, его уже увезли в Валорет. Если... если все пройдет, как всегда, его привезут через месяц-другой обратно... для казни.

Казнь... сожжение на костре...

Денис вздрогнул, опустил голову, стараясь не думать об этом, но страшные образы так и вставали перед внутренним взором. Когда-то в детстве он видел раз, как сжигали человека.

— Да, — услышал он голос Риордана и вздрогнул, когда рука священника тяжело легла ему на плечо. — Это страшная смерть. Постарайся не думать об этом. Лишь одно утешает: пламя очистит его от греха. И, может быть, молитвы тех, кто знал его только с лучшей стороны, привлекут к нему милосердие

Господа нашего, когда он предстанет у Престола Правосудия.

Риордан, разумеется, был добрым человеком и не заслуживал презрения за то, что повторял благочестиво вслед за остальными все те общие места, что говорились о Дерини на протяжении двухсот лет. Денис знал это, и все же... Он вернулся в постель, ничего не видя от слез ярости, молясь, чтобы Риордан отнес эти слезы за счет его чувствительной натуры. И долго плакал в подушку, пока им не овладело мучительное забытье на несколько часов, остававшихся до славословия.

Прошло больше недели, прежде чем Денису удалось наконец побывать в ризнице на законных основаниях — он мыл графины и складывал облачения после службы. Но к тому времени там уже не оставалось, конечно, никаких следов праздничного богослужения. Да он и не надеялся на это.

Еще через неделю, однако, Денис смог рассказать о своих подозрениях старшему брату, Джемилу, приехавшему его навестить в одно из воскресений. Сэр Джемил Арилан блистал при дворе: он был другом и наперсником молодого короля Бриона Халдейна, стал недавно членом государственного совета и, о чем не знал даже Брион, прошел полное обучение Дерини. Кроме придворных, у Джемила имелись и другие могущественные друзья — весьма высокопоставленные Дерини, которые имели право приказывать даже тайным учителям двух братьев Ариланов. И Денис надеялся, что Джемил может заручиться их помощью.

— Святый Боже! Ден, услышь я это от кого другого, я бы не поверил, — пробормотал Джемил после того, как Денис рассказал, отчасти вслух, отчасти

мысленно, все, что знал о провале Джориана. — Просто невероятно, и если это правда, то ничего не поделаешь, если только не заменить всех епископов Гвиннеда вместе с их штатом. Может, тебе лучше отказаться от дальнейших попыток.

Тошнота, которую испытывал Денис во время своего рассказа, подкатила к самому горлу. Слова брата его испугали.

— Но я не могу, Джемил. Как я объясню это? В феврале меня ждет посвящение. Я здесь на очень хорошем счету. Если я сейчас, после происшествия с Джорианом, брошу семинарию, они могут догадаться о причине... а это опасно для всех нас. И я должен попытаться — ради Джориана.

Джемил понурил голову, глядя себе под ноги, и стегнул хлыстом для верховой езды по ботинку.

— С Джорианом все очень плохо, — сказал он тихо. — Я слежу за тем, как проходит разбирательство, но сделать ничего не могу. Им занимаются инквизиторы Де Нора. На самом деле он знает слишком мало, чтобы его показания причинили кому-то вред, кроме него самого... если не считать тебя, конечно, ну, и меня...

— Джориан нас никогда не выдаст... — начал Денис.

— Тише! Я не сказал, что он это сделает! Тем не менее они уже теряют терпение. И когда они...

Денис тяжело вздохнул.

— Знаю, — прошептал он. — Отец Риордан сказал, что его сожгут.

— Отец Риордан — чувствительный человек, — бесстрастно сказал Джемил.

Денис, борясь с тошнотой, опустил глаза и сморгнул слезы.

— А что король? — решился он наконец спросить. — Может ли он что-то сделать? Он ведь не испытывает ненависти к Дерини.

Джемил уныло покачал головой.

— Ден, одно дело — держать Дерини при дворе в качестве своей прихоти; и совсем другое — помиловать того, кто нарушил закон. Брион не знает, кто я... а молодой Аларик Морган — Дерини только наполовину, к тому же он сын человека, который был другом Бриона. И ему всего тринадцать лет.

Джориан де Курси не просто нарушил канонический закон, он пытался внедриться в церковную иерархию. Епископы этого не простят... и Брион не может вмешаться в дела церкви, не подвергнув опасности себя самого. Они пока еще закрывают глаза на силы самого Халдейна... но не потерпят с его стороны никакого давления.

— А твои друзья Дерини? — спросил Денис. — Они ведь нас учили; они предназначили нам с Джорианом стать священниками. Ему они помочь уже не могут, и он, конечно, понимает это — мы оба знали о предстоящем риске... но раз уж я выяснил, в чем состоит препятствие, почему бы им не поискать способ его обойти?

— Я спрошу у них, — сказал Джемил.

— Спросишь? — Денис посмотрел на брата с удивлением. — Думаешь, они и вправду могут найти способ?

— Ничего не обещаю, но, разумеется, выясню это. Ты сможешь приехать домой на несколько дней?

— До Рождества — вряд ли. На Мартынов день ожидается какое-то важное событие... во всяком случае, ходят такие слухи. Все поездки домой отменили.

— И ты не знаешь?.. — лицо Джемила странно напряглось.

— Чего не знаю?

— В Мартынов день они собираются его сжечь, Денис.

2

За три месяца, остававшиеся до Мартынова дня, Денис Арилан получил от брата лишь одно короткое письмецо. Для постороннего глаза речь в нем шла о семейных новостях. Но печать на письме, скрепленная магией, содержала дополнительную информацию, доступную только Дерини, причем только тому Дерини, для кого она предназначалась.

Новости были скверные, во всяком случае, что касалось Джориана де Курси. По словам Джемила, трибунал осудил его и действительно назначил казнь на Мартынов день в семинарии Arx Fidei, в назидание прочим. Но друзья Джемила, хотя они ничем не могли помочь Джориану, согласились придумать что-нибудь в помощь Денису.

«С тобой лично им не понадобится обсуждать никаких деталей, — гласило послание, заключенное в печати. — То, что мы задумали, будет весьма рискованным и для тебя, и для тех, кто будет тебе помогать, но если ты согласен рискнуть, то согласны и остальные. После Мартынова дня ты получишь известие, что я тяжело заболел и могу умереть. Не пугайся, это будет предлогом для твоей поездки домой.»

Увы, до этой поездки состоялась другая, куда более страшная, — но не для Дениса, а для Джориана. Как и говорил Джемил, церковные власти привезли Джориана де Курси обратно в Arx Fidei, чтобы семи-

нариста увидели и убедились воочию, что случается с Дерини, когда те пытаются преступить Божий Закон. Присутствовать при казни обязаны были все, от самого младшего ученика до аббата.

Рассвет Мартынова дня выдался ясным и светлым, обещая на редкость теплую для ноября погоду, словно никакой зимы не было впереди и в помине. Вместо аббата утреннюю молитву прочел отец Риордан, ибо Калберт уединился с архиепископом, прибывшим со своей свитой и осужденным Джорианом накануне вечером. А затем Риордан вывел семинаристов на площадь перед церковью, где уже собрались поглазеть на сожжение Дерини множество учеников из соседних школ и горстка посторонних зевак.

Когда Джориана, изможденного и спотыкавшегося, вывели в цепях к столбу, установленному в центре площади, Денис едва узнал своего друга. На теле его не было ни кровоподтеков, ни следов от ударов плети или других пыток, но и через весь двор Денис мог пересчитать его ребра. По бессмысленному же выражению лица и неловким движениям можно было догадаться, что он опять находятся под воздействием мераши, — не исключено, подумал Денис, что его пичкали этим снадобьем все время заключения.

Кое-что с ним сделали такое, что было заметно сразу — отменили посвящение в сан, лишив тем самым того единственного, что могло принести ему хоть какое-то утешение перед лицом смерти. Жестокость их дошла до того, что ему не позволено было даже выглядеть как священнику. Одеждой Джориану служил кусок грубой домотканой материи, который при всем желании невозможно было принять за рясу, мантию или еще какой-то предмет облачения духовного лица. Чтобы окончательно его унизить, во

время заключения ему не позволяли бриться и поддерживать тонзуру. Он один был с бородой на этой площади, заполненной гладко выбритыми мужчинами и еще не знавшими бритвы юнцами; волосы вокруг заросшей тонзуры ему подстригли так неровно, что ее совсем не было видно — даже в этом символе былого звания ему отказали.

Джориан де Курси к тому же должен был умереть отлученным от церкви и без последнего причастия. Перед утренней молитвой Риордан прочел ученикам акт отлучения, и голос его дрожал так, что слов было не разобрать, — наставник младших классов любил Джориана. А потом он произнес короткую проповедь о совести и сострадании и, хотя ни разу не назвал Джориана, дал всем понять, что сострадательный человек с совестью волен помолиться после проповеди, за кого пожелает.

Это небольшое проявление доброты и храбрости могло стоить Риордану строгого выговора, а то и смещения с должности, узнай о нем кто из свиты архиепископа, ибо официальная политика не допускала никакой мягкости по отношению к Дерини. Но присутствовали при этом только ученики; и все они были слишком потрясены предстоящей казнью, чтобы, предавшись после проповеди безмолвной молитве, искать в словах наставника что-то еретическое. Денис в это время с помощью своих сил проверил, что чувствуют окружающие его, — немыслимая для них способность! — и обрел некоторое утешение, убедившись, что участь Джориана воистину печалит каждого. Это позволяло надеяться, что многовековая ненависть к Дерини может угаснуть в том кругу, где это особенно важно, ибо все эти семинаристы станут духовными лицами; а куда ведет церковь, туда следует

и народ. И если самому Денису удастся сделать то, чего не смог Джориан, возможно, он сумеет со временем повернуть церковь на стезю умеренности и терпимости в отношении Дерини.

Только эта надежда и поддерживала Дениса, когда он смотрел, как палачи архиепископа привязывали Джориана к столбу. Они прикрутили его цепью, оставив свободными руки, и архиепископ де Нор вышел на крыльцо церкви со своим капелланом и аббатом Калбертом — последний, казалось, вот-вот упадет в обморок, ибо академический мир не готовил аббатов к таким зрелищам, какое ему предстояло сегодня наблюдать. При появлении де Нора в толпе послышался гомон оживления, и Джориан вздрогнул, хотя не видел выхода архиепископа. Денис попытался поддержать его мысленно, напряг силы почти до предела, но сознание Джориана было затуманено мерашей, и контакта не получилось.

Чуть не плача от несправедливости всего этого, Денис в отчаянии прервал связь, прижал руки к груди — о, если бы он мог сделать хоть что-нибудь, чтобы облегчить мучения друга! Сквозь последнее страшное испытание Джориан должен был пройти в одиночку, лишь Бог служил ему утешением; Денис не в силах был помочь ничем.

Боясь дать волю гневу, чтобы не выдать себя с головой, Денис заставил себя успокоиться, читая надлежащие молитвы. А де Нор вышел вперед с епископским посохом в руке и начал произносить бесконечную проповедь о Дерини — носителях зла и о том, что сейчас одному из них будет воздано по справедливости. Джориан стоял неподвижно, безвольно опустив руки, словно и не слышал ничего — по-

ка де Нор не закончил и не поднес спокойно факел к растопке, сложенной у ног осужденного.

Пламя занялось, окрепло, подхваченное порывом осеннего ветра, взметнулось вверх, и над толпой пронесся не то одобрительный, не то испуганный вздох. Тут только Джориан пошевелился, поднял руки, словно пытаясь защититься, и кто-то из зрителей засвистел, послышались насмешливые выкрики, как будто движение это было лишним доказательством самонадеянности еретика Дерини, хотевшего стать священником.

А потом Джориан поднял глаза над головами своих мучителей, ища взглядом что-то на крышах монастырских строений. Большинство зрителей решило, конечно, что он высматривает возможность спастись, и только Денис догадался, в чем дело. Джориан де Курси, даже перед смертью не изменивший своей вере, искал крест, но де Нор поставил столб так, что юноше не было видно ни одного.

Если бы к тому времени Денис умел управлять разрушительными силами Дерини, он бы с радостью отправил за это архиепископа в ад, — но его этому еще не учили, и впоследствии он был рад, что не мог поддаться соблазну. Благородный Джориан, несмотря ни на что, держался мужественно, он откинул голову, прислонясь к столбу, скрестил руки на груди и так стоял, словно не замечая боли, которую причинял ему огонь, поднявшийся тем временем выше и лизавший его ноги и жалкое одеяние.

Смотреть на него Денису было невыносимо тяжело, но он заставлял себя ради Джориана, чтобы сохранить эту картину в памяти на все грядущие времена, чтобы никогда не забыть ни пример Джориана, ни причину, по которой он умер. Джориан де

Курси, Дерини, был не первым и не последним мучеником, павшим жертвой людской ненависти и страха, но, безусловно, думал Денис, он — один из храбрейших. Он даже не вскрикнул ни разу. Денис был уверен, что точно почувствовал момент, когда душа Джориана покинула измученное тело, и послал мысленные слова прощания своему другу, чья душа воспарила в руки Господа. И когда бренные останки Джориана почернели и скрючились в пламени костра и толпа зароптала беспокойно, над площадью вдруг прозвенел мальчишеский голос:

— Sacerdos in aeternum!

Sacerdos in aeternum... священник навечно. Даже церковь не могла бы оспорить истинность этих слов. Властью своей она могла отлучить Джориана от сана, но священный след в его душе, оставленный рукоположением, она была не в силах стереть, как и след королевского помазания. На самом деле сам акт посвящения в королевский сан сохранился с тех времен, когда короли были одновременно священниками и правителями; ритуал коронации произошел от ритуала посвящения в духовный сан. И то, что даровал Господь через причастие Своей церкви, не мог изменить никакой смертный, пусть даже даровал Он это Дерини.

Именно об этой истине напомнили всем выкрикнутые кем-то слова «Sacerdos in aeternum», и толпа ошеломленно затихла. Кто их крикнул, Денис не знал — хотя в глубине души испытывал безрассудное сожаление, что это был не он сам, — и впоследствии никто не признался, и никто не выдал смельчака. Ибо все вспомнили вдруг, что Джориан де Курси, кем бы он ни был, стал священником навечно; и судить его теперь мог только Бог.

Но хотя насмешки прекратились и на площадь опустилась благоговейная тишина, приторный дым продолжал все так же клубиться над огнем, который уже пожирал столб, и ничто не в силах было смягчить ужас того, что здесь произошло: огненное жертвоприношение живого существа. Здравый смысл твердил Денису, что Джориана де Курси больше нет в этой неузнаваемой оболочке, которая корчится в огне с обугленными конечностями... что только жар пламени заставляет ее шевелиться, а вовсе не последние судороги агонии.

Но вид и запах горящей плоти пробуждали чувства, с которыми не могли совладать ни рассудок, ни логика, тем более у юных людей. Рассудок не мог сдерживать бесконечно и физическую реакцию организма. Многие отворачивались и сгибались в три погибели, стараясь не упасть в обморок и тщетно борясь с тошнотой, и не один Денис ушел с площади пошатываясь, когда костер превратился наконец в кучку тлеющей золы и всем позволено было разойтись.

Зловоние висело над семинарией Arx Fidei еще несколько дней после того, как пепел Джориана бесцеремонно сбросили в протекавшую поблизости реку. Даже через неделю, когда Денис, получив известие о болезни брата, приехал в их фамильное поместье Тре-Арилан, ему все еще казалось, что он чует этот запах, впитавшийся в дорожную сутану.

— Пока мне нечего тебе сообщить, — спокойно сказал Джемил после того, как Денис коротко поздоровался с домочадцами и слугами и они вдвоем уединились в личном кабинете брата. — Я не расспрашиваю, что да как было, тебе скоро придется снова рассказывать об этом. Сегодня, Ден, я устрою

тебе встречу с некоторыми весьма значительными людьми. Надеюсь, ты понимаешь, чем мы все рискуем... и чем уже рисковали для тебя.

Денис опустил голову, борясь со слезами, которые он сдерживал всю дорогу от Arx Fidei.

— А чем рисковал он, Джемил? — хрипло выговорил он. — Сдается мне, он заплатил самую высокую цену. И я не позволю, чтобы это пропало зря, даже если мне придется действовать одному и погибнуть.

— Я надеялся, что ты так скажешь, — Джемил встал и ласково потрепал Дениса по плечу. — И есть надежда, что на этот раз обойдется без смертельного исхода. Пойдем. Нас ждут.

Денис знал, что рядом с камином в кабинете Джемила есть потайной ход, и без колебаний последовал туда за братом, возжегши, как и старший Арилан, на ладони магический серебристый свет, чтобы освещать дорогу. Но о том, что в ритуальном кабинете, куда привел их коридор, есть Перемещающий Портал, он не знал и не ожидал просьбы, с которой обратился к нему брат.

— Мне велено провести тебя вслепую, — сказал Джемил. — На самом деле я вообще не имею права брать тебя туда, но слишком трудно перенести сюда один из предметов, которые нам нужны. Ты должен дать мне торжественную клятву, что никому не расскажешь о том, что увидишь и услышишь. И не задавай мне вопросов, когда вернемся — ни о месте, ни о людях, я не смогу ответить. Ты понял?

Денис сглотнул, задумавшись невольно, во что ввязывается.

— Понял, — сказал он.

— Тогда поклянись, — потребовал Джемил и протянул Денису руки ладонями вверх, не отрывая от

него взгляда своих темно-синих глаз. — Ты должен поклясться всем самым дорогим для тебя, и мысли твои в это время должны быть полностью мне открыты.

Серьезность Джемила вызвала у Дениса благоговейный трепет. Он убрал свою защиту и, положив свои руки на руки брата, открыл для него разум, ощущая подрагивание под ногами, магию Портала, созданного их сородичами.

— Клянусь своим священным призванием, — тихо сказал он, — и памятью Джориана де Курси, о чьем призвании я также клянусь никогда не забывать, что никогда и никому не скажу ни слова о том, что увижу сегодня. Тайна сия будет сохранена мною столь же свято, как тайна исповеди. И коли я нарушу эту клятву, да не достигну я того, к чему стремлюсь и да погибну, так и не став священником. Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Он оторвал руки от рук Джемила, перекрестился и поцеловал ноготь большого пальца, дабы скрепить договор. Никогда еще не приходилось ему давать клятву более серьезную и торжественную.

— Благодарю, — прошептал Джемил, обняв Дениса за плечи. — Я-то не сомневаюсь в тебе, но остальные тоже должны быть уверены. Теперь пойдем к ним. На несколько минут ты должен полностью доверить мне управление тобой.

Помедлив мгновение, Денис согласно кивнул, восстановил обычную связь с братом и глубоко вздохнул, полностью снимая защиту. Когда он перестал видеть в тусклом свете магического огня что бы то ни было, кроме глаз Джемила с сильно расширившимся зрачками, он ощутил прикосновение разума брата, почти желанное после стольких месяцев по-

стоянного сдерживания себя. Веки его дрогнули и опустились, не успел Джемил еще коснуться правой рукой его лба; а потом, понял он, Джемил повел его через Портал, но куда, в какую сторону — сообразить не мог.

— Не открывай глаза, пока я не скажу, что все в порядке и можно смотреть, — пробормотал брат, беря его под руку.

Чужой контроль над разумом не позволял сориентироваться в пространстве, переход по которому занял несколько дюжин шагов, и Денис сознавал при этом, что если бы он даже мог ослушаться и открыть глаза, то все равно ничего не увидел бы. Он был слеп и беспомощен, пока Джемил его не отпустит, — но он находился в столь сосредоточенном состоянии, что это его не волновало. Прошла вечность, казалось, прежде чем Джемил молча усадил его на стул с высокой спинкой, перед которым стоял массивный стол, но Денис по-прежнему был спокоен. И ничуть не удивился, когда Джемил поместил обе его руки на что-то вроде отполированного камня размером с голову человека, а сам встал рядом и легонько сжал сзади рукой его шею.

— Сейчас в наше объединенное сознание войдут еще два человека, Ден. Как только установится связь, ты должен вспомнить посвящение Джориана — все, что видел сам и что услышал и узнал потом от других. Мы начинаем.

Согласия Дениса никто не спросил, да оно и не требовалось, поскольку Джемил управлял сейчас его разумом, тем не менее он его дал, ощутив осторожное прикосновение чужих разумов и помогая всеми силами установить контакт. Контакт возник с легкостью, которая говорила о необыкновенной силе не-

знакомцев, превосходившей даже силу его брата, хотя Джемил был могущественный и полностью обученный Дерини. И сразу нахлынули воспоминания, взволновавшие его не меньше, чем реальные события, начиная с утра того дня, когда грянула беда, и горечь затопила его — но он не стал бы сдерживать своих чувств, даже если бы сам управлял сейчас своим сознанием.

Ему казалось, что он успешно выдержал испытание, даже когда от него потребовали вспомнить казнь Джориана; поток воспоминаний иссяк, но тут гости погрузились в такие глубины его разума, что он утратил всякое представление о происходящем. Затем сознание вернулось к нему, мгновенно, без постепенного перехода; он вдруг обнаружил, что сидит на стуле, а напротив — два человека, которых он прежде не видел. Стол теперь оказался от него справа, старинный, из слоновой кости, отделанной золотом, а Джемил сидел слева на подлокотнике стула и, улыбаясь, бережно массировал ему затекшие шейные мышцы.

«Чувствуешь какое-нибудь неудобство, кроме как в шее?» — мысленно шепнул брат.

Денис, которого интересовали сейчас только двое незнакомцев — то, что они сделали с ним, явно превосходило возможности Джемила, — коротко ответил: «Нет». Младший из этих двоих был примерно того же возраста, что и Джемил; светлые глаза его светились деланным весельем, и, рассеянно отбросив прядь золотистых волос, упавшую на глаз, он тоже улыбнулся Денису. Туника на нем была ярко-синяя, в тон щиту, что красовался над его головой на спинке кресла — синее поле, шевроны, наконечники стрел, показавшиеся Денису смутно знакомыми.

Второй мужчина, на вид лет сорока, был рыжеволосый, с седыми висками, худым угловатым лицом и очень серьезными темными глазами. Поверх дорогой туники на нем было одеяние ученого, а на пальцах правой руки виднелись чернильные пятна. Он наклонился и набросил шелковое пурпурное покрывало на лежавший на столе кристалл ширала, самый большой, какой только случалось видеть Денису.

— Хорош, правда? — спросил тот, что помоложе, приятным баритоном. — Я говорю о ширале, конечно. Сколько он стоит — трудно даже представить. Между прочим, меня зовут Стефан, — он улыбнулся, видя смущение Дениса. — Это Ларан, наш врач; а парень, что сидит рядом с тобой — Джемил. Думаю, его ты уже знаешь. А ты, разумеется, Арилан, не так ли? — он с лукавой ухмылкой посмотрел на Джемила. — Твой брат, Джемил, далеко пойдет, дальше тебя... если нам, конечно, удастся справиться с его посвящением.

Шутливый тон его несколько смущал Дениса. Он ни разу не слышал, чтобы кто-то из посторонних подтрунивал над его братом. Видно, они и впрямь близкие люди. В поисках поддержки он оглянулся на Джемила, и тут человек по имени Ларан сел на свободное кресло возле Стефана и, вынув из складок своего одеяния заткнутую пробкой флягу, протянул ее Денису.

— Вот то единственное, что стоит на вашем пути, молодой Арилан, — сказал Ларан. — Вы были правы, предположив, что в вино подмешивают мерашу.

Денис чуть не выронил флягу, поняв, что в руках у него вино с мерашей.

— Почти двести лет мы гадали, каким образом епископы препятствуют нам становиться священни-

ками, — продолжал Ларан. — Теперь мы знаем. К несчастью, мераша просто идеальное средство для разоблачения Дерини. Не существует никаких противоядий — мы можем только умерить несколько тяжесть реакции. Для людей же смертельная для нас доза — это всего лишь успокоительное... та, что в этом образце, может вызвать некоторую сонливость, — он показал на флягу. — То есть, не происходит ничего такого, что нельзя было бы объяснить воздействием вина на пустой желудок, когда юноша уже и без того взвинчен ожиданием посвящения... и ничего такого, чтобы привлечь чье-то внимание к вину, которое епископ использует для первого причастия молодого священника.

— Но для Дерини... и, к несчастью, для вашего друга Джориана... — он вздохнул. — Вам не надо рассказывать, что с ним случилось.

Покачав головой, Денис поставил флягу на стол и с отвращением вытер руки об одежду.

— Это вино из личного запаса де Нора? — спросил он.

— Нет, — сказал Стефан. — Мы еще и не пытались подобраться к его свите. На этот риск мы пойдем, когда соберемся сделать то, что решили, чтобы помочь тебе. Но это вино — тоже из ризницы епископа, только другого. Мы обнаружили и еще двоих, — он скорчил гримасу. — Им специально поставляется вино из канцелярии архиепископа-примаса, и используется оно только для посвящения в сан. Излишне говорить, что в него всегда добавлена мераша. Так что нам не имеет смысла устраивать так, чтобы ты прошел посвящение в другой епархии.

— Да это и невозможно, поскольку я учусь в Arx Fidei, — пробормотал Денис, — и мне придется отве-

тить на множество весьма опасных вопросов, особенно после истории с Джорианом. А нельзя ли как-то подменить вино?

Ларан кивнул.

— Мы об этом думаем. Уже нашли запасы чистого вина из тех же сортов винограда. Но это не решает всей проблемы.

— Почему?

Ларан пожал плечами.

— Ну, во-первых, не так-то просто совершить подмену и не попасться при этом. А во-вторых, существует опасность, что кто-то заметит разницу во вкусе. Сама мераша вкуса не имеет, но после нее остается характерное послевкусие, как мы все знаем... не слишком явное, но все-таки заметное.

— И вы боитесь, де Нор заметит, если его не будет, — догадался Джемил.

— Что ж, все знают, как он разборчив, — напомнил Ларан. — И это не только удобный предлог брать в поездки свое вино и посылать его другим епископам в знак благоволения... он часто проводит посвящение в сан и без труда распознает вкус своего вина. Чтобы он не обнаружил подмену, я должен найти вещество, которое дает такое же послевкусие, как мераша, действует, как легкое успокоительное, и не имеет никаких побочных эффектов ни для людей, ни для Дерини... возможно, даже некую комбинацию веществ.

Он тяжело вздохнул и продолжил:

— Возможно, нам придется взять чистое вино и надеяться, что де Нор ничего не заметит. Это рискованно, но лучше, чем альтернатива. Что сделает с вами мераша, мы знаем.

— Может быть, это не так уж и рискованно, — отважился вмешаться Денис. — Я готов поспорить, что для будничных служб он использует чистое вино. Зачем ему каждый день принимать успокоительное средство?

— Хм, вообще-то он мог привыкнуть к нему, — заметил Ларан, — но ваше предположение не лишено смысла. Зная, как де Нор относится к Дерини, и допуская, что он знает, чем отличается вино для посвящения...

Стефан, вздрогнув, резко повернулся к Ларану, и тот умолк на полуслове.

— Вы полагаете, что он может не знать о мераше, что кто-то другой отвечает за ее добавление? — тихо спросил Стефан.

Ларан нетерпеливо взмахнул рукой с испачканными в чернилах пальцами.

— Либо да, Стефан, либо нет. На самом деле это неважно. Две сотни лет уже прошло, и за это время сменилось немало архиепископов. Вспомните, однако, как это началось!

Неожиданно врач уступил место лектору, резкие черты его лица осветились вдохновением, и бесстрастный голос зазвучал взволнованно, словно Ларан стоял на кафедре перед студентами.

— Независимо от религиозных проблем добра и зла, запрещение Дерини получать духовный сан принесло большую пользу наследникам Рамосского Собора, — сказал он. — Вся духовная власть была сконцентрирована в руках людей, да и светская тоже — с точки зрения людей, положение вполне оправданное, поскольку все знали, что злоупотребления Дерини своей силой привели к реставрации Халдейнов и всему остальному. И, как это ни прискорбно, испо-

льзование мераши для отсеивания Дерини из кандидатов в священники — это всего лишь логическое продолжение давнего запрета. А еще и замечательное средство, не позволяющее нашему народу обрести былую власть, ибо тем, кто не знает истины, воздействие мераши на Дерини кажется проявлением Божьего гнева, карой, поражающей грешника, посмевшего домогаться священного сана. Все, что им оставалось, это обеспечить ее регулярное применение.

— Забота, которую взвалили на епископов, — добавил Джемил.

— Да... во всяком случае, отчасти. Поскольку ни один епископ не может жить вечно, я думаю, имеет смысл предположить, что рамосские отцы организовали некое тайное сообщество, чьей целью было неустанно следить, чтобы служителями церкви становились только люди. Это мог быть небольшой религиозный орден, члены которого, к примеру, изготавливают вино. Это только предположение, конечно, но о нем стоит подумать.

Стефан фыркнул и сложил руки на груди.

— Я отказываюсь верить, что де Нор ничего не знает.

— Разумеется, он может прекрасно знать, что делает, — согласился Ларан. — Но это не исключает существование за ним общества. Возможно, тайна передается каждому новому архиепископу каким-то уполномоченным лицом, а тот уже обязан обеспечить, чтобы его епископы использовали для посвящений только «специально освященное» вино и чтобы они знали, кого ищут. Как бы там ни было, а это срабатывает. Среди священников и епископов Дерини нет.

Денису это умозаключение показалось вполне логичным, но Стефана оно как будто рассердило. После долгой паузы Стефан ударил ребром ладони по подлокотнику кресла и раздраженно вздохнул. Ларан же сел на место, снова став спокойным и рассудительным медиком, и посмотрел на флягу с вином.

— Ну ладно, ладно, — сказал он дружелюбно. — Что бы я там ни говорил, пока изображал оратора перед вами — за что прошу прощения, — но молодой Арилан, скорее всего, прав, и де Нор вряд ли пользуется специальным вином каждый день. Его успокаивающее действие не всегда может быть кстати. И потому, возможно, он не так часто принимает мерашу, чтобы заметить подмену.

— И все же риск слишком велик, — Джемил встал с подлокотника и принялся беспокойно расхаживать по комнате. — Речь идет о жизни моего брата, — он остановился, заложив руки за пояс, и оглянулся на собеседников. — Думаю, мы не решимся заняться самим де Нором? А то можно было бы внушить ему, чтобы он подменил вино сам, а потом стереть у него память об этом.

— Нет, — сказал Стефан. — Если когда-нибудь обнаружится, что на де Нора было оказано магическое влияние, посвящение Дениса может стать недействительным.

— А если заняться кем-то из его свиты? — спросил Денис. — Вы говорили, что достали образцы вина через помощников других епископов. Разве это не магическое влияние?

— Магическое, — признал Ларан. — Но посвящать тебя будут не они.

— Есть еще одна мысль, — продолжал Денис, охваченный внезапным вдохновением. — Де Нор дела-

ет всего один глоток вина перед тем, как вынести его для причастия. А допивает вино и совершает омовения его капеллан. Можно повлиять на него. Он не имеет никакого отношения к моему посвящению.

Ларан как будто заколебался, но Стефан медленно кивнул.

— Мальчик говорит дело. Как зовут капеллана де Нора? Горони? Мы должны обмануть Горони, Ларан... не де Нора. И капеллану проще всех совершить подмену. Что требуется для того, чтобы он не различил вкуса вина?

— С вашей стороны или с моей? — Ларан как-то странно посмотрел на Стефана.

Стефан фыркнул, и на губах его мелькнула озорная улыбка, столь мимолетная, что Денис едва успел ее заметить.

— Это мы обдумаем, — загадочно сказал Стефан. — Между тем уже поздно, пора расходиться. Но, пожалуй, Денису следует узнать, что он должен будет пережить, если у нас ничего не выйдет, — он взялся за флягу. — Ларан, вы не принесете кубок и немного воды?

Денис с ужасом смотрел, как Стефан вынимает пробку, а Ларан встал и ненадолго вышел из комнаты. Но Денису было не до него.

Неужели они думают, что, после того, что случилось с Джорианом, он станет принимать мерашу? Во время обучения он принимал это снадобье, но тогда было совсем другое дело. Сейчас же ему предлагали вино, которое стало причиной смерти Джориана!

— Может случиться, что тебе придется его выпить, если что-то пойдет не так, — сказал Стефан, отвечая на его невысказанный вопрос. Он взял у Лара-

на принесенный кубок и осторожно налил в него вина. — Если ты будешь знать, чего ожидать, ты сможешь хоть как-то скрыть свою реакцию. А мы дадим тебе сегодня кое-что противодействующее. Так достаточно?

Он протянул кубок, наполненный на четверть темным, густым вином, и Денис с колотящимся сердцем представил себе, что это — потир де Нора.

— Надо добавить воды, — с трудом выговорил он.

Стефан невозмутимо взял у Ларана другой кубок, налил в него воды и собрался было плеснуть в вино, но вдруг передумал и передал кубок Денису.

— Лучше ты. Ты знаешь, сколько надо.

Денис принял кубок дрожащей рукой и долил в вино воды — слишком много.

— Добавьте еще вина, — услышал он как со стороны свой голос, когда Ларан забрал у него кубок и принялся искать в своей сумке пакет с со снадобьем. — Я нечаянно перелил.

— Сколько добавил бы де Нор? — спросил Стефан и стал осторожно подливать вино, пока Денис его не остановил.

— Не знаю, — признался Денис. — Я ни разу не прислуживал ему во время мессы... ни ему, ни другому. Думаю, однако, он нарочно не доливает воды во время посвящения, ведь от вина зависит так много...

Стефан отставил флягу, и голос Дениса сорвался. Ему пришлось зажать руки между колен, чтобы они не дрожали.

— Боюсь, что на то похоже, — спокойно сказал Стефан, поднося ему кубок с отравленным питьем. — Подумай, прежде чем выпить. Какой глоток ты делаешь обычно и насколько мало можешь отпить, чтобы не вызвать подозрения?

Денис прикрыл глаза, вспоминая большой, украшенный драгоценными камнями потир де Нора. Глоток должен быть приличный.

— Приготовься, — услышал он голос Стефана совсем рядом, и губ его коснулся край кубка. — Вспомни, о чем я спрашивал.

Стефан наклонил кубок, и Денис против воли поднял руку, чтобы его поддержать. Он еще не разу не причащался ни вином из Чаши, ни гостией — это было привилегией священников и епископов. Вино было пряное, сохранившее аромат винограда, и, когда Стефан убрал кубок и Денис проглотил вино, ему показалось, что никакого послевкусия мераши он не ощутил. Ларан, пока он пил, встал у него за спиной и положил ему на горло прохладную руку, следя за реакцией.

— Ну вот, — пробормотал Стефан, передавая кубок встревоженному Джемилу. — Я, признаюсь, не исследовал, какие глотки делают священники, причащаясь, но твой показался мне весьма солидным, — он сел в кресло, держась с виду беззаботно, но взгляд его не отрывался от лица Дениса. — Постарайся как можно дольше не показывать, что тебе плохо, — сказал он. — Если тебе таки придется выпить это вино на посвящении, ускользнуть тебе удастся не раньше чем через час, а то и больше. Но если нам хоть немного повезет, это не понадобится. Ты чувствуешь вкус мераши?

К этому времени Денис уже ощутил этот вкус, слабую горечь на языке. Он попытался описать его, понимая, что Ларану необходимо знать все нюансы ощущений, но коварное зелье уже начинало действовать на его разум, постепенно забираясь во все более дальние уголки сознания, и это пугало, хоть он и на-

ходился сейчас в безопасности среди друзей. Он продержался немного дольше, чем Джориан, но совсем не так долго, чтобы успела закончиться служба и следовавшая за ней праздничная трапеза. Сейчас он принял мераши меньше, чем давали во время обучения, но разница была лишь в том, что его не ударило как обухом по голове, а только парализовало. И он старался не думать, каково было Джориану, которому дали дважды выпить из потира — и потом еще раз, в ризнице, почти наверняка то же самое вино.

Голова болела, перед глазами все расплывалось, когда Ларан сжалился наконец над ним и дал другое питье, немного ослабившее действие мераши. Тем не менее он не помнил, как Джемил провел его обратно через Портал и уложил в постель. Назавтра он проснулся в полдень, но ненадолго, ибо голова все еще болела, и встал лишь для того, чтобы помочиться и выпить еще успокоительного, которое Ларан передал с Джемилом. Полегчало ему только на следующее утро, когда отпуск его уже подошел к концу, но, прежде чем ехать обратно в Arx Fidei, он повидался еще раз с Лараном и Стефаном. Эти двое сами тайно явились в Тре-Арилан, и они встретились в ритуальном кабинете Джемила.

— Хотелось бы тебя утешить, но не могу, — сказал Стефан, когда Ларан полез в свою сумку и Денис уставился на врача с нехорошим предчувствием. — Есть один план, который должен сработать, как мы надеемся, но для тебя же безопасней ничего пока не знать.

Он взял у Джемила кубок и графин с водой и протянул кубок Ларану, а тот наполнил его до половины вином.

— Что это? — прошептал Денис. — Мне через час возвращаться в школу...

— Это — ответ Ларана на гнусное вино архиепископа де Нора, — сказал Стефан, передавая ему кубок. — Нужно, чтоб ты проверил его на вкус, потому что, если повезет, во время посвящения ты будешь пить это вино, а не архиепископское. Сам добавишь воду или мне это сделать?

— Я сам, — буркнул Денис, доливая необходимое количество. — Что в нем?

— О, немного того, немного сего, — сказал Ларан с улыбкой — Денис в первый раз увидел, как он улыбается. — Но, думаю, на людей оно должно действовать примерно как вино с мерашей. Ничего особенного вы не почувствуете.

Денис на это очень надеялся, поднося кубок к губам, Ларан же вошел в его разум, чтобы проверить реакцию. На вкус вино оказалось почти таким же, даже слабая горечь появилась на языке через несколько секунд... но в свои двадцать лет он еще не слишком хорошо разбирался в винах.

— А что будет, если Горони все-таки заметит разницу? — спросил он, подождав некоторое время, но так и не дождавшись эффекта. — Или если вы не сумеете подменить вино?

— Ты хочешь пойти на попятную? — ответил вопросом Стефан. — Время для этого еще есть, коли так... хотя, если кто-нибудь заподозрит, что ты ушел из школы, потому что ты Дерини, Джемилу и его семье придется покинуть Гвиннед.

Денис только глубоко вздохнул, зная, что выход Джемила из королевского совета сведет на нет все те преимущества, которых Дерини сумели добиться за последние десять лет.

— Если меня разоблачат, — тихо сказал он, — это все равно произойдет. Джемил, ты будешь присутствовать?

Джемил засмеялся.

— Разумеется, братишка. Как я могу это пропустить?

— Значит, твое присутствие — часть плана.

— И часть проблемы, и часть решения, кажется.

— Мы сделаем все, что можем, — мягко продолжал Стефан. — Видит Бог, никто не хочет, чтобы ты повторил участь Джориана. Но ты сам хочешь стать священником, и ты так нужен нам в этой роли... боюсь, у тебя просто нет выбора.

— Почему мне нельзя знать, что вы придумали? — спросил Денис. — Ведь от этого зависит моя жизнь. Я имею право...

— «Право» здесь не при чем. Все дело в опасности, которая нам грозит, если ничего не выйдет и тебя схватят. Насколько нам известно, Джориан никого не выдал... никто не говорит, что ты выдашь, но зачем тебе тревожиться еще и из-за этого? Если все получится, процесс посвящения пройдет без всяких неожиданностей. А если нет... что ж, об этом ты узнаешь первым.

Этого-то Денис и опасался, но не мог не признать, что подобные рассуждения вполне разумны. Он не может выдать того, чего не знает... а тончайшее чутье Дерини к ситуации само предупредит его, благополучно ли обстоят дела. В конце концов, там будет Джемил. Надо надеяться, брат продумает заранее, как ему исчезнуть в случае неудачи.

— Ну, что ж, — подавив зевок, сказал он. — Я — с вами, если вы со мной. До Сретенья я еще получу от вас весточку?

Ларан усмехнулся и, когда Денис зевнул снова, покачал головой.

— Может быть... но не жди особенно. Между прочим, как тебе нравится человеческая реакция?

— Что вы имеете в виду?

— Я же сказал, что этот напиток подействует на тебя, как мераша на людей. Чувствуешь сонливость?

Денис засмеялся, зевнул еще раз и встряхнул головой.

— Надеюсь, я не засну на лошади?

— Нет. Хуже, чем сейчас, не станет. А пока доедешь до аббатства, и это пройдет.

Однако Дениса Арилана меньше всего беспокоило, в каком виде он приедет в аббатство, когда он торопливо прощался с домочадцами и отправлялся в обратное путешествие в Arx Fidei. Он думал о том, как ему прожить оставшиеся до Сретенья три месяца — и хватит ли этих трех месяцев, чтобы выполнить то, что задумали его друзья.

3

Утром того дня, когда его должны были посвятить в сан, Денис Арилан, одеваясь в библиотеке при помощи Элгина де Торреса, выглядел вполне спокойным. Спокойствие это, правда, больше походило на оцепенение, поскольку он после своей ноябрьской поездки домой не получил ни одного известия от брата и его друзей-спасителей. Из-за этой поездки его лишили рождественского отпуска, видимо, потому, что близилось посвящение и надо было наверстать пропущенные занятия. Денис надеялся, что других причин не было, и изо всех сил старался не думать, что означает молчание его союзников.

Хорошо, если не случилось что-то, сорвавшее все планы... каковы бы эти планы ни были. Но вдруг его ожидает все-таки участь Джориана, отправившегося на смерть, так и не успев вкусить радости, которой он жаждал всю жизнь, в тот самый миг, когда он стал наконец священником?

Он машинально бормотал слова положенных молитв, пока Элгин помогал ему надевать облачение, но никак не мог перестать думать о Джориане. И подозревал, что и остальные четыре кандидата в священники, одевавшиеся рядом, один молчаливей другого, думают о том же. Мысли о судьбе Джориана преследовали всех семинаристов Arx Fidei, но только Денис знал, что злосчастного священника Дерини предали люди — не Бог. Чарльз Фитц-Майкл, главный соперник Дениса за борьбе за высшую академическую награду, осмелился даже однажды задать на уроке этики вопрос — что случилось бы с тем, кто не знал, что он Дерини, и попытался бы стать священником. Поразил бы того, кто согрешил по незнанию, наш справедливый, но любящий Господь?

У аббата Калберта не оказалось на этот вопрос готового ответа; и в результате половина его учеников целую неделю пребывала в замешательстве, поскольку не знать о своем происхождении было вполне возможно — из-за двухсотлетнего преследования Дерини, что заставило многих из них скрываться и таить даже от детей и внуков, кем они были и какими способностями обладали. Практически, любой мог оказаться Дерини и не знать об этом!

Так они думали, во всяком случае. Денис-то считал, что тот, кто по крови Дерини, обязательно должен был заподозрить в себе эту кровь, особенно если это был кандидат в священники, которого обучали

медитативным техникам и ментальной дисциплине — но это не меняло важности главного вопроса. Поразил бы любящий, но справедливый Господь грешника, который не знает о своем грехе?

Обсуждая шепотом этот вопрос в перерывах между занятиями, по дороге в часовню и после отбоя, расходясь по спальням, однокашники Дениса пришли в конце концов к неприятному выводу, что в данном случае трудно согласовать справедливость Божию и Его любовь — кто может сказать, чему Он отдал бы предпочтение? Ведь церковь Господня запрещает Дерини духовный сан; следовательно, наказать дерзкого, который пренебрег запретом, только справедливо с Его стороны.

Но и обратный аргумент был не менее весом. Если любовь Бога столь же бесконечна, сколь и Его справедливость, накажет ли Он — может ли Он наказать — любящего сына, который ослушался скорее по неведению, чем из дерзости?

Рассуждения эти не помогали Денису, который знал, что делает, но юношей, что должны были сегодня пройти вместе с ним посвящение — Чарльза, Вениамина, Милваса и толстяка Аргостино Ланнеди, — они несколько утешали. Денис же мог только молиться, чтобы его представления о справедливости совпали с Божьими и чтобы ему и другим Дерини, желавшим служить этой справедливости, удалось одолеть препоны, установленные на их пути человеческими страхом и ненавистью.

Совершенно неожиданно он получил ответ на свою молитву, во всяком случае, частичный, в тот момент, когда в библиотеку вошел аббат Калберт, дабы, как обычно, произнести слова последнего напутствия молодым кандидатам. Он явился в сопровож-

дении преподавателей и нескольких незнакомых священников. И один из священников оказался подозрительно похож на Стефана Дерини — только что слегка прихрамывал, и волосы у него были не светлые, а русые с проседью.

Денису хотелось присмотреться к нему повнимательней, когда младшие удалились и Калберт велел кандидатам подойти ближе, но он не осмелился. Не решился он и на ментальный контакт, потому что среди присутствующих могли быть люди, чувствительные к подобным вещам.

Калберт, казалось, говорил целый час, но Денис почти ничего не слышал из его речи. Наконец аббат закончил, жестом велел кандидатам выстроиться в ряд, и тут только незнакомый священник встретился глазами с Денисом и подтвердил, что он — Стефан.

«Здесь нынче много странных священников, — уловил Денис четкую мысль, когда Стефан, проходя мимо, коснулся его плеча, словно подгоняя к выходу. — Архиепископ думает, что я из здешних, а Калберт думает, что я приехал с де Нором. Не волнуйся. Мы подменим вино.»

Он отошел к остальным, прежде чем Денис успел осознать услышанное.

«Мы подменим вино!» Значит, они его еще не подменили! А вдруг они не смогут этого сделать?

Под ложечкой засосало от страха, и он медленно двинулся с процессией вперед, слыша, как отчаянно стучит сердце, и боясь, что стук этот заглушит пение хора: «Confitebor tibi, Domine, in toto corde meo» — «хвалю Тебя, Господи, всем сердцем своим». При входе в церковь кто-то из младших вручил ему зажженную свечу, и, для того чтобы успокоиться, он сосредоточил все внимание на тепле и мерцании

язычка пламени и на медовом запахе воска. Нельзя позволить своему страху предать себя.

Церковь оказалась еще более переполненной, чем в прошлый раз. Приезд архиепископа всегда притягивал публику, но нынче, подумал Денис, многие наверняка пришли сюда не из-за де Нора, а наслушавшись рассказов о том, что случилось в прошлое посвящение семинаристов Arx Fidei. Народ толпился в боковых приделах. Денису же хотелось знать, где Джемил.

Однако вскоре он догадался о роли, отведенной Джемилу. Ибо, когда процессия, в голове которой несли кресты, свечи и кадила, медленно двигалась вперед под хвалебный гимн хора, Денис заметил Малаши де Брюна и еще одного младшего, которые стояли наготове с небольшим, накрытым белой скатертью столом, чтобы вынести его в центральный придел, когда пройдут кандидаты. На столе лежал поднос с хлебом, которому предстояло быть освященным во время службы, и стояли графины с вином и водой.

Ну, конечно! После церемонии родственники новых священников по традиции выносили дары хлеба и вина для причастия. Джемил, разумеется, будет среди них. Денис понятия не имел, как брат собирается совершить подмену, но не сомневался, что это сделает Джемил.

От этой мысли ему полегчало — и стало еще легче, когда он и вправду увидел Джемила возле алтарной ограды, слева от придела. Жены и сына с ним не было, но Денис и не ожидал их увидеть — ведь если его разоблачат, опасность будет грозить каждому носящему имя Арилан. Джемил должен был ото-

слать их в безопасное место еще до Рождества, чтобы они оставались там, пока все не решится.

Но может ли быть такое, что слева от Джемила стоит король Брион? Великий Боже, неужели сам король принимает в этом участие?

Это и вправду оказался Брион. Денис и остальные кандидаты выстроились в ряд у ступеней алтаря и опустились на колени, благоговейно держа перед собой свечи. Джемил с королем, видимо, более близкие друзья, чем он себе представлял, думал Денис, ибо король оказал ему исключительную честь, посетив церемонию посвящения. Уже все знали, что приехал король. Видно, потому и собралось столько народу, а не из-за того, что люди надеялись увидеть еще одно разоблачение Дерини. Даже архиепископ, прежде чем занять свое место, приостановился и поклонился королю.

Следующие полчаса Денис провел как в тумане. Когда его вызвали, он ответил на ритуальные вопросы. Затем простерся ниц вместе с всеми, пока читалась молитва ко всем святым, которых, казалось, перечислили больше, чем когда бы то ни было. Наконец кандидаты вновь встали на колени, и первым возложил руки на голову каждого из них архиепископ, благословляя и посвящая в сан, а следом за ним — все остальные присутствовавшие священники. Денис позволил себе заглянуть в мысли этих священников в тот краткий миг, когда руки их покоились на его голове, и был одновременно растерян и приободрен тем, что сумел прочесть.

Кто-то из них был взволнован... кто неуверен... кто совершал этот акт механически... кто — рассеянно, чуть ли не со скукой... и все же большинство, помимо прочих чувств, испытывало искреннее желание

передать апостольскую власть, как когда-то она была передана им самим при посвящении в сан, сохранить во всей целостности последовательность этой передачи от одного священника к другому, невзирая на уровень их честности и святости, как это происходило более пятидесяти лет. И эта магия — передача Божественных полномочий — одобрялась даже самыми реакционными из духовных лиц, как никто и никогда не возражал и против магии причастия, которое должно было состояться следом.

Стефан тоже подошел к нему... не настоящий священник, но отсутствие у него подлинной духовной власти ничуть не умаляло того, что делали остальные, и послание его, переданное, когда адепт Дерини возложил руки на голову Дениса, укрепило юношу в надежде.

«Все идет прекрасно, — сказал Стефан. — Будь спокоен. И да благословит и защитит тебя Господь, молодой священник Дерини!»

Слова его согревали душу Дениса весь остаток церемонии, и он даже отважился позволить себе полностью отдаться всей этой не-деринийской магии — помазанию рук елеем, дабы достойны были они держать причастие, и переодеванию в ризу и прочие облачения священника. И Бог не поразил его за дерзость... правда, Он и Джориана не поражал, пока тот не приступил к исполнению своих новых обязанностей.

Когда и для Дениса приблизилось это время, он понял со всей отчетливостью, что главное испытание еще впереди. Ибо что, помимо вероломства архиепископа, определяет тот миг, когда гнев Божий может привести в исполнение Его приговор? Можно ли утверждать наверняка, что сама мераша не являет-

ся орудием Божьего гнева? Господь обычно действует через смертных посредников. И зачем Ему творить явные чудеса, если под рукою есть более скромные и простые средства?

Служба продолжилась с того места, где ее прервали для посвящения. Хор запел жертвенный гимн, и Денис вместе со своими посвященными собратьями встал рядом с архиепископом, обратясь лицом к пастве и глядя, как Джемил и другие родственники выходят вперед с хлебом и вином. Джемил нес таки графин с вином — должное распределение даров состоялось, разумеется, под неназойливым и искусным воздействием Дерини, — но по лицу брата Денис так и не понял, удалось ли тому сделать подмену. И никакого ментального подтверждения он тоже не получил, когда Джемил передал ему графин и руки их соприкоснулись. Брат был окружен прочной защитой.

Денис заподозрил худшее. Почему Джемил не впустил его в свое сознание? Молясь о том, чтобы не держать сейчас в руках свою смерть, он поставил графин на поднос, который архиепископ принял от престарелой матери Вениамина, и старался не смотреть, как де Нор передает этот поднос отцу Горони, дабы тот отнес его в алтарь. Со сжавшимся сердцем он машинально отошел на полагавшееся ему для завершения церемонии место и, глядя на де Нора, благословлявшего хлеб, столь же машинально повторял за другими должную молитву.

«Suscipe, sancte Pater, omnipotens aeterne Deus, hanc immaculatam hostiam...» Святый Отче, Господи всемогущий и вечный, прими от недостойного слуги Твоего жертву сию, которую приношу Истинному Господину своему...

На очереди было вино. Де Нор с тягостной неспешностью подставил Горони свой большой, сверкавший драгоценными камнями потир и, когда тот налил в него вино, благословил воду и добавил ее всего несколько капель.

«Offerimus tibi, Domine, calicem salutaris...» Прими, Господи, чашу спасения...

Денис боялся, что для него это — отнюдь не чаша спасения, во всяком случае, в этом мире, но пути назад уже не было. Если вино не успели подменить, ему остается только надеяться на чудо. Он верил в чудеса, но никогда не думал, что они могут случиться с ним. Ведь не спасло же чудо Джориана, которого Денис считал куда более достойным того.

Молодых священников обмахнули кадилом, окропили святой водой, и как в тумане начал Денис читать вместе со всеми положенные молитвы, в сердце своем молясь только об одном.

Господи мой Боже, предаюсь в руки Твои, — твердил он. — Спаси меня от тех, кто преследует меня, и сохрани... Если только смертью своей могу я послужить Тебе, тогда возьми мою жизнь, я отдам ее с той же радостью, с какою возлагаю на Твой алтарь этот хлеб и вино... но не послужу ли я Тебе лучше жизнью своей?..

Хор запел «Sanctus» — Святый Боже — так сладко, как Денис никогда еще не слышал, и сердце его невольно преисполнилось радости, и, когда архиепископ поднял гостию и Денис протянул к ней руки, он забыл обо всем, отдавшись мистическому поклонению и шепча от всего сердца освящающие слова.

«Hoc est einem corpus meum.» Сие есть тело мое...

Раздался звон колокола, Денис низко, благоговейно поклонился вместе с архиепископом и своими

товарищами. Вслед за тем архиепископ поднял потир, и Денис с бьющимся сердцем, в котором боролись страх и надежда, не смея смотреть на него, повторил за де Нором молитву.

«Simili modo postquam coenatum est, accipiens et hunc praeclarum Calicem in sanctas ac venerabiles manus suas.» Также Он, пригубив из чаши, взял ее в Святые руки Свои...

— Помоги, Господи, дабы сохранилось благочестие в людях; дабы не умалилась вера среди сынов человеческих! — молился Денис.

«Hic est einem calix sanguinis mei...» Сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов. Сие творите в Мое воспоминание...

В магическом действии, для которого не имело значения, человек он или Дерини, Денис был сейчас жертвоприношением, предлагая кровь своей жизни столь же искренне, как Христос предлагал Свою и как предлагал свою Джориан. И когда он дочитал молитвы и встал на колени, дабы получить причастие — сначала хлеб, потом вино, — в душе его воцарилось глубокое спокойствие. Гостия растаяла, как росинка, на языке; и лишь одна мысль промелькнула в уме, когда де Нор поднес к его губам потир.

В Твои руки, Господи, предаю душу свою. Да сбудется все по воле Твоей...

— Sanguis Domini nostri Jesu Christi custodiat animam tuam in vitam aeternam, — пробормотал де Нор. Да сохранит кровь Господа нашего Иисуса Христа душу твою на вечные времена...

Сказав «аминь», Денис отпил из чаши. Вино было сладким и крепким, мягче, чем ему запомнилось, и сразу же от желудка покатилось по всему позво-

ночнику, по рукам и ногам слабое покалывание, которое усилилось затем и неожиданно взорвалось в затылке звездной, горячей вспышкой любви и света — и это была не мераша.

Ему показалось, что свет осиял сосуды, стоявшие на алтаре, дарохранительницу на жертвеннике, потир де Нора и что та же энергия растеклась по жилам всех находившихся рядом. И Вениамина с Милвасом, стоявших на коленях возле него, озарил этот свет; и в дароносице, которую де Нор торжественно вручил ему через несколько минут, пульсировало сияние, словно то билось сердце самой вселенной, сияние, которое видел только он и которое озаряло и его руки.

Ему казалось, что он плывет не касаясь земли, когда он встал и пошел навстречу брату и родне других новопосвященных, чтобы дать им причаститься. Нет, он не плыл, конечно, но чувствовал — ибо силы Дерини в нем не только не уменьшились, но явно окрепли, — что мог бы даже взлететь, если бы захотел. И когда он, ставший наконец священником, дал впервые своему брату Святое Причастие и увидел на его лице удивленное и благоговейное выражение, которое запомнил на всю жизнь, радость его достигла своего предела.

Денис немало изумился, когда король опустился на колени рядом с Джемилом и, отвернувшись от де Нора, который один и смел претендовать на такую честь, причастился из рук Дениса — то была неслыханная милость. Самый прекрасный день его жизни был отмечен еще и тем, что он дал причастие своему королю.

По мере того как он причащал других верующих, воодушевление его постепенно шло на убыль,

и к концу богослужения Денис почувствовал некоторую слабость в членах, но это было, конечно, из-за усталости и ларанова снадобья, а не из-за разрушительного действия мераши. Спать хотелось сильнее, чем в прошлый раз, но неприятных ощущений не было. Он увидел, что Чарльз, стоявший чуть дальше у ограды, тоже сдерживает зевоту, да и Милвас и Аргостино с трудом преодолевали сонливость.

Усталость чувствовалась все сильнее, но Денис прочитал короткое заклинание, снимающее ее, и почувствовал себя лучше. Он вернулся к алтарю, отдал дароносицу и встал на колени вместе с остальными, пока де Нор и Горони собирали остатки даров на один поднос, чтобы убрать в дарохранительницу. Затем де Нор повернулся к своему складному аналою и преклонил колени, глядя, как Горони выполняет завершающее омовение, — наступил последний опасный момент. Если Горони почувствует, что у вина другой вкус...

К счастью, переволновавшийся семинарист, который должен был налить Горони вина и воды, оказался столь неловок, что выронил графин с вином, и тот, упав на мраморный пол, разбился. Горони, разумеется, рассердился, но внимание его в этот момент отвлек король, который поднялся, собираясь удалиться со своей свитой, прежде чем к выходу устремится вся толпа, и капеллан только показал знаком, чтобы из ризницы принесли еще вина. Стефан, стоявший наготове, с суровым лицом вошел вместе с провинившимся семинаристом в ризницу, где, разумеется, соответствующим мысленным внушением стер у него всякую память о том, по чьему приказу произошел этот «несчастный случай».

— Как ты это сделал? — спросил Денис у брата, когда позднее, во время праздничной трапезы Джемил с необычно напряженным видом отозвал его на несколько секунд в сторону, и оба убедились, что их никто не слышит. — Когда вынес графин во время жертвенного гимна?

Джемил серьезно покачал головой.

— Я этого не сделал, Денис, — прошептал он. — Не сумел. У всех на виду... Я не знаю, как это вышло, но ты пил мерашу, и она не подействовала.

— Что?

В этот момент королю вздумалось подойти к Денису за благословением, и разговор прервался, но о признании брата Денис думал весь вечер, а ночью, оставшись один, пришел в пустую церковь и преклонил колена в благодарственной молитве.

Нет, церковь не была пустой. Об этом ему напомнила рубиновая лампада, горевшая перед дарохранительницей, — если он, конечно, вообще мог забыть об этом после того, что случилось. И, с робостью подняв глаза к Царю Небесному, распятому на кресте над алтарем, он подумал, что пережил нынче величайшее чудо из всех, какие только выпадали на долю человека, — и что жизнь свою он проведет в неустанном служении Тому, Кто пощадил его сегодня.

— О Господи, я — Дерини, но я и Твое дитя тоже, — сказал он Господу своему. — И хотя я и прежде не сомневался, но сейчас истинно верю, что по милости Твоей настало время снова сделать равными Твоих детей Дерини и сыновей человеческих... ибо Ты спас меня от гнева людей, которые кощунственно желали причастием Твоим погубить меня. И за это я благодарю Тебя.

Он перевел дыхание и присел на пятки, пытаясь унять дрожь в сложенных руках.

— Благодарю и за то, что мы, Дерини, возможно, не так уж отличаемся от людей, Господи, — продолжал он немного смелее, глядя на ясный, осиянный Лик. — Даров, что Ты дал нам, люди не понимают и потому боятся — и многие из нас действительно злоупотребляли этими дарами в прошлом и будут, несомненно, злоупотреблять и впредь, — но ведь и люди поступают так, не только Дерини. Мы не просим особой милости, Господи, — только позволь нам быть судимыми нашими собратьями и Тобой по нашим личным достоинствам и недостаткам, а не по достоинствам и недостаткам всей нашей расы.

Он склонил голову и закрыл глаза.

— Adsum, Domine — вот я, Господи. Ты призвал меня в час моего рождения, и сегодня я при всех ответил на Твой призыв и обязался служить Тебе. Ты не покинул меня в час моей нужды. Ниспошли же мне мудрость и силу, Господи, исполнять волю Твою и делать все, что в моих силах, чтобы быть Твоим истинным священником и слугой и помогать всем Твоим Детям, и людям, и Дерини, с терпимостью, состраданием и любовью... Ты ведь для этого меня спас, правда?

Много раз впоследствии ему случалось вспоминать этот свой длинный, бестолковый монолог, обращенный к Господу, но он так и не мог сказать наверняка, было на самом деле или причудилось ему, что, когда он поднял полные слез глаза, Царь Небесный чуть заметно кивнул ему с креста.

Наследство

21 июня 1105 г.

Одним из важных событий, упомянутых в *«Возрождении Дерини»* и остальных книгах *«Хроник»*, — хотя оно произошло примерно за пятнадцать лет до времени начала трилогии, — является убийство в магическом поединке Марлука, отца Кариссы, королем Брионом Халдейном. С точки зрения Халдейна, Марлук, разумеется, всего лишь получил по заслугам, поскольку осмелился бросить вызов законному королю Гвиннеда, претендуя на его трон и корону.

Вполне естественно, что сторонники Марлука считали иначе и что наследница его, когда выросла, продолжила борьбу, ибо отец и дочь принадлежали к старшей ветви Фестилийской династии, которая начала притязать на корону Гвиннеда сразу после Междуцарствия — забыв, что изначально Фестил отобрал трон у короля Халдейна.

Более двухсот лет потомки Марка Фестила, сына Имре, последнего короля Фестилийской династии, который прижил его от своей сестры Эриеллы, заявляли, что Синхил Халдейн и его преемники — узурпаторы, предпочитая не вспоминать также, особенно несколько поколений спустя, о постыдном происхождении Марка, отпрыска кровосмесительного союза брата и сестры.

В *«Наследстве»* показан отрывок этой давней истории, но уже глазами сторонников Фестила: о смерти Марлука рассказывает его одиннадцатилетняя дочь Карисса, и рассказ этот слушает, воспринимая в соответствии со своими перспективами и амбициями, Венцит Торентский, ее дальний родственник, который наследует ей в Фестилийской династии. Мне кажется, это интересное противопоставление мнению Халдейна — ведь официальная история пишется, как правило, по версиям победителей. Рискну предположить, что большинство исторических злейших негодяев — если не считать сумасшедших — обычно имели вполне разумные для них причины поступать так, как они поступали. Мало какой нормальный человек творит мерзости только ради того, чтобы быть мерзавцем.

И на взгляд своих сторонников Карисса была вовсе не злодейкой, но преданной дочерью своего отца, которая родилась и выросла в убеждении, что однажды ей придется продолжить его дело и вернуть трон потомкам Фестила. Ее кажущееся бессердечие в романе *«Возрождение Дерини»* отчасти является следствием ужаса, который она пережила, когда отец был убит у нее на глазах, но основная его причина в том, что она, по своему мнению, просто делает то, что должна сделать во имя семейной чести. И остается только гадать, как все сложилось бы, выйди она замуж за своего родственника Венцита.

Венцит был для меня еще интересней, чем Карисса, и я получила новое представление о нем, следя за его реакцией на ее рассказ. Понятно, что в тридцать два года Венцит Торентский уже твердо знает, что ему надо, — в нем течет кровь двух коро-

левских родов, Торента и Фестила, но он *не является* наследником короны Торента. Он — второй сын короля, и у его старшего брата есть сын. Когда-нибудь я напишу рассказ о том, как он стал королем...

В комнате было прохладно и светло, что нечасто бывает в замках — особенно в замках Верхней Кардосы, где ветер круглый год свищет в скалах Рельянского хребта и даже летом приходится закрывать окна.

Здесь же окна были открыты, ибо человек в красно-коричневом одеянии, сидевший со свитком в луче солнечного света, был изрядным знатоком погодной магии. Пожелтевшие от времени пергаменты, лежавшие на рабочем столе, не тревожило ни единое дуновение, хотя снаружи меж зубцов стен ветер так и завывал, и под порывами его трепетали, громко хлопая, знамена с черным оленем и оранжевые вымпелы, объявлявшие о присутствии в замке Торентского двора.

Нечасто и королевский двор оказывался так далеко от столицы Торента, поскольку король был стар и выезжал все реже. Передвигаясь медленно и с частыми остановками, Нимур II с двумя сыновьями, внуком и небольшой свитой приехал сюда около недели назад в сопровождении головного отряда войска Толанского герцога.

Хоган Гвернак, прозванный Марлуком, собрался требовать признания своих законных прав как потомка Фестила — а это прямо касалось Нимура, ибо

после дочери Хогана Кариссы права эти переходили к Дому Фурстана, и Нимур и его наследники могли претендовать на корону Гвиннеда.

Право это Фурстан обрел давно, вследствие женитьбы Марка, сына последнего короля Фестилийской династии на дочери Нимура I, и подкрепил его поколение назад, когда бабка Хогана вышла замуж за младшего фурстанского принца. А теперь еще и юная Карисса обручилась в Михайлов день с внуком короля — что не слишком нравилось человеку, сидевшему в башне, но с этим приходилось смириться. Поскольку наследниками отца были его брат и племянник, вряд ли принцу Венциту из Торента случится когда-нибудь править Торентом и, если Хоган победит, Гвиннедом; но, с другой стороны, чем больше земель будет у Фурстана, тем больше станет и его доля, как единственного брата будущего короля. Генеалогия, позволявшая разобраться во всем этом, была очень сложна, разобраться в ней самой мог скорее специалист по геральдике, нежели принц, но Венцит тем не менее счел своим долгом изучить все тонкости. Ведь невозможно предсказать, кому какую роль предназначат Парки.

Разворачивая следующий пергамент, он думал о Хогане и о притязаниях Фестилийской династии. За Гвиннед спорили очень давно. Первым Верховным Королем Гвиннеда стал около пяти веков назад Огарин Халдейн, объединивший несколько воевавших группировок и мелких княжеств на центральной равнине Гвиннеда и вокруг нее. Он и его род владели постепенно разраставшимся королевством около двухсот лет, пока первый Фестил, младший брат тогдашнего короля Торента, не вошел в Гвиннед во главе войск Дерини и не захватил королевский трон.

Династия, основанная Фестилом I, продолжалась немногим более восьмидесяти лет — это время приверженцы Халдейнов называли Междуцарствием. Затем Имре, последний Фестилийский король, был изгнан человеком, называвшим себя последним Халдейном, которому помогал Кулдский граф-изменник, позднее ненадолго объявленный святым, и с тех пор Гвиннедом правил восстановленный род Халдейнов.

Нетерпеливо вздохнув, Венцит заглянул в свиток. В этот самый момент Хоган уже отстаивал свои права, и, чтобы не думать об этом, надо было как-то отвлечься. Коричневые чернила на пергаменте выцвели от времени, и слова почти невозможно было разобрать, но Венцит знал содержание наизусть. Это было одно из немногих сохранившихся писем его прародительницы Эриеллы к ее брату-любовнику Имре. Написанное архаичным языком, в витиеватом стиле двухсотлетней давности, оно содержало тем не менее самую суть притязаний Фестила и Фурстана на трон. Ибо плод инцеста, о котором говорилось в письме Эриеллы, был тем самым принцем Марком, который женился на дочери первого короля Нимура.

«И потому с нашей стороны потребуется твердость, дражайший мой вассал и господин, и брат, что найдутся такие, которые станут осуждать плод нашей любви — объяснят появление его лишь моим распутством и откажутся признать дитя твоим сыном, и, следовательно, твоим наследником. Но даже ежели весь мир объявит сына нашего бастардом, следствием моей нескромности, все равно он остается Фестилом; и если никто из нас не вступит в другой брак, он должен стать нашим наследником и

вступить после нас на трон. И пусть думают, что хотят. Мы — Дерини; нам нет нужды в оправданиях!»

Венцит высокомерно улыбнулся, но, пробежав своими светлыми, почти бесцветными глазами конец письма, он, в общем-то, согласился со сказанным. Он и его семья тоже были Дерини, как Имре и Эриелла, обладатели магических способностей, недоступных обыкновенным людям — за исключением, увы, некоторых Халдейнов, хотя последний из них, Брион, особым умением как будто не отличался. Читая письмо, Венцит ощущал всю силу любви Эриеллы, пережившую почти два столетия. При последних, самых интимных ее словах, обращенных к брату, он показался самому себе чуть ли не соглядатаем, и в чреслах его отозвалось что-то подобное страсти Имре, когда он представил, как неистовая Эриелла подкрепляла свои обещания делом. Их взаимное чувство было, конечно же, величайшей любовью всех времен. О такой любви мечтал Венцит в те дни, когда сам думал жениться на Кариссе. И в который раз он попытался представить себе, как поступил бы отец, случись что-нибудь с его внуком Элдредом. Он, конечно, не желал мальчику зла, но перспективы открылись бы соблазнительные.

Он долго сидел, уставясь в окно и предаваясь тайным фантазиям, объектом которых была то живая Карисса, то умершая Эриелла, пока какое-то движение у главных ворот не привлекло его внимание и не привело в себя. В замок въезжал отряд под знаменем его кузена Хогана, но самого Хогана не было видно. Среди усталых, забрызганных грязью воинов ехала на сером коне, сгорбившись в седле, девочка в синем плаще.

Когда Венцит спустился в большой зал, она уже плакала в объятиях Элдреда, и чудесные волосы ее, растрепанные, слипшиеся на концах, рассыпались по спине ниже талии. Он испытал острый приступ зависти к этому неопытному юнцу с потными руками, который имел право обнимать и утешать ее, но быстро подавил свои чувства. Карисса Толанская обручена по выбору его отца. И, находясь среди Дерини, следует тщательно скрывать свое возмущение, особенно среди тех членов семьи, у кого может вызвать подозрения то, что он окружает себя защитой.

Брат его, Каролус, тоже был здесь, и король-отец, хотя старик плохо чувствовал себя нынче и тяжело опирался на руку своего спутника в ливрее. У ног короля стоял на коленях Хасан, тактик Хогана, телохранитель Хогана и его юной дочери, в черных одеждах, покрытых грязью и пылью, с лицом, прикрытым кефией, позволявшей видеть только полные скорби глаза.

В зал входили один за другим хмурые воины и рыцари в полном вооружении, оруженосцы помогали им снимать оружие и доспехи, и Каролус отрывисто отдал слугам указания, где их разместить; потом он взял отца под руку и отвел в расположенный позади тронного возвышения кабинет. Там он усадил короля в кресло с высокой спинкой и знаком велел Хасану приблизиться. В кабинете собралось всего шесть человек: королевская семья, Карисса и мавр. Хасан вновь преклонил колени перед королем и принцем-наследником и открыл лицо.

— Итак, что произошло? — спросил Каролус.

Хасан опустил голову.

— Халдейн оказался сильнее, о мой принц. О чем еще говорить? Неверный превзошел моего хозяина с

помощью краденной магии и отрубил ему голову. Мы не знали, что он обладает такой силой. Думали, Эль Марлук раздавит его, как блоху!

— Эль Марлука предал Дерини! — с горечью сказала Карисса сквозь слезы. — Узурпатору помогал полукровка Аларик Морган. Он защищал этого князька Халдейна своей магией. И мой отец пал жертвой предательства!

Венцит обменялся взглядом с братом, потом посмотрел на короля. Новость оглушила старика, тот застыл, словно с ним снова случился паралич; но хотя состарившееся тело отказывалось ему служить, рассудок у него по-прежнему оставался ясным.

— Ему помог Морган? — прошептал король. — Оруженосец Халдейна? Но он же еще совсем ребенок.

— Он старше меня, сир, — надменно ответила одиннадцатилетняя Карисса и выпрямилась с достоинством, отстранившись от Элдреда. Венцит ничего не сказал, но невольно почувствовал гордость за нее. Девушка из рода Фестила; но также и из рода Фурстана, и она могла бы принадлежать ему. Ее отец гордился бы ею.

— Откуда вы знаете, что узурпатору помог Морган? — король все еще сомневался.

Карисса расстегнула плащ, позволила ему упасть на пол, подошла к столу перед креслом короля. И налила в глиняную чашу почти до краев темное красное вино. Венцит замер было, потом подошел поближе, чтобы помочь, если понадобится. Он знал, что она собирается делать, и знал, что Элдред этого не понял и что Каролус только начал догадываться. Но король тоже понял и слабо кивнул, когда она подняла чашу обеими руками на высоту груди.

— Посмотрите на смерть моего отца моими глазами, сир, — сказала она чуть слышно, проводя рукою над чашей. — Если у меня хватит сил, вы все увидите сами и тогда рассудите, один ли действовал Брион Халдейн.

Затем она поставила чашу на стол и, придвинув стул, села, а остальные сгрудились вокруг. Теперь уже все, кроме Элдреда, поняли, что сейчас произойдет, — Венцит знал, что они тоже умеют делать это; только юный Элдред не умел, хотя был на четыре года старше Кариссы и на год — Аларика Моргана. Уж Морган-то умел наверняка!

Для предстоящего требовалась темнота, и он погасил жестом все факелы в настенных подставках, оставив гореть только свечи на столе. Карисса поблагодарила его напряженным кивком и задула все свечи, кроме одной. Затем она устремила взгляд на поверхность вина, и в комнате воцарилась тишина.

— Представьте местность в конце ущелья Легоддин, где мы встретились с войском Халдейна, — прошептала она, особым образом дыша на поверхность. — Представьте войско моего отца — мы ждем Халдейна. Ощутите, как солнце пригревает лицо и руки, как ветер шевелит волосы. Представьте развернутые знамена, шелк и позолоту, услышьте, как хлопают они над головой. Почуйте запах пота и страха, запах воды, сосен и вытоптанной земли...

И пока она говорила, на поверхности вина начали появляться образы, сперва неясные, затем все более четкие, по мере того как зрители сами входили в транс под воздействием ее чар. Венцит отдался чарам полностью, вошел в ее память, смотрел ее глазами, ощущал ее страх и ее радость, глядя на разворачивавшуюся перед ними картину.

Толанские воины строились в ряд на лугу в ожидании врага, и солнечные отблески играли на их доспехах и оружии. Хоган, одетый во все белое, в кольчуге и в шлеме, подобный древнему божеству, сидел на гнедом коне возле Кариссы и пристально смотрел на выход из тенистого ущелья, откуда должен был появиться вскоре его заклятый враг. И когда все воины заняли свои места, он обратил к дочери золотистые глаза.

— Не бойся, дитя мое, — сказал он, перекладывая копье в левую руку, и ласково касаясь правой ее подбородка. — Это всего лишь попытка, одна из многих. Что бы ни случилось, в тебе течет моя кровь, кровь королей. И будут еще попытки.

Она покачала головой и, схватив его руку, прижала к своей щеке.

— Что мне кровь! Главное — это ты. Обещай, что вернешься.

Он улыбнулся.

— Ты должна думать о крови, дорогая моя девочка. Однажды ты станешь королевой. А я вернусь к тебе, ты же знаешь, если только смогу, — он на мгновение возложил руку на ее голову. — Если же не смогу, тогда с тобой пребудет благословение моего отца. Бог да сохранит и защитит тебя, дитя мое.

— Ты говоришь так, словно собираешься умереть, — прошептала она с полными слез глазами. — Ты не должен умирать. Не должен!

— Мы вынуждены принимать судьбу, которую посылают нам Парки, дитя мое, — ответил он, отодвигаясь и снова беря копье. — Я не собираюсь умирать, но если так будет угодно Богу, ты должна оставаться сильной и продолжать наше дело, и всегда помнить, кто ты есть.

К горлу ее подступили рыдания, но отец уже отвернулся и посмотрел на луг. Затем он пришпорил своего боевого коня и двинулся шагом вдоль строя воинов, а за ним летело по ветру знамя, на котором львиные когти и горностай Толана соседствовали со львами Халдейна.

И тут наконец явился враг — из ущелья на одинаковых серых конях выехали внезапно Брион, претендент на трон, и его брат. За ними на черном жеребце ехал Морган, с удивленным и немного испуганным лицом, а следом двигалось остальное войско Халдейна. Принц Нигель держал знамя со львом Гвиннеда, и тот же лев сверкал на груди Бриона. И, увидев его, Карисса больше ни на кого не обращала внимание, ибо этого человека со львом на груди ее отцу надлежало победить. Остальные же имели значение не больше, чем пыль на ветру.

Лишь немногие из воинов Халдейна успели выбраться из узкого ущелья, когда Хоган опустил копье, подавая сигнал к атаке. Рыцари поскакали к захваченному врасплох врагу, и земля задрожала под тяжестью копыт могучих толанских коней. Кто-то из вражеских воинов закричал:

— Халдейн! — и крик его подхватили другие, но их не было слышно за боевым кличем несущейся в атаку кавалерии Марлука.

Воины сошлись с лязгом, подобным громыханию грома, глухо затрещали копья, зазвенела сталь о сталь, послышались более зловещие и жуткие звуки, какие производит отточенный металл, разрубая плоть, кости и даже доспехи. В гуще схватки реяло яркое знамя Фестила — горностай на красном фоне и львиные когти рядом с золотыми львами Халдейна, — указывая, где находится Хоган. Два претенден-

та на трон никак не могли пробиться друг к другу. Наконец Халдейн, развернув жеребца, расчистил вокруг себя свободное пространство, вскинул меч и прокричал имя ее отца:

— Гвернак!

Наконец она увидела отца. Он успел потерять шлем, а, может, сбросил его, и светлые волосы разлетались ореолом над головой. От них и от рук его как будто исходило сияние, но, возможно, так только казалось одиннадцатилетней девочке. Взмахнув мечом над головой, он поднял коня на дыбы и засмеялся, вызывая на бой человека, которого собирался убить.

— Халдейн мой! — крикнул он, пробиваясь к врагу и сразив по дороге одного из рыцарей Халдейна. — Стой и сражайся, узурпатор! Гвиннед мой по праву!

Когда они сошлись и воины расступились, освобождая место для схватки, видение Кариссы вновь затуманилось. Для ребенка все сражения схожи между собой, даже если за свою жизнь бьется любимый отец. Почти сразу пали кони соперников, сперва гнедой, потом серый, и она, отвернувшись, заплакала от жалости к несчастным верным животным; изображение прояснилось лишь тогда, когда два бойца отступили пошатываясь и оперлись, тяжело дыша, на свои мечи. Голоса их были слишком тихи, чтобы разобрать слова, но по жестам можно было догадаться о смысле разговора.

Казалось, что они беседуют почти что дружески, Хоган даже улыбнулся несколько раз, сверкнув белыми зубами, — видно, сказал Халдейну что-то неприятное. Раз он показал мечом в сторону своей дочери, и Венцит почувствовал, с какой гордостью девочка царственно выпрямилась в седле.

Сначала Халдейн, а затем Хоган начертили на земле концами мечей символы — ритуальный вызов был сделан и принят. Халдейн вспыхнул было, увидев, что начертил Хоган, но сдержался и гневно затер сапогом оскорбивший его магический знак. Хогана это как будто не удивило.

Зато Венцит удивился так, что едва не вышел из-под действия чар, ибо он понял, что хотел сделать Хоган. Любому мало-мальски обученному Дерини это заклинание известно, но Халдейн не должен был его знать; зато наверняка знал Морган и научил своего господина. Карисса права, этот полукровка — предатель!

Венцит увидел, как оба соперника разошлись в стороны, как они сотворили защитные круги, алый и голубой, — круги, о которых Халдейн тоже ничего не мог знать. И сражение возобновилось, но на этот раз оно происходило с помощью блистающих, как молнии, энергий, которые излучали их мечи.

Они сражались долго, но за этим поединком Карисса следила с куда большим интересом и пониманием, чем за обычной битвой. Соперники не двигались с места, хотя силы, которыми они манипулировали, были огромны.

Затем в поединок были вовлечены силы, сокрывшие врагов от глаз всех зрителей, даже от глаз Кариссы, и Венцит ощутил охватившее ее в этот момент дурное предчувствие. Вскоре защитная дымка над кругом рассеялась, и оказалось, что один из бойцов уже стоит на коленях, подняв меч в отчаянной, но тщетной попытке защититься. Венцит с замиранием сердца понял, что это Хоган.

Над ним стоял Халдейн, готовый опустить свой меч, но долгое мгновение казалось, будто что-то

удерживает его руку. Венцит горячо вознадеялся было, что Хоган еще может победить — сейчас он призовет какую-нибудь сверъестественную силу из давно забытого источника и сметет с лица земли этого подлого захватчика Халдейна.

Но защита рухнула наконец, и Хоган выронил оружие. В полном изнеможении он упал вперед на руки, и меч победителя опустился. Карисса задохнулась, закрыла глаза, и чары распались, изображение растаяло. Из уст девочки вырвалось сдержанное рыдание, но когда Элдред, а за ним Каролус попытались ее утешить, она отстранилась, вытерла слезы и гордо вскинула голову, как королева, которой она и была.

— Не надо, — твердо сказала она. — Теперь я осталась одна, и мне надо учиться быть сильной. Он умер, но я не забуду, как он жил и как умер. Не забуду также, и кто виновен в его смерти. Я отомщу.

— Но, Карисса, — тихо сказал Элдред, — ведь Халдейны всегда владели силой, подобной нашей. Почему отец твой решил, что этот Халдейн не таков?

Король кашлянул, протер слезившиеся глаза и покачал головой.

— У нас была надежда, — сказал он. — Когда умер отец Бриона, сам Брион был еще мал. Мы полагали, что ему не успели передать силу. И поскольку за десять лет, что он был королем, он ни разу не показал, что обладает ею, мы решили, что секрет ее утерян. Кто мог подумать, что мальчишка Морган поступит так, как поступил?

Каролус, сцепив пальцы рук, кивнул.

— Мы недооценили его, — согласился он, — но больше этого не случится. Халдейн — узурпатор. Элдред и Карисса поженятся, и мы должны сделать все, что-

бы в наследство им достались оба королевства. Мы будем следить за Халдейном и этим выскочкой, полукровкой Дерини.

Все дружно закивали, и король со старшим сыном принялись выспрашивать у Хасана подробности, но Венцит не участвовал в этом, он вспоминал увиденную битву и последовавший затем разговор и намечал для себя, о чем поразмыслить на досуге. Сегодня он понял кое-что важное. Во-первых, Элдред — глупец. Унаследовав после Каролуса трон, он будет иметь столько же шансов удержать его, сколько было у Хогана победить Халдейна. Да и сам Каролус не обещал многого, просто прежде Венцит никогда не оценивал брата с такой точки зрения. Об этом предстояло еще хорошенько подумать, и не раз.

Но и Халдейн с Морганом заслуживали пристального внимания, особенно последний. Полукровка Дерини пока еще совсем мальчишка, но в будущем с ним, несомненно, придется считаться — и, возможно, именно через него удастся добраться со временем до Халдейна. Вдруг Парки распорядятся так, что Венцит сам станет орудием в руках судьбы, предназначенным погубить Моргана. Еще и не такое случалось на свете...

Посвящение Дерри в рыцари

Май 1115 г.

Шон лорд Дерри, оруженосец Моргана, уже много лет как стал одним из моих самых популярных персонажей, не являющихся Дерини. Он привлекает своей верностью, понятливостью, чуткостью — при том, что он самый обыкновенный человек. Меня часто спрашивают, как Морган и Дерри встретились и как Дерри стал служить Моргану. Об этом я и написала рассказ.

Что интересно, написание его далось мне с великим трудом. Сначала я решила сделать главным героем Моргана и никак не могла приступить к работе. С неделю я составляла хронологические и генеалогические схемы — все, что угодно, только бы не садиться и не работать на самом деле (зато я теперь, правда, знаю, каким образом Морган и Дункан происходят от Райса и Ивейн), — и наконец приступила и вымучила из себя за целый день около пяти страниц. Это было в пятницу. Работала я на компьютере; и в понедельник, когда я собралась продолжить работу, мне не удалось ввести этот файл в компьютер. Не удалось найти его; не удалось скопировать; я оказалась не у дел. Видимо, дискета сломалась.

Я сделала неудачную попытку восстановить ее — что почти никогда не получается, — в результате все сбросила и тогда начала рассказ заново, но уже с Дерри в качестве главного героя — лишь бы хоть что-то писать. И на этот раз Дерри ожил, и работа пошла.

Мне бы очень хотелось сказать, что потом я смогла все-таки добраться до первоначального файла — когда уже выстроила рассказ по-другому, — но этого не произошло. Я не столь самоуверенна, чтобы претендовать на вмешательство всякий раз вышних сил в *мою* работу. Хотя, как и Денис Арилан, полагаю, что Господь действует обычно через смертных посредников — а порой и через механические устройства, созданные смертными. Довольно с меня того, что первый вариант пропал, и это хорошо; мне пришлось пересмотреть свой замысел и выстроить повествование так, как его следовало строить изначально.

И, что бы ни послужило стимулом, результат позволяет узнать многое о Дерри и его семье. Почему, например, молодой дворянин с хорошими перспективами решил вдруг стать оруженосцем герцога, вместо того чтобы остаться самому себе хозяином? Разумеется, свою роль сыграло немалое личное обаяние Аларика Моргана, тем не менее это не могло не удивить придворных Бриона, как замечает и сам этот восемнадцатилетний, еще неопытный, только что посвященный в рыцари юноша, который видел своего короля всего несколько раз в жизни и никогда с ним не беседовал.

Мы еще раз встретимся здесь с Денисом Ариланом, после посвящения которого в сан прошло десять лет, и увидим, какую роль играет он теперь при дворе.

Восемнадцатилетний Шон лорд Дерри, которому оставалось менее двух недель до получения рыцарского звания из рук Бриона, короля Гвиннеда, нетерпеливо вздыхал, глядя, как конюшие проводят своих питомцев одного за другим по узкой огороженной дорожке к загонам Рилледской конной ярмарки. Предмет его страстного вожделения все не появлялся, да и что с того, если даже стартовая цена, на него заявленная, была Дерри абсолютно не по карману. Да, он был граф, но доставшиеся ему девять лет назад после смерти отца владения у восточного Пограничья были весьма скромны и практически разорены уплатой причитавшегося короне налога на наследство. Дядя Тревор, не более богатый, чем он сам, предложил по случаю посвящения своего единственного племянника в рыцари денежную помощь; но даже их совместных средств не хватило бы на этого жеребца.

— Вот этот гнедой неплох, — заметил дядя Тревор, показывая на спокойного коня с белыми чулками на передних ногах. — Масть — ладно, зато у него крепкая грудь и глаза добрые. Родословная в порядке, я смотрел. И еще один был хорош, темно-бурый. Запомни его. Думаю, какого-нибудь из них мы сможем выбрать.

Дерри пожал плечами, не отводя глаз от лошадей, которых выводили из дальнего загона.

— Да, они хороши, — признал он. — Но каштановый...

— Что ж, я тебя понимаю, — сочувственно сказал Тревор, когда на дорожке появился жеребец, о котором шла речь. — Этот конь, Шон, впору самому ко-

ролю. Ты уж не расстраивайся, но его мы, наверно, позволить себе не сможем.

— Конечно, не сможем, — ответил Дерри. — Я знаю. Коли не он, так гнедой или бурый вполне сойдут, но, Господи, как бы я хотел этого красавца!

— Не ты один, — проворчал Тревор.

Дерри рассеянно кивнул, приник к изгороди, вытянув шею, чтобы лучше видеть, и, когда жеребца подвели поближе, закусил губу. Голубые глаза его так и впились в заигравшие под гладкой шкурой мускулы, когда конь грозно заржал, увидев других жеребцов, и встал на дыбы, пытаясь освободиться от державших его конюхов.

— Иисусе сладчайший, да он просто великолепен! — выдохнул Дерри и, заметив укоризненный взгляд дяди, считавшего подобные слова чуть ли не богохульством, опустил голову. — Извините, дядя.

Конь, однако, *и* вправду был великолепен: темно-каштановой масти без единого белого пятнышка, чудесных р'кассанских кровей, о чем свидетельствовали его высокая холка, мощные челюсти и большие, умные глаза. Имея в конюшне такого жеребца и регулярно получая от него потомство, Дерри мог бы за пять лет улучшить породу лошадей Пограничья. И его материальным делам отнюдь не повредили бы вложения со стороны тамошних дворян и владельцев конюшен. А уж как было бы здорово въехать на таком коне в город Ремут, где его должны посвятить в рыцари! До этого дня оставалось чуть больше недели...

Он размечтался и в мыслях уже видел себя восседающим на каштановом жеребце, в сверкающих на солнце ярко-голубых рыцарских доспехах, когда случилось нечто неожиданное. Какой-то мальчонка под-

нырнул под ограждение, собираясь перебежать на другую сторону дорожки, споткнулся и упал — перед самым носом своенравного серого жеребца, которого вели следом за каштановым.

Беспокойного жеребца это напугало. Он вскинул голову, заржал, затем присел на задние ноги, сбив с ног своего вожатого, а потом, вытянув шею, схватил конюха зубами за плечо и принялся трясти его, как терьер крысу. И отпустил бедолагу только тогда, когда и каштановый жеребец, забеспокоившись, взвился на дыбы, с легкостью расшвырял конюших и с грозным ржанием повернулся к сопернику.

Дерри не мешкая перескочил через верхний поручень и услышал страшный, глухой звук — подкованное копыто ударило в грудь одного из конюхов; такая же участь едва не постигла его самого, когда он, поднырнув под серого, подхватил скорчившегося на земле мальчишку и откатился с ним в сторону. К тому времени, как он поднялся на ноги и передал кому-то ребенка через изгородь, между жеребцами шло уже настоящее сражение, и все конюхи с подручными торопились отвести подальше своих подопечных, пока и те не ввязались в бой. В облаке пыли, поднятой дерущимися лошадьми, Дерри не сразу разглядел, куда подевались их конюхи, но в конце концов увидел, что один неподвижно лежит возле изгороди, а другой свернулся в клубок в самой гуще сражения, прикрывая руками голову.

— Шон, не надо! — услышал он крик дяди, но было поздно — он уже снова бросился на помощь и подхватил волочившийся по земле повод каштанового жеребца.

Повод-то он взял, но не успел сделать и шагу, как конь дернул головой, и Дерри, потеряв равновесие,

оказался прямо на пути опускавшегося в этот момент копыта серого жеребца. Благодарение Богу, в челюсть ему ударило не копыто, а колено, — но искры все равно посыпались из глаз, и Дерри пошатнулся и чуть не упал. Второе копыто, чудом миновав голову, распороло ему плечо, и в этот момент какие-то двое мужчин в черном вцепились в недоуздок серого и оттащили его.

Конюх, которому угрожала наибольшая опасность, успел тем временем откатиться в сторону; Дерри, опомнившись, ухватил за ухо каштанового жеребца и пригнул ему голову, а мужчины в черном утихомирили серого.

— Тихо, мальчик! Тпру! Тпру! — приговаривал Дерри, и когда жеребец немного успокоился, отпустил его ухо.

Один из нежданных помощников снял с себя кожаную тунику и завязал ею серому глаза, чтобы тот не видел соперника, Дерри же, продолжая уговаривать и поглаживать каштанового по морде, заставил его отвернуться. Пока конь разворачивался, обнаружилось, что он хромает и что левая задняя нога у него в крови. Дерри передал повод двум конюхам, расхрабрившимся подойти, когда опасность миновала, и, не обращая внимания на боль во всем теле, занялся проверкой раненой ноги. Провел дрожащей рукой по взмыленному конскому боку, ощупывая рану, и ему стало не по себе.

— Скверный укус, — сказал приятный низкий голос у него за спиной. — Похоже, сухожилие повреждено. Какая жалость!

Коротко оглянувшись, Дерри увидел, что это один из мужчин в черном, укротивших серого, — тот, который завязал коню глаза своей туникой. На

нем была блестящая кольчуга — под костюмом для верховой езды, но Дерри было не до этой странности, ибо он принялся двигать раненую ногу, поглаживая жеребца, чтобы смягчить боль, которую причиняло тому движение.

— По-моему, оно не до конца порвалось, — пробурчал он и, встав на колени, опустил копыто на землю. — Сшить его да наложить лубки, чтоб не рвалось дальше, и он еще побегает.

— Для битвы он все равно уже не будет годен, — заметил незнакомец. — Пожалуй, лучше уж добить его.

— Нет! — сказал Дерри. — Мой кузнец может сделать специальную подкову для поддержки ноги, пока она не заживет. Дядя Тревор, вы не поможете мне найти нужные инструменты? И еще нужен кто-нибудь, проследить, чтобы он не опирался на ногу. Почему бы не попробовать?

Человек в кольчуге жестом велел кому-то, кого Дерри не видел, встать у морды жеребца и успокоить его, и тут через плечо юноши заглянул другой мужчина, в коричневом кожаном костюме.

— Сухожилие, да? Проклятье! Что ж, спасибо, сынок, за труды, но мой помощник сейчас его заберет. Маклин, надо его прирезать.

— Нет! Не надо! — вскрикнул Дерри. — Позвольте мне хотя бы попытаться, нога может зажить.

— Не стоит беспокоиться, сынок. Он все равно уже ни на что не будет годен.

— Да, как скаковой конь. Но его можно использовать для разведения. Для этого ему не нужна сильная нога, лишь бы не болела.

— Это не дело, сынок.

— Вы хозяин? — спросил Дерри.

— Да.

— Тогда я покупаю его! И... покупаю еще одного, здорового. Я приглядел тут двоих.

Хозяин задумчиво погладил подбородок.

— Которых это?

— Ну, один такой темно-бурый... очень сильный... и гнедой с необычными белыми чулками на передних ногах.

— А! Гнедой — мой, — сказал хозяин. — Я прошу за него двести марок золотом. Давайте триста и забирайте обоих.

— Джулиус! — вмешался незнакомец в кольчуге. — Это грабеж! Мертвый конь не стоит и двадцати, со шкурой и со всеми потрохами.

— Стоит, коли может еще поработать в конюшне, милорд, — сказал Джулиус.

— Но это еще под вопросом, — заметил незнакомец. — А ты собирался его добить. Отдай обоих за двести пятьдесят, и то наживешь на своей беде больше, чем заслужил.

— Ну...

— Соглашайся, Джулиус, — продолжал тот. — А я куплю черную кобылу за ту несуразную цену, которую ты просишь.

— И *ее жеребенка*?

— И жеребенка, — согласился незнакомец. — Но за него дам еще пятьдесят. Сделаю *тебе* такое одолжение!

— Что ж, отлично! Вы заключаете очень выгодную сделку, милорд.

Они ударили по рукам, и Дерри с трудом мог поверить своему счастью, поскольку назначенная цена была вполовину меньше, чем стоил этот жере-

бец... если, конечно, Дерри *и впрямь* сможет его вылечить.

Конюх принес ведро воды, и Дерри принялся осторожно промывать рану, дивясь, что жеребец не протестует. Могучий боевой конь в руках незнакомого лорда в кольчуге стоял кротко, как ягненок. У Дерри от удара в челюсть разболелась голова, по левой руке стекала кровь, смешиваясь с кровью жеребца, и чувствовал он себя все хуже, но не обращал на это внимание. Пока не придется встать на ноги, продержаться можно. Дядя Тревор принес ему небольшую сумку с иглами и нитью для швов, подошел и Ромар, кузнец из замка Дерри, и тоже принялся проверять рану.

— Я похвастался твоим умением, Ромар, — сказал Дерри, — но ведь это ты научил меня всему, что я знаю о лошадях. Мы *сможем* его спасти?

— Раз уж вы его купили, милорд, так всяко попытаемся, — ответил Ромар. — Только почему бы мне этим не заняться? Я зашью не хуже любого другого. А вам надо бы руку посмотреть. Вон, кровищи-то сколько.

— Он дело говорит, — сказал мужчина в кольчуге. Дерри поднялся на ноги, придерживаясь за жеребца, поскольку его пошатывало, и незнакомец подхватил его под руку. — Судя по тому, как выглядит рана, вам самому потребуется несколько швов. И на подбородке здоровенная шишка, — он коснулся распухшего подбородка вымазанными в крови пальцами. — Рандольф, вы не посмотрите юношу, когда закончите с конюхом?

Дерри успел разглядеть только светло-серые глаза незнакомца и копну коротко стриженных золоти-

стых волос, как в глазах у него потемнело, и он потерял сознание.

* * *

Когда Дерри пришел в себя, челюсть ныла все так же, но к боли в руке прибавилась другая, колющая боль, и совсем рядом кто-то мурлыкал немелодично песенку без слов. Он открыл глаза и увидел мужчину приятной наружности, в черном одеянии, который, склонясь над окровавленными клочьями его левого рукава, вытягивал черную шелковую нить. Прочная голубая ткань куртки была разорвана от плеча до локтя, обнажив рану длиною в ладонь, и колющую боль производила игла, которой этот человек зашивал рану.

— Ну, здравствуй, — сказал он, улыбаясь. — Ожил, как я погляжу. Когда ты потерял сознание, я было испугался, что у тебя сотрясение мозга, но, пожалуй, это был просто шок. Немного покоя, и будешь молодцом.

— Долго я был в обмороке? — спросил Дерри.

— О, не очень. Я только начал шить. На самом деле, наверно, достаточно было промыть и перевязать руку, но зато так не останется шрама. Шрамов этих у вас, молодых, и без того хватает. Уж больно острые копыта у боевых коней... да и чертовски грязные, но я вроде бы как следует промыл рану. И скажи спасибо, что ты был в это время без сознания, поскольку, на мой взгляд, это похлеще, чем зашивание... хотя не думаю, что тебе и сейчас очень приятно. Я, кстати, — мастер Рандольф, и меня всему этому учили, так что не волнуйся. Мой господин не хотел, чтобы тобой занялся какой-нибудь лекарь-коновал из здешних.

Дерри, слушая этот монолог, старался изо всех сил не выказывать своего изумления, но тут все-таки вытаращил глаза. Человеку, назвавшему себя мастером Рандольфом, было на вид около тридцати, и слева на груди у него была вышита голова грифона — зеленая с золотом эмблема на черном фоне, обведенная золотой нитью. Чем-то она была знакома Дерри, но вспомнить он не смог, и, подняв голову, чтобы посмотреть на работу врача, поморщился от очередного укола иглы.

— Хорошо у вас получается,— пробормотал он, опуская голову обратно. — Я — Шон Дерри.

— Да, я знаю. Граф Дерри. Твой дядя сказал мне, — отвечал врач. — Он, между прочим, пошел рассчитываться с Джулиусом. Кузнец ваш занимается жеребцом. И, скажу я, либо ты заключил чрезвычайно выгодную сделку, либо приобрел втридорога немного конины и лошадиную шкуру.

— Знаю, — сказал Дерри, прикрывая глаза здоровой рукой. — Может быть, мне и не следовало так рисковать. Мы уже изрядно истратились на рыцарское снаряжение. А за гнедого на торгах, возможно, пришлось бы заплатить гораздо меньше. Так-то он хорош, но из-за этих белых ног цена понизилась бы.

— Ну, он тебе еще замечательно послужит, — сказал Рандольф. — А белые ноги... что ж, зато его ни с кем не спутаешь.

Дерри на этих словах полухохотнул-полувзвизгнул, ибо игла снова впилась в кожу, и поднял голову. Рана была зашита примерно на треть. Он пробормотал что-то извиняясь, отвернулся и вздрогнул, увидев рядом еще одного человека — того, в кольчуге. Дерри и не заметил, когда он успел подойти.

— Ну, молодой лорд Дерри, как дела? — спросил он, улыбаясь. — Добрый мастер Рандольф все еще пытает вас?

Глаза у него были серые, как туман или дождь, но казались пронизанными солнечным светом. Только теперь Дерри увидел, что незнакомец немногим старше его самого — ему было от силы лет двадцать. И Дерри мгновенно проникся к нему симпатией.

— Боюсь, что я по сравнению с вами в несколько невыгодном положении, сэр, — сказал он и улыбнулся в ответ. — Кажется, вы оба знаете, кто я, но я, боюсь, не знаю, кто вы.

— Хм, в данный момент это неважно, — проворчал незнакомец. — А вот залатать вас — это *важно*. Вы нынче — герой, знаете ли. Родители спасенного ребенка готовы причислить вас к лику святых. Как ваш подбородок? Больше на голове нет ушибов, Ран? — спросил он врача, перебирая тем временем кудрявые темные волосы Дерри в поисках других шишек.

Ни с того ни с сего юноша почувствовал вдруг непреодолимое желание зевнуть — и вздрогнул посреди зевка от очередного укола иглы мастера Рандольфа.

— Думайте о чем-нибудь другом, — мягко сказал незнакомец в кольчуге, и его невозможные серебряные глаза поймали и удерживали взгляд Дерри, пока руки ощупывали голову. — Закройте глаза, представьте, что вы где-то в другом месте. Отрешитесь от своих ощущений.

Дерри, зевнув во весь рот, послушался и обнаружил, что боль слабеет. На самом деле он даже задремал. И когда очнулся снова, молодого человека в кольчуге уже не было, а мастер Рандольф заканчивал

перевязку. Рядом на табурете сидел дядя Тревор, глядя на него с тревогой.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Так, словно меня в плечо и в челюсть лягнула лошадь, — ответил Дерри, осторожно приподнимаясь на локтях. — Куда подевался мой таинственный благодетель? Я хотел поблагодарить его. Кто он?

Мастер Рандольф уложил в сумку свои инструменты, закрыл ее и улыбнулся.

— Ушел по своим делам... а то, что ты благодарен, он и так знает, сынок, — Рандольф встал и повесил сумку на плечо. — Что же касается того, кто он, думаю, он сам сказал бы, если бы хотел. Но ты еще узнаешь это. Удачи тебе, молодой лорд Дерри, и вам, барон Вараг.

Дерри не успел ничего сказать, как он уже удалился. Крайне заинтригованный, юноша сел и посмотрел на дядю.

— А *вы* знаете, кто он? Похоже, высокородный лорд...

— Из самых высокородных, — спокойно сказал Тревор. — Что он с тобой делал?

— *Делал* со мной? Что вы имеете в виду?

— Он тебя касался? Ты помнишь, что он говорил?

— Ну да, он меня *касался*! Проверял, не ушибся ли я еще где... *кто* он, дядя?

Тревор недовольно фыркнул.

— Герцог Корвинский, Аларик Морган.

— Кор... Аларик *Морган*? Дерини? — выдохнул Дерри.

— Да.

— О, черт! — только и мог вымолвить Дерри.

Он снова лег и положил руку на лоб, вспоминая все, что произошло. — Так это был *сам Морган*.

Вообще-то ему полагалось испугаться, ибо он не раз слышал, что маги Дерини могут осквернить душу человека одним взглядом, не то что прикосновением; но почему-то он не испытывал ничего, кроме восхищения, вспоминая, как помог ему Морган с жеребцом и как он позаботился о нем, прислав мастера Рандольфа. Ему нравилось то, что он видел в этих светлых серебряных глазах, — да и прежде он не особенно верил рассказам священников о Дерини.

А запрещенная магия — что ж, если с помощью магии Морган помог Дерри избавиться от боли, то ничего худого в ней, похоже, не было. Не испытывать боли, когда над тобой работает врач — это же *благословение* для воина, а вовсе не проклятье. Правда, Морган может обладать и другой, не столь доброй силой...

Об этом он решил не думать. Не стоит судить никого на основании слухов — даже Дерини. Какими бы страшными силами не обладал Морган, Дерри пока что увидел в нем только сдержанность, сострадание и то, что называется *noblesse oblige*, достоинство, которое бывает только врожденным и не дается никаким титулом или званием. Он подумал, что, возможно, встретит герцога Дерини при дворе, когда приедет в Ремут на посвящение в рыцари. О Моргане, в конце концов, говорили, что он дружен с самим королем. И раз уж Дерри теперь знает, кто помог ему в Рилледе, там он и сумеет принести ему свою благодарность.

* * *

Следующая неделя оказалась весьма утомительной, ибо помимо последних лихорадочных приготовлений к поездке, отнимавших у Дерри все силы, его мучили раны — хотя он не сильно пострадал, но кости и мышцы ныли еще несколько дней, мешая двигаться, а голова болела всю неделю. Тревожась за его голову, дядя Тревор потребовал, чтобы Дерри отвезли в замок на конных носилках, и сам занимался временным устройством каштанового жеребца в Рилледе, дабы оставить его там под присмотром кузнеца Ромара. Мать Дерри, когда не бранила своего единственного сына за то, что он растратил и без того скудные денежные средства на лошадь, от которой, возможно, не будет никакого толку, суетилась над ним немилосердно, пока не пришло наконец время отправляться в Ремут.

И потому, выехав в сопровождении матери, сестры с семьей и дяди Тревора, который должен был выступить в роли его поручителя, Дерри поначалу больше беспокойно размышлял о своих финансовых делах, нежели о возможной встрече с герцогом Дерини, Алариком Морганом. Сын Тревора, одиннадцатилетний Падриг, ехал с Дерри как паж и был очень возбужден тем, что впервые увидит столицу; в конце концов его энтузиазм отчасти поднял настроение и Дерри. Белоногий гнедой оказался спокойного нрава, имел ровный шаг и полностью оправдывал всю сумму, которую Дерри отдал за него и за покалеченного коня; в последнем письме от Ромара, пришедшем перед их отъездом, говорилось, что каштановый поправляется — и, может быть, материальные дела Дерри были совсем не так плохи, как казалось.

По прибытии в Ремут у Дерри также оказалось слишком много хлопот, чтобы думать о Моргане. Герцог ни разу не попался ему на глаза, пока Дерри и другие будущие рыцари готовились к церемонии, хотя, когда их спрашивали о поручителях, молодой сьер де Вали назвал имя Моргана. Дядя Тревор сопровождал Дерри на ритуальное омовение в ночь накануне посвящения и вручил своему подопечному одеяние черно-красно-белого цветов, после чего Дерри исповедался и приступил к всенощному бдению над своим оружием в базилике замка, но для подопечного Моргана обязанность эту выполнил кто-то другой.

И встретил Дерри Моргана только утром в день посвящения в рыцари, в большом зале, где тот спокойно ждал рядом с де Вали, чьим сюзереном являлся. Дерри увидел его лишь мельком, проходя мимо с Тревором и Падригом, но в памяти его мгновенно ожили все вопросы, что волновали его с момента встречи с этим человеком.

На взгляд Дерри, Морган совершенно не походил на могущественного и злого колдуна Дерини — на герцога он, правда, походил, но и то не очень, в сравнении с другими титулованными особами. На нем была корона, но она представляла собой простой золотой обруч вокруг лба. А его наряд...

Дерри и раньше слышал, что Морган предпочитает одеваться в черное — так он был одет и в Рилледе, но сегодня ожидал все-таки чего-то большего — даже *роскошного*, ведь посвящение в рыцари является торжественным событием для двора, а Морган как-никак был поручителем сьера де Вали.

На герцоге же было одеяние из дорогого черного шелка, с высоким воротником, доходившее до са-

мых каблуков с золотыми шпорами, простое и строгое, и строгость его лишь немного смягчала пущенная по воротнику, рукавам, подолу и вдоль разрезов кайма из золотого кружева, представлявшего собою переплетающиеся ветви с цветами. Белый рыцарский пояс тоже живо выделялся на черном фоне, но меч в черных ножнах совершенно терялся в складках длинного придворного одеяния, а его кожаная рукоять только угадывалась под левым рукавом. Больше оружия при Моргане как будто не было, но Дерри даже не позволил себе задуматься, какие еще средства защиты может иметь в своем распоряжении лорд Дерини. Вероятно, под придворным нарядом на Моргане была кольчуга, как и в Рилледе.

Когда Дерри вызвали и начался обряд посвящения в рыцари, о Моргане он и думать забыл. Сначала он, стоя на коленях, отвечал на ритуальные вопросы, затем дядя Тревор пристегивал ему меч и шпоры, и наконец он склонил голову перед королем Брионом. Клинок королевского освященного меча коснулся его плеч и головы, и Дерри вздрогнул, испытывая глубокое благоговение оттого, что находится наконец перед своим монархом, которого видел всего несколько раз в жизни, и то издалека. Вложив свои руки в руки короля, он произнес старинную клятву, обет верности, и это были первые слова, которыми он обменялся с Брионом Халдейном.

— Я, Шон Симус О'Флинн, граф Дерри, становлюсь вашим вассалом и отдаю вам душу и тело, и все, чем владею. Верой и правдой буду служить вам и защищать не на жизнь, а на смерть от любого врага, и да поможет мне Господь!

Он поцеловал руки королю, и тот поднял его с колен, и Дерри вспыхнул от гордости, слыша привет-

ственные возгласы придворных, и королева Джехана подпоясала его белым кушаком, знаком рыцарского достоинства. А потом она поцеловала его в обе щеки, и он почтительно склонился над ее рукою, поклонился королю и восьмилетнему принцу Келсону, сидевшему по правую руку от отца, и присоединился к сияющему дяде Тревору, чтобы посмотреть, как посвящают других. Хоть он и был графом, но имел скромный достаток, и потому его посвятили одним из первых. Теперь он мог спокойно смотреть, как вышел, наконец, вперед герцог Аларик, дабы поручиться за сьера де Вали, имевшего всего лишь баронский титул.

Морган старался, как мог, не привлекать к себе внимание, пока его молодой вассал, стоя на коленях, испрашивал у короля милости, и сам встал на колени, опустив голову, чтобы пристегнуть к каблукам де Вали золотые шпоры, но даже Дерри, довольно наивный еще юноша, почувствовал, как мгновенно возрос интерес придворных, когда началось именно это посвящение, — и направлен был этот интерес на поручителя. И меч, который передал Морган по знаку короля своему подопечному, тоже стал объектом пристального внимания, и вовсе не из-за своей богатой отделки, так что Дерри подумал даже, не ждут ли придворные, что оружие, переходя из рук в руки, неожиданно полыхнет огнем.

Меч не полыхнул. И Морган тоже. Герцог Дерини, как самый обыкновенный человек, скромно стоял на коленях рядом с де Вали, пока тот проходил посвящение, произносил свой обет и принимал из рук королевы белый кушак. А затем под приветственные крики придворных Морган исчез в толпе. И снова Дерри увидел его уже гораздо позже, после

праздничного пира — герцог Дерини сидел в полном одиночестве в амбразуре окна в самом дальнем конце зала. Высокий воротник его черного одеяния был расстегнут у горла, корона лежала рядом с герцогом на подушечке, но золотые волосы его сами горели в солнечном свете короной. Морган подрезал стилетом ногти.

Дерри приостановился возле амбразуры, не решаясь его побеспокоить — и не понимая даже, что надо ему самому, — но Морган сразу заметил его и встал.

— А, молодой лорд Дерри, — сказал герцог, и стилет его исчез так быстро, что Дерри готов был принять это за магию. — Или мне следует говорить — сэр Шон, ибо вы уже стали рыцарем? — продолжал Морган, любезно кланяясь и протягивая Дерри обе руки. — В любом случае, примите мои горячие поздравления, сэр рыцарь. Вы вполне заслуживаете пожалованной вам сегодня чести.

Дерри вспыхнул и поклонился в ответ. Странно, подумал он, но, разговаривая с Дерини, он не чувствовал никакой особенной неловкости, лишь некоторую робость, ибо перед ним все-таки был герцог.

— Я не уверен в этом, ваша светлость, но тем не менее благодарю за добрые слова. Вы можете называть меня Дерри, если вам угодно, — осмелев добавил он. — Мне было всего девять лет, когда я стал графом, и со временем титул превратился почти что в имя.

— Да, бывает, — согласился Морган. — Я помню вашего отца. Вы ведь носите и его имя?

— Да, милорд. Его звали Симус Майкл О'Флинн. Я же — Шон Симус.

— Это я слышал, когда вы давали клятву, — Морган вскинул голову и с неуверенной улыбкой про-

должил: — В том походе, где ваш отец получил свои раны, я был королевским оруженосцем. И помню, как он храбро сражался. Позднее я узнал, что он умер от ран, и мне было очень жаль — и его, и вас. Мне тоже было всего девять лет, когда умер мой отец.

Дерри удивленно заморгал. Он и не думал, что Морган так много знает о нем.

— В таком случае... между нами есть что-то общее, ваша светлость... кроме любви к хорошим лошадям. Можно... можно ли мне присесть? — выпалил он.

Морган поднял тонкую светлую бровь и небрежно скрестил руки на груди.

— Вы не боитесь, что кто-нибудь случайно увидит вас со мной? Вы ведь знаете, кто я.

— Не боюсь, милорд.

Светлые серебряные глаза Моргана смерили его взглядом с головы до ног и обратно, но Дерри не дрогнул. И когда Морган отвернулся и сел, изящным жестом показав на вторую скамью в амбразуре, Дерри ощутил почти физическое облегчение.

— В таком случае присоединяйтесь, пожалуйста, — негромко сказал Морган, — и расскажите, как поживает жеребец, которого мы спасли от живодерни.

Не без некоторого трепета Дерри повиновался, вошел в амбразуру и опустился на скамью напротив герцога Дерини.

— Жеребец поживает неплохо, милорд, — сказал он. — Я так и думал, что вам это будет интересно; потому и искал вас. Я хотел также поблагодарить вас за то, что вы помогли мне купить его. Кузнец мой сделал специальную подкову, чтобы нога оставалась неподвижной, пока заживает рана, и, как я уже сказал, дело идет на лад — конь только стал беспокой-

ным немного, поскольку уже неделю не выходит из стойла.

— И станет, конечно, еще беспокойнее, пока придет пора его выпустить, — заметил Морган. — Но все же это лучше, чем убивать животное. Мне в любом случае жаль. Я думал купить его для короля. Его величество вообще-то предпочитает серых, но этот красавец был вполне достоин моего господина.

Дерри кивнул, помня, как сам оценил этого жеребца.

— Да, ваша светлость. Но если он выздоровеет, может быть, король все же пожелает иметь от него приплод? Я надеюсь, что к весне он достаточно оправится.

Морган усмехнулся и комично поднял бровь.

— Рискну предположить, что короля весьма заинтересует такая перспектива, — сказал он. — Но вы должны мне обещать, что запросите цену, соответствующую толщине королевского кошелька.

— Назначать цену королю? — разинул рот Дерри.

— Ну, если вы хотите прослыть подлинным знатоком лошадей, вы должны свои знания и опыт оценивать достойным образом, — ответил Морган. — Кроме того, вряд ли вы станете отрицать, что вашей казне не помешает дополнительный доход.

— Но король...

— Дерри, сделал ли король что-нибудь для того, чтобы вы стали владельцем этого жеребца?

— Нет, сэр.

— В таком случае все в порядке, — Морган лукаво усмехнулся. — С другой стороны, если бы услугами вашего жеребца захотел воспользоваться я, а не король, и мне понадобились бы некоторые, э-э-э, уступки...

Он выразительно пожал плечами, лицо его приняло простодушное выражение, явно противоречившее его обычному уверенному и проницательному виду, и Дерри вдруг сообразил, что Морган его проверяет.

— Думаю, я понял вас, ваша светлость, — сказал он осторожно. — Но не кажется ли вам, что ради сохранения своей репутации знатока я не должен сбавлять цены даже для знатока-коллеги?

Морган снова пожал плечами, более небрежно, но в серых глазах его вспыхнули веселые искорки, которые полностью искупили пережитое Дерри мгновение беспокойства.

— Хорошо сказано, мой юный друг, — кивнул Морган. — Мы еще научим вас заключать выгодные сделки. Между прочим, как показал себя белоногий гнедой? По всем статьям, если не считать этих выдающихся ног, он обещал многое.

Дерри улыбнулся, с легкостью принимая этот шутливый тон.

— Удачная покупка, сэр: отлично бегает под седлом. Надеюсь, потомство его не унаследует столь причудливую расцветку, а так — жаловаться мне не на что.

— Как и мне.

Морган вновь обратил взгляд светло-серых глаз прямо на Дерри, и юноша вдруг почувствовал себя объектом пристального изучения — и не только внешнего. Он даже затаил дыхание. Захоти он отвести взгляд — вряд ли ему это удалось бы, но он и не хотел. Вместо того чтобы испугаться, он чувствовал только все усиливавшееся любопытство. Морган молчал, и Дерри не выдержал наконец.

— Вы... читаете мои мысли, милорд? — прошептал он.

Морган улыбнулся и сморгнул, но неподвижного взгляда от него не оторвал.

— Нет. Вы хотите, чтобы я это сделал?

Дерри с трудом сглотнул и попытался отвести на мгновение взгляд, чтобы проверить, способен ли он на это, но в результате только слабо покачал головой.

— Почему? — мягко спросил Морган. — Вы боитесь?

— Нет.

— Это хорошо.

Тут Морган наконец медленно отвел взгляд, прервав контакт, и Дерри снова смог вздохнуть.

Он действительно *не боялся*. Он испытывал почтение к Моргану — как испытывал бы его ко всякому умному человеку, который к тому же герцог и друг короля, — и магия, по его мнению, была тут ни при чем. Может быть, Дерри был неопытен, но Морган казался ему человеком чести, хоть он и был Дерини, кого должны остерегаться и избегать все богобоязненные люди.

И все-таки Дерри мучило любопытство, пробовал ли Морган на нем свои силы, когда они встретились впервые. У него не было времени задуматься раньше, но сейчас ему казалось странным, что он заснул, когда мастер Рандольф зашивал его рану.

— А прежде вы читали мои мысли? — спросил он робко, когда Морган снова повернулся к нему.

Морган вопросительно вскинул голову.

— Когда?

— В Рилледе, пока ваш мастер Рандольф зашивал мою руку.

— А, — Морган коротко улыбнулся. — Нет. Я... ну... правда, я помог вам снять боль.

— *Помогли* — каким образом? — не отставал Дерри. — Вы использовали свою силу?

Морган на мгновение опустил глаза, затем снова встретился с Дерри взглядом, но взгляд этот больше не давил на юношу.

— Да. Зачем было заставлять вас мучиться, если я мог облегчить ваши страдания? Я надеялся... что вы ничего не заметите.

— Я и не заметил бы, если б мы не поговорили с вами сейчас, — ответил Дерри. — Почему священники утверждают, будто то, что вы делаете, является злом?

Морган сплел пальцы и вывернул руки ладонями наружу так, что хрустнули суставы, не желая, видимо, в этот момент смотреть на Дерри.

— По неведению, — сказал герцог, опустив руки на колени и глядя в окно. — Они находятся в плену давнишних предубеждений, давнишних обид, в чем виновны отдельные испорченные личности. О наших способностях церковь не всегда судила так.

Дерри задумался на мгновение, потом покачал головой.

— Что ж, для меня это все ничего не значит, ваша светлость. Не понимаю, почему люди не могут просто жить и давать жить другим.

— Если бы это было так просто.

— Да. Ну, ладно, — Дерри вздохнул и оглянулся на зал, думая, что пора ему, наверное, возвращаться к дяде, хотя уходить на самом деле не хотелось.

— Я не обижусь, если вы уйдете, — спокойно сказал Морган, снова изучая его своими невозможными серыми глазами. — О нет, я не читаю ваших мыс-

лей. Простая логика подсказывает, что настало время подумать, не заметили ли еще вашего отсутствия и того, с кем вы беседуете.

— И логика права, — признался Дерри, смущенно пожимая плечами. — Вы часто это делаете?

— Что делаю?

— Догадываетесь, о чем думают люди, как смог бы любой смертный, а потом предоставляете им считать это магией?

Когда Морган удивленно вскинул брови, Дерри почувствовал, что идет по верному пути. И отбросив всякую осторожность, продолжил:

— Ведь вы так и *поступали*, ваша светлость? Я слышал и раньше, но пока сам не увидел сегодня вас, в этом черном одеянии, словно вы нарочно создаете вокруг себя этакую слегка зловещую атмосферу...

Морган внезапно разразился смехом. Он хлопнул себя рукой по колену и, покачав головой, весело и несколько удивленно посмотрел на Дерри.

— Вы, сэр, гораздо более понятливы, чем я думал. Может, мне и следовало прочесть ваши мысли... но, клянусь, все, что я делал с вами — это снял боль в тот раз и сегодня проверил, говорите ли вы правду, а это все равно что ничего. Где вы набрались такой мудрости?

Дерри изумился, не понимая, что он сказал такого, чтобы вызвать столь бурную реакцию.

— Милорд? — прошептал он.

— Ничего, ничего, — сказал Морган, все еще посмеиваясь, и махнул рукой. — Я вам, однако, скажу кое-что, Шон лорд Дерри, молодой рыцарь. Вы мне нравитесь. Честность, подобная вашей, редко встречается на свете, особенно по отношению к таким

людям, как я, — и я имею в виду даже не свои необычные способности. Подозреваю, что теперь, когда вы стали рыцарем, вы обнаружите, что графы, как и герцоги, не всегда могут быть уверены в том, что люди поступают с ними честно.

— Ну, я-то весьма незначительный граф, ваша светлость, — слабо возразил Дерри.

— Тем вероятнее, что вы и есть тот человек, которого я ищу, — сказал Морган словно сам себе. — Скажите, не покажется ли вам интересным предложение поступить ко мне на службу в качестве моего оруженосца?

— Я... *ваш* оруженосец? — с трудом выговорил Дерри.

— Отлично, если я, конечно, не понял вас совершенно превратно, и вы *не хотите* работать на меня. Не сомневаюсь, вы умны достаточно, чтобы понять — должность оруженосца герцога, если этот герцог я, нельзя назвать особо престижной; но мне очень важно иметь рядом человека, которому я могу доверять. И на мой взгляд, вы — такой человек.

— Но вы меня совсем не знаете, ваша светлость.

Морган улыбнулся.

— Почему вы думаете, что я не проверил вас основательно до того, как мы завели этот разговор?

— Проверили? — очень тихо сказал Дерри.

— Проверил.

— Но... это же я подошел к вам! Как вы могли знать...

— Конечно же, я *не знал*, — ответил Морган. — Не знал, что вы ко мне подойдете. И уж точно не знал, что вы окажетесь так... понятливы... кажется, я употребил это слово?

— Да, сэр.

— Вот и хорошо. Вас привлекает мое предложение? Я сейчас не спрашиваю, согласны вы или нет, — но угодно ли вам поразмыслить над ним? Прибыли мало, работы много; но, полагаю, во мне вы найдете справедливого и честного господина. И скучно вам никогда не будет.

В этом Дерри был уверен — а еще был уверен, без всяких размышлений, что хочет получить эту должность. Подняв голову, он устремил открытый взгляд прямо в притягательные серебряные глаза Моргана, застенчиво улыбнулся и протянул герцогу Дерини правую руку.

— Вот вам мой ответ и моя рука, милорд, — сказал он тихо. — Мне незачем долго думать. Если вы берете меня — я ваш слуга.

Усмехнувшись, Морган пожал ему руку и задержал ее в своей.

— Вы уверены? Я довольно требователен, знаете ли. И не могу обещать, что буду всегда в состоянии объяснить вам свои требования; обещаю лишь, что действовать буду только честно, и во имя Света, а не во имя Тьмы.

— Чего еще может желать человек, милорд? — выдохнул Дерри.

— Как вы относитесь к церкви? — спросил Морган, выпуская его руку. — Священники меня не любят, как вам известно. Потому меня и не было в базилике нынче ночью, хотя молодой Арно очень хотел видеть меня там. К счастью, у меня снисходительный епископ и весьма уступчивый духовник, и при дворе за мной приглядывает капеллан короля, но среди священнослужителей многие не остановились бы ни перед чем, дай им только повод отлучить меня от церкви. Хорошо, например, что здесь сегод-

ня нет нового Валоретского епископа. Эдмонд Лорис меня совсем не любит. Он мог бы проклясть и вас заодно.

Дерри пожал плечами.

— Сдается мне, я бы оказался в неплохой компании, милорд.

— С чьей точки зрения посмотреть, — проворчал Морган. — Положительная же сторона в том, что вы обретете защиту короля для себя и своей семьи — после моей защиты, конечно. Пожалуй, можно смело сказать, что его величество доброжелательно посмотрит на графство Дерри и его вассалов.

— В таком случае, чего я должен бояться, милорд?

Морган счастливо вздохнул.

— Да ничего, я полагаю. Господи, я и не мечтал, что так легко уговорю вас. Пока вы не передумали — пойдем, попросим королевского благословения? Наша взаимная клятва должен быть засвидетельствован.

— Королем? — охнул Дерри, вытаращив глаза.

— Ну, разумеется, королем! — проворчал Морган, вскакивая, хватая свою корону и подталкивая Дерри к выходу из амбразуры. — Подержите-ка это. Клянусь всеми святыми, вы больше трепещете перед ним, чем передо мной!

— Но ведь он — *король*, милорд! — прошептал Дерри. Корона Моргана словно обожгла ему руки. — До сегодняшнего дня я и видел-то его всего несколько раз... и никогда мы с ним не разговаривали.

Морган только покачал головой и, усмехнувшись, повел Дерри через зал к тронному помосту. Точно так же, как во время посвящения в рыцари сьера де Вали, герцог Дерини не делал ничего, чтобы привлечь внимание к себе или к своему спутнику, но достаточно было и одного его присутствия. Дерри

отлично сознавал, что на них все смотрят и умолкают, когда они проходят мимо. Он ощутил... не то чтобы открытую враждебность придворных к Моргану, ибо никто не осмелился бы выказать ее по отношению к другу короля и в присутствии короля, скорее, то была боязливая настороженность, и на него, Дерри, сейчас смотрели так же, как на Моргана. Все видели, что он несет корону Моргана, и, проходя мимо дяди Тревора, беседовавшего с кем-то из баронов-соседей, Дерри нарочно отвернулся — но краем глаза заметил все-таки потрясенное выражение дядиного лица.

Пока они добирались до тронного помоста, где Брион, возле ног которого примостился маленький принц Келсон, сидел с каким-то молодым священником, слушая игру на лютне королевы Джеханы, Дерри почти забыл о своем трепете перед королем — но затрепетал с новой силой, когда они с Морганом остановились у подножия помоста и поклонились в знак приветствия. Брион на время пира снял корону и положил ее рядом, но и без нее никто не усомнился бы в том, что перед ним властитель Гвиннеда.

— Ну, Аларик, как погляжу, ты продолжил знакомство с одним из наших новых рыцарей, — запросто сказал король, отставив кубок с элем. — С сэром Шоном О'Флинн, графом Дерри, не так ли?

Дерри снова поклонился, и король усмехнулся.

— Бьюсь об заклад, вы думали, что я не отличил вас от всех остальных рыцарей, которых посвятил сегодня, и не запомнил?

Дерри замялся, не зная, как ответить на поддразнивание короля.

— Сир, перед вами он онемел, — улыбаясь, пришел ему на выручку Морган. — Отметьте себе на бу-

дущее, что со своими молодыми рыцарями вы должны разговаривать почаще, не только во время принесения клятвы верности. Вот *меня* он, кажется, не боится.

— О, неужто не боитесь, молодой Дерри? — сказал король, обращая на Дерри притворно серьезный взгляд серых халдейнских глаз. — И зачем же явились ко мне мой герцог Дерини и мой новый рыцарь, с какой-такой каверзой?

— Никакой каверзы, сир, — набравшись храбрости Бог знает откуда, выпалил наконец Дерри. — Его светлость желает... — он посмотрел на Моргана в поисках поддержки, и тот кивнул. — Его светлость желает, чтобы я поступил к нему на службу, сир. И я прошу одобрения вашего величества и прошу засвидетельствовать нашу клятву, ибо принимаю его предложение от всего сердца.

Брион кивнул с легкой улыбкой, почти незаметной в его коротко подстриженной черной бороде, а королева Джехана с холодным спокойствием отложила лютню и встала.

— Извините, милорд, — пробормотала она. — Я вспомнила об одном важном деле. Доброго дня вам, отец Арилан.

Келсон, когда мать ушла, тревожно посмотрел на отца, но Бриона поведение его королевы как будто вовсе не удивило. Как и священника.

— Вы должны простить королеву, молодой Дерри, — мягко сказал Арилан. — Боюсь, ее величество не разделяет привязанности господина нашего короля к герцогу Дерини.

— Погодите, Денис, — вмешался король. — У мальчика может сложиться неверное впечатление...

— Пусть знает, с чем ему придется столкнуться, сир, если он собирается служить Дерини, — сказал священник. — Такой терпимостью, как вы, ваше величество, отличаются немногие.

Брион фыркнул, опустил руку на плечо сына, затем поглядел на Моргана, выражение лица которого ни разу не изменилось за это время.

— Что-то мне, Аларик, не кажется, что *все* мои молодые рыцари такие уж немые, как ты меня убеждаешь, — сказал он беспечно. — Вот Дерри разговаривает очень даже бойко. Знал бы я раньше, что он столь храбр, так взял бы его к себе на службу.

— О, но ведь это все равно что вы берете его на службу, сир, — заметил Морган, — поскольку, служа мне, он служит вам.

Брион усмехнулся и покачал головой, признавая поражение.

— Ладно уж! Меня не проведешь. Денис, не подадите мне корону?

Морган надел свою корону, когда священник встал, чтобы выполнить просьбу, и они вместе с Дерри преклонили колени, а Брион посмотрел на Дерри заговорщически.

— Сблизившись с Морганом, вы захотите сойтись поближе и с отцом Арианом, — сказал Брион, когда священник передал ему корону и снова сел. — Он — один из немногих священников, кто не читает проповедей, почему не следует общаться с Дерини. Он духовник мой и принца Келсона, и я его весьма рекомендую.

Дерри метнул на Арилана быстрый взгляд, но священник только пожал плечами и, улыбнувшись, показал глазами на корону, которую Брион уже протягивал им, дабы они обменялись клятвами. Морган

возложил на нее правую руку, и Дерри быстро последовал его примеру и с благоговением коснулся короны Гвиннеда.

— Шон Симус О'Флинн, лорд Дерри, — сказал Брион, — клянешься ли ты передо мной, как свидетелем, и перед Богом, что будешь верно служить Аларику Энтони Моргану, герцогу Корвинскому, во всех делах, что не затронут долга твоего перед королем и чести нашего королевства, и да поможет тебе Господь?

— Я торжественно клянусь в этом, мой господин, и да поможет мне Господь! — пылко отвечал Дерри.

Брион перевел взгляд на улыбавшегося Моргана.

— А ты, Аларик Энтони Морган, герцог Корвинский, клянешься ли передо мной, как свидетелем, и перед Богом, что будешь честным и справедливым господином этому рыцарю, Шону Симусу О'Флинн, графу Дерри, во всех делах, что не затронут долга твоего перед королем и чести нашего королевства, и да поможет тебе Господь?

— Честью своей и всеми силами, которыми владею, клянусь в этом, мой лорд и мой король, и да поможет мне Бог, — сказал Морган твердо. — И если я нарушу эту клятву, пусть в час нужды силы мои оставят меня. Да будет так.

Брион улыбнулся и передал корону Арилану.

— Что ж, да будет так, — повторил он. — Желаю вам обоим поладить, — добавил он и жестом велел им подняться. — Теперь скажи мне, Аларик, ты разговаривал с Нигелем о тех лучниках? О чем он *думал*, когда позволил им пользоваться бремагнийскими луками?.. правда, ты не должен был позволить, чтобы Джехана слышала, как плохо я отзываюсь о ее родине. Хотя все знают, что самые лучшие лучники

— р'кассанцы! Дерри, вы не поищете лорда Родри? Денис вам поможет. Он должен быть где-то в зале. Я не понимаю, что случилось с музыкантами, которых он обещал к сегодняшнему вечеру.

— Я с вами, — принц Келсон вскочил на ноги, когда Арилан поднялся, чтобы пойти с Дерри.

Так, в сопровождении принца и священника, начал Шон лорд Дерри свое служение Короне Гвинне-да и Аларику Моргану.

Суд

Весна 1118 г.

Из всего, что я написала о Дерини, рассказ *«Суд»* был одной из самых трудных для меня работ. Он родился не в ответ на вопрос, которым задались я или мои персонажи о Дерини; он появился на свет в результате сведения в единое целое отдельных заданных мне элементов. Поясняю.

Зимой 1984-го года я вступила в небольшое, вновь созданное объединение писателей-фантастов на западе Соединенных Штатов. Как порой случается, мы не рассчитали своих расходов и оказались в финансовом затруднении. И, чтобы раздобыть денег, наш комитет попросил всех участников объединения пожертвовать что-нибудь для распродажи на аукционе: экземпляр своей книги с автографом, например, или рукопись, или использованную автором шариковую ручку — все, что могло бы привлечь поклонников, желавших помочь деньгами нашему достойному начинанию. Я, поразмыслив, предложила со своей стороны следующее: я напишу сценку в одну страничку, в которой будут участвовать удачливый покупатель и выбранный им персонаж Дерини, на тему, которую также выберет покупатель.

Я не представляла до тех пор, какой популярностью пользуется мир Дерини; и

никто не представлял. Моя сценка была заявлена последней, и поклонники словно с цепи сорвались. Когда цена дошла до трехзначной цифры и люди стали объединяться, складывая свои ресурсы, я увеличила объем до двух страниц, на случай, если выиграют двое или больше, и на выбор предоставила двух персонажей Дерини.

Теперь я уже и не вспомню в точности, какой была окончательная цена — она равнялась примерно весьма приличному гонорару за средней длины рассказ, напечатанный в журнале волшебной или научной фантастики, но самое забавное было то, что два джентльмена, которые ее купили, не читали ни одной книги о Дерини! Один из них, нервный молодой человек со светлыми усами и с мистически многозначным именем Сталкер, захотел стать в сценке королевским лесничим и, выбирая партнера Дерини, отдал предпочтение прелестной леди, желательно менестрелю. Второй покупатель, по имени Феррис, оказался кузнецом, мастером по мечам, членом множества организаций, продающих оружие и доспехи, участником SCA (Society for Creative Anachronism) и любителем древней Скандинавии. Он хотел, чтобы в сценке были отражены его профессия и увлечения. Но оба они согласились предоставить на мое усмотрение выбор сюжета и персонажей Дерини.

Я взяла их адреса, сделала для себя описание внешности и пообещала прислать сценку, как только она будет готова. Думала я долго, не один месяц, — пока внезапно не сложился сюжет.

Я не собиралась делать из сценки целый рассказ, но увлеклась. (Начиная писать, я даже думала на самом деле, что смо-

гу использовать ее как мой вклад в антологию для Андре Нортон – но сюжет вскоре стал развиваться неподходящим для этого образом.) Прежде всего выяснилось, что Феррис был кузнецом из Айстенфаллы, северной окраины Торента, и приехал он в город Килтуин в Корвинских владениях Моргана торговать оружием. Килтуин, расположенный в низовьях реки Фатан на Корвинском берегу, – портовый город под управлением Ральфа Толливера, епископа Моргана; и Толливер правит твердой рукой – в Килтуине царят закон и порядок.

Но Феррис – чужой в этом городе, он плохо говорит на здешнем языке; в результате его обвиняют...

Но – прочтете рассказ и узнаете, что с ним случилось. Сталкер, увы, остался без своей девушки-менестреля Дерини, но королевским лесничим он стал; Феррис же получил гораздо больше, чем рассчитывал.

Сознание Ферриса привела боль – в правое ухо ему словно воткнули раскаленную иглу, а потом ударили несколько раз по ребрам, и что-то твердое, липкое и горячее прошлось по пальцам его правой руки.

– Иисусе, да из нее кровь хлещет, ровно свинью зарезали! – проворчал кто-то. – Смотри, как бы он до тебя ножом не дотянулся!

– Уже *не дотянется*! – ответил другой голос, и вслед за этими словами последовал еще один удар по ребрам. – Не уйдет, ублюдок!

Затем послышались еще голоса – грубые, настойчивые, обсуждавшие что-то на языке, который Фер-

рис и в ясном-то сознании понимал с трудом; но намерения говоривших были понятны и без слов. Только инстинкт самосохранения заставил его предпринять попытку вырваться от своих мучителей, но, нанеся наугад удар ножом, он ни в кого не попал. Тогда двое из них прижали ему руки, еще двое принялись избивать кулаками и ногами. Он едва не потерял сознание снова, когда один особенно сильный удар пришелся в солнечное сплетение, и скорчился от боли.

О, Всеотец, где же он? И почему эти люди пытаются его убить? Последнее, что он помнил, это как вышел из таверны «Зеленый рыцарь», где отмечал удачную торговлю и изрядно набрался. Ведь он продал все, даже свой собственный меч.

Выйдя, он услышал крик, шум драки, потом топот бегущих ног и...

— Эй, все сюда! Что тут происходит? — раздался новый голос, явно принадлежавший представителю власти, по мостовой зазвенели подкованные сапоги, вспыхнул свет фонаря, и мучители Ферриса, прекратив избиение, в страхе попятились.

— Проклятье, стража! — буркнул один из них.

— Отнимите у него нож! — сказал другой, и кто-то вырвал из онемевших пальцев Ферриса оружие. — Эй, стража! Заберите этого человека! Он убил девушку!

Ферриса подхватили, вздернули на ноги, и лишь тогда он увидел распростертое рядом на мостовой девичье тело — вокруг по булыжнику расползалось темное пятно, оказавшееся в свете фонаря ярко-алым. Кровь пропитала все тонкое льняное платье девушки и все еще лилась из ужасных ран на груди и на горле.

— Держите его крепче, чтоб не удрал!

Но он и не пытался бежать. Он и на ногах-то еле мог устоять после таких побоев. Бегло оглядев себя, Феррис обнаружил, что его одежда тоже в крови, и похоже было, что кровь эта — не его собственная. Ею были забрызганы вся его куртка из буйволовой кожи и, как чувствовал Феррис, лицо и руки, поскольку кровь уже запеклась в волосках рук и в бороде.

— Послушайте, я ничего не делал! — с трудом выговорил он, когда командир стражи с фонарем подошел ближе, на ходу отдавая приказания своим подчиненным. Но стражник тут же бросился обратно, пытаясь помешать еще одному человеку, пришедшему с ними, увидеть тело.

— О Господи, это же Лиллас!

— Не смотри на нее.

— Он убил ее! Этот подонок ее убил!

— Я ее даже *не видел* никогда!

— Тихо, ты!

Феррис получил удар коленом в пах и скорчился от боли, но молчать не мог, ибо ему необходимо было оправдаться.

— Это не я! Клянусь всеми богами! — крикнул он. — Эти люди напали на меня. Я никого не убивал!

— Всеми богами клянешься, вот как? — тот, кто держал Ферриса, выкрутил ему и без того болевшую руку и заставил опуститься на колени. — Этот ублюдок еще и язычник! — он ударил Ферриса по лицу. — Черта с два он ее не убивал!

— Да, тут уж не ошибешься! — вступил другой. — Всю как есть изрезал. Господи, вы только *посмотрите,* сколько крови!

Мужчина, пришедший со стражей, не слушал ничего, вырываясь из рук сержанта, чтобы взглянуть на

тело девушки; но когда он увидел ее наконец, то застыл на мгновение, а потом повернулся к Феррису, и мучительное недоверие и потрясение на его лице сменились холодной ненавистью.

— Сталкер, не надо! — предостерегающе сказал сержант с фонарем, хватая его за рукав. — Не делай глупостей!

Тот, кого назвали Сталкером, стряхнул его руку и выпрямился, глядя на Ферриса так, словно желая испепелить его взглядом, и лицо его в свете фонаря казалось совершенно белым. Он был одет не в мундир городской стражи, красно-коричневый с золотом, а в кожаный камзол, высокие сапоги до бедер и зеленую охотничью шляпу с пером белой цапли — форму королевского лесничего. Лет ему было примерно, как Феррису, не более тридцати, — но лицо его отличалось какой-то не имеющей возраста, почти андрогинной красотой, присущей статуям Древних, которые Феррис видел однажды в храме Айстенфаллы. На какое-то мгновение ему показалось, что человек по имени Сталкер и *есть* один из Древних — и Феррис испугался до глубины души, хотя знал, что ни в чем не виноват.

— Сомнений нет, лесничий, — воспользовавшись возникшей паузой, сказал один из тех, что держали Ферриса. — Мы захватили его с ножом в руке.

— Верно, — добавил другой. — Когда мы прибежали, она уже вот так и лежала. Мы ничего не могли сделать.

Они говорили слишком быстро, и Феррис почти ничего не понимал из их речи, но ему и не нужно было понимать каждое слово, чтобы знать, какая опасность ему грозит. Несколько раз он попытался заявить о своей невиновности, но пока подбирал

слова, говорить что-либо становилось уже поздно — к тому же голова у него отчаянно кружилась от выпитого и от побоев.

Ловко подстроено: в преступлении местных жителей обвинить чужого в городе человека. Особенно когда чужак этот к тому же из другой страны, плохо знает язык и, будучи пойман практически на месте преступления, почти наверняка не сумеет оправдаться.

— Ладно, думаю, нечего нам тут больше торчать, — сказал наконец командир стражи, подходя к лесничему. — И без того все ясно.

— Да, сэр, — вступил в разговор другой стражник. — Вот и еще яблочко созрело для деревянной яблоньки, верно, ребята?

Они засмеялись; а Феррис онемел, поскольку эти слова понял прекрасно. Он видел за городскими воротами гниющие на виселицах тела. На мгновение ему показалось даже, что они собираются тут же и повесить его, без всякого суда.

Да и поможет ли суд? Килтуином правил Корвинский епископ, который отправлял в его пределах как Высокое, так и Низкое правосудие, — к Высокому же правосудию в этом буйном портовом городе, почти на границе с вражеским Торентом, наверняка обращались часто. Высокое правосудие означало право присуждения смертной казни, и в списке преступлений, караемых смертью, убийство стояло на втором месте после государственной измены.

Ферриса же могли обвинить не только в убийстве. Епископ Ральф Толливер был, по слухам, справедливым и честным судьей, но ведь он — христианский епископ; а Феррис, относясь с почтением к религии, принятой в Гвиннеде, исповедовал другую ве-

ру. *Какую* же — как раз и может выясниться во время суда, который будет вершить такой человек, как Толливер.

Не так давно даже в собственном отечестве Феррис люди, следовавшие по пути Всеотца, подвергались столь же жестоким преследованиям, как маги Дерини, которых, как он слыхал, ждет после смерти христианский вариант Семи Преисподних — а их Феррис боялся. Он слышал также, что Корвинский герцог, мирской господин Толливера — наполовину Дерини, но правда ли это, не знал. Сам он никогда с Дерини не сталкивался.

— Уведите его, сержант, пока я не сделал ничего такого, о чем потом пожалею, — сказал наконец лесничий, отводя глаза от Ферриса и неподвижного тела на мостовой, и сдержанные слова эти явно дались ему с великим трудом. — Только епископ может решить, какой плод созрел для виселицы. Его преосвященство следит за тем, чтобы правосудие соблюдалось.

Сержант облегченно вздохнул и подозвал своих подчиненных.

— Вот и хорошо. Свяжите-ка его покрепче, ребята. Он, похоже, буян еще тот. Эй, как тебя звать? — спросил он, пока стражники связывали Феррису руки за спиной.

Это Феррис понял хорошо. В первый раз они удосужились о чем-то его спросить. Если бы еще удалось заставить их выслушать ответ!

— Меня зовут Феррис, — он вздрогнул, почувствовав, как туго стянул ремень запястья и как второй захлестнул петлей шею наподобие поводка. — Я кую мечи. Я не убивал девушку.

— Конечно, не убивал, — сказал сержант. — Все вы так говорите. Ведите, ребята. Утром епископ будет его судить.

* * *

К удивлению Ферриса, его больше не били. Темница в подвале епископского дома оказалась довольно чистой, и завтрашнего суда ожидало в ней лишь несколько других бедолаг, так что Феррису досталась отдельная камера — правда, возможности смыть с себя кровь девушки, которую он не убивал, ему не дали.

Остаток ночи он провел, мучаясь от боли в помятых ребрах и в голове — голова болела страшно из-за похмелья и здоровенной шишки под ухом. Боль мешала думать здраво, и, лежа на соломе, он чувствовал только, как чешутся руки — хотя бы один клинок ему сюда из того множества, что он выковал за свою жизнь, чтобы сразиться за свободу или хотя бы умереть достойно, от своей руки, а не от руки палача. Ибо слишком мало надежды, что его слово будет хоть что-то значить против слова четырех разбойников, которые его обвиняют. Очень может быть, что они сами и убили девушку и переложили вину на него, воспользовавшись его уязвимым положением — чужой в городе, к тому же пьяный. О Боги, надежды не было вовсе!

Дальше дела пошли еще хуже. Стражники, явившиеся за ним вскоре после рассвета, знали свое дело, и даже пытаться бежать у него не было ни малейшей возможности. Ему сковали руки впереди — оковы были тонкой работы, какой он сам гордился бы, и запирались на ключ, освободиться от них было не-

возможно. Потом через отведенные назад локти ему пропустили на уровне пояса прочный деревянный брусок.

К оковам он был готов, но никак не ожидал кляпа, который ему вставили меж зубов чуть ли не в горло и привязали к голове кожаным ремнем. Он ощутил непроизвольный позыв к рвоте, пока закрепляли кляп, и обнаружил, что при попытке заговорить начинает давиться. Феррис с трудом перевел дух.

— Будешь молчать, так ничего страшного, — сказал один из стражников, заметив потрясенное выражение его лица. Стражник был другой, не из тех, кто забирал его ночью. — Тебе дадут возможность высказаться. Свидетели говорят, ты несдержан на язык. А его преосвященство не любит, когда его перебивают.

Перебьешь их, как же, горько думал Феррис, пока его вели, придерживая за концы бруска, вверх по каменной лестнице в дом епископа. Попроси они, и он дал бы слово молчать, но разве им есть до этого дело? Для всех его вина уже доказана. Осталось только получить подтверждение со стороны епископа. И когда его повели через зал к возвышению, где стояло кресло епископа Толливера, Феррис впился глазами в человека, который держал в своих руках его жизнь и смерть.

Епископ выглядел моложе, чем ожидал Феррис, лет на сорок, и был крепок и совсем не похож на разжиревшего священника. В темно-русой его шевелюре с тонзурой почти не было седины, чисто выбритое лицо покрывал здоровый загар, как у человека, который проводит много времени на свежем воздухе. И талия его вряд ли прибавила хоть несколько пальцев в ширину со времен юности.

Из-под пурпурной сутаны выглядывали глянцевые сапоги со шпорами, с плеч ниспадала пурпурная мантия, символ должности, в которой он походил на принца. Рукой, украшенной епископским аметистом, он подал знак чиновнику перечитать протокол только что закончившегося разбирательства, и, увидев его быстрый и изящный жест, Феррис подумал, что рука эта, должно быть, с одинаковой легкостью владеет и распятием, и мечом.

Короткий взгляд, который бросил Толливер на Ферриса, был суровым, оценивающим взглядом воина, и кузнец представил его на мгновение с одним из своих лучших клинков в руках — но тут глаза епископа обратились к четверым хорошо одетым мужчинам, сидевшим напротив скамьи подсудимых. И Феррис вздрогнул так, что едва не подавился кляпом, ибо понял, что это его обвинители — люди, несомненно, состоятельные и занимающие в городе высокое положение!

Он был так потрясен этим открытием, которое сводило на нет все надежды, что почти не обращал внимание на то, что происходило далее. У него еще хватило самообладания, чтобы поклониться, когда стражники, салютуя, остановились перед епископом — и этот поступок удивил многих в зале, в том числе и лесничего, который сидел справа от епископа среди судейских чиновников, — но, садясь на скамью подсудимых, Феррис испытал такое унижение, какого надеялся никогда не пережить в своей жизни. Пусть они его хоть дьяволом чужеземным считают, но, боги, он ведь честный человек!

Стражники встали рядом и взялись за концы пропущенного под локтями бруска, словно боялись, что он попытается удрать. Между скамьей подсуди-

мых и епископом сидели три стражника из ночного дозора. В зале находились и другие люди, но имели ли они какое-то отношение к суду или были просто любопытными зрителями, Феррис не знал. В дальнем конце зала на задрапированном черной тканью катафалке стоял гроб под черным же покрывалом. Лиллис... кажется, лесничий так ее назвал.

Феррис пытался слушать, что говорят обвинители, но, плохо зная язык и пребывая в полном расстройстве чувств, смутно понимал только, что они упорно свидетельствуют против него — и что убедительность этого свидетельства усугубляется их высоким общественным положением. Они же по очереди добавляли все новые подробности, превращая его в настоящего злодея.

В деле случился неожиданный поворот, когда выступила с показаниями одна из двух монахинь в черных одеяниях, которые готовили к погребению тело девушки. Из ее тихой, застенчивой речи Феррис понял только, что девушка была родом из хорошей семьи, обучалась в монастыре и была обручена с тем самым королевским лесничим, что сидел в зале, — насколько мог судить Феррис, все это было весьма похвально, но едва ли имело отношение к тому, убил он ее или нет.

Однако при дальнейших расспросах отношение это скоро выяснилось. Ибо монахиня внезапно расплакалась и бессвязно, но пылко пробормотала что-то, из чего Феррис понял лишь одно слово: «изнасилование».

— Я убью его! — вскричал лесничий, бросаясь через зал к Феррису, а четыре обвинителя вскочили и разразились ругательствами.

Феррис не мог поверить тому, что услышал, пока лесничий не вцепился ему в горло. Когда стражники сумели наконец разжать руки, душившие его, и оттащили ругавшегося и плачущего лесничего, у кузнеца уже потемнело в глазах. Затем стражники, ухватясь за брус под локтями, подняли Ферриса на ноги и поправили кляп, чтобы он мог отдышаться, но самому ему было уже все равно, может ли он дышать. Новое обвинение было еще оскорбительнее первого — и окончательно лишало его надежды на оправдание.

Но не успел епископ сделать выговор нарушителям спокойствия, а судейские — навести порядок в зале, когда на пороге появились вдруг два новых человека, и все присутствовавшие мгновенно умолкли, и суета прекратилась. Вновь прибывшие двинулись вперед, и люди по обе стороны центрального прохода встали, приветствуя их, — женщины неловко и застенчиво приседали, мужчины подносили руку ко лбу.

Феррису, конечно, никто не потрудился сказать, кто это такие. Один, в ярко-синем плаще, был, вероятно, оруженосец — юноша не старше девятнадцати, гибкий и ловкий, со свежим лицом, веселыми голубыми глазами и гривой непокорных русых кудрей. А второй...

Судебное разбирательство приостановилось явно из-за *него*, хотя он был ненамного старше своего оруженосца. И по одежде его невозможно было догадаться о причинах столь почтительного отношения. Запыленный дорожный костюм из черной кожи ничего не говорил ни о титуле, ни о должности незнакомца, чье появление так всех взволновало, и меч на его поясе, насколько мог разглядеть Феррис со скамьи подсудимых, был довольно обыкновенным, хо-

тя человек этот, несомненно, привык всегда иметь оружие под рукой.

Да и физически он не казался особенно мощным или грозным, правда, в нем чувствовалась некая сила, которая могла проистекать от сознания своей власти. Немного выше среднего роста, он был худощав и изящен, как всякий, кто часто занимается физическими упражнениями — фехтованием, например, — но в чертах его лица не было заметно той жесткости, что присуща обычно наемникам и профессиональным воинам. Напротив, черты его говорили о знатном происхождении: у него были красивое, гладко выбритое лицо, серые глаза, твердая челюсть и шапка коротко подстриженных золотистых волос, прямых и тонких.

Так что же заставляло людей приветствовать его столь уважительно и даже боязливо, как подметил Феррис? Вряд ли просто властные повадки или даже высокий ранг. Сам епископ встал, когда этот человек подошел к возвышению и начал подниматься по ступеням, в то время как спутник его сначала остановился и поклонился священнику. Священник же поклонился гостю и лишь потом подставил ему для поцелуя свой перстень.

— Добро пожаловать, ваша светлость, — сказал он, жестом веля одному из судейских принести еще стул. — Какими судьбами вы оказались в Килтуине? Я думал, вы в Ремуте.

Незнакомец вручил епископу пергаментный свиток и коротко оглянулся на зал.

— Я и был там. Но дела призвали меня в Корот, и его величество попросил по дороге доставить вам эти документы. Вы меня удивили, Ральф. И часто во время суда у вас творятся такие безобразия?

Толливер только скорчил гримасу и улыбнулся, затем быстро просмотрел документы и передал их чиновнику, который принес и поставил справа от него еще один стул.

— Сейчас вы все поймете. Дело достаточно возмутительное. Не хотите ли присутствовать при разбирательстве?

— Пожалуй. Но только как зритель, — гость отклонил предложение Толливера занять его место и опустился на принесенный стул, сложив на коленях руки в кожаных перчатках, сжимавшие хлыст для верховой езды. — Что сделал этот человек?

Когда он обратил свой взгляд на Ферриса, стоявшего в оцепенении возле скамьи подсудимых, тому показалось на мгновение, что человек этот заглянул ему в самую душу. Он не мог пошевельнуться, пока серые глаза изучали его, и только после того, как незнакомец повернулся к епископу, дабы услышать изложение сути дела, Феррис умоляюще посмотрел на ближнего из своих охранников.

— Это герцог, — пробормотал тот, поняв, что интересует пленника. — Вот теперь ты точно пропал.

И Феррис, посмотрев на человека в черном, испытал еще больший страх, чем прежде, — ибо если Корвинский епископ считался неумолимым судьей, то герцог Корвинский был, по слухам, неумолим вдвойне. К тому же Аларик Морган, герцог Корвинский, был Дерини и знался с такими страшными силами, что и не снились простым смертным!

— Понятно, — тихо сказал епископу Морган. — А кляп зачем?

Толливер пожал плечами.

— Свидетели говорят, что он буйный и не дал бы никому слова сказать, — ответил он, показывая на си-

девших в переднем ряду четырех обвинителей, которые с момента появления Моргана выглядели уже не такими уверенными в себе. — Это обычная предосторожность, кляп вынут, когда дадут ему слово.

— Хм. А мне показалось, что буянил тут скорее лесничий, а не подсудимый, — шутливо ответил Морган, кивнув в сторону смущенного Сталкера, уже сидевшего на своем месте.

— Да. Но убитая девушка была его невестой, ваша светлость, — сказал Толливер. — И как раз перед вашим приходом сестра, которая готовила тело к погребению, показала, что девушку изнасиловали, прежде чем убить.

— А...

Лицо Моргана окаменело, и, когда презрительный взгляд герцога снова упал на Ферриса, тот невольно вжался в спинку скамьи — хотя и не был повинен ни в одном из этих преступлений.

Но какое дело им всем до его невиновности? Даже если ему дадут возможность высказаться, все равно никто не поверит. Они поверят тем, кто его обвиняет. И тут он с изумлением услышал, как Морган задает епископу следующий вопрос:

— А его вы уже выслушали?

— Нет, ваша светлость. Мы успели только выслушать показания очевидцев.

— Очень хорошо, — Морган махнул рукой стражникам Ферриса. — Снимите с него эту уздечку и подведите сюда.

— А как же... скамья подсудимых? — ошарашенно спросил кто-то из судейских, когда стражники приступили к исполнению приказа.

— Ну, коли хотите, несите его вместе со скамьей, — ответил Морган, дернув уголком рта. — По мне,

так хоть руки ему развяжите — неужели я с ним не справлюсь?

Ферриса эти слова невольно позабавили, несмотря на скрытую в них угрозу. Он подумал даже, что при других обстоятельствах этот человек мог бы ему понравиться... да и нельзя винить Моргана за то, что он враждебно относится к злодею, повинному в стольких преступлениях. Возможно ли, что дело будет в конце концов рассмотрено по справедливости? О епископе и Моргане говорили, что они справедливые и неподкупные люди, но останутся ли они такими, когда дело касается чужака?

Кляп у него вынули, и Феррис подвигал челюстью, привыкая к свободе от мундштука и ремней, и постарался не показать своего страха, когда стражники подвели его к судейскому возвышению. Они не успели еще поставить его на колени, как он сам преклонил их возле нижней из ведущих на помост ступеней и низко, почтительно поклонился Моргану и епископу.

— Позвольте мне сказать, благородные господа, — взмолился он. — Я... плохо знаю ваш язык... но я невиновен. Я клянусь вам в этом!

Епископ, не ожидая ничего другого, только терпеливо вздохнул, но Морган прищурил глаза и задумчиво посмотрел на Ферриса.

— Это не твой родной язык? — спросил он.

Феррис покачал головой.

— Нет, господин. Я приехал из Айстенфаллы. Я кую мечи. Я... понимаю достаточно, чтобы торговать оружием, только... только если говорят медленно.

Епископ заерзал на стуле, собираясь что-то сказать, но Морган отмахнулся от него.

— Понятно. Что ж, вряд ли тут кто-нибудь говорит на твоем языке, так что попробуем как-то объясниться. Ты понимаешь, почему ты здесь?

Феррис кивнул, удивляясь тому, что герцог, кажется, желал его выслушать, и испытывая к нему благодарность за это.

— Они говорят, будто бы я убил женщину, господин...

— И изнасиловал ее, — вставил епископ.

— Нет, господин!

— Они только *так* говорят? — спросил Морган.

— Да. Но я не делал этого, господин!

— Святые сестры говорят иное, Аларик, — раздраженно заметил епископ, — и схвачен он был с окровавленным кинжалом в руке. На его одежде — ее кровь. Четыре свидетеля, пользующиеся прекрасной репутацией, утверждают, что видели, как он это сделал.

— Правда? — Морган с небрежной грацией поднялся на ноги. — Это очень интересно, потому что, по моему мнению, он говорит правду.

После этих слов по залу пробежал удивленный и боязливый ропот, и самое большое удивление выразилось на лице епископа, а Морган тем временем сошел с возвышения и остановился перед стоявшим на коленях Феррисом.

— Мне не сказали твоего имени, — он передал хлыст своему оруженосцу и быстро сдернул с рук черные кожаные перчатки. — Как тебя зовут?

Феррис не мог оторвать взгляда от глаз Моргана.

— Ф... Феррис, господин, — кое-как выдавил он.

— Феррис, — повторил Морган. — А ты знаешь, кто я?

— Вы... вы герцог Корвинский, господин.

— Что еще ты знаешь обо мне? — продолжал Морган.

— Что вы... вы человек чести, господин.

— А еще?..

— Ваш суд всегда бывает справедливым.

— А еще?..

Феррис замялся.

— Говори. Что еще ты знаешь? — настаивал Морган.

— Что вы... вы Д-Дерини, господин, — выдавил Феррис, по-прежнему не в силах отвести взгляда.

— И это правда, — сказал Морган, метнув быстрый взгляд на четырех свидетелей, которые смотрели на них как зачарованные, широко открыв глаза. — А кто такие в твоем представлении Дерини? — тихо спросил он.

— Те... кто занимается черной магией, — к собственному ужасу выговорил Феррис.

Морган скорчил гримасу и тяжело вздохнул.

— Магией-то — да. Только цвет ее можно трактовать как угодно. Я владею некоторыми особыми силами, Феррис, но стараюсь пользоваться ими лишь во имя правосудия.

Заметив на лице Ферриса недоумение — сказанное Морганом выходило за пределы его словарного запаса, — герцог остановился и терпеливо улыбнулся ему.

— Ты понял хоть половину из того, что я сказал?

Феррис слабо покачал головой.

— Я хочу сказать, что могу определить, когда человек лжет — это тебе понятно?

— Я не лгу, господин! — с отчаянием прошептал Феррис. — Я не убивал эту женщину! И не насиловал ее!

— Я знаю, что ты этого не делал, — ответил Морган. Феррис разинул рот, от внезапного облегчения к глазам его подступили слезы, и тут Морган вдруг добавил: — Но, возможно, ты скажешь нам, кто это сделал.

— Но... я не знаю, господин! — воспротестовал Феррис.

— Вспомни тот вечер, — приказал Морган, взялся обеими руками за голову Ферриса, поместив большие пальцы на виски, и взгляд его при этом словно сковал кузнеца по рукам и ногам.

Феррис испугался, что глаза эти затянут его в себя. Он не видел уже ничего, кроме них. Прикосновение Моргана погрузило его в какое-то сладостное безволие, вниз от макушки заструилось по телу щекочущее, головокружительное ощущение, от которого колени его сделались ватными.

Он еще слышал, как засуетились стражники, державшие его за брус под локтями, когда он начал опускаться на пятки, не в силах противиться тому, что с ним происходило; но затем глаза его закрылись, и все исчезло — Морган, стражники, зал, — он был уже не здесь. Кругом царила ночная тьма, он шел пошатываясь по переулку в надежде, что тот приведет его на постоялый двор, где он остановился, и думал, что, пожалуй, не следовало так много пить.

Потом... крики — испуганные, полные отчаяния и муки. Он побежал на крик... услышал чьи-то шаги в темноте. Перед глазами мелькнула неподвижная фигурка на земле, в светлой одежде... темные силуэты людей, бросившихся при его приближении врассыпную... и тут кто-то с силой ударил его сзади по голове, и все погрузилось во тьму.

А потом... потом его били, голова кружилась от побоев и хмеля, он был весь в крови и пытался уворачиваться. Подоспела стража, и те, кто схватил его, заявили, что он — убийца, и он не мог найти слов, чтобы объяснить, что ни в чем не виноват.

— Отпустите его, — услышал он вдруг голос и внезапно снова оказался в зале суда, и почувствовал, что ничьи руки уже не сжимают его виски. — Он не убивал. Но я, кажется, знаю, кто это сделал.

Он открыл глаза как раз в тот момент, когда Морган повернулся и посмотрел на четырех свидетелей, которые сидели на скамье слева от них. И свидетели нервно вскочили на ноги, растеряв вдруг всю свою самоуверенность. Они затрепетали еще сильней, когда епископ велел встать позади них полудюжине стражников.

Все совершилось очень быстро, и удивление и благоговение Ферриса все возрастали. Пока стражники развязывали ему руки и помогали подняться на ноги, Морган подошел к свидетелям и задал каждому по очереди три одинаковых вопроса:

— Ты убил эту девушку? Ты насиловал ее? Вы сговорились между собой обвинить кузнеца?

Лорд Дерини не прикасался к ним; он только удерживал каждого в неподвижности своим холодным, неотразимым серебряным взглядом и требовал правды. И хотя на первый вопрос ответил «да» лишь один из них, на второй и третий утвердительно ответили все четверо. И когда Морган не торопясь вернулся на возвышение и стражники принялись вязать бывших обвинителей, те ошеломленно заозирались по сторонам.

— Надеюсь, вы не считаете, епископ, что я переступил черту, — услышал Феррис голос Моргана, сно-

ва усевшегося на стул справа от Толливера. — Есть ли у вас какие-то сомнения в том, что справедливость восстановлена?

Толливер медленно покачал головой.

— Благодарение Господу, что вы явились именно в этот момент, Аларик, — тихо ответил он. — Мы могли повесить невинного человека.

— Да, он невинен, — сказал Морган, поглядев на Ферриса, который рассеянно растирал запястья, не сводя с лорда Дерини благоговейного взгляда. — Ты свободен, кузнец. Люди, которые ложно обвинили тебя, будут повешены — за это и за остальные свои преступления, — четверо виновных испуганно вскрикнули, услышав его слова, но он не обратил на них внимания. — Я хотел бы только как-то вознаградить тебя за перенесенные страдания.

У Ферриса от изумления отвисла челюсть, и он засомневался даже, что правильно понял. Ведь герцог даровал ему жизнь, когда он думал уже, что не увидит следующего дня. Это он, а не Морган, должен предлагать вознаграждение; он посмотрел на клинок Моргана — слишком короткий, чтобы дотянуться до противника, и, похоже, плохо сбалансированный, — и подумал, что знает, чем можно угодить своему благодетелю.

— Вы ничего не должны мне, господин, ибо дали мне главное — справедливость, — сказал Феррис, опускаясь на одно колено и прижимая в знак почтения правый кулак к сердцу, по обычаю своего народа. — Но можно ли мне... попросить у вам милости?

— Какой же? — спросил Морган.

— Я... я бы хотел поговорить с вами наедине, господин, если можно.

Морган жестом пригласил его на возвышение, и Феррис, поднявшись по ступеням, поклонился коротко епископу, а потом спросил у Моргана взглядом, нельзя ли им отойти чуть подальше. Морган кивнул, встал и повел его прочь с возвышения, небрежно держа руку на рукояти меча, который так оскорблял взгляд кузнеца.

— Благодарю вас, господин, — тихо сказал Феррис, сдерживая улыбку, ибо заметил, что юный оруженосец Моргана встал на страже неподалеку от амбразуры окна, где они остановились. — Я... не знаю слов на вашем языке, чтобы рассказать о моей благодарности. Я не понимаю, как вы это сделали... и что вы сделали. Я смотрел на лицо епископа и видел, что он не хотел, чтобы вы делали это, потому что он боится вашей силы, хотя уважает вас... но я собирался сказать вам... я больше не буду бояться того, что говорят о Дерини.

— Вот как? — ответил Морган с кривой усмешкой. — Тогда ты будешь редкой пташкой среди тех, кто боится.

— Вы используете свое умение ради истины, — упрямо сказал Феррис. — А мой народ ценит стремление к истине. Всеотец...

— Ничего не говори больше, — на губах Моргана появилась печальная улыбка. — Я с самого начала заподозрил, что ты поклоняешься Всеотцу. Думаю, и твой народ и мой страдают из-за того, что непохожи на других. Это все, что ты хотел мне сказать?

— Нет... господин, — выдохнул Феррис. — Вы не покажете мне свой меч?

— Меч?

— Да, господин. Я — кузнец, мастер мечей, как я уже говорил. Ваш клинок кажется мне слишком ко-

ротким для вашей руки. Вы можете показать, как вы им работаете?

Морган, подняв светлую бровь, отступил на шаг и вытащил оружие из ножен, одновременно показав жестом оруженосцу, что никакой опасности нет. Затем под критическим взглядом Ферриса сделал несколько выпадов, отсалютовал росчерком и перебросил ему меч рукоятью вперед.

— Ну что, кузнец, хорош клинок или не очень?

— Фехтовальщик хорош, господин, — пробурчал Феррис, взвешивая оружие на руке, — но он был бы еще лучше, имей он добрый клинок.

Не обращая внимание на удивленный взгляд герцога, Феррис подошел поближе к окну и, положив клинок на предплечье, принялся поворачивать его то так, то этак, высматривая неровности и другие дефекты, которых не оказалось. Затем согнул его и, попросив Моргана отодвинуться, показал несколько своих выпадов, предназначенных для проверки балансировки. Закончив, он подбросил меч, поймал под перекрестьем рукояти и протянул Моргану.

— Ну что?

— Да, это хороший клинок, господин, но не для вас, — весело сказал Феррис. — Оставьте его для своего сына. Я могу сделать лучше.

— Неужто *можешь*? — Морган недоверчиво поднял бровь, засовывая оружие в ножны к явному облегчению наблюдавшего за ними оруженосца. — И чем я расплачусь за твой клинок, мастер-кузнец?

— Местом для работы, — не задумываясь сказал Феррис. — Сталью, из которой его выковать. Вашим временем — надо будет подогнать оружие под вашу руку. Вы заслуживаете очень хорошего клинка, господин. Это самое малое, что я могу для вас сделать.

И если вам понравится моя работа, может быть... вы возьмете меня к себе на службу? — расхрабрившись, спросил он.

Морган смотрел ему в глаза так долго, что мог за это время, как подумал Феррис, прочитать все его мысли, но это его не тревожило. Ему *нравился* этот человек. Наверное, Морган нравился бы ему, даже если бы и *не спас* ему жизнь. Более того, Феррис питал к нему уважение. И был бы просто счастлив служить Корвинскому герцогу.

— Ты ведь знаешь, что Дерини могут читать мысли? — спросил вдруг Морган еле слышно. — И это, конечно, должно тебя пугать.

— Мне нечего скрывать от вас, господин, — медленно сказал Феррис, подчеркивая каждое слово. — Вы будете честным и справедливым хозяином, будете ценить мою работу. Чего мне еще желать?

— И все-таки... — пробормотал Морган.

Феррис забеспокоился, почуяв неладное.

— Что — все-таки, господин?

— Все-таки ты немного *боишься*, — осторожно сказал Морган, — и это, конечно, можно понять, — он устало вздохнул и отвернулся к окну. — Ты думаешь, что я сейчас читаю твои мысли и стану читать их и впредь. Я не виню тебя за это.

— Простите меня, господин, — прошептал Феррис, не сомневаясь, что потерял всякую надежду служить когда-нибудь герцогу Дерини.

— Но ты имеешь право думать, — сказал Морган. — И заслуживаешь ответа на вопрос, который ты не задал. Я не читал сейчас твоих мыслей и, стань ты моим слугой, никогда бы их не читал без очень важных причин — и то я сделал бы так только с твоего согласия, не считая совсем уж крайних ситуаций, —

он криво улыбнулся Феррису. — В любом случае для этого я должен к тебе прикоснуться.

— Как тогда? — Феррис поежился, припоминая странное ощущение своего безволия в тот момент, когда Морган приказал ему вспомнить.

— Да. Это было бы легче сделать, если бы ты помогал мне со своей стороны.

— Но к тем четверым вы не прикасались, — заметил Феррис.

— Я не собирался читать их мысли. Я видел Истину. А это разные вещи.

— О, — Феррис сглотнул слюну, пытаясь усвоить то, что говорит Морган.

— Не знаю, зачем я рассказываю тебе это, — пробормотал Морган. — К чему оповещать совершенно незнакомого человека о своих слабых местах? — он искоса глянул на Ферриса. — Наверное, мне все-таки хочется взять тебя на службу... а в таком случае только справедливо, чтобы ты знал, во что ввязываешься. Может быть, это еще и потому, что когда я читал твои мысли, я узнал твою честность и твою прямоту...

— Я *буду* верен вам, господин! — в отчаянии сказал Феррис. — Клянусь всеми богами!

Улыбнувшись, Морган посмотрел на рукоять своего меча, потом перевел взгляд на Ферриса.

— Клянусь всеми богами, я буду тебе благодарен за это. Но сейчас не время ни тебе, ни мне принимать столь важные решения. Я только что избавил тебя от совершенно незаслуженной смерти. И вполне естественно, что ты испытываешь признательность. В ответ ты предложил мне выковать хороший меч. Я согласен. Так почему бы тебе не поехать нынче же со мной и моим оруженосцем в Корот, где я

найду тебе место для работы? Вот сделаешь меч, тогда и решим, что будет дальше.

— Согласен, господин, — сказал Феррис, и они с Морганом двинулись из оконной амбразуры навстречу оруженосцу. — Только я уже знаю, каким будет *мое* решение.

Приложение 1

Сокращения

СЧВН = *«С чего все начиналось...»*
ПЦ = *«Песнь Целителя»*
П = *«Призвание»*
Б = *«Бетана»*
ПА = *«Посвящение Арилана»*
Н = *«Наследство»*
ПДР = *«Посвящение Дерри в рыцари»*
С = *«Суд»*
***** = Персонаж или местность, встречающиеся в романах о Дерини.

Указатель персонажей

Аргостино, отец — молодой лланнедец, посвященный в сан вместе с *Денисом Арилaном* в 1105 году. (ПА)

Арилан, отец Денис — Дерини, посвященный в сан весной 1105 года в семинарии *Arx Fidei*, в возрасте 21 года. К 1115 году был духовником короля *Бриона*. (ПА; ПДР)*

Арилан, сэр Джемил — старший брат *Дениса*; возраст — 25 лет в 1104-5 годах; близкий друг и наперсник короля *Бриона*; член Совета Камбера. (ПА)

Арнульф, отец — старый семейный капеллан в замке *Д'Эйриал* в 977 году. (П)

Баррет де Лейни — молодой лорд Дерини, который предложил себя в качестве выкупа за осужденных на костер детей Дерини; был ослеплен, прежде чем его спас *Даррел*; позднее — член Совета Камбера. (Б)*

Бетана — старуха, которая держит овец близ *Кулди*; жена *Даррела*. (Б)*

Брион Халдейн, король — король *Гвиннеда*, 1095-1120 гг.; отец *Келсона* и брат *Нигеля*. (ПА; Н; ПДР)*

Вараг, барон — см. *Тревор Одо*.

Вениамин, отец — семинарист в *Arx Fidei*, посвященный в сан вместе с *Денисом Ариланом* в 1105 году. (ПА)

Венцит, принц — второй сын *Нимура II*, короля *Торента*; Дерини и брат принца *Каролуса*; возраст — 32 года в 1105 г. (Н)*

Горони, отец Лоуренс — капеллан архиепископа *де Нора* в 1104-5 гг. (ПА)*

Дарби, отец Александр — священник церкви святого Марка возле семинарии *Arx Fidei* в 1104 г. Его трактат о Дерини, написанный еще во время его обучения в *Грекоте*, был рекомендован к чтению всем стремящимся к духовному сану. Учился на врача. (ПА)

Даррел — муж *Бетаны*; учитель математики в *Грекоте*, скрывающийся Дерини; погиб, спасая *Баррета де Лейни*. (Б)*

Де Курси Джориан — см. *Джориан де Курси*.

Де Нор, архиепископ Оливер — архиепископ *Валоретский* и примас всего *Гвиннеда* в 1104-5 гг, посвятил в сан *Дениса Арилана*; известен тем, что, будучи разъезжающим епископом, участвовал в казнях Дерини на юге страны. (ПА)

Дерри, лорд (сэр Шон Симус О'Флинн) — граф Пограничья, посвященный в рыцари королем *Брионом* весной 1115 г.; оруженосец *Алариха Моргана*. (ПДР; С)*

Де Вали, Арно, сьер — молодой вассал *Моргана*, посвященный в рыцари вместе с *Дерри* в 1115 г. (ПДР)*

Диверил, лорд — сенешаль герцога *Джареда* в 1100 г. (Б)*

Джебедия Алькарский, сэр — граф Дерини, маршал *Гвиннеда* и Великий Магистр Ордена святого Михаила в 914 г. (ПЦ)*

Джехана, королева — супруга короля *Бриона* и мать принца *Келсона*; Дерини, но не знала об этом до коронации *Келсона*. (ПРД)*

Джилберт, мастер — врач *Д'Эйриалов*. (П)

Джилре Д'Эйриал, сэр — двадцатилетний наследник барона *Д'Эйриала*, который хочет стать священником; сводный старший брат *Капруса Д'Эйриала*. (П)

Джоселин, леди — графиня Камберская; Дерини; мать *Катана*, *Джорема* и *Ивейн*. (СЧВН)*

Джорем Мак-Рори — сын *Камбера*; Дерини; возраст 10 лет в 888 г.; позднее — священник и рыцарь святого Михаила. (СЧВН; ПЦ)*

Джориан де Курси, отец – молодой Дерини, посвященный в сан в возрасте 21 года в 1104 году; разоблачен и казнен по приговору епископа. (ПА)

Джулиус – торговец лошадьми на Рилледской конной ярмарке в 1115 г. (ПДР)

Ивейн Мак-Рори – дочь *Камбера*; Дерини; шесть лет в 888 г.; позднее – жена *Райса Турина*. (СЧВН; ПЦ)*

Имре Фестил, король – последний король *Гвиннеда* из Фестилийской династии, правившей во время Междуцарствия Дерини; прижил незаконного сына от своей сестры *Эриелль*. (Н)*

Калберт, отец – энергичный молодой аббат семинарии *Arx Fidei* в 1104-5 гг. (ПА)

Келлен, Элистер – см. *Элистер Келлен*.

Камбер Мак-Рори – Дерини, граф Кулдский; отец *Катана*, *Джорема*, *Ивейн*. (СЧВН; ПЦ)*

Капрус Д'Эйриал, лорд – младший сын сэра *Радульфа*, барона *Д'Эйриала*, семнадцатилетний в 977 году, и сводный брат наследника, сэра *Джилре Д'Эйриала*. (П)

Каролус, кронпринц – старший сын *Нимура II* и отец принца *Элдреда*; Дерини; брат *Венцита*; возраст – 35 лет в 1105 г. (Н)

Катан Мак-Рори – старший сын *Камбера*; Дерини; 15 лет в 888 г. (СЧВН)*

Карисса, леди – единственная дочь *Хогана Гевернака*, *Марлука*; Дерини; возраст – 11 лет в 1105 г. (Н)*

Келсон Халдейн, принц – наследник короля *Бриона*, 8 лет в 1115 г. (РД)

Ларан ап Пардис – врач и ученый Дерини, возраст – 46 лет в 1104 году; союзник Джемила и Дениса Ариланов и член Совета Камбера. (ПА)*

Лиллас – невеста Сталкера, королевского лесничего; изнасилована и убита в Килтуине в 1117 г. (С)

Лоркан, сэр – сенешаль *Д'Эйриалов* в 977 году. (П)

Лорис, архиепископ Эдмонд – вновь назначенный архиепископ *Валорета* в 1115 году; не любит *Моргана*. (ПДР)*

Лоуэлл, отец – капеллан аббата в *Arx Fidei* в 1104-5 гг. (ПА)

Маклин – конюх *Джулиуса* на Рилледской конной ярмарке в 1115 г. (ПДР)

Макон – врач герцога *Джареда* в 1100 г. (Б)

Марк Фестил, принц — сын *Имре* и его сестры *Эриеллы*, предок *Кариссы*. (Н)*

Мардук — *Хоган Гвернак*, Дерини; отец *Кариссы*; потомок рода Фестилов, претендующий на трон *Гвиннеда*; убит королем *Брионом* 21 июня 1105 года в возрасте 45 лет. (Н)*

Мак-Рори — см. *Камбер*; *Катан*; *Ивейн*; *Джоселин*; *Джорем*.

Малаши де Брюн — младший семинарист в *Arx Fidei* в 1105 г. (ПА)

Милвас, отец — молодой священник, рукоположенный в сан вместе с *Денисом Ариланом* в 1105 г. (ПА)

Морган, сэр Аларик — герцог *Корвинский*, Дерини. (Б; ПА; ПДР; С)*

Нигель Халдейн, принц — младший брат короля *Бриона*. (Н; ПДР)*

Нимур II, король — король *Торента*, Дерини; 1080-1106 гг; отец принцев *Каролуса* и *Венцита*. (Н)

Огарин Халдейн, король — первый верховный король *Гвиннеда*. (Н)*

Одо — см. *Падриг*; *Тревор*.

Ориолт, отец — молодой священник, возведенный в сан в *Arx Fidei* вместе с *Джорианом де Курси* в 1104, в возрасте 21 года. (ПА)

О'Флинн, сэр Симус Майкл — граф *Дерри*; отец *Шона* лорда *Дерри*; умер в 1108 году от ран, полученных во время похода в *Меару* с королем *Брионом* в 1107 г. (ПДР)

О'Флинн, Шон Симус, граф Дерри — см. *Дерри*.

Падриг Одо — одиннадцатилетний кузен *Дерри*; сын *Тревора Одо*, барона *Варата*. (ПДР)

Радульф Д'Эйриал, сэр — барон *Д'Эйриал*; умерший отец *Джилре* и *Капруса*. (П)

Рандольф, мастер — врач *Моргана* (ПДР)*

Родри, лорд — королевский камергер в *Ремуте* в 1115 г. (ПДР)*

Райс Турин — приемный сын *Камбера*, Дерини; возраст — 11 лет в 888 году; позднее муж *Ивейна Мак-Рори* и Целитель. (СЧВН; ПЦ)*

Ромар — кузнец *Дерри*. (ПДР)

Риордан, отец — наставник младших классов в семинарии *Arx Fidei* в 1104-5 гг. (ПА)

Сирилл, отец — королевский Целитель в 888 г., возраст около 50 лет. (СЧВН)

Симон — отшельник-Целитель в разрушенном *монастыре Св. Неота* в 977 г. (П)*

Сталкер — королевский лесничий из *Килтуина*, портового города у границы с *Торентом*, в 1118 г. (С)

Стефан Корам – Дерини, союзник *Джемила* и *Дениса Ариланов* и член Совета Камбера; лет 20-ти в 1104-5 гг. (ПА)*

Тарлетон – капитан стражи, который договаривается с *Барретом де Лейни* об освобождении детей Дерини. (Б)

Турин – см. *Райс; Тиег Джорем.*

Тиег Джорем Турин – новорожденный сын *Райса* и *Ивейн*; будущий Целитель. (ПЦ)*

Толливер, епископ Ральф – епископ *Корвинский* в 1118 г.; управляет городом *Килтуином* по праву, данному *Морганом.* (С)*

Тревор Одо, барон Вараг – дядя *Дерри* (брат матери) и его поручитель при посвящении в рыцари в 1115 г.; отец *Падрига.* (ПДР)

Утир Халдейн, король – король Гвиннеда, 948-980 гг. (П)*

Феррис – кузнец мечей из Айстенфаллы; делает меч для *Моргана* в 1118-19 гг. (С)

Фестил I – младший сын королевского Торентского дома, положивший в 822 году начало Междуцарствию Дерини и основавший королевский Фестилийский Дом, который царствовал 82 года. (Н)*

Халдейн – см. *Отарин; Брион; Келсон; Нигель; Утер.**

Хасан – мавр-тактик *Хогана Гвернака,* Дерини, и телохранитель его и *Кариссы.* (Н)

Хоган Гвернак – см. *Марлук.*

Чарльз Фитц-Майкл, отец – молодой священник, возведенный в сан вместе с *Денисом Ариланом* в 1105 г. (ПА)

Элгин де Торрес – младший семинарист в *Arx Fidei* в 1105 г. (ПА)

Элдред, принц – внук *Нимура III* Торентского и племянник *Венцита*; Дерини; возраст – 15 лет в июне 1105 года. (Н)

Элистер Келлен, епископ – Дерини, *Гвиннедский* канцлер и епископ *Грекотский* в 914 году; альтер-эго *Камбера Мак-Рори.* (ПЦ)*

Эрдик, отец – капеллан семьи *Д'Эйриалов* в 960-х гг. (П)

Эриелла, принцесса – сестра и возлюбленная *Имре,* последнего короля *Гвиннеда* из династии Фестилов; Дерини. (Н)*

Приложение 2

Географические названия

Аббатство Св. Лиама – место, где находится школа ордена Св. Михаила, близ *Валорета*. (СЧВН)*

Аббатство Св. Неота – пристанище ордена Св. Гавриила, где обучались Целители; в *Лендорских* горах на юге *Гвиннеда*. (ПЦ; П)*

Arx Fidei, семинария – в окрестностях *Валорета*, в ней учились *Джориан де Курси* и *Денис Арилан* до посвящения в сан. (ПА)

Бремагна – королевство на востоке; родина *Джеханы*. (ПДР)*

Валорет – столица *Гвиннеда* во времена правления *Фестилийской* династии; там пребывает архиепископ-примас Гвиннеда (ПА)*

Грекота – город, где находятся знаменитые университет и семинария. (Б; ПА)*

Гвиннед – центральное и самое могущественное из одиннадцати королевств, под управлением Дома *Халдейнов*.*

Замок Дерри – поместье *О'Флиннов* из *Дерри*, небольшого графства в Пограничье, между *Кардосой* и Рингартом. (ПДР)

Кардоса – город-крепость в *Рильянских горах* на границе *Гвиннеда* с *Торентом*. (Н)*

Килтуин – портовый город у границы *Гвиннеда* с *Торентом*, под управлением епископа *Корвинского*. (С)

Корвин – герцогство *Моргана*. (ПДР; С)*

Кулди – графство *Камбера*, на северо-западе *Гвиннеда*. (ПЦ)*

Меара – протекторат на западе *Гвиннеда*, где отец *Дерри* получил раны, от которых позднее умер. (ПДР)*

Растан – город в *Рильянских предгорьях*, где *Брион* должен был встретиться с *Марлуком*. (Н)*

Рельянские горы – вдоль границы *Гвиннеда* и *Торента*. (ПДР)*

Ремут – столица *Гвиннеда*, резиденция *Халдейнов*. (ПА; ПДР)*

Риллед – поселение, известное конными ярмарками, на севере *Корвина*, возле границы с *Торентом*. (ПДР)*

Р'Касси – королевство на востоке, славящееся своими лошадьми и лучниками. (ПДР)*

Тре-Арилан – родовое усадьба *Ариланов* близ *Ремута*. (ПА)

Церковь Св. Марка – приходская церковь близ *Валорета*. (ПА)*

Шиил – поместье *Райса* и *Ивейн* близ *Валорета*. (ПЦ)*

Эйриал – владения сэра *Радульфа Д'Эйриала*, барона; в прошлом часть владений ордена Св. Михаила. (П)*

Приложение 3

Частичная история Одиннадцати королевств

822 г.	Фестил, Дерини, младший сын Торентского короля, вторгся со своим войском в Гвиннед и вырезал всю королевскую семью за исключением двухлетнего принца *Эйдана Халдейна*; перенес столицу в *Валорет и правил семнадцать лет.*
839-851 гг.	Царствование короля Фестила II. Ок. 850 года: конец жизни св. Торина Дхасского.
846 г.	Рождение *Камбера Кайрила Мак-Рори*, третьего сына графа Кулдского.
851-885 гг.	Царствование короля Фестила III.
860 г.	рождение принца *Синхила Халдейна.*
875 г.	рождение *Эриеллы* из Фестилийской династии.
881 г.	рождение *Имре* из Фестилийской династии.
885-900 гг.	царствование короля Блейна из Фестилийской династии.
888 г.	Осень: «*С чего все начиналось...*».
900-904 гг.	царствование короля *Имре* из Фестилийской династии.
903-904 гг.	«*Камбер Кулдский*». Принц *Эйдан Халдейн* умер в Валорете, но выясняется, что внук его жив. Дети Камбера отыскивают принца *Синхила Халдейна* в монастыре; он возглавляет Реставрацию; женится на леди Меган де Камерон.
904 г.	1-2 декабря: Реставрация. *Имре* свергнут *Синхилом* Халдейном и умирает. 25 декабря: в возрасте 44 лет коронован король Синхил.

905-907 гг.	*«Святой Камбер»*. 31 января: у *Эриеллы* в *Торенте* рождается *Марк*. 25 июня: Эриелла предпринимает безуспешную попытку уничтожить Реставрацию *Элистер Келлен* погибает от руки Эриеллы, но *Камбер*, который официально «умирает» в этот день, принимает его внешний вид.
906 г.	Весна-лето: *Синхил* принимает присягу от Сигера Истмаркского и отправляется на север, чтобы подавить восстание в Келдоре. 14 ноября: канонизирован святой *Камбер*.
917-918 гг.	*«Камбер-еретик»*
917-921 гг.	царствование короля Алроя Халдейна.
917 г.	2 февраля: *Синхил* умирает, наследником становится его двенадцатилетний сын Алрой. Регенты молодого короля переносят двор в *Ремут*, старую столицу. После убийства архиепископа Джеффри (Дерини) *Камбер-»Элистер»* решает заменить его, но регенты препятствуют его избранию; орден Св. Михаила разогнан. Декабрь: *Райс* убит; Рамосский Собор начинает заседания,продолжающиеся и весной, отменяет канонизацию Камбера и ограничивает права Дерини в Гвиннеде; замок Трурилл разграблен.
918 г.	Джебедия убит; Камбер предан забвению.
921-922 гг.	царствование короля Джавана Халдейна.
922-928 гг.	царствование короля Райса-Майкла Халдейна.
928-948 гг.	царствование короля Оуэна Халдейна.
948 гг.	Марк, сын *Имре* и *Эриеллы*, делает попытку отобрать трон. В этом столетии Рольф Макферсон, лорд Дерини, восстает против Совета Камбера.
948-980 гг.	царствование короля Утера Халдейна.
977 г.	24 декабря: *«Призвание»*.
980-983 гг.	царствование короля Нигеля Халдейна.
983-985 гг.	царствование короля Яспера Халдейна. Дарчад Мор выставляет вооруженную пехоту против войск Яспера Халдейна, действуя в интересах принца Марка-Имре, пра-правнука Имре из Фестилийской династии.
985-994 гг.	царствование короля Клеима Халдейна.
994-1025 гг.	царствование короля Уриена Халдейна.

1025 г.	массовое выступление против Гвиннеда со стороны Имре II (972-1025 гг.), в результате которого род Фестила по мужской линии через четыре поколения пресекается.
1025-1074 гг.	царствование короля Малкольма Халдейна. Он женится на принцессе Розиан Меарской, старшей дочери и единственной наследнице Джолиона,последнего принца Меарского, который примкнул к Имре II. В результате этого брака Меара должна была получить право наследования Дому Халдейнов, но вдова Джолиона, принцесса Уракка, похитила своих двух младших дочерей, одна из которых (Анналинда) была близнецом Розиан, и возглавила партию, объявившую Анналинду старшей дочерью и законной наследницей.
1027 г.	король Малкольм возглавляет поход в Меару, дабы прекратить раскол.
1045 г.	король Малкольм возглавляет второй поход в Меару.
1060 г.	король Малкольм снова идет в Меару, преследуя сына Анналинды Джадела.
1068-1070 гг.	Баррет де Лейни ослеплен, спасая детей Дерини. Примерно тогда же Левис ап Норфал, печально прославленный Дерини, отрицает власть Совета Камбера.
1074-1095 гг.	царствование короля Донала Блейна Халдейна.
1076 г.	король Донал идет очередным походом на Меару, преследуя принца Джедаила.
1080 г.	король Донал женится на Ричелдис Лланнедской.
1081 г.	рождение принца *Бриона Халдейна.*
1087 г.	рождение принца Нигеля Халдейна.
1089 г.	король Донал снова идет походом на Меару.
1091 г.	29 сентября: рождение *Аларика Моргана.*
1092 г.	2 февраля: рождение *Дункана Моргана.*
1100 г.	Лето: «*Бетана*». 24 сентября: сэр Кеннет Морган умирает; вскоре девятилетнего *Моргана* посылают ко двору в качестве пажа. Декабрь: Морган впервые встречает короля *Бриона*, на Рождество.

1104 г. 6 января: *Брион* женится на *Джехане* из Бремагны. 1 августа: Джориан де Курси, Дерини, проходит посвящение в сан, но его разоблачают. «*Посвящение Арилана*». 12 ноября: казнь Джориана.

1105 г. 2 февраля: *Денис Арилан*, Дерини, благополучно рукоположен в сан священника. Весна-лето: *Марлук*, наследник Фестилийской династии, бросает вызов королю *Бриону* и погибает. 21 июня: «*Наследство*». Июль-февраль: *Джехана* проводит зиму в аббатстве Св. Эгилия.

1106 г. 14 ноября: рождение принца *Келсона Халдейна*. Его титул принца Меарского становится причиной нового восстания в Меаре.

1107 г. весна: *Брион* подавляет это восстание, но Кэйтрин Меарская, дочь принца Джолиона, спасается бегством. Ее муж и сын убиты. Сикард Макардри женится на Кэйтрин. *Дункан Маклайн* тайно обручается с Маризой, дочерью Каулая, старшего брата Сикарда, после чего брат ее погибает во время ссоры от руки подданного Маклайна. Не желая кровной мести, обе семьи разлучаются, но Мариза беременна.

1108 г. 3 января: Мариза родила сына, Дугала и умерла от послеродовой горячки; мать ее, Адриана, растит мальчика под видом брата-двойняшки своей дочери, родившейся в одно время с ним. Весна: Дункан узнает, что Мариза умерла от лихорадки, и собирается стать священником, как ему всегда хотелось.

1110 г. Аларик Морган посвящен в рыцари.

1112 г. Денис Арилан переезжает в Ремут, дабы помочь Дункану пройти посвящение в сан.

1113 г. Пасха: Дункана при тайной помощи Арилана посвящают в сан в кафедральном соборе Ремута; он получает назначение в Кулдский приход, недалеко от своей семьи.

1114 г. Дункана посылают в университет *Грекоты* на два года для дальнейшего обучения.

1114-1115 гг. зима: герцогиня Вера, мать *Дункана*, умирает, и для *Моргана с Дунканом* закрывается тем самым единственный источник тайных знаний *Дерини*. *Денис Арилан* становится духовником короля *Бриона*.

1115 г. май: *Шон лорд Дерри* посвящен в рыцари в *Ремуте* и становится оруженосцем *Моргана*;.

1116 г. Весна: *Денис Арилан* привозит *Дункана* в *Ремут* в качестве своего секретаря и помощника. Лето: Дункан становится наставником принца *Келсона*, которому скоро десять лет.

1117 г. В результате успешного наставничества *Дункана* назначают духовником принца.

1118 г. Денис Арилан, в возрасте 35 лет, становится вторым епископом *Ремута* под патронажем архиепископа Корригана и избран членом тайного совета *Бриона*. «*Суд*».

1120 г. Июнь: *Брион* подписывает новый договор о границах с *Венцитом Торентским*. Сентябрь: *Морган* едет в Кардосу проследить за выполнением договора. Ноябрь: «*Возрождение Дерини*». 1 ноября: Брион погибает, отравленный *Кариссой*. 4 ноября: похороны Бриона. 14 ноября: день рождения *Келсона*; *Морган* возвращается в *Ремут*. 15 ноября: Келсон побеждает Кариссу и коронован в Ремуте.

1121 г. «*Игра Дерини*» и «*Властитель Дерини*». Стычка с Лорисом и епископами; поход против *Венцита Торентского*, заканчивающийся поражением Венцита в Линдрутской долине.

1121-1122 гг. Зима: упрочение двора *Келсона* в *Ремуте*. *Морган* проводит почти всю зиму, разъезжая между Ремутом и Коротом, то давая советы Келсону, то занимаясь своими владениями в *Корвине*. *Дункан* разъезжает между Ремутом, Кассаном и Кирни, приводя в порядок дела своего отца и вступая во владение своим наследством, но душой возвращается к своему духовному призванию. Барон Джодрел, блестящий молодой лорд Кирни, становится его преданным приверженцем и едет с ним ко двору, где Келсон сразу же проникается к барону симпатией и и назначает его в свой тайный совет.

1122 г. январь: *Ремутский* совет официально осуждает Лориса (находившегося в заключении с предыдущего лета), лишает всех званий и отправляет в пожизненную ссылку в аббатство Св. Иви в Рендалле. (Корриган умирает от сердечного приступа до вынесения приговора). Браден из *Грекоты* назначен примасом и архиепископом

Валоретским вместо Лориса; Кардиель становится архиепископом Ремутским; *Ариану* отдают Дхассу. Происходит перераспределение епархий между епископами.

1122 г. 1 мая: *Морган* женится на Риченде в Марли, обряд совершает *Дункан* в присутствии *Келсона*. Затем Морган увозит на лето жену и пасынка в Корвин. Лето: из Марли Келсон отправляется на север и путешествует по Келдишским землям, оценивая боевую готовность ввиду враждебности Торента. Встречает брата своей тети Мерауд, Сэйра де Трегерна, молодого графа Рэндалльского, и привозит его ко двору в качестве еще одного советника. Дункан проводит почти все лето, объезжая свои земли и налаживая управление ими в свое отсутствие. В конце лета расходится слух, что сторонники прежнего меарского королевского рода беспокоятся за независимость Меары, ибо недовольны тем, что частью Старой Меары правит сейчас священник-герцог Дерини.

1122-1123 гг. Зима: *Келсон* укрепляет свою власть, строит планы отправиться следующим летом в Кассан, Кирни и Меару и укротить недовольных сепаратистов, показавшись им во всем своем королевском величии. Суды в течение всей зимы. *Морган* несколько раз ездит в Корвин, поскольку Риченда ожидает их первого ребенка.

1123 г. 31 января: Риченда рожает Моргану дочь, Бриони Бронвин Морган. Весна: молодой король Алрой Торентский, через несколько месяцев после того, как ему исполнилось четырнадцать, погибает, упав на охоте с лошади. Сразу же распространяются слухи, что несчастный случай подстроен *Келсоном*, который убоялся силы достигшего совершеннолетия короля *Торента*. Королем становится девятилетний Лиам, их мать Мораг по-прежнему регентша, и многие лорды Торента соперничают из-за ее руки. Лето: Келсон, проезжая через Меару, Кассан и Кирни с Дунканом, как планировалось, видит, что ситуация в Меаре ухудшается. Морган почти все лето проводит в Корвине, чтобы убедиться, что со стороны Торента им ничто не угрожает, но,

после того как умирает их союзник, епископ Карстен Меарский и важная епархия в Меаре остается без управления, он присоединяется в Кулди к Келсону. Конец ноября: Совет епископов собирается в Кулди, чтобы избрать нового меарского прелата, но сначала избирает несколько разъезжающих епископов, среди них *Дункана* (второго епископа Ремутского, заместителя *Кардиеля*).

1123-4 гг. Ноябрь-февраль: «*Сын епископа*».

1124 г. Май-июль: «*Милость Келсона*».

1125 г. Март-апрель: «*Тень Камбера*».

Приложение 4

Литературные первоисточники Дерини

Как началась серия

Чаще всего мои читатели (если не считать вопроса: «Когда выйдет следующая книга?») задают вопрос: «Как у вас возникла эта идея?» Обычно я отвечаю, что она мне приснилась...

Сновидение преображается в мир, который многие читатели воспринимают как реальный, но существующий в каком-то другом измерении, посредством сложного процесса. Для тех, кому интересен этот процесс, я и хочу показать этапы развития сна в то, что мы знаем сейчас как *«Хроники Дерини»*.

И хотя нижеследующий материал нельзя считать каноническим (в том смысле, в каком *являются* каноническими романы и рассказы этого сборника — они основаны на «официальном», или «устоявшемся» варианте истории Дерини), без него никакие книги о Дерини вообще не появились бы на свет.

Сон, который породил Дерини

11 октября 1964 года мне приснился очень яркий сон, и, проснувшись, я записала его на двух карточках 3x5 дюймов.

Место действия: приемный кабинет в замке. Молодая вдова-императрица (25 лет) принимает верного генерала своего мужа (40 лет) и его оруженосца (20 лет). На ней — белое ниспадающее одеяние с черным платом и простая изумрудная диадема. Ее маленький сын спит в соседней

комнате. Генерал открывает секрет силы покойного императора, сокрытой в причудливой изумрудно-золотой броши, — муж не успел передать ей ключ к тайне, ибо был убит Голубой колдуньей, которая и правит теперь. Генерал мудрый и могущественный человек; он показывает императрице, как добраться до этой силы, — император передал ключ ему; нужно вонзить иглу застежки в руку — через десять секунд начинается передача силы и длится пять минут. Передача проходит успешно; императрица испытывает силу — все в порядке. После того как она получает силу и срок ее траура заканчивается, не исключена возможность любви между нею и генералом.

Лорды Сорандора

Первоначальный вариант «Возрождения Дерини».

В течение года после этого сна я написала повесть под названием *«Лорды Сорандора»*. Многое я изменила. Королевство приобрело название — *«Сорандор»*, в следующих же книгах оно стало называться Гвиннедом. Малыш стал четырнадцатилетним принцем Келсоном. Героиня, из которого впоследствии появилась Джехана (здесь Сэниль), соответственно стала старше и значимость ее как персонажа поубавилась; исчезла также романтическая привязанность к Моргану. И хотя Дерини как таковые здесь еще не появились, магия несомненно уже сделалась ведущим фактором.

Определилась также основная форма этого мира — и в романе *«Возрождение Дерини»* можно узнать кое-какие отрывки из *«Лордов Сорандора»*.

Кэтрин Курц, октябрь 1965 года

1

Сэниль Сорандорская, стоя перед зеркалом, поправила на своих рыжих волосах траурную вуаль, как делала это каждое утро вот уже целый месяц. Опершись белыми руками о туалетный столик, она долго всматривалась в зеленые глаза, отвечавшие ей из зеркала пристальным взглядом, затем возложила на голову скромный, украшенный гагатом обруч.

— Ваше величество, — тихо обратилась к ней служанка, — вас хочет видеть генерал, сэр Аларик Морган. Ответить ему, что ваше величество не принимает?

— Морган? Нет... я, пожалуй, должна с ним повидаться. Где он?

— В саду, миледи.

— Хорошо. Я приму его на террасе.

Сэниль вышла в озаренные солнцем покои, села в небольшое, обитое черной тканью кресло и расправила складки своего траурного бархатного платья. Ее тут же окружили несколько фрейлин, а сидевший в уголке молодой музыкант принялся перебирать струны сладкозвучной лютни.

Дверь, ведущая в сад, открылась, и на террасу вошел высокий мужчина в черном кожаном костюме, чьи доспехи и меч тускло блестели в рассеянном солнечном свете. Он почтительно наклонил золотоволосую голову и легко опустился на колени у ног королевы, прижав к сердцу руку в перчатке. Сэниль знаком велела ему встать.

— Слушаю вас, сэр Аларик.

— Простите, миледи. Мне следовало приехать раньше, но солдаты встревожены новым положением вещей и глубоко переживают утрату Бриона. Нам всем его очень не хватает.

— Да, это так, — она выжидающе смотрела на него.

— Миледи, я должен поговорить с вами наедине; это крайне важно.

— Сэр Аларик, но я... Хорошо, — она кивком отпустила фрейлин, затем указала на кресло рядом. — Я выслушаю вас, сэр Аларик, во имя той привязанности, которую питал к вам мой муж. Брион часто говорил о вас... рассуждая об управлении и всем таком прочем, — она устремила через комнату невидящий взор. — Возможно, если бы он рассказывал мне больше о своих делах, я была бы готова к тому, что случилось, — сказала она, с горечью поглядев на свои сложенные руки. — Но я узнала о постоянно угрожавшей ему опасности, лишь когда его не стало.

И, подняв взгляд, она с оживлением продолжила:

— Но вы ведь приехали не для того, чтобы послушать мои рассказы о Брионе, генерал?

— Нет, — ответил Морган, покачав головой. Затем резко встал и принялся расхаживать по комнате, нервно стискивая руки.

— Миледи, — начал он, — перед тем как отправиться в свой последний бой и пасть от руки Голубой колдуньи, ваш муж рассказал мне во всех подробностях о божественной силе, что передавалась в его королевском роду из рук в руки много лет подряд. Он наверняка и с вами затрагивал порой эту тему, но вы, скорей всего, пропускали такие разговоры мимо ушей, считая эту силу пустым суеверием, оправданием своего рода права на королевскую власть. Во многих случаях так оно и бывает, но только не с Брионом.

Он медленно повернулся к королеве.

— Миледи, узнай Брион вовремя о замыслах Голубой колдуньи — он мог бы спастись... он мог даже при счастливом стечении обстоятельств убить ее. Увы, Брион ее недооценивал... хуже того, он недооценил ее влияние на своих подданных.

От горьких воспоминаний лицо его исказила гримаса, и он буквально выплюнул:

— Его предал друг!

Он стукнул кулаком по ладони, но тут же взял себя в руки, вспомнив, где находится. И, повернувшись к королеве, продолжил с напряженной улыбкой:

— Вы помните оруженосца Бриона, Колина из Фианы? Бедняга Колин! — он вздохнул. — Колдунья очаровала его. И заставила влюбленного парнишку отравить королевское вино. Она сказала, что этой дозы недостаточно, чтобы убить короля. Он всего лишь уснет.

Колин сделал, что ему было велено, и на следующее утро колдунья убила Бриона при помощи магического приема, которого он не ожидал... от этого питья он ослабел и не смог разгадать ее намерений. И когда Колин понял, что натворил, он закололся своим мечом, будучи слишком гордым, чтобы умереть смертью предателя, и слишком несчастным, чтобы жить дальше.

Морган устало опустился в кресло, уронил голову на руки.

— И теперь Голубая объявила перемирие, — хмуро усмехнулся он, — в знак ее уважения к почившему злейшему врагу.

Наступившую тишину нарушили глухие рыдания Сэниль.

— Простите, миледи. Я не хотел бередить ваши раны, но подумал, что вы должны знать, — он посмотрел под ноги. — Как поживает принц Келсон? — спросил он, чтобы сменить тему.

— Хорошо, — ответила Сэниль, силясь вновь обрести спокойствие. — Завтра состоится коронация, как вам известно, — она умоляюще посмотрела на него. — Я надеялась, что для того вы и приехали: увидеть его коронованным.

— Да, миледи, — ответил он. — Только коронованным, как истинный король... каким был его отец.

— Нет! — испуганно прошептала она. — Сила Бриона, если он и вправду обладал ею, умерла вместе с ним. Келсон должен править, как простой смертный! — и она обратила к нему широко распахнутые глаза.

— Келсон не может править, как простой смертный, миледи. Колдунья убьет его, как убила его отца; вы же понимаете это.

— Сила Бриона *его* не спасла. И не станет же она убивать беззащитного мальчика!

— Вы и сами понимаете, что станет, миледи, — ответил Морган. — Но по воле Божьей Келсону не придется бороться с Голубой колдунь-

ей, будучи безоружным. У меня есть ключ к силе Бриона... и она должна перейти к Келсону.

— Нет! — прошипела она, привстав с кресла. — Я не позволю вам это сделать. Келсон еще совсем ребенок.

— Не будьте глупы, миледи, — сказал он, хватая ее за плечи и силой усаживая обратно. — Подумайте как следует. Завтра Келсону исполняется четырнадцать лет, и он по закону может быть коронован. И пощадит ли Голубая колдунья, убившая его отца... — он сделал паузу и подчеркнул, — пощадит ли она сына этого отца только потому, что он слишком молод? Она рвется к власти, миледи. Позволит ли она какому-то простому смертному стоять у нее на пути?

— Нет, — хрипло прошептала она, понурившись.

Морган отпустил ее и сделал шаг назад.

— В таком случае вы позволите мне поговорить с ним?

— Да, — покорно согласилась она, — только не дольше часа.

Однако, когда она проводила его глазами до дверей в сад, на лице ее появилось негодующее выражение.

2

— Что вы сказали моей матери?

Морган, шурша черным шелковым плащом, повернулся на голос, неожиданно раздавшийся за спиной.

— Келсон, — он увидел мальчика, и напряжение на его лице сменилось довольной улыбкой. — Как вы узнали, что я здесь?

Мальчик легко спрыгнул с нескольких ступеней садовой беседки и быстро подошел к молодому генералу.

— Я увидел, как вы вышли от моей матери, и пошел за вами. Я сделал что-нибудь не так? — спросил он, и в серых глазах его мелькнуло опасение при виде удивления друга.

— Нет, нет, мой принц, — ответил Морган, похлопав мальчика по плечу. — Я на самом деле приехал повидаться с вами, а не с вашей матерью. И должен признаться, что сейчас она испытывает ко мне не слишком большую симпатию, — продолжал он. — Я напомнил ей, что вы — король.

Келсон озорно фыркнул.

— Для нее я по-прежнему «ее малыш». Она, кажется, просто не понимает, что завтра я стану королем, — взгляд его сделался задумчивым. — И что, по ее мнению, может еще *делать* сын Бриона, если не править? Скажите мне вот что, Морган. Вы хорошо знали моего отца. Как по-вашему, смогу ли я когда-нибудь занять его место? Только говорите правду, потому что я пойму, если вы будете мне льстить.

Морган, сложив перед собой руки, задумчиво обошел вокруг юноши, отметил про себя хрупкость его полудетского тела, помня, однако, силу и кошачью грацию его движений. Глядя на Келсона, он словно снова видел Бриона, его открытый взгляд, его серые глаза, густую копну блестящих черных волос, царственную посадку головы и ту непринужденность, с которой носил он синее королевское одеяние. Это был Брион Смеющиеся Глаза, Брион Сверкающий Меч, Великодушный Брион, который учил его, мальчишку, фехтовать и ездить верхом; пышный двор которого ошеломлял этого мальчишку своим великолепием; Брион, который просил своего друга поклясться жизнью, что тот будет защищать его сына, если он умрет слишком рано; Брион, который перед своей смертью вручил ключ к своей божественной силе тому человеку, что стоял сейчас перед его сыном.

Морган стряхнул задумчивость и жестом пригласил мальчика сесть.

— Вы — вылитый Брион, мой принц, — сказал молодой генерал, тоже сев на ступеньку. — И он хорошо подготовил вас для той ноши, что ляжет завтра на ваши плечи. Он наверняка предполагал, что вам придется взойти на трон в юном возрасте... пожалуй, он даже ожидал этого, ибо дал вам самое замечательное воспитание, какое только мог.

Он посадил вас в седло чуть ли не с того самого дня, как вы научились сидеть. Ваши учителя фехтования были лучшими из всех, и когда они научили вас тому, что умели, он взялся учить вас сам, и вскоре вы уже побеждали своих наставников. Вы изучали военную историю, стратегию, языки, математику... даже немного астрономию и алхимию.

Ваше воспитание имело также и практическую сторону. Ибо в том, что юному, непоседливому порой наследному принцу дозволялось вопреки правилам сидеть рядом с отцом в зале совета, была своя мудрость. Вы приобретали сызмальства, даже не подозревая об этом, зачатки безупречной риторики и логики, которыми Брион славился не меньше, чем своим умением владеть мечом и своей доблестью. Вы учились давать советы и принимать советы — с разумной скромностью. В результате вы стали понимать, что мудрый король никогда не говорит в гневе и не судит, пока не узнает всех обстоятельств.

Морган помолчал немного, затем задумчиво продолжил:

— Я думаю, что в каком-то смысле вы, мой принц, станете даже лучшим королем, чем Брион. Вы чувствительны, разбираетесь в живописи, литературе и музыке, чего ему не было дано в полной мере, хотя, по моему мнению, это не мешало ему быть прекрасным королем. О, он слушал философов столь же внимательно, как и воинов, но я не уверен, что он действительно *понимал* их. Вы же *понимаете*.

Келсон повернул голову и встретился с генералом глазами.

— Вы забыли кое-что, Морган, — сказал он тихо. — Я не обладаю силой моего отца, а без нее все это ничего не стоит, — он нетерпеливо вскочил. — Отец не сказал вам, как мне остаться королем? И что насчет его убийцы? Могу ли я, смертный, противостоять Голубой Колдунье с пустыми руками? Морган, — с мольбою обратился он к другу своего отца, — что мне делать?

— Вы подошли к самой сути, мой принц, — улыбнулся Морган. — Давайте уйдем отсюда. Мы здесь уже слишком долго. Ваша мать не должна нас прервать посреди этого разговора.

И, взяв юного принца за руку, он повел было его подальше от покоев королевы.

Как раз в этот момент в сад суетливо выбежала полная, запыхавшаяся фрейлина.

— Ваше высочество, — пронзительно закричала она, забыв приветствовать принца реверансом. — Мы вас повсюду ищем. Ваша мать, королева, *весьма* встревожена, вы же знаете, она не любит, когда вы гуляете в одиночестве. Ведь это так опасно... — она запнулась и умолкла, увидев, что принц находится отнюдь не в одиночестве.

— Вы слышали, Морган? — сказал Келсон, поворачиваясь к своему другу. — Это так опасно! Леди Боллистон, — продолжил он сухо, — не будете ли вы так любезны сообщить моей матери, что я гуляю по саду в полной безопасности с генералом Морганом?

Леди Боллистон узнала Моргана, охнула, прикрыла пухлой ручкой рот, и глаза у нее округлились. Она торопливо присела в реверансе и сказала запинаясь:

— Я не узнала вашу светлость.

— И это вполне объяснимо, леди Боллистон, — кивнул он, — поскольку я давно здесь не бывал. Надеюсь, однако, что впредь вы будете проявлять к своему королю несколько больше уважения, — он дружелюбно улыбнулся. — Ваш выход не был образцом приличий.

Леди Буллистон против воли улыбнулась тоже, подумав про себя, что генерал покойного короля, возможно, вовсе не такое чудовище, каким его описывает королева, и пролепетала свои извинения.

— Но ваша мать желает вас немедленно видеть, ваше высочество, — добавила она.

— По поводу приезда генерала Моргана? — осведомился Келсон. Она не ответила, и он кивнул. — Я так и думал. Что ж, скажите госпоже королеве, что я уже совещаюсь с сэром Аларикомм и хочу, чтобы меня не беспокоили. Не забудьте добавить, что я в полной безопасности, — закончил он сухо.

— Хорошо, ваше высочество, — она еще раз присела и отправилась обратно на террасу. Когда она скрылась из виду, Морган и принц расхохотались.

— Вы знаете, мой принц, по-моему, ваша матушка решила все-таки не допустить нашей встречи, — сказал Морган, опустив юноше на

плечо руку в черной перчатке. — Лучше уйти отсюда, пока она не вышла сама нас искать.

Келсон согласно кивнул, и они быстро пошли прочь.

3

Отец Дункан Мак-Лайн, подняв случайно взгляд от чаши, которую он наполнял святой водой, заметил шедших по двору двух молодых людей. Чтобы лучше видеть, он прикрыл рукою глаза от яркого полуденного солнца. Тот, что помладше, в бархатном плаще, золотое шитье которого так и сверкало в солнечных лучах, — принц Келсон. А старший — глаза молодого священника вспыхнули удивлением и радостью — это же Аларик!

Он поставил на пол пустую бутыль, разгладил помятую сутану и поспешно вышел в галерею.

— Аларик! — он крепко пожал другу руку. — Какой приятный сюрприз! И Келсон, — он обнял юного принца за плечи. — Я просто не верю своим глазам. Сразу два моих самых любимых человека, — сказал он, заводя их в прохладную тень портика. — Однако по лицу Аларика я вижу, Келсон, что это не просто светский визит, не так ли?

— Ты весьма чуток, Дункан, — улыбнулся молодой генерал. — Мне не удавалось тебя перехитрить, даже когда мы были еще детьми. Можем ли мы с Келсоном завладеть тобой и твоим кабинетом примерно на час, чтобы посоветоваться?

Дункан криво усмехнулся, но кивнул.

— Разумеется, ты не мог приехать иначе как по делу, Аларик, — сказал он, подхватывая пустую бутыль и ведя гостей в неф. — Наверное, мне следовало бы стать твоим исповедником... тогда хоть раз в году я уж точно бы тебя видел. Правда, если подумать, это не особенно удачная мысль — слишком хорошо я тебя знаю.

Они остановились в трансепте и поклонились перед алтарем.

— Ладно тебе, Дункан, — посмеиваясь сказал Морган, когда вслед за тем они вошли вместе со священником в боковую дверь. — Я вижусь с тобой куда как чаще; кроме того, от моего замка до столицы пятьдесят миль.

— Нет, Аларик, можешь не оправдываться. Или обещай навещать меня почаще или забудь о моем кабинете... и поищи другое место для обсуждения своих дел.

Он тщательно прикрыл за собой дверь и подошел к маленькому круглому столу в центре комнаты.

— Хорошо, Дункан, — засмеялся Морган, усаживаясь по его жесту вместе с Келсоном за стол. — Даю слово.

Он отцепил от своего пояса маленький кожаный кисет и начал возиться с его завязками.

— Не найдется ли у тебя что подстелить, Дункан? — спросил он, справившись с ними.

Священник еще не успел ответить, как Келсон выдернул из рукава белый шелковый платок и расстелил перед генералом.

— Это подойдет, Морган?

— Вполне, мой принц, — ответил тот, вынимая из кисета и бережно опуская на шелк что-то золотое и сверкающее. — Узнаете, Келсон?

Келсон тихонько вздохнул, широко раскрыв свои серые глаза в благоговейном удивлении.

— Это Огненный перстень, печать силы моего отца.

— Можно взглянуть? — взволнованно спросил Дункан.

Морган кивнул.

Священник поднял за концы шелковый платок, повертел его туда-сюда, приглядываясь к перстню. В алых отблесках драгоценных камней гладкий металлический ободок его излучал теплое сияние. Затем Дункан опустил платок на стол и расправил смявшийся шелк.

— Что ж, это хорошо, — выдохнул он, и в глазах его появилась надежда. — А еще?

Вместо ответа Морган снова полез в кожаный кисет и вынул из него тяжелую эмалевую брошь величиной с кулак. По краю ее шел гравированный золотом орнамент, а на малиновом поле сиял золотой лев на задних лапах.

— Что это?.. — начал Келсон, недоуменно сдвинув брови.

— Ключ, мой принц, — тихо сказал Морган. — Ключ к силе вашего отца.

Он подал брошь Дункану, который быстро осмотрел ее и передал Келсону.

— Брион рассказал мне обо всем, когда я видел его живым в последний раз. Он предчувствовал грозившую ему опасность, ибо заставил меня поклясться, что, в случае, если он погибнет, я передам брошь и кольцо вам, Келсон. К броши прилагаются еще стихи.

— Какие, Аларик? — спросил священник, нетерпеливо наклоняясь к нему. — Ты знаешь их?

— Да. Но из них мало что понятно. Слушайте.

Он начал декламировать, и лицо его приняло отсутствующее выражение:

Ты ищешь силы — будет так, но возрастет она
В канун дня коронации и перейдет сполна
К тебе, коль будет человек святой служить поводырем
И ты колени преклонишь с защитником вдвоем.
Но правой суждено руке перенести страданье:
В нее вонзятся Зубы Льва — для храбрых испытанье.
Когда же ты его пройдешь, претерпевая муку,
Вольется сила чрез кольцо, надетое на руку.

— Да, — сказал Дункан, откидываясь снова на спинку стула и поднимая бровь. — И что же нам с этим делать?

— Погодите, святой отец, — возбужденно начал Келсон. — Первая часть понятна достаточно: «...возрастет она в канун дня коронации и перейдет сполна...» — и означает это, что все должно произойти нынче вечером. «Святой человек», который послужит поводырем— это вы, отец, а «защитник», с которым я должен преклонить вдвоем колена... — он посмотрел на Моргана.

— Верно, мой принц, — кивнул тот. — Наши с Дунканом роли указаны, но вот ваша?.. Третью строфу я пока вообще не понимаю, но в четвертой явно содержится намек на ритуал коронации, когда архиепископ наденет перстень на вашу руку... правую руку! Как же я сразу не догадался?

— Да, конечно, — подтвердил Келсон. — Отец обычно о таких вещах говорил, пользуясь геральдическими терминами. Это на него похоже.

Келсон поднял брошь и вытянул левую руку.

— «Но правой суждено руке перенести страданье: в нее вонзятся Зубы Льва — для храбрых испытанье.»

Он посмотрел на брошь, потом на друзей с забавно-удивленным выражением лица.

— Не понимаю, Морган. У льва нет зубов. Как же?..

— Погодите, — Дункан вскочил на ноги, потянулся за брошью. — Дайте-ка посмотреть.

Он внимательно изучил драгоценность, затем перевернул ее и коснулся застежки.

— Конечно же, — пробормотал он, и взгляд его сделался отсутствующим. — Всегда должно существовать какое-то препятствие, необходимость проявить мужество.

Морган медленно встал, не сводя глаз с Дункана.

— Зубы льва — это застежка? — спросил он тихо.

Взгляд Дункана прояснился.

— Да.

Келсон, перегнувшись через стол, провел пальцем по трехдюймовой тонкой золотой игле. И нервно сглотнул.

— Зубы Льва должны вонзиться в мою руку?

Дункан бесстрастно кивнул.

— Это... будет очень больно, да? — спросил Келсон еле слышно.

Дункан снова кивнул.

— Но другого способа нет, так ведь?

— Нет, мой принц, — ответил священник, лицо которого казалось особенно бледным на фоне его темного одеяния.

Келсон опустил глаза.

— Что ж, значит, это надо сделать. Вы приготовите все необходимое, отец?

– Да, мой принц, – ответил тот. – Вы с Алариком должны прийти сюда снова не позже, чем через час после повечерия.

И он низко поклонился.

Келсон тоже склонил голову в знак благодарности.

– Тогда я ухожу, отец. За оставшееся время я должен понять, что значит быть настоящим королем.

Он повернулся на каблуках и вышел с таким видом, словно на плечи его уже легла вся тяжесть королевского сана. Морган заторопился следом.

– Да поможет вам Господь, мой принц, – тихо сказал священник и благословил уходивших.

4

Морган молча шел по двору за своим юным господином, понимая, что мальчику необходимо побыть наедине со своими мыслями. Келсон тоже молчал, пока они не дошли до дверей, ведущих в королевские покои.

– Морган, – спросил он вдруг, – вы уверены, что мы собираемся сделать именно то, что надо?

– Ну, – задумчиво отвечал Морган, – даже если это не так и магия Бриона *потеряна* для нас навсегда, мы хотя бы попытаемся что-то сделать. Ведь это *право* каждого – попытаться, не так ли, мой принц?

– Вы, конечно, правы, Морган, – сказал тот. – Но что, если я не готов?

– Вы куда более готовы, чем вам кажется, – ответил Морган, протягивая руку к двери.

Но не успел он коснуться ручки, как тяжелая дубовая дверь медленно отворилась, и за нею на пороге они увидели испуганную и гневную королеву в сопровождении свиты.

– Где ты был, Келсон? – спросила она.

– С генералом Морганом, матушка. Разве вам не передали?

Сэниль перевела взгляд на Моргана.

– Что вы ему сказали?

Морган скрестил на груди руки.

– Рассказал о его отце, миледи. Можете спросить у него сами.

– Ну, Келсон? – нетерпеливо обратилась она к сыну. – И какою же ложью он тебя потчевал?

– Пожалуйста, матушка, не устраивайте сцен, – сказал Келсон, потихоньку продвигаясь в сторону своих покоев. – Едва ли есть нужда пересказывать *вам*, о чем мы говорили; вы же знаете, что я должен делать.

Она не ответила, и он обратился к офицеру своей охраны.

— Лейтенант, я ухожу к себе и не желаю, чтобы меня беспокоили до утра. Генерал Морган проведет ночь в моих покоях. Вам ясно?

— Да, ваше величество.

— Вот и хорошо, — Келсон повернулся к матери. — Спокойной ночи, матушка. Я увижусь с вами завтра перед процессией. А сейчас я должен отдохнуть.

Не мешкая более, он вошел в комнату, Морган — за ним, и до оставшихся в коридоре долетел решительный щелчок задвинутого засова. И после секундного замешательства королева со свитой вынуждена была удалиться.

Однако в тени за колоннами таился некто, кого ничуть не смутило и не расстроило то, что принц решил провести остаток дня в уединении. Разлад меж членами королевской семьи только позабавил его, и с мрачной улыбкой он дождался, пока последние звуки шагов затихли в коридоре, затем, запахнув на себе плотнее плащ оруженосца, выскользнул за дверь. Пройдя в королевскую конюшню, где его уже ждал оседланный быстрый конь, он переоделся в тёмный дорожный плащ и, прежде чем выехать, старательно закрыл лицо широким капюшоном.

Спустя час он был уже далеко за пределами города и, свернув с наезженной дороги на узкую извилистую тропу, поскакал в предгорья. Еще через какое-то время он спустился неверными тропинками по крутым склонам ущелья и совершенно не удивился, когда на дне этого ущелья его вдруг окружили со всех сторон одетые в синие мундиры солдаты.

— Кто идет? — свирепо вопросил их командир, хватаясь за рукоять меча.

— Лорд Ян, приехал повидаться с графиней, — ответил одинокий всадник, отбрасывая капюшон и спешиваясь.

Офицер с низким поклоном принял у Яна повод и сказал уже другим, подобострастным тоном:

— Простите, милорд. Мы вас не узнали.

— Это меня ничуть не удивляет, — сухо заметил молодой лорд, — поскольку я и *не хотел*, чтобы меня узнали. Открывайте вход.

Он повелительно махнул рукой, и солдаты поспешили исполнить приказание. Лейтенант приложил пальцы к высеченным в камне скалы неглубоким ямкам, и огромная плита сдвинулась в сторону, открыв в стене ущелья проход. Ян в сопровождении солдат вступил внутрь, плита, закрывавшая вход, вернулась на место. Затем солдаты разошлись по своим постам, а вновь прибывший зашагал вперед по коридору.

Стук его каблуков отдавался гулким эхом от мраморных плит. Ян шел и думал, с какими неожиданными людьми сводит порой человека стремление к заветной цели. Вот и Голубая колдунья уже вполне ему доверяет, и после того, как они покончат с юным принцем, у

него, Яна, будет достаточно времени и возможностей, чтобы самому завладеть силой колдуньи.

Он уверенно спускался по гранитной лестнице, громко звеня серебряными шпорами, и факелы в кованых подставках бросали кроваво-багровые отблески на его каштановую шевелюру, под которой таились еще более кровавые мысли.

Он миновал сторожевой пост, отсалютовал небрежно и, распахнув половинки золотых дверей, проскользнул внутрь. Затем оперся спиною на изукрашенные дверные ручки и, отогнав на время все темные помыслы, остановил пристальный взгляд на женщине, которая расчесывала в этот момент свои длинные, серебристые, отливающие голубизной волосы.

— Ну что, Ян? — осведомилась она, и ее полные красные губы искривились в почти свирепой улыбке.

— Сын Льва засел на ночь в клетку, крошка моя, — вкрадчиво сказал он и не торопясь, с небрежной грацией, приблизился к ней. — В королевском семействе раздоры. Сын холоден с матерью, которая так старается его защитить, и та ссорится с генералом, который распаляет мальчишку рассказами о доблести отца.

Он расстегнул тяжелый плащ, сбросил его на табурет и, отцепив меч, опустился на широкую, застеленную атласным покрывалом кушетку.

— А юный принц? — допытывалась она. — Очень ли ему не по себе в ожидании коронации?

В голосе ее звучала насмешка. Она отложила серебряную щетку на туалетный столик, встала, и газовое платье окутало ее фигуру воздушным лазоревым облаком.

— Думаю, он весьма расстроен, — улыбнулся молодой лорд и прилег, опершись на локоть. — Ушел отдыхать и приказал, чтобы до утра его не беспокоили. Если он вдруг выйдет, мы об этом сразу узнаем.

Его зеленые глаза жадно следили за каждым ее движением.

— Чудесно, Ян, — тихо сказала она, и в голосе ее прозвучали низкие, грудные ноты. Затем она плавно двинулась к нему. — Ты хорошо потрудился, — кончиками пальцев она коснулась его плеча и улыбнулась. — Голубая колдунья тоже желает отдать на ночь такой приказ.

5

Когда вдали отзвонили после вечерни колокола, Морган вскочил и по-кошачьи потянулся. Подойдя к окну, он приподнял край занавеса, выглянул в сгустившийся сумрак, затем отпустил тяжелую ткань, и та упала на место. Морган подавил зевок, подошел к богато изукра-

шенному канделябру, зажег свечи и поставил его возле королевской постели.

Келсон внезапно открыл глаза и огляделся по сторонам.

— Кажется, я заснул, — сказал он, приподнявшись на локте. — Нам пора?

— Нет еще, мой принц, — ответил Морган, подойдя к шкафу и рассматривая одежду. — Повечерие еще не отзвонили.

Он выбрал темно-серую шелковую тунику, отделанную золотом и жемчугом, и бросил ее на ближайший стул.

— Это, пожалуй, подойдет.

Затем он устало опустился в кресло возле камина и, рассеянно приглаживая волосы, несколько мгновений смотрел в огонь.

— Вообще-то, если поразмыслить, собраться вам лучше уже сейчас.

— Удивительный вы человек, Морган, — сказал Келсон, глядя на молодого генерала. — Когда вы сказали, что мне надо отдохнуть, я был уверен, что глаз не сомкну, но вы рассеяли мою тревогу своим спокойным голосом и тихими речами, и я заснул.

Морган ответил рассеянно:

— Вы просто очень устали, мой принц.

Он снова уставился в огонь, и Келсон, поняв, что других объяснений не услышит, прошел в гардеробную.

Просидев неподвижно еще несколько секунд, Морган вдруг встрепенулся и вскочил на ноги. Сбросил куртку и кольчугу, быстро ополоснулся над тазом в умывальной комнате и, когда Келсон вернулся, уже снова натягивал кольчугу поверх шелковой рубахи.

— Вы ждете каких-то осложнений? — спросил юноша, глядя встревоженно на ее стальные колечки.

Морган усмехнулся.

— Нет, мой принц, но лучше быть готовым ко всему, — сказал он, зашнуровывая бока. — И я хочу извиниться за то, что был не слишком вежлив с вами. Вы нуждались в утешительных словах, а я был резок. С моей стороны это глупость.

Он слегка подтолкнул принца, проходя мимо, и Келсон слабо, протестующе улыбнулся.

— Не будьте так серьезны, мальчик мой, — сказал Морган, роясь в своем седельном вьюке и доставая черный бархатный камзол с золотой каймой. Его он натянул поверх кольчуги. — Магия вашего отца никак не может повредить сыну — скрытая в тексте угроза относится не к законному наследнику, а к тому, для кого эта магия не предназначена.

Прицепив меч и надев плащ, он подошел к шкафу, вынул темно-красный бархатный плащ и подал юному принцу. Келсон, одевшись, расправил на плечах воротник из черно-бурой лисицы и повернулся к двери.

— Не сюда, — сказал Морган, схватил его за руку и подвел к стене у балконного окна. — Подождите немного...

Отойдя от стены, Морган осмотрелся и встал обеими ногами на одну из плит пола. Затем, вытянув указательный палец, он начертил в воздухе какой-то сложный рисунок, и часть стены с тихим шорохом ушла назад, открыв темную лестницу.

Келсон открыл рот от удивления.

— Откуда это здесь? — спросил он недоверчиво.

— Я полагаю, кто-то когда-то ее построил, мой принц, — заметил генерал, вступая в проход. — Таких во дворце немало. Идемте.

Он подал руку принцу, и, когда Келсон двинулся за ним, колокола вдалеке прозвонили повечерие. Через десять минут они были уже во дворе, и темная громада церкви неясно вырисовывалась перед ними на фоне ночного неба. Под прикрытием темноты они прошли в портик и, никем не замеченные, остановились в нише.

В церкви в этот час было пусто и тихо, тьму рассеивали лишь огоньки поставленных во исполнение обета свечей, слабо озарявшие каменные полы и бросавшие отблески на темные витражи. Перед алтарем склонилась одинокая фигура в черном, очерченная бледным красным сиянием неугасимой лампады. Услышав звук шагов Моргана и Келсона, Дункан повернулся и вышел им навстречу в трансепт.

— Все готово, — шепнул он и провел их в свой кабинет. Больше он не сказал ни слова, пока они не расселись вокруг маленького стола, на котором зловеще мерцала брошь с золотым Львом, лежавшая на малиновой подушечке.

— Келсон, — тихо начал священник, сложив перед собой руки, — то, что я должен сказать, касается главным образом вас.

Келсон с бледным в свете свечи лицом серьезно кивнул, и Дункан продолжил:

— Ритуал будет очень прост: мы войдем в церковь. Вы встанете на колени у ограды алтаря. Я дам вам мое благословение, Келсон; затем вы, своей рукой и по собственному желанию должны будете вонзить зубы Льва в ладонь вашей левой руки. Если Господь с нами, вы почти сразу ощутите прилив силы. Ощущение это должно походить на головокружение. Возможно, вы потеряете сознание. Но я не уверен. Это станет ясно по ходу дела.

Келсон, еще более побледневший, тихо вздохнул.

— Есть еще что-нибудь, что я должен знать, отец?

— Нет, сын мой, — мягко ответил Дункан.

— В таком случае, — дрогнувшим голосом сказал юноша, — перед тем, как мы приступим, мне хотелось бы немного побыть одному.

— Конечно, мой принц, — ответил священник, вставая. — Аларик тем временем поможет мне облачиться.

Морган заговорил только в ризнице.

– А вдруг что-то пойдет не так, Дункан? – спросил он, протянув священнику белоснежный стихарь, который тот бережно принял у него из рук. – Это может его убить?

– Это наша единственная возможность, – отвечал Дункан. – Мы оба с тобой знаем, что произойдет, если он встретится с Голубой колдуньей, не обладая силой... это уж точно.

Он поднес к губам край парчовой епитрахили, затем возложил ее на плечи.

– А так у мальчика хотя бы есть шанс. Брион знал своего сына. Я думаю, все должно получиться. Пойдем, – он положил руку на плечо Моргана. – Мы должны сделать все, что в наших силах.

И они вернулись обратно в кабинет, где сидел в ожидании своей участи юный принц.

Келсон же в раздумье смотрел на огонек единственной свечи. Либо он познает вскоре силу своего отца, либо не познает ничего; мысли его обратились к двум верным друзьям, которые сопровождали его на этом пугающем пути в неизвестное: к Моргану, что был другом его отца и едва ли не вторым отцом для него самого, и к Дункану, молодому священнику, который был его наставником с тех пор, как он себя помнил.

Он даже упрекнул себя за то, что мог усомниться хотя бы на миг в их мудрости, и душу его согрела мысль, что этой ночью, что бы с ним ни произошло, они будут рядом. И когда отворилась дверь, он с улыбкой поднялся на ноги, и Морган, увидя доверчивое выражение его лица, ответил ему подбадривающей улыбкой.

– Вы готовы, мой принц? – спросил Дункан, поднимая брошь вместе с подушечкой и передавая ее Моргану.

– Да, отец, – последовал ответ, и все трое вышли в церковь.

Принц и его защитник встали на колени у алтарной ограды, отцепили мечи и положили их на пол перед собой, а священник, приблизившись к алтарю, прочел молитву. Затем, перекрестившись, Дункан поднялся по ступеням, поцеловал алтарную плиту и, повернувшись, протянул к ним руки.

– Dominus vobiscum.

– Et cum spiritu tuo, – ответили они.

– Oremus.

Священник снова повернулся к алтарю, прочел еще одну молитву, завершив ее торжественным: «Per omnia saecula saeculorum».

Морган и Келсон ответили тихим «Аминь».

Тогда Дункан спустился, остановился перед коленопреклоненным Келсоном и возложил руки на голову юного принца.

– Да благословит тебя Господь Всемогущий, Отец, Сын и Дух Святой. Аминь.

Перекрестил принца, поднял брошь со Львом с ее бархатного ложа и опустил в протянутые руки Келсона.

— Смелей, мой принц, — шепнул он и вернулся к алтарю. — Domine, fiat voluntas tua!

Руки у Келсона слегка дрожали, когда он поднял золотую застежку над левой ладонью. Но, собравшись с духом, он решительно вонзил тонкую иглу в свою плоть. Потемневшая игла вышла с другой стороны кисти, и принц чуть не задохнулся от боли и с тихим стоном, чувствуя, как эта боль разливается огнем по всей руке, пригнулся к полу.

Морган привстал было, чтобы поддержать своего юного господина, но Дункан, повернувшись к ним, прошептал:

— Не надо! Подожди!

Он пристально следил за мучениями принца, и Морган, не смея вмешиваться, снова опустился на колени.

Вскоре стоны юноши затихли, он удивленно выпрямился, и на лице его они отчетливо увидали испуг и смятение.

— Отец, — прошептал он, — все кружится перед мной... — он закачался как пьяный, выражение страха в глазах усилилось, — отец, темно... — и упал на пол.

— Келсон! — вскрикнул генерал, бросаясь на помощь.

Дункан тоже подбежал и, встав рядом на колени, осторожно поднял левую руку мальчика.

— Мы оказались правы, — сказал он, выдернув иглу и перевязав ранку платком. — Он получил силу. Все признаки налицо. Пойдем, — он принялся стаскивать с себя облачение, — надо отнести мальчика обратно в его покои. Он проспит до утра, но я пойду с тобой и тоже послежу, чтобы его никто не побеспокоил за это время.

Морган кивнул и, плотнее запахнув на Келсоне красный бархатный плащ, поднял бесчувственное тело на руки. Дункан взял мечи, и, каждый со своей ношей, они вернулись украдкой в покои юного короля.

Там Морган осторожно уложил Келсона на кровать, обмакнул шелковую тряпицу в какую-то едкую жидкость и несколько раз тщательно протер ранку на руке, а затем снова перевязал ее. Дункан в это время расшнуровал Келсону башмаки. Когда священник принялся стаскивать с него плащ, глаза мальчика приоткрылись.

— Святой отец? Морган? — чуть слышно позвал он.

— Мы здесь, мой принц, — Дункан опустился на колени возле кровати и взял мальчика за правую руку.

— Морган, — тихо продолжал тот, — я услышал голос моего отца, а потом испытал престранное ощущение. Словно меня окутал трепещущий солнечный свет... или шелк. Сначала я испугался, но потом...

— Помолчите пока, мой принц, — заботливо сказал Морган, кладя руку на лоб мальчика. — Сейчас вам надо спать, отдыхать. Усните, мой принц. Я буду рядом.

Он еще говорил, когда веки Келсона дрогнули и опустились, и дыхание стало ровным, как при глубоком сне. Морган улыбнулся, пригладил ему взъерошенные волосы и закутал поплотнее в одеяло своего молодого господина. Затем погасил свечи и поманил Дункана за собою на балкон. Они вышли, и на фоне ночного неба из комнаты видны были только два темных силуэта.

— Он очень доверяет тебе, Аларик, — с восхищением сказал молодой священник.

Морган оперся на перила, вглядываясь сквозь тьму в лицо Дункана.

— Как и тебе, друг мой.

— Да, — ответил священник, кладя руки на перила и глядя на спящий город. — Надеюсь, мы навсегда останемся достойными этого доверия. Он слишком молод для ноши, которую мы взвалили на него нынче ночью. И Господь знает, что его новая сила не облегчит нам задачи быть его защитниками.

Морган тихо усмехнулся.

— Мы заботились о Брионе, потому что так нам было легче или потому что любили Бриона, любим его сына и считаем, что так нужно?

— Ты прав, Аларик, — вздохнул священник. — Знаешь, порой я думаю, что ты понимаешь меня лучше, чем я сам.

Морган шутливо толкнул Дункана в бок.

— Не будьте столь серьезны, отец Мак-Лайн. На этот раз ты проделал всю работу. А я был не у дел. И понятия не имел, несмотря на все свое увлечение оккультными науками, к чему может привести этот шаг Келсона.

— Зато, не получи ты от Бриона ключ, мы не сделали бы вообще ничего, — ответил Дункан. — Что бы я мог без броши и стихотворения? — он тихо засмеялся. — Но пора бы нам перестать хвалить друг друга и отправлять меня домой. Если меня здесь застанут, будет довольно неприятно и трудно объяснять мое присутствие. Кроме того, — добавил он, возвращаясь в комнату, — для Келсона я, кажется, больше ничего не могу сделать. Если не случится что-то непредвиденное, он проспит до рассвета. И тебе, Аларик, тоже надо отдохнуть.

Морган согласился, они пожали друг другу руки, и Дункан исчез в потайном ходе, который с шорохом закрылся за ним.

Морган же, расстегнув плащ, придвинул кресло поближе к кровати принца, опустился в него устало и запахнулся в плащ как в одеяло. Несколько мгновений он пристально всматривался в лицо Келсона, но, убедившись, что тот по-прежнему крепко спит, сбросил башмаки и позволил себе расслабиться, зная, что мгновенно проснется, если в комнате что-то изменится.

6

Морган открыл глаза, когда рассветную тишину вдруг нарушил быстрый и легкий стук в дверь. Мгновенно насторожившись, он вскочил и отодвинул засов. Ему почтительно поклонился камердинер, одетый в красную с синим ливрею.

— Простите, ваша светлость, — настойчиво сказал он, — постельничьи желают знать, когда им можно войти, дабы одеть короля для коронации.

— Пришлите их примерно через полчаса, — ответил Морган, — и пожалуйста, попросите стражу сходить за отцом Мак-Лайном. Его высочество перед началом процессии захочет с ним повидаться.

Камердинер поклонился и поспешил прочь, Морган закрыл дверь. Неслышно ступая, генерал подошел к балкону и раздвинул атласный занавес, впустив бледный утренний свет, затем подкинул дров в камин, чтобы прогреть остывшую за ночь комнату. Он вынул из шкафа толстый шерстяной костюм и, когда надевал его, почувствовал вдруг, что за ним наблюдают. Затягивая на своей тонкой талии пояс, он обернулся и улыбнулся Келсону.

— Доброе утро, мой принц, — весело сказал он, подошел к кровати и присел на краешек. — Ночью температура сильно упала... день вашей коронации обещает быть холодным.

— Который час, Морган? — спросил принц, садясь в постели.

— Не столь поздний, как вы думаете, мой принц, — засмеялся Морган, толкая Келсона обратно на подушки. — Постельничьи придут через полчаса, камердинер уже приготовил ванну, а до начала процессии еще два часа. Как ваша рука?

Он размотал повязку на руке и осмотрел ранку.

— Почти все уже зажило. Обойдемся без повязки. Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно, Морган. Можно мне встать?

— Конечно, мой принц, — он показал на гардеробную. — Как явятся постельничьи, я их к вам пришлю.

Келсон, неприязненно морща нос, отбросил одеяло и встал.

— Зачем они мне, Морган? Я и сам могу одеться.

— Затем, что в день коронации короля должны одевать постельничьи, — засмеялся Морган, подталкивая его к двери. — Завтра вы, коли пожелаете, можете уволить хоть *всю* свою личную прислугу, но *сегодня* вас будут одевать, как подобает королю, — ибо вам надлежит думать о своих королевских обязанностях, а вовсе не ломать голову над тем, как справиться со всеми этими странными одеждами... и, стало быть, придут постельничьи, числом шесть, — он в притворном ужасе вскинул брови.

— Шесть! — взвыл Келсон и, войдя в гардеробную, весело захихикал. — Морган, порой я думаю, что вы нарочно говорите такое...

Дверь за ним закрылась, и конца фразы Морган не услышал.

Он усмехнулся и пошел было к камину, но, увидев в зеркале на стене свое отражение, резко остановился. Ну и вид у него! Глядя печально на измятую тунику, он подумал, что она была слишком хороша, чтобы в ней спать, потом провел рукой по заросшему подбородку. Другой одежды все равно нет, ничего не поделаешь, а борода... Он достал бритву, мыло и принялся за дело, и едва успел покончить с выросшей за ночь щетиной, как раздался стук в дверь.

— Войдите, — сказал он, стирая мыло с лица.

Дверь открылась, из-за нее выглянули два голубых глаза под копной прямых темных волос.

— Ага! — послышался голос их хозяина. — Наш сердцеед заботится о своей наружности. Держи! — и Дункан бросил удивленному другу большой узел.

— Что?.. — начал Морган. — Дункан, где ты это раздобыл?

— А, — небрежно сказал молодой священник, подходя к рывшемуся в узле Моргану. — Я подумал, что Королевскому Поборнику для коронации может понадобиться соответствующее одеяние.

— Королевскому Поборнику? Откуда ты знаешь?

— Видишь ли, Келсон иногда говорит мне то, чего не говорит даже тебе. Да и кто, интересно, мог бы им стать, если не ты, бешеный боевой жеребец? Я, что ли?

Морган довольно усмехнулся, покачал головой и начал стягивать с себя мятую одежду.

— Как рука Келсона? — спросил священник, подавая ему алую шелковую рубашку. — Когда ты перевязывал ее ночью, мне почудился запах мераши, — он искоса поглядел на Моргана.

— Рука в порядке, — смущенно ответил Морган, надев рубашку и зашнуровывая ее, — но я надеялся, что ты не узнаешь мерашу. Одного моего старого наставника весьма огорчит, что о занятиях его оккультными науками стало известно священнику.

— Так и прекрати это, Аларик. Терпеть не могу это твое увлечение магией, которой тебе не дано владеть, — он передал генералу черные шелковые чулки и штаны. — Где Келсон?

— Принимает ванну. Он тоже огорчен... из-за постельничьих; не понимает, почему не может одеться сам. Я объяснил ему, что это одно из тяжких испытаний королевского сана и что сегодня с их присутствием всяко придется смириться.

Дункан усмехнулся.

— Когда он увидит все, что должен надеть, он им только обрадуется, — священник протянул Моргану легкую кольчугу и сел. — Перед праздничными службами я сам радуюсь, что у меня есть помощник

для облачения. Да... — протянул он задумчиво, — там столько мелких застежек и шнурков...

— Ладно, рассказывай, — смешливо фыркнул Морган, натягивая кольчугу, — тебе же все это очень нравится.

Затем он надел начищенные до блеска черные ботинки, поданные Дунканом, и тут в дверь снова постучали.

— А вот и они, — сказал Морган, застегивая последнюю пряжку. — Войдите.

В дверь прошли друг за другом шесть человек в красных ливреях, нагруженные одеждой, шкатулками и узлами, и поклонились.

— Ваша светлость, мы королевские постельничьи, — заявил первый.

Морган кивнул и направил их в гардеробную Келсона. Когда они исчезли за дверью, он покачал головой и улыбнулся.

— Мне жаль бедного мальчика. Ты же знаешь, как он ненавидит наряжаться.

Дункан пожал плечами и передал Моргану черный бархатный камзол, отделанный золотом и рубинами.

— Ему придется к этому привыкнуть, Аларик.

Он помог Моргану расправить широкие рукава так, чтобы в разрезы их выглядывала нижняя алая рубашка, потом повязал вокруг тонкой талии генерала широкий атласный пояс.

— Ну и ну, — проворчал он, прицепляя к незаметному кольцу на поясе Моргана меч. — Из тебя, пожалуй, получится самый красивый Поборник всех времен.

Морган повернулся перед зеркалом с гордостью ребенка, получившего новую игрушку.

— А знаешь, Дункан, — поддразнил он весело, — ты ведь прав!

Дункан шутливо шлепнул его по руке, чуть не выронив приготовленный плащ с красным подбоем.

— Но к тому же и самый тщеславный из всех Поборник!

Он увернулся от ответного тычка и погрозил Моргану пальцем из-за кресла.

— Эй, эй! Не забывай, что я твой духовный отец и говорю тебе это для твоего же блага!

От смеха они оба чуть не упали.

— Скорее, — выдохнул Морган, — прикрой мое великолепие плащом, пока я не лопнул от гордости!

Слова эти вызвали новый приступ веселья, и, застегнув кое-как плащ на плечах Моргана, они, обессилев от смеха, повалились в кресла.

Из-за двери гардеробной высунул голову один из постельничьих.

— Что случилось, ваша светлость? — спросил он, округлив глаза.

Морган, еще задыхаясь, только отмахнулся.

— Нет, нет, все прекрасно, — ответил он, беря себя в руки. — Готов ли принц Келсон? Отцу Мак-Лайну пора идти в собор.

— Готов, святой отец, — сказал Келсон, входя в комнату.

Морган и Дункан, не веря своим глазам, одновременно поднялись на ноги — неужели это тот самый мальчик, который стоял ночью в соборе на коленях, дрожа от страха? Теперь они видели перед собой короля в белых шелках и атласе, похожего на юного ангела, сияющая белизна одежд которого была расцвечена лишь рубиновой и золотой отделкой по подолу и краям рукавов. На плечи его был накинут великолепный атласный плащ цвета слоновой кости, жесткий от золота и драгоценных камней, в руках Келсон держал лайковые перчатки без единого пятнышка и позолоченные серебряные шпоры. Черноволосая, цвета воронова крыла голова его была непокрыта, как подобает некоронованному монарху.

— Я вижу, вам уже сообщили о вашей новой должности, Морган, — сказал он смешливо. — Вот, — он протянул шпоры, — это вам.

Морган опустился на одно колено, почтительно склонив золотоволосую голову.

— Мой принц, у меня нет слов.

— Пустое, Морган, — криво улыбнулся принц. — Главное, чтобы вы не лишались дара речи, когда мне будет нужен ваш совет, — и жестом велел ему подняться. — Возьмите же шпоры, и пусть мои постельничьи помогут вам завершить одевание, а я пока побеседую с духовником.

Он вышел вместе с Дунканом на балкон и прикрыл дверь. Сквозь балконное стекло им был виден раздосадованный Морган, за которого теперь принялись постельничьи.

Келсон улыбнулся.

— Как по-вашему, отец, он очень сердится?

— Сомневаюсь, мой принц. Он был слишком горд, когда вы вошли, чтобы долго сердиться.

Юный принц коротко улыбнулся и посмотрел на раскинувшийся внизу город.

— Отец, — спросил он тихо, — что делает человека королем?

— Вряд ли кто-нибудь ответит вам на этот вопрос, сын мой, — задумчиво сказал Дункан. — На самом деле короли, возможно, не так уж и отличаются от обыкновенных людей; разница лишь в том, что на них возложена более суровая ответственность.

Келсон некоторое время обдумывал его слова, потом опустился перед священником на колени.

— Благословите меня, святой отец, — сказал он, наклоняя голову. — Я совсем не чувствую себя королем.

7

Томас Грейсон, архиепископ Сорандорский, в ожидании часа коронации с благоговением и немалым опасением взирал на собравшуюся возле его дворца толпу. Невзирая на холод, в это ноябрьское утро на улицы вышло столько народу, сколько не собиралось даже в день коронации Бриона пятнадцать лет назад. Но люди не ликовали, как полагалось бы в такой день, они стояли тихо, и на лицах их читалось только напряженное и испуганное ожидание.

«Они знают, с кем должен встретиться их король, — думал он угрюмо, — и боятся за него, как и я. И неужели мы будем вот так стоять молча и смотреть, как он погибает, и никто не придет ему на помощь? Вдруг Морган и Дункан все-таки придумали что-то, нашли какой-то неожиданный выход? Можно ли на это надеяться?»

Он вздохнул смиренно и отошел от окна, чтобы приготовиться к облачению. Придет Дункан, соберется свита, и они отправятся к дверям собора — ждать прибытия своего нового короля, дабы ввести его в храм и представить подданным.

Взяв в руки брошь со Львом, Келсон рассеянно провел по ней пальцем, затем, спохватившись, приколол к тунике.

— Кареты готовы, мой принц, — сказал Морган, заглянув в дверь. — Выходим?

— Да, — ответил Келсон, напоследок окидывая взглядом свои покои.

— Покои ваши никуда не денутся и после коронации, мой принц.

— Разумеется, — хмуро ответил Келсон, — но я-то думал о том, окажусь ли *я* здесь еще раз или нет.

Морган быстро вошел в комнату и взял Келсона за руку.

— Не желаю и слушать таких разговоров, — он вывел принца в коридор, где ожидала почетная стража. — Через три часа вы станете законным королем Сорандора, и никто не может вам в этом помешать, даже наша голубая подружка.

Они спустились по лестнице во двор, где собралась процессия, и Келсон мрачно улыбнулся.

— Постараюсь помнить об этом, — сказал он, — хотя, боюсь, у нашей голубой подружки на сей счет несколько иные планы.

Чтобы посмотреть на выезд своего молодого господина, во двор вышли все королевские домочадцы, и, когда принц со своим телохранителем шел к экипажу королевы, народ расступался перед ними.

В больших зеленых глазах Сэниль при виде преобразившегося сына явственно отразилось удивление, и на приветствие Келсона, поцеловавшего ей руку, она ответила нерешительной улыбкой.

— Келсон, сын мой, — пробормотала она, когда он помог ей забраться в экипаж, — ты стал мужчиной. Я не думала...

Морган, стоя в стороне, эту перемену в королеве отметил с удовлетворением. И с одобрением отнесся также к тому, что по случаю коронации сына она отказалась от траура, хотя утрата ее была еще так свежа. Она надела темно-зеленое бархатное платье, чудесно оттенявшее белизну ее кожи и рыжие волосы, — Брион любил, когда она носила этот цвет, — и о трауре напоминало лишь черное кружево на ее изумрудной диадеме.

Глядя сейчас на сына, она вся светилась, как в былые времена, до смерти мужа. И, когда Келсон отправился наконец к своей карете, ее взгляд вослед ему, все ее существо, казалось, так и лучились любовью и гордостью.

Юный король поднялся в экипаж, обменялся с Морганом победными взглядами, и Морган подал знак распорядителю начинать выезд. Затем молодой генерал, гарцуя на своем черном жеребце рядом с королевской каретой, отсалютовал монарху, и процессия медленно тронулась к Сорандорскому собору.

— Хватит ходить туда-сюда, Ян, — рявкнула Голубая колдунья, опуская на свои серебряные волосы сапфировую диадему. — Ты действуешь мне на нервы.

Ян остановился.

— Извини, крошка, — сказал он добродушно. — Но я столько ждал этого дня, и мне не терпится выйти. Ты же знаешь, как я не люблю ждать.

— Да, — загадочно улыбнулась она, — знаю. Надеюсь только, что ты не будешь разочарован. Пусть этот принц-выскочка и не имеет силы силы своего отца, но нам придется еще иметь дело с Морганом, — она поднялась на ноги. — Ох, уж этот Морган. Будь осторожен с ним, Ян. Я боюсь его и боюсь власти, которую он имеет над нашим юным принцем. Ты должен постараться сразить его в самом начале поединка — иначе он может тебя одолеть. Ходят слухи, что он еще и магией занимается, но я думаю, это несерьезно. Как бы там ни было, его необходимо уничтожить. Ты понимаешь это?

Ян вкрадчиво поклонился.

— Конечно, крошка, — сказал он нараспев и, подняв ее шелковый плащ, поднес ей. Про себя же подумал: «А после того как мы расправимся с Морганом и принцем, я с удовольствием расправлюсь с тобой.»

Он закрепил у ее белоснежного горла холодную, украшенную драгоценными камнями застежку плаща и сказал:

— Лошади и эскорт ждут нас у входа, миледи.

— Благодарю, милорд Ян, — отозвалась она, бросив на него косой взгляд. — Что ж, пора выходить.

В ответ на ее выразительный жест Ян с поклоном и расшаркиванием открыл двери. И, в сопровождении четырех стражников в голубых мундирах, колдунья и Ян двинулись по мраморному коридору на встречу с принцем Келсоном.

8

Под монотонное бормотание архиепископа Келсон, стоя на коленях, заново переживал события последнего часа. Когда торжественная процессия достигла собора, архиепископ Грейсон и еще дюжина прелатов ввели его внутрь и представили подданным как их истинного монарха, после чего он принес перед ними и Всемогущим Господом свою королевскую присягу. Затем в знак божественности его права на власть он был помазан священным елеем и преклонил колени, дабы получить благословение архиепископа.

Архиепископ прочел свою молитву, Келсон встал, и несколько священников сняли с него драгоценную атласную мантию, которую он носил как принц Сорандора, дабы облечь его теперь символами нового сана. К каблукам его прицепили золотые рыцарские шпоры, и Морган, Королевский Поборник, вынес из алтаря Меч Державы, который Келсон поцеловал, затем меч вернули в алтарь. Дункан и еще несколько прелатов уже надевали на него блистающую красную королевскую мантию, когда тишину нарушил вдруг раздавшийся на улице перед собором топот подкованных сталью копыт. Потом за тяжелыми дверями собора послышался угрожающий звон обнажаемого металла.

Келсон, садясь в коронационное кресло, стоявшее спинкой к выходу, бросил на Моргана короткий вопросительный взгляд, тот кивнул и придвинулся ближе. И когда архиепископ вручил юноше королевский скипетр, двери собора с грохотом распахнулись и по нефу пронесся порыв ледяного ветра, заглушив на мгновение глуховатое бормотание священнослужителя.

Затем в нефе зазвучали чьи-то шаги, и замерший Келсон смотрел, как холодеет лицо Моргана и как рука его Поборника тянется к рукояти меча. Архиепископ тем временем поднял Огненный перстень, сверкающий золотом и рубинами.

Взмолившись про себя, чтобы Бог послал ему силы противостоять колдунье, Келсон вытянул руку. И когда холодный металлический ободок скользнул на указательный палец, он коротко, торжествующе улыбнулся, и двое друзей его с трудом удержались от такой же улыбки. Шаги, звучавшие уже в трансепте, внезапно замерли, и Келсон заметил, как побледнело лицо его матери.

Архиепископ же, стараясь не обращать внимания на незваных гостей, поднял украшенную драгоценными камнями и тончайшей резьбой корону Сорандора.

— Молим Тебя, Господи, благослови корону сию и слугу Твоего Келсона, на чью голову ныне возлагаешь Ты ее, как знак королевского величия. Да преисполнится он милостью Твоею всех добродетелей монарших. Возблагодарим же Царя Небесного, Господа нашего.

В полнейшей тишине, ибо все молчали в страхе, корона была возложена на голову нового короля, и вслед за тем о ступени алтаря лязгнула сталь, нарушив эту тишину.

Келсон поднялся, взглянул на латную рукавицу на нижней ступени — смысл ее был вполне очевиден — и, величественно повернувшись к тем, кто вызывал его на бой, не торопясь выступил вперед.

— Что нужно вам в храме Господнем? — спросил он, и в голосе его прозвучала властная, спокойная сила, заставившая всех присутствующих забыть на миг о его юности.

— Твоя смерть, Келсон, — ответила Голубая колдунья, насмешливо приседая в реверансе. — О чем ты спрашиваешь? Ради твоего трона я уже убила многих.

Она сладко улыбнулась. Ян и еще дюжина вооруженных воинов рядом с нею смотрели на молодого короля с вызовом.

— Ваши шутки, графиня, нынче утром не кажутся мне забавными, — холодно сказал Келсон. — К тому же, позволив своим людям войти сюда с оружием, вы преступили все границы. Вы совсем не уважаете обычаи народа, которым надеетесь править? Не уважаете и правил собственного перемирия?

Графиня равнодушно пожала плечами и показала на латную рукавицу, лежавшую между ними.

— Вы забыли про вызов, ваше величество? Мне казалось, ваш знаменитый Поборник просто жаждал сразиться со мной, — и холодно продолжила: — Вот мой вызов, и вот мой Поборник. Отважится ли ваш слуга поднять перчатку?

Морган, чуть покраснев, двинулся было вперед, но Келсон остановил его взмахом скипетра.

— И вы посмеете обнажить против меня оружие в храме? — обратился Келсон к поборнику в голубых одеждах.

В ответ Ян вкрадчиво поклонился и выдернул со свистящим звуком меч из ножен.

— Тысячу раз да, принц Келсон, — сказал молодой лорд, вскидывая меч. — И если он не спустится и не сразится со мной, я поднимусь и убью его там, где он стоит.

— Попридержи язык, предатель, пока ты не победил, — Морган выхватил свой меч из кожаных ножен и спрыгнул со ступеней навстречу нетерпеливому противнику, подхватив по пути рукавицу. — Ради короля Келсона я принимаю твой вызов и отвечаю на него!

Он швырнул рукавицу к ногам лорда Яна.

— Прекрасно, Морган, — задумчиво сказал Ян, рассматривая своего противника и почти лениво поводя мечом перед собою, — нако-

нец-то мы встретились. Что ж, давай решим наш маленький спор раз и навсегда!

Внезапным выпадом он попытался сразу прорвать оборону Моргана, но генерал оказался хитрее, и меч его принялся плести стальную гудящую паутину, без труда отражая все атаки. Проверив же умение Яна, Морган перешел в наступление и через несколько секунд уколол противника. Ян, как и было рассчитано, взбешенный полученным ударом, очертя голову бросился вперед, и, хотя ему удалось парировать очередной выпад, он открылся, и ответный удар Моргана пришелся в его незащищенный бок. Меч выпал из его руки, Морган выдернул свой клинок, и Ян с удивленным и мгновенно побледневшим лицом опустился на пол. А Морган, презрительно кивнув головой, вытер лезвие о запятнанный кровью плащ молодого лорда и спокойно пошел обратно к своим товарищам.

— Морган! — отчаянно вскрикнул Дункан.

Тот мгновенно обернулся, отпрянул, но все же не успел уклониться от летевшего ему в спину кинжала. Он недоверчиво схватился за плечо, меч выскользнул из внезапно онемевших пальцев, а Ян, лежавший на полу в дюжине ярдов от него, отрывисто рассмеялся.

— Я изумлен, Морган, — взгляд его уже туманила близость смерти. — Весьма неосторожно с твоей стороны оставлять раненому врагу оружие. Но это хорошо, — он задохнулся, вскинул руку в последнем салюте, — ты еще можешь последовать за мной...

Он тяжело рухнул на пол и умолк навсегда. Морган растерянно смотрел на своего бывшего противника.

Дункан и священники бережно усадили Моргана на ступени, встревоженный Келсон, подхватив и перекинув через руку край тяжелой мантии, подошел к своему другу и наклонился над ним.

— Простите, мой принц, — пробормотал Морган, и бисеринки пота выступили над его верхней губой — Дункан в это время осторожно исследовал раненое плечо. — Я сделал глупость, повернувшись к нему спиной, даже и к умирающему.

Дункан выдернул тонкий клинок, генерал вздрогнул, скрипнул зубами, но тут же обмяк, едва не потеряв сознание. Молодой священник принялся перевязывать рану. Келсон коснулся руки друга утешающим жестом, потом выпрямился и спустился на несколько ступеней к Голубой колдунье.

— Игра окончена, графиня. Вы можете уйти.

Колдунья, находившаяся под защитой своих солдат и своей магии, лишь сардонически улыбнулась.

— О, да наш юный принц расхрабрился! Можно было бы даже поверить, будто он имеет в своих руках какую-то силу, — она смерила его с головы до пят ледяным взором. — Но мы-то все знаем, что сила его отца умерла вместе с ним месяц назад, не так ли? — и сладко улыбнулась.

— Знаем ли, графиня? — возразил Келсон. — Возможно, вы просто *хотите* рискнуть своей жизнью и силой и проверить, так ли это. Но я предупреждаю вас. Если вы вынудите меня показать мою силу, пощады я вам не обещаю.

— Пощады для Голубой от тебя, Келсон? Нет, думаю, сын Бриона блефует, и я утверждаю, что это блеф.

Она отступила на несколько шагов, подняла руки, и мгновенно позади нее вспыхнул полукруг бледно-голубого огня.

— Ну, Келсон, замкнешь ты круг и сразишься со мной, как велит древний обычай, или мне просто поразить тебя на месте своей магией? Что скажешь?

Келсон некоторое время презрительно смотрел на нее; затем кивнул в знак согласия, передал скипетр камергеру и спустился в трансепт. Одним плавным движением он поднял руки, и красная мантия заструилась с его плеч.

Позади него вспыхнул темно-малиновый огненный полукруг, концы которого приблизились к концам голубого.

Голубая снисходительно кивнула и произнесла начало заклинания:

Заклинаю Огнем, Землей и Водой
И Воздухом — да оставят сей круг
Все силы. Он чист. И никто живой
В него не войдет, ни враг и ни друг.

Морган с силой дернул Дункана за рукав.

— Дункан! Понимает ли он, что происходит? Если он завершит заклинание, круг замкнется, и его не разорвать, пока кто-то из них не утратит всю силу.

— Не знаю, Аларик. Но если он завершит заклинание, значит, он владеет магией Бриона. Ведь Келсона этому не учили.

И Келсон ответил:

Застыло Пространство, и Время стоит.
Никто не покинет круга, доколе
Здесь двое. И кто из двоих победит,
Тот круг разомкнет и выйдет на волю.

Келсон умолк, и оба полукруга соединились, вспыхнув единым фиолетовым пламенем; соперники оказались замкнутыми в тридцатифутовом пространстве, где им предстояло сразиться.

— Как вызванный, ты имеешь право первого удара, умненький мой короленок.

Келсон отказался от своего права, и глаза колдуньи чуть расширились, однако, она, похоже, ожидала этого, ибо кивнула одобрительно и, сложив ладони, вытянула перед собой руки. Затем, что-то неразборчиво бормоча, развела их в стороны, и в пространстве меж ее ладонями засветилась голубая сфера.

Сфера начала расти и вскоре, достигнув размеров человека, приняла форму воина в полных доспехах, с голубым щитом в одной руке и блистающим мечом в другой. Воин этот, излучавший голубое сияние, огляделся, увидел принца и двинулся к нему.

Келсон размышлял не долее секунды; он возложил правую руку на левую и вытащил из сжатого кулака сияющий малиновый меч. И когда голубой воин приблизился, из левой руки Келсона вылетела молния и разбила голубой меч, а сам Келсон отрубил воину голову. Тот с глухим стуком рухнул на пол и растаял, как растаяло и оружие Келсона.

Голубая колдунья в досаде сжала кулаки, но тут же принялась творить новое заклинание, и люди в церкви тревожно зашептались, боясь за своего отважного молодого короля.

Дитя Дагона, любимец Баэла,
Повинуйся зову, услышь приказ:
Я заклинаю Сына Мрака
Явиться ко мне сейчас.
Приди, порази тщеславного принца,
Да найдет он погибель в твоем огне.
И власть, что он захватил незаконно,
Верни Голубой колдунье — мне.

Когда она умолкла, раздался грохот, и перед нею в воздухе начал сгущаться черный дым, принимая форму какого-то крупного призрачного существа, похожего на человека, но с чешуйчатой кожей и огромными когтями и зубами. Оно стояло в центре круга, моргая глазами, когда Келсон начал читать свое заклинание:

Властитель Света, блеск и сиянье,
Услышь слугу своего
И помоги защитить народ,
Королем признавший его.
Дай мне силы очистить круг,
Сразить порожденье зла
И вернуть его в ад, откуда к нам
Голубая его призвала.

Адская тварь ринулась к нему, разинув зубастую пасть, изрыгавшую голубое пламя, но Келсон уже дочитал заклинание. И пальцем, на котором горел рубин, он резким движением указал в пол в нескольких ярдах от морды чудовища.

В этот самый момент солнце выглянуло из-за облаков, лучи его пробились сквозь высокое витражное окно, и на пол, в то самое место, куда указал Келсон, легло вдруг яркое, многоцветное пятно. Адская тварь вбежала в него и тут же вспыхнула голубым огнем, задымилась, и все зрители дружно ахнули. Она визжала и корчилась в агонии, но никак не могла вырваться из светового пятна, которое словно сжигало ее плоть. Наконец она, завертевшись, рухнула со страшным криком, протянула к Голубой лапу, словно обвиняя ее, и затихла. Затем чудовище исчезло, растаяли последние струйки едкого голубого дыма, и на полу, где оно лежало, остались лишь играющие красные и золотые блики.

Келсон опустил руку, зловеще сверкнул Огненный перстень на его пальце, и в тот же миг солнце снова скрылось за облаками. По церкви, тихий, как журчание ручейка, пронесся вздох облегчения, а Келсон посмотрел на свою соперницу, и глаза его ярко блеснули.

Теперь, колдунья, хватит нам играть,
Я не желаю больше расточать
Тебе в угоду силы, что даны
Мне для защиты собственной страны.
Я в свой черед назначу испытанье —
Огонь рассудит наши притязанья.
Кто устоит пред огненной стеной,
Тот будет править этою страной.

Он вытянул руку с перстнем в сторону своего злейшего врага, и колдунья приняла его вызов со всей своей неукротимой гордостью. В тот же миг ее половина круга заволоклась голубым туманом, а его — малиновым, и там, где проходил раздел, запылала полоса фиолетового огня. Полоса эта, пока оба мага нащупывали слабые места противника, неистово колебалась, но уже через несколько мгновений начала неумолимо продвигаться к Голубой.

Та стала медленно пятиться, дюйм за дюймом, пытаясь сохранить свои позиции, но вскоре наткнулась спиной на непроницаемую границу круга. Тихо вскрикнув, она оглянулась, потом упала на колени и, когда сила Келсона поглотила остатки ее силы, закрыла голову руками.

На мгновение весь магический круг заполнился малиновым туманом, а потом его не стало. Лишь всхлипывала, скорчившись на полу, женщина, теперь простая смертная, а на нее смотрел юный король, ошеломленный своей первой победой.

Затем Келсон медленно опустил руку и с бесстрастным лицом обратился к солдатам Голубой колдуньи.

— Кто из вас командир?

Под его твердым взглядом они замялись, потом вперед выступил один, в мундире лейтенанта, и почтительно поклонился.

— Я, милорд, — он неуверенно глянул на свою бывшую госпожу и продолжил: — Мое имя — Бреннан де Колфорт, и я отказываюсь от клятвы верности, которую давал Голубой. Я клянусь, что никогда не стану причинять вам зла, и прошу простить меня и моих людей.

— Вероломный пес! — выплюнула Голубая, вскакивая. — Как ты смеешь?

— Тише, — сказал Келсон и повернулся к своему Поборнику. — Морган, что вы скажете?

Тот поднялся на ноги и, поддерживаемый Дунканом, подошел к принцу.

— Это небольшой, но знатный род из северного Ланспера, мой принц. Древний и гордый.

— А вы, святой отец?

— Я не слышал, чтобы де Колфорты изменяли своей клятве, мой принц, — ответил Дункан.

— Что ж, хорошо. Я делаю вам следующее предложение, Де Колфорт: я прощу вас и тех из ваших людей, кто пожелает принести мне клятву верности, с одним условием — вы сопроводите Голубую в Шепару, в изгнание, затем возвратитесь в свои земли и никогда не станете досаждать более мне и моим подданным.

Де Колфорт упал на одно колено и отсалютовал, подняв к груди сжатый кулак в латной рукавице.

— Со всем смирением принимаю прощение вашего величества и клянусь по мере моих сил всегда соблюдать условия этого прощения.

Остальные солдаты тоже, пав на колени, отсалютовали королю.

Пока они поднимались на ноги, в соборе стояла тишина, а потом раздался чей-то крик:

— Долгие лета королю Келсону!

И крик этот подхватили сотни сотен голосов.

Архиепископ и духовные лица, а затем Поборник и лорды королевства опустились на колени и принесли клятву верности новому королю. И когда Келсон в сопровождении своей свиты собрался выходить из собора, солнце вдруг снова пробилось сквозь витраж, и у ног короля на пол легло разноцветное сверкающее пятно. Все замерли. Келсон же, бросив беспечный взгляд на окно, улыбнулся и вступил в это пятно; в солнечном свете вспыхнули пламенем драгоценности его одеяния, и под ликующие крики он вышел из собора, дабы показаться своему народу.

Краткое изложение романа «ВОЗРОЖДЕНИЕ ДЕРИНИ»

Развивая концепцию Дерини, я написала для представления следующий одностраничный синопсис первой трилогии из серии Дерини.

«Возрождение Дерини» — первый роман из трилогии, посвященной Дерини — древней расе почти бессмертных колдунов, метафизиков, плохо разбиравшихся в человеческих делах, чье существование было одновременно проклятием и благословением для всех Одиннадцати королевств.

В *«Возрождении Дерини»* рассказывается, как Келсону Халдейну удалось овладеть магической силой своего отца и победить Кариссу, злую колдунью Дерини. Книга эта, что еще важнее, знакомит нас с центральным персонажем всех трех романов, Алариком Морганом — любимым другом Бриона, отца Келсона. Таланты генерала Моргана, полукровки-Дерини, имеют решающее значение для процесса возрождения Дерини. Еще в книге представлен родственник Моргана, священник Дункан Мак-Лайн, также полукровка-Дерини.

«Игра Дерини», второй роман, рассказывает, как складывалась социально-политическая атмосфера в Одиннадцати Королевствах сразу после коронации Келсона. Воспоминания Моргана о его долгой дружбе с Брионом; ожидавшийся, но несостоявшийся брак сестры Моргана Бронвин с братом Дункана Кевином; выступление Курии епископов против Моргана и Дункана; беспорядки в герцогстве Моргана, где мародерствует воинствующий ненавистник-Дерини — все это, вместе взятое, подготавливает нас к новому конфликту между людьми и Дерини, о котором повествуется в третьей книге.

Третья же книга рассказывает о войне людей и Дерини и о том, как разрешается большинство конфликтов.

В проекте существуют и следующие романы, если эта трилогия будет иметь успех.

План романа «Возрождение Дерини»

План этот я составила, предлагая для издания первую трилогию, наметив в нем предполагаемое развитие событий романа *«Возрождение Дерини»*. Придирчивый читатель может сравнить его с уже написанным романом, который отличается, впрочем, только большей развернутостью и детализированностью сцен.

Глава 1

Властитель далекого Гвиннеда, Брион Халдейн охотится в окрестностях города Ремута вместе со своим тринадцатилетним сыном Келсоном и небольшой свитой. Во время охоты Брион уединяется с Келсоном, чтобы поговорить о главном генерале Бриона, Моргане, ныне отсутствующем, и обсудить последние неприятные события, связанные с Кариссой, Сумеречной колдуньей из древней расы Дерини. Сам Брион, хотя он и не Дерини, обладает магической силой, благодаря которой правит своим королевством уже более пятнадцати лет — силой, что когда-нибудь перейдет к Келсону. Он просит Келсона обязательно послать за Морганом, если с ним, Брионом, что-нибудь случится, затем они вновь присоединяются к охотникам. Брион выпивает поднесенное ему отравленное вино, не зная об этом, и охота продолжается.

Лорд Ян отстает от остальных и едет в восточную сторону, где встречается с Кариссой. Они обсуждают свой план убить Бриона этим утром и отнять у Келсона королевство. Карисса хочет одновременно помериться силой с Брионом и отомстить, ибо пятнадцать лет назад Морган помог Бриону овладеть силой и убить ее отца — Морган, полукровка-Дерини, предал, по ее мнению, свое магическое наследство. Келсона она собирается пока пощадить, но лишь для того, чтобы завлечь и убить Моргана.

Ян возвращается к охотникам, и собаки теряют след. Келсон скачет вперед узнать, что произошло, а с Брионом тем временем случается что-то похожее на сердечный приступ. Когда Келсон подъезжает к нему, у Бриона едва хватает сил прошептать: «Помни...», после чего он умирает. Келсон посылает за генералом Морганом.

Глава 2

Морган поспешно возвращается в Ремут и приезжает накануне дня коронации. По дороге его пытаются задержать, устроив засаду, и единственные, кому удается вырваться живыми, это Морган и его оруженосец лорд Дерри.

Приезд Моргана вызывает смятение. Его, как Дерини, и без того уже подозревали во всех грехах, а теперь, благодаря проискам Кариссы, его считают еще и предателем. Рассказ о том, как погибла его свита, только добавляет масла в огонь. Морган даже теряет из-за этого одного из своих сторонников в Регентском совете.

Принц Нигель, брат покойного Бриона, уводит Моргана в сад, чтобы встретиться там с Келсоном, и предупреждает его по дороге, что королева Джехана в заговоре против него. Королева хочет, чтобы Келсон занял трон Гвиннеда, не пользуясь сверхъестественной силой его отца, ибо считает эту силу злом. Она собирается обвинить Моргана перед Советом в ереси и государственной измене. Нигель соглашается переговорить с королевой, чтобы задержать ее на время. Но в конечном счете судьба Моргана зависит от личной способности Келсона повлиять на итоги голосования в Совете.

Морган в ожидании Келсона размышляет об истории Дерини, вспоминая начало своей вражды с Джеханой. Мальчик приходит с Кевином Мак-Лайном, затем они с Морганом удаляются в глубину сада обсудить свою стратегию.

Кевин возвращается в зал и рассказывает Дерри о происках против Моргана. Наказание за ересь и государственную измену — смерть.

Глава 3

Джехана в своих покоях обдумывает свои планы насчет Моргана. К ней приходит Нигель, и ему удается убедить ее, что причиной смерти Бриона был вовсе не сердечный приступ. Тем не менее Джехана не желает идти навстречу, она еще более укрепляется во мнении, что Келсон должен править как простой смертный, не пользуясь темной силой отца. Ведь *Бриона* не спасла эта сила. Джехана посылает за Келсоном и уходит на собрание Совета.

Морган и Келсон разговаривают в саду о Келсоне и его монаршем воспитании, а также о враждебном отношении его матери к Дерини. В нескольких дюймах от руки Келсона вдруг выползает Стенрект, смертельно опасное магическое чудовище. Морган его убивает. Но издали его действия выглядят как покушение на убийство. Стража не арестовывает Моргана только благодаря вмешательству Келсона.

Они не решаются долее оставаться в саду. Слишком много надо успеть сделать, прежде чем Моргана вызовут на Совет, а это, по его мнению, произойдет обязательно. Они смогут поговорить спокойно в королевской базилике св. Хилари, где их ждет Дункан, кузен Моргана.

Попытка Нигеля задержать начало заседания Совета проваливается. Джехана, не дождавшись Келсона, объявляет собрание открытым и приступает к рассмотрению дела против Моргана.

Глава 4

Морган и Келсон встречаются со священником Дунканом, кузеном Моргана и тоже полукровкой-Дерини, у него в кабинете. Морган дает ему свою печатку с Грифоном, которая открывает потайное отделение в главном алтаре. Дункан вскоре возвращается с плоской черной коробочкой примерно в шесть квадратных дюймов. Внутри нее — сложенный листок пергамента, исписанный рукой Бриона, и еще одна коробочка, которая не открывается. Пергамент гласит:

«Когда стремнину сын мой повернет?
Глашатай вечности укажет ход
Клинку Владыки Мрака, кровь прольется,
И Глаз Цыгана кровью той сверкнет.

Той кровью Перстень Огненный взращен.
Но бойся, если Демон возмущен —
Коль чистого кольца коснется скверна,
Твою предерзость покарает он.

Но Глаз Цыгана заблестит, едва
Настанет час Малинового Льва.
Шуйца не дрогнет, львиный Клык вонзиться
Назначен в плоть, чтоб власти дать права.

Насытят жажду Глаз, Кольцо и Лев,
И будет успокоен мощный гнев.
Защитник власть твою скрепит печатью,
Ты воцаришься, тьму смирить сумев.

Огненный Перстень находится у Моргана. Но Глаз Цыгана — серьга с рубином — похоронен вместе с Брионом. Они должны вскрыть гробницу Бриона, чтобы достать его.

В это время прибывает архиепископ Лорис, ярый преследователь Дерини, с отрядом королевской стражи, чтобы арестовать Моргана.

Все трое решают пойти в склеп ночью. Морган успокаивает Келсона, затем сдается Лорису. Лорис показывает ему предписание, обязывающее Моргана предстать перед Советом и ответить на обвинения в ереси и государственной измене.

Глава 5

В Совете, когда туда являются Келсон и Морган, царит переполох. Келсон занимает свое место во главе стола и призывает всех к тишине. Когда он приказывает положить перед собой на стол меч Моргана, он замечает одно пустующее в Совете место. Джехана, не тратя времени, объявляет результаты голосования; шесть голосов против Моргана, пять — за. Морган обречен.

Келсон приказывает прочесть формальные обвинения против Моргана. Когда чиновник заканчивает чтение, колокола базилики и собора звонят три часа. Келсон заявляет, что, прежде чем продолжить, он заполнит свободное место в Совете: на него назначается лорд Дерри. Дерри голосует за оправдание Моргана, и при новом подсчете голосов Морган оправдан восемью голосами против семи.

Джехана заявляет, что Келсон не имеет права назначать Дерри без одобрения Регентов. Келсон возражает, что в одобрении он больше не нуждается, поскольку Совет перестал быть Регентским. Звон колоколов возвестил совершеннолетие Келсона. Пусть все потрудятся вспомнить, что это был час его рождения, из-за чего, в частности, коронация и перенесена на завтра. Совет закрывается.

Келсон разрезает путы Моргана, возвращает ему меч и выходит из зала с ним и с Дерри, оставив советников в ошеломлении.

Глава 6

Покинув зал совета, Морган посылает Дерри сказать Дункану, что все обошлось. Морган и Келсон отдыхают до вечера в покоях Келсона. Дерри, выполнив поручение, их охраняет.

Ян озабочен успехом блистательного маневра Келсона на Совете. Он выбирает стражника в одном из малолюдных коридоров и с помощью магии использует его как медиума, чтобы вступить в контакт с Кариссой. Он рассказывает ей о поражении Совета, и они вырабатывают новый план. Ян убивает стражника и его кровью чертит рядом на полу грифона. Когда он через некоторое время помогает рыцарям Моргана обнаружить тело, они уже не сомневаются, что их лорд не только изменник, но еще и убийца.

Глава 7

Морган просыпается вскоре после наступления темноты. С помощью набора белых и черных кубиков он выстраивает Великую Опеку для охраны спящего Келсона, а сам уходит в библиотеку Бриона поискать разгадку ритуального стихотворения. Мальчик просыпается, когда Морган ставит опеку и хочет пойти с ним, но тот снова погружает Келсона в сон магическим прикосновением Дерини.

Поиски в библиотеке ничего не дают. Уставший Морган, используя печать Грифона, как фокус для концентрации, медитирует о возможном смысле стихотворения. На краткое мгновение ему является видение. Это — мужское лицо, обрамленное черным, вызывающее одновременно тревожащее и утешающее ощущение. Затем все исчезает.

Морган быстро оглядывается, но вокруг никого нет. Он снова подходит к полкам. На этот раз зачитанный томик открывается в его руках в месте, где вложен исписанный рукой Бриона листок пергамента. Но в дрожь Моргана бросает не запись, а портрет на странице. Ибо лицо изображенного на нем святого Камбера Кулдского — это то самое лицо, что ему привиделось. Святой Камбер — лорд из древней расы Дерини.

Морган прочитывает записи Бриона, затем рассеянно кладет пергамент в карман. Захлопывая книгу, он слышит, как тихо открывается позади него дверь, и, повернувшись, видит Кариссу, которая крадучись входит в комнату. Морган окликает ее, она делает вид, что не испугалась, и они обмениваются несколькими любезными репликами со скрытой в них угрозой. Наконец Карисса хвастается, что «заглянула в душу» Келсона и смеется, глядя на Моргана, который сразу же выбегает из комнаты. Потом она открывает книгу, которую читал Морган, и раздраженно перелистывает страницы.

Глава 8

Морган сразу же возвращается в покои Келсона, но с мальчиком все в порядке. Морган снимает опеку и будит его. Потайным ходом они пробираются в аббатство Св. Хилари, но о своем странном видении Морган не упоминает.

Дункан показывает им древний Переносящий Ход Дерини, ведущий в собор, где лежит тело Бриона. Идя впереди, чтобы удостовериться, что путь свободен, он натыкается на брата Джерома, старого полуслепого ризничего. Дункан усыпляет подозрения монаха, отсылает его, силой Дерини заставив забыть о встрече, затем проводит через Ход Моргана и Келсона.

Чтобы заставить молчать двух стражников перед королевским склепом, Морган и Дункан вновь используют силы Дерини. Когда Морган открывает замок на воротах, появляется лорд Роджер, он проверяет стражу. Дункан усыпляет его, и все трое заходят в склеп. Келсон показывает, где гробница Бриона, подносит поближе канделябр, чтобы Морган и Дункан могли открыть крышку гроба. После некоторого колебания Морган стягивает с лица покойника белый шелковый саван. Это не Брион!

Глава 9

В гробу совершенно незнакомый человек. После возбужденных переговоров Дункан предполагает, что тело Бриона все-таки находится в склепе, только его поменяли местами с другим покойником. Они приступают было к неприятной процедуре вскрывания других гробниц, но Морган вдруг бросается обратно к первой и зовет остальных. Он утверждает, что это — *Брион*, только облик его изменен чарами. Дункан, снимая эти чары, сам переживает смерть Бриона, но вот он освобождает последнюю сущность, и тело предстает в своем истинном виде.

Морган забирает Глаз Цыгана, теперь у них есть все для передачи силы: Глаз Цыгана, Огненный Перстень и коробочка с Малиновым Львом. Морган прокалывает Келсону мочку правого уха и «поит» Глаз и Перстень его кровью. Затем Келсон, уже с Глазом Цыгана в ухе, открывает коробочку и вынимает большую брошь малиновой эмали с золотым львом. Они разгадывают почти все ритуальное стихотворение, но вновь заходят в тупик: у Льва нет зубов!

Глава 10

Дункан перечитывает стихотворение. Конечно: в таком деле обязан быть вызов, препятствие, необходимость проявить отвагу. Зубы Льва — это застежка броши, три дюйма блестящего золота. Она-то и должна «вонзиться в плоть, чтоб власти дать права».

Морган и Дункан оставляют мальчика, чтобы тот приготовился. Морган встревожен, еще и по той причине, что Дункан хочет использовать для ритуала потайную часовню, примыкающую к кабинету — часовня эта посвящена, среди других святых, и святому Камберу. Морган рассказывает Дункану о своем видении, о найденном после этого в книге пергаменте — тут он вспоминает, что запись у него в кармане. Достает, и они читают: «Святой Камбер защитит нас!»

Дункан колеблется, ибо хорошо знает, и как священник, и как Дерини, сколь хрупко равновесие между добром и злом. Церковь давно отменила канонизацию Камбера. Но выбора у них нет, они должны продолжить начатое. Не имея силы своего отца, Келсон погибнет наверняка.

Они возвращаются к Келсону и входят в часовню. Морган и Келсон отцепляют мечи, встают на колени, и Дункан начинает ритуал. В соответствующий момент Келсон вонзает золотую иглу в ладонь левой руки. Он испытывает головокружение, видит свечение вокруг себя, видит еще что-то и теряет сознание. Передача силы удалась, но Келсон не может пользоваться ею, пока ритуал не будет завершен завтра во время коронации.

Морган и Дункан поднимают потерявшего сознание Келсона и возвращаются в его покои. Когда Дункан закрывает за собой потайной ход, в темной комнате раздается крик: «Изменники! Богохульники! Что вы сделали с принцем Келсоном?» И на Дункана с Морганом внезапно нападают три вооруженных рыцаря.

Глава 11

Дункан бросает Моргану меч, тот ловит его и опускает бесчувственного Келсона на пол. В дверь стучат стражники, но они с Дунканом сражаются с тремя рыцарями. Дункан убивает своего противника и силой Дерини одолевает одного из тех, с кем бьется Морган. Морган разоружает третьего и магией заставляет его забыть о Дункане, священник тем временем прячется на балконе. Тут Келсон, с трудом поднявшись на ноги, подбирает брошенный меч Дункана, и в комнату наконец врывается стража.

Пленник, один из вассалов Моргана, рассказывает, как он с товарищами нашел убитого стражника, который успел перед смертью нарисовать своей кровью грифона. Стражники собираются схватить Моргана, но Келсон запрещает.

Морган не мог убить стражника, поскольку все время был с Келсоном. Когда рыцаря спрашивают, как он нашел тело, тот отвечает, что им «просто случилось пройти мимо». Кто-нибудь рассказал им о нем? — настаивает Келсон, чувствуя, что близок к разгадке тайного сговора.

Но рыцарь в страхе выхватывает у одного из стражников кинжал и вонзает себе в грудь, прежде чем кто-то успевает его остановить. Келсон приказывает убрать тела убитых. Морган выходит проверить, что случилось со стражей перед дверями. Все они убиты или умирают, и среди них — Дерри, тоже умирающий.

Морган, стоя в отчаянии на коленях возле Дерри, вспоминает кое-что из прочитанного о Дерини. Он кладет обе руки на лоб Дерри и снова концентрируется на печати Грифона, пытаясь призвать исцеляющую силу, которой Дерини, как считалось, обладали. Сразу же ему кажется, что поверх его рук легли чьи-то другие. Глаза Дерри закрываются, он засыпает, а его раны оказываются совершенно исцеленными.

Морган с недоверием смотрит на свои руки и вдруг слышит голос за спиной: «Неплохо сработано, Морган!»

Глава 12

Морган резко оборачивается, почти готовый снова увидеть привидевшееся ему лицо. Но это Брэн Корис, который подошел к нему в сопровождении Эвана, Нигеля, Яна и совершенно разъяренной Джеханы.

— О, да! И впрямь неплохо сработано! — продолжает Брэн. — В конце концов вы и его убили, не так ли? Теперь из тех, кто знал, что на самом деле произошло с вами по пути в Ремут, в живых остались только вы?

— Сожалею, что должен вас разочаровать, но он жив, — отвечает Морган, поручая Дерри заботам подоспевших лекарей.

Джехана обвиняет Моргана в убийстве стражника, но не смеет ничего против него предпринять. Она умолкает, когда в дверях появляется осунувшийся и усталый Келсон и приказывает всем разойтись. Ян, исчезая в коридоре, оглядывается на Моргана и зовет одного из стражников пойти с ним.

Когда дверь закрывается и Дункан может наконец выйти из укрытия, Келсон падает без сил. Морган с Дунканом укладывают его в постель, он ненадолго приходит в себя и бормочет, что видел некие лица во время ритуала.

Когда он снова засыпает, Морган подходит к камину и отыскивает среди книг Келсона портрет святого Камбера. Именно *это* лицо, утверждает он, и видел Келсон. И это же лицо являлось ему самому. Потом он рассказывает Дункану об исцелении Дерри, и они пытаются понять, не действовал ли во всех трех случаях один и тот же посредник.

Дункан говорит, что Келсон все-таки имеет некоторые скрытые полезные таланты: Морган правильно сделал, научив его технике чтения правды, что мальчик и использовал со стражником. Морган возражает: он не учил Келсона, он думал, что это сделал *Дункан*. Вопрос: может ли Келсон быть Дерини? Если никто из Дерини его не учил, он просто не мог этого знать, это невероятно. Но если он *сам* Дери-

ни? Брион, они знают, был просто человеком. А Джехана... Хадасса! Если *Джехана* — Дерини и не знает об этом или только подозревает, ее враждебность может легко объясняться.

Предположения: кровь Дерини *может* дать столь необходимое Келсону преимущество перед Кариссой, особенно если передача силы по какой-то причине не завершится. С другой стороны, противодействие Джеханы становится гораздо более непредсказуемым. После этого печального вывода Дункан уходит, а Морган устраивается немного отдохнуть.

Ян в своих покоях, захватив еще одного стражника, снова связывается с Кариссой.

— Он был в склепе, — говорит ей Ян, — Глаз Цыгана теперь у него. Но больше этого никто не заметил.

— Хорошо, — отвечает Карисса. — В таком случае иди в собор. Ты знаешь, что делать.

Ян стирает память стражника о происшедшем и отсылает его восвояси, затем ускользает из дворца, чтобы выполнить приказ. Потом он приходит в покои Кариссы, где остается до утра.

Глава 13

На следующее утро Келсоном завладевают постельничьи, дабы одеть его для коронации. Дерри, вполне оправившийся, помогает Моргану завершить последние мелкие приготовления. Ян перехватывает по дороге слугу, который несет костюм для Моргана и подменяет цепь — знак должности — на другую, которая передает теперь информацию Кариссе.

Дункан приходит и сообщает Моргану, что он назначен Королевским Поборником — великая честь, но и великая ответственность, если во время коронации будет брошен и физический, а не только магический вызов.

Келсон появляется при всех коронационных регалиях и поздравляет Моргана с его новым титулом. Они с Дунканом уединяются на балконе, где Келсон исповедуется, а священник убеждает его в том, что он вполне достоин королевского сана.

Морган надевает костюм и аксессуары Королевского Поборника, не подозревая, что его цепочка передает сейчас Сумеречной все, что он говорит и делает.

Приходит потрясенный Нигель и рассказывает о том, что возле королевского склепа утром были обнаружены следы ужасного побоища. Ночью кто-то забрался в гробницу Бриона и украл с тела драгоценности. У двух стражников перерезано горло, убит и Роджер, на мертвом лице которого застыло выражение страха. Одной рукой он

успел только схватиться за кинжал, а в другой его руке было зажато позолоченное распятие. Это распятие Дункана.

Глава 14

Никто не успевает ничего сказать, как в комнату врывается разъяренная из-за нового убийства Джехана, ибо Роджер был их дальним родственником. Она уже знает о роковом распятии и предъявляет его Дункану. Но гнев ее сменяется холодной яростью, когда она замечает в ухе Келсоне сверкающий Глаз Цыгана. Ибо понимает, что он взят из могилы Бриона.

— Чудовище! — кричит она. — Ты осквернил могилу своего отца, ради власти ты стал убийцей! О, Келсон, посмотри, до чего довел тебя этот проклятый Дерини!

Она клянется, что не придет на коронацию. Морган понимает, что все объяснения бесполезны, поэтому выдвигает ультиматум: или Джехана придет на коронацию, или он заглянет сейчас в ее разум, чтобы подтвердить свое предположение о том, что она — Дерини. Джехана в ужасе, но угроза действует: она *подозревает* о своем происхождении, хотя и не желает его признавать. Она неохотно уступает, тем не менее с ней следует держаться настороже. Все собираются на процессию в собор.

Карисса наблюдает за раздором с интересом и тоже начинает собираться в собор. По дороге она предупреждает Яна о новой потенциальной опасности со стороны Джеханы. Заодно она обдумывает свои планы насчет Моргана и Келсона — и вероломного Яна.

Процессия прибывает к собору. Участники занимают свои места, Дерри ведет наблюдение с колокольни, и три архиепископа вводят Келсона в собор, чтобы приступить к церемонии.

Келсон произносит коронационную клятву. Тут появляется Дерри с известием, что приближается Карисса с отрядом вооруженных солдат. Главный архиепископ облекает Келсона символами сана — Огненным Перстнем и Мечом Державы. Морган передает Меч, и Келсон касается украдкой его печати Грифона, чтобы исполнить последнее условие ритуального стихотворения.

Но ничего не происходит. Грифон Моргана — не печать Защитника. Дверь собора распахивается, и на пороге появляется силуэт Кариссы.

Глава 15

Пока Морган и Дункан безнадежно ломают голову, что же это за печать, о которой говорят стихи, Карисса со своей свитой проходит в придел. Она запрещает продолжать коронацию и вызывает Келсона на смертный поединок за власть над Гвиннедом.

Келсон знает, что Карисса желает магического поединка, но делает вид, что понимает ее вызов, как традиционное испытание. Он называет своим Поборником Моргана, а Карисса — Яна. Они сражаются, пока Морган не наносит Яну смертельную рану. Но тот, умирая, успевает метнуть в Моргана кинжал. Моргану мешает увернуться цепь, знак его должности, и кинжал ранит его в плечо. Он освобождается от цепи, но поздно.

Дуэль ничего не решает. Карисса повторяет свой вызов, требуя магического испытания согласно древнему обычаю. Келсон колеблется, и тогда вперед бросается Джехана.

Всей своей внезапно высвободившейся силой Дерини ведомая отчаянием мать, желающая спасти сына любой ценой, наносит удар Кариссе. Но Карисса этого ожидала. К тому же Джехана не умеет управлять своей силой. Карисса пытается ее убить, но Морган и Дункан успевают защитить королеву своей магией. Следствие: Джехана заключена в силовое поле Дерини — поле, которое может разрушить только воля Кариссы или ее смерть.

Карисса вновь обретает самообладание и смеется над Келсоном. Подойдет ли он, вступит ли в честный поединок или же ей придется убить его на месте без всякого боя? Времени на размышления у Келсона нет.

Глава 16

Келсон в смятении. Он — наполовину Дерини! Может ли это помочь ему получить силу, которая так нужна? Он машинально потирает Огненный Перстень, не зная, что делать, и тут взгляд его падает на мраморные плиты пола в трансепте, где ждет Карисса. На этих плитах вырезаны имена многих святых и где-то там... есть! Слева на плите — имя святого Камбера, которого когда-то называли *Защитником Людей*. Вдруг это та самая Печать Защитника, о которой говорят стихи?

Это его последняя надежда. Но для того, чтобы остаться в живых, Келсон должен сейчас вести себя так, словно уже обладает силой Бриона, он должен верить, что *получит* ее, ступив на печать. Сохраняя внешнее спокойствие, Келсон спускается навстречу Кариссе. Дун-

кан и раненый Морган, глядя на него, осознают весь риск, на который он идет. Но когда мальчик становится на печать, как будто ничего не происходит. Карисса начинает читать заклинание, которое Келсон должен закончить. И когда Келсон поднимает руки, в воздухе слышится потрескивание. Процесс передачи силы завершен!

Начинается поединок, ряд заклинаний и ответов на них, противники ищут друг у друга слабые места. Морган, быстро слабеющий от своей раны, пытается вновь призвать исцеляющую силу Дерини, которая помогла ему спасти Дерри.

Келсон до времени сдерживает свою силу. Но тут Карисса вызывает создание тьмы, на которое магия Келсона как будто не действует. Он читает ответное заклинание, но чудовище угрожающе ревет, разинув пасть, и продолжает приближаться к нему.

Глава 17

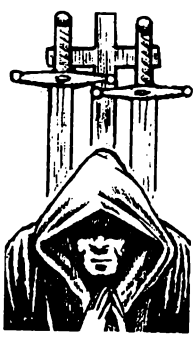
Дочитав заклинание, Келсон указывает на чудовище. В этот момент сквозь высокое витражное окно пробивается солнце, и на полу перед Келсоном появляется разноцветное световое пятно. Чудовище входит в него, начинает корчиться, яростно визжать — и обращается в дым.Это прорыв, которого ждал Келсон. И теперь он вызывает Кариссу на последнее состязание, накладывая на обоих чары, которые не могут быть сняты, пока один из них не умрет. Карисса принимает вызов. Келсон побеждает Сумеречную.Со смертью Кариссы Джехана освобождается от чар. Она смотрит на Келсона, который поднимается к алтарю, с благоговением и гордостью. Морган, уже исцелившийся, встает ему навстречу, и Дункан выносит Корону Гвиннеда. Все встают на колени, и три архиепископа, подняв корону, читают коронационную молитву.

Но только Дерини, находящиеся в соборе, видят, что корону поддерживает еще и четвертая фигура — высокий светловолосый человек в сверкающих золотых одеждах древних лордов Дерини. Молитва, которую произносит он, немного отличается от молитвы архиепископов. В Келсоне Халдейне наконец-то явлен миру единый король для людей и Дерини — впервые за триста лет! Келсон коронован, призрак исчезает, и Морган опускается на колени в знак почтения к новому королю. Остальные лорды следуют его примеру. Когда выстраивается процессия для выхода из собора, сквозь витраж снова пробивается солнце, и к ногам Келсона ложится световое пятно. Все присутствующие испуганно замирают, поскольку это пятно прежде таило в себе смерть. Но Келсон вступает в него с беспечной улыбкой.

Смерти в нем больше нет. В лучах света драгоценности Келсона вспыхивают огнем, корона его сверкает ярче солнца.

И под ликующие крики он и его верные друзья выходят из собора, дабы подданные Келсона увидели своего нового короля.

МАГИЯ ДЕРИНИ

Магия Дерини: некоторые разъяснения

Магия Дерини представляет собой своеобразную смесь практической магии, мистических теорий и множества различных предположений. Романы и повести, подробно описывающие историю Гвиннеда и его окрестностей, очень быстро стали чрезвычайно популярными, и восторженных читателей становится все больше и больше. Так что же в историях об Одиннадцати Королевствах очаровывает и притягивает нас?

Прежде всего узнаваемость. Культура Гвиннеда и окружающих его королевств, уровень развития теологии, социальное устройство, могущественная церковь, влияющая на жизнь каждого человека вне зависимости от его положения и образования — все это удивительно похоже на Англию, Уэльс и Шотландию X, XI, XII веков. Конечно же, есть и отличия — исторические места, действующие лица... Но главное — магия. И те, кто обладает магической силой, — Дерини. Их загадка едва ли не более притягательна, чем близость и узнаваемость земель, в которых они живут.

Кто они? Откуда? Как они вершат то, что не доступно другим? А что, собственно, им доступно? Насколько велика их сила? Что такое эти Дерини?

Если прислушаться к тем, кто клеветал на них, клан Дерини — племя колдунов и магов. Но если вдуматься, ни одно из этих слов нельзя признать точным. Ведь колдун использует силу, полученную от злых духов или подконтрольную им. Ни к одному из уважающих себя Дерини это не относится. Маг в понимании современного человека — тот, кто показывает фокусы на эстраде и вовсе не обладает ни сверхъестественными способностями, ни чудодейственной силой. (Надо признать, Дерини — непревзойденные иллюзионисты, однако к школе Гарри Гудини и Дэвида Копперфильда это не имеет никакого отношения.)

Магия Дерини, скорее, сродни магии Мерлина и короля Артура, а может, Силе, владеть которой учил Оби-Ван Кеноби. Словари определяют магию как «использование тайных сил природы», «искусство вызывать видения» и «загадочную силу, имеющую власть над воображением и волей». Вот это гораздо ближе к сути представителей таинственного клана. Современные практикующие маги могут назвать это «искусством вызывать изменения усилием воли». Ни один Дерини не возразит против этого.

Но что за таинственные силы использует волшебник, чтобы вызвать видения или воздействовать на волю? Дерини называют это магией, однако им доступно многое из того, что сегодня мы называем паранормальным: экстрасенсорное восприятие, телепатия, телекинез, телепортация.

Нельзя, однако, забывать, что многое из того, что сегодня объяснила наука, для суеверного средневеко-

вого человека было магией. Коперника обвинили в ереси за его утверждение, что Земля вращается вокруг Солнца. Электричество считалось волшебством до тех пор, пока такие пионеры, как Бенджамин Франклин, не раскрыли его природу. А коробки с движущимися картинками? Они, очевидно, близки к тому «волшебному зеркалу», с помощью которого, как полагали, сэр Френсис Дрейк следил за Испанским флотом. А болезни, вызываемые микробами? Вздор! Каждый знает, что все болячки — от «вредных соков» или из-за гнева Господа.

Конечно, не все магические явления может объяснить даже современная наука. Причиной сложного положения в Гвиннеде стало как раз то, что Дерини не всегда могут провести границу между своими природными способностями и потусторонними каналами, ведущими к источнику неведомых сил.

Таким образом, Дерини обладают способностями и энергетическими связями, недоступными для большинства людей, хотя и сами Дерини не всемогущи. В лучшем случае их можно рассматривать как идеал высокоразвитого человечества. Каждый из нас смог бы научиться управлять собой и окружением, если бы сумел возвыситься над своими недостатками. Не правда ли, приятно осознавать, что в каждом из нас есть, по крайней мере, хоть что-то от Дерини?

Однако достичь этого непросто. Чтобы использовать заложенные в нас способности, необходимо учиться, ведь даже среди Дерини есть такие, кто искуснее и сильнее других. Кроме того, нужно обладать физической, психической, духовной уравновешенностью, безукоризненно владеть телом и чувствами. А это требует умения входить в «измененное состояние» сознания, обычно при помощи медита-

ции. Даже без обучения большинство Дерини в состоянии снять усталость (по крайней мере, на некоторое время), подавить физическую боль и вызвать сон. Эти умения они могут применять как к себе, так и к другим. Некоторые из Дерини обладают даром исцелять, и этот талант высоко ценится даже среди самих Дерини, ибо он редок и требует особого обучения. Хорошо подготовленный Целитель, если никто и ничто ему не мешает, может справиться с любым недугом.

Однако Дерини умеют не только исцелять. Им доступно чтение мыслей человека, не подозревающего об этом, они способны навязывать свою волю другим. А наиболее одаренные из них даже могли изменять свою внешность, принимая облик кого-то другого.

На практике применению всех этих способностей существуют ограничения, хотя большинство из не-Дерини не верят в это и боятся власти загадочных колдунов.

Таким образом, на первый план отношений между людьми и Дерини выходит страх перед тем, что непонятно, так как и одни, и другие находятся в постоянном взаимодействии внутри Вселенной Дерини. Чтобы понять это взаимодействие, начнем с короткого экскурса в историю Дерини в Гвиннеде.

Клан Дерини: истоки и общие исторические сведения

Истоки клана Дерини нам обнаружить не удалось. Можно лишь предполагать, что их род либо пришел в земли Гвинneда издалека, либо был немногочисленным, иначе вторжение принца-Дерини Фестила из Торента в 822 году не имело бы такого воздействия. Фестил, князь Фурстана, младший сын царствующего дома Дерини, говорит о том, что клан Дерини, должно быть, добился значительной поддержки в Торенте (а возможно, и в других королевствах к востоку) еще в начале нашей эры.

Начавшаяся задолго до этого мавританская экспансия, длившаяся свыше двухсот лет, имела намного большее воздействие. Так, увлечение придворных короля Имре Византией изменило вкусы двора Торента, что вылилось в вульгарное подражание Востоку. Ко времени правления Венцита Торентского, мода на мавританских слуг и церкви в восточном ортодоксальном стиле стала необычайно сильной. Каким бы однако ни было происхождение клана Дерини, последователи принца Фестила должны были обладать могущественной магической силой, так как едва

ли они могли удерживать Гвиннед на протяжении восьмидесяти трех лет с помощью одного лишь оружия.

По сравнению с влиянием Торента и других соседей с востока кельтские корни гораздо сильнее повлияли на культуру Гвиннеда. Еще в самых ранних письменных и устных источниках можно найти разрозненные упоминания о нескольких поселениях клана, удобно расположившихся в начале VI века на равнинах центра и севера. Некоторые из их основателей претендовали на происхождение от уцелевших жителей Керрисы, исчезнувшей под морскими водами в первой четверти VI столетия.

Ученые споры о том, существовало ли на самом деле исчезнувшее королевство и, если да, где оно находилось, продолжаются и поныне. Однако большинство специалистов склонны полагать, что лежало оно неподалеку от земли, которая позднее стала известна как страна Кирней, над рифами и многочисленными блуждающими отмелями которой в сильный шторм иногда звучат колокола, и перезвон этот доносится явно из-под воды. Местное предание повествует о том, что судьбу Кериссы предсказала ясновидящая из клана Дерини, которую звали Неста, в серии пророчеств, позднее названных «Liber fati Caeriesse», но многие историки, изучающие это время, считают, что это произведение было написано гораздо позже, а некоторые из них и вовсе полагают, что это чистый вымысел, творение неизвестного литератора.

Существовала Керисса на самом деле или нет, но к середине VI века для большинства почитателей Дерини она превратилась в символическое средоточие, магический источник наполовину друидического, ке-

льтско-христианского мистицизма, который стал отличительным признаком тайного учения Дерини. Наиболее известной и значимой группой, претендовавшей на керисское прошлое, была школа Варнаритов, основоположник которой утверждал, что приходится племянником легендарной Несте.

То, что протоварнариты пришли извне, похоже на правду, но с запада или с востока, не знает никто. Каким бы ни было их происхождение, школа Варнаритов к началу VII века стала частью великой системы университетов, которая появилась под сенью Канона Монашества, учрежденного кафедральным капитулом в Грекоте. Грамота, дарованная Авгарином Халдейном в 651 году и заверенная архиепископом Валоретским, которая хранится в архиве Собора Всех Святых, подтверждает учреждение семинарии для обучения священников епархии Пурпурной Марки. Она же дарует университету право обучать мирян из благородных семей чтению, письму, математике, теологии, философии и медицине. Причем последняя была доступна как обычным людям, так и Целителям, которых отбирали из числа Дерини среди тех, кто обладал особым даром.

К сожалению, сам процесс становления университета осложнили философские разногласия, почти уже стертые объединением школы Варнаритов. Именно поэтому в начале семисотых годов наиболее консервативные представители духовенства из Варнаритов начали покидать университет, что в конечном счете вызвало появление на свет Предписания святого Гавриила, на котором мы остановимся позднее. Туманные упоминания об элитарном братстве Дерини, называемом Эйрсид, относятся примерно к тому же времени. Очевидно, оно имело расхождения

как с капитулом, так и с протогавриилитами, которые впоследствии тоже претерпели раскол и ушли в подполье. Помимо этого нам известно, что они участвовали в строительстве цитадели и мастерских (к сожалению, не законченных), где позже размещался Совет Камбера, который, полагают, теперь расположен где-то на побережье Рэндалла.

Что же касается оставшихся Варнаритов и их школы, уход более консервативной братии лишь смягчил противоречия с кафедральным капитулом, но отнюдь не разрешил их. Для того чтобы разногласия не мешали работе университета, стороны пришли к обоюдному соглашению. Варнаритам надлежало отделиться от капитула и перенести свои службы на новое место, за пределы городских стен. За это они передавали землю и права на свою прежнюю собственность епископам Грекотским. Именно таким образом епархия и получила замок, который был превращен в епископский дворец во времена Камбера-Элистера. Варнаритам же позволили забрать с собой значительную долю, в основном тома, имеющие особое отношение к учению Дерини, из огромной библиотеки, собранной сообща за годы единения. Единственным условием было то, что библиотека Варнаритов должна оставаться открытой для исследователей университета. Что бы ни послужило причиной разъединения, оно было полюбовным и не касалось веры. Так епископы Грекоты позволяли процветать соперничающей школе Дерини за стенами города по меньшей мере две сотни лет, до Реставрации, когда все институты Дерини были преданы публичному поруганию церковной теократией.

Это были дни относительного мира между людьми и кланом Дерини. Например, сравнительно не-

многочисленные члены клана в Гвиннеде вместе с князьями участвовали в консолидации центральных земель Одиннадцати Королевств. Из документов, которые определенным образом трактовала Ивейн, мы знаем, что очень могущественные Дерини, такие же великие, как Орин и его ученица Иодота, были посвящены во все государственные дела первых королей династии Халдейнов. Дерини еще не воспринимали тогда как угрозу царствующему дому, так как они были среди тех воспитанных в пустынях рыцарей, которые помогали королю Беренду отражать набеги мавров в середине семисотых, и тех, кого он пригласил для того, чтобы основать Орден святого Михаила.

В принципе люди не боялись клана Дерини, хотя некоторые и могли опасаться кого-либо из них. За несколько веков до Междуцарствия, особенно во время консолидирующего правления, Дерини, в большинстве своем благосклонные к династии Халдейнов, были довольно немногочисленны и достаточно осторожны в общении с людьми, так что две эти расы жили более-менее дружно. Дерини основывали школы, богадельни, монастыри и религиозные Ордены, делились своими секретами и знаниями врачевания со всеми, кто нуждался в этом. Их внутренние законы запрещали злоупотреблять силами, которыми они обладали. Конечно, вполне вероятно, кто-то и нарушал эти законы, ведь искушение могуществом настолько велико, что противостоять ему непросто. Нет сомнения в том, что такие случаи были очень редки, так как мы не находим каких-либо свидетельств враждебности по отношению к Дерини до 822 года, когда принц Фестил, младший сын короля Торента, вторгся с востока в Гвиннед и захватил

власть, вырезав всю королевскую семью Халдейнов, за исключением двухлетнего принца Эйдана, которого удалось спасти.

Установившийся после вторжения Фестила режим и послужил причиной значительного ухудшения отношений между людьми и Дерини. Последователи Фестила I из клана Дерини, в большинстве своем безземельные младшие сыновья, быстро распознали те материальные выгоды, которые можно было получить в захваченном королевстве, воспользовавшись своим преимуществом. В первые годы правления новой династии на многое смотрели сквозь пальцы, так как любому завоевателю необходимо какое-то время для того, чтобы утвердить власть. Однако крайности и злоупотребления властью теми, кто находился на высших должностях, становившиеся все более вопиющими, в конечном счете привели к тому, что в 904 году один из Дерини сверг короля Имре, последнего из династии Фестилов. Трон занял Синхил Халдейн, внук чудом спасшегося принца Эйдана. Падению короля Имре и возвращению Синхила способствовал Камбер Мак-Рори, граф Кулдский, чей великий дед пришел с завоевателем в поисках земель и славы.

К сожалению, вышло так, что во всех грехах Междуцарствия обвинили магию Дерини, а не жадность и пристрастность некоторых членов клана. После смерти короля Синхила Халдейна в 917 году на протяжении более чем двадцати лет страной управлял Регентский совет, так как сыновья Синхила умирали молодыми. Новым наследником престола стал Оуэн, внук Синхила, которому, когда он взошел на престол, было всего четыре года.

Такую соблазнительную возможность перераспределить награбленное за годы Реставрации в свою пользу члены Регентского совета, не забывшие прежней несправедливости, не могли упустить. В итоге за земли, титулы и должности Дерини пришлось расплатиться тем, что их роль в Реставрации была искажена, а зло, причиненное людям отдельными членами клана, многократно преувеличено. Все это привело к ниспровержению Дерини. Всего за несколько лет Дерини, оставшиеся в Гвиннеде, были лишены всех прав: политических, общественных и религиозных. Новые хозяева использовали любые предлоги, чтобы завладеть богатством и властью Дерини.

Свою роль в этом сыграла и религиозная верхушка. В интерпретации церкви Дерини превратились в дьявольское отродье, не имеющее права получить спасение даже из рук слуг Божьих. Праведный богобоязненный сын Божий не способен совершить то, что доступно Дерини. Следовательно, Дерини — посланцы дьявола. Для того чтобы выжить, члены клана были вынуждены полностью отречься от сил, подвластных им, и согласиться на неусыпный строгий надзор. Малейшее же нарушение жестких правил дозволенного поведения могло стоить жизни.

Конечно, все это случилось не в один день. Но Дерини никогда и не были многочисленными. На фоне великих семейств Дерини, лишаемых благосклонности и приходящих в упадок, большинство членов клана, находящихся вне кругов, обладающих политической властью, либо светской, либо духовной, не смогли понять, насколько изменилась расстановка сил, пока не стало уже слишком поздно. Гонения на Дерини, последовавшие за смертью Синхила Халдейна, уменьшили и без того малое число Дери-

ни, населявших Гвиннед, почти на две трети. Некоторые из них бежали в другие земли, где принадлежность к клану не означала смертный приговор. Большинство же просто погибли. Лишь немногим удалось затаиться, скрывая ото всех свое истинное происхождение. Многие просто замалчивали, кем они были, не раскрывая даже своим потомкам того наследия, которым прежде гордились.

Это очень общие сведения о происхождении клана Дерини. Намного подробнее их история рассказана в десяти романах и восьми повестях, которые на сегодняшний день составляют Канон Дерини. Трилогия Камбера — *«Камбер Кулдский»*, *«Святой Камбер»* и *«Камбер-еретик»* — представляет собой написанную Камбером Мак-Рори и его детьми хронику падения последнего короля династии Фестилов, возведения на престол короля Синхила Халдейна и того, что произошло сразу после его смерти. Продолжение трилогии начинается со *«Скорби Гвиннеда»* и продолжает историю клана повестями *«Год короля»* и *«Бастард»*, развивающими пост-Камберианскую сагу. Летопись Дерини — *«Возвышение Дерини»*, *«Игра Дерини»* и *«Властитель Дерини»* — описывает события, происшедшие спустя почти две сотни лет, когда простой люд уже не так боялся Дерини, что, впрочем, не изменило отношения церкви к клану, когда король-мальчик, полукровка Дерини, окруженный друзьями-Дерини, вернул трон своего убитого отца. История Келсона — *«Сын епископа»*, *«Милость Келсона»* и *«Тень Камбера»* — продолжает Летопись начиная с первых лет зрелости короля Келсона. Короткие повести, собранные в *«Архивах Дерини»*, охватывают промежуток с 888 по 1118 год, наиболее широко освещая второстепенные события и характеры, с кото-

рыми мы сталкиваемся в романах. Находящаяся в процессе подготовки трилогия о детстве Моргана освещает время до начала Летописи.

Уделив внимание обстановке, которая сложилась вокруг магии Дерини, перейдем к подробному рассмотрению ее аспектов.

Структура Церкви, религиозные Ордена, таинства крещения и брака

Структура официальной церкви Гвиннеда очень похожа на структуру средневековой церкви Англии, Уэльса, Шотландии и Ирландии X–XII веков. Есть лишь одно отличие, но оно огромно — церковь признает магию. Не пытаясь решить нравственный вопрос, плоха или хороша магия, церковь Гвиннеда терпимо относилась к осторожному и осмотрительному применению хитростей магии.

Иерархическая структура церкви более близка коллегиальной структуре церкви Англии, чем Римской католической церкви. На рубеже IV–V веков в мире Дерини постепенно ослабевает влияние Рима и его место занимает Византия, что, впрочем, очень скоро происходит и в мире людей. Неудачная попытка римского епископа добиться, чтобы его признали Папой, еще больше уменьшила это влияние, и если бы этот процесс продолжался, ведущее место на церковном соборе в Уитби (664 год) наверняка занимала бы местная Кельтская церковь, основанная, скорее, Иосифом Аримафейским, а не Святым Патриком, как это утверждает Рим.

Для Гвиннеда и его соседей сравнительно раннее отдаление от Рима послужило причиной того, что церкви удалось сохранить многие из кельтских корней и иерархических структур, хотя латинский все-таки стал официальным языком литургии, а ее римские элементы — частью общепринятого канона. Развитие коллегиальности в структуре церкви привело к установлению власти примасов, первых среди равных, а не одного над всеми. Валорет и Ремут, пожалуй, можно сравнить с Йорком и Кентербери, примасы которых возглавляли коллегию епископов главных кафедральных городов и их странствующих коллег, не имевших закрепленных епархий, игравших роль помощников своих титулованных собратьев, занимавших административные посты и выполнявших основные пасторские обязанности.

Таким образом, у нас нет свидетельств в пользу существования в Гвиннеде Папства или Коллегии кардиналов, хотя некоторые из таких институтов, вероятно, существовали в странах, располагавшихся за пустынями, к востоку от Джелларды, культура которых была близка культуре Византии. Более восточные, ортодоксальные формы христианства процветали и в непосредственной близи от восточных границ Гвиннеда. Так, Келсон сообщает о том, что по случаю присвоения ему титула рыцаря патриарх Торента Белдур сам благословил дар, посланный графом Махаэлем Арьенольским.

Дар доставил посол-араб герцога Торента, чей трон в то время занимал мавританский принц, и это подтверждает, что где-то к востоку наряду с ортодоксальной линией существовала мусульманская параллель. Наиболее характерные упоминания — свидетельства о маврах как о силе, с которой постоянно

сводили счеты, особенно на востоке, хотя христиане и мавры достаточно мирно сосуществовали в то время. Однако бывали и исключения. Так, короля Беренда Халдейна канонизировали за то, что он в 752 году участвовал в вытеснении с морских путей, лежащих у берегов Гвиннеда, по-видимому, наиболее агрессивных мавров.

Действительно, ко времени царствования Келсона мавританское влияние было достаточно сильным в буферных государствах Форсинна (здесь Дерини было довольно много). Так, Риченда и Росана родились от смешанных мавританско-христианских браков и получили некоторые из своих знаний от мавританского мудреца Азима, дяди Росаны, которого, по-видимому, уважал даже обычно самоуверенный Тирцель Кларонский.

> —...Знакомый,— попыталась уклониться Тирцель.— Он не враг нам, уверяю тебя, хотя не могу больше ничего сказать о нем. Давай просто скажем, что он давний друг и учитель Риченды, и все.
>
> *(«Милость Келсона»)*

Точное положение Азима в иерархии адептов Дерини до конца не ясно, хотя как брат эмира Хакима Нур-Халлайя и регент рыцарей Энвила, потомков последователей рыцарей святого Михаила, бежавших в Джсларду после восстановления на престоле Халдейнов и продолжительного времени Регентства, которое последовало за смертью Синхила Халдейна, он, очевидно, имел вес как в политике, так и в магии. Мы также знаем о его связях с Советом Камбера, осуществляемых, вероятно, при посредничестве

загадочной Софианы, которая была, по-видимому, мусульманского вероисповедания.

Что же касается Риченды и Росаны, то обе женщины исповедовали христианство, хотя обычаи при дворах, где проходило их детство, по общепринятым в Гвиннеде меркам, сложились в результате интересного компромисса. Несмотря на то что Риченда может показаться более европейской дамой, чем ее экстравагантная кузина, именно она получила лучшее образование и именно ее магия, казалось, была более восточной. То, что Риченда была прекрасно образована, подчеркивает тот факт, что даже очень разборчивый Арилан согласился следовать ее указаниям, которые касались заклинаний Четырех Стихий в ритуале передачи могущества Нигелю. Он никогда бы не допустил никаких отклонений, если бы не был уверен в ее глубоких знаниях. Позднее мы уделим больше внимания восточной, окрашенной мусульманским воздействием, ветви христианства, так как продолжаем находить все больше и больше исторических материалов, касающихся Гвиннеда.

Некоторых читателей удивило, что в Гвиннеде нет евреев. Хотя в хрониках не упоминается о них, не следует принимать отсутствие свидетельств за свидетельство отсутствия. Ни христианство, ни ислам не смогли бы существовать без иудаизма, в конце концов Арилан приводит Талмуд как доказательство прецедента в отношении принятия Таинства Пресуществления, как свидетельство в пользу нарушающего традицию, но все же законного брака Дункана и Маризы. Такое знание должно было иметь определенные истоки.

В отличие от Европы эпохи Средневековья евреи в Гвиннеде играли, вероятно, несколько иную роль.

Обществу не было необходимости приносить их в жертву враждебности, неизменной спутнице страха перед несхожестью и бросающимся в глаза превосходством: роль козла отпущения вполне успешно исполняли Дерини. Племя волшебников, таких как Дерини, чьи возможности давали невообразимые преимущества, для общества, предрасположенного к расизму, было куда более заметным и оправданным объектом преследований.

Проницательные евреи очень скоро осознали это и наживались на этом, стараясь ни в чем не превосходить соседствующих с ними Дерини, что сделать было совсем не трудно, особенно в период Междуцарствия, на словах выражая лояльность к проявлениям христианства, почти так же, как мараны (евреи, принявшие христианство) в Испании, но намного успешнее, ибо враждебность проявлялась в основном по отношению к Дерини. Как мы видим на примерах *«Скорби Гвиннеда»*, инквизиторы регентства периода пост-Реставрации использовали тактику, подобную той, которую применяла Инквизиция нашего мира. В некотором смысле мы можем утверждать, что Дерини в Гвиннеде исполняли функцию евреев, будучи объектом гонений и отвечая на них таким же образом.

Однако это еще не говорит о том, что мы никогда не встретим «настоящих» евреев в Гвиннеде. Вполне вероятно, что их просто было совсем немного. Из-за различий в истории стран, окружавших Святую Землю, те, кто приходил в Гвиннед, становились неотъемлемой частью его культуры. Но не стоит беспокоиться: когда придет время рассказывать историю, в которой быть евреем означает отличаться от

просто человека или просто Дерини, мы встретимся с ними.

В Гвиннеде наверняка были и другие верования.

Благоговение Фериса перед Всеотцом в рассказе *«Суд» («Архивы Дерини»)* предполагает наличие некоей Северной параллели. Встречаются также несколько упоминаний о местной дохристианской религиозной практике, распространенной главным образом среди простого народа и сосуществующей бок о бок с христианством. Наиболее яркое свидетельство в пользу этого — разговор принца Джавана с Тависом О'Нилом о традиции устраивать костер на вершине холма и танцевать вокруг него. Остатки такого костра принц обнаружил вскоре после дня осеннего равноденствия. *(«Камбер-еретик»)*. Дохристианские корни прослеживаются и в испытании, которому подвергся Келсон в подземном зале церкви Сент-Кириелла, в стенах которой ему привиделись рыцарские приключения, пока он спал у подножия фигуры святого Камбера *(«Тень Камбера»)*. Однако, по крайней мере внешне, официальной религией в Гвиннеде было все же христианство, мирившееся с существованием магии.

Какова же структура церковной иерархии Гвиннеда? Ее основу составляют архиепископы Валорета и Ремута (из которых первый занимает главенствующее положение и величается как примас Всего Гвиннеда, первый среди равных). Затем следуют титулованные епископы (от четырех до десяти человек), которые управляют закрепленными за ними территориями, прилегающими к их кафедральным соборам. Помогают им в этом каноники собрания каждого собора. До десяти странствующих епископов без закрепленных епархий странствуют в пределах назна-

ченных им областей и исполняют скорее пасторские, чем административные обязанности. Надзор над приходскими священниками попадает под юрисдикцию епископа, ответственного за данную епархию.

Кроме того, существует множество религиозных Орденов, члены которых всячески содействуют епископскому клиру. Некоторые из них управляют школами, приютами, семинариями, другие исполняют более прозаические обязанности в скрипториях (мастерских, где переписываются книги), архивах и монастырских фермах. Некоторые же из Орденов созданы для того, чтобы удовлетворять нужды Дерини. Так, Орден святого Гавриила был первоначально создан для обучения Целителей, а Орден святого Михаила воспитывал воинов, образование которых носило отчетливый отпечаток влияния Дерини, и хотя некоторые из михайлинцев были простыми людьми, они многое извлекли из беспрекословной дисциплины и упорных занятий.

Бок о бок с Орденами Дерини в Гвиннеде существуют и Ордена, членами которых могли стать лишь простые люди. Один из них был создан специально для того, чтобы бороться с Дерини.

Основанный в первые годы царствования короля Алроя, чтобы заменить Орден михайлинцев, он назывался Орденом Custodes Fidei и располагал своим военным подразделением Рыцарей. Для нового режима они стали официальными инквизиторами и разработали множество хитроумных способов борьбы с Дерини.

Официальная церковь и магия Дерини были тесно переплетены друг с другом. В пределах Одиннадцати Королевств отношения между ними колебались от некоторой натянутости до открытой враждебно-

сти, хотя сами Дерини не видели противоречия между исполнением христианских обрядов и использованием магических сил до тех пор, пока не нарушаются законы этики. В действительности в контексте эзотерического христианства, по большей мере скрытого от маленького человека, чья вера зиждется на периодическом исполнении обязанностей присутствовать на публичных богослужениях, существует иная практика и техника медитации, способствующая более тесному контакту между индивидуумом и Созидающей Силой. Практика же Дерини, некоторые элементы которой используют также и простые люди, позволяет человеку, истово верующему, установить более тесную двустороннюю связь с Божеством и достичь священного экстаза, описываемого всеми мистиками всех веков.

Это более тесное единение с Божеством (или предполагаемое более тесное единение) и стало объектом зависти среди простого духовенства, которое возмущалось тем, что Дерини, очевидно, обладают непосредственной связью с Господом. По сути, связь не столь непосредственна, сколь более очевидна на уровне сознания для того, кто связан с Богом таким же образом. Невежды же, к какой бы расе они ни принадлежали, стараются не обращать внимания на то, что истинно близкие Божеству люди ли, Дерини ли прежде всего души возвышенные и не склонные похваляться этим.

Однако фактом остается то, что многие из людей чувствовали себя обделенными оттого, что они не в состоянии (или полагают, что не в состоянии) действовать так же и, следовательно, не могут установить связь с Богом. Не нужно много ума, чтобы заключить, что Дерини, а не человеческие недостатки, от-

ветственны за отрицание людьми этого проблеска Божественности.

Дерини-Целители, по-видимому, единственные из клана, кто не вызывал такого неприятия большинством, так как и для людей, и для Дерини способность исцелять была даром Божьим, а профессия Целителя считалась святым призванием.

К Целителям предъявлялось намного больше требований, чем к обычным врачам, и были они не менее строгими, чем нравственные принципы, придерживаться которых предписывалось священнослужителям. К сожалению, Целители были редкостью даже среди Дерини.

Добавим ко всему, что многие из чудес, о которых рассказывается в священном писании, Дерини способны были повторить, особенно те, что касались исцеления. По сути, лечение посредством наложения рук по своему эффекту не отличалось от описанного в Библии, по крайней мере, внешне. (Как мы впоследствии убедимся, исследовав этот дар более тщательно, в этом методе помимо наложения рук использовано нечто еще. К сожалению, никому из нас не дано проникнуть в истинный механизм исцелений, описанных в Библии.) Отсюда делаем вывод: если дар исцелять — от Бога, значит, Целители, по крайней мере, не могут быть причастны к тому злу, что приносят Дерини. А если это принять как данное, то вероятно, что другие Дерини тоже не хотят никому зла.

Способность Дерини испускать ауру света вокруг головы в контексте Библии также имеет большое значение, так как ореол более не является признаком святого или ангела. А как насчет способностей Дерини заклинать огонь, вызывать дождь или молнию

или при необходимости менять внешность? Кто-то может сказать, что это признаки ангельской природы. Но, с другой стороны, разве дьявол не падший ангел, обладающий теми же способностями, что и его небесные собратья, и разве может кто-нибудь сравниться с ним в мастерстве принимать иные обличья? А если Дерини служат ему?

Люди трезвомыслящие способны держать в узде свои сомнения и опасения, когда общество находится в состоянии равновесия и когда те, кто обладает сверхъестественной силой, не используют свои способности во вред простым смертным. Но когда эти силы выходят из-под контроля и те, кто одарен огромными способностями и возможностями, злоупотребляют ими, негодование, злоба и нетерпение открывают путь страху, огульному обвинению всех, кто имеет такие способности (используют они или не используют свой дар корысти ради), и оправданию всех преследований.

Трагической иллюстрацией этому печальному свидетельству человеческой близорукости служат события, происшедшие в первые месяцы после кончины короля Синхила, когда те, кто долгое время находился под гнетом прежних диктаторов Дерини, вновь обрел свободу и право отрицать. Оттого что религиозное рвение — одно из сильнейших орудий, доступных обществу, церковь становится одной из первых, кто оправдывает новую мораль, «восстанавливая равновесие» в пользу угнетаемого населения, верша правосудие над теми, кто вызвал ее неудовольствие.

Одним из наиболее действенных способов ограничить влияние Дерини было не допускать их в церковную иерархию, держать подальше от церковной

кафедры. Таким образом, в 918 году декретом Совета Рамоса было запрещено Дерини испрашивать рукоположения под угрозой отлучения и смерти, так как их считали, мягко выражаясь, порождением дьявола. Под покровительством людей, подобных архиепископу Хьюберту и Полину Рамосскому, церковь быстро изобрела тайные способы, помогавшие привести в исполнение эти запреты, касающиеся Дерини. Они будут оставаться тайными для Дерини на протяжении почти двухсот лет, до тех пор, пока юный Денис Арилан не осмелится бросить вызов епископскому запрету и не узнает о том, как он был принят *(«Архивы Дерини»)*. Трудно вообразить набожность Дерини, жаждущих лишь служения Господу в качестве его священнослужителей, которые вынуждены были отдать жизни, считая, что Бог оставил их для того, чтобы они умерли за свои убеждения, хотя на самом деле были лишь невольными жертвами, принесенными на алтарь человеческого страха и мщения.

Однако отношение христианства к Дерини было не всегда отрицательным. Во времена их возвышения в Гвиннеде, до и в течение Междуцарствия, невзирая на то, что происходило в миру, Дерини, исполнявшие свои должностные обязанности внутри официальной церкви, дали вере намного больше, чем взяли от нее. Магия Дерини, таких как гавриилиты и михайлинцы, вместо суррогата, заменяющего традиционные верования, привнесла ту живость в выражение религиозных чувств, которую очень редко можно встретить в нашем мире, обогатив и оживив «человеческие» основы христианства. В действительности такое понятие, как «человеческое выражение религиозных чувств», к вере неприменимо. Вера

— таинство, общение с тем, что лежит вне пределов человеческого познания. Когда же попытка общения с тем, что не подвластно разуму, не имеет успеха, чисто человеческие чувства, такие как злоба, зависть или мания величия, обычно лежат у истоков этой неудачи, и мы могли убедиться в этом, изучая те немногие примеры соприкосновения магии Дерини и основных христианских таинств.

Из традиционных семи таинств все, кроме конфирмации, наблюдаются в магии Дерини.

Крещение — первое таинство, свершаемое над каждым христианином. И именно в крещении первого сына Синхила, принца Эйдана, мы видим пример, когда вмешательство магии приводит к трагедии. Создается впечатление, что обряд проходит как должно, до тех пор, пока архиепископ Энском не предлагает королю Синхилу, который сам некогда был священником, крестить самому своего собственного сына, «так как даже мирянин может крестить в нужде. А тебя, Синхил, полагаю, не надо этому учить» *(«Камбер Кулдский»)*. Но обращенная во зло сила Дерини уже сделала свое дело, священник-михайлинец, принадлежащий к Дерини, находящийся во власти тайных сил короля Имре, добавляет яд в соль, которую дают мальчику во время подготовки к обряду. К тому времени, когда отец мальчика льет воду ему на голову, ребенок уже умирал. Правда, боль и ненависть, захлестнувшие Синхила, ускоряют проявление его способности использовать магические силы, разбуженные в нем союзниками Дерини. Именно этого так долго ждали те, кто пытался вернуть ему трон.

Образность крещения становится отправной точкой для более мягкого, если не просто нетрадицион-

ного использования внешних форм таинства в культе Крестителя Ревана. Однако моральные основания для такого использования вызывают сомнения даже у тех, кто стоит у его истоков, хотя его последователи, в конечном счете, оправдывают свои действия, основываясь на том, что цель его — не освящение, а очищение. И правда, для многих религий этот обряд — церемония очищения или просвещения. Для культа же Ревана этот ритуал служит символом освобождения от греха и возрождения к новой жизни подобно средству, позволившему «включить» способности Тависа и Сильвена, необходимые для блокирования сил определенных Дерини таким образом, что им удается бежать от властей и начать новую жизнь. Эта концепция дает столько ответвлений, что перечислить их здесь невозможно. Подробнее они рассмотрены в *«Скорби Гвиннеда»* и еще более глубоко будут исследованы в книге *«Год короля»*.

Создается впечатление, что таинство брака испытало воздействие людей в большей степени, чем Дерини. Мы еще не были свидетелями бракосочетания Дерини, хотя известны редкие случаи браков, носивших некоторые элементы их магии, как, например, в браке Райса и Ивейн, Моргана и Риченды. Союз Синхила Халдейна с юной Меган де Камерон носит чисто человеческие черты, так как оба с трудом решились на это, пытаясь приспособиться к тому, что было запущено силами, превосходящими возможности обоих. Причиной веры и решимости Меган быть хорошей женой ее будущего короля, который так нуждается в любви и поддержке, ради которого она готова пожертвовать своим возможным счастьем с тем, кто ближе ей по возрасту и интересам, если только король позволит себе испытывать по отноше-

нию к ней хотя бы некоторую привязанность, стали весьма человеческие чары. Без сомнения, происходит нечто таинственное в момент, когда Синхил впервые должен встретиться с невестой и дать брачный обет, оставив обязанности священника ради обязанностей короля. Он ощущает странное, трепетное чувство изумления, переходящее в страх, когда распускает волосы своей невесте, чтобы надеть ей на голову брачный венец. Позднее нечто волшебное продолжало происходить и в их супружеской комнате, что заставляет подавленного и запуганного Синхила, по крайней мере на короткое время, испытать удивление перед таинством брака, когда они скрепляют свой союз.

Следующий королевский брак, свидетелями которого нам позволили стать, оканчивается трагически, хотя в мучительном и вынужденном ухаживании и браке Келсона и Сиданы мы и видим проявления магии. Этот союз тоже был недобровольным. Враждебность Сиданы усиливалась злобой и ненавистью, которые испытывал по отношению к Келсону ее брат. Однако Келсону удается убедить ее в необходимости заключить брак, не компрометируя себя, интересы своего королевства и своей суженой. Династические потребности оказываются сильнее его моральных принципов.

Ее согласие было получено, хотя не ясно, вынужден ли был бы Келсон прибегнуть к физическому или психическому давлению, не сумей он ее уговорить. Приворотная магия, имея свои собственные императивы, на благо или на беду, еще больше усиливает династические соображения. Если учесть, что первая цель брака — это рождение наследника, то физическое стремление Келсона к Сидане не было

ни безрассудным, ни нежелательным. Келсону делает честь то, что ему удается убедить себя ко времени, когда настала пора вести невесту в церковь, что исполнение обязанностей может, в конечном счете, привести к возникновению хотя бы взаимного уважения. Видя, как его невеста приближается к алтарю, он молится:

> — Прости меня, Господи, если я приду к твоему алтарю с сомнением в сердце... Сделай так, чтобы я полюбил эту женщину, которую беру в жены, и пусть она полюбит меня. Помоги мне, Господи, быть для нее мудрым и сострадательным мужем... Боже, она несет мир, как свой покров!.. Прошу тебя, Господи, пусть будет мир между нами, как и меж нашими землями. Я не хочу, чтобы меня заставляли убивать ее народ. Я не хочу убивать кого-либо еще. Я хочу нести жизнь, а не смерть. Помоги мне, Господи...
>
> *(«Сын епископа»)*

Мы догадываемся, что Сидане, вероятно, тоже удается избавиться от влияния своего брата и, по крайней мере, признать возможность того, что она сможет научиться любить этого красивого, могущественного короля. Но, увы, даже магия Дерини не способна уберечь Сидану от слепой преданности ее брата политическим убеждениям, хотя, видимо, он просто ревновал и не мог справиться со своими чувствами. Несмотря на то что и Морган, и Дункан обладают целительским даром, они не сумели спасти обреченную Сидану. Келсон под давлением своих сомнений так и не использует свои способности для того, чтобы узнать, каковы истинные чувства, кото-

рые испытывает к нему его суженая, и обрекает себя на то, что никогда не узнает о них.

Следующий брак Халдейнов не настолько трагичен, хотя не менее разрушителен и для этой пары. Росана более уступчивая невеста, чем Сидана, но лишь потому, что ее знания и опыт позволяют ей распознать и принять неотвратимую логику предложения Конала. Если Келсон, действительно, мертв, в чем уже никто не сомневается, то все доводы, которые использует Конал, чтобы убедить Росану принять его предложение, говорят в пользу того, что он в силе. Ее воспитание не позволяет ей горевать по поводу бессилия, когда существует возможность сделать столько хорошего для ее расы. И в этом отношении Конал прав, когда говорит ей, что не изменилось ничего, кроме имени короля.

Таким образом, союз двух душ, который мог бы выпасть на ее долю в браке с Келсоном, в жизни с Коналом стал плохой пародией на то, как могла бы сложиться ее жизнь.

Можно возразить, что Росана способна разглядеть то, что скрывается за красивым фасадом, так как полагают, что она обладает достаточными знаниями и, без сомнения, старше невесты Келсона, когда заставляет его пережить все обстоятельства изнасилования принцессы Джаннивер. Но нужно помнить, что она рождена, как и все Дерини, для того, чтобы исполнить свой долг, свое предназначение. Этикет Дерини не позволяет воздействовать на чье бы то ни было сознание, если в этом нет крайней необходимости, к тому же Росана не имеет оснований подозревать Конала. Его происки не могут раскрыть даже более искушенные Дерини: Конал принадлежит к ди-

настии Халдейнов, и кто знает, что доступно, а что не доступно им?

Даже такие умудренные опытом Дерини, окружающие Конала, как Морган, Дункан и Арилан, на время введены в заблуждение.

Разве Росана могла ожидать, что Конал потребует близости, что по существующим правилам могло случиться только после свадьбы? Если он вообще знал что-либо о таких правилах, несомненно, на его совести было достаточно подобных дел за то время, когда он внезапно превращается из принца в регента, короля во всем, кроме имени. Он говорит, что любит ее, и он действительно ее любит, только по-своему, желая обладать ею. Он убеждает ее стать королевой-Дерини, которая так необходима Гвинneду, в чем некогда убеждал ее Келсон. Он не лжет ей, он просто не говорит всей правды. Даже считывание мыслей не нашло бы здесь и пятнышка гнили.

Таким образом, Росана, пораженная внезапностью такой любви, оставляет церковь, теряет того, с кем была обручена, и затем в ответ на предложение, по крайней мере, части того, о чем мечтала, действует куда более зрело, чем можно ожидать от восемнадцатилетней девушки. Она делает выбор, который может изменить жизнь ее народа.

Теперь, когда Конал мертв, нам остается наблюдать, какими станут отношения Росаны и Келсона. Можно предположить, что Росана более чем сдержана в использовании своих возможностей для подтверждения того, что кажется очевидным, даже когда речь идет о простых человеческих чувствах. И если когда-либо Келсон и Росана соединятся, мы станем свидетелями редких и великолепных проявлений магии Дерини.

Нам известны по крайней мере еще два брака между Дерини. Мы не располагаем подробностями бракосочетания Райса и Ивейн, зная лишь, что обряд проходил в восьмиугольной часовне михайлинцев в зиму перед возвращением трона Синхилу, когда Дерини были вынуждены скрываться. Это явно был союз двух родственных душ. «Райс и я едины и душой, и сердцем, и телом»,— говорит Ивейн Ревану.— Мы не можем желать более полного единения в этой жизни.» *(«Камбер-еретик»).*

Сама по себе церемония была весьма скромной, свидетелями были лишь близкие и несколько михайлинцев, живших поблизости; однако не исключено, что Джорем включил в ритуал много элементов магии Дерини.

Венчание Моргана и Риченды дает еще больший простор для размышлений, если принять во внимание, что их взаимоотношения проявлялись порой весьма бурно. Хотя по положению новобрачных это союз государственной важности, недавнее вдовство Риченды и дурная репутация Моргана как Дерини должны были уменьшить значение события.

Свадьба состоялась в Марли 1 мая 1122 года, священником, проводившим церемонию, был Дункан, а юный сын Риченды Брендан — одним из свидетелей. Вне пределов небольшого круга близких ни Риченда, ни Дункан не были известны как Дерини, и мы можем быть уверены, что, по крайней мере внешне, магия не включалась в обычный свадебный обряд.

Однако независимо от того, был или не был Морган Дерини, его герцогский титул и дружеские отношения с королем, вероятно, послужили причиной того, что свадьба оказалась очень пышной, и ее,

может быть, почтил своим присутствием сам король Келсон. И ни новобрачным, ни священнику Дерини было не нужно, чтобы церемония хоть чем-то отличалась от формальной. Когда-нибудь мы узнаем и об этом.

Рукоположение, исповедь, последнее причастие, причащение

Таинство рукоположения ни в коей мере нельзя назвать прерогативой христианства. Вне зависимости от вероисповедания существуют люди, жизнь которых посвящена исключительно служению Божеству. Это могут быть духовные наставники, облеченные правом воспитывать и обучать, а могут быть и те, кто посвящен в сан с соблюдением всех необходимых ритуалов.

В самом традиционном смысле христианское рукоположение в сан священника — это тайное действо, предназначенное исключительно для посвященных, которое открывает для избранных способность воспринимать явления более высокого уровня, острее, чем простой смертный, чувствовать Господа и лучше служить Ему.

Нам известны два случая рукоположения Дерини (Камбера и Эрилана), а также некоторые свидетельства и относительно третьего — Дункана. Описаний того, как проходило посвящение в сан Дункана, нет, но церемония наверняка включала элементы магии Дерини, если не внешнего, то, по крайней мере, внутреннего порядка. Это подтверждается и тем, что не-

сколько лет спустя, в час, предшествующий его посвящению в епископы, ему открывается то, что так сильно беспокоит Моргана, когда он размышляет, не сохранить ли свое защитное поле во время обряда, чтобы избежать тяжелых и мучительных воспоминаний, связанных с кольцом замученного епископа Истелина.

> — Ты хочешь, чтобы твое посвящение в епископы прошло именно так?— тихо спросил его Морган.— Вспомни твое рукоположение в священники... Боже, я никогда не смогу забыть этого. Ты действительно хочешь оградить себя от воздействия этой магии, Дункан?
>
> *(«Сын епископа»)*

Пока мы можем лишь догадываться, что именно должен был испытать на себе Дункан, хотя, в общем, нет сомнений, что это воздействие достаточно сильное, чтобы затронуть и Моргана (и если бы присутствовал кто-нибудь еще, Дункан наверняка выдал бы себя как Дерини). Вероятно, чувство, которое испытывает Дункан, было сродни тому, что испытал Камбер, находясь в руках Энскома Тревасского. Хотя обстоятельства и предписывают, что посвящение в сан Камбера должно быть тайным и скромным, присутствовать на котором могли лишь Джорем, Ивейн и Райс, Энском сумел открыть Камберу весь потенциал обряда рукоположения во всех измерениях, воспринимаемых адептами уровня Камбера.

Обряд, проведенный Энскомом, был намного древнее заменившего его ритуала рукоположения, возраст которого не превышает двенадцать веков. Отличавшийся внешне от обряда заклятия места Де-

рини (в основных точках восьмиугольной часовни были расставлены визуальные ключи — свечи по четырем углам) он вряд ли мог насторожить даже самого консервативного епископа наших дней. Однако то, что происходило в душе рукополагаемого, хоть и было известно лишь ему, наверняка ни в какое сравнение не шло с обычной церковной процедурой. Для Дерини эта церемония, казалось, имела большее значение, чем для людей, которых посвящали в сан, так как Дерини обладают способностью обострять свои чувства до предела.

Посвящение Камбера в сан и есть как раз тот случай. И освящение, и сама месса, включившая в себя обряд рукоположения, помогали ему войти в то состояние измененного сознания, в котором он мог бы открыть свою душу Божеству как можно шире. Повторение молитв подобно мантре помогает ему еще больше погрузиться в себя. Таким образом, к тому времени, когда он преклоняет колени перед Энскомом, он уже ощущает то, к чему готовился.

> Камбер задержал дыхание и стал медленно выдыхать воздух в то время, когда руки Энскома были подняты над его головой. То было таинство возложения рук — суть посвящения в сан. Он позволил покровам, защищавшим его, пасть, открываясь таким образом для восприятия, чтобы ощутить Силы Созидания, идущие через Энскома и Джорема.
>
> — О, Повелитель Духов, что сотворил меня, Твой слуга Энском, орудие воли Твоей и проводник силы Твоей, в согласии с правом апостольского наследия, преходящего непрерывной чередой возложением рук, ныне предоставляю Тебе слугу Твоего, Кам-

бера Кайрила, чтобы стал он священником Твоим.

Руки, сосредоточия всего, мягко опустились на голову Камбера, и он ощутил легкое покалывание, чистый поток энергии, окруживший его мозг. Его первым порывом было бежать, закрыться, поднять все мосты, скрыться от вселяющей благоговение Силы, чей потенциал он уже смог ощутить. Но он не посмел.

Он почувствовал, как еще чья-то рука ласково коснулась его головы, и узнал прохладное и мягкое прикосновение Джорема к его сознанию. Заставив себя расслабиться и остаться открытым, успокоенный присутствием Джорема, он закрыл глаза и сделал глубокий выдох, подчиняясь всему, что могло произойти. Энском продолжал говорить, и он ощутил, как спадает напряжение.

— Accipite spinitum quorum remiseris... Прими Дух Святой, Чьи грехи ты простишь.

Он говорил еще и еще, но Камбер перестал понимать смысл слов, сосредоточив внимание на тех ощущениях, которые даровали ему руки Энскома и Джорема. Он почувствовал, как мозг постепенно наполняется и насыщается чем-то могущественным, внушающим такое благоговение, что ничто не могло избегнуть его требовательного прикосновения.

Он перестал слышать и осознал, что ничего не видит, но не мог открыть глаза, чтобы удостовериться, что это так, и сберечь свою земную жизнь.

Потом ощущения тела перестали что бы то ни было для него значить. Осталось лишь сознание и нечто большее, сосредоточившееся в светлой сияющей точке, омываемой и погружаемой в золотое сияние,

покойное и очаровывающее, не похожее ни на что, что когда-либо прежде он испытывал или воображал, что испытывает.

Больше не было страха. Его поглотило чувство покоя и радости, чувство, что он остался один на один с тем, что есть, будет и когда-то было.

Он расправил радужные крылья и воспарил на них, радуясь, что есть нечто большее, чем быть простым смертным, и нечто большее, чем земное существование, что, когда его человеческое тело умрет, какую бы личину оно ни носило, он, сущность его, останется, будет расти и стремиться к вечности.

В одно мгновение он увидел свою прошлую жизнь, прошлые жизни, в трепещущих, текучих, как ртуть, проблесках, мгновенно исчезающих из памяти. Затем перед ним предстало его настоящее, словно он наблюдал за своим телом откуда-то с высоты: голова, испускающая свет, склонилась под освящающими руками, чьи прикосновения были нежными и неумолимыми.

На миг промелькнула мысль, что, наверное, ему привиделось все это, и его разум согласился с этим. Однако другая часть его отвергла эту мысль еще до того, как она смогла принять отчетливую форму.

Но разве в это мгновение хоть сколько-нибудь важно, явь это или видение, порожденное тоской и стремлениями его души? Ни один из простых смертных не может и надеяться ощутить Сознание Божие во всех его гранях.

Смертный способен лишь уловить мимолетный след тени Вечного, если только на его долю выпадет такая счастливая случайность. Теперь же, когда он отдал на суд

Божий все свои недостатки и достоинства человека и Дерини, не был ли он как никогда близок к тому, чтобы коснуться той Силы, управляющей вращением Вселенной?

(«Святой Камбер»)

За считанные секунды вся жизнь проходит перед глазами Камбера. Однако для всех смертных — свидетелей этого обряда, это всего лишь акт рукоположения, хотя очень чувствительный и одухотворенный священник, опираясь на собственный опыт, мог бы заметить, что в душе Камбера что-то происходит. Даже без содействия епископа-Дерини, осознанно направляющего такой поток энергии, простой человек в нашем реальном мире вполне может испытать подобный духовный экстаз, ибо в эти мгновения между ним и Богом устанавливается невидимая, но вполне ощутимая связь.

Можно предположить, что нечто подобное происходит и во время посвящения в сан Дункана, когда энергия Божества протекает сквозь епископа-человека, чтобы затем быть изначально воспринятой на более глубоких уровнях, которые доступны Дерини.

Однако вернемся к посвящению в сан Камбера. То, что он ощущает во время возложения рук, для стороннего наблюдателя осталось бы совершенно незаметным, обряд проходит в соответствии с традициями, и магия Дерини появляется лишь ближе к концу, когда Энском обращается к новопосвященному.

— Правила требуют, чтобы я предостерег тебя от возможной опасности того пу-

ти, на который ты выходишь. Я полагаю, ты знаешь об этом и будешь проявлять благоразумие. Ты поймешь, если уже не догадался, что обряды, которые тебе предстоит исполнять по присуждении сана, ни на йоту не уступают по значению каким-либо мирским ритуалам Дерини, хотя «мирской» в понимании Дерини — слово несколько расплывчатое. Может, поэтому даже в наших «мирских» делах мы стараемся делать все в соответствии с точно установленными строгими правилами. Мы знаем или, по крайней мере, догадываемся, насколько велики те Силы, из которых мы черпаем.

Отныне, мой горячо любимый сын, я не буду предостерегать тебя, как какого-нибудь простого священника, ведь ты один из самых неординарных людей, которых я знаю. Я просто желаю тебе полностью проявить себя в своих новых обязанностях, которые ты принял сегодня, и попрошу тебя быть терпеливым ко мне, так как мы завершаем последний акт облачения тебя в сан священника до того, как позволим тебе исполнить твою первую мессу.

(«Святой Камбер»)

Особые обязанности Дерини, которые Камбер берет на себя как священник, как бы состоят из двух частей. Первая заключается в том, что он как Дерини от рождения способен сознательно контролировать незримые и не воспринимаемые простыми людьми силы. От него ожидают, что он сможет более эффективно и осознанно погрузиться в энергию, источником которой служит исполнение обряда причащения — ритуала наиболее значимого с точки зре-

ния магии из всех придуманных человечеством. Даже энергию, которую собирает и пропускает через себя безразличный исполнитель, нельзя не принимать всерьез, в руках же священника, осознанно исполняющего службу, находится потрясающий потенциал. Силу воздействия энергии, заложенной во всех семи христианских таинствах, может увеличить священник, который духовно готов к этому, однако в таинстве причащения наиболее ярко проявляются возможности священников-Дерини.

Вторая особенность священников-Дерини связана с таинством наложения епитимьи или исповеди. Из-за того, что священники-Дерини обладают способностью читать мысли кающегося грешника, они, вероятно, смогли бы добиться лучших результатов как пастыри, кроме того, им доступно гораздо больше информации, чем кому-либо из священников-людей. Однако в этом и состоит причина того, что священники-люди выступают против рукоположения Дерини: священник-Дерини имеет доступ к тайным знаниям, которые не должны открываться даже священнику. Однако зная, как легко можно проникнуть в тайны, священник из Дерини, вероятно, будет охранять секрет исповеди с большим рвением, нежели любой из простых людей.

Неприкосновенность признаний, сделанных на исповеди, — одно из исходных положений христианской веры. Испокон веков множество священников были готовы скорее пойти на пытку или смерть, чем выдать эту тайну. Для Дерини же это вопрос особый, ибо они умеют читать даже сокровенные мысли, хотя у них и существуют строгие запреты, касающиеся корыстного использования своих возможностей.

Эта опасность уже давно была известна людям, живущим среди Дерини. Она как раз, вероятно, и легла в основу общего убеждения в необходимости наложить запрет на рукоположение Дерини после возвращения на престол Халдейнов.

У нас, правда, почти нет свидетельств того, что священников-Дерини когда-либо обвиняли в злоупотреблениях этими способностями, хотя некоторых из людей, посвященных в сан, явно беспокоило, что такое возможно.

Однако независимо от того, кто не сумел сдержать слово, человек или Дерини, разглашение тайны исповеди считается одним из наиболее отвратительных преступлений. Это и объясняет то отвращение, которое вызвала у Моргана необходимость замаливать грехи, которые он совершал, чтобы выиграть время, когда был узником Варина де Грея и фанатичного монсиньора Горони. Это объясняет и его недоверие к Арилану, когда тот снова предлагает ему исповедаться.

Это также становится причиной того, что принц Джаван не осмеливается исповедаться во всем отцу Стефану или архиепископу Хьюберту, опасаясь, что его обвинят в чем-либо.

Юный Джилре д'Эйриал испытывает на себе предательство в полной мере, когда поведал о своих мессах Дубового Листа и Шапочки Желудя отцу Эрдику, а тот, раскрыв тайну исповеди, рассказал об этом его отцу *(«Архивы Дерини»)*.

К сожалению, все примеры, приведенные здесь, характеризуют исповедь лишь с ее отрицательной стороны, скорее, как наказание, нежели ритуал примирения и исцеления, каким он и задумывался. Пока мы можем назвать лишь два примера исповеди,

имевшей положительный результат. Оба случая связаны с предсмертной исповедью перед последним причастием. Для этого Ивейн и разыскивает епископа-Дерини Ниеллана перед тем, как приступить к исполнению обряда, который в конечном счете будет ей стоить жизни.

— Отец, я солгала Джорему и Керону,— прошептала она, переведя взгляд на край пурпурной епитрахили, лежащей на его плечах.— Я сказала им, что порученная мне миссия совсем не опасна. Но, скажи я правду, они не позволили бы мне идти, а я обязана.

Ниеллан медленно кивнул. В его стального цвета глазах нельзя было прочесть ничего. Они сидели в келье Ниеллана, по углам которой были расставлены свечи, чтобы ничто не смогло помешать им.

— Эта опасность,— проронил Ниеллан, с непревзойденным мастерством позволяя ей рассказать все,— касается лишь тебя или их тоже?

— Для них есть небольшой риск, но они знают это и готовы принять его. Я рискую несравнимо больше.

— И ты готова принять на себя это?

— Да, отец.— Она подняла на него голубые глаза.— Я должна. И если понадобится жертва, мне надлежит принести ее. Выбора у меня нет.

Ниеллан удивленно взглянул на нее. Уголки его губ едва заметно дрогнули, и на мгновение Ивейн потеряла доверие к нему.

— Ты, очевидно, хорошо и долго думала об этом,— сказал он после тревожной паузы.

— Да, отец, и уверена, что чаша сия минет меня. Но если мне дадут ее, я должна испить ее до дна.

— Должны ли и дети твои испить ее, если ты погибнешь?

— Труднее всего,— прошептала она, отведя взгляд,— осознавать, что мои дети могут стать сиротами по моей вине. Но все же я не должна отступать. Я оставила распоряжения на тот случай, если не вернусь.— Она вручила ему запечатанный пергаментный пакет.— Фиона присмотрит за моими младшими и будет лучшей матерью для них, чем была им я. Если я решила поступить так, как велит мне мое сердце, я должна пойти на это. Только я могу это сделать. Ты понимаешь меня, Ниеллан?

Мгновенье спустя он закрыл глаза и кивнул, положив ладонь на ее сложенные руки; его епископское кольцо горело, словно огонь маяка.

— Не совсем, дитя мое, но, очевидно, у тебя есть веские основания поступать именно так. Я не буду расспрашивать тебя далее, так как чувствую присутствие силы, которой не могу противостоять.— Он печально посмотрел на женщину.— Позволишь ли ты, по крайней мере, молиться за тебя?

— Конечно,— сказала она, и голос ее едва заметно дрогнул.— Ты можешь сделать мне еще одно одолжение.

— Все, что в моей власти, дочь моя.

— Ты можешь дать мне последнее причастие на случай, если я не уцелею. Это очень ободрит меня.

Ниеллан вздрогнул, словно она ударила его, но быстро взял себя в руки и напряженно кивнул.

— Если ты действительно желаешь, конечно, я сделаю это. Однако ты должна осознавать, что Джорем и Кверон могут почувствовать это.

— Этим утром у них будут свои заботы, отец,— прошептала она, думая, что приготовления уже начались.— К тому времени, когда это может стать очевидным для них, будет слишком поздно что бы то ни было изменить.

— Хорошо. Если ты подождешь меня здесь, я принесу елей и дарохранительницу из часовни.

Когда он вышел, она опустилась на колени, склонив голову над сложенными руками.

(«Скорбь Гвиннеда»)

Мы, читатели, знаем, что послужило причиной ее откровенности, но ее разговор с Ниелланом почти не отличался от обычной исповеди, хоть на сей раз разговаривали Дерини. Никто из них не использует свои способности, чтобы узнать как можно больше. С отцом Ниелланом разговаривает не волшебница Дерини, а простая женщина Ивейн. Единственным упоминанием о магии было предостережение священника о том, что Джорем и Кверон могут заметить отпечаток, наложенный последними обрядами, исполнить которые она просила.

Однако и исповедь, и последние обряды, конечно, могут выйти за привычные рамки. Так, Камбер как Элистер Келлен исполняет оба таинства, связанные со смертью Девина Мак-Рори, находясь на расстоянии, с помощью уз, соединяющих Дерини, но передавая причастие и свое благословение так же уверенно, как если бы находился рядом.

Вздохнув, Девин открыл свою душу перед епископом, принимая в ответ отпущение грехов и благословение, словно шепот, текущий по той нити, что связывала их. Он, казалось, чувствовал прикосновение елея. Все было настолько реально, словно епископ преклонил колени рядом с ним и действительно коснулся его святым бальзамом.

(«Камбер-еретик».)

Очевидно, что использование таких средств, какие были задействованы в последнем прощании Камбера с внуком, лежит вне пределов возможностей простых людей. Он не мог ничего сделать для того, чтобы тот остался жив, он лишь мог помочь ему умереть. Однако неясно, осознавал ли на самом деле умирающий Девин, что именно его дед своим разумом обнимает его, хотя очень хочется думать, что перед самой смертью он понял это.

Закрыв глаза и еще сильнее опершись на поддерживающее его колено Джексона, он дотянулся в последний раз до того, кто изнывал в комнате Совета, и пытался собрать свои силы на той стороне постепенно утончающейся нити, связующей их.

Ему хватило времени лишь на то, чтобы ощутить последнюю, теперь уже бесполезную ласку и снова удивиться тому, как епископ Элистер похож на его деда Камбера. На мгновение ощущение присутствия самого Камбера, которое он помнил с детства, заполнило его и объяло любовью. Его последним видением до того, как смертная тьма накрыла его, было лицо деда, мокрое от слез, и сильные руки, дотянувшиеся, чтобы поддержать его. Затем пустота на-

полнила Девина, ослепив невероятно красивым светом, переливавшимся всеми цветами радуги.

(«Камбер-еретик»)

В отличие от смерти Девина, смерть Синхила носила следы как физического, так и духовного воздействия последнего причастия, принятого из рук Камбера-Элистера. Переход Синхила в мир иной был совсем другим, и нам не следует останавливаться здесь на этом, хотя смерть Синхила и иллюстрирует важный аспект таинства причащения.

Из всех христианских таинств причащение — самое значительное. Для такого верующего, как Камбер, способного столь глубоко чувствовать нисхождение Божества во время мессы, внутренняя энергия этого обряда и ее производные в действительности воспринимаются на особых уровнях. Такие элементы причащения, как хлеб и вино, становятся телом и кровью Христа в момент освящения.

После того как купол магической сферы был вдребезги разбит уходом Синхила, Камбер заметил, что неосознанно размышляет о природе освященных гостий, так как ему кажется, что он остался жив лишь благодаря защите тела Господня в дароносице рядом с ним.

Для него правильное восприятие этого таинства всегда было средством духовного спасения. Теперь же он думает о том, не могло ли именно оно спасти его, ибо устоять против вырвавшейся наружу энергии чудовищной силы, разрушившей купол сферы, могло лишь то, что было защищено вмешательством определенных сверхъестественных сил.

Он снова опустился на колени, осторожно подняв при этом золотую крышку и отложив ее в сторону. В мерцающем углублении чаши, вероятно, лежало с полдюжины освященных драгоценных гостий, таких же, как та, которую он так давно отдал Синхилу.

Непосвященный назовет это просфорой. Мука и вода. И все-таки в этом кусочке простейшей пищи сокрыто величайшее таинство его веры, нечто, что он не в состоянии объяснить или постичь разумом, но что тем не менее есть простейшая истина для его души и сердца.

И это таинство защитило его сегодня вечером? Вероятно, да. Синхил неосознанно показал ему нечто наполовину запрещенное, несмотря на его превосходную осведомленность и положение. Как велик размах крыльев Ангела Смерти!

Или просто еще не пришло время Камбера? Неужели Господь, пребывает в освященной гостии меж его пальцев, неужели Господь хочет иначе распорядиться им, иначе использовать его?

Он сомневался, что получит какой-нибудь ответ сегодня. С короткой, но пылкой благодарственной молитвой, слегка содрогаясь, словно он действительно стряхивал с себя вереницу этих размышлений, Камбер вернул гостию на место и закрыл крышку.

(«Камбер-еретик»)

Камбер пытается осознать силу, присущую гостии, которую он держит в руке. Однако сделать это после того, что он испытал, означало бы подвергнуть подробному анализу всю его веру, что едва ли было необходимо после того, что случилось. Он достаточ-

но долгое время был священником, да к тому же Дерини, чтобы понять, что произошло во время мессы. В противоположность священнику-человеку, который должен принять на веру существование какого-то смысла в том, что он делает перед алтарем, священник-Дерини просто чувствует связь, которую пытается установить с Божеством, подключаясь к источнику Божественного, произнося слова освящения. (Некоторые из людей также в состоянии воспринимать эту энергию. И именно их часто называют святыми.)

Синхила едва ли можно назвать святым, он и не думает становиться им, критически относясь к себе, но даже до того, как его наделили могуществом Дерини, он, кажется, тоже черпает какую-то особую энергию из таинства мессы. Во время последней службы, которую ему дозволено исполнить еще до того, как его признают принцем Гвиннеда и вынудят отречься от сана, он, наблюдая за Райсом, не может сдержать свои чувства.

> — Мне кажется, он чувствовал, что это его последняя месса,— сказал Райс Камберу, когда все завершилось.— Его отчаяние было настолько велико, что я физически ощутил его, будто серая пелена окружала алтарь. Разве ты не почувствовал этого?
>
> *(«Камбер Кулдский»)*

Конечно, умение передавать эмоциональный заряд мессы нельзя назвать способностью, присущей исключительно Дерини. У них это просто лучше получается. Сила потока энергии, вероятно, не зависит

от способностей, зато восприятие — в огромной мере. Однако каким бы ни был источник и каким бы образом он ни воспринимался, благотворное воздействие этого таинства как потенциального источника силы, исцеления и примирения в мире Дерини, как и в нашем мире не требует доказательств. И то, что люди, населяющие Гвиннед, оказались не способны признать это, послужило причиной выступлений церкви Гвиннеда против Дерини.

Экстрасенсорные способности: общие положения, этика, защитные поля, передача мыслей на расстояние, увеличение энергетического потенциала

Умение читать мысли — похоже, одна из наиболее известных способностей Дерини, которая внушает страх обычным людям вне зависимости от того, грозит им это какой-либо опасностью или нет. Для человека нет ничего страшнее, чем вторжение в его разум помимо его воли, особенно когда он не осознает этого. Для многих это означает невероятное насилие над личностью, грубое вторжение в частную жизнь, от которого нет и не может быть защиты. Человек чувствует себя слабым, ранимым, распахнутым настежь, и ему кажется, что опасности подвергаются не только его жизнь, честь и достоинство, но и бессмертная душа.

О чем, как правило, думает большинство людей? О себе, своих делах и заботах, о родных и близких. Самый обычный человек вряд ли хранит в душе суровые тайны, которые, будучи раскрытыми, повлияют на судьбы человечества. Хитрые интриги, заговоры, преступления против собственности и морали — удел немногих. Казалось бы, что скрывать? Пустяч-

ные прегрешения и личные неудачи — кто пострадает, если о них станет известно еще нескольким людям?

Однако о действительных возможностях Дерини мало кто знает, а потому к представителям этого таинственного клана относятся всегда с немалой опаской.

К тому же вряд ли найдется хоть один человек, который признается честно даже самому себе, что он ничего особенного собой не представляет, что его устремления, желания, достоинства и пороки ничем не отличаются от устремлений, желаний, пороков и добродетелей окружающих.

Каждый мнит себя центром мироздания. А потому самый обычный человек, сталкиваясь с Дерини, заранее убежден, что он уникален и что, конечно, Дерини захочется проникнуть в его самые сокровенные мысли, что страшный колдун только и дожидается случая, чтобы ворваться в чье-либо сознание и выудить величайшие секреты силой.

На самом деле все совсем не так. При определенных условиях, обладая соответствующими возможностями, Дерини может читать мысли любого человека, где захочет и когда захочет, согласен тот на такое вмешательство или нет.

Однако, как правило, типичный Дерини (если таковой существует) не склонен утруждать себя, теряя время и силы на считывание мыслей незнакомого человека без веских на то оснований.

Келсон достаточно ясно выражает общее отношение к этому в *«Сыне епископа»*, когда Дугал, походив вокруг да около, наконец собирается с духом и спрашивает его об этом напрямик.

— Я думал, Дерини могут читать мысли, — прошептал Дугал.

— Да, могут, — тихо ответил Келсон. — Но мы не делаем этого в кругу друзей, если нас не просят. Даже среди Дерини для этого прежде всего необходим физический контакт.

(«Сын епископа»)

Итак, вот один из первых ограничивающих факторов большинства действий Дерини — необходимость физического контакта. Более того, физический контакт — практически одно из неотъемлемых условий для первого обмена мыслями. По крайней мере, он способствует достижению положительного результата во всех психических операциях, доступных Дерини. Без него, если только между Дерини и объектом не была заблаговременно установлена связь, Дерини могут лишь бегло считать мысли, лежащие на поверхности, особенно если нужно, чтобы человек при этом ничего не заметил.

Почти всегда во время контактов как Дерини с Дерини, так и Дерини с человеком, первый касается головы объекта: лба, висков, переносицы, зоны сонной артерии возле челюсти, шеи (сзади) или нескольких мест одновременно — каждый выбирает свое. На самом деле можно просто прикоснуться к руке, да и вообще к коже, но существуют определенные традиции, по которым, считывая мысли, надлежит касаться именно головы. Может быть, таким образом подчеркивается, что сведения извлекают из мозга? Ко времени, о котором идет речь в *«Милости Келсона»*, люди, по крайней мере военные, стали приспосабливаться к новоизобретенному непосредственному считыванию донесений разведки.

> Все разведчики знали, что, когда бы они ни прибыли к королю или его доверенному лицу с донесением, если это было необходимо, их могли подвергнуть процедуре считывания мыслей, и большинство из них поняли, что противиться этому не следует и бояться нечего. Они также приняли новое правило, сознательно поощряемое Келсоном и Морганом, в соответствии с которым Дерини всегда должны прикасаться к голове или шее тех, чьи мысли им нужно прочесть. На самом же деле рука, запястье или другая часть тела с таким же успехом подошли бы для этого, а Дерини могли проникнуть в сознание даже сквозь перчатку или другую одежду, если это необходимо. Однако Келсон чувствовал: если люди будут думать, что возможности Дерини хоть чем-то ограничены, это может рассеять некоторые из опасений, касающихся непосредственного общения.
>
> *(«Милость Келсона»)*

Здесь особенно стоит обратить внимание на то, что может возникнуть этическая дилемма именно такого применения способностей Дерини. Казалось бы, что может быть лучше? Прочитать донесение — дело нескольких секунд, сам разведчик не произносит ни слова, а значит, не выражает своей оценки того, что видел, да и пропустить ничего не может. С другой стороны, кто поручится, что, прочитав донесение, Дерини этим и ограничится, а не будет посягать на частную жизнь человека? Можно возразить, что вассал не должен иметь секретов от короля. Однако где проходит черта между тем, что относить к интересам короля, а что к личной жизни? Ведь Дери-

ни доступны сведения о том, о чем не каждый будет говорить даже с духовником.

Большинство Дерини не станут заходить далее оговоренных заранее пределов. Так, проникнув в сознание разведчика, он «выудит» только само донесение и сопутствующие наблюдения. Все остальное не стоит ни сил, ни особого внимания.

Однако это еще не говорит о том, что все Дерини кристально честны. Люди прекрасно знали, что некоторые Дерини — и короли в том числе — пользовались этим своим преимуществом. Застарелый страх, который только недавно начал было рассеиваться благодаря Келсону, вовсе еще не исчез.

Можно было лишь уменьшить эту боязнь, сделав процесс считывания предельно коротким.

Обладая определенными навыками, время проникновения в сознание можно сократить до промежутка между двумя вдохами. Когда Келсон просит Керкона сделать глубокий вдох, он не только вовлекает в процесс сознание разведчика, но и побуждает его сделать очень простое упражнение, предшествующее расслаблению, сосредоточиванию и подготовке разума объекта к работе с ним.

Очевидно, Керкон не знал, что произойдет между его первым и вторым вдохом, когда король будет извлекать необходимые сведения из его разума. Его первым осознанным ощущением, когда все кончилось, было легкое, длящееся не более мгновения головокружение, которое быстро уняли уверенные руки Моргана, а затем наступило облегчение. Конечно, Керкон и другие, такие же как он, верил в слово короля, что ни он, ни Морган не переступят в своих поисках границ, очерченных рапортом, и не попытаются воздействовать на его волю. Иными словами,

не причинят ему вреда и не злоупотребят его доверием. Это доверие и есть ключ к отношениям между Дерини и людьми, длящимся в течение нескольких веков.

Однако может случиться так, что завоеванное однажды доверие очень легко вскоре станут принимать как само собой разумеющееся. Примером того может служить первый психический контакт Келсона с его новым юным оруженосцем Айво Херберном. Вероятно, у Келсона не было причин сомневаться в преданности или благоразумии Айво, иначе юноша не стал бы королевским оруженосцем. Однако когда двенадцатилетний мальчик встает на колени, чтобы снять шпоры и сапоги Келсона, король дотрагивается до склоненной головы своего оруженосца и проникает в его сознание.

— Расслабься, Айво, — приказал он, усиливая психическое соприкосновение, так как молодой разум внезапно ощутил вторжение, и мальчик невольно напрягся.

— Закрой глаза и не сопротивляйся мне. Обещаю, что не сделаю тебе больно.

Келсон чувствовал, что мальчик уже ждал чего-то подобного: нельзя провести большую часть своей жизни при дворе и не слышать ничего о том, что способен совершить король с помощью таинственных сил, которыми обладает. Однако ему понравилось, что сопротивление мгновенно прекратилось, а юный разум попытался успокоиться.

Продолжая тихо успокаивать мальчика, король ласково притянул темноволосую голову к своему колену и проник в сознание своего оруженосца, затем тихонько пододвинулся к нему так, чтобы достать рука-

ми виски, положил на них большие пальцы, касаясь остальными кудрей, чтобы достичь полного контакта. Мальчик тут же перестал дрожать. Келсон начал давать наставления.

(«Тень Камбера»)

Эти наставления выглядят довольно невинно. Айво было велено не повторять ничего из того, что он может случайно услышать о короле: «Не смей вспоминать об этом до тех пор, пока я сам не попрошу» (*«Тень Камбера»*). Вроде бы вполне разумное требование короля к вассалу. Однако Келсон явно нарушает этические нормы. Он словно не доверяет мальчику, хотя тот клялся ему в верности, и считает, что, если Айво предоставить самому себе, он либо не сможет держать язык за зубами, либо, хуже того, сознательно будет распускать сплетни.

Келсон, видимо, не сознавал, что это говорит о таком же полном отсутствии доверия с его стороны к людям, какое люди испытывали к Дерини. А ведь он сам порицал их за это, причем поведение Айво по сравнению с тем, что обычно происходит, когда люди вступают в какие-либо отношения с Дерини, которым вряд ли знакомы угрызения совести, отнюдь не могло послужить причиной для такого недоверия. Ничто в характере Келсона не дает нам оснований предполагать, что он использует свои способности во вред другим, хотя никто не может сказать, где находится та черта, за которой начинается моральное разложение. Остается надеяться, что Келсон одумается и вспомнит те времена, когда подсознательная подозрительность и отсутствие доверия еще не стали для него привычкой. Осознав это, он наверняка придет к выводу, что тогда те вассалы, ко-

торых не надо заставлять быть верным и принуждать держать язык за зубами, служат ему намного лучше, чем те, чьей верности и молчания нужно добиваться силой.

Собственно, этот поступок Келсона — вовсе не чтение мыслей, а установка, с помощью которой мальчик будет выполнять все его указания. Это, скорее, гипноз, навязанное силой состояние.

Таким образом, вероятно, в большинстве случаев, когда Дерини идут на прямой контроль чьего-то сознания, они используют элементы гипноза. Если использовать его возможности полностью, можно установить связь более высокого уровня, необходимую при выполнении различных более сложных действий, то есть когда нужно кого-либо усыпить, ускорить процесс выздоровления или ввести врага в бессознательное состояние, если нет необходимости его убивать.

Указания, введенные силой воли Дерини, помимо прочего, могут преодолеть любое сопротивление, и человек обычно вынужден выполнять любые приказы.

То, что Келсон проделал с Айво, не идет ни в какое сравнение с тем, что, например, Венцит сделал с Дерри. Под воздействием гипноза человека можно заставить выдать кого-либо или что-либо и даже вынудить его лишить себя жизни. Повинуясь такой команде, Ян со знанием дела ударил кинжалом в сердце стражника Майкла Дефореста. Нечто подобное заставляет вассала Моргана, Эдгарда Мэтелуэйта, скорее заколоть себя, чем допустить, что сеньор будет его допрашивать.

Однако не только люди оказываются жертвами такого воздействия. Воля Хамфри Галларо, священ-

ника-михайлинца, схваченного людьми короля Имре, была полностью сломлена Имре и его когортой. Он становится агентом Имре и затем внедряется в ряды повстанцев, что приводит к трагическим последствиям. Неспособный сопротивляться, несчастный священник подсыпает яд в соль, используемую при крещении первого сына Синхила, а потом пытается убить его самого, когда тот понимает, что произошло. Несчастный Хамфри умирает смертью изменника в магическом поединке. (*«Камбер Кулдский»*)

Конечно, хотелось бы думать, что поступки Келсона и других положительных героев определяются совестью.

Поведение Келсона свидетельствует о том, что его постоянно терзали сомнения относительно роли, которую ему навязывали, хотя он и не видел, как от нее уклониться.

Однако Джорем сомневается в нравственности преображения Девина Мак-Рори в юного стража Эйдиярда Клюрского вовсе не потому, что Девин возражает против этого (он-то как раз готов, хоть это и опасно), а из-за того, что этот поступок — по сути своей насилие. Джорем мучается тем, что Эйдиярд вынужден отказаться от своей индивидуальности и права на нормальную жизнь, не говоря уже о другом.

Джорема также беспокоит, что Синхилу пришлось отречься от сана и принять корону, хотя избежать этой жертвы невозможно: иначе не удастся спасти королевство. Джорем сомневается и в том, будут ли они с Ивейн в праве вернуть Камбера. Дерини иногда бывают вынуждены принимать за других такие решения, обычно за людей, которые не могут

этому противиться, но, по правде говоря, такое манипулирование всегда было и есть в нашем мире, хотя не на том уровне, который доступен Дерини.

Тем не менее епископ Арилан совершенно уверен, что считывание Морганом мыслей принца-священника Меары, отца Джедаила, вполне правомерно, хотя, казалось, для этого не было никаких оснований. Келсон, конечно же, имеет представление о разумных пределах того, как далеко может простираться его власть, хотя считает, что некоторые его поступки простительны ему как королю. Он утверждает, что никогда бы не воспользовался своими способностями для того, чтобы заставить Сидану ответить согласием на его предложение выйти за него замуж, и его очень беспокоит, что время от времени он серьезно раздумывает, не применить ли их. У нас, правда, нет никаких свидетельств, подтверждающих, что он мог поддаться такому искушению.

> «Обещаю тебе, что первый и единственный раз я так поступаю с тобой без твоего согласия, конечно, если это не вопрос жизни и смерти», — уверяет он юного Айво.
>
> *(«Тень Камбера»).*

Иными словами, Келсон обещает не использовать свои способности для того, чтобы прочесть мысли Айво или контролировать его разум ради собственного любопытства или корысти. Уже следующим утром это намерение подвергается испытанию, когда он и Дугал шутя заговаривают о возможности проверить, что на уме у оруженосца Конала, чтобы побольше узнать о его таинственной невесте, хотя разговор этот, без сомнения, дает понять, что ни

один из молодых людей никогда не пойдет на это. Келсон не злоупотребляет своими возможностями, понимая, что вынужденное послушание продлится ровно столько, сколько он будет держать в своей власти того или иного человека, а долгое царствование должно опираться прежде всего на взаимное доверие. Иногда кажется, что Келсон совершает тот или иной поступок исключительно ради выгоды, однако это не так. У Келсона всегда есть конечная цель, и он стремится к этому идеалу.

Можно возразить, что подобные рассуждения отдают ситуативной моралью, простой и бесхитростной. Собственно, так оно и есть. Однако жизнь такова, что мораль не может не быть гибкой и многое зависит от конкретной ситуации, особенно если необходимо принять решение, основываясь не только на собственных интересах, но и на интересах тех, о ком вам нужно заботиться. И у нас есть свидетельства того, как Дерини, принимая то или иное решение, противопоставляют благо многих ущербу одного. Таков удел королей, и короли Дерини — не исключение, хоть они и обладают гораздо большими способностями и возможностями, чем большинство простых смертных.

Когда Камбер и члены его семьи воздействуют на сознание принца Синхила, чтобы похитить его из монастыря, а затем пробудить его потенциал Халдейна, им кажется, что ими движут интересы страны. Ими же Камбер руководствуется и тогда, когда принимает внешность убитого Эриеллой Элистера Келлена. Все его последующие поступки вызваны необходимостью сохранить эту внешность, и он использует свои способности, скорее, ради того, что считает благом других, чем своим лично. Время от времени

Дерини влияют на поступки и даже мысли других ради того, что считают благом. До тех же пор, пока мотивация их поступков остается благородной, вероятно, можно полагать это явлением положительным, хотя, в общем, нельзя думать, что Камбер и члены его семьи никогда не преследуют личных целей. Мы не можем также считать, что Келсон или Морган, или Дункан, или кто-либо другой из Дерини, заложивших основы Ордена, злоупотребили своими возможностями.

Однако Дерини не всегда поступают благородно, и именно такие случаи остаются в памяти людей. И если можно утверждать, что абсолютная власть способна абсолютно испортить человека, то, вероятно, можно заключить, что почти ничем не ограниченная власть может испортить человека до той же степени. Когда Дерини поступают, сообразуясь с честью, когда они стремятся кому-то помочь или добиться справедливости, они действительно могут стать могущественной силой. Когда же они используют свои способности, чтобы за счет других достичь своей собственной цели, их разрушительная сила может внушить лишь отвращение.

Иллюстрацией этого служат события Междуцарствия, участниками которых становятся Имре и Эриелла, чьи действия — типичный пример злоупотребления способностями Дерини ради собственных интересов.

К сожалению, именно такие злоупотребления остаются в воспоминаниях людей на протяжении почти двух веков. Настороженное и сдержанное проявление терпимости по отношению к Дерини начинает появляться лишь во времена царствования Келсона. Вплоть до вступления на престол Келсона и

даже в годы, предшествующие Реставрации, когда Дерини могли открыто действовать лишь в Гвиннеде, их власть фактически была неограниченной, если вообще можно было говорить о каких-либо ограничениях по отношению к ним. И в самом деле, правители Междуцарствия, без сомнения, поощряли слухи о своем всемогуществе и о том, что они могут быть всеведущи, если только пожелают этого, стоит лишь внимательно взглянуть на человека.

Страх перед взглядом Дерини в основном рассеивается ко времени вступления на престол Келсона, и хотя для того, чтобы узнать, что у человека на уме, не требуется непосредственного контакта — эта процедура являет собой разновидность чтения мыслей — настороженное отношение к прикосновению Дерини остается. Это и имеет в виду Арилан, напоминая Дункану о событиях рокового утра Пепельной среды 1125 года.

> — Тебе чертовски повезло, что все запоры были сняты этим утром, когда ты раздавал пепел. Надеюсь, ты понимаешь это. И ты, и я — мы оба знаем, что, пожелай ты пойти даже на короткий контакт, достаточно было перекрестить лоб любого, кто приблизился бы к алтарной ограде. К счастью, они не знали этого.
>
> *(«Тень Камбера»)*

Арилан несколько преувеличивает: столкнувшись с любым сопротивлением, Дерини не сможет мгновенно подчинить себе избранного им человека, для этого нужно время. Однако страх перед прикосновением тем не менее имел под собой достаточно оснований, кроме того, люди ничего не знали о каких-ли-

бо ограничениях, касающихся способностей Дерини.

Дерини всегда отдают себе отчет в том, что их магия не может мгновенно прийти в действие. Чтобы достичь необходимого состояния, им нужно привлечь силы, находящиеся в их распоряжении. Так что стрела, пущенная с определенного расстояния, может оборвать жизнь волшебника в тот миг, когда он собирает силы, чтобы броситься в атаку или перейти к обороне.

А раз уж мы заговорили об обороне, то, вероятно, будет уместным упомянуть о ее первой линии — защитных полях.

Защитные поля

В некоторой степени все Дерини обладают защитными полями или, по крайней мере, умеют создавать их. Это естественное психическое свойство Дерини, охраняющее их разум от постороннего вмешательства. До тех пор пока Дерини не угрожает опасность, его защитные поля чаще всего бездействуют, оставляя открытым канал ввода обычной информации, доступной его восприятию.

Способность полей вызывать различные зрительные образы варьируется от стеклянных куполов и мерцающих занавесов до стальных щитов в зависимости от вкуса и, вероятно, тренированности каждого Дерини.

Защитные поля, если они достаточно прочны, делают Дерини практически неуязвимыми, и даже очень умелый Дерини вряд ли сумеет справиться с ними. Они не позволяют читать мысли защищенно-

го объекта или как-либо иначе контролировать его: ни усыпить, ни ввести в бессознательное состояние, ни проникнуть в разум. Лишь Целители могут воздействовать на тех, кто защищен полями, не проникая сквозь них, хотя результат был бы гораздо более ощутимым, если бы Целитель и его пациент действовали вместе.

Дерини еще в раннем возрасте обучаются управлять своими защитными полями. Однако умение опускать и удерживать их в этом состоянии не менее важно, чем способность поднимать их и выдерживать натиск при нападении. Внезапное захлопывание защитных полей, вероятно, весьма неприятная возможность, о чем и беспокоится Райс, высказывая Кверону свои опасения по этому поводу перед тем, как показать свой только что обнаруженный талант блокировать способности Дерини.

«Мне хотелось быть уверенным в том, что ты не станешь паниковать и не прихлопнешь меня своими защитами», — говорит он священнику-Целителю, и тот отвечает, что способен намного лучше управлять своими защитами, чем Райс полагает. *(«Камбер-еретик»).*

Однако, когда Райс возвращает своему пациенту силы, защитные поля Кверона мгновенно захлопываются с ощутимым щелчком, едва не вытолкнув всех силой отдачи.

Вероятно, этот «щелчок» — характерный признак возвращающихся в исходное положение защитных полей и, очевидно, реакция рефлексивная, так что, если это происходит неожиданно, того, кто находится за защитой, может зажать в зазоре между ними.

Чтобы предостеречь себя от такой неприятной случайности, можно передать кому-либо контроль

над защитным полем, однако это требует полного доверия, которое, увы, не всегда возможно.

Умение опускать защитные поля очень важно, так как они могут стать не только крепостью, но и тюрьмой. Для того же, чтобы ощутить все преимущества, которые даруют таланты Дерини, необходимо, чтобы защитные поля были подняты. Между двумя Дерини, разделенными защитами, возможно лишь незначительное психическое взаимодействие. Наглядным примером трудностей, которые могут при этом возникнуть, может служить случай с Дугалом, когда он первое время был не в состоянии опустить свою защиту.

Конечно, можно заставить опустить защитное поле и силой. Баланс сил и их концентрация, необходимые для того, чтобы поддерживать по-настоящему мощное поле, довольно случайны, их можно разрушить при помощи некоторых снадобий Дерини и несколькими способами.

Кроме того, защитные поля можно заимствовать при помощи силы более могущественного разума. Этот процесс связан с проникновением в сознание, и его мы обсудим позже. При этом, правда, разум объекта частично или полностью разрушается и восстановлению не подлежит.

В заключение необходимо заметить, что защитными полями обладают лишь Дерини и те, кто наделен подобными способностями. У людей защитных полей нет. Если обычный человек обнаруживает, что у него есть защита, это, как правило, означает, что в его жилах течет кровь Дерини, даже если разрыв между поколениями очень велик. Вероятно, большинство из них — потомки Дерини, которые вынуждены были скрываться во времена великих преследо-

ваний, чье наследие изначально замалчивалось как опасное знание и в конце концов было утеряно. Способности Дерини подолгу не использовались, и поэтому генетический материал, невостребованный иногда на протяжении нескольких поколений, пробуждается лишь в стрессовых ситуациях. Постепенное пробуждение наследственного потенциала в Дугале — лишь один из наиболее ярких примеров.

Позже мы более подробно рассмотрим применение защитных полей и скрытого наследия Дерини. Теперь же давайте обратимся к специфическим чертам экстрасенсорных способностей Дерини.

Передача мыслей на расстояние

Передача мыслей на расстояние представляет собой общение между двумя индивидуумами посредством телепатии, если хотя бы один из них — Дерини. Сведения передаются с помощью слов, как будто разговор идет вслух, с той лишь разницей, что информация обретает словесную форму только в сознании отправителя и получателя. Послания могут также сопровождаться какими-либо зрительными образами, однако сущностью передачи мыслей все-таки остается беззвучный разговор. Чтобы вести такой разговор на расстоянии, обычно необходимо, чтобы между его участниками прежде уже происходил телепатический контакт, и тогда потребность в прямом физическом контакте отпадает. Однако вполне вероятно, что и «подсознательный» крик о помощи может быть достаточно мощным для того, чтобы его принял кто-либо, прежде не знакомый отправителю.

Если потенциальный получатель открыт для такого контакта, то вполне вероятно, что он может «подслушать» мысли, предназначенные для другого. Дело в том, что передача мыслей на расстояние требует более мощной и широкой энергетической «полосы частот» (что, в свою очередь, усиливает вероятность утечки), к которой может подключиться тот, кто находится в зоне приема. Некоторые из Дерини из опасения, что их могут «подслушать», часто используют физический контакт. Морган и Дункан стараются сесть как можно ближе друг к другу, когда общаются мысленно, с тех пор как подверглись допросу Арилана и Кардиеля в Дхассе, хотя ни тот, ни другой не подозревают, что Арилан — Дерини. Камбер-Элистер, чтобы его не подслушали собравшиеся епископы, использует непосредственный физический контакт с Джоремом, положив руки ему на виски и делая вид, что проводит судебное исследование его разума. На самом деле он обменивается с ним мыслями так же легко, как если бы они разговаривали вслух, пытаясь состряпать объяснение, которое не заставляло бы Джорема лжесвидетельствовать и одновременно позволило Камберу и дальше выдавать себя за Элистера. И им удалось сделать это, хотя не совсем так, как задумал Камбер.

Чаще всего к мысленному обмену прибегают, когда собеседников разделяет какое-либо расстояние и иные формы общения невозможны. Энергетическая мощность, необходимая для установления такого контакта, находится, вероятно, в прямой зависимости от расстояния, разделяющего получателя и отправителя. При оптимальных условиях дальность передачи примерно равна нескольким конным переходам. Если при этом не используется чья-либо по-

мощь, то это расстояние, как правило, значительно меньше. Если же его нужно увеличить, то необходимо подключить энергетические ресурсы кого-то еще, лучше всего — с согласия помощников и при их помощи. Именно таким образом Келсон использует энергетический потенциал Каулая и Дугала, когда пытается уловить то, что исходит от Моргана *(«Сын епископа»)*.

Морган сам разрешает Келсону увеличить его энергетический потенциал во время приема донесений от Дункана в поле для того, чтобы уберечь его от нарастающего и часто повторяющегося упадка сил. Дугал же, чтобы предупредить Келсона о поражении Дункана, использует энергию Кьярда и еще одного своего приверженца *(«Милость Келсона»)*.

Сам по себе диапазон возможностей Дерини нельзя увеличить с помощью энергетического потенциала других (такие силы невозможно аккумулировать), однако энергетический потенциал индивидуума, чтобы принять поток экстраэнергии, увеличить, как это уже говорилось, можно. Увеличение потенциала может быть полезным и при множестве других действий.

Так, устанавливая энергетическое поле Портала в Ллиндрут Мидоуз, Арилан использует активную энергию Келсона, Моргана и Дункана, которая передается с помощью линий связи, установленных между ними, и пассивную энергию Нигеля, Кардиеля и Варина *(«Властитель Дерини»)*. Тавис О'Нилл, прежде чем попытаться излечить свою искалеченную руку, испрашивает разрешения у принца Джавана привлечь его энергию. Какие ощущения испытывает тот, кто добровольно отдает свою энергию, описано ниже.

— Ты почувствуешь, будто что-то медленно вытягивают сквозь твое тело через голову. Но бояться нечего: я не начну до тех пор, пока ты не уснешь. Расслабься, позволь мне вести. Усни. Никто не причинит тебе вреда.

Как только голос Тависа смолк, Джаван ощутил знакомое чувство истомы, разливающейся по телу. Оно исходило от руки прикоснувшегося к нему Целителя. Он почувствовал, что погружается в то сумеречное состояние сна, которое испытывал уже много раз. Он ощутил тепло, легкое покалывание в основании черепа, весьма приятное...

(«Камбер-еретик»)

В отличие от О'Нилла, Келсон дает Дугалу довольно схематичное описание на случай, если ему понадобится воспользоваться его энергией, предупреждая, что он почувствует «слабое щекотанье в голове» (*«Сын епископа»*), однако по реакции Дугала можно понять, что сопротивление, даже неосознанное, порождает совершенно иные ощущения. Боль, вызванная сопротивлением, может предвещать весьма реальную опасность, иллюстрацией к которой могут служить два примера.

Дважды лорд Ян Хоувелл использовал энергию своих приверженцев против их воли, чтобы провести передачу, установив с Кариссой едва ли не спиритическую связь, с помощью которой Карисса использовала голос объекта для разговора с Яном. Легкость, с которой он все проделывает, дает возможность предположить, что эта процедура не только ничем не угрожает оператору, но и не составляет особого труда (сам Ян, не Дерини по рождению, по-

лучает свои способности лишь благодаря благосклонности и таланту Кариссы). Однако Карисса предупреждает его о том, чтобы он не истощал полностью потенциал объекта, а это значит, что опасность все-таки существует. Первое время это не особо заботит Яна, так как он все равно собирается убить Дефореста, однако он намеренно выбирает для передачи более сильного Джона Элсуортского, и снова Карисса напоминает ему о том, чтобы он не доводил объект до того состояния, когда его уже нельзя будет вернуть к жизни, ведь преждевременная смерть может вызвать подозрения *(«Возрождение Дерини»)*.

Итак, совершенно очевидно, что существует возможность истощить энергетические ресурсы объекта, по крайней мере, до уровня, опасного для его жизни, причем оператор даже не будет осознавать, что объекту грозит опасность. Чтобы не допустить этого, наиболее добросовестные из тех, кто практикует такое использование потенциала, пытаются постоянно контролировать состояние объекта, которого они используют, подобно тому, как Арилан контролирует состояние Келсона, Моргана и Дункана, устанавливая энергетическое поле Портала в Ллиндрут Мидоуз *(«Властитель Дерини»)*. Активный контроль дыхания и частоты сердечных сокращений принимается как должное даже среди величайших мудрецов, когда они проводят операции, включающие введение себя в глубокий транс. Однако для тех, кто полностью погружен во внутренние преображения, забота об этих проблемах может стать слишком обременительной. Классический пример – контроль Райса за состоянием Камбера, когда тот принимает воспоминания Элистера *(«Святой Камбер»)*. Контроль исходящего потока энергии несколько отличается от

контроля за жизненными функциями организма, тем не менее Целители и большинство других адептов Дерини, которые вынуждены часто прибегать к увеличению энергетического потенциала, обычно умеют следить за всем, почти не сознавая этого, как, без сомнения, делает Тавис, используя энергию Джавана.

Таким образом, можно прийти к выводу, что оператор, не знающий угрызений совести, может сознательно отнимать энергетические ресурсы объекта вплоть до его полного истощения или же смерти, либо для того, чтобы получить как можно больше энергии, либо чтобы просто убрать того, кто стал неугоден. Во всех мирах и вселенных всегда существовали вампиры и те, кто живет за счет других.

Однако оператор, который заботится не только о своих собственных интересах, может сознательно сделать выбор, кого истощать сверх безопасного уровня, себя или другого, если это необходимо, чтобы обеспечить успех важной магической операции. Мы располагаем по крайней мере двумя свидетельствами такого самопожертвования: когда Эмрис использует всю свою жизненную силу, чтобы разрушить Портал храма аббатства святого Неота, и когда Ивейн направляет свою энергию таким образом, чтобы Камбер мог сделать громадный прыжок в следующую фазу своего существования.

Теперь, вернувшись на некоторое время к общей проблеме передачи мыслей на расстояние, рассмотрим весьма своеобразное применение этой способности Дерини, которое первоначально используют члены Камберианского Совета, функционировавшего по большей мере по тому же принципу, что и медальон святого Камбера, который использовал Дер-

ри, чтобы обмениваться мыслями с Морганом. Средоточием Совета была серебристая, заряженная энергией разума всех его членов кристаллическая сфера, подвешенная над столом комнаты, где они заседали. Используя ее энергию, которая передавалась каждому члену Совета после клятвы и запасы которой пополнялись с каждым заседанием, любой камберианец мог отослать сфокусированный психический сигнал, который принимали лишь члены Совета. Арилан использует эту сферу в качестве визуального фокуса перед связью со своими коллегами.

В дополнение нужно заметить, что этот кристалл можно было применить и для обеспечения того, что мы можем назвать телемониторингом. В этом качестве его и использует Совет в случае с Девином, когда тот работает под чужим именем в королевской семье. Первоначально, когда Девин не может использовать свои способности Дерини, мониторинг оказывается фактически единственным возможным средством связи. В комнате Совета постоянно находился кто-нибудь, кто принимал информацию, полученную с помощью обычных чувств Девина и во время его взаимодействия с Джеффраем, одновременно следя за опасностями, которые агент, временно лишенный своих способностей, мог не заметить. Однако и впоследствии, когда способности Дерини возвращаются к Девину, прямая связь из-за боязни разоблачения устанавливается лишь в крайнем случае с тем, кто постоянно был пассивно подключен к цепи, что позволяло ему заниматься чем угодно: читать или вести научные исследования, в то же время оставаясь доступным зову о помощи, который мог передать Девин.

И когда он взывает о помощи, будучи смертельно раненным в схватке, узы полной взаимосвязи смыкаются над ним и позволяют Камберу, не выдавая себя, утешить умирающего и облегчить его переход в мир иной. Нечто подобное происходит и в январе 918 года, когда Совет ждет ответа Квирона, опасаясь «психической вспышки», которую вызовет чтение послания, оставленного для Квирона на печати Целителя Райса, когда тот встает на новый Портал аббатства святой Марии.

Во всех приведенных примерах информация, полученная таким способом связи, чаще обретает специфическую вербальную форму, чем остается бессловесной, что, в свою очередь, означает наличие более полной взаимосвязи между объектами. Но это уже тема следующей главы.

Телепатическая взаимосвязь

Телепатической взаимосвязью мы будем называть обоюдный обмен сведениями между двумя Дерини, отличный от простого разговора, в котором информация облечена в словесную форму. Она может проходить в различных видах: от поверхностного обмена до глубоко интимного раскрытия на всех уровнях. Наиболее часто телепатическая взаимосвязь используется для того, чтобы увеличить объем памяти, как в случае с Камбером, под видом Элистера открывшимся юному Джессу Мак-Грегору, когда тот приветствовал его и Джорема на дороге у Долбана. Это был весьма типичный первый контакт между двумя очень искусными Дерини.

— Ну что, Джесс, у тебя есть какой-либо свой особый подход, который ты предпочитаешь использовать, устанавливая взаимосвязь с тем, кто тебе еще не знаком?

— Ты уверен, что прежде мы никогда не работали вместе?

— На оба вопроса я отвечу «нет», господин, — пробормотал Джесс, доверчиво взглянув на Камбера. — Отец учил меня, но, кажется, без толку. Я знаю, что вы часто работали вместе.

Камбер улыбнулся и медленно встал, сделав знак, чтобы мальчик не поднимался.

— Тогда это не составит особого труда, — сказал он, положив руку на плечо Джесса, и встал за его спиной. — У меня был трудный день, я устал, поэтому позволь мне превратить все это в приятную легкую связь. Я начну передавать сведения, как только ты будешь готов. — Руки Камбера тихо опустились на плечи юноши, и большими пальцами он помассировал упругие мускулы его шеи. — Соберись и расслабься, — велел он, почувствовав, что мальчик, глубоко вдохнув и выдохнув, уже проделал все, что было необходимо для первого легкого контакта. — Превосходно. Могу с уверенностью сказать, что это доставит удовольствие нам обоим. Теперь снова вдохни и выдохни...

Камбер сразу проскочил два уровня и ощутил, что сознание юноши приближается к тому состоянию, когда незримые узы свяжут их и они сольются так плавно, как только можно мечтать. Он опустил веки, будучи уверенным, что Джессу, как и ему, чтобы видеть, более не нужны глаза, и расслабил руки, которые теперь просто лежали на плечах мальчика: физический контакт был излишен, ему просто не хотелось двигаться.

Защита Джесса исчезла так привычно легко, как и ожидал Камбер, хорошо зная Грегора.

Нить, связующая их, была готова, и они начали обмениваться сведениями о той встрече недалеко от Долбана. Мгновение Камбер наслаждался ничем не нарушаемым равновесием и общностью, затем легко отстранился перед тем, как защитные поля вновь окружили Джесса, и открыл глаза, чтобы увидеть, как тот поворачивает голову.

> На лице мальчика сияла довольная улыбка: он тоже был удивлен той легкостью, с которой они установили контакт друг с другом.
>
> *(«Камбер-еретик»)*

Когда Джесс ушел, Камбер поделился впечатлениями с Джоремом:

> — Либо я с возрастом, становлюсь искуснее, либо, и это скорее всего, новое поколение просто обучено лучше нас. Этот Джесс — гладкий, как шелк, он, пожалуй, более умелый, чем Грегор. Меня в дрожь бросает, как только подумаю о том, каким он мог бы стать, получи он, к примеру, выучку михайлинцев.
>
> *(«Камбер-еретик»)*

Телепатическая связь может служить для обмена воспоминаниями, и контакт Камбера с юным Джессом — яркий тому пример. Кроме того, такую взаимосвязь можно использовать и при лечении (о чем речь пойдет позже, когда мы будем обсуждать эту тему) как средство, подготавливающее участников к более тесному контакту (примеров чему множество), или как самоцель, позволяющую двум индивидуумам действовать на уровнях, не доступных сознанию каждого в отдельности.

Последнее дает совершенно потрясающие результаты, особенно когда представляет собой первый полный телепатический контакт между двумя личностями.

Наиболее ярко это иллюстрирует взаимодействие Дункана и Дугала, после которого Дункан узнает об

истинном происхождении Дугала и признается, что он его отец. Их встреча наполнена радостью, однако им не удается избежать некоторой натянутости, так как до этого Дункан не может опустить свои защитные поля, чтобы открыть доступ для более тесного контакта.

— Я сделаю все, что необходимо, — сказал он сыну, приказав ему зажать в кулаке кристалл ширала. — Закрой глаза и представь свою мать...

Он говорил, исподволь между словами передавая ему свои мысли, и уже мог различить вычерчивающийся в сознании Дугала сперва на поверхности, а затем проникающий все глубже и глубже сквозь пульсирующие, напряженные защитные поля образ, подобный тому, что он только что вызвал в своем сознании.

— Ее смех походил на звон серебряных колокольчиков... Покой, исходящий от нее, был безмятежен и глубок, как озеро у Шаннис Меер...

Как только его голос смолк, Дункан усилил воздействие и проник в сознание Дугала, преодолев его защиту, направляя поток своих воспоминаний сквозь незримые нити в сознание сына, прилагая все силы для того, чтобы канал, связующий их, оставался открытым.

Внезапно осознав, что происходит, Дугал испугался и отпрянул. И Дункан ощутил, как у его сына перехватило дыхание, словно что-то надломилось в его разуме, и он, притянув Дугала ближе, заставил его расслабиться и быстро смягчил приступ боли.

Мгновение спустя преграды пали, и Дугал оказался рядом с ним, переживая вновь

те счастливые дни, когда Мариза была с ними...

Сильное чувство, которое породили воспоминания Дункана, огромной волной прокатилось сквозь разум Дугала, изгнав из его души недоверие и страх. Дункан ощутил мгновение, когда Дугал сделал свой выбор, и, как только он убрал все преграды, разделявшие его с отцом, устремившийся внутрь поток придал их взаимосвязи новый импульс. Теперь Дункан стремился достичь большего.

Оставив нетронутым лишь то, что нельзя разделить ни с кем (чужие тайны, доверенные ему), Дункан влил в его разум все, что он помнил о том времени, когда они с Дугалом потеряли друг друга, переплетая их с немногочисленными и разрозненными, но от этого не менее важными воспоминаниями Дугала. И Дугал, почувствовав, как это было сделано, с радостью вступил в контакт.

(«Сын епископа»)

Другим поразительным примером телепатической взаимосвязи, использованной как лечебное средство в самом широком смысле этого слова, служит первый психический контакт Камбера-Элистера и непокорного молодого Целителя Тависа О'Нилла, описанный в последних главах романа *«Камбер-еретик»*.

После нескольких неудачных попыток, смирившись с потерей руки, он наконец соглашается на поверхностную взаимосвязь с Камбером, и они соединяют свои руки вокруг зажженной свечи.

/Камбер/ тотчас же столкнулся с защитами Тависа.

Сначала медленно и осторожно, затем все увереннее и увереннее они стали опускаться, в то время как поверхностные уровни сознания Тависа начали взаимодействовать с его разумом и более не противились прикосновению Камбера. Он продвигался медленно и осторожно, оставляя присущее Камберу за пределами того, что он намеревался разделить с Тависом, раскрывая лишь то, что касалось Элистера, стараясь двигаться медленно и осмотрительно, чтобы не испугать Целителя.

К его удивлению, от попыток Тависа укрыться вдруг не осталось и следа, все поглотила волна слепого и смиренного доверия. Он не раздумывая проскользнул по ту сторону распадающихся защит, готовый в любую минуту отпрянуть, если Тавис испугается, но успокоившись, позволил себе слиться с его разумом в захватывавшем дух смешении чувств и воспоминаний.

О такой почти безупречной связи он мог только мечтать. Она напоминала ему ту огромную радость психического общения с тем, кто не был связан с ним кровными узами родства, которую он испытывал во время первого контакта с Джебедией много лет назад. То, что он чувствовал сейчас, восхищало его. Он был ослеплен, каждый поворот вселял в него благоговение и ужас, и это все был Тавис, все это было явью.

(«Камбер-еретик»)

Еще более яркий пример такого обмена — телепатическая взаимосвязь Камбера с Джебедией, описанная в последних главах *«Святого Камбера»*. В отличие от связи, которую Камбер устанавливает с Тависом, этот контакт являет собой полную взаимосвязь, за-

трагивающую все уровни сознания. В течение нескольких месяцев Камбер старался уклониться от этого контакта: наставник михайлинцев был ближе к Элистеру Келлену, нежели кто-либо другой, и не знал о том, что Элистер мертв, а его внешний облик присвоил Камбер. Сделав так, чтобы Камбер не смог отказаться, серьезно не подорвав его доверия, Джебедия все-таки вынудил его пойти на контакт. Таким образом, в этом столкновении Камбер под чужой личиной обязан не только осторожно восстановить прежние близкие отношения, портившиеся из месяца в месяц из-за отчужденности и постоянного стремления уйти от серьезного разговора, но и сохранить в неприкосновенности свое второе «я». Если не удастся добиться его поддержки, михайлинец должен умереть. Камбер начинает с мастерских манипуляций, во время которых показывает свою осведомленность во всех тайнах магии, хотя легко мог бы трансформировать их в полное, доставляющее радость общение равных, результаты которого не могли предсказать ни он, ни Джебедия.

> Он уронил руки на плечи Джебедии и сделал так, чтобы тот встал на колено, при этом сосредотачиваясь на том, чтобы сущность Элистера, была замечена первой. Он поднял руку, на которой носил кольцо епископа, поборов сомнение, сжал и разжал пальцы, будто хотел согреть их, — достаточно для того, чтобы Джебедия заметил темно-красный драгоценный камень и вспомнил, почему этот обмен не может быть равным.
>
> Он поднес руку к затылку Джебедии и опустил раскрытую ладонь на его склоненную голову. Тот сразу же ответил на знако-

мое прикосновение. Вздохнув, он прильнул к руке Камбера, его ресницы затрепетали, и он стал осторожно раскрываться. Камбер позволил еще немного просочиться тому, что было в нем от Элистера, сквозь нить, которая связывала их, и ощутил, что сознание Джебедия ожидает ответа. Даже малейшее подозрение не затуманивало этот упорядоченный разум.

— Теперь уйди, — тихо сказал Камбер.

И, к его удивлению, Джебедия ушел, приняв неуверенность контакта с Элистером за естественную предосторожность, как будто его старый друг пытался установить границы того, что он может разделить с другим, оставив нетронутым все, что касалось его обязанностей.

Камбер изумился такому простодушному доверию, ненавидя себя за то, что вынужден обманывать. Собрав все свои силы в единое целое, мгновенно, без предупреждения, он бросился вниз. У Джебедии не осталось времени даже для того, чтобы понять, что происходит. Когда же он осознал, что случилось, предпринимать что-либо было уже поздно.

Задохнувшись, он зашатался от боли. Его разум содрогнулся, осознавая, что чуждое сознание охватывает его. Ослепленный, ослабленный, он неумело сопротивлялся уже отвердевшим путам, отступая перед новыми непрерывными атаками, тщетно пытаясь защититься от навязываемого ему знания, к которому он не был готов, которого не желал, о котором не помышлял, уже не веря, что его разум останется в его власти.

Лишь тело было все еще способно сопротивляться приказаниям Камбера: мускулы воина отзывались на угрозу, даже ко-

гда разум уже не в силах был противостоять. Его правая рука потянулась к кинжалу, вцепившись наполовину парализованными пальцами в рукоять, и начала медленно вытаскивать лезвие из ножен.

Заметив это движение, Камбер мгновенно вцепился в поднимавшуюся руку и попытался остановить ее. Не отступая ни на йоту от своей цели открыть Джебедия глаза на происходящее, он обхватил его, пытаясь удержать михайлинца, и усилил натиск, захватив левой рукой могучее запястье Джебедии. Одновременно его воля навязывала разуму воина то, чего он не желал знать, описывая в деталях все, что произошло после смерти Элистера, вплоть до сегодняшнего дня.

Джебедия затряс головой, отказываясь верить, животный скорбный крик отчаяния вырвался из его груди. Пустые, ничего не видящие глаза не отрываясь смотрели в лицо Камбера. Он резко выбросил вперед левую руку, сбхватив ворот накидки Камбера, и потянул его к себе.

Медленно, неотвратимо кинжал приближался к его горлу.

Но это не заставило Камбера отступиться. Он безжалостно вынудил Джебедию осознать последние доводы: преимущества, которые получил от этого Синхил; то, что лишь немногие знают о смерти Элистера; что произойдет, если игра не будет продолжена; то, что среди человеческой знати начинают назревать тревожные для Дерини настроения; какая опасность угрожает тем, кто был вынужден вступить в эту игру; что он и его дети готовы пойти на любые жертвы, чтобы спасти Гвиннед. А готов ли к этому Джебедия?

Проделав все это, Камбер прекратил борьбу, выпустив из рук все нити, связывающие Джебедию, кроме одной — той, посредством которой он мог лишить его чувств и, если необходимо, жизни. Облик Элистера, который он носил столько времени, рассеялся. На Джебедию смотрел Камбер, надеявшийся на милость и сострадание. Кинжал уже коснулся его горла, но Камбер, не обращая на это внимания, молился лишь о том, чтобы здравый смысл помог Джебедия принять открывшееся ему.

Джебедия, почувствовав свободу, еще не осознав, что происходит, вывернулся из объятий Камбера, бросил его на пол, уселся на грудь и прижал лезвие к шее, намотав на другую руку край мантильи, чтобы задушить Камбера, если кинжал не сможет лишить его жизни.

Камбер перестал сопротивляться и лишь с мольбой смотрел в безумные глаза Джебедии. Раскинув руки, он показывал, что сдается на милость победителя.

И Джебедия увидел, понял, постиг то, что собирался сделать. Его охватило удушье, и в глазах отразилось то, что творилось в его душе. Рука воина разжалась сама собой. Казалось, Камбер прекрасно понимал, какие мысли проносятся в мозгу Джебедии, рука которого все еще тянулась к его шее, в то время как кинжал уже лежал на полу.

Ничего не видящие глаза закрылись, и из сжатого судорогой горла вырвалось всхлипывание. Суровый воин был готов, не стесняясь, разрыдаться.

(«Святой Камбер»)

В конце концов Джебедия сумел принять и оправдать то, что сделал Камбер, но его все же интересует, как поступил бы Камбер, отреагируй михайлинец иначе.

> Камбер поджал губы и, бросив взгляд на Джебедию, дотянулся разумом до последней нити, связующей их. Затем усилил давление и снова взглянул на воина.
>
> — Боюсь, я не настолько честен, как ты полагаешь, — прошептал он, когда Джебедия ощутил его воздействие и едва смог удержаться от потери сознания. Камбер ослабил давление и контроль над разумом михайлинца и вцепился в поднятую руку мертвой хваткой. — Как ты, наверное, уже понял, я не воспользовался последним отчаянным средством. Но не уверен, что не стал бы прибегать к нему, если бы ты вынудил меня сделать это.
>
> Джебедия закрыл глаза и медленно кивнул.
>
> — Ты бы убил меня, — равнодушно сказал он. — И был бы прав. Ты мог оставить меня в живых, только если бы я стал союзником. То, ради чего ты все это сделал, слишком важно.
>
> *(«Святой Камбер»)*

Новое знание склоняет Джебедию к тому, чтобы предложить помощь, и Камбер не отказывается ее принять.

> Мгновение Камбер всматривался в печальные глаза, которые теперь были красны от слез, читая в них преданность и доверие, которые, и он всегда знал об этом,

испытывал Джебедия к Элистеру и которые теперь, как казалось ему, испытывал тот и по отношению к нему. Но он не посмел убедиться в этом, боясь потерять все. Протянув правую руку и положив ее на раскрытую ладонь Джебедии, он позволил Элистеру, а затем и Камберу проникнуть в настороженный, робко идущий на контакт разум Джебедии и задохнулся от непередаваемого чувства восторга, которое породило в нем это неожиданное тройственное взаимодействие.

До этого он не сознавал всего многообразия разума Элистера, ощущая, как он сливается с человеком, которого Элистер Келлен знал и любил как никого на свете. Джебедия сам изумился такому единению. Его воспоминания и то, что пережил Элистер, сливались и смешивались с тем, кто обладал теперь его сутью так, как если бы сам Элистер присутствовал здесь и сам настоял на участии в этом странном обмене, о котором ни Джебедия, ни Камбер даже не мечтали. Так, взявшись за руки, они просидели почти целый час, восхищаясь тем, что открывалось им, печалясь неудачам и разочарованиям, которые испытывали, не в силах сдержать радостный смех, когда какая-то новая грань обмена открывалась им. Наконец они разъяли руки: Камбер — чтобы вновь принять облик того человека, которого теперь понимал так хорошо, как прежде не смел мечтать, считая это невозможным, Джебедия — чтобы взглянуть, как его новый друг обретает облик друга прежнего, который для него, по крайней мере, не был потерян безвозвратно.

(«Святой Камбер»)

Телепатическая связь с животными

Одно из проявлений телепатической взаимосвязи — своеобразные отношения некоторых Дерини с животными. Вообще-то это первое, что мы узнаем о магии Дерини. Упоминая о Моргане еще до того, как он выходит на сцену, Брион говорит, что тот способен «сделать так, чтобы олени подошли прямо к городским воротам, если только пожелает этого... Он может отлично ладить с животными» *(«Возрождение Дерини»)*. По прошествии года сам Морган, стоя возле пруда в своем герцогском саду, наблюдает, как рыбы приходят на его зов, так же, как птицы слетаются к рукам его сестры Бронуин *(«Игра Дерини»)*. Дугал использует этот дар, чтобы поймать безглазую рыбу.

Еще задолго до того, как становится известно, что Дугал — Дерини, его «вызывающая восхищение способность очаровывать животных» дает повод к разговорам. Подозрения должно было вызвать уже то, что он легко может управлять поведением лошадей стражи в Ратаркине, а когда использует энергетический потенциал лошади, чтобы установить связь с Кьярдом, то, что он Дерини, уже не вызывает сомнений. Его способность воздействовать на гепарда Кисах не удивляет нас, хотя реакция хозяина Кисах дает основание предположить, что эти способности выходят за пределы возможностей Дерини.

Еще один пример телепатической взаимосвязи с животными — то, как Морган укротил раненую лошадь *(«Посвящение Дерри»)*.

Чтение мыслей, контроль над разумом

Чтение мыслей

Один из наиболее распространенных талантов Дерини — умение читать мысли. Использовать этот навык можно вне зависимости, хочет человек этого или нет. При этом ему не наносится никакого вреда, ибо для того, чтобы прочесть чьи бы то ни было мысли, не требуется «вскрывать» его разум. Таким образом просто можно распознать, говорит кто-то правду или лжет. Келсон начинает развивать в себе эту способность еще до того, как становится королем, и, по всей видимости, он один из тех Дерини, которым без труда удается это сделать. Однако, чтобы узнать правду, тем не менее приходится задавать определенные вопросы. Человек, осведомленный о процессе, способен просто обойти момент, вызывающий затруднения, или вообще ничего не ответить. Представление, которое мастерски разыгрывает перед епископами Камбер-Элистер, когда его и Джорема допрашивают о явлении «святого Камбера» перед Гвейром Арлисским, — великолепный пример, подтверждающий сказанное. Он вовсе не лжет, но и не говорит всей правды.

Келсону также хорошо известны недостатки считывания мыслей. Вскоре после того, как он вновь встречается с Дугалом, он говорит:

> — Я не всемогущ. Однако легко могу сказать, лжет человек или нет. Это называют считыванием мыслей. Но чтобы узнать истину, я должен задать нужные вопросы.
>
> *(«Сын епископа»)*

Но если человек не хочет отвечать или, уличенный во лжи, отказывается говорить правду? Дерини может принудить кого бы то ни было отвечать правдиво. Это иногда называют признанием и используют намного реже, чем обычное чтение мыслей, ибо в этом случае приходится действовать против воли объекта.

Дерини, придерживающийся этических норм, постарается избежать такого принуждения, не оставляющего человеку выбора. Чтобы получить сведения от заключенного или подозреваемого в преступлении, легче подвергнуть его пытке или использовать другие сильнодействующие средства. Однако из-за того, что чтение мыслей — достаточно надежный и простой способ, искушению воспользоваться им практически невозможно противостоять.

Чаще всего такие действия оправдывают насущной необходимостью. Так, Морган, находясь на дороге в Дхассу вместе с Дунканом, чтобы отыскать кратчайший путь, вынуждает писаря Тьерри и еще нескольких человек рассказать правду *(«Властитель Дерини»)*. Выбор между физическим запугиванием и считыванием мыслей, которое не причинит вреда

или какого-либо беспокойства объекту, очевидно, всегда будет сделан в пользу последнего.

Обычный человек, если, конечно, его не защитил более искусный и более могущественный Дерини, практически беспомощен перед тем, кто допрашивает его. Плененный мятежный епископ Неван д'Эстрелдас, не обладая такой защитой, признается во всем, когда Морган подвергает его допросу. Дерри, имея такую защиту, делает героическую попытку противостоять Венциту Торентскому, однако что он, лишенный амулета святого Камбера, накаченный снадобьями, может сделать против волшебника Дерини? В конце концов, Дерри был сломлен, его тело становится подвластным воле Венцита, хотя разум и остается свободным, но лишь настолько, чтобы осознать, что произошло. Он отлично понимает, что предал Моргана и своего короля и что предаст их еще раз, если Венцит того пожелает, что теперь даже решение, жить ему или нет, полностью зависит от прихоти Венцита.

Дерини, если кто-то попытается воздействовать на него, способен оказать сопротивление, соответствующее его общему уровню подготовки, однако, как в разное время говорили Кверон и Райс, в конце концов любого можно сломить, наркотики и время сделают свое дело. Итак, получается, что единственной надежной защитой от признания может служить весьма сомнительная услуга — установка на самоубийство, которая приводится в исполнение до того, как целостность разума человека или Дерини будет нарушена. Из числа людей тут можно назвать Эдгара Мэтелуэйта, который был вынужден направить кинжал против себя перед угрозой подвергнуться считыванию мыслей со стороны Моргана. Среди

Дерини такими жертвами стали Дафид Лесли, который запаниковал, когда его допрашивал Тавис О'Нилл, и согласился скорее умереть в конвульсиях, чем предать своих друзей, и Дензиль Кармайкл, чья установка на самоубийство была приведена в исполнение при попытке Целителя Ориэля проникнуть в ее разум.

Непреодолимое желание сказать правду лишь в некоторой степени отличается от насильственной взаимосвязи, когда оператор силой вторгается в разум объекта, чтобы извлечь необходимые сведения. Если же объект способен сопротивляться, это может не только вызвать болезненные реакции, но и причинить ему физический вред.

Довольно часто определенные, совершенно законные процедуры могут стать причиной различной степени дискомфорта. Почти во всех случаях это происходит из-за сопротивления. До тех пор пока Дутал не научился опускать защитные поля, он испытывает мучительную боль, если кто-либо, кроме Дункана, пытается пройти сквозь них, хотя никто не желает ему зла. Даже взаимосвязь с Дунканом, когда стало ясно, что тот его отец, для Дугала первое время неприятна. Дело в том, что сперва Дункану приходится силой преодолевать бессознательное сопротивление и лишь потом устанавливать связь, до тех пор пока сопротивление не прекращается.

Если же объект сопротивляется по-настоящему, а оператор тем не менее продолжает воздействие, это может привести — чего иногда и добиваются — к серьезным последствиям. Насильственное изъятие сведений иногда называют вскрытием. Само название уже предполагает насилие над личностью или ее уничтожение. Без каких-либо последствий его можно

провести, если обладать достаточным умением, временем и снадобьями Дерини, позволяющими сломить сопротивление.

Впервые Джорем упоминает об этом, когда архиепископ Джеффрай предлагает подвергнуть его разум глубокому исследованию, чтобы узнать, где находится тело Камбера. Джорем вынужден сопротивляться этому со всей силой, так как защитные установки были сделаны самим Камбером.

> Джеффрай подозрительно сжал губы:
> — Такие провалы в памяти можно преодолеть, отче.
> Архиепископ говорил спокойно, но в его словах таилась угроза.
> — Но вы разрушите мой разум. Ваша милость, не заставляйте меня пойти на это, — умолял Джорем.
>
> *(«Святой Камбер»)*

Кверон сам предлагает, чтобы его подвергли глубокому исследованию, хотя это было, скорее, односторонней связью, использованной для своеобразного зондирования.

При условии, что эта процедура была бы проведена вопреки желанию Джорема, его разум мог быть действительно разрушен, если бы Джеффрай слишком далеко зашел в своих розысках.

Однако когда Джеффрай соглашается с тем, что епископ Келлен может попытаться пройти мимо «установок» Джорема, тот намеренно упоминает о «вскрытии». Он вовсе не боится, что к нему и правда прибегнут, но пытается дать понять, что не может подчиниться никому, кроме Камбера-Элистера.

— Что скажет нам отец Мак-Рори?— сурово спросил Джеффрай. — Позволят ли эти «установки» епископу Келлену считать ваши мысли?

— Я... Я не знаю, ваша милость, — прошептал Джорем, делая вид, что не уверен в этом. — Думаю, что да. Но я все-таки ощущаю некоторое сопротивление, хотя, скорее всего, доверился бы именно епископу Келлену. Поверьте мне, ваша милость, я не хочу ослушаться, но еще меньше склонен подвергать мой разум «вскрытию» против моей воли.

(«Святой Камбер»)

Итак, совершенно ясно, что «вскрытие» — мера экстренная, которую Дерини, придерживающийся этических норм, использует редко, хотя при соответствующих обстоятельствах она тем не менее может стать реальной угрозой. Конечно, когда напичканный наркотиками Райс сам предлагает «вскрытие», он делает это нарочно, пытаясь вести рискованную игру с Тависом в надежде, что тот различит горькую иронию в его словах как отчаянную попытку доказательства его честности, ибо никто всерьез не посмеет предложить Целителю воспользоваться таким разрушительным орудием, не унизив его в глазах другого.

— Отчего же просто не вырезать это из моего разума?— внезапно взорвался Райс. — Напичкайте меня еще какими-нибудь вашими снадобьями, которые вы поклялись использовать лишь для исцеления!

Он попытался утешить себя мыслью, что, если Тавис примет его слова всерьез и вскроет его разум, он, вероятно, никогда не узнает, что поразит его: он уже довел

> другого Целителя до такого состояния, что от него не получить уже внятного ответа, но Тавис удивлял его. Он мог лишь догадаться, что Тавис все это время читал его мысли и знал, что он говорит правду.
>
> *(«Камбер-еретик»)*

Таким образом, «вскрытие» можно рассматривать как злоупотребление, так как «вскрытие» разума при помощи силы наносит невосполнимый урон, превращая жертву в калеку, даже если ей не причинили физического вреда. До сих пор остается неизвестным, сохранилось ли это тайное знание до того времени, когда Келсон взошел на престол, когда огромное количество тайн и верований Дерини было потеряно или тщательно скрывалось. Будем надеяться, что этого не произошло, так как столь бессмысленное разрушение разума трудно оправдать.

Память

Одна из особенностей Дерини состоит в умении управлять своей памятью. Нельзя уверенно утверждать, что Дерини как раса обладают большим объемом памяти, чем люди, хотя о точности памяти Дункана *(«Игра Дерини»)* и безупречности памяти Эмриса упоминается особо.

Но здесь, вероятно, речь идет о том, что мы называем фотографической памятью. Ее развивают с помощью практики Дерини. Так, Ивейн помогает Джорему вспомнить карту, которую отец показывал им год назад, чтобы тот смог сделать ее точную копию.

— Теперь закрой глаза и позволь мне направлять тебя, — прошептала она, притягивая его к себе. Кончики прохладных пальцев скользнули к его вискам. — Теперь начни погружаться в себя, глубже и глубже. Старайся подавлять любые мысли. Позволь своей памяти увлечь тебя в тот день в Грекоте, когда отец показывал тебе карту, которую он отыскал. Представь себе, как он раскладывает ее перед тобой. Вспомни, как ты был зачарован, следя за его пальцами. Внимательно рассмотри то, что он показывает тебе. Восстанови в памяти каждую деталь так четко, чтобы ты смог прочесть каждое слово и различить любую мелочь.

Полностью доверившись ей, Джорем позволил образу, возникшему в сознании, обрести четкие очертания, блаженно улыбаясь, когда необходимые детали плана всплывали в его памяти, чтобы обрести законченность перед его мысленным взором.

— Отлично. — Он едва слышал ее. — Теперь закрепи изображение, а когда сделаешь это, открой глаза и представь, что ты видел на пустом пергаменте перед собой. Когда откроешь глаза, ты все еще будешь находиться в состоянии транса, и образ, столь же реальный, сколь реальна была карта настоящая, останется перед твоими глазами. Тебе нужно будет лишь перенести все на пергамент. Начни, когда будешь готов.

Джорем медленно раскрыл глаза, чтобы увидеть вновь уже знакомые очертания. Как во сне, он дотянулся до пера и обмакнул его в чернильницу, которую держала Ивейн. Когда он склонился над пергаментом, чтобы выполнить свою задачу, казалось, его рука жила отдельной от него жиз-

нью, перо скользило вдоль невидимых линий со сверхъестественной уверенностью...

(«Скорбь Гвиннеда»)

Это очень похоже на классическое «автоматическое письмо», когда человек пишет или рисует, повинуясь подсознанию, а его сознание при этом не участвует в процессе.

Нечто подобное мы видим и тогда, когда Камбер делает наброски расположения частей противника, после того как он обращается за помощью к магическому колье Эриеллы *(«Святой Камбер»)*, вспоминая то, что видел глазами Эриеллы, и нанося увиденное на бумагу.

В большой мере то, что делает Морган, считывая воспоминания юного пажа о пленении графа Джареда *(«Властитель Дерини»)*, можно назвать более эффектным вариантом того же процесса, использующего как средство скорее голос, нежели перо. Ни в одной из книг нет прямых указаний на то, что такое обращение к памяти чем-то опасно для оператора. Правда, Морган дважды говорит о том, что здесь кроется некоторая опасность (не касающаяся тем не менее ни объекта, ни аудитории). Вполне возможно, что его слова основаны на каком-то печальном опыте, но не менее вероятно и то, что он просто-напросто рисуется, ибо случай предоставлял ему редкостную возможность показать, на что он способен, в условиях, в которых его позиция казалась весьма уязвимой.

В заключение приведем пример, продемонстрированный Квероном, с Гвейром Арлисским. Это процесс, позволяющий адепту проникнуть в память

другого и спроецировать визуальный образ его воспоминаний («*Святой Камбер*»). Кверон сумел воссоздать случай, происшедший с Гвейром и запечатлевшийся в его памяти. Эта процедура, должно быть, была весьма необычной: ни Камбер, ни Джорем не видели прежде ничего подобного (хотя и слышали об этом, а Камбер говорил, что Райс, вероятно, знает, как это делается). Возможно, она принадлежит к тайной области эзотерической практики, преподаваемой в Ордене гавриилитов, известной непосвященным лишь на поверхностном уровне.

То, о чем говорилось выше, весьма впечатляет, однако чаще необычайные функции памяти используются на практике. Прямое считывание воспоминаний иногда применяют для разведывательных целей, чтобы сберечь время и избежать ошибок в изложении сведений; часто один Дерини позволяет другому прочесть приказание, заложенное в его памяти — по тем же соображениям. Но есть и другие точки приложения особых функций памяти — изменение или даже введение новых воспоминаний в разум объекта. Изменение воспоминаний Тависа О'Нилла, касающихся ночи, когда умер король Синхил, служит наглядным примером того, насколько полезно иногда уметь манипулировать воспоминаниями.

А иногда бывает просто-напросто нужно стереть воспоминания, причиняющие боль. Дерини могут сделать и это.

Считывание воспоминаний умерших

Одна из способностей Дерини, касающихся памяти — считывание воспоминаний недавно умершего. Ничего подобного в нашем мире нет. Чаще всего

это делается, чтобы узнать как можно больше о чьей-то смерти (как это было бы сделано в случае с Тирцелем, если бы о его кончине стало известно ранее), или чтобы восстановить важные события, о которых мог знать умерший, что и проделал Конал с Тирцелем.

Здесь очень важно, сколько времени прошло с момента смерти. От этого зависит, удачным или нет окажется считывание. Правда, ментальное состояние считывающего также может повлиять на процесс. Морган не получает необходимых ему сведений из воспоминаний мертвого мальчика, попытавшегося предательски убить Дункана (*«Сын епископа»*). Вероятно, это связано с тем, что его эмоции были слишком сильны, а кроме того, сказалось действие мераши, попавшей в его рану. Считывая воспоминания заключенного меарца, Келсон сумел достичь большего (*«Милость Келсона»*), хотя он получает не так уж много полезной информации, кроме того, что узнает, кому служит пленник. Энском, напротив, умудряется прочесть в мозгу убитого отца Хамфри (*«Камбер Кулдский»*) достаточно, чтобы снять с него обвинение в сознательном и добровольном предательстве. Однако это может объясняться тем, что у него есть определенные навыки в считывании, а также тем, что он получил немедленный доступ к телу. После двухвекового замалчивания знаний Дерини совершенно неожиданным оказывается то, что Арилан обладает навыками, сопоставимыми с умением Энскома, однако данный вопрос относят к чисто теоретическим, так как прошло полмесяца со смерти Тирцеля, прежде чем Арилан получает возможность попытаться считать его воспоминания *(«Тень Камбера»)*, однако эта попытка обречена на провал.

Очень мало известно и о считывании, которому, как мы знаем, были подвергнуты после смерти Райс и Джебедия. Однако можно с уверенностью сказать, что именно Камбер исполнил этот последний для Райса обряд, без сомнения, вскоре после его смерти. Джорему, вероятно, было суждено считать воспоминания Джебедии, так как оба принадлежали к Ордену михайлинцев, однако со дня его смерти прошло столько времени, что рассчитывать на многое не приходилось. По разным причинам попытки прочесть воспоминания умершего Камбера оказались безуспешными.

При считывании предсмертных воспоминаний другая поверхностная информация может также оказаться полезной. Однако куда больший потенциал, заложенный в глубинах памяти, касающийся знаний и личных качеств умершего, безвозвратно теряется.

Тем не менее некоторые Дерини обладают способностью впитывать, поглощать воспоминания другого таким образом, что они полностью восстанавливаются и сливаются с личностью оператора.

Поглощение и восстановление воспоминаний

Как и для считывания воспоминаний, так и для их непосредственного поглощения, по всей видимости, очень важно время. Целостность воспоминаний сразу после смерти начинает разрушаться, ибо мозг — вместилище сведений — перестает работать. И тут даже очень хорошо подготовленный оператор может оказаться бессильным.

Рассмотрев, что происходит с Дерини во время поглощения воспоминаний, можно смело утверждать, что между работой мозга и разума существуют значительные различия.

В физическом плане воспоминания, по всей видимости, хранятся в мозгу подобно заряду, который содержит электрическая батарея. Энергия живого тела, постоянно подпитывая мозг, помогает ему выполнять свои функции. Однако ментальный механизм, извлекающий информацию, которая хранится в памяти, приводит в действие воля. А воля — это функция разума, непосредственно связанного с той жизненной силой, которую мы называем душой. Как только душа покидает тело (или, если использовать систему образов Дерини, обрывается серебряная нить), связь между мозгом умершего и разумом живого нужно устанавливать немедленно, пока мозг еще хранит информацию. Во время считывания воспоминаний умерших сведения, которые удается извлечь, всегда отрывочны.

Все это также предполагает наличие способов, посредством которых искусный Дерини, такой, как Эмрис или умирающий Девин Мак-Рори, может избавиться от собственных воспоминаний после своей смерти, так что в его памяти не остается ничего, что удалось бы считать и использовать против людей, окружавших его.

Пока мы сумели рассмотреть лишь два примера серьезного считывания воспоминаний: принятие и поглощение Камбером воспоминаний умершего Элистера Келлена и принятие Коналом воспоминаний Тирцеля Кларонского, хотя поглощение его воспоминаний формально так и не было завершено. В противоположность довольно плохо обученному Ко-

налу, Камбер, считывая воспоминания Элистера, прекрасно знает, что делает и что последует за этим.

> /Он/ возложил обе руки на лоб и, закрыв глаза, позволил своему сознанию собраться, а затем достичь того, что осталось от Элистера Келлена.
>
> Подпорченные, перемежаемые вызванными смертью пробелами фрагменты воспоминаний находились в полном беспорядке, он не мог и надеяться восполнить их, хотя и был готов к этому. Стараясь как можно скорей считать воспоминания, он позволил им просочиться под строго охраняемые своды своего бытия, замедляя их поток лишь для того, чтобы отсеять их от теней смерти, лишенных последовательности или не имеющих смысла. Потом он объединит чужие воспоминания со своими, а теперь все это нужно просто спрятать под замок. На большее времени не было.
>
> Камбер знал цену, которую заплатил за эту спешку. Принять воспоминания другого целиком — значило принять и бьющуюся, пульсирующую боль всего, что теперь умирало в Элистере. Но он не решался отложить все это на неделю или две, до лучших времен, из-за того, что возрастающее напряжение в мозгу умершего, вызванное уходящим временем, точно инфекцией в гноящейся ране, может, как говорили, действительно свести с ума того, кто в конце концов решится снять его.
>
> *(«Святой Камбер»)*

Спустя неделю Камбер наконец восстанавливает воспоминания и получает удивительный результат. Его метод выражается в том, что он исполняет нечто

напоминающее ритуал, необходимый, чтобы достичь нужного состояния разума, в основе своей составляющего уход в себя и обращение к своим воспоминаниям, чтобы пережить вновь те фрагменты, которые были частью сущности человека, чью индивидуальность он присвоил. После этого он способен принять эти воспоминания, словно они были его собственными. И действительно, воспоминания Элистера были восстановлены столь тщательно, что иногда кажется, будто какая-то его часть продолжает существовать как нечто реальное. Именно это, вероятно, так неожиданно развеяло все подозрения верного Джебедии во время первой полного ментального слияния с Камбером.

Попытка Конала впитать воспоминания Тирцеля не удается, вероятно, потому, что он не знает, что именно необходимо для их восстановления, а может, потому, что у него нет ни малейшего намерения стать Тирцелем Кларонским, ему лишь нужно получить воспоминания о «запретном знании». Однако в какой-то мере упорядочение и восстановление присутствуют в ритуале, во время которого он должен овладеть способностями Халдейнов. Нечистая совесть Конала все же не позволит ему присвоить личные воспоминания Тирцеля, его интересовали лишь тайные знания, которые он впитал. Головные боли, все чаще посещающие его, и неистребимый соблазн воспользоваться своими способностями, чтобы добиться желаемого, особенно когда он ухаживает за Росаной, — все это признаки переполнения памяти, так и не растворившейся до конца. Такое переполнение, вероятно, граничит с настоящим сумасшествием, которого в свое время так опасался Камбер. Конал всегда завидовал Келсону, был эго-

истичным, потворствовал своим желаниям, всегда слишком хорошо осознавал свое происхождение и привилегии, хотя хотелось бы верить, что лишь случайное стечение обстоятельств заставило его перейти черту, отделяющую измену и предательство. Остается лишь сетовать, что этот испорченный Халдейн постепенно превращается в плетущего интриги избалованного мальчика, и надеяться, что клинок палача принесет ему наконец покой и дарует искупление.

Контроль над разумом

Контроль над разумом позволяет управлять всеми функциями, которые мы уже обсудили, будь то самоконтроль и дисциплинированность разума самого оператора или контроль и надзор со стороны другого, так как в сущности все функции Дерини требуют измененного состояния сознания. Естественной защитой от контроля над разумом служат защитные поля. Люди тоже могут сопротивляться такому контролю, однако защитных полей у них нет.

Использование защитных полей иногда заставляет платить по векселям, а не только получать прибыль, как это было в случае с Дугалом. Вряд ли его мать сознательно установила их, так как, хотя и происходила из народа приграничья, который обладал вторым зрением, не знала, как эти люди обрели такую способность, а кроме того, она прожила всего несколько дней после рождения сына. Скорее всего, защиты Дугала проявились спонтанно по достижении им половой зрелости, как это часто случается, если ребенок не получает преимуществ, которые дает формальное обучение. В те дни, когда Дерини зани-

мали господствующее положение, родители обычно устанавливали контроль над своими детьми еще в младенчестве, чтобы дать им возможность обойти детские защитные поля, когда они появятся. Необходимость в этом обычно отпадает, когда ребенок достигает совершеннолетия, однако такой контроль позволяет родителям и тем, в чьи обязанности входит присматривать за детьми, к примеру учителям, обходить защитные поля, которые могут помешать исполнению их обязанностей. Юных Дерини, сразу после того как они овладевали способностью поднимать защиту, учили опускать ее, так как и тот, и другой навык был им необходим в дальнейшей жизни.

Осуществление контроля обычно сопровождалось и усиливалось вхождением в транс, для чего у Дерини было несколько разных способов, многие из которых хорошо известны тем, кто знаком с современной гипнотической практикой. Чаще всего они включали в себя физический контакт, причем предпочтение отдавалось контакту через лоб.

Излюбленным способом, который позволял завладеть вниманием человека, было направить его внимание на кончик пальца оператора, находящийся чуть выше уровня глаз. Оператор медленно приближал палец к переносице объекта, чтобы затем коснуться его лба. Объект невольно закатывал, а затем закрывал глаза. Ощущение усталости, которое вызывалось таким образом, позволяет усилить подаваемые в то же самое время установки расслабиться и уснуть. Усиленным гипнотической энергией Дерини установкам противостоять невозможно.

Способов входа в транс у Дерини много. Кто-то использует дыхательные упражнения, кто-то моторные сигналы, визуальные ключи или любые комби-

нации этих способов. Хорошо тренированный адепт способен войти в транс за доли секунды, без каких-либо внешних приготовлений, однако физические сигналы почти всегда ускоряют введение той установки, которая необходима, чтобы войти в измененное состояние.

Способ Турина (из всех известных нам только он имеет свое название) включает в себя как визуальную фиксацию, так и дыхательные упражнения. По сути, он почти не отличается от большинства других способов, однако тот факт, что Морган и некоторые его последователи упоминают его, называя этим именем, может указывать на то, что данный способ дошел до нас благодаря истинным потомкам членов Камберианского Совета. Этот источник, вероятно, небезупречен, так как большая часть знаний Дерини была потеряна или подверглась искажениям за десятилетия преследований, однако Райс Турин, по всей видимости, сумел прекрасно обучить этой технике погружения в транс своих потомков, которые и передали ее нам. Не без оснований и Морган, и Дункан могут претендовать на прямое происхождение от Райса и Ивейн, хотя точные сведения об их родстве будут раскрыты лишь в последующих книгах о Дерини.

Таким образом, визуальная фиксация — важный момент при погружении в транс. Глубокий вдох и выдох сопровождаются фокусированием на чем-либо: кольце, свече, кончике пальца, точке отраженного света. Морган сосредотачивает внимание на грифоне своей печатки, Тирцель завладевает взглядом Конала, дав ему установку смотреть на пламя свечи. Венцит, чтобы привлечь внимание Брэна Кориса и облегчить ему погружение в транс, использует кулон

из ширала, свисающий с цепи, которую он держит в руке. Тирцель пользуется медалью святого Камбера, принадлежащей Коналу, как маятником, чтобы направить его внимание на другое помогающее войти в транс средство Дерини — пиктограмму.

Пиктограмма

Сложные мотивы орнамента, называемые пиктограммами, были известны на протяжении тысячелетий истории нашей планеты. По своей сути они представляют собой разновидность сакральных лабиринтов. Дерини, использующий их, преследует цель ввести пользователя в состояние измененного сознания. Адепт в этом положении будет способен использовать силы и интуицию, которые недоступны для сознания, находящегося в обычном состоянии. По этой причине Дерини и создают определенные узоры, рассматривание которых может повлечь за собой определенные ответные реакции (привести в действие заклинания или ввести разум в определенное состояние), как наикратчайший путь установления нужных психических связей.

Пиктограммы, которые применяют постоянно, обычно вырезаются на камне или дереве или отливаются в металле. Прежде чем использовать пиктограммы, их элементы, как правило, нужно активировать или зарядить. Так, Ансель заряжает их огнем, исходящим от его рук.

— Теперь я перестану контролировать тебя, — прошептал Ансель, ухватив Кверона за левый локоть, — но не торопись поднимать защиту. — Его свободная рука, ка-

залось, впечатала огонь, исходящий от нее, в рельеф верхней спирали так, что та запылала, точно расплавленное серебро. — Пройди первую пиктограмму. Это заклинание, помогающее сосредоточиться. Я пройду его вслед за тобой.

Кивнув, Кверон сделал глубокий вдох и стал выполнять то, что ему велели. Он прекрасно знал этот узор, может быть, даже лучше, чем Ансель, который был моложе его и чей жизненный опыт не шел ни в какое сравнение с тем, что пережил он. Кверон заставил себя медленно пройти лабиринт, не срезая углы, наслаждаясь постепенно нисходящим на него чувством покоя и сосредоточенности, в то время как его глаза прослеживали виток за витком таинственного узора. Достигнув центра, почувствовав на себе его магическое воздействие, он всего на мгновение закрыл глаза и еще раз сделал глубокий вдох. Медленно выдохнув, он открыл глаза в ожидании дальнейших указаний. Ансель распахнул дверь и ввел Кверона внутрь. Свет, льющийся от пиктограммы, становился слабее и слабее.

(«Скорбь Гвиннеда»)

Менее значимые пиктограммы могут быть нарисованы при помощи пера и чернил, хотя чаще всего их выводят на песке или земле, как ту, при помощи которой Марлук пытается околдовать Бриона, быстро набросав рисунок на земле кончиком меча *(«Архивы Дерини»)*. Пиктограммы, подобные этой, могут, вполне вероятно, восходить к Новому Завету. Так Иисус, по всей видимости, использовал пиктограмму в истории с женщиной, обвиненной в прелюбодеянии, когда, «наклонившись низко, писал перстом

на земле, не обращая на них внимания» *(Иоанн, 8:6).* Не вызывает сомнения, что именно пиктограмму нарисовал на песке человек в серой сутане, чтобы вызвать у Келсона и Дугала видение последнего местопребывания святого Камбера. Пользуясь магическим кристаллом, он вызвал видение на гладком, омытом волнами песке (*«Тень Камбера»*). Однако использование пиктограмм не ограничивается лишь кругом Дерини. Рейф применяет пиктограмму, чтобы ввести в более глубокий транс уже и без того легко поддающегося воздействию Хоуга.

> — Стратегия, которую мы выработали для сегодняшней битвы, была безупречна, — тихо сказал он, начиная набрасывать пиктограмму, которая непосвященному показалась бы схемой военных действий. — Понимаешь ли ты, что наделал король, приказав атаковать с востока?
>
> Хоуг следил глазами за каждым движением Рейфа и теперь с еще большим вниманием смотрел на схему, которую рисовал Рейф, погружая Хоуга в транс гораздо глубже, чем это требовалось.
>
> — Хотя, наверное, все это слишком сложно после того, как ты провел целый день в сражении, — пробормотал он, прикоснувшись к руке Хоуга прутиком.
>
> В тот же миг веки Хоуга затрепетали и закрылись, дыхание стало глубоким, но он оставался сидеть, опершись на локоть.
>
> — Ах да, — прошептал Рейф. Не спуская с него глаз, он бросил прутик в огонь. — Ты выглядишь очень усталым, Хоуг.
>
> Хоуг облегченно вздохнул.
>
> *(«Милость Келсона»)*

Рейф использует введенного в транс Хоуга в качестве проводника, чтобы связаться с Софианой.

Таким образом, можно прийти к выводу, что пиктограмму используют для того, чтобы ввести в транс или измененное состояние либо при помощи объекта, либо без нее.

Сверхчувственное восприятие

Способности Дерини позволяют особым образом сквозь приоткрытые защитные поля осматривать, сканировать или испытывать какую-либо территорию или какой-либо объект, чтобы проверить, насколько те опасны. Зона такой проверки без подготовительных операций может простираться на восемь-десять ярдов в любом направлении или быть примерно равной предельному размеру магического круга, в котором находится оператор. Для того чтобы осмотреть территории, лежащие вне этих пределов и особенно вне пределов видимости, необходимо иметь точную цель поиска. Достичь же наилучших результатов помогает так называемое тайновидение.

В нашем мире оно часто ассоциируется с гаданием по зеркалу как с одним из древних способов получения сведений. Оператор должен зафиксировать взгляд в определенной точке и войти в измененное состояние, что позволяет знанию, прежде находящемуся в подсознании, выйти на поверхность — обычно в качестве видений. Наиболее распространенными точками для фокусирования были хрустальные шары, зеркала, спокойная или бегущая вода, сверкающие камни, языки пламени — все, что может надолго привлечь внимание.

Дункан использует для этой цели большой желтый кристалл ширала, находящийся в кабинете Моргана. Он позволяет отключиться своему разуму, когда его обеспокоенное подсознание вызывает в воображении угрозы архиепископа Лориса (*«Игра Дерини»*). Стараясь найти нить, связующую его с Эриеллой, через колье, которое она носила, Камбер смотрит в серебряную чашу, наполненную подкрашенной чернилами водой *(«Святой Камбер»)*. Такое сосредоточивание на предмете, связанном с целевым объектом, представляет собой вариацию Дерини обычного гадания по стеклу. Оно основано на принципах психометрии, утверждающих, что предмет, который постоянно носит или регулярно использует человек, поглощает некоторую часть его сущности, оставляя отчетливую «подпись», которую может распознать оператор, получивший определенные навыки в этой деятельности. Прочность связи между предметом и индивидуумом, которому он принадлежат, зависит от того, как долго этот предмет находился в непосредственной близости к объекту, а также от материала, из которого сделан предмет.

Именно эта связь и служит ориентиром, по которому оператор пытается разыскать необходимые сведения. Так, Морган предлагает Келсону, который пытается узнать что-либо о пропавшем Дугале, стараясь связаться с ним через черную шелковую ленту, использовать языки пламени в качестве экрана и визуального фокуса.

Здесь уместно сделать небольшое отступление, дабы заметить, что именно шелк из всех материалов лучше всего сохраняет психический «заряд». В идеале шелк, в который завернута магическая утварь, должен как ограждать ее от влияния внешних магнит-

ных полей, так и сохранять в ней заряд, возникший в процессе использования.

Из шелка чаще всего шьют церковное облачение и магические одежды, хотя природные волокна, такие как тонкая шерсть, лен, хлопок, используют также весьма широко. Однако один из теоретиков христианства утверждал, что сам покрой традиционной ризы с двумя шелковыми лентами, на которых вышиты золотом кресты, спускающимися с воротника, помогает проводить энергию, вызванную к жизни священником во время отправления мессы. Можно также упомянуть, что одеяние Джокоты, которое, по всей видимости, было церемониальным, тоже сшито из чистого шелка.

Шелковая лента Дугала — прекрасный фокус для Келсона, когда тот пытается узнать, где находится Дугал, хотя бы примерно. Ко всему прочему, Морган дает право Келсону увеличить его потенциал, так как оба полагали, что их с Дугалом разделяет большое расстояние.

> — Используй пламя как первую точку для фокуса, — негромко сказал Морган, пристально глядя в глаза королю. — Смотри на огонь и позволь своему разуму погрузиться в транс. Ты увидишь все сам, но не стесняйся использовать мою энергию, когда начнешь восстанавливать образ Дугала на фоне языков пламени. Воспользуйся той сущностью, которая осталась от него в ленте, начни поиски и узри его. Позволь глазам расслабиться. Так. Используй огонь как опору для внутреннего зрения, но не забывай, что твоя цель — увидеть его. Представь Дугала таким, каким ты видел его в последний раз, и теперь перенеси этот об-

раз вперед сквозь время. Позволь себе слиться с ним. Хорошо...

(«Сын епископа»)

Во всех приведенных примерах есть одно общее: визуальный фокус служит фоном для образов, возникающих в воображении, как только достигнуто соответствующее ментальное состояние восприятия и воля направлена сквозь нить, связующую оператора с разыскиваемым объектом.

Использование линии связи, соединяющей оператора с объектом, может быть дать хорошие результаты и при осмотре местности и сканировании. Дункан, пытаясь хоть что-нибудь узнать о том, что произошло с Морганом в часовне церкви святого Торина, использует в качестве фокуса шапку Моргана *(«Игра Дерини»)*.

Морган использует как фокус кольцо, о котором говорили, будто оно было оплетено волосами Дункана и Маризы *(«Сын епископа»)*, чтобы подтвердить, что часть волос действительно когда-то принадлежала Дункану.

Если слегка изменить упомянутые техники, то поверхности, необходимые для гадания, можно использовать в качестве фокуса для передачи собственных воспоминаний. Карисса использует кубок темно-красного вина, чтобы показать слушателям свои воспоминания о последнем сражении ее отца *(«Архивы Дерини»)*. Тирцель предлагает Коналу использовать как фокус бокал вина, в то время как он считывает его воспоминания о разграблении монастыря и встрече с Росаной (*«Милость Келсона»*). Другой раз Карисса смотрит в кристалл, связанный телепатически с подобным камнем кулона должностной цепи,

которую Морган надел на коронации Келсона *(«Возрождение Дерини»)*.

Другое нетипичное явление телепатии — лозоходство, существующее и в Одиннадцати Королевствах. Этот способ применяют, чтобы обнаружить подземные воды, и иногда чтобы определить местонахождение каких-либо предметов. До сих пор мы видели лишь один случай применения лозоходства. С его помощью Морган и Дункан наносили на карту русло подземной реки, когда пропали Келсон и Дугал. Однако вполне вероятно, что это достаточно распространенное явление, так как его применение не вызывало интереса ни у тех, кто населял пограничные районы, ни у тех, кто жил в горах. Считается, что этот способ предложил использовать Кьярд О'Руан, старый верный слуга Дугала, который относит это явление к тому, что жители пограничных районов называли внутренним зрением. Внутреннее зрение же, в свою очередь, может быть проявлением наследия Дерини, которое было сокрыто ото всех в течение нескольких поколений, подвергавшихся гонениям. Он сильно сомневается в том, что способен сосредоточиться до такой степени, чтобы отличить подземные воды от поверхностных, хотя совершенно уверен в том, что Дерини могут легко это делать.

> /Морган и Дункан/ с неподдельным интересом следили за тем, как Кьярд рылся в куче плавника, лежавшего на берегу пруда, отверг чуть ли не дюжину, пока наконец не отыскал палочку в форме вилки, которая устроила его. Он быстро очистил ее от коры, время от времени останавливаясь, чтобы срезать сучок или попробовать, удобно ли держать ее в руках. Вложив в

ножны кинжал, Кьярд показал наблюдателям, что получилось.

— Почему ты выбрал именно эту палочку?— спросил Морган.

— Приглянулась она мне, господин. Одни из них тянутся к воде, другие не хочут. Чуешь, какая сила в ней, не та, что в дереве, а сила жизненная.

Проведя пальцами по белому гладкому дереву, Дункан кивнул, соглашаясь, и открыл Моргану свои органы чувств. Морган сделал то же самое.

— Кажется, я понимаю, что ты имеешь в виду, — сказал он. — И как ты думаешь ею пользоваться?

Кайард осторожно взял в руки прутик и повернул так, чтобы хвост «Y» указывал на воду. Прошло всего несколько секунд, и хвост качнулся вниз.

— Это ты сделал?— поинтересовался Морган.

Дункан и Кьярд одновременно покачали головами.

— Нет, господин, — пробормотал горец. Его покрытое шрамами лицо оставалось неподвижным, глаза неотрывно смотрели на кончик палочки. — Я не могу растолковать, как надо то, что я делаю, я...

Едва он замолчал, хвост прутика дернулся, на этот раз сильнее. Дункан подошел к Кьярду и прикоснулся к его руке.

— Старайся не обращать на меня внимания, — сказал он, посылая исследовательский зонд в разум охотника. — Ты работал вместе с Дугалом, поэтому знаешь, что контакт разума с разумом не причиняет боли. Я просто хочу посмотреть, если получится, как ты это делаешь.

Он закрыл глаза и начал следить за всеми изменениями, происходящими с потоком энергии.

— Нам тоже нужно найти себе по ивовому прутику, — подняв глаза и убрав руку с предплечья Кьярда, промолвил он. — Каждый должен выбрать для себя сам. Думаю, теперь я представляю, что к чему.

(«Тень Камбера»)

Телекинез

Дерини также обладают способностями перемещать что-либо или кого-либо на расстояние. Телефункции можно подразделить на две основные категории: телекинез, во время которого оператор перемещает объект, не прикасаясь к нему, и телепортацию — мгновенное перемещение оператора (или, возможно, кого-либо другого) на определенное расстояние.

Воздействие на механизм замков

С помощью телекинетических способностей Дерини могут открывать или закрывать замки, не пользуясь ключами. Для этого оператор направляет узкий луч ментальной энергии внутрь замка, чтобы изучить устройство и задействовать его механизм — таким образом используется функция обзора, о которой уже говорилось выше. Это свое умение Джорем использует, когда они с Райсом проникают в монастырь святого Фоиллана *(«Камбер Кулдский»)*.

Морган также в совершенстве владел этим искусством и использовал свои способности для того, чтобы открыть сложный замок, запирающий дверь в часовню под собором святого Георгия в Ремуте, и привести туда Келсона ночью перед его коронацией

(«Возрождение Дерини»). Дункан весьма неохотно поступает точно так же с дверью усыпальницы святого Торина, из-за того что вынужден это сделать на глазах у Варина де Грея и Лоуренса Горони *(«Игра Дерини»).*

Камбер использует свои способности, чтобы получить доступ к Порталу в апартаментах архиепископа Джеффрая.

> /Камбер/ склонился над дверной защелкой и дотянулся до нее своим разумом. Найдя бороздки замка, он подтолкнул их с тем особым искусством, которое столь аккуратно смогли бы показать не многие из его расы. Делая это, он не переставал надавливать на защелку и наконец почувствовал, как ручка под его рукой опустилась.
>
> *(«Камбер-еретик»)*

Дункан точно так же открывает раку, в которой хранятся просфоры, в церкви своего отца той ночью, когда они с Маризой дают друг другу брачный обет *(«Тень Камбера»).* Дугал использует этот дар, чтобы снять оковы со своего отца *(«Милость Келсона»).*

Запоры не всегда делают из металла. Так Синхил, когда его ввели в часовню михайлинцев, чтобы свершить над ним ритуал передачи могущества, замечает «странно пылающий засов» — запор, который Элистер Келлен открывает при помощи чего-то, что, очевидно, выходит за рамки простых манипуляций с замочным механизмом *(«Камбер Кулдский»).* Ивейн, отыскивая манускрипты, спрятанные ее отцом перед тем, как он ушел сражаться под Йомейром, надавливает на выступ скалы, мысленно произносит «череду звуков», и тайник открывается (*«Святой Камбер»*).

Некоторые замки запираются с помощью определенным образом заряженного кольца, печати или чего-либо подобного. Так, Дункан использует печатку Моргана, чтобы открыть тайник в алтаре церкви святой Хилари, а Морган пользуется тем же кольцом, чтобы отпереть шкатулку, которую нашел Дункан *(«Возрождение Дерини»)*. Позднее огненным кольцом Келсона открывают шкатулку, в которой находится брошь Льва *(«Возрождение Дерини»)*. Во всех этих случаях задействуется телепатическая энергия одного и того же типа, как и та, что необходима непосредственно для того, чтобы отомкнуть замок, если замок не заряжен сам и не установлен на то, чтобы разрядиться в ответ действие определенного предмета.

Изменение направления полета стрел

Одно из «преимуществ Дерини», как выразился Келсон, состоит в умении изменять направление полета стрел или даже направлять их. Это искусство показывает недавно осознавшему себя Дугалу Келсон, а затем Морган на площадке для стрельбы из лука, хотя Келсон и признает, что в состязании было бы нечестным пользоваться этим преимуществом *(«Милость Келсона»)*. На тренировочной площадке стрельба по соломенной мишени затеяна лишь для того, чтобы открыть разум Дугала, помочь ему попытаться использовать унаследованные способности. Однако позднее, когда в Дугала летят вражеские стрелы, а Келсон и Морган пробиваются к нему сквозь ряды бунтовщиков, стараясь и сохранить свои жизни, и

изменять направление полета стрел, это умение становится жизненно важным *(«Милость Келсона»)*. Здесь еще раз проявляется главный недостаток магии Дерини: она оказывается бессильной, если нет времени на то, чтобы сосредоточиться.

Другие телекинетические функции

Способности Дерини можно использовать и для более легкомысленных целей. Так, Арилан подзывает к себе чашку (*«Тень Камбера»*), Карисса заставляет перчатку вернуться к ее руке *(«Возрождение Дерини»)*, а юные Райс и Джорем силой своего разума передвигают фигуры на игровой доске *(«Архивы Дерини»)*.

Морган мысленно заставляет хлыст хвастуна обвиться вокруг его ног и сделать так, чтобы тот упал *(«Возрождение Дерини»)*. Конал при помощи своих способностей завязывает узелок из травинок, пристально поглядев на них *(«Милость Келсона»)*. Если говорить о чем-то более серьезном, то Карисса заставляет должностную цепь, которую носил Морган, сделать так, чтобы он потерял равновесие, и пущенный рукой Яна кинжал не пролетел мимо *(«Возрождение Дерини»)*. Дугал изнутри сдвигает дверные засовы, когда они с Келсоном пытаются выбраться из усыпальницы, и развязывает узлы, стягивающие его запястья *(«Тень Камбера»)*.

Однако непредусмотренный выброс такой энергии может повлечь за собой и значительные разрушения, как это было, когда из-за находящегося в бреду Грегори вся посуда и оружие начинают летать по комнате, где он лежит *(«Камбер-еретик»)*. Хаос возникает и тогда, когда Целитель Ульрик приходит

в ярость и «пытается разрушить целое аббатство». Только благодаря тому, что Эмрис направляет стрелу в его сердце, несущее смерть бешенство Ульрика удается остановить *(«Камбер-еретик»)*.

Способность вызывать физические перемещения на расстояние иногда может послужить орудием смерти.

Карисса, например, использует заклинание, останавливающее сердце, чтобы убить сначала Брэна, а затем Яна *(«Возрождение Дерини»)*. Келсон же вынужден прибегнуть к нему, чтобы прекратить страдания Венцита и трех его спутников (*«Правитель Дерини»*). Как остановить сердце — это даже король Синхил узнает очень рано, инстинктивно используя это знание, чтобы облегчить участь раненого предателя Дерини, который мгновение назад пытался его убить (*«Святой Камбер»*). По сути, это заклинание представляет собой симпатическую магию, достигающую сердца телепатическим отзвуком, который порождается действиями руки, символически сжимающей его до тех пор, пока оно не остановится.

К счастью, один из наиболее распространенных способов использования телекинетических способностей гораздо более гуманен. Он представляет собой часть действий Целителя по излечению ран, которая лежит за пределами фокусирования энергии, несущей исцеление (об этом мы поговорим позднее) — рану очищают, стягивают, пострадавшие части тела закрепляют.

«Излечение проходит намного легче, если, прежде чем начать, ты можешь вернуть поврежденные части на то место, где они находились. Для того же, чтобы исцелить находящееся на расстоянии ладони друг от друга, когда ты пытаешься в то же самое время сое-

динить рассеченные части, придется изрядно потрудиться», — замечает Сирилд, королевский Целитель, после того как при помощи Камбера восстанавливает ахиллесово сухожилие юного Райса («Архивы Дерини»).

Конечно, Камбера нельзя назвать Целителем, однако год спустя ему снова приходится спасать смертельно раненного Райса, выправляя на этот раз поврежденные кости черепа («*Камбер-еретик*»). В этом случае одной телепатической манипуляции было недостаточно, хотя почти двести лет спустя Дугал проделал то же самое гораздо с большим успехом.

Все это не имело никакого отношения к целительству в том смысле, как его понимают Дерини. И, конечно, это было совсем не то, о чем его отец и Морган говорили, описывая процесс исцеления: как следует, мысленно осмотрев повреждение и наложив на рану руки, сделать так, чтобы рана зажила.

> Убедившись, что ткань, находящаяся под черепными костями, пострадала не слишком сильно, он пришел к выводу, что лучше всего для Келсона будет просто вернуть поврежденный кусочек кости на место и позволить все довершить природе...
>
> Не смея слишком глубоко входить во все это, Дугал позволил своему разуму проникнуть в плоть, что находилась под его руками, сосредоточившись на маленьком кусочке кости. Мгновение спустя он уже мог представить ее себе, как если бы ее уже извлекли хирургическим ножом, — треугольная косточка с закругленными углами, одна сторона так и осталась на своем месте, но противоположный угол вдавлен внутрь почти на кончик мизинца.

Осторожно, стараясь не причинить боли, он мысленно обхватил ее и поднял. Она поддалась намного легче, чем он ожидал, без труда поворачиваясь до тех пор, пока три ее стороны не оказались на одном уровне.

(«Тень Камбера»)

К целительству мы еще вернемся позднее, а сейчас обратимся к использованию того, что Дерини называют Порталами.

Порталы

С помощью Порталов Дерини могут почти мгновенно перемещать на большое расстояние человека или предмет. Вот что говорит об этом Тирцель Кларонский *(«Тень Камбера»)*: «Это способ Дерини попасть куда-либо, если очень спешишь». Однако применение Порталов имеет значительные ограничения.

Общие ограничения

Во-первых, перемещаться можно только между двумя уже существующими Порталами. Дерини не в состоянии внезапно исчезнуть в одном месте и появиться в другом.

Во-вторых, Дерини не могут попасть непосредственно к тому или иному Порталу, который они прежде не посещали. Оператор должен либо знать «координаты» Портала назначения из собственного опыта, либо получить их благодаря связи с тем, кто их знает. Единственное известное нам исключение — Портал за пределами комнаты Камберианского Совета, местоположение которого удалось установить по «случайному упоминанию в одном из древних манускриптов, которые до сих пор занимали большую часть досуга Ивейн» (*«Камбер-еретик»*). Для того

чтобы перемещаться с его помощью, нужно четко представлять себе желаемое место назначения.

В-третьих, использование Портала может контролировать только один человек. Если оператор хочет переместить вместе с собой кого-то еще, тот должен позволить оператору принять на себя все контролирующие функции, иначе плохо скоординированная телепатическая деятельность может разрушить неустойчивый баланс, необходимый для перебрасывания энергии.

Дерини, даже если Дерини, чье перемещение осуществляет оператор, знает координаты места назначения, необходимо опустить первичные защитные поля и перейти в пассивное состояние, позволяя оператору взять на себя всю инициативу. От попутчиков-людей требуется лишь не мешать действиям, необходимым для телепортации, хотя все же большинство операторов предпочитают на всякий случай на некоторое время ввести их в бессознательное состояние. Чтобы проделать это с Джаваном, Тавис О'Нилл надавливает на сонную артерию принца, когда он в первый раз проходит вместе с ним через Портал *(«Камбер-еретик»)*. Арилан же был достаточно уверен в успехе, поэтому ему понадобилось лишь отвлечь внимание Кардиеля, чтобы провести его с собой *(«Властитель Дерини»)*.

В-четвертых, телепортация требует от оператора значительных энергетических затрат. Эти затраты можно уменьшить, если оператор совершает отдельные короткие перемещения, однако он быстро истощится, если будет вынужден провести несколько перемещений за относительно короткий промежуток времени. Кроме того, нужно добавить, что перемещение на значительные расстояния требует больше

энергии, чем перемещение на короткие расстояния. Начиная обучать Конала тому, как использовать Порталы, Тирцель прежде предупреждает его, что нельзя злоупотреблять перемещениями на большие расстояния (*«Тень Камбера»*).

По всей видимости, это означает, что определенный расход энергии необходим для того, чтобы просто активизировать Портал каждый раз, когда его используют, к чему добавляются дополнительные затраты, которые непосредственно связаны с расстоянием. Однако определенное влияние имеют и личные способности оператора, и остаточный уровень энергии самого Портала.

Специфические ограничения

Вскоре после открытия принципов построения и использования Порталов адепты Дерини осознают, что необходимо упорядочить некоторые из них, дабы те, чье появление не всегда желательно, не имели к Порталам свободного доступа. Одним из защитных способов стала установка на частоту определенных индивидуумов. Так, до того как Ивейн и ее дети бежали из Шиила, Портал Шиила был заперт и запечатан для всех, кто не был непосредственно связан с ними узами родства (*«Камбер-еретик»*). Вероятно, Портал Камбера-Элистера в башне королевы Шинейд был разновидностью Порталов этого же типа. Отыскать его и управлять им мог лишь сам Камбер. Есть и более изощренные средства, например, Порталы-ловушки. Камбер и Ивейн сталкиваются с одним из них, когда попадают в лагерь михайлинцев в Челтхэме.

— Где мы?— прошептала Ивейн, когда ее глаза привыкли к темноте, и еще ближе придвинулась к отцу.

Обшитые деревянными панелями стены и потолок окружали их на расстоянии вытянутой руки. Стены слегка светились: колдовские чары удерживали энергию пришельцев внутри, не давая ей проникнуть за стены. Камбер мысленно испробовал на прочность охранное заклинание, затем вздохнул и обнял дочь за плечи...

Дышать становилось все труднее. Ивейн осмотрела стены и подумала, что отсюда вряд ли удастся выбраться. Даже без охранного заклинания вторгнуться сюда и так не смог бы никто, так как ни один Дерини не сумел бы проникнуть сквозь такую толщу камня и снять запоры, закрывающие эту дверь. Если никто не пожелает принять его, незваный гость мог выбрать одно из двух: остаться здесь и медленно умереть от удушья, так как вентиляции здесь не было никакой, или быстро покинуть это место и вернуться туда, откуда пришел.

А если вернуться некуда и ты не знаешь, где находится другой Портал, ничего не остается, как умереть здесь.

(«Камбер Кулдский»)

Однако существуют и более опасные ловушки. Так, Тавис О'Нилл описывает некоторые из них принцу Джавану после событий 917 года, мешая правду с вымыслом.

— Что значит ловушки и западни? — удивился Джаван.

Тавис вздохнул:

— Понимаешь, ты можешь переместиться туда, но никогда не сможешь выйти, не сможешь даже вернуться обратно, если только кто-нибудь не выпустит тебя. Я также слышал, что можно сделать с Порталом такое, что ты вообще никогда не выберешься оттуда. Никто не знает, где бродят души этих несчастных.

(«Камбер-еретик»)

То, что произошло позже, дает весьма веский повод для беспокойства, однако Тавис сомневается, что беглый архиепископ Элистер и его сподвижники прибегли к таким крайним мерам в Дхассе, хотя чувствует, что какая-то ловушка все-таки была установлена. Он предупреждает настойчивого Джавана:

— Если Портал в Дхассе — ловушка, придется ждать очень долго, и ожидание это будет не из приятных. Ты помнишь, что ощущал той ночью, когда я сделал так, чтобы ты заболел? То, что у тебя происходило в мозгу, а не то, что ты чувствовал физически... Все может быть даже хуже.

(«Камбер-еретик»)

Казалось бы, ничего страшного не происходит. Просто мерцает ярко-красный свет, который не позволяет вновь прибывшим покинуть Портал. Однако те, кто туда попал, чувствовали себя крайне неуютно, и Тавис вздыхает с облегчением, когда свет гаснет (*«Камбер-еретик»*). По сути это можно считать вариантом ловушки, установленной в Портале Челтхэма, с той лишь разницей, что все происходит на открытом пространстве.

Менее серьезные меры практически повсеместно принимаются в частных Порталах. Портал, который ведет в помещение Камберианского Совета, по всей видимости, закрыт от вторжения кого-либо, кроме членов Совета, если, конечно, они не приводили кого-нибудь с собой. Тирцель Кларонский намекает на это, когда рассказывает Коналу о Порталах, которые можно использовать.

> — Я знаю несколько дюжин /Порталов/, хотя не во все имею доступ. Некоторые из них настроены так, чтобы их использовали определенные люди, либо охраняются на другом конце заклинаниями, которые не позволяют гостю покинуть ближайшую к Порталу территорию, пока владелец не даст разрешения на это. Потом, есть такие Порталы-ловушки, которые не дают вернуться назад, если допуск в них не был разрешен. На первый взгляд это может показаться не особенно опасным, но представь, что кого-то поймали в этой комнате и мы входим в нее в то время, как Дункан все еще в походе, в который ушел прошлым летом. Он может просто умереть с голоду.
>
> — О, Господи, а ты можешь сказать, прежде чем переместиться, установлена ли в Портале ловушка?— спросил ошеломленный Конал.
>
> — Не всегда. Это зависит от мастерства того, кто ставит ловушки, и того, кто попадает в них. Это, надеюсь, заставит тебя задуматься, прежде чем ты попытаешься поставить ловушку в своем Портале. Как я уже говорил, Порталы предназначены не для прогулок.
>
> *(«Тень Камбера»)*

Использование Порталов

Чтобы определить, где находится Портал, необходимо находиться в непосредственной близости от него или установить контакт с его квадратом. Квадратом чаще всего называют границу Портала, хотя в его конструкции используется восьмигранник. Энергия действующего Портала воспринимается как покалывание или биение, хотя все это скорее чисто психологический, чем физический феномен, и люди вообще не ощущают этого. Дерини, умеющий пользоваться Порталами, может зафиксировать его, просто ступив в квадрат.

Перемещение потоков энергии, которое вызывает покалывание или ощущение пульсации, иногда называют матрицей Портала. Именно она содержит координаты Портала, которые необходимо узнать оператору, прежде чем использовать его. Опытный Дерини может узнать координаты Портала, просто встав в его квадрат. Для того же, чтобы запомнить координаты Портала, используемого в первый раз, обычно нужно коснуться ладонью пола или земли, чтобы замкнуть физическую цепь и позволить телепатической информации просочиться на определенный уровень сознания. Физический контакт, особенно при помощи руки, помогает определить, где находится неизвестный или фактически разряженный Портал, как тогда, когда Дункан разыскивает разрушенный много лет назад Портал в развалинах аббатства святого Неота *(«Игра Дерини»)*.

Используют Портал следующим образом. В разум вводятся две точки местоположения Порталов («точки назначения и отправления), затем энергетические потоки уравновешиваются, а после происхо-

дит «смещение баланса», или деформация. Все это можно осуществить непосредственно или прибегнуть к помощи определенного мнемонического заклинания. Так, Арилан позволяет «словам обрести форму в своей голове» и затем произносит заклинание *(«Властитель Дерини»)*. Морган же просто вызывает в воображении образ места назначения и открывает свой разум перед потоком энергии, связывающим два Портала, смещая их баланс *(«Сын епископа»)*. Камбер окружает себя и Джорема потоками энергии, представляет место, куда намеревается попасть, и потом просто деформирует эти энергетические потоки *(«Камбер-еретик»)*.

Сам по себе процесс практически мгновенен и сопровождается коротким головокружением большей или меньшей силы. Дункан, которого проводит сквозь Портал Арилан, воспринимает прыжок как «смутное ощущение, будто желудок выворачивался наизнанку, хотя перегрузка от прыжка и была искусно сглажена блестящим мастерством Арилана, затем следует мгновение подвешенного состояния небытия, в которое не могло проникнуть даже горе, словно Дункану удалось оставить его в Ремуте» *(«Тень Камбера»)*. Не имеющий навыка, но все-таки Дерини-полукровка Келсон так переносит свое первое путешествие: «Сначала у него засосало под ложечкой, потом его наполнило мгновенное чувство падения и возникло слабое головокружение» *(«Возрождение Дерини»)*. Простой смертный Гвейр, ослабленный из-за потери крови, воспринимает его как «приступ тошноты, сменившийся взрывом чистой, сверкающей энергии, который практически не оставил места тьме» *(«Камбер Кулдский»)*.

Вспышка света, о которой говорилось выше, когда Камбер и его родственники бегут из Кайрори через Портал в кабинете Камбера, обычно не связывается с использованием Порталов. По всей видимости, это было сделано, чтобы запугать солдат, жаждущих схватить семью Мак-Рори. Вспышкой света также сопровождается и прибытие Ридона в Портал Торна Хагена, хотя здесь это, видимо, означает наличие охранной системы, установленной, чтобы предупреждать Торна о прибытии желанных гостей.

Дункан в первый раз использует Портал собора Валорета, узнает его координаты практически мгновенно с типичной уверенностью опытного Дерини.

> Закрыв глаза, он мысленно проник в хитросплетение потоков энергии, биение которой уже мог ощутить под ногами. Портал был хорошо заряжен и требовал намного меньше усилий, чем он предполагал. Установив связь с Порталом, находившимся в его кабинете, Дункан удивленно подумал, что активное использование только усиливает Порталы.
>
> Он замкнул цепь своим разумом и почувствовал, как засосало под ложечкой. Мгновение спустя он очутился в кромешной тьме, в знакомых стенах Портала своего кабинета.
>
> *(«Тень Камбера»)*

Как именно действуют Порталы — без сомнения, полная тайна даже для Дерини. Мы, однако, можем сделать некоторые предположения. Принимая во внимание, что Порталы всегда окружают заклятием, допустим, что некий остаточный эффект все же остается в действующем Портале и помогает содержать

и сохранять матрицу, когда ее энергия используется. Вспомните подковообразный магнит, полюса которого соединены клеммой, дабы не нарушалось равновесие заряда. Представьте, что нечто подобное соединяет различные пары Порталов, связанные с силами земли. Дерини встают между полюсами магнита, одновременно происходит всплеск энергии, приводящий процесс в действие, система зарядов земли перестраивается и уносит Дерини к другому полюсу. Таким образом, любой расход энергии подзаряжает матрицу Портала. Может быть, именно поэтому регулярно используемые Порталы более стабильны и требуют меньших затрат энергии, а Портал, который не используется долгое время, может разрядиться вплоть до того, что использовать его станет небезопасно или вообще невозможно.

Сооружение Порталов

Чтобы создать Портал, необходимо потратить немало времени и сил, а кроме того, в процессе обязательно должны участвовать несколько Дерини. В лучшем случае понадобятся два Дерини, которые знают, что делают, и еще дополнительно от двух до четырех человек, энергией которых можно воспользоваться. Теоретически допустимо, что один Дерини тоже может соорудить Портал. Риченда, когда ее спрашивают о возможностях Моргана в этом отношении, отвечает: «Практически на это неспособен никто», — подразумевая, что хоть кто-то все же может это сделать. Несколько или даже все из дополнительных двух-четырех человек могут быть не-Дерини, однако чем больше Дерини участвует, тем успешнее идет дело. Прекрасный пример приведен в романе «*Власти-*

тель Дерини». Арилан выступает в качестве ведущего оператора, Морган помогает ему вместе с Келсоном и Дугалом (все трое из которых, хотя и Дерини, не знают ничего об этой операции), а люди Нигель, Кардиель и Варин обеспечивают его энергией.

Для Портала требуется земляное или каменное основание. Готовясь соорудить Портал в палатке Келсона, Арилан дает указание скатать ковер, чтобы открыть землю под ним, и тщательно собирает камешки и даже маленькие сучки. Джорем и Ансель несколько дней разбирают каменные плиты пола северного нефа монастыря святой Марии, чтобы добраться до скалы, на которой он стоит.

Как только поверхность подготовлена, чтобы обозначить границы Портала, рисуют восьмигранник. (Восьмигранник начертан и на большом столе из слоновой кости, который находится посредине комнаты Камберианского Совета. Видимо, этот символ представляет собой ключевой аспект магии Дерини.) Арилан вырезает в дерне шестифутовый восьмигранник кинжалом Нигеля, Джорем же рисует точно такую же фигуру мелом на скале.

Подготовленную площадку необходимо активировать, так как Портал должен охраняться. Происходить это может по-разному, все зависит от личных пристрастий исполнителя. Так, Арилан поручает Моргану установить заклятие при помощи набора магических кубиков и усиливает его, расставив белые свечи по углам восьмигранника, вырезанного на земле. Как Джорем накладывает заклятие на Портал в аббатстве святой Марии, неизвестно, хотя можно предположить, что для этого он берет с собой из Дхассы магические кубики своего отца.

Портал в резиденции епископа в Грекоте — иного типа.

> — Это то, что я узнал, копаясь в архиве, — как соорудить новый тип Портала, или, я бы сказал, старый, давно забытый. Местоположение перемещается из угла в угол, так что одно и то же место из четырех раз используется лишь один. Другая его особенность — он настроен так, что только я могу ощутить его присутствие и использовать его.
>
> *(«Святой Камбер»)*

Озадаченный тем, что он не в состоянии обнаружить Портал, Джорем так и не может понять одну книгу, когда он, по-видимому, все-таки получает доступ к тем же архивам, что и его отец. Он не может объяснить, как Камберу удается определить передвижение Портала.

> — Я знаю теорию, но Портал, который двигается, вызывает у меня подозрения, ибо я не могу его почувствовать.
>
> *(«Святой Камбер»)*

Как на самом деле Камбер сооружает этот необычный Портал, не совсем ясно. Очевидно лишь, что это не тот Портал, которым пользовались в Грекоте, так как Камбер утверждает *(«Святой Камбер»)*, что в резиденции епископа существует несколько Порталов, к которым он имеет доступ и которые он, очевидно, использовал довольно регулярно, так что Гвейр воспринимает это как само собой разумеющееся. (Так как это здание некогда принадлежало варнаритам, можно предположить, что эти Порталы

они и построили.) Сооружая данный Портал, Камбер, очевидно, не прибегал к помощи Дерини: вряд ли он решился бы работать с теми, кто не знал, что он принял облик Элистера Келлена. (А Элистер Келлен, самый консервативный из Дерини, никогда к тому же не показывал на людях свои способности.) Вполне вероятно, что Камбер воспользовался помощью простых людей, чтобы увеличить непосредственный приток энергии, необходимой для создания матрицы Портала. Таким образом, Портал в резиденции епископов в Грекоте отличается от тех, с которыми мы повсеместно сталкиваемся во всех Одиннадцати Королевствах.

Расположение Порталов

Теперь мы знаем, что для сооружения Портала необходимы исключительное мастерство Дерини и большое количество энергии, а это позволяет предположить, что Порталов даже в лучшие для Дерини времена не было много. Однако не вызывает сомнений, что некогда существовала сеть Порталов, связывающая религиозные сооружения, в которых несли службу Дерини, но ко времени появления Камбера она начинает приходить в упадок.

О двух соборах — в Ремуте и Валорете — упоминается особо в связи с тем, что в их ризницах имелись Порталы. Вполне возможно, что большинство существовавших во времена Междуцарствия соборов могли также иметь Порталы. Собор Ремута помимо Портала в ризнице располагал еще одним Порталом, который находился в кабинете священника, примыкавшем к базилике, построенной во

времена Междуцарствия для удобства духовников-Дерини королей-Дерини. С тех же самых пор существует и Портал в молельне часовни епископа в Дхассе, в его резиденции, и мы можем предположить, что в ризнице собора был еще один Портал, ведущий в Ремут и Валорет.

Множество других разнообразных религиозных ведомств и учреждений, а также частных владений тоже располагали Порталами.

Разрушение Порталов

Разрушение Порталов — дело весьма рискованное. Из трех Дерини, пытавшихся сделать это (Эмриса, епископов Кая Дескантора и Дениса Арилана), двое погибли, хотя все достигли своей цели. Неизвестно, что послужило причиной неудачи Кая Дескантора — недостаток опыта или просчеты. Эмрис был гораздо более опытным, но и он погиб. И только Арилану удалось уцелеть.

Чтобы разрушить Портал, необходима энергия огромной мощности, которую надлежит должным образом направить и заземлить. И здесь многое зависит от способностей оператора. Поэтому вовсе не удивительно, что Арилан, прекрасно обученный для своего поколения (хотя его едва ли можно сравнить с Эмрисом), может разрушить Портал, подобный Порталу в палатке Келсона в Ллиндрут Мидоуз — временный, устроенный для выполнения насущных, но коротких задач, — и при этом не пострадать.

Кай Дескантор, наоборот, не производит впечатления человека осведомленного и специально обученного. Но ему необходимо перекрыть одну из

основных артерий церковной сети Порталов Гвиннеда. Если, как мы предполагали, Порталы становятся прочнее и устойчивее в процессе их использования, то задача Кая разрушить Портал Валорета кажется намного серьезней, чем задача Арилана, хотя возможности Кая гораздо меньше.

Но несмотря ни на что Портал нужно закрыть, иначе он может стать оружием, используемым против других Дерини.

Таким образом, без необходимых приготовлений, не имея ни навыка, ни достаточно времени, чтобы духовно подготовиться, Кай принял решение, естественное для людей, для которых их личная доблесть превыше всего. Чтобы позволить своим товарищам уйти, он остается и делает все возможное, чтобы разрушить Портал, понимая, что наверняка погибнет. Он не боится смерти. Для него лучше умереть, беззаветно пожертвовав собой, чем попасть в руки регентов, от которых не стоит ждать милости.

Конечно, все это лишь догадки, однако то немногое, что мы знаем о Кае, позволяет предположить, что он не мог поступить иначе.

> Они нашли Кая Дескантора распростертым на полу посредине ризницы без каких-либо следов насильственной смерти. Позже Ориэль сказал им, что прежде там, под ковром, был установлен Портал. Видимо, Кай умер, пытаясь его разрушить.
>
> *(«Камбер-еретик»)*

Нечто подобное происходит и тогда, когда Эмрис разрушает главный Портал гавриилитов в аббатстве святого Неота, отзвуки которого почти два века спустя обнаружили Морган и Дункан. Эмрис и

опытный Целитель по имени Кенрик, используя мираж, сдерживают солдат регента Рана, давая возможность многим из своих собратьев спастись. Когда же сдерживать нападавших не остается сил, Эмрис отсылает через Портал Кенрика и, встав на колени, просовывает руку под ковер, чтобы коснуться каменного основания, «стараясь отыскать своим разумом то, что могло бы стереть Портал с лица земли» *(«Камбер-еретик»)*. Направив энергию Портала на себя, чтобы разрушить его, он оставляет телепатическое предупреждение тем, кто может прийти сюда, и умирает до того, как оружие нападавших коснулось его.

Судя по всему, смерть Эмриса не была мгновенной в отличие от смерти Кая. У Эмриса было время, чтобы приготовиться. Разрушить Портал для адепта, обладающего такими способностями, как Эмрис, — нетрудно, а послание, составленное им, явно тщательно обдумано.

Кенрик, безусловно, не мог не знать, какое «последнее задание» намеревается выполнить Эмрис, но тем не менее подчинился ему беспрекословно. Кажется, будто Эмрис уже знает, что аббатство святого Неота будет разрушено, решает сделать из него символ для грядущих поколений Дерини и готов заплатить за это любую цену.

Но была ли смерть той ценой, которую следовало заплатить? Безусловно. Целью Эмриса был главный Портал гавриилитов, обладающий энергетическим потенциалом, по крайней мере, такой же силы, как и любой другой Портал церковной сети. Но ведь и Эмрис — один из выдающихся, если не самый выдающийся адепт Дерини своего времени, и для него заземление заряда Портала должно было быть дет-

ской забавой. Установить предостережение тоже несложно.

Что же могло ждать Эмриса, останься он жив? Регенты не проявили бы снисходительности к тому, кто помог бежать стольким потенциальным жертвам, прекрасно обученным. Как Целитель и наставник Целителей старый аббат знал, как их искусство могло быть использовано: регенты могли сломить кого угодно, в том числе и его, располагая для этого достаточным временем, умелыми палачами и необходимыми снадобьями. Не без причины Райс язвительно говорит Тависи о злоупотреблении знаниями и лекарствами, которые он поклялся использовать лишь для исцеления. Значит, некоторые Целители действительно злоупотребляли этим?

Потом, вероятно, произошло следующее. Эмрис знал, что он не имеет права на неудачу. Он также прекрасно осознавал, что не выдержит пыток, а о том, чтобы бежать через Портал, не могло быть и речи, если он должен разрушить его. Не мог Эмрис и допустить, чтобы те необъятные знания, которыми он обладал, попали в руки врага. Установки необходимо было направить на то, чтобы все уничтожить, как это сделал, умирая, Девин Мак-Рори, чтобы Тавис не смог считать его память.

К тому же обращение потоков энергии Портала внутрь, на саморазрушение, само по себе требует энергетических затрат, и установка телепатического предупреждения — тоже. Можно предположить, что Эмрис не желал себе смерти — это было совсем не похоже на него, — однако он ни за что не стал бы тратить и крохотную долю энергии на собственное спасение, если бы это уменьшило его шансы на успех.

Так что же случилось тогда? Передача мощного потока энергии на разрушение приводит и к разрушению самого канала передачи, но Эмрис не делает ничего, чтобы нейтрализовать это воздействие или устранить повреждения, что как Целитель был вполне в состоянии сделать.

Значит, было совершено самоубийство? Некоторые из читателей, замечая, что Церковь запрещает лишать себя жизни, спрашивают, не попадают ли смерти других, во всем остальном безупречных, героев под эту же категорию.

Здесь мы опять вынуждены прибегнуть к примерам ситуативной этики. В конце концов, все подобные выводы, по всей видимости, глубоко субъективны. Церковь осуждает самоубийство, так как видит в нем проявление отчаяния и потери веры в заботу Господа о Его созданиях. В этом случае сознательное саморазрушение отличается от саморазрушения, которое произошло как следствие исполнения иных намерений.

Именно так долгое время власти как светская, так и церковная распознавали степень ответственности. Лишение человека жизни никогда не рассматривалось как нечто желанное, скорее, оно принималось как нечто необходимое. Хотя наказание за преступные намерения, т. е. убиение преступников, было разрешено почти всеми этическими системами на протяжении веков существования человека на этой планете.

Кроме того, иногда во время сражения человек может получить ужасные раны, излечить которые невозможно. Отсюда и вошло в практику нанесение смертельно раненным воинам coup de grace — удара милосердия. И это никогда не считалось жестоким

или негуманным, никогда не рассматривалось как убийство, а если несчастный сам просил об этом, не считалось самоубийством.

Таким образом, смерть Девина нельзя назвать самоубийством, даже если именно он заставляет стража его же рукой вонзить глубже стрелу, попавшую в спину, чтобы ускорить свою смерть. Нельзя отнести к самоубийству и смерть Эвана Мак-Эвана, когда он взглядом умоляет Деклана нанести последний удар, подставляя ему горло.

Архиепископ Хьюберт объявляет, что смерть самого Деклана будет рассматриваться как самоубийство, так как он сам перерезал себе вены, однако это софистика. Приказ Мердока в последний момент отменяет казнь Деклана. Но ведь многие века существует принцип, по которому солдат скорее готов проститься с жизнью, чем попасть в руки к врагу. Секретный агент, раскусывающий капсулу с ядом имеет много общего с такими Дерини, как Дафид Лесли и Дензиль Кармайкл, которые приводят в действие установку на смерть по той же самой причине. Эндрю, чьи руки были по локоть в крови, предпочел бы яд допросу со стороны Моргана. Сюда же можно причислить и Деклана, который надеется таким образом уберечь свою семью от страданий из-за того, что он более не может сотрудничать с врагом. Увы, его поступок влечет за собой трагические последствия как для его семьи, так и для него самого, однако лишь Господь Бог может судить его за это.

К последней категории нам следует отнести тех, кто предпринимает меры, которые, и это было им известно, почти наверняка приведут к смерти. О Кае и Эмрисе мы уже говорили. Под эту категорию также попадают и Синхил, осознающий, что увеличе-

ние потенциала его сыновей ускорит его собственную смерть; Сикард, который отказывается подчиниться Келсону, зная, что будет убит; Ивейн и многие, многие другие.

Говоря о них и таких же, как они, нельзя не сказать, что мотив самопожертвования ради других или ради всеобщего блага в ущерб себе — одно из наиболее благороднейших проявлений человеческих чувств. «Никто не умел любить так, как он: он отдал свою жизнь за друзей». Это гонит солдат в бой против несметных полчищ, хоть они и знают, что большинство из них умрет, это побуждает отца броситься в яростный поток, спасая дитя, это заставляет Ивейн добровольно приблизиться к вратам смерти.

Все, о ком говорилось выше, вовсе не стремились умереть, но ни одному из них собственная жизнь не показалась важнее поставленной цели. И это, конечно, не самоубийство, это беззаветное самопожертвование как возможная плата за желанный результат, и справедливому Господу не составит труда принять верное решение в Судный день.

Прикладная магия: утилитарные заклинания. Магическая дуэль

Прикладная магия включает в себя заклинания или действия, приводящие к непосредственному предсказуемому результату. Здесь существуют четко определенные движения и жесты, которые в сочетании с необходимым набором слов (иногда и ключевыми фразами) помогают достичь нужного ментального состояния и высвободить магическую энергию. Одну из категорий таких заклинаний можно назвать утилитарными заклинаниями.

Заклинание огня

Еще на самом раннем этапе обучения юные Дерини осваивают заклинание, которое вызывает огонь в ладони. Для того, чтобы поддерживать такое пламя, нужно совсем мало энергии. Чтобы в ладони возник холодный огненный шар, нужно сжать руку в кулак и представить, что он находится внутри, после чего можно разжимать ладонь. Шар может быть самых различных размеров — от грецкого ореха до головы ребенка. Некоторые практикующие Дерини могут вызвать огонь и на раскрытой ладони, но

лишь немногие из них способны сделать так, чтобы огонь появился без помощи руки, для чего сосредоточивают внимание на какой-либо точке пространства, где и возникает светящийся шар.

Из-за того, что пламя не имеет веса, от оператора требуется совсем не много усилий, чтобы огненный шар плыл по воздуху. Дерини способен одновременно поддерживать горение нескольких шаров, однако манипулировать более чем тремя сферами уже сложно. Для этого нужна глубокая сосредоточенность, и если оператору нужно сделать что-либо еще, у него может не хватить на это энергии.

Пламя обычно принимает цвет ауры Дерини. При желании его можно изменить, однако Дерини предпочитают связывать свою магию с определенным цветом еще в начале своего жизненного пути и впоследствии придерживаться его. Аура Целителей чаще всего зеленая, хотя Целители из гавриилитов, похоже, отдают предпочтение белому или серебристому.

Типичные цвета Дерини перечислены ниже. Цвет пламени тех, чьи имена стоят в скобках, определен по цвету их ауры или защитных полей.

Красный	Келсон, Конал, Джебедия.
Зеленый	Морган, Райс, (Баррет де Лейни).
Серебристый	Дункан, Дугал, Денис Арилан, Джемил Арилан, Тирцель, Эмрис.
Синий	Карисса.
Лиловый	(Варин).
Фиолетовый	(Дейм Элфрида).
Золотой	(Дугал), (Даррел).

Светящиеся огненные шары используются довольно часто. Джорем вызывает к жизни крошечную светящуюся сферу, когда они с Райсом проникают в аббатство святого Фоиллана, чтобы похитить спящего Синхила Халдейна. При освобождении Йомейра, где Камбер и его сын находят тела Элистера Келлена и Эриеллы, Камбер заклинанием вызывает огненный шар и позднее делает так, чтобы появилось еще несколько шаров (*«Святой Камбер»*). Когда же Морган зажигает огненный шар в подземных переходах его столицы Корота, мы видим это глазами человека.

> ...Морган повернулся, чтобы встретить их. Мягко светившийся зеленый шар лежал в ладони его левой руки.
>
> — Расслабьтесь, епископ, — тихо проговорил Морган, плавно двинувшись к Кардиелю. — Это всего лишь свет, ни плохой, ни хороший. Ну, дотронься до него. Он холодный. Безобиден совершенно.
>
> Кардиель замер, неотрывно глядя в лицо Моргана, а не на огонь. Только когда тот остановился перед ним, епископ опустил глаза, чтобы взглянуть на огонь. От него исходил холодный, зеленый, мягко мерцающий свет, точно такой же, какой окружал голову Арилана той ночью, когда тот дал понять, что он Дерини.
>
> *(«Властитель Дерини»)*

Огненные шары особенно удобны при исследованиях, проводимых под землей, ибо в отличие от факелов и свечей не дают дыма. В разрушенных коридорах подземелья епископского дворца в Грекоте в руке Камбера ярко горит «холодный серебристый огонек, принявший форму шара, на расстоянии ла-

дони от его руки. Жестом он сделал так, чтобы шар повис в воздухе чуть выше его правого плеча, и затем, шагая рядом с Джоремом, вообще перестал обращать на него какое-либо внимание» *(«Святой Камбер»)*. Через некоторое время, когда они входят в большую палату, одного шара оказывается недостаточно, и Камбер складывает ладони лодочкой и создает другой шар, «сделав так, чтобы он повис в воздухе на расстоянии вытянутой руки от первого, взмахнув рукой с аметистовым кольцом» *(«Святой Камбер»)*.

Совершенно очевидно, что умение создавать светящиеся шары — отличительный признак Дерини, которым обладают только они и который может выдать их, если это увидит тот, кто прежде не знал, что перед ним Дерини.

> — Ты собираешься оставить этот шар зажженным, пока будешь работать? — спросил Келсон /Дугала/. — Если кто-нибудь заглянет внутрь, это сразу выдаст, кто мы на самом деле.
>
> *(«Тень Камбера»)*

Светящиеся шары — естественное следствие ауры Дерини, которую можно назвать визуализацией психических защитных полей. Аура вполне может ошеломить обычного человека, и не только потому, что она соответствует классическому описанию нимбов и ореолов, традиционно связываемых со святыми и Господом. Это явление используют и владыки Дерини периода Междуцарствия, чтобы еще раз напомнить, какую власть они имеют над людьми. Имре и Эриелла проецируют свою ауру именно с этой целью, когда выходят к придворным:

«От их голов исходил свет, как всегда, когда владыки Дерини имели обыкновение появляться во время торжественных церемоний».

(«Камбер Кулдский»).

Тем не менее полтора столетия спустя, когда преследования Дерини, казалось, должны были пойти на убыль, вид Барретта, окруженного изумрудным пламенем защитных полей, все еще может вселить панику в сердца не знавших жалости солдат (*«Архивы Дерини»*).

И Даррел, муж Бетаны, наверное, осознавал, какое впечатление он может произвести, когда зажжет свои золотые защиты, спеша на помощь Баррету, пытающемуся спасти детей *(«Архивы Дерини»)*.

Даже во времена восшествия на престол Келсона, когда общее отношение к Дерини от завистливого приятия и мстительной ненависти перешло к суеверному страху, аура Дерини почти всегда пугала людей, которые неожиданно для себя видели ее. Епископ Кардиель, обычно спокойный и рассудительный даже в минуты опасности, теряет сознание при виде серебристой ауры Арилана, несмотря на то что уже был свидетелем того, как Дерини перемещаются с помощью Порталов *(«Властитель Дерини»)*. Свидетели же посвящения Дугала в рыцари были подготовлены лучше.

О Дункане ходило множество слухов, и многим придворным уже приходилось видеть магию Келсона в действии, однако свет, растворивший меч, который держал в руке Дункан, а затем окруживший его и его сына, не оставил место сомнениям относительно того, кем они были.

> /Этот меч/, в этом не было сомнения, впитал магические силы многих поколений Халдейнов. И Дункан чувствовал, как он пульсирует в руке. Дрожа от волнения, он крепко сжал эфес другой рукой и медленно поднес клинок к губам, чтобы поцеловать святую реликвию. Проделывая это, он позволил своей сущности Дерини проявить себя, и тут же серебристый свет разлился по лезвию. Он, словно вода, заструился по стали, в одно мгновение охватил ладони и руки Дункана, окутал голову и плечи, явно и открыто давая понять окружающим, что перед ними Дерини. Благоговейный ропот свидетелей сразу же сменился всепоглощающей тишиной, когда Дункан, двумя руками держа рукоять, опустил пылающее лезвие на правое плечо Дугала... Как только меч коснулся венца и Дункан поднес лезвие к глазам сына, аура Дерини Дугала вспыхнула, словно нимб, золотым сиянием вокруг его волос, отливающих медью...
>
> *(«Тень Камбера»)*

Неожиданное появление светящегося шара также может вызвать страх, оцепенение и изумление, хотя он может находиться на некотором расстоянии от своего создателя, в отличие от ауры, которая ограждает Дерини от действия магии. Морган, излечив Дугала (ни сам Дугал, ни Морган тогда еще не знали, что он тоже Дерини), гасит огненный шар, чтобы не напутать Дугала, когда он придет в себя *(«Сын епископа»)*. Год спустя Дугал сам, спускаясь с Келсоном в разрушенные и частично затопленные катакомбы Мак-Рори в Грекоте, случайно вызывает огненный шар, свет которого позволяет разглядеть дорогу.

Умение зажигать и гасить огонь — одно из применений способностей Дерини вызывать пламя в ладони. Насколько эти явления связаны между собой, можно убедиться, вспомнив, как Камбер создает светящийся шар в потаенной часовне михайлинцев после посвящения в сан священника, а затем, чтобы был виден Божественный Свет, при помощи магии гасит все свечи, причем на расстоянии, значительно большем, чем это происходит обычно.

Умение манипулировать огнем вообще широко распространено среди Дерини или, по крайней мере, было распространено, когда они процветали. Эту способность можно назвать способностью управлять Стихиями Огня. Во время посвящения Камбера в сан Джорем зажигает свечу, проведя над ней рукой, и уже от этой свечи Ивейн зажигает угловые свечи *(«Святой Камбер»)*. Ивейн и Ансель вместе вызывают заклинанием очистительный огонь для погребального костра, который должен поглотить тела ее первенца и других родственников *(«Камбер-еретик»)*.

Зачастую опытные Дерини довольно несерьезно относятся к заклинанию огня. Торн Хоган зажигает свечи в своей спальне, взмахнув рукой и шепотом произнося какую-то фразу *(«Властитель Дерини»)*. Арилан на ходу зажигает факелы в комнате Камберианского Совета *(«Властитель Дерини»)*. Тирцель зажигает свечу в кабинете Дункана после своего первого перемещения через Портал *(«Тень Камбера»)*.

Даже плохо обученный Морган разжигает огонь в камине своего кабинета небрежным жестом, хотя, чтобы зажечь свечи в комнате, он использует традиционный способ (*«Властитель Дерини»*). С помощью своих способностей он также зажигает факел, находясь рядом с раненым бунтовщиком Мэлом, хотя и

делает вид, что для этого ему понадобились обычный кремень и кусок железа. «Ты думаешь, что я Дерини, что я могу призвать огонь с небес, чтобы просто зажечь факел?» — спрашивает он, зная, что так оно и есть *(«Властитель Дерини»)*. Ко времени же, когда он разжигает огонь в камине кабинета Дункана перед изумленным Дугалом, у него уже хватает смелости, чтобы прочесть со скучающим видом довольно убедительную лекцию о пользе магии *(«Сын епископа»)*.

Снятие усталости

Для того чтобы снять усталость, существуют особые заклинания. Конечно, Дерини может сделать это и обдуманно, расслабившись и представив, что усталость покидает тело, что с каждым вдохом оно наполняется энергией. Но на такую процедуру требуется время, тогда как заклинание действует почти мгновенно. Этому заклинанию можно обучиться у того, кто умеет его использовать, либо оно должно быть воспринято как знание, присущее телу изначально, как в случае с Халдейнами, когда они принимают свой потенциал.

Однако каким бы образом ни приобреталась эта способность, способ, с помощью которого ее используют, практически остается неизменным. Дерини делает один или несколько вдохов, либо проводя рукой по лбу, либо просто закрыв глаза, либо закрыв глаза ладонями, иногда надавливая на переносицу большими и указательными пальцами, одновременно приводя в действие определенную ментальную установку. Это могут быть ключевые слова, или заклятие (обычно фраза либо короткое стихотворе-

ние), или ключевое действие. Все зависит от того, как индивидуум обучен.

> Катан закрыл лицо руками, сделал глубокий вдох, задержал дыхание и медленно выдохнул, произнося слова заклинания Дерини, которое снимает усталость. Еще один глубокий вдох — и он почувствовал, как ровно забилось сердце и исчез неприятный привкус во рту.
>
> *(«Камбер Кулдский»)*

Камбер, хотя и не использует заклинания, когда готовится принять память Элистера, наверняка применяет свои знания, растянувшись на кровати и предоставляя возможность действовать «различным способам расслабления Дерини, чтобы быть свежим и бодрым». За расслаблением следуют несколько часов глубокого сна, после чего он проводит еще один час в медитации,

> ...делая ментальные и духовные приготовления, которые, он чувствовал, понадобятся ему, чтобы приступить к выполнению его задачи. Несмолкающий дождь снаружи помогал сосредоточиться, позволяя достичь глубинных точек его сознания.
>
> *(«Святой Камбер»)*

Кверон, хоть и получил гавриилитское образование, намного более последовательно использует умение снимать усталость. Спроецировав для синода епископов воспоминания Гвейра о явлении ему святого Камбера, Кверон на мгновение просто садится и проводит слегка дрожащей рукой по лбу, «жестом, за которым, как было известно Камберу, скрывается

заклинание, снимающее усталость» *(«Святой Камбер»)*. Люди, находящиеся в зале, и даже некоторые Дерини не придают этому никакого значения, вероятно, потому, что проделывает он это совершенно спокойно и естественно. Глубоко вдохнув, он поднимается на ноги с легкостью, которую едва ли можно было ожидать от человека, только что выполнившего задачу, потребовавшую огромных усилий и невероятного мастерства. Встав, он выглядит так, словно хорошо отдохнул и силы уже полностью вернулись к нему. Этот случай позволяет нам впервые увидеть Кверона за работой, и судя по легкости и блеску, с какими он все проделал, можно не сомневаться, что Кверон — настоящий знаток своего дела, что и подтверждают его последующие поступки.

Морган и Дункан не столь умелы, но и они пользуются этим заклинанием, причем у них все, на первый взгляд, получается легко и просто. Можно, пожалуй, приписать это упорным занятиям и хорошей памяти, так как ни один из них не понимал, что при этом происходит. Оба они стремятся преодолеть ограничения, расплачиваясь за это полным истощением, которое нельзя устранить посредством заклинания. Они используют заклинание и усиливают его воздействие, повторяя его, пока наконец не понимают, что могут снять усталость всего лишь один раз. Но это для них ничего не меняет. Дугал, получив данный навык от Дункана и Моргана, применяет его так же, как и они, не понимая, что происходит на самом деле. Не отличается от них и Келсон, хотя часть его знаний получена из другого источника, унаследованного от Халдейнов.

Лишь по ощущениям Арилана, хотя он и обращается с этим заклинанием весьма небрежно, мож-

но догадаться, что чувствует индивидуум в эти мгновения.

> Выдохнув, Арилан закрыл ладонями глаза и сделал глубокий вдох, чтобы привести в действие заклинание, чувствуя, как усталость покидает его мозг, не оставляя следа, словно индиго, смываемое со свежеокрашенной ткани водами горного ручья.
>
> *(«Милость Келсона»)*

Настройка предмета

Перенос магического заряда на различные предметы иногда называется настройкой предмета. Предмет, настроенный, или заряженный таким образом, может либо выступать в качестве батареи, аккумулирующей необходимую для увеличения возможностей его владельца психическую энергию, сохраняющей ее, либо просто служить в качестве идентифицирующего ключа. Довольно часто такие предметы используют для отмыкания замков или тайников. В заряженный предмет, например, восковую печать или печатку, можно ввести телепатическое послание.

Иногда их используют как телепатическую линию связи между двумя Дерини. Так, Морган настраивает медаль святого Камбера на частоту Дерри, позднее Келсон увеличивает ее емкость, чтобы обеспечить телепатическую защиту, прежде чем послать Дерри следить за Бетаной. Карисса получает доступ к должностной цепи, которую Морган должен надеть на коронацию Келсона, и делает так, чтобы медальон, висящий на этой цепи, работал как телепатический передатчик и можно было узнавать обо всем, что про-

исходит вокруг Моргана. С помощью этой линии связи она может заставить Моргана потерять равновесие, когда Ян, которому удалось провести всех, бросает в него кинжал.

Предметы, связанные в прошлом с отдельными индивидами, специально не настроенные на их частоту, могут иногда стать линией телепатической связи. Это колье, которое прежде носила Эриелла, шелковая ленточка с тесьмы Дугала, епископское кольцо замученного Генри Истелина, очевидно, сделанное из куска позолоты, которая покрывала алтарь, и как-то связанное с самим Камбером.

Кольца вообще наиболее часто используют для настройки, и не только из-за их формы, но и отчасти потому, что они тесно связаны со своими хозяевами благодаря непосредственному контакту, а также потому, что золото и серебро удерживают психический заряд намного лучше, чем другие материалы. Кольцо, заряженное его владельцем, может передавать сильный телепатический сигнал. Огненное кольцо Халдейнов — один из наиболее ярких примеров. Настроенное на частоту тех, в ком течет кровь Халдейнов, оно используется как последний механизм, высвобождающий потенциал при их коронации. Печатка Моргана служит ему как персональная точка фокуса для концентрации, а кольцо он использует, чтобы связаться с Келсоном.

Другие предметы также способны нести мощные психические заряды. Брошь Льва, три дюйма сверкающего золота, которые должен сжать в руке претендующий на престол Халдейн, получает телепатическую нагрузку благодаря царствованию множества королей. Меч Халдейнов обладает магической силой. О Глазе Цыгана, темном нераненом рубине разме-

ром с ноготь мизинца человека, говорят, что он упал с неба в момент рождения Христа и был одним из подарков волхвов Младенцу. Переходящий из рук в руки двенадцати поколений семьи Мак-Рори, наделенный особыми силами Камбером и его родней, он сосредотачивает в себе могущество власти Халдейнов, начиная с Синхила. Время от времени упоминается и наделенная колдовской силой золоченая кольчуга, от которой исходит холодное сияние.

Заряды можно переносить на предмет в форме заклинания. Таковы, например, заговоры старой Бетаны:

> Заговор на любовь и на ненависть. Заговор на жизнь и на смерть. Заговор, чтобы хлеба были высокими. Заговор, приносящий чумное поветрие в ряды врага. Простые заговоры, оберегающие здоровье. Сложные заговоры, охраняющие душу. Заговор на богатство. Заговор на бедность. Заговор на еще не рожденное дитя, ждущее прикосновения женщины.
>
> *(«Игра Дерини»)*

Эти заговоры относятся к народной магии и могут дать не только положительные результаты, но и отрицательные — если неправильно их использовать. Например, заклинание, о котором просит томящийся от любви архитектор Риммель, чтобы завоевать любовь Бронвин, наложенное на кристалл джеррамана — большой голубой камень с вкраплениями цвета крови. Впоследствии Келсон замечает, что эти кристаллы можно использовать с разными намерениями, и результаты бывают весьма благотворны, хотя данный случай доказал обратное.

Конечно, этот заговор не должен был причинить вреда Бронвин, так как Риммель любил ее и лишь хотел добиться взаимности. Но когда заговор только начинает вступать в силу, Бронвин попадает в ловушку, ее крик становится помехой, которая заставляет сместиться и видоизмениться энергетические элементы, что приводит к трагическим последствиям. Вмешательство Кевина нарушает хрупкий баланс процесса и оба, он и девушка, погибают во всплеске неконтролируемой энергии.

Кристаллы ширала

К магическим предметам относят гладкие, цвета меди камни, известные как кристаллы ширала. На самом деле это вовсе не кристаллы, а Гвиннедские аналоги янтаря. Обычно их находят в руслах ручьев и на берегу моря. Как и янтарь, ширал можно обработать и отшлифовать. Янтарь способен удерживать статический электрический заряд, а ширал содержит заряд психический, и, судя по всему, лучше, чем другие материалы. Его особенность состоит в том, что камень в руках Дерини, погруженного в медитацию или транс, ярко светится. Благодаря этому его и используют в качестве фокуса при работе с внутренней магией, однако чаще он все же применяется для проверки психического потенциала.

Судя по всему, ширал известен в истории Дерини на протяжении длительного времени, так как просверленные камешки ширала нашли привязанными в точках пересечения стазисной сети, защищавшей тело великого Орина, который жил в VII веке. Очевидно, они помогали сохранить заклятие, вплетенное в сеть, как можно дольше, служа малень-

кими аккумулирующими батареями, которые поддерживали психический заряд.

В данном случае стазисные сети представляют собой результат применения особой колдовской дисциплины, известной как наука вязания узлов, которую обычно считали женской магией. С помощью этих знаний изготавливали различные вещи — от стазисных и подобных им сетей, наблюдаемых в склепах монастыря святого Кайрила, до стежковой техники, подобной той, которую Риченда использует в ткачестве, и веревочек, которые Ивейн переплетает, когда в Совет Камбера вводят его членов.

Сам Камбер, кажется, ничего не знает о кристаллах ширала почти до конца своей жизни, так как лишь в конце 903 года он рассказывает Ивейн, как во время последней поездки в Кулди нашел свой первый ширал в горном ручье в Кирни. Он лишь случайно узнает о его качествах во время медитации.

> Слегка сжимая предмет пальцами обеих рук, Камбер вдохнул, затем выдохнул, его глаза сузились, и он начал входить в транс. Дыхание замедлилось, черты приятного лица разгладились. Вдруг камень начал слегка светиться. Камбер перевел на него взгляд и протянул руки к Ивейн, все еще находясь в трансе. Камень по-прежнему сиял... Взяв камень, Ивейн провела рукой над ним и склонила голову, про себя проговаривая слова заклинания, вызывающего состояние транса. В течение нескольких секунд камень никак не реагировал, и вдруг начал светиться. Вздохнув, Ивейн вернулась к реальности и поднесла камень ближе, в то время как свет, исходивший от него, продолжал усиливаться.

— Странно. Это почти не требует усилий, если знаешь, что делаешь. Но зачем он нужен?

Камбер пожал плечами:

— Не знаю. Я еще не придумал, как его применять. Разве что вызывать восхищение у легковерных девиц...

(«Камбер Кулдский»)

Однако Ивейн довольно быстро нашла ему применение: камень заинтересовал принца Синхила. Став свидетелем ее медитации, Синхил увидел кристалл в руке девушки и попросил показать его. Когда принц вернул камень, Ивейн догадалась, что он что-то почувствовал, даже если и не осознал, что это было.

— Вы не должны бояться его, мой принц, — прошептала она. — Сам по себе кристалл не плох и не хорош, хотя и обладает какой-то силой. Но приближаться к нему надо с почтением и четким пониманием того, что делаешь. Может, это нить, связующая с Господом?

(«Камбер Кулдский»)

Она объяснила принцу, что ширал помогает сосредоточиться.

— В качестве точки концентрации можно использовано все, что угодно, но ширал намного лучше, потому что он показывает светом, чего ты достиг.

(«Камбер Кулдский»)

Интерес Синхила помог ей ввести его в глубокий гипнотический транс, а из него девушка смогла пере-

вести его в состояние достаточное для проникновения за его защитное поле.

Ивейн дает этот первый ширал Синхилу. Потом Райс дарит ей другой, в форме куриного яйца и такого же размера, с крошечными вкраплениями, отражающими солнечные лучи. Далее кристаллы ширала появляются все чаще. Самый прозрачный и довольно крупный (примерно с кулак) — в кабинете Моргана. С помощью другого, помельче, не больше грецкого ореха, подвешенный на золотой цепи, Венцит проверял потенциал Брэна Кориса. Камень цвета меди размером с миндальный орех Мерис дает Дункану в ночь их венчания. А огромным, с человеческую голову, кристаллом владел один из членов Совета Камбера, скорее всего, Стефан Корам.

Во всех случаях кристаллы используются как точки для концентрации, средства для проверки потенциала и как психические усилители.

Симпатическая магия

Заклинания симпатической магии — это некоторое символическое действие, которое вызывает сходный результат в природе. Так, Эриелла вызывает бурю, вглядываясь в карту расстановки войск грядущей кампании и воображая бурю, которая препятствует продвижению ее врагов, одновременно разбрызгивая воду над картой («*Святой Камбер*»). Действие, которое совершают, произнося заклинание, останавливающее сердце, также относится к элементам симпатической магии, поскольку сжатие ладони в кулак вызывает к жизни телепатическое действие, в результате которого сердце жертвы сдавливалось до тех пор, пока не переставало биться.

Примером симпатической магии может послужить неосмотрительное обращение Росаны с кольцом умершей Сиданы. Келсон просит Ротану не надевать его, так как оно запятнано кровью Сиданы. Однако она, позволив себе вообразить, каково быть замужем за ним, — поступок сам по себе довольно безобидный — надевает кольцо, представляя, что это делает Келсон. Это вполне можно истолковать как заклинание симпатической магии. Желаемый результат здесь не мог быть достигнут из-за того, что кольцо запятнано. Когда же до Росаны доходит молва о несчастном случае с Келсоном, она обвиняет себя, считая, что именно ее непослушание тому причиной (*«Тень Камбера»*). Конечно же, она не имела никакого отношения к этому, да и Келсон остался жив, однако неподдельный страх Росаны подтверждает, что Дерини использовали и симпатическую магию.

Непосредственная магия

Между тем существуют заклинания, не подпадающие ни под одну из упомянутых категорий. Как они действуют, не в состоянии понять даже некоторые опытные Дерини. С их помощью, например, можно вызвать волшебных зверей, не существующих на земле: стенректов, лайфэнгов и карадотов.

Интересны также миражи Дерини. Некоторые из них возникают в результате гипнотического внушения, хотя чаще — просто по воле оператора. Эмрис и Целитель Кенрик силой своей магии делают так, чтобы на пути тех, кто напал на аббатство святого Неота, появились воображаемое болото и многочисленные ловушки *(«Камбер-еретик»)*. Дерри, которого Морган учил видеть сквозь некоторые миражи, пы-

тается использовать боль, чтобы разглядеть, что делает Варин, хотя ни лиловая аура главы мятежников, ни результаты его лечения не оказываются мистификацией *(«Игра Дерини»)*. Когда же Келсон заклинанием вызывает огненную черту, чтобы остановить атаку, в которую бросилась его рать против армии Венцита. Обман зрения — если это было обманом — оказывается настолько сильным, что никто не смеет и подумать о том, чтобы использовать его действие на себе *(«Властитель Дерини»)*.

Иногда Дерини имеют дело и с простым выбросом энергии. Зеленый шар, который Дункан бросает в одного из нападавших на Моргана, приводит того в бессознательное состояние. Голубая огненная сфера, вызванная заклинанием Кариссы, становится закованным в доспехи рыцарем, который ей нужен, чтобы напугать Келсона и посмеяться над ним. И, естественно, магическая дуэль представляет собой непосредственное противостояние энергии одного против энергии другого.

Магическая дуэль

Магическая дуэль — явление довольно редкое. Однако она способна внушать страх как ее участникам, так и наблюдателям. Вкратце ее можно охарактеризовать как испытание возможностей одного Дерини, противопоставленных возможностям другого, что часто приводит к смертельному исходу. Магическая дуэль означает единоборство на энергетических уровнях, практически недоступных пониманию людей. Ко времени восшествия на престол Келсона проведение дуэлей уже было регламентировано достаточно

суровыми правилами, за исполнением которых следили члены Камберианского Совета.

За некоторым исключением, магическая дуэль проходит внутри заговоренного круга, сдерживающего выбросы энергии огромной силы. Пока Келсон и Карисса готовятся к единоборству, Морган объясняет Нигелю:

> — Отчасти он необходим, чтобы обеспечить безопасность зрителей. Если действия заклинаний не ограничить кругом, они могут выйти из-под контроля.
>
> *(«Возрождение Дерини»)*

Обычно участники дуэли сами накладывают заклятие, обеспечивая надежность сдерживающего круга, который затем активируется энергией обоих. Такой круг вызвают к жизни заклятия Кариссы и Келсона.

> Карисса улыбнулась и отступила на несколько шагов, воздев руки и медленно произнося заклинание. И полукружие из голубого огня тут же появилось за ее спиной, отчетливая линия синего сияющего льда очертила половину огромного круга святых знамений.
>
> Она опустила руки и еще шагнула назад, покровительственным жестом давая понять Келсону, что теперь наступил его черед.
>
> Мысленно обращаясь к святому заступнику, чью святость он отстаивал, Келсон поднял руки над головой, как сделала это Карисса.
>
> И незваные слова заклинания снизошли на его уста, слова, которые он прежде никогда не слышал, глухое пение, заставив-

шее в ответ затрещать от напряжения воздух вокруг него. Обдавшее всех жаром малиновое пламя, появившееся за его спиной, приняло форму полукруга и свело два полукружия в один завершенный круг, наполовину красный, наполовину синий... Сделав это, он заставил себя сосредоточиться, в то время как Карисса вытянула руки и начала произносить другое заклинание. Оно прозвучало на языке, который Келсон понимал, и он внимательно вслушивался, мысленно готовя ответ.

Голос Кариссы был тихим, но в тишине собора отчетливо слышалось каждое слово:

Земля, Вода, Огонь и Воздух,
Я заклинаю вами круг.
Вспять хода нет. Последний роздых
Разъединит сплетенье рук.

Голос Келсона не дрогнул, когда он отвечал на заклинание Кариссы:

Пусть время остановит ход.
И Уз священных не разъять,
Покуда смерти хоровод
Не сломит времени печать.

Как только Келсон замолчал, фиолетовый свет вспыхнул там, где находились две арки, полоса холодного фиолетового цвета теперь очерчивала единый круг в сорок футов, где должны будут драться на дуэли эти двое.

(«Возрождение Дерини»)

В следующем году Келсон столкнется с другой магической дуэлью, необычной даже для Дерини. В ней друг против друга выступят по четыре участника

с каждой стороны, а четыре члена Камберианского Совета будут ее судить. Сферы внутреннего и внешнего кругов, вызванные заклятиями членов Совета, были бледно-лилового и фиолетового цвета.

> — Обозначьте их получше, — предупредил слепой Баррет де Лайни. — Покуда не погибнут все отстаивающие одну сторону, внутренняя полусфера не исчезнет. Лишь победители покинут этот круг.
>
> *(«Властитель Дерини»)*

Однако эта магическая дуэль так и не была доведена до конца, так как оказалось, что один из сторонников Венцита работал на обе стороны. Келсон выиграл, ибо условия дуэли не были соблюдены.

По условиям эту дуэль можно отнести к магическим дуэлям, оканчивающимся смертью. Сам Венцит обещал, что все четверо проигравших погибнут прежде, чем победители смогут насладиться победой. Дуэль не завершилась из-за предательства, но круг мог разомкнуться, лишь когда четверо потерпевших поражение будут мертвы, и Келсон был вынужден либо сразу убить оставшихся троих, либо дать им умереть долгой и мучительной смертью.

Но как? Келсон никогда прежде никого не убивал даже шпагой, хотя знал, как это делается. К тому же удар милосердия — куда более сознательный поступок, чем удар в пылу сражения. То, что потенциальные жертвы Келсона были его врагами, ничего не упрощало. Одно дело, когда ты наносишь удар милосердия другу или товарищу по оружию как последний жест сострадания, другое — врагу, особенно если не уверен, что не жаждешь мести. Келсон получает куда более важный урок, чем просто узнает, как

остановить сердце, когда убивает тех, кто остался в живых.

Четыре года спустя он вновь вынужден участвовать в магической дуэли, теперь со своим кузеном. За прошедшие годы молодой король становится более утонченным, в его поведении появляются непринужденность и самоуверенность, которая доставляет немало беспокойства его чуть более молодому оппоненту, несмотря на то, что Конал сам получил свои знания от члена Совета Камбера.

— Это бессмысленно, — пробормотал Келсон. — Заговаривай круг.

— Я? — прохрипел Конал.

— А кто же еще? Ты начал все это. Я позволяю тебе начать и эту глупость. Или ты не знаешь, как?

Насмешка оказала свое воздействие. Уязвленное чувство собственного достоинства заставило Конала выпрямиться во весь рост. Сделав на негнущихся ногах несколько шагов назад, он без каких-либо приготовлений поднял руки над головой и начал шепотом накладывать заклятие. За его спиной на полу, окружив его, вспыхнул полукруг темно-красного огня, заставивший придворных отпрянуть к южной стене зала. Те же, кто стоял за спиной Келсона, отступили к оконным проемам.

Испробовав преграду, воздвигнутую Коналом, Келсон с облегчением подумал: чтобы раскрыть ее, смертельный исход не понадобится. Закончив тем временем свою часть заклинания, он резко поднял руки над головой. Вспыхнувшее позади него темно-красное пламя слилось с огнем, зажженным Коналом, заключив их обоих в красный круг.

— Теперь вновь твоя очередь, — опуская руки, сказал Келсон.

Беспечность, с которой король произнес эти слова, наводящая на мысль, что все, чтобы ни предпринял Конал, тщетно, злила капризного принца, но он лишь снова поднял руки на уровень плеч, повернув ладони внутрь, к центру круга.

— Если ты ожидаешь услышать какой-нибудь банальный стишок, то ошибаешься, — сказал Конал. — Мой учитель не верит в это. Я торжественно заявляю: все, что будет происходить внутри круга, не выйдет за его пределы, и никому из находящихся вне него, не будет причинен вред, и он не может быть разъят до тех пор, пока один из нас не одержит убедительную победу над другим. Ты подразумеваешь то же?

— Именно, — согласился Келсон, вновь поднимая руки.

И по кивку Конала он также начал изливать энергию внутрь обшивки круга, едва осознавая, что огненные дуги, которые каждый возвел над своей головой заклинанием, поднимаются, чтобы образовать над ними свод. Когда все было закончено, казалось, будто они стоят под куполом из розоватого, слегка матового стекла.

(«Тень Камбера»)

Таким образом, внешне защитный круг может выглядеть по-разному, однако в любом случае он предназначен для того, чтобы защищать. Лишь раз магическая дуэль началась без такого круга, когда взбешенный Синхил столкнулся лицом к лицу с Хамфри Галларо, священником-михайлинцем, погубившим его первенца. Камбер и его родня спешно

стали поднимать защитные поля, которые не так надежны, как защитный круг, но все же лучше, чем ничего.

Они успели вовремя, так как прозвучавшее за этим заклинание, произнесенное Синхилом, сотрясло воздух. Древние вселяющие ужас слова отдавались эхом в сводах, балках и покрытых мозаикой панелях.

Заклинанием Синхил заставил появившийся огонь окружить его. Это живое пламя те, кто был снаружи, не столько видели, сколько чувствовали. То был огонь, который можно было заметить лишь краешком глаза и который исчезал, если смотреть на него в упор, однако от этого он не становился менее смертоносным, попади он в незащищенного... Михайлинец двинулся навстречу Синхилу, окутанный золотой дымкой, и остановился лишь тогда, когда всего несколько метров искрящегося пространства разделяло их.

Воздух светился от напряжения, молнии сверкали в пространстве, отделявшем одного от другого, отскакивая от защитных полей. Воздух был колюч и едок. Во все нарастающем потоке энергии свечи почти совсем оплыли. И он изливался с ревом вниз, отдаваясь эхом в стенах каменной палаты, сверкая вокруг голов соперников, словно беснующиеся уродливые нимбы. Еще большая волна задула все свечи, и мгновение ветер завывал почти в кромешной тьме.

Вой ветра становился тоном выше и выше до тех пор, пока зрители не смогли различить два голоса — невыразимых, мощных, злобно споривших друг с другом в бездне, которую открыли силы, вызванные в смертельном бою...

> В конце концов михайлинец зашатался и испустил отчаянный стон, его взгляд прояснился, прося о пощаде, и он упал. Внезапно наступила тишина, и комната погрузилась во тьму.
>
> *(«Камбер Кулдский»)*

Столкновение между Синхилом и Хамфри можно рассматривать как неформальную магическую дуэль, как и дуэль, в которой Синхил нанес поражение Имре, и столкновение Джеханы с Кариссой. В таких дуэлях, обычно возникающих под влиянием момента, один из противоборствующих, как правило, погибает. Синхил в любом случае не пощадил бы Хамфри. А вот Имре не позволил Синхилу убить себя, предпочтя умереть по своей воле. Джехана остается живой лишь благодаря тому, что смертельный удар Кариссы был в самый последний миг отведен Морганом и Дунканом. Такое вмешательство было бы невозможным, сражайся две женщины по всем правилам в заговоренном круге.

О правилах проведения магической дуэли у нас есть лишь отрывочные сведения. Спорящие заранее оговаривают, будет ли противоборство продолжаться до смертельного исхода. Принявший вызов имеет право на первый удар в заклинаниях, испытывающих на прочность, с которых обычно начинается дуэль. От мужчины ожидают, что он уступит женщине, даже если он принимает вызов.

Совет Камбера в первые же годы своего существования начинает сводить воедино правила магических дуэлей. Однако похоже, что эти правила начали упорядочивать еще до появления Совета. По всей вероятности, инициатива исходила от высших иерар-

хов Эйрсидов, древнего и таинственного братства Дерини, построившего киилль. Однако именно Совет на протяжении десятилетий после смерти Камбера исполнял все возрастающие контролирующие функции.

К сожалению, мы видим Камберианский Совет лишь в годы его становления и упадка, однако можно смело утверждать, что в течение двух сотен лет он обладал весьма серьезной властью над Дерини. Когда Камбер начинает обсуждать вопрос о регулирующем органе с Джоремом, его прежде всего волнуют две основные проблемы: 1) исполнение обязанностей этого органа будет основываться на насилии; 2) наблюдатели должны сами взять на себя обязательства предотвращать злоупотребления.

Мы не знаем, какие меры мог применить Совет, чтобы наказать нарушителей, в дни его становления, однако во времена Келсона угроза их применения была достаточна для того, чтобы вселить страх в Торна Хагена, и даже Венцит предпочитает соблюдать внешние правила приличия. Создается впечатление, что Карисса также против нарушения правил магической дуэли. Однако если ее настойчивость по отношению к дуэли с Келсоном можно отчасти объяснить чувством мести, отнюдь не мягкость и жалость к будущей жертве мешают ей убить его тайно, исподтишка, незримым ядом снадобий, как она убила его отца. От одного предательского убийства, если Совет начнет задавать вопросы, еще можно как-то откреститься, два же будет объяснить труднее. А вот бросить открытый вызов — это смелый, но не выходящий за рамки правил поступок смертельно оскорбленного Дерини.

Практическая магия: изменение внешности

Еще один из многогранных талантов Дерини — способность изменять внешность, как собственную, так и кого-либо другого. Нужно сказать, что на протяжении многих веков практикующие маги настороженно относились к этому знанию Дерини. Джорем, к примеру, осуждает это действие, ибо оно противоречит его моральным устоям, так как неизбежно влечет за собой обман. Райс, получивший прекрасное образование, тем не менее почти ничего не знает об изменении внешности, кроме того, что оно имеет непосредственное отношение к черной магии.

> Изменение внешности... Он вспомнил, что об этом мимоходом упоминается в одном старом манускрипте о магии, в котором говорится, как маг наложил образ одного человека на другого. В книге упоминались пентаграммы и амулеты, предотвращающие заклинание от вредных воздействий, однако ее автор не входил в какие-либо подробности. Другой источник — он почувствовал, что теперь в состоянии просмотреть свою память, точно указатель, — упоминает о приношении в жертву животных и привлечении злых духов. Еще

один текст настаивал на том, что изменить внешность вообще невозможно, но, если верить Камберу, это и вовсе ложь. Порывшись в памяти, Райс пришел к выводу, что ничего толком не знает об изменении внешности, и заключил, что, вероятно, захочет узнать об этом намного больше.

(«Камбер Кулдский»)

Конечно, изменение облика — не черная магия, хотя Камбер допускает, что его можно считать «несколько серым по краям».

— Тень, скорее темная, чем светлая, вероятно, из-за того, что это обман, а обман используется не часто, если только к нему не прибегают в личных целях. Рискуя показаться лицемерным, я буду придерживаться мнения, что это пример неверного результата, оправдывающего средства. Как способ для невинных избежать опасности, возникшей не по их вине, его обычно оправдывают все, за исключением отъявленных консерваторов.

(«Камбер Кулдский»)

Здесь мы опять сталкиваемся с ситуативной этикой — результат оправдывает средства. Для Камбера, чей взгляд на многое куда шире, чем у его сына, которого трудно убедить изменить свое мнение, это выглядит достаточным основанием. Только Джорем, хотя и примирился с тем, что его облик и облик Райса принимают слуги, не может согласиться с задумкой отобрать облик у солдата Эйдиярда и наделить им Девина.

Сомнения Джорема, прежде всего, основаны на том, что Эйдиярду не дали права на выбор и он ни-

когда не сможет вернуться к своей прежней жизни. Но Джебедия выдвигает вполне резонный довод, что солдаты на войне выполняют свой долг, и это тоже долг Эйдиярда. Это нужно сделать потому, что это необходимо.

Вообще эта тема обсуждается крайне редко. Гораздо чаще мы видим лишь результат этого действия, например, когда Морган и Дункан открывают, что телу короля Бриона в могиле было предано иное обличие, и можно предположить, что в этом замешана Карисса либо кто-то из ее последователей, хотя нам так и не удастся узнать, как это было сделано. Есть упоминания и о том, что Корам время от времени принимает облик умершего Ридона Истмаркского, но и в этом случае никаких объяснений нет.

Первый раз процесс описывается, лишь когда Камбер переносит облик Райса и Джорема на двух своих слуг, чтобы они присутствовали на похоронах Катана и тем самым дали Райсу и Джорему возможность уехать, чтобы похитить принца Синхила из монастыря. Процедура, которую использует Камбер, чтобы подготовить Кринана, позднее описывается в нескольких книгах во всех подробностях, когда он использует ту же методику, чтобы помочь Тавису О'Ниллу преодолеть барьеры, мешающие полной взаимосвязи.

> — Я бы хотел показать тебе одно упражнение, с которым многие Дерини знакомятся еще в детстве, — сказал он тихо. — Джорем и Джебедия научились этому у своих отцов, и, я полагаю, Ниеллан тоже. Сам я, напротив, не знал о нем до тех пор, пока не стал послушником у гавриилитов. Однако узнать что-нибудь новое никогда

не поздно. Его можно назвать заклинанием, но когда осознаешь, что это такое на самом деле, то поймешь: бояться нечего. — Он поднес свечу чуть ближе к Тавису. — Положи руку так, чтобы мы вместе держали свечу.

Мгновение Тавис медлил, но ослушаться не посмел. Его пальцы были холодны, как лед, но Камбер даже не поморщился, а просто позволил Тавису взять себя в руки и сделать несколько глубоких вдохов.

— Хорошо, — прошептал Камбер, когда Тавис еще несколько раз вдохнул. — Не забудь, что именно ты контролируешь процедуру. Твоя рука лежит на моей — я не сдерживаю тебя. Если тебе вдруг станет страшно или ты почувствуешь, что не можешь продолжать, вернись назад, на сколько тебе необходимо. Ты не обидишь меня этим.

(«Камбер-еретик»)

Поборов минутное отвращение, вызванное первым прикосновением Камбера к обрубку руки, Тавис подавляет тошноту и чувство неловкости и решается вступить в контакт. И Камбер продолжает отвлекать его, успокаивая и ободряя, постепенно переходя от внушения к принуждению.

— Хорошо. Сосредоточься, словно готовишься к исцелению. Отлично. Когда будешь готов, если ты будешь готов — некоторые вообще не способны на это, — можешь закрыть глаза, чтобы лучше сосредоточиться.

Суть состоит в том, чтобы позволить нити, связующей нас, медленно, понемногу обретать форму, чтобы каждое звено

можно было внимательно исследовать и усвоить, в то время как ты сам будешь контролировать глубину взаимодействия позволяя одному плавно переходить в другое.

Говоря это, он видел, как затрепетали веки Целителя, его взгляд стал рассеянным и сонным. Тавис погружался в транс.

— Отлично, — продолжал Камбер. — Просто разреши своему сознанию плыть по течению вместе со мной. Когда будешь готов, услышишь примерно такое заклинание: «Соедини свой разум и руку с моими, друг мой. И пусть вспыхнет свет меж нашими руками, когда мы станем едины. Пусть вспыхнет свет, когда мы станем едины». Конечно, это будет лишь чередой мыслей, — тихо добавил он. — Слова сами по себе ничего не значат. Суть в главном — наши сознания объединятся, и наступит момент, когда мы будем находиться в достаточной взаимосвязи, чтобы сделать что-нибудь полезное. Когда это произойдет, между нашими руками вспыхнет огонь как признак того, что мы достигли этого уровня.

Тавис едва заметно кивал, приподнимая веки, дыша легко и спокойно. Опустив веки еще раз, он больше не смог открыть глаза. Камбер тоже закрыл глаза, удерживая тонкую нить контакта.

(«Камбер-еретик»)

Использовать заклинание со свечой для взаимосвязи с сопротивляющимся Тависом намного труднее, чем применять его же по отношению к готовому к сотрудничеству человеку, как, например, Кринан, или к такому опытному Дерини, как Райс.

— Не бойся, — улыбнулся Камбер. — Старайся не отводить взгляда от пламени. Расслабься и смотри на пламя, и в этих стенах ты забудешь о том, что тревожит тебя. Я не оставлю тебя, со мной ты в безопасности.

Неспособный к сопротивлению Кринан сделал, как его просили, не отрывая глаз от пламени свечи. Голос Камбера становился все тише и тише и наконец смолк. Вдруг Камбер усилил воздействие. Глаза Кринана закрылись, словно он заснул.

— Хорошо, — прошептал Камбер, высвободил руки и, взглянув на Райса, задул свечу... Затем он поднес руку к погашенной свече Райса, слегка растопырив пальцы. Его глаза встретились с глазами Целителя, спокойными и ясными.

— Соедини руку и разум с моими, друг мой, и пусть твоя свеча вспыхнет, когда мы станем едины.

Мрачно кивнув, Райс прикоснулся кончиками пальцев к пальцам Камбера, умеряя бег своих мыслей, прежде чем в его разум войдет другой. Он закрыл глаза, чтобы отрешиться от внешнего мира, и почувствовал, как ладонь Камбера с силой сжала его руку. Сохраняя полнейшее спокойствие, он приказал вспыхнуть свету в другой его руке и ощутил едва заметный, почти музыкальный резонанс, которого он так долго ждал, и мысли слились с мыслями Мастера.

Затем глазами Камбера он увидел, что ладонь его правой руки прижата к ладони Камбера, между делом заметив ровно горящую свечу в своей левой руке. Другая рука Камбера медленно поднималась, чтобы лечь на лоб Кринана.

Глаза Мастера закрылись. Осталась лишь кристальная тишина, покой, всеохватывающее единство уз, связывающих их. Теперь голос Камбера походил на шепот листьев, трепещущих под летним ветерком. Райс знал, что сейчас услышит.

— Узри свет в глазах своего разума, — приказал ему Мастер. — Это суть твоей внешней формы на земле. Сделай так, чтобы она увеличилась, и пусть она окутает человека, стоящего здесь. Твое лицо будет его лицом до тех пор, пока не отпадет надобность в этом.

Как только он произнес это, Райс ощутил, как сладкая истома снизошла на него, как напряжение, покалывавшее его кожу, исчезло, сосредоточившись в его руке со светящимся пламенем, которое теперь, изогнувшись дугой, перекинулось к рукам Кринана, заполняя пустоту. Никто не заметил дымки, окутавшей все кругом, сияния, исходившего от одной руки к другой. Но внезапно Райс осознал, что дело сделано, заклинание вступило в силу.

Он покачнулся, когда связывающие их узы рассеялись, перевел взгляд на свою свечу и увидел, что она погасла, но свеча Кринана ярко горела. Райс посмотрел на лицо слуги, и у него перехватило дыхание: Целитель увидел себя.

(«Камбер Кулдский»)

Наложить внешность человека на опытного Дерини намного проще, особенно когда у Дерини есть время, чтобы глубоко погрузиться в транс и удерживать заклинание. Принятие Девином облика стража Эйдиярда — удачный пример этого. Эйдиярда ввели в заговоренный круг, где Девин обменялся с ним

одеждой. Затем они встали рядом, и Ивейн взяла на себя руководство операцией.

— Теперь ты понимаешь, как важно полностью открыться?

— Да.

— Хорошо, — ответила Ивейн, обменявшись взглядами с Райсом, и собралась встать позади Девина. — Чем глубже ты сосредоточишься, тем шире сможешь открыться передо мной, тем лучшее изображение я сумею наложить на тебя. А это очень важно, так как первое время ты не сможешь контролировать свою внешность, пока твои способности будут блокированы. — Она коснулась руками его плеч. — Теперь сделай глубокий вдох, и мы начнем. Хорошо. Еще раз.

Девин повиновался и начал входить в транс. Первые стадии не вызывали трудностей, но достигнув под руководством Ивейн новых глубин, он почувствовал, что оставаться в состоянии пассивного раскрытия, которое требовалось от него, совсем не просто, хотя на прошлой неделе они проделывали это много раз.

Он глубоко вдохнул и выдохнул, подталкивал себя вниз к другому уровню. Девин ощутил легкое прикосновение рук Райса, скользнувших с затылка ко лбу. Целитель уводил юношу еще глубже, так что вскоре он потерял ощущение реальности.

Теперь глаза были закрыты. Он не мог ничего видеть, но его внутреннее зрение становилось все сильнее, а дыхание все реже и реже, в то время как тело, расслабившись, вошло в состояние приема, к которому его вела, подбадривая, Ивейн.

Он больше не мог сам дышать, не слышал сердцебиения, но это его не волнова-

ло: Дэвин знал, что Райс следит за всем. Все его бытие теперь находилось в руках, лежавших на его плечах и быстро соскользнувших с них, чтобы коснуться лба. С новым прикосновением что-то, казалось, встало на место — что-то, что дало ему возможность распоряжаться своей судьбой. Теперь, даже захоти он прервать взаимосвязь, он не смог бы, но это его не тревожило. Ивейн на мгновение оторвала руки, и Дэвин смутно ощутил, что Эйдиярд подготовлен точно так же. Он находился на грани знания и неведения в неустойчивом состоянии между руками Райса, пока не почувствовал еще одно прикосновение Ивейн.

— Держи равновесие, — раздались в его сознании слова Ивейн. Она находилась в точке баланса между ним и Эйдиярдом. Силы таяли и для него не осталось ничего.

Он чувствовал, как кожу покалывает от напряжения, будто сотни крошечных насекомых ползали по его телу, но, как ни странно, чувство это не было неприятным.

Внезапно все кончилось. Его тело стало вновь послушно ему, все странные ощущения исчезли. Как только Ивейн убрала руку и освободила свой разум, он почувствовал, что всплывает на поверхность, слегка покачнувшись от головокружения от такого быстрого возвращения к сознанию. Но руки Райса поддержали его; разум Целителя отстранялся медленнее, по мере того как жизненные функции возвращались под контроль Девина. Когда он открыл глаза, Ивейн с приятной улыбкой, не отрываясь, смотрела на него, все еще держа одну руку на плече находящегося в трансе Эйдиярда.

(«Камбер-еретик»)

Как заметила Ивейн, изменение внешности Девина намного сложнее, потому что сначала его способности были блокированы и он был более уязвим, чем Камбер, принявший облик Элистера Келлена, хотя у Девина, по крайней мере, было время для подготовки. В распоряжении же Камбера, находящегося в этот миг на краю поля битвы, было всего несколько минут. Было ли у него время, чтобы продумать все последствия того, что он собирался сделать, и мог ли он заглянуть в будущее?

Но тем не менее он идет на это. История Гвиннеда была бы совершенно иной и, вероятно, мрачнее, откажись он от этого поступка. Очевидно, Камбер располагает куда большим опытом изменения внешности, чем какой бы то ни было другой Дерини. (С ним можно сравнить разве что Корама-Ридона.) Именно Камбер принимает решение придать облик Джорема и Райса слугам. И именно Камбер отваживается поменяться местами с Элистером вопреки желаниям Джорема.

В конце концов Джорем соглашается. И он, и его отец используют варианты одного и того же процесса. Джорем усиливает связь между своим отцом и умершим Элистером. Здесь мы видим двойное изменение облика: Камбер обменивается внешностью с Элистером Келленом.

> Не обращая внимания на слезы, Камбер склонился над Келленом и дотронулся до кольца, лежавшего на его груди. Кольцо начало светиться холодным белым светом. Камбер поднял левую руку и приложил ее, палец к пальцу, к правой руке Джорема, одновременно опустив правую на лоб Келлена.

— Теперь вспоминай, — прошептал он. Узы любви, связывавшие их, легли в основу возникшей между ними нити, как это было в часовне в Кайрори два года назад.

— Соедини руку и сердце с моими и слей свет свой с моим, когда мы станем едины.

Камбер видел, как помутился взгляд Джорема, веки затрепетали, дрожа, слипаясь, когда он нехотя, но послушно погрузился в мирный, глубокий транс.

Он перевел взгляд на кольцо, лежавшее между ними, которое в призрачных сумерках сияло еще ярче. Спустя мгновение он позволил своим глазам закрыться и сосредоточился. Джорем был готов. Камбер теперь разрешил соскользнуть своему сознанию.

Джорем сам контролировал ситуацию и, если бы захотел остановиться, мог бы это сделать, но не стал. Вместе с единением пришло и ощущение всей тяжести их удела, ответственности, о которой, теперь он понял это, его отец знал уже давно, пусть даже подсознательно.

Но страха не было, были решимость, уверенность и согласие.

— Узри, — прошептал Джорем, словно зеленые листья поплыли по волнам бьющей из-под земли воды. — Узри суть своей внешней формы, о мой отец, и формы того, кто был твоим другом. — Он спокойно вдохнул. — Пусть обе сущности сольются в холодном огне, что покоится меж нами. Стань Элистером Келленом во всем внешнем облике. И пусть облик твоего друга станет неотличим от облика графа Кулдского. И пусть будет так. Аминь.

Губы Камбера повторили эти слова, но ни единого звука не сорвалось с них. Джо-

рем приоткрыл глаза, чтобы увидеть в благоговении, как дымка окутала лицо его отца. Как будто сквозь вуаль он наблюдал, как менялись знакомые черты. Быстро взглянув в лицо Келлена, он заметил, что в нем происходят подобные же изменения.

Перстень, разделявший их, ярко вспыхнул, и Джорем взмахнул свободной рукой, прикрывая глаза. Когда же он снова обрел способность видеть, перед ним на коленях уже стоял не его отец, а у ног его спал Камбер вечным сном.

(«Святой Камбер»)

Ивейн доводит процесс до иного уровня. Когда она принимает внешность брата Джона, чтобы привлечь внимание Синхила, пока Камбер завершает сопоставление воспоминаний Элистера, она не пользуется моделью.

Брат Джон поднял молодое, обросшее юношеской бородкой лицо, взглянув на него дымчатыми черными, а не голубыми глазами. Эти невероятные глаза на мгновение простодушно блеснули из-под длинных черных ресниц, навсегда запав в душу короля своей несхожестью с кем бы то ни было. Губы, намного тоньше, чем губы Ивейн, нерешительно дрогнули, произнося слова голосом, который мало походил на голос девушки.

(«Святой Камбер»)

Такого человека, как брат Джон, никогда прежде не существовало, и реакция Джорема и Райса дает возможность предположить, что изменение внешности при отсутствии модели и без помощи со стороны, по крайней мере, весьма необычно.

«Ты изменила внешность? (с упреком спрашивает Джорем) Но как?»

«Так», — отвечает Ивейн (прежде чем объяснить, что она просмотрела в свитках Камбера раздел, касающийся изменения внешности наряду с сопоставлением памяти.*

— Я думала, что нам неплохо бы понять, как отец пришел к этому. И, должна признаться, никогда не подозревала, что мне придется воспользоваться этим заклинанием.

(«Святой Камбер»)

Ивейн принимает облик мужчины. Интересно, это изменение было полным или касалось лишь черт лица? В любом случае оно должно быть чем-то большим, нежели иллюзия, так как и Джорем, и Райс смогли бы распознать ее, что, впрочем, мог сделать и сам Синхил.

Отсюда можно сделать вывод, что мы столкнулись с реальной трансформацией. Что же касается того, насколько далеко она может зайти, об этом, видимо, можно судить, вспомнив, что когда Камберу понадобились люди, чтобы заменить Райса и Джорема, он выбирает слуг одного с ними роста и подобного телосложения. Над своей схожестью с Элистером Келленом размышляет и сам Камбер, когда начинает понемногу привыкать к новой внешности.

Нужно было изменить не так уж много, разве что лицо и руки, поскольку он и Элистер были почти одного роста (Элистер выше примерно на пядь), оба худощавые.

Но спрятать разницу в росте было достаточно просто, если в этом вообще была надобность, так как едва ли кто-нибудь ее

заметит. Если нынешний Элистер стал казаться чуточку ниже, это легко можно было приписать усталости и ответственности, свалившейся на него со смертью Камбера.

Разница же в чертах лица и вовсе не представляла никакой трудности. Теперь, когда первичное преобразование было завершено, он мог, если бы пожелал этого, иногда обретать свою прежнюю внешность, особо не напрягаясь. Он уже предпринял необходимые шаги, чтобы быть уверенным: новый облик сохранится, даже если он будет спать или лишится чувств. Конечно, из-за большого расхода энергии придется на некоторое время возвращаться к своей прежней внешности, но, скорее всего, нечасто и, будем надеяться, в местах безопасных. Иначе говоря, новый облик мог исчезнуть лишь по желанию самого Камбера.

(«Святой Камбер»)

Все это дает основания предположить, что главное ограничение в использовании изменения внешности — разница в весе и телосложении. Наложение внешности изящного оруженосца на могучего воина, по всей видимости, не увенчается успехом.

Поверхностные же преобразования, такие как изменение цвета глаз и волос, типа лица и внешних черт, вполне возможны, как и некоторое перераспределение массы тела, например, при переформировании лицевых костей, а вот увеличить или уменьшить массу нельзя. Поэтому Тавис не может с помощью заклинания «отрастить» новую руку на месте обрубка, хотя способен поддерживать иллюзию руки, по крайней мере, для некоторых наблюдателей и ненадолго.

Что же касается изменения внешности Ивейн, то мы можем предположить, что как такового данного намерения у нее не было. Чтобы как-то на первое время изменить внешность и таким образом получить вместе с Джоремом доступ в апартаменты Камбера-Элистера, она считает достаточным подобрать волосы, связать их в узел и спрятать под капюшоном рясы, скрыть свои изящные руки в широких рукавах облачения михайлинцев. Вполне вероятно, она стягивает и грудь, так как Райс не замечает ничего в ее наружности, что выдавало бы в ней женщину.

Похоже, изменяется лишь лицо Ивейн, перед тем как она осмеливается поднять глаза на Синхила. Однако мы не должны забывать о ее изобретательности. К этому времени она уже выбрала себе мужское лицо. Насколько далеко мог бы зайти Синхил при допросе, передав «брата Джона» дознавателям, как долго она могла бы поддерживать иллюзию, что обнаружилось бы под одеянием михайлинца Джона?

У заклинания, изменяющего внешность, есть несколько серьезных недостатков, и один из них заключается в том, что энергия, поддерживающая заклинание, исходит от объекта. Таким образом, Камбер вынужден делать так, чтобы его слуги-люди спали большую часть дня, пока их облик был изменен, дабы иметь возможность распоряжаться их энергией. И конечно же, со смертью объекта прекращается действие заклинания.

Иной облик можно наложить и на умершего. Так Камбер, накладывает свою внешность на Элистера, а Карисса меняет лицо мертвого Бриона (добавив и другое заклинание, чтобы удержать часть души короля). В таких случаях, чтобы поддерживать нало-

женный облик, требуется энергия не объекта, а оператора. Собственно, внешность мертвеца не нужно изменять надолго. Камбер и Джорем хорошо понимают, что облик Камбера на настоящем Элистере Келлене исчезнет ко времени, когда епископы перестанут ратовать за его тщательный осмотр.

Сохранные заклинания на умерших

На тело умершего Элистера Келлена наложили не только облик Камбера, но и заклинания, приводимые в действие Райсом, которые не давали наступить распаду и разложению, что требовало значительных усилий, так как стояло жаркое лето.

Предохранять тело от разложения умеют только Целители. Заклинание обычно действует несколько дней, отделяющих смерть от похорон. При этом чем выше температура окружающего воздуха, тем больше энергии требуется для того, чтобы поддерживать действие заклинания. То, что Райс умирает зимой, объясняет, почему даже по прошествии полумесяца на его теле не было признаков разложения. Правда, в его сохранении участвуют по крайней мере два Целителя: Рикарт, личный Целитель епископа Ниелла-на, и Тавис О'Нилл, который считал, что в гибели Райса есть и его вина.

Тело самого Камбера тоже не подверглось разложению, однако это, очевидно, результат действия иного, более загадочного заклинания, которое не позволяло смерти приблизиться к нему, или, может быть, это признак святости, на чем настаивали его приверженцы...

Запретное заклинание

Одним из наиболее таинственных заклинаний можно считать заклинание, помогающее отсрочить смерть, которое называют запретным.

Впервые о нем упоминается, когда Камбер и Джорем находят тела Элистера Келлена и принцессы Эриеллы и Камбер распознает признаки попытки применения этого заклинания. На эту мысль его наводит меч, пригвоздивший тело Эриеллы к дереву. Навершие рукояти которого было изогнуто и обуглено зарядом огромной силы.

> Но потом он взглянул более внимательно на ее руки, увидел, что они не сжимают лезвие, и мгновенно догадался, что она пыталась сделать. Руки Эриеллы были сложены на груди, а пальцы согнуты так, как того требовало заклинание, существование которого большинство считало невозможным, относя его к легенде. Не удивительно, что Джорем был так потрясен.
>
> *(«Святой Камбер»)*

Эриелла, похоже, была так чем-то увлечена, что даже не пыталась отразить удар.

Проведя над ней руками, Камбер понял, что ее постигла неудача и что заклинание, сохраняющее жизнь, не сработало. Позднее, когда Камбер размышляет, ему кажется, что он догадался, почему у Эриеллы ничего не вышло, однако его догадки остаются при нем.

Ко времени же, когда он впервые подвергается искушению применить это заклинание на Райсе, он уже уверен, что знает, как преуспеть, но сомневается,

имеет ли право принять такое решение за другого. И пока он думает, Райс умирает.

Мы лишь можем предположить, что эта процедура сродни тяжелой подати. Камбер пытается дать объяснение, что фактически это «что-то немного большее, чем стазис, в состояние которого можно ввести тела, чтобы предотвратить разложение, по-видимому, нечто немного большее, чем попытка сохранить узы, связывающие тело на грани жизни и смерти с душой» *(«Камбер-еретик»)*.

В течение последовавших за этим нескольких недель он, очевидно, разрешает эту задачу. И когда сам, умирая, должен принять последнее решение об этом заклинании, его наконец посещает прозрение. Теперь-то он точно знает, почему Эриелла потерпела неудачу и что его не постигнет тот же удел, и убеждается, что не имел права решать за Райса.

Сам он, однако, может отважиться пойти на испытание, которое иногда встает перед адептами его уровня, достигшими духовной зрелости.

> ...Отвергнуть смерть ради настоящего, но взамен войти в иное, сумеречное царство духа, где можно служить как Господу, так и человеку разными путями. Но разнятся ли они? И ему было дано знание, благодаря которому он мог принять это испытание, мог облечь себя в доспехи Господа и продолжать трудиться не покладая рук во имя Света.
>
> *(«Камбер-еретик»)*

Какое-то время мы не знаем, удалось ли это Камберу. Однако вскоре после того, как Ивейн узнает, что он смог по-настоящему испытать на себе это за-

клинание, она и Джорем спорят, сработало ли оно и какие последствия это повлечет за собой, если они не смогут вернуть Камбера назад. И Ивейн постепенно понимает, какую цену заплатил

Камбер, так и не достигнув желанной цели, и какова будет цена исправления его ошибки, которую придется заплатить, чтобы освободить его, открыв истинный путь. Ощутив, что происходит в душе Ивейн, когда она заключает сделку, чтобы освободить своего отца, мы получаем лишь мимолетное представление о том, что должно ожидать Камбера впереди, когда он займет свое место среди великих мастеров.

> Ивейн попыталась понять, что сделал ее отец. Его заклинание сработало. Камбер миновал смерть, но заплатил за это огромную цену. В обмен на свободу передвигаться между мирами, продолжая работу, которую более не мог выполнять в своем поврежденном теле, по крайней мере на время, он поплатился восторгом единения со Всевышним. Он всегда умело обращался с чарами, подвластными ему, он имел доступ к обоим мирам как посланник и посредник Господа.
>
> Но Камбер все-таки не до конца понял заклинание, которое привел в действие в миг надвигающейся смерти. Нет, смерти не удалось связать его своими путами. Но тем не менее он был связан. Лишь неимоверным усилием воли он изредка мог прорваться в наш мир и сделать свое присутствие ощутимым, но сделать он мог это очень редко и стоило это ему слишком многого, и постичь это могли лишь те, кому на мгновение открылся Лик Господа, или кому было отказано в этом. И до тех

пор, пока равновесие не будет восстановлено беззаветной жертвой того, кто сознательно готов заплатить полновесной монетой, этот Лик должен остаться навеки скрытым от Камбера Кайрила Мак-Рори.

Таким образом, она должна открыть ему дорогу к той радостной цели, лежащей за пределами, очерченными жизнью, во имя которой готовы трудиться не покладая рук величайшие мудрецы, отрекаясь от Великого Возвращения ради особого предназначения, наставляя человечество в том, как приблизиться к Господу. Для нее самой этот выбор будет означать смерть тела, так как плоть не в состоянии выдержать поток энергии, необходимый, чтобы отослать его в следующее измерение, но она знала, что жертва необходима.

Другие без страха пошли навстречу смерти, не побоится и она.

Там же ее будет ждать Райс, ее любимый Эйдан, другие друзья и товарищи по Великому Танцу, которые тоже пали во имя Света. Такой конец не постыден. Ибо это вовсе не конец.

(«Скорбь Гвиннеда»)

Жертва Ивейн не была напрасной, она на самом деле позволила Камберу полностью войти в новое измерение, в котором он мог свободно перемещаться между мирами. Сделало ли это его наконец святым покажет время. Дерини могут воспроизводить многое из того, что присуще лишь святым. И деяния Камбера, выдающие его присутствие в Одиннадцати Королевствах, будут беспрестанно вызывать удивление и пересуды.

Защитные заклятия: Стражи Частей Света

Заговаривание обычно представляет собой возведение защитного энергетического барьера вокруг человека или определенного места. Тирцель Кларонский, например, с помощью заговора защищает дверь, ведущую в кабинет Дункана, чтобы туда никто не мог вторгнуться. Камбер-Элистер накладывает заговор вокруг своего жилища, чтобы избежать соглядатаев, покуда он разговаривает с епископами, которые пришли, чтобы предложить ему митру архиепископа («Камбер-еретик»). Охранные заговоры обычно накладывают на место привала, чтобы ничто не могло помешать выспаться и отдохнуть воинам. Постоянные заклятия обычно «встраивают» в стены. Основа любого заговора — возведение барьера. Классическая церемониальная магия гласит, что заговаривание обычно включает заклятие магического круга, чтобы не допустить проникновения внутрь вредных или враждебных сил извне. В соответствии с другим подходом круг предназначается для того, чтобы сохранить положительные и полезные силы внутри.

Заговоры Дерини — это, скорее, способ предотвратить проникновение внешних сил и защитить тех, кто находится внутри, хотя и от сдерживания внутренних сил они не отказываются.

Практически во всех ритуалах заговаривания призывают силы четырех стихий — Воздуха, Огня, Воды и Земли — как персонификации Архангелов Четырех Сторон Света.

Такие сущности не обладают физической формой, но каждая имеет свои атрибуты, которые помогают практикующему магу установить связи на более высоком уровне и видеть то, что вызывает.

Архангелы четырех Сторон Света

Призывать Архангелов начинают с востока, ориентируясь на источник Света. В соответствии с традицией, возвращенной к жизни Дерини, фактически любое позитивное действие начинают, обернувшись к востоку, а затем внимание может быть перенесено и на само действие (как тогда, когда Ивейн собиралась войти в Царство Стража Севера). Архангела востока Рафаила, который правит стихией Воздуха, обычно изображают в развевающихся одеждах, пронизанных воздухом, бледного золотисто-желтого цвета. Традиционная иудейско-христианская символика связывает Рафаила с милостью исцеления, считает его ангелом, волнующим воды источника в Товите, потому его и изображают с рыбой в руках.

В классических эзотерических трудах стихию Воздуха связывают с мыслью, интеллектом и слухом. Символом его служит Меч, который изначально, вероятно, был стрелой — очевидным атрибутом Воздуха. Когда заговаривают круг, наиболее распространенный символ Воздуха — дым ладана.

Вторым в пантеоне Архангелов является святой Михаил, Глава Небесных Воинств, который управля-

ет стихией Огня и ассоциируется с югом. Основной цвет Михаила — красный. В соответствии с некоторыми традициями именно он сторожит ворота Эдема после изгнания Адама и Евы из Рая, и именно он будет держать весы во время последнего Суда. Чаще всего его изображают с мечом или копьем в руке, одна нога стоит на шее закованного в цепи подобного дракону дьявола, которого он только что покорил. Однако на фресках Ордена святого Михаила, чьим покровителем он является, он нарисован стоящим свободно, исхудалые руки лежат на поперечине рукоятки огромного меча, острие находится у его ног, доспехи сияют светом, который излучает расплавленное червонное золото, а огненные крылья сложены за его спиной, словно пламенная мантия, что представляет собой архетип воина Света. В этом смысле он также считается покровителем всех воинов вообще.

Стихия Огня ассоциируется с интуицией и зрением, но оружие его — не меч святого Михаила, а волшебная палочка, иногда обожженная огнем трость или посох, используемый, чтобы повелевать огнем. В ритуальном круге символы огня — зажженные свечи и горящий ладан.

Третий Архангел — Гавриил, Страж запада и Воды, обычно изображается в синих тонах или в тонах аквамарина. По установившейся традиции, Гавриила считают Ангелом Благовещения, что приносит новость о рождении Христа Благословенной Деве Марии, начинающуюся с бессмертного приветствия: «Приветствую тебя, Мария, исполненная благодати...». Гавриила также считают ангелом Последнего Суда, который будет дуть в небесную трубу, чтобы поднять мертвых.

Вода связывается с чувством, любовью и вкусом, символ ее — Кубок, изначально — котел бессмертия, общая чаша, откуда исходит пища. По ассоциации, это становится также Святым Граалем. Святая вода, используемая для окропления круга, представляет собой ритуальный символ Воды.

И, наконец, Архангел севера — Уриил (по некоторым источникам — Уриэль, Ориэль), который управляет стихией Земли. В одном из своих обличий Уриил — Ангел Смерти, однако он выступает, скорее, как воплощение естественного цикла рождения, смерти и перерождения. Хотя его изображают мрачным и суровым, он может быть и милостивым, поскольку, отделяя души от того, что связывало их на земле, объединяя их в Царстве Мертвых, освобождает их от земных страданий. Лишь Уриил обладает крыльями, покрытыми перьями, обычно похожими на крылья сизых голубей, цвета воронова крыла или крыла сороки, либо переливающегося зеленого цвета крыла дикой утки.

Стихия Земли связывается со знанием, ощущением и прикосновением. Ее символ — Щит или Пентакль, изначально — лопата, которой вскапывают землю, чтобы посадить семена. Отсюда связь со священными камнями. Соль, которую добавляют в святую воду, используемую для окропления круга, представляет собой ритуальный символ Земли.

В соответствии с некоторыми традициями в этот ряд включают и пятый элемент, стихию Духа, которая часто ассоциируется с великим Ангелом Сандалфоном и Матерью Земли, Планетарной Сущностью, связывающей или объединяющей все четыре стихии. Об этих сущностях мы узнаем позднее.

Однако невольно задаешься вопросом: если присутствие Архангелов-попечителей — явление положительное, нужно ли вообще накладывать заклятие? Способен ли находящийся в здравом рассудке маг сознательно вызвать нечто, что может обратиться ему во вред?

Дело в том, что, хотя от этих могущественных Сущностей ждут добра и защиты, неподконтрольная энергетика самого их присутствия такова, что простым людям может быть нанесен невосполнимый урон. Поэтому круг считается защитной преградой, заставляющей их держаться на безопасном расстоянии. Неподдельная дрожь Кверона в «*Скорби Гвинне-да*», когда Стражи Сторон Света собираются перед его вступлением в Камберианский Совет, иллюстрирует, насколько могущественны могут быть «простые» ментальные визуализации. Кверон ждет вне пределов заговоренного круга, на некоторое время защитив себя стазисным заклинанием, установленным между двумя колоннами, где он стоит, осознавая, что в конце концов будет вынужден покинуть это убежище и войти в круг.

> — Обрядами древними и могущественными мы подготовили это место, — тихо проговорил Грегори, вновь положив пальцы обеих рук на меч, но не поднял его. — Теперь мы призовем, приведем в движение и заставим приблизиться великие силы небесные.
>
> Обернувшись к востоку, Ансель запрокинул голову и воздел руки в мольбе, его проникновенный голос был тверд.
>
> — Именем восстающего Света мы призываем Рафаила, стража Воздуха, Ветра и Бури, — произнес он, — защитить нас и

стать свидетелем клятв, что мы дадим. Приди, могущественный Рафаил, и удостой нас своим присутствием.

Покуда он говорил, в его руке вспыхнул огонь — шар золотистого света, который поднялся над его головой и затем, по его повелению, стрелой пролетел сквозь тьму сводчатого потолка киилля, чтобы слиться с пламенем восточного факела вспышкой белого золота.

Кверон был ошеломлен, он никогда не видел ничего подобного прежде. Защищенный заклинанием, он не смог ощутить мгновенного появления Архангела, но видел, заглянув в лицо Анселя, что тот ощущает его присутствие.

Постепенно Кверона охватило чувство, что сильный ветер, стеная, заполнил киилль, и он кожей ощутил этот стон. Порыв ветра растрепал его длинные волосы, вызвав ледяную дрожь, прошедшую вдоль спины, и он сильнее вжался в укрывавшую его нишу, надеясь, что его не заметят, в то время как руки Анселя опускались, а Джорем, в свою очередь, поднимал руки.

— Именем Света разгорающегося мы призываем Михаила, Защитника, Повелителя Огня, Главу Легионов Небесных, — произнес Джорем, и голос его эхом прокатился по подземелью, когда он откинул назад голову. — Охрани тех, кто собрался здесь, и отдай должное клятвам, которые мы дадим. Приди, могущественный Михаил, и удостой нас своим присутствием.

Огненный шар Джорема, как молния, пролетел к южному факелу и, вернувшись к своему началу, ослепительно вспыхнул. Когда Кверон вновь смог взглянуть на него, в сердцевине своей пламя окрасилось в кроваво-красный цвет. Внезапное, не вы-

зывающее сомнений появление Архангела он мог лишь чувствовать: вдруг он возник из теней позади Джорема, ярко вспыхнув, но свет этот не был доступен глазам.

Ивейн уже была готова вызвать Гавриила.

— Именем Света нисходящего, — произнесла Ивейн, — мы призываем Гавриила, Повелителя Вод, небесного Герольда, что принес радостную весть Благословенной Богоматери нашей. Охрани тех, кто собрался здесь, и стань свидетелем клятв наших. Приди, Гавриил, и удостой нас своим присутствием.

Мягкий, цвета моря, свет, который вызвала Ивейн, был успокоительным бальзамом для Кверона, который не верил своим ощущениям, и он тихонько и застенчиво поблагодарил Бога за то, что ему не нужно смотреть, чтобы видеть приближение Гавриила. Шепча про себя молитву, Кверон на мгновение закрыл глаза, чувствуя, что наконец-то погрузился во что-то несущее успокоение, теперь, когда Гавриил был близок, чтобы поддержать его.

Джесс призвал последнего свидетеля их обряда. Джесс, самый юный из них, немного усталый, но уверенный в себе, поднимал руки в мольбе, будто скрепляя все сделанное верной печатью.

— Именем Света возвращающегося, мы также призываем Уриила, Темного Повелителя Земли, кто приводит в конце концов каждого на Берег Смерти, — тихо, но твердо прозвучал призыв. — Спутник всех отдавших свои жизни в защиту других, охрани тех, кто собрался здесь, и стань свидетелем наших клятв. Приди, могучий Уриил, и удостой нас своим присутствием.

Сразу же, как только изумрудно-зеленый огненный шар Джесса слился с факелом возле ниши Кверона, покрытые темными перьями крылья засвистели в воздухе с внешней стороны стазисной завесы. Судорожно вздохнув, Кверон склонил голову, чувствуя: это То Нечто, перед кем он должен ответить, прежде чем завершится ночь. Теперь он был вынужден признать, что Совет Камбера имеет доступ к знанию и силам, намного более могущественным, чем огромное знание его Ордена. Сегодня его жизнь по-настоящему была брошена на чашу весов.

В течение нескольких ударов сердца он не мог унять дрожь, осознавая это, слишком хорошо представляя, какие вселяющие трепет Силы собрались в пространстве между этими колоннами и куполом, и видя, как смертные, находящиеся в киилле, вновь собрались вокруг алтаря, покуда Бессмертные неясно вырисовывались снаружи круга.

И он должен пройти мимо них, даже просто для того, чтобы вымолить разрешение войти в спасительный круг! Просто чудо, что он укрыт стазисной завесой, но что он будет делать, когда она поднимется?

(«Скорбь Гвиннеда»)

Эта сцена в определенной мере помогает понять, зачем нужен защитный круг.

Когда Синхил намеревается наделить своих сыновей могуществом Дерини, Камбер и его родственники объясняют королю основные правила, которых следует придерживаться, заговаривая магический круг и приводя в действие процесс наделения могуществом. Первая попытка Синхила вызвать Силы

Стихий довольно непоследовательна, так как он не знает нужных слов. Он произносит слова, идущие от его сердца, веря, что Те, Кто слушает его, распознают его добрые намерения.

> — Святой Рафаил, Целитель, Хранитель Ветра и Бури, храни и исцели наш разум, душу и тело нынешней ночью...
>
> — Святой Михаил, Защитник, Хранитель Эдема, защити нас в час нужды нашей...
>
> — Святой Гавриил, Герольд Небесный, отнеси молитвы наши Богородице Нашей...
>
> — Святой Уриил, Ангел Темный, тихо приди, если должен, и сделай так, чтобы страх покинул это место...
>
> *(«Камбер-еретик»)*

Синхил, очевидно, не совсем уверен в силе своей визуализации, так как увеличивает свои усилия, начиная готовить чашу, которая приведет в действие передачу потенциала его сыновьям. Король излагает свою мольбу в форме молитвы причащения, которая была ему знакома и в то же время ободряла его, соратники-Дерини подхватывают ее и усиливают исходя из образности, избранной самим Синхилом. Обратите внимание на то, как каждый требуемый элемент проявляет свое присутствие в каком-либо характерном признаке.

> Когда встали рядом Джорем по левую руку, а Элистер — по правую, он бестрепетно принял чашу из рук Элистера и, обернувшись к алтарю, слегка приподнял ее, приветствуя присутствие Высших Сил.

— О, Господи, святы деяния Твои. С дрожью и смирением предстаем мы пред Тобой с нашими мольбами. Благослови и защити нас в том, что должны мы совершить этой ночью.

Он повернулся к сыну, опустил чашу и накрыл ее рукой.

— Пошли своего Архангела Рафаила, о, Господи, чтобы дыханием своим освятил эту воду, дабы пьющие ее могли по праву владеть Воздухом. Аминь.

Стук его сердца раздавался в тишине магического круга. Дрожа всем телом, он держал чашу двумя руками и почувствовал, как на белой глазури дна шевельнулось и задрожало кольцо.

Легкое дуновение всколыхнуло складки одежды Синхила, поиграло волосами, принесло запах благовоний и, все ускоряясь, завертелось в круге. Когда ветерок превратился в вихрь, Синхил увидел дикий взгляд сына. Ветер прибивал одежды к телу, бросал волосы в лицо.

У Ивейн с головы сдуло капюшон, волосы рассыпались, а на ковер попадали блестящие золотые шпильки. Пряди металлись, точно живые, образуя нимбы над головами Джорема и Элистера — пшеничный и серо-стальной, но они стояли неподвижно, скрестив руки на груди, спокойные и непоколебимые, хотя Синил успел заметить, как епископ прикрыл глаза.

Прежде чем кто-нибудь успел защититься от вихря, буря прекратилась. Последний порыв подхватил струю дыма и превратился в крошечный смерч над чашей, которую все еще держал Синхил. Он знал, что все взгляды устремлены на него, Дерини удивлены его осмысленным поведением и уверенностью. И в то же время

он чувствовал их молчаливое согласие и готовность следовать за ним как угодно далеко.

Между тем во время бури в магическом круге он не отваживался дышать. Сейчас он видел только маленький смерч над чашей. Воронка вихря коснулась поверхности воды, подняв рябь, затем все стихло.

Когда вода в чаше успокоилась, Синхил закрыл глаза и передал чашу Джорему. Джорем, нисколько не смущенный происходящим, торжественно поклонился. Поднеся чашу к Элрою, он накрыл ее точно так же, как раньше делал Синхил.

— О, Господи, священны деяния Твои. Молим Тебя, пошли Архангела Огня, благословенного Михаила, чтобы вода эта зажглась Твоей любовью и стала священна, чтобы все, кто пьет ее, могли управлять Огнем. Аминь.

Еще одно мгновение Джорем держал руку над чашей, затем отвел ее немного в сторону. В открывшемся пространстве блеснуло пламя, превратившееся в огненный шар величиной с яйцо. Шар поднялся вверх на ладонь и завис. Пламя ревело, точно в кузнице, наполняя круг своей силой.

Выждав немного, Джорем стал осторожно опускать руку и, казалось, прижимать огненный шар к поверхности воды. Над чашей с шипением взвился пар, но через мгновение все стихло: пламя превратилось в холодный огонь, который едва заметным голубым пятнышком проплыл над водой и, скользнув за край, пропал.

Джорем повернулся к сестре и осторожно, с почтением передал чашу. Грациозным движением она откинула взлохмаченные ветром волосы, приняла драгоцен-

ную ношу и поднесла ее к груди, вглядываясь в воду.

Затем Ивейн подняла чашу высоко над головой и, пристально глядя на нее, начала молитву.

— О, Господи, священны деяния Твои. Позволь своему Архангелу Гавриилу, Властелину бурных вод, обрушить на эту чашу дождь Твоей мудрости, чтобы те, кто пьют из нее, могли по праву повелевать Водой. Аминь.

Воцарилась тишина, и в воздухе появилось свечение. Потом молния сверкнула над головами, послышались раскаты грома, и над чашей возникло маленькое темное облако.

Синхил тяжело вздохнул, решимость вдруг оставила его, но остальные не двинулись с места, и ему пришлось последовать их примеру. Лицо Ивейн пылало, а голубые глаза неотрывно смотрели на облачко.

Снова пророкотал гром, но теперь тише и не так угрожающе. Облако пролилось дождем. Почти все капли упали в чашу, лишь несколько — на участников обряда. Когда дождевая капля коснулась щеки Синхила, он отшатнулся, преодолевая мучительное желание перекреститься, но дождь кончился почти так же внезапно, как и начался. Чаша в руках Ивейн снова была просто чашей. По стенкам стекали капли и падали на дорогой келдишский ковер. Ивейн с поклоном передала чашу Элистеру.

Когда Элистер заглянул в магический сосуд и поднял его к лицу, глядя туда, где несколькими секундами раньше висело облако, Синхил снова тяжко вздохнул.

— О, Господи, священны деяния Твои. Позволь Уриилу, Твоему посланнику Тьмы и Смерти, наполнить эту чашу силой и сек-

ретами Земли, чтобы все, кто пьет из нее, по праву смогли управлять Землей.

Элистер произнес: «Аминь», и в то же мгновение чаша в руках епископа задрожала, кольцо со звоном забилось о стенки, вода забурлила с такой силой, что грозила вот-вот выплеснуться через край.

Толчки усиливались, даже пол под ногами заходил ходуном, и Синхил испугался, что попадают свечи на алтаре. Но тут же почувствовал под ногами неколебимую твердь. Все успокоилось в магическом круге. Элистер поднял, чашу еще выше и в знак благодарности той Силе, что побывала в его руках, поклонился. Потом опустил чашу и взглянул на Синхила.

— Чаша готова, государь, — тихо сказал он. — Остальное в твоих руках.

(«Камбер-еретик»)

Теперь становится определенно ясно, даже Синхилу, что Стражи круга существуют в на самом деле. Однако это становится очевидными лишь тогда, когда сам ритуал закончен, и душа перерожденного Синхила готовится войти в ворота, которые открывает для него в Царство Мертвых Джорем.

Тот поднял руку в прощальном привете, потом переступил черту и вышел из круга. Сияние обволакивало его, меняя знакомые Камберу черты. Он увидел рядом с Синхилом двух мальчиков, похожих на него, какую-то красивую женщину с пшеничными волосами и другие образы, которые было не распознать в сиянии.

Дуновение воздуха и шелест крыльев возвестили о приближении Хранителей магического круга. И эти удивительные существа явились — резко очерченные тени, ис-

полненные могущества, безмерного, но не несущего угрозы.

Первое — огромное, мощное, с черно-зелеными крыльями, своей тенью закрывало северный угол комнаты.

Второе — сверкающее, словно само солнце, едва не ослепило Камбера. Оно возникло перед алтарем, выскользнув из-под золотистого стекла восточной свечи, или из бликов света, отраженного гранями дарохранительницы.

Третье принеслось на огненных крыльях с рычанием преисподней. Языки пламени взметнулись над головой Синхила, но тот бестрепетно продолжал путь.

И наконец, четвертое существо предстало серебристо-голубым, переливающимся, словно волна.

На Камбера обрушился неосязаемый, беззвучный и все же оглушающий вал титанической силы, заполняя каждую его клеточку. Стены круга начали сами собой распадаться на куски, будто неведомая музыка зазвучала на высокой ноте и магическая преграда не смогла выстоять перед этим звуком. Ему явственно слышался этот звук, и Камбер понял, что единственным его спасением от неизлечимого безумия были и остаются Святые дары, и сейчас они находились рядом, на ритуальном столе.

Осколки купола продолжали падать на ковер и плиты, а Синхил и его спутники начали таять, точно островки снега весной, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, пока наконец не осталось ничего, кроме блестящих лучиков, сложившихся в радугу.

А потом и они исчезли.

(«Камбер-еретик»)

Свидетели этого магического действа сильно напуганы, и это дает возможность предполагать, что круг обычно исчезает совсем иначе. Однако эта сцена хороша еще и тем, что помогает понять, какие ощущения переживают те, кто видел Бессмертных, призванных в свидетели.

Итак, заговоры защищают тех, кто находится внутри, от сил, превышающих пределы выносливости смертных. Но заговоры могут служить и средством сосредотачивания позитивных энергетических потоков как при ясновидении, так и при намерении установить телепатическую связь или пообщаться с кем-либо, кто находится вне пределов заговоренной зоны. Примеров тому достаточно, например, заговаривание перед сеансом ясновидения, проведенное с колье Эриеллы, перед изменением внешности Девина Мак-Рори и перед попыткой Моргана и Дункана найти Келсона и Дугала с помощью телепатии.

Любые заговоры — защитные, сдерживающие или защитные и сдерживающие одновременно — можно наложить либо посредством ритуала, либо приведя в действие определенное ментальное состояние, либо используя магические кубики.

Магические кубики: основы

Магические кубики помогают воздвигать защитные барьеры, хотя по-настоящему серьезному магу они в общем-то не нужны. Как говорит Коналу Тирцель: «В конце концов ты научишься использовать их в своей магии наряду с другими заклинаниями. Хотя не всегда нужно использовать физические матрицы, чтобы наложить заклятие, это помогает, особенно в начале» *(«Тень Камбера»)*. Мы уже видели, как кратковременные защиты возводят вокруг какого-либо места просто усилием воли, хотя обычно для этого требуется какой-нибудь физический ключ, например, жест. Заклятия могут быть также «встроены» в стены комнат и «ждать», пока их не приведут в действие. Такова комната в рабочих апартаментах Эмриса в аббатстве святого Неота *(«Камбер-еретик»)*, а также спальня Райса и Ивейн в Шииле *(«Архивы Дерини»)*.

Так что же такое магические кубики? Если коротко — это удобные символы, которые несут определенную мнемоническую информацию, которая, если ее активизировали, запускает своеобразные психические процессы, в результате которых энергия трансформируется в защитный «купол».

Внешний вид магических кубиков уже устоялся. Это набор из четырех белых и четырех черных кубов размером примерно с игральные кости, но без точек. Тирцель, обучая Конала пользоваться кубами, говорит, что когда-то они, вероятно, и были игральными костями или «их делали похожими на игральные кости, чтобы не привлекать внимания, когда быть Дерини стало опасно. Я как-то видел кубики с точками, и они действовали ничуть не хуже» *(«Тень Камбера»)*. И действительно, создается впечатление, что Дерри убежден, будто кубики Моргана — на самом деле лишь какие-то необычные игральные кости *(«Возвышение Дерини»)*.

Магические кубики чаще всего изготавливают из слоновой кости и эбенового дерева, на которых довольно легко нанести узор. Этот узор обязательно наносят на новый набор кубиков, прежде чем используют их впервые. На самом деле материал не так уж и важен, главное, что цвета двух наборов должны различаться, символизируя понятия светлого и темного, положительного и отрицательного, мужского и женского, передавая отношения между этими парами противоположностей, так как единственная функция магических кубиков — помогать в достижении определенного ментального состояния.

До сих пор одной из традиций эзотерического церемониала остается то, что магические принадлежности должны быть сделаны из наиболее дорогих материалов, какие только может позволить себе практикующий маг, хотя кубы, изготовленные из дешевого дерева, специально предназначенные для этой цели и используемые прилежно, будут действовать ничуть не хуже, чем самые дорогие, например, из полудрагоценных камней. Кварц, мрамор и белый опал не-

однократно пытались использовать для белых кубиков, а обсидиан и слезу апачи (камень дымчато-черного цвета), черный опал и даже малахит — для черного набора. Кубики Тирцеля — «белые, чуть желтоватые, точно старая слоновая кость... Черные же, скорее серые, цвета древесного угля, чем цвета настоящего эбенового дерева или обсидиана» *(«Тень Камбера»)*. Похоже, что при активации все белые кубики светятся молочно-белым светом или светом, который обычно исходит от белого опала. Черные кубики Тирцеля и Моргана, принимают черный цвет с зеленоватым отливом, а кубики Камбера становятся «темными, мерцающими иссиня-черным непроницаемым огнем опала» *(«Камбер-еретик»)*.

Магические кубики по мере их использования приобретают «подпись», свойственную их владельцам, которая может способствовать либо противостоять их использованию другим магом в зависимости от отношений между ними. Можно предположить, что на некоторые наборы магических кубиков накладывается такая телепатическая информация, что их не сможет применять никто, кроме тех, кому владелец разрешит это. Примеров, правда, у нас нет.

Наше первое краткое знакомство с магическими кубиками происходит в *«Возрождении Дерини»*, когда Морган использует набор, чтобы наложить общее заклятие вокруг спящего Келсона. Судя по всему, ко времени появления на свет Моргана кубики используют уже только для защиты, ведь ни сам Морган, ни его современники, кажется, не знают ни о каких других функциях магических кубиков.

Тем не менее утверждается, что большинство детей Дерини начинают свое формальное обучение

именно с этих кубиков. На практике магические кубики могут быть первым действительно серьезным орудием ритуальной магии, с которым сталкиваются самые юные Дерини, и первым по-настоящему магическим «инструментом», умение пользоваться которым они приобретают. Создается впечатление, что Тирцель Кларонский весьма неохотно начинает обучать Конала пользоваться ими, хотя значительно оживляется, когда Конал оказывается учеником, который схватывает все на лету *(«Тень Камбера»)*.

Мы не станем останавливаться на том, как преподает эту науку Тирцель, лишь упомянем, что он упоминает несколько интересных моментов, которые могут помочь нам понять, как действуют магические кубики. Цвета кубиков — светлый и темный — по всей видимости, символизируют равновесие, которого необходимо достичь при обращении с потоками энергии, используемыми кубиками.

Равновесие, очевидно, очень важно для всей магии Дерини. Когда Тирцель просит Конала поменять руки с черными и белыми кубиками, Конал ощущает разницу — вероятно, противоположность правого и левого, светлого и темного, положительного и отрицательного, отражение которого мы увидим в романе *«Скорбь Гвиннеда»* в образности кубического алтаря в подземельях Грекоты. Кубы там составлены так, чтобы образовать Столпы Храма с телом Орина, лежащим вдоль них, словно средняя колонна. Человек между силами Добра и Зла.

Общие положения

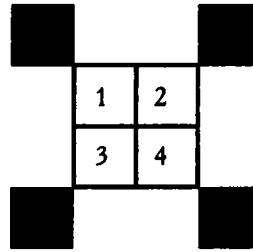
Тирцель не напрасно заставлял Конала практиковаться всю зиму, ибо, только умея хорошо сосредотачиваться, можно с успехом пользоваться магическими кубиками.

Оператор, называя кубики в определенной последовательности, входит в особое ментальное состояние, концентрирует силы и создает определенное равновесие, по достижении которого названный компонент светится.

Сначала четыре белых кубика складывают в квадрат, так, чтобы они соприкасались, черные располагают по четырем диагональным углам. Затем кубики называют по именам или номенам.

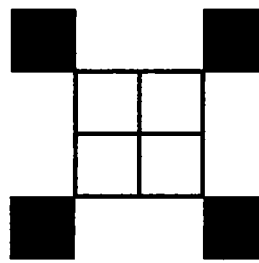
Каждого кубика касаются после того, как оператор произносит номен именно этого кубика. (Номены берут свое начало от восьми защитных выпадов с мечом — еще одна из символических связей, высоко чтимая михайлинцами.) В нашем случае номены можно отнести к мнемоническим пусковым механизмам, которые необходимы, чтобы вызвать ментальное состояние при манипулировании и уравновешивании потоков энергии, которые образуют матрицу заклятия.

Белые кубики называют первыми, удерживая в фокусе позитивные потоки энергии, в следующем порядке. Каждый начинает светиться белым изнутри, как только его активизируют.

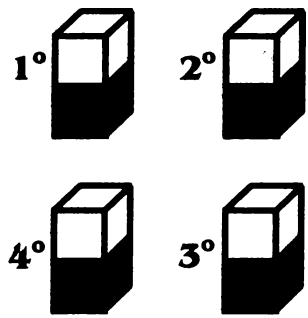
1 - Prime
2 - Seconde
3 - Tierce
4 - Quarte

Затем называют черные кубики, смещая баланс к отрицательным полюсам — отрицательным по отношению к белым, уже поименованным кубикам.

5 - Quinte
6 - Sixte
7 - Septime
8 - Octave

Теперь названные кубики должны быть уравновешены. Каждую пару приводят в соответствие не только непосредственно друг с другом, но и по отношению к остальным трем парам. Удерживая на этом свое внимание, оператор теперь противопоставляет белому кубику черные в следующем порядке и дает каждой паре свой *cognomen*. Эти *cognomena* представляют собой сбалансированные мнемонические приемы, которые приводят в действие психические процессы, происходящие в разуме оператора.

Prime на *Quarte* = *Primus*
Seconde на *Sixte* = *Secundus*
Tierce на *Septime* = *Tercius*
Quarte на *Septime* = *Quartus*

Слияние противоположностей дает четыре серебристо-серых «ректоида», или двойных кубика, которые Тирцель относит к компонентам заклятия.

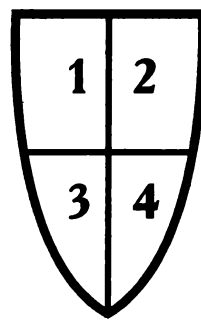
> Некоторые магические системы соотносят компоненты заклятия с Повелителями Стихий и их Сторожевыми Башнями или Архангелами Четырех Сторон Света. Некоторые предпочитают символику колонн. И это все еще действующие обычаи.
>
> *(«Тень Камбера»)*

Затем начинается по-настоящему магическая часть процедуры. Так как теперь, после того как установлены четыре активированные «башни» вокруг заклинаемого человека или места, оператор должен запустить последний процесс, который соединит эти «башни» во времени и пространстве. Непосредственные очертания охраняемого «башнями» поля будут определены их расположением — обычно в четырех точках окружности или эллипса, причем первой выставляется восточная «башня». Поле обычно ограничивается горизонталью пола (в теории, опасность может подкрасться снизу), однако протяженность поля может быть увеличена и включать в себя и то, что лежит вне этой горизонтали. Вспомните заклятие Грегори, которым он заговаривает круг в киилле, перед тем как Керона вводят в состав Камберианского Совета, когда Керон понимает, что купол круга возведен как над ним, так и под ним. (*«Скорбь Гвинеда»*).

Активация заклятий, таким образом, представляет собой заключительную часть балансировки, хотя физическая сторона этой процедуры достаточно проста. Оператор просто указывает на каждую из башен по очереди, называя их по патронимам — «Primus, Secundus, Tertius et Quartus» — и завершает все приказом: «Fiat lux!» — Да будет свет! Если все было сделано правильно, то мгновенно возгорается свет.

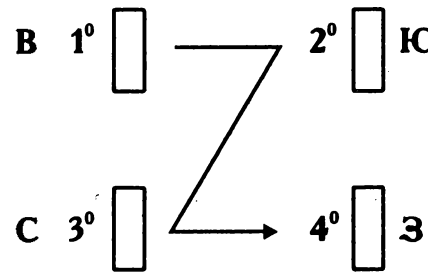
После чего, если оператор желает изменить площадь наложения заклятия, он должен лишь переместить башни либо внутрь круга, либо за него. Или направить потоки энергии либо внутрь либо вовне фокусом ладоней своих рук. Активацию можно производить как изнутри, так и снаружи заговоренной зоны. Хотя обычно лишь оператор, который накладывает заклятия, способен контролировать или снять их.

Важно заметить, что порядок счета кубиков не повторяет непосредственное обращение часовой стрелки, начиная отсчет с восточной точки, чего следовало бы ожидать, он скорее имеет Z-образный характер или «форму молнии» — конфигурацию, аналогичную направлению роста «Древа Жизни» или направлению движения солнца с востока на запад. Она также соотносится с порядком наименований геральдических четвертей щита.

Таким образом перемещение от Primus до Quartus происходит так, что Primus представляет восток, Secundus — юг, как и ожидалось, Quartus соответст-

вует западу, Tertius — северу. Для заключительного закрепления они именуются по *cognomena* в должном порядке: Primus, Secundus, Tertius и Quartus, Fiat lux. Этот порядок не соотносится с обычными заклинаниями Сторон Света.

Уничтожить или «снять» общее заклинание намного проще, чем наложить его — данная процедура фактически не представляет никакого интереса и описывается впервые лишь в романе «*Милость Келсона*», где Морган снимает заклятие, которое использовал, чтобы защитить себя и Келсона, по ходу создавая коммуникационную нить, связывающую его с Дунканом.

> ...Морган задул свечу, стоявшую на походном столе между ними, и надел кольцо-печатку, которым только что воспользовался как точкой для концентрации. Вещи вокруг них едва виднелись в красноватом свете фонаря, свисавшего с верхушки палатки. Купол заклятия, который он воздвиг, чтобы укрыть себя и Келсона, светил-

ся холодным, чуть серебристым светом. На некоторое время он засветился ярче, когда Морган поднял обе руки на высоту плеч с раскрытыми ладонями вверх, делая медленный, уводящий в себя вдох.

— Ex tenebris te vocavi, Domine, — прошептал Морган, медленно поворачивая ладони книзу. — Te vocavi, et iucem dedisti. Из тьмы я воззвал к Тебе, о Господи. Я воззвал к Тебе, и Ты даровал свет. Nunc dimitis servum tuum secundum verbum tuum in pace. Fiat voluntas tua. Amen. Позволь теперь слуге Твоему уйти с миром согласно воле Твоей. Да исполнится воля Твоя...

Как только он опустил руки, свет, окружавший их, стал понемногу слабеть и вскоре угас, оставив после себя лишь четыре пары кубиков размером с игральные кости, поставленные друг на друга, белые на черные, напоминая башни, в четырех точках, соответствующих сторонам света, позади стульев, на которых они сидели. Как только Келсон нагнулся, чтобы убрать их, две из четырех башен опрокинулись. Они случайно расположились на соломе, покрывающей пол внутри палатки, и не могли стоять устойчиво на ребре, не покачиваясь, как это обычно случается во время сеанса магии. Морган сел в кресло и вздохнул, устало потирая переносицу большим и указательным пальцами, пока Келсон складывал магические кубики в футляр из красной кожи.

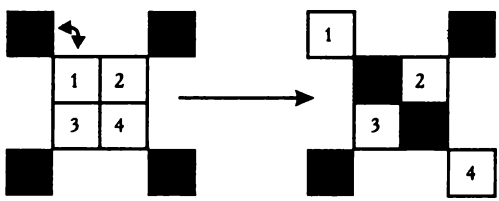
(«Милость Келсона»)

Хотя мы не знали об этом ко времени, когда впервые упоминали о магических кубиках в *«Возрождении Дерини»*, стало известно о существовании в на-

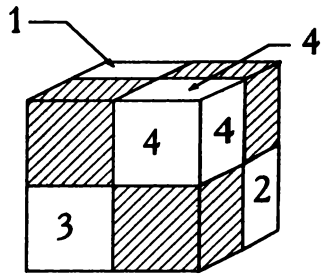
шем мире эквивалента общему заклятию, в котором используются синие и белые свечи вместо черных и белых кубиков. Защитные барьеры поднимаются, как только свечи будут освящены, связаны красной шелковой нитью по две, зажжены и расставлены по краям заклинаемого места, а существуют до тех пор, пока горят свечи.

Альтернативные матрицы

Кубики можно использовать не только в общем заклятии. Когда Камбер впервые показывает одну из разновидностей их применения Джорему (*«Святой Камбер»*), подчеркивая возможную связь, которую он проводит между маленькими магическими кубиками и огромным кубическим алтарем в подземелье Грекоты, ясно, что он уже давно готов к тому, чтобы испытать действие хотя бы нескольких других пермутаций. Это повергает в ужас Джорема. Необычная демонстрация начинается со стандартной начальной расстановки кубиков — четыре белых в центре и четыре черных по углам, — но затем Камбер меняет местами Prime с Quinte и Quarte с Octave.

Потом Камбер складывает кубики один на другой, передвигая их скорее извне внутрь, чем изнутри наружу (как это делают, когда складывают обычное общее заклятие), в следующем порядке и с определенным конечным результатом: *Prime* на *Quinte, Sixte* на *Seconde, Septime* на *Tierce, Quarte* на *Octave.*

Джорем вначале не может обнаружить связь, но Камбер настаивает на продолжении до тех пор, пока его сын не приходит к нужному заключению.

— Я понимаю, куб состоит из восьми чередующихся черных и белых кубиков, — наконец прошептал Джорем. — И алтарь тоже сделан из восьми черных и белых кубов. — Он старался встретить взгляд отца. — Значит, кубы, составляющие алтарь, — часть гигантской матрицы общего заклинания?

Камбер вздохнул и сгреб ладонью кубики в черный бархатный мешочек. Он не поднял глаз и не заговорил, пока не завязал мешочек и не положил его в карман.

— Этого я не знаю. Не думаю, что это имеет отношение к общему заклинанию. Но я начинаю догадываться, что это какая-то матрица. По крайней мере, думаю,

что алтарь может быть символом тех кубиков, которые мы использовали. По сути, то, что мы прибегаем к кубикам общего заклятия, — отклонение от нормы. Я уже отыскал наброски целой дюжины других, и наверняка существуют еще варианты. К сожалению, я еще не понял, как они действуют.

— Дюжину разных матриц? — присвистнул Джорем. — Ты попробовал уже какие-нибудь из них?

Камбер покачал головой:

— Я побаиваюсь. Я не имею понятия, что может произойти. С этим в особенности. — Он вновь положил руку на алтарь. — Если алтарь — символ какого-то определенного заклинания, вводимого в силу этим вариантом, что, думаю, весьма вероятно, то тогда эффект от его использования должен быть по-настоящему грандиозным и затрагивать, по-видимому, самую суть наших способностей Дерини. Очевидно, этот алтарь обладает могучей силой, если мы все еще способны различить ее следы по прошествии сотен лет. Кто знает, что мы выпустим на волю, если будем экспериментировать без соответствующих приготовлений? Не надо торопиться.

(«Святой Камбер»)

Магические кубики: усложненные комбинации

Камбер и его родня, очевидно, все-таки набрались достаточной смелости, чтобы испытать, по крайней мере, некоторые пермутации, о которых уже упоминал Камбер, так как они на самом деле обнаруживают постройки, начатые таинственным братством Эйрсидов, так и не завершенные, которые впоследствии превратили в место собраний Камберианского Совета. (Каким образом они узнали о возможном существовании Портала внутри легендарного комплекса и набрались мужества, чтобы осмелиться вслепую прыгнуть к нему, история отдельная, которая когда-нибудь будет рассказана.)

В любом случае, вновь обретенные знания продолжали накапливаться в течение следующих десяти-двенадцати лет. Ко времени, когда умер Девин (в конце сентября 917 года), по крайней мере еще одна комбинация кубиков стала обычной частью процедуры, которую проводили в Камберианском Совете, чтобы воздвигнуть и вновь убрать черный с белым кубический алтарь (очень похожий на тот, что находился в подземельях Грекоты), установленный в центре киилля, ритуальной комнаты Совета. Как только весть о смерти Девина разнеслась в округе, члены

Совета собрались вместе, Камбер сам возвел алтарь, чтобы взять себя в руки.

Камбер сделал глубокий вдох и заставил свое сознание стереть слова архиепископа, положив палец на грань верхнего левого белого кубика, прежде чем мысленно произнести номен. Prime!

Он не проронил ни слова вслух, но мгновенно кубик засветился изнутри, сияя холодным белым светом.

– Seconde!

Правый верхний кубик тоже замерцал.

– Tierce!

То же произошло и с кубиком, лежащим под первым.

– Quarte!

Активация последнего превратила их в единый неярко сияющий квадрат белого света, белее, чем плита, на которой они лежали. Мгновение Камбер помедлил, чтобы переместить свое восприятие к другой стороне равновесия, с белого на черное, и потом прикоснулся к черному кубику рядом с Prime. Голос Джеффрая казался бессмысленным гулом. Камбер назвал имя первого черного кубика:

– Quinte!

В кубике зажглась искра жизни, иссиня-черное мерцание темнейшего огня опал. Камбер перешел к следующему:

– Sixte!

Пламя, казалось, мгновенно перепрыгнуло от первого черного кубика к пальцу Камбера, к другому и следующему, как только он быстро, друг за другом, касался оставшихся кубиков:

– Septime! Octave!

Едва огонь внутри последнего кубика успокоился, Камбер сделал глубокий вдох

и разрешил своему сознанию возвратиться к словам Джеффрая, едва вздрогнув, словно то, на чьем пути он воздвиг преграду, ворвалось внутрь со всей силой, заполняя брешь его короткого психического отсутствия... Встряхнув головой, Камбер вновь поднял защитные поля и преградил путь словам Джеффрая, на мгновение остановившись, чтобы уравновесить белое и черное, когда он положил два первых пальца на Prime и Quinte и мысленно произнес фразу: Prime et Quinte inversus! Он поменял положение этих кубиков и ощутил, как слегка изменились потоки энергии.

— Quarte et Octave inversus!

Вновь перестановка, переплетение, скручивание потока. Он положил кончики своих пальцев на Septime и поменял его местами с Prime.

— Prime et Septime inversus!

— Sixte et Quarte inversus!

Последняя фраза — прямое соответствие между действием и словом.

Теперь кубики лежали в форме Андреевского креста, одна диагональ пылала насыщенным иссиня-черным, другая мерцала белым на белой мраморной плите. Эту работу он сделал, непрерывно привлекая все больше и больше энергии, прокладывая новые нити, при помощи которых осуществит задуманное. Он возвратился к остальным, их слова, произнесенные за прошедшие несколько секунд, потоком устремились в его сознание, заставляя его вздрогнуть от силы, сопровождающей их чувства... Постепенно он завладел взглядом каждого.

— Это будет нечто новое для некоторых из вас, — сказал он твердым голосом. — Ансель, Джесс, сейчас вы увидите одну из

немногих двухуровневых конфигураций, которые у нас хватило духу испробовать, и одну из еще более немногих, которые мы заставили работать. До сегодняшнего дня казалось, что применение ее ограничено, но мы все еще исследуем ее. И поблагодарить за это мы должны Ивейн.

Ивейн чуть улыбнулась. Камбер осторожно поднял кубик, называемый Septime, и поместил его на Quinte, черный на черный.

«Quintus!» — проговорил он про себя и почувствовал всего на мгновение, прежде чем перешел к Quarte, взгромоздив его на Seconde, белый на белый, как поток энергии омывает его пальцы.

«Sixtus!»

— Еще немного энергии, соединяя с первыми, — пробормотал он, жестом давая понять, чтобы они сами почувствовали это.

Он ощутил их поддержку и всевозрастающее любопытство Анселя и Джесса, когда он поставил Prime на Tierce, а Sixte на Octave.

— Septimus!

— Octavius!

Камбер не знал, важны ли слова сами по себе — он подозревал, что нет, — но потоки ментальной энергии за ними были, и он чувствовал, как они струятся вокруг его пальцев, когда он держал руку над кубиком, имя которого он только что произнес. «Столпы Храма» — так Джорем назвал эту конфигурацию, когда впервые увидел ее. Она напоминала им разбитый алтарь в подземелье Грекоты.

Осторожно вставая, Камбер уверенно положил руку на верхнюю грань... Потом привел в движение потоки энергии.

Он чувствовал, как они щекочут его руку и ладонь, и даже мозг, словно рука и кубики слились в одно целое. Как только Камбер объял разумом потоки энергии и сплел их в решетку, он мог ощутить растущий потенциал, и когда начал медленно поднимать руку, куб и мраморная плита двинулись за ней, почти беззвучно, со слабым шорохом.

Плита продолжала подниматься без труда, будто это было перышко, а не мрамор, подпираемый четырьмя большими кубами. Камбер стоял, все еще склонившись над меньшим кубом, чью силу он использовал. Затем стал появляться второй уровень белых и черных кубов, расположенных в противовес к первым, открыв в конце концов черное основание. В четырех углах открывшихся кубов стояли колонны размером с человеческую руку перемежающегося белого и черного цветов, как те, разбитые в подземелье Грекоты.

Когда нижняя плита стала такой же толщины, как и верхняя, рост прекратился. Камбер с легким вздохом убрал руку и согнул пальцы, бросив взгляд на заинтригованных зрителей, затем сгреб кубики и уложил их в мешочек.

— Их собственный вес вернет их на место, когда мы закончим, — сухо произнес он. — Кубы нужны лишь для того, чтобы поднять что-нибудь.

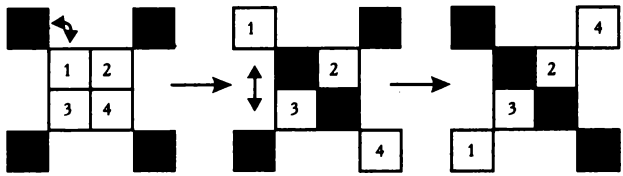
(«Камбер-еретик»)

Опираясь на это описание, мы можем разбить процедуру на стадии.

1. Кубики расставлены традиционно — белые в центре и черные по углам.

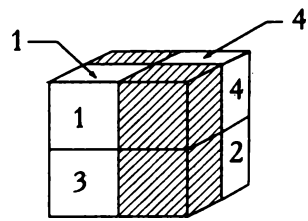
2. Кубики называются как обычно.

3. Первые две пары черных и белых кубиков переставляют так, как это сделал Камбер во время первого показа с соответствующей *phrasae*:

Prime et Quinte inversus!
Quarte et Octave inversus!
И затем неожиданно:
Prime et Septime inversus!
Sixte et Quarte inversus!

Что дает нам вышеописанную конфигурацию, благодаря которой Камбер возводит «Столпы Храма» следующими перестановками извне — внутрь.

Septime на *Quinte* = *Quintus!*
Quarte на *Seconde* = *Sixtus!*
Prime на *Tierce* = *Septimus!*
Sixte на *Octave* = *Octavius!*

В качестве дальнейшего комментария к расположению магических кубиков мы должны рассмотреть вариацию, которую раскрывает Кверон, лишь постепенно складывающуюся из почти забытой практики гавриилитов. Увидев, как она складывается на обычном алтаре, представлявшем собой куб из голубого камня, в зале собрания в аббатстве святого Неота, Кверон посчитал, что это всего-навсего ритуал очищения, однако эта процедура, примененная к кубическому черному с белым алтарю, оказалась чем-то значительно большим. Воспоминания Кверона об этом пробуждаются, когда Ивейн хочет поделиться с ним знанием, которое после поисков недавно открылось ей.

— То, что я прочла, имеет отношение к продвинутым методам защиты, — пояснила она, выкладывая четыре белых и четыре черных кубика, образовывавших набор Старшей Защиты. — Большей частью там сплошные аллегории, как это чаще всего и бывает, но мне кажется, я сумела определить одну новую конфигурацию. Это не секрет, что любой мало-мальски обученный Дерини владеет основным заклинанием для создания Старшей Защиты. — С этими словами она собрала четыре белых кубика в квадрат по центру, а черные установила по диагонали. — Это исходная точка — как и для большинства других конфигураций разной степени сложности, самая мощная из которых, как известно, способна поднять этот каменный алтарь и обнажить в основании другой, из черно-белых кубов.

— Это то, что мы обычно именуем Столпами Храма, — заметил Джорем.

— Верно. — Ивейн не стала называть кубики или магически активировать их, а

просто коснулась двумя пальцами первого белого и черного по диагонали и поменяла их местами, затем проделала то же самое с противоположными, так что теперь центральный квадрат состоял из двух черных и двух белых кубов по диагонали.

Но прежде чем она успела перейти к следующей ступени, Кверон вдруг схватил ее за руку.

— Стойте! Не делайте пока этого!

— Почему? В чем дело?

— Кверон, кубики даже не активированы, — удивленно пробормотал Джорем, косясь на Ивейн, чью руку Целитель все еще держал в плену. — Ничего не произойдет.

— Я это знаю.

Лицо Кверона сделалось напряженным, он явно был не расположен к дальнейшим разговорам, и Джорем с Ивейн притихли, глядя на Целителя, который не сводил с кубиков пристального взора. Наконец, несколько мгновений спустя он вздохнул, отпустил запястье Ивейн и с задумчивым выражением провел ладонью перед глазами.

— Простите. Я сам не думал, что вспомню об *этом* сейчас.

— Вы можете поделиться с нами? — негромко спросила его Ивейн.

— Я... не уверен. — Он сглотнул и поморщился. — Боже правый, никогда не предполагал, что окажусь в ситуации, когда всерьез задумаюсь о том, чтобы нарушить обеты.

Джорем с любопытством склонил голову набок.

— Обеты священника или тайну исповеди?

— Ни то, ни другое. — Кверон глубоко втянул в себя воздух, а затем с силой вы-

дохнул, словно готовя себя к чему-то особенно неприятному или даже опасному. — Это... э-э, имеет отношение... э-э, иной традиции, более древней, нежели гавриилитская. Мы об этом говорили не столь давно. Помните, я тогда еще заметил, что надеюсь не оказаться в положении, когда вынужден буду сделать выбор.

— Вы не обязаны говорить нам, — заметила Ивейн.

— Думаю, что обязан, — возразил Кверон. — В этом-то все и дело. Была одна вещь в этой древней традиции, которой я никогда до конца не понимал, но теперь все вдруг встало на свои места, когда вы принялись двигать эти кубики. Был один обряд, который Мастера совершали несколько раз в году во время утренних медитаций. Нас всегда учили, что это нечто символическое, хотя в чем смысл символа, никто не знал, и я никогда не подвергал это сомнению. Но... ладно, давайте я лучше покажу вам часть обряда, и посмотрим, сумеете ли вы понять, что к чему. Если на самом деле я не прочту заклинание, то с формальной точки зрения обетов я не нарушу — и если вы в этом не разберетесь, то мы просто забудем обо всем.

— Кверон, может, правда, не стоит? — смутился Джорем.

— Нет, нужно хотя бы начать. — С этими словами Целитель глубоко вздохнул и взял в руки четыре кубика по углам черно-белого квадрата, а затем поменял их местами, образуя привычную шахматную последовательность.

— То, что я сделал сейчас, обычно сопровождается особым ритуалом, разумеется, но в результате все равно получается

именно эта конфигурация. Та же самая, что на большом кубе под алтарем.

Ивейн кивнула.

— Такое расположение вполне логично. Отец всегда считал, что ему должно соответствовать некое заклинание, но реальных подтверждений мы так и не нашли и не стали рисковать.

— Ну, я не вполне уверен, каковы были его цели, — продолжил Кверон, — Но обычно Мастер выстраивал эту комбинацию, затем читал определенную молитву, держа руки лодочкой над кубом, словно во время евхаристии. После чего из куба начинала проистекать энергия, наполняя алтарь до краев. — Он задумчиво склонил голову. — Мне лично всегда казалось, что это делалось для очищения алтаря, но теперь я начал сомневаться, ведь он проделывал это лишь над кубическим алтарем в Капитуле, и никогда над другим, обычным, в святилище. А тот использовался только для медитаций.

Ивейн кивнула.

— Я помню, Райс рассказывал мне об этом алтаре... из синего камня, да? Отец говорил, что в нем источник большой силы. Он даже предполагал, что есть какая-то связь между ним и черно-белым алтарем в Грекоте.

— Интересно, что бы сделал наставник Кверона с этим черно-белым алтарем? — задумался Джорем. — И если целью было только очищение, то почему этому не подвергали обычный алтарь?

Ивейн подняла брови и вопросительно покосилась на Кверона.

— А ведь это мысль... если, конечно, вы согласны?

— Попробовать на обычном?

— Нет, на черно-белом. — Она похлопала ладонью по каменной плите. — Прямо здесь.

Сперва вид у Кверона сделался едва ли не испуганный, но затем он погрузился в задумчивость.

— Не знаю, получится ли у меня. В своем юношеском невежестве я мог упустить множество скрытых смыслов. Сейчас мне кажется, что речь все же шла не только об очищении, хотя это тоже имело место.

— Я думал, мы просто ищем более сильное охранное заклятье, — поежился Джорем. — К тому же, сейчас вы говорите о вещах, которые, наверняка, предполагалось держать в тайне от не-членов ордена.

— Я могу установить более сильную защиту, — нетерпеливо перебила Ивейн. — Именно за этим я и позвала вас сюда. Но новое очищающее заклинание тоже может оказаться полезным — если это именно он. Во всяком случае, кажется, это не опасно.

Кверон неохотно кивнул.

— С одной стороны, вы правы, Джорем. Но с другой, я даже не уверен, что та тайная часть моего ордена до сих пор существует — а сейчас нам может пригодиться их знание. Кроме того, признаюсь, вам удалось разбудить мое любопытство. Боже, я об этом столько лет не вспоминал!.. — Он поморщился. — Честно говоря, в душе я ощущаю неловкость из-за того, что собираюсь провесит обряд вне ордена, но... все равно, я это сделаю. Те клятвы, которыми обменялись мы с вами, ничуть не менее торжественны и священны, чем обеты, данные мною гавриилитам. Попробуем.

— Уверены? — переспросила Ивейн.

— Да, вполне. — Кверон ловко разобрал фигуру и установил кубики в их изначаль-

ные позиции четыре белых по центру, а черные — по углам. Переплетя пальцы, он размял их до хруста в суставах, затем встряхнул руки и, собравшись с мыслями, окинул взглядом Ивейн и Джорема.

— Полагаю, сперва следует поднять алтарь, — предложил Кверон, опустив правую руку на кубики. — Мастер всегда выполнял это стоя. Не знаю, имеет ли это значение, но надо постараться воспроизвести все в точности.

— Согласна, — отозвалась Ивейн, и Джорем неохотно кивнул.

— Тогда сперва я поименую составляющие. Prime! — Правым указательным пальцем он коснулся кубика в верхнем левом углу и обозначил его nomen.

Названный кубик немедленно стал светиться.

(«Скорбь Гвиннеда»)

Кубики активизируются обычным способом. О балансе, достигаемом благодаря конфигурации, делается следующее замечание.

...Черный и белый на диагонали, сила, сдерживаемая в равновесии Добром. Если довести операцию до логического конца, появятся Столпы Храма, но лишь в трех измерениях, в противовес самому алтарю, заложенному как Средний Столп, промежуточная сила, которая поможет достичь еще более грандиозных результатов.

(«Скорбь Гвиннеда»)

Кверон продолжает, воздвигая Столпы, и возводит алтарь. Затем он переходит ко второй части про-

цедуры, которая в конце концов позволит получить маленький алтарь кубической конфигурации, относительно которого спустя годы будут сделаны многие предположения.

– Пока все идет хорошо, – произнесла Ивейн негромко. – Полагаю, теперь вам следует начать все сначала. На этом мои знания заканчиваются.

Кверон с новым вздохом кивнул, разобрал свой куб и разложил составляющие на прежние места. Вновь белые образовали квадрат в центре, а черные легли по углам.

– Вы не передумали продолжать? – спросил его Джорем.

Кверон покачал головой.

– Разумеется, нет. Сейчас мои познания куда обширнее, чем когда я был простым послушником, и мне любопытно, чего добивался старый Мастер, когда проделывал все это. Я помню, это происходило всегда в определенные дни, и послушникам советовали ночь накануне провести в часовне Богоматери – впрочем, это было необязательно. Что странно поскольку нам редко предоставляли выбор в подобных делах.

Он еще раз испустил вздох, словно отгоняя непрошеные воспоминания, и пару мгновений подержал руку над кубиками.

– Отлично. Это начинается так же, как и первая конфигурация, именованием восьми составляющих. Помню, что Мастер никогда не произносил nomena вслух, считая, что это мешает сосредоточению. Я во всем буду подражать ему.

Не дожидаясь реакции со стороны, он быстро провел указательным пальцем над каждым из кубиков по очереди, в прежнем порядке, начав с белых и закончив четырь-

мя черными. Все восемь вспыхнули от прикосновения, и Ивейн с Джоремом с легкостью проследили за всем процессом, от Prime до Octave.

— Первая часть следующего этапа такая же, — шепотом промолвил Кверон, поставив пальцы на Prime и Quinte, и объявил cognomen, меняя их местами:

— Prime et Quinte inversus!

Затем последовали Quarte и Octave, с положенным cognomen:

— Quarte et Octave inversus!

Когда он поменял местами вторую пару, у них образовался центральный черно-белый квадрат, с кубиками разного цвета в противоположных углах. Но теперь, вместо того чтобы заменить Prime на Septime и Sixte на Quarte, как в первый раз, он взял белый Prime из верхнего левого угла и осторожно установил на Quinte, верхний левый черный кубик, пропев salutus на манер гавриилитских песнопений:

— Primus est Deus, Primus in aeternitate. Amen.

Прижав правую руку к груди, он поклонился алтарю, затем взял черный Sixte и аккуратно опустил на Seconde, пропев новый salutus:

— Secundus est Filius, Coaeterus cum Patre. Amen.

И вновь глубокий поклон. Теперь Septime лег на Tierce.

— Tertius est Trinitas: Pater, Filius, et Spiritus Sanctus. Amen.

И еще раз поклонился, прежде чем взять последний — Quarte, и поставить на Octave, завершая построение большого куба.

— Quattuor archangeli custodes quandrantibus sunt. Quattuor quadrant coram Domino uno. Amen.

Завершенный куб светился мягким опалесцирующим светом, подобный черно-белым опорам беломраморной алтарной плиты, на которой он стоял. Кверон на мгновение поднес к губам стиснутые руки, закрыл глаза, чтобы сосредоточиться, а затем развел руки в стороны на уровне подбородка, ладонями друг к дружке, и затянул:

— De profundis clamavi te, Domine: Domine, exaudi orationem meam. Adorabo te, Domine...

Продолжая молиться, он поднес руки к кубу, ладони лодочкой, словно для благословения. Все трое ощущали нарастание силы — покалывающее напряжение, стремительно распространявшееся от макушки до кончиков пальцев.

— Fiat lux in aeternam. Fiat lusratio, omnium altarium Tuorum, — вполголоса произнес Кверон. Да пребудет свет в вечности, да будут очищены Твои алтари...

Под руками Целителя куб вспыхнул огнем. Когда он развел ладони и поднял руки, между ними поднялся столп света толщиной с предплечье и такой же высоты. На миг Кверон даже закрыл глаза руками, но продолжил песнопение:

— Quasi columna flammae me duces, Altissime, in loca arcana Tua Словно огненный столп, поведешь ты меня, Высочайший, в потаенные места Твои — Он сложил руки на груди и низко поклонился.

Светящаяся колонна не погасла, когда псалом затих. Не ведая страха, Кверон коснулся ее верхушки и погрузил руку в пламя.

— Gloria in excelsis Deo...

Оказалось, этот огонь не обжигал и подавался под прикосновением. Столп словно сплющился, по мере того, как Кверон опускал ладонь, расплываясь вокруг собранного куба, а затем потек вниз, омывая алтарь до нижних краев, где свечение наконец поглотила нижняя, базовая черная плита. В этот миг Целитель коснулся куба-матрицы и внезапно весь алтарь начал погружаться, по-прежнему лучась ярким светом.

— Господи Иисусе, куда это он? — выдохнул Джорем.

— Обратно в пол, — благоговейно отозвалась Ивейн, — хотя сомневаюсь, что заклинание Мастера делало то же самое.

Изумленное лицо Кверона яснее ясного давало ответ, но он продолжал петь Gloria все то время, пока алтарь уходил вниз, даже когда белая плита ушла на уровень помоста. Но когда она двинулась еще ниже, то даже стоя на коленях Кверон больше не смог дотянуться до куба-матрицы на ее поверхности. Движение прекратилось как раз в тот момент, когда Кверон перестал петь, и верх алтарной плиты оказался гораздо ниже помоста. Ивейн и Джорем также опустились на колени, с опаской заглядывая в открывшуюся дыру.

— Почему это произошло? — пробормотал Джорем, в то время как его сестра запустила в темноту светящийся шар.

Кверон с изумлением увидел, что внизу оказался проход, уходящий куда-то на север, и лег ничком, чтобы рассмотреть его получше.

— Там, похоже, ступени вниз и какой-то коридор.

(«Скорбь Гвиннеда»)

Осмотрев пустую залу, что лежала внизу, Ивейн продолжает дальше размышлять о возможном значении процедуры, которую только что провел Кверон.

> — ...я верно вас поняла, что когда ваш Мастер творил это заклятие, то он всегда делал это над синим алтарем в Капитуле?
>
> — Точно.
>
> — И он делал это для медитации и ритуального очищения алтаря?
>
> Кверон кивнул.
>
> — Тогда предположим, что этот обряд пришел из гораздо более древних времен и использовался тогда на черно-белом алтаре, не только для очищения, но и специально чтобы открыть доступ в самые тайные залы святилища.
>
> Джорем кивнул.
>
> — А изначальная традиция оказалась отчасти утрачена, такое порой случается, и никто не заподозрил, что в обряде чего-то не хватает. Или, возможно, первичное назначение обряда, вообще, утратилось гавриилитами.
>
> — Это вполне возможно, — согласился Кверон. — Но если и впрямь существовала традиция сооружать потайные комнаты под черно-белыми алтарями, то — Боже правый, как же тогда алтарь в развалинах под Грекотой? Может быть, под ним тоже что-то есть? Что, если именно там варнариты спрятали самые ценные рукописи?
>
> *(«Скорбь Гвиннеда»)*

То, что показал Кверон — один из способов использования конфигурации кубического алтаря, по поводу которого Камбер и Джорем строили догадки в течение многих лет задолго до этого. Ко времени,

когда Ивейн берет в руки кубики отца и выкладывает из них две башни, мы осознаем, что перед нами Дерини, завершившая Цикл, возвратившись в точку, где в физическом подспорье более нет необходимости.

Итак, перед ней оказался символ того, что ей предстояло совершить, почти детский в своей простоте, — к чему все прочее было лишь предвестьем.

Единственно силою своей воли, ради спасения человека, кто и научил ее этой волей владеть, она должна теперь превратить эти маленькие символические колонны в истинные, овеществленные Столпы Храма — храма Внутренних Мистерий, чьи коридоры сообщались с самим Божеством, с жизнью и смертью, на уровнях, почти недоступных смертным в их телесном обличье.

Меж этих Столпов она должна пройти, и даже миновать Пурпурный Полог, если хочет попытаться вернуть отца...

Ивейн вернулась мыслями к Столпам, заставляя их расти, наливаться силой, до самых границ защитного круга. В мире теней, где Ивейн пребывала сейчас, эти колонны были столь же реальны, как пол под ногами, — созданные силой, превосходящей пространство и время физического мира. Чем прочнее они становились, тем сильнее сгущался туман между Столпами, и наконец она в астральном теле покинула свою оболочку и двинулась к ним.

(«Скорбь Гвиннеда»)

Целители и исцеление

Когда мы говорим о Целителях-Дерини, мы не имеем в виду обыкновенных лекарей, но индивидов, которые силой воли и разума способны ускорять и направлять природные процессы тела для достижения его целостности и выздоровления. Таким образом, создается впечатление, что исцеление — весьма обособленное направление в пределах общего спектра способностей, доступных всем Дерини, то есть не все Дерини являются Целителями, однако все Целители — Дерини.

В противовес другим способностям Дерини, которые постепенно проявляют себя и раскрываются еще в раннем детстве, талант Целителя обычно начинает развиваться лишь с наступлением половой зрелости, хотя изредка в ответ на острую необходимость зрелый дар может обнаружиться спонтанно в более раннем возрасте. Такая необходимость позволила целительским способностям Райса Турина к одиннадцати годам достичь уровня, на котором их можно было использовать, — совершенно неожиданно, так как ничто в его родословной не давало возможность предположить, что он может стать в будущем Целителем — и даже раньше, если бы его будущий целительский потенциал был бы предсказан.

(«Архивы Дерини»). Примерно двадцать лет спустя Райс оказался способен различить подобный же потенциал в двух своих детях почти с момента их зачатия. Мы еще не знаем, как Иеруша пронесет свой дар Целителя, однако Тиег уже считается необычайно рано развившимся даже среди Целителей — хотя пользы от силы Целителя, проявившейся в три с половиной года, было бы немного, если бы не способность матери направлять ее. Сама Ивейн не была Целителем, однако значительный опыт работы с Райсом дал ей умение фокусировать способности Тиега. *(«Камбер-еретик»)* Если бы она была рядом, когда Райс умирал, кто знает, может быть, она смогла бы тоже использовать и направить его силу, сохранив ему жизнь?

Очень раннее раскрытие, или подтверждение потенциала Целителя, однако, не обязательно является нормой. Даже среди детей, чья родословная предполагает наличие возможного потенциала Целителя, будь то отец или дед,— обычный возраст формального отбора — это шесть-восемь лет, тогда, когда начинают формироваться черты личности, так как успех Целителя предопределен не одним лишь простым потенциалом. (Учившийся у варнаритов Тавис говорит о своем бывшем однокашнике, Урсине О'Кэрролле как о неудавшемся Целителе. Вероятно, Целитель-новичок Урсин сломался под тяжестью обучения гавриилитов.)

Связь дара Целителя с полом

Одна из интересных характеристик Целителей заключается в том, что большинство из них мужчины. Мы знаем лишь о нескольких Целителях-женщинах.

Райс вскоре после зачатия его дочери Иеруши может назвать лишь четырех живущих в это время женщин-Целительниц и говорит Камберу: «мы знаем, что мужская линия передает дар с большей легкостью, нежели женская». *(«Камбер-еретик».)* В подтверждение этому мы узнаем, что хотя Ивейн и испытывала «приступы боли», вынашивая Тиега — реакции на его внутриутробное восприятие нужд и боли других, — чувствительность Иеруши была даже выше, что вынудило Ивейн оставить комнату, когда Райс работал с отрубленной рукой Тависа.

Данное наблюдение позволяет сделать несколько предположений относительно генетики Дерини в том смысле, в каком она связана со способностями Целителей. Прежде всего, какие бы генетические факторы ни сочетались для того, чтобы в результате получить пугающую массу талантов, необходимых для формирования Целителя, по крайней мере некоторые факторы, присущие только Целителям, должны быть связаны с полом, так как «мужская линия переносит дар с большей легкостью, нежели женская». Более того, поскольку Целители рождаются обоих полов, это дает возможность предположить, что по крайней мере некоторые гены, управляющие потенциалом Целителя, переносятся на Х-хромосоме. Усиливает ли двойная Х-конфигурация женщин негативные аспекты наследия Целителей или же негативное воздействие одной Х-хромосомы модифицируется факторами, переносимыми У-хромосомами, мы не знаем, знаем лишь, что мужчин-Целителей рождается больше, чем женщин.

Так как родители, не проявляющие способностей Целителей, могут произвести на свет детей с таковыми талантами, мы можем заключить, что по крайней

мере часть этого наследия должна иметь рецессивный характер. Потенциал может проявляться через несколько поколений Дерини, не обладавших способностями Целителей. Что происходит тогда, когда сочетание рецессивных факторов дает доминантные характеристики, приводящие к появлению на свет Целителя, обычно мужчины.

Малочисленность женщин-Целительниц дает возможность предположить, что двойная Х-конфигурация Целителя может наряду со всем прочим вызвать к жизни фатальную генетическую связь, приводящую к выкидышам и мертворождениям многих или большинства плодов женского пола с чертами Целителей. Это и объясняет полную неспособность женской линии передавать этот дар. Так как генетическая теория смертности не может быть доказана иначе, это дает основание для разумной рабочей гипотезы, объясняющей немногочисленность женщин-Целительниц.

В действительности, факторы, связанные с мужской наследственностью, также способны формировать летальные комбинации — выкидыши плодов-Целителей мужского пола происходят намного чаще, чем обычных мужских плодов-Дерини, — но огромный перевес мужчин-Целителей дает возможность предположить, что в общем процент выживания плодов-Целителей мужского пола намного выше.

В связи со всем этим мы думаем, не сталкиваются ли женщины-Целительницы, наряду со всем прочим, с проблемами деторождения, основываясь отчасти на предположении, что трудности в правильной комбинации факторов Целителя в двойной Х-конфигурации могут сказаться на результатах расщепления генов и проблем с производством потомства,

даже если женщина совершенно здорова во всех других отношениях.

Конечно же, это случается не всегда и не повсеместно. Судя по всему, Райс и Ивейн ничуть не тревожились о том, что их дочь-Целительница может оказаться бесплодной, и таким образом, резонно предположить, что, вероятно, большинство женщин-Целительниц способны производить на свет жизнеспособное потомство и что Райс не предвидел никаких трудностей по этому поводу. Однако на это можно возразить, что в то время у Райса было довольно и иных причин для беспокойства, помимо того, не окажется ли бесплодной их еще не родившаяся дочь. Со своей стороны, Ивейн также была слишком занята куда более насущными заботами в то недолгое время, что она успела провести с маленькой Джерушей.

Что также косвенно поддерживает идею о возможном ухудшении способностей к воспроизводству — и это может быть выведено равным образом из того, что *не было* высказано, так и из того, что сказано, — так это то, что такой широко известный компетентный Целитель, как Райс, знает лишь четырех женщин-Целительниц, причем знает их *поименно*. Учитывая социальные ограничения, накладываемые на «респектабельных женщин» в том обществе — дамы благородного происхождения могут быть дочерьми, женами и матерями, либо же сестрами по религиозному Ордену — резонно предположить, что Райсу могли быть известны имена лишь этих последних, поскольку дочерям, женам и матерям не дозволили бы использовать их способности Целителя вне дома или семьи.

И где могли бы получить образование женщины-Целители? Монастырские школы могут обеспечить некоторые из направлений, необходимые неопытному Целителю, но большинство Целителей — и большинство наставников — мужчины. Совместное же обучение не принято в Одиннадцати Королевствах. Фактически, любое образование для знатных женщин, помимо основ чтения и письма, элементарного счета и ведения домашнего хозяйства, практически было недоступно. (Мы можем вспомнить, чего стоит Камберу добиться разрешения для Ивейн посещать отдельные университетские лекции. Читатели, знакомые с фильмом «Человек на все времена» Роберта Боулта, могут без труда заметить сходство между любимой дочерью сэра Томаса Мора Маргарет и Ивейн Мак-Рори: обе женщины — любимицы своих отцов и получили образование на уровне, далеко превосходящем обычно доступный для женщины их времени.)

Лишь в пределах религиозной общины женщина в состоянии по-настоящему достичь известности вне границ домашнего очага. Ее доброе имя и честь оберегает скорее церковь, нежели отец, брат или муж. Безусловно, монашеский обет целомудрия не позволит даже попытаться передать потенциал Целителя, однако если женщина-Целительница подвержена трудностям деторождения, где можно найти место лучше, чем монастырь, чтобы обратить возможный недостаток в преимущество, исцеляя детей других женщин и посвящая себя иным добрым делам в атмосфере почестей и уважения, окружающей ее в ответ на данный Господом дар? В возрасте, когда бесплодие может послужить основанием для расторжения брака, в результате чего отвергнутая женщина

стремится укрыться в монастыре, женщина-Целительница, опасаясь позора бесплодия, скорее выберет монашеский покров, предпочтя достоинство церковной жизни и предоставляемую ей свободу заниматься целительской деятельностью. Редкостность женщин-Целительниц сделает ее желанной в любой религиозной общине — драгоценным камнем в аббатском венце, лелеемым и любимым, предоставляя ей лучших личных учителей и все условия для занятий, имя же ее превратят в символ милосердия и сострадания, с благоговением поминаемый и вне стен аббатства.

Кроме малолетней дочери Райса и Ивейн Иеруши, нам известно имя еще одной женщины-Целительницы: Иодоты — великой ученицы Орина. Мы также знаем, что оба — учитель и ученица — были членами некоего религиозного Ордена. Когда-нибудь мы узнаем о них больше, об их Ордене и их связи с королем Лариком Халдейном и его сыновьями. Остается загадкой, как Иеруша Турин в конце концов овладеет своим наследием Целительницы и пронесет ли свои способности по жизни незапятнанными.

Мужчины-Целители имеют куда больший выбор. Несмотря на славу и хорошую репутацию Целителей-гавриилитов и многочисленных Целителей-священников, собранных под крышей аббатства святого Неота, мы не должны забывать, что гавриилиты были единственным Орденом, специально приспособленным для обучения Целителей, в который принимались лишь Дерини. (Целители были и среди михайлинцев и других смешанных Орденов,. однако почти все Целители-священнослужители проводили по крайней мере год, обучаясь у гавриилитов.)

Вне стен святого Неота, однако, большинство Целителей предпочитают работать, не имея священнического сана, и по сути стараются не погружаться в церковную жизнь, а исполнять свое призвание Целителя в миру, в конечном счете находя себе жен и рожая детей, так как лишь таким образом могла продолжаться линия Целителей. (Целители же гавриилиты вели целомудренный образ жизни и обычно пользовались всеобщим уважением, но лишь те, в ком дар к религиозной жизни горел ярче, чем дар исцеления. Они и допускались к тому, чтобы принять обет.)

Целители глазами обычных людей

Целители всегда пользовались намного лучшей репутацией, чем все остальные Дерини. Люди меньше опасались Целителей, и лишь немногие из Целителей когда-либо обвинялись в злоупотреблениях способностями, даже в течение мрачнейшего времени Междуцарствия. Хотя Реставрация Халдейнов вернула людям права, привилегии и силу, которые подавлялись в Междуцарствие, она, тем не менее, была произведена благодаря тому, что заплатили за это Дерини – все Дерини. По окончании короткого периода, во время которого некоторые Целители были вынуждены сотрудничать с регентами, иногда предавая не только своих, но и нарушая обет Целителя, даже они подверглись общим гонениям, которые обрушились на Дерини повсеместно. В последовавший за Реставрацией период, после разрушения известных деринийских школ и Орденов и все более разнузданных преследований, формальное обучение

Целителей и по существу всех Дерини полностью прекратилось. Ни одна из способностей Дерини не могла быть использована открыто, даже в Целительстве. Отдельным Целителям, по всей видимости, удалось сохранить свое искусство для нескольких последующих поколений учеников, втайне обучая преемников под видом простых подмастерьев, не располагая центральными координирующими органами, чтобы сохранить главную часть знания Целителей, тестировать на профессиональность и поддерживать стандарты; основная же часть специфических знаний, накопленных за века, постепенно угасала и вскоре была утрачена. Лишь спустя несколько поколений, когда давление, оказываемое в целом на Дерини, начало ослабевать, таланты Целителей смогли вновь спонтанно проявиться в Дерини, таких, как Морган и Дункан, которые сначала использовали их инстинктивно, постепенно накапливая знания путем проб и ошибок, без какого-либо обучения и опеки или даже понимания заложенного в них потенциала.

После смерти в 917 году короля Синхила не только Дерини в общем, но даже Целители находились в глубочайшем упадке. Однако благодаря прежней значимости нескольких учреждений по обучению Целителей, как, например, аббатства святого Неота гавриилитов и школы варнаритов, а также видной роли, сыгранной отдельными Целителями в истории королевства, трудно устоять от соблазна, чтобы не взять на себя смелость утверждать, что Целители тогда были все еще достаточно распространены.

Ко времени коронации юного короля Алроя, когда все Дерини систематически смещались с влиятельных придворных постов, знаменательно то, что, вопреки королевским призывам, лишь относительно

неопытный Ориэль смог немедленно отозваться на то, чтобы провести операцию с отрубленной рукой Тависа О'Нила. В это время проживать в городе должны были по крайней мере несколько других Целителей, так как секретарь архиепископа рекомендует их, однако никого из них не смогли найти достаточно быстро. Возможно, они уже были заняты с другими пациентами, ведь их услуги становились все менее доступными из-за уменьшающегося числа Целителей, или же они просто воспользовались этим предлогом, чтобы не ответить на вызов во дворец, где их услуги стали ценить все меньше и меньше.

Другая вероятность заключается в том, что стражники, посланные найти Целителя, попросту прекратили дальнейшие поиски, как только отыскали Ориэля, не желая перетруждаться ради раненого Дерини, даже для того, чтобы угодить своему юному принцу. Безусловно, еще несколько Целителей должны были жить неподалеку от дворца, при войске, так как даже регенты были не настолько глупы, чтобы отказаться от использования Целителей для врачевания ран, нанесенных в сражении.

С другой стороны, стражу составляли люди, имевшие представление о боевых ранах. Такие люди должны были понимать всю тщетность попыток прирастить поврежденную руку к обожженному обрубку. Зачем же беспокоиться ради того, чтобы только помочь однорукому Целителю? Целитель, не способный исцелять, был всего лишь еще одним обычным Дерини — этого было уже достаточно для этих людей!

Статус Дерини продолжал разрушаться и впоследствии, в том числе и статус Целителей. Однако вскоре и Целители, и обыкновенные Дерини стали

активно, с применением силы, вербоваться для нужд регентов, когда тем пришла в голову мысль использовать коллаборационистов в своих целях. Скоро законодательство относительно Дерини закрыло все лазейки даже для «любимцев» регентов, которые позволяли им использовать свои способности. Слепая ненависть регентов к тому, что они были неспособны понять или контролировать, в последующие десятилетия привела к уничтожению бессчетного количества мужчин, женщин и детей, чье единственное преступление состояло лишь в том, что они были рождены с даром, не разделяемым и не понимаемым остальной частью человечества.

Методика исцеления

Отбрасывая философские различия направлений в обучении Целителей, мы можем сделать несколько общих посылок относительно того, как происходит исцеление.

Прежде всего, Целительство требует физического контакта. Целитель должен прикоснуться к своему пациенту, желательно недалеко от раны или места повреждения. Это требование совпадает со многими библейскими упоминаниями, которые связывают исцеление с наложением рук, эта же тема поднимается в горестном разговоре Тависа с Райсом относительно дальнейшей возможности Тависа исцелять, не имея одной руки.

> «Какой прок от Целителя, у которого всего одна рука»,— задает вопрос Тавис.
> — Тот же, что и от того, у кого две, — озадаченно начинает Райс.

— Нет, — воскликнул Тавис. — Разве ты не понимаешь, теперь равновесия не достичь. Теперь на мне пятно, я ущербен...

— Тавис!

— Нет, выслушай меня! Даже Священное писание...

— Тавис!

— Священное писание говорит: «Они возложат руки на больного, и он выздоровеет». Руки, а не руку! И *Adsum* признает это. *Cum manibus consecratus* — и освященными руками сделайте целыми разъятое...

— *Adsum* также говорит: *Tu es manus sanatio mea* — ты моя целительная рука, наложенная на этот мир, — Райс прервался, быстро соображая, — а все твои аргументы и жалость к себе — нечто совершенно противоположное. В Библии ничего не сказано о том, что для исцеления необходимы две руки. Иисус протянул руку, чтобы исцелить прокаженного...

— Нет! — закричал Тавис почти в истерике.

— Тавис, прекрати! — вырвалось у Райса. — Прекрати рассуждать о том, чего ты лишен! Думай о том, что ты имеешь! Ты все еще Целитель. От того, что случилось с тобой сегодня, пострадал не твой разум — всего лишь твоя рука!

(«Камбер-еретик»)

Таким образом, силы разума Целителя — основа; баланс же этих сил как бы символизируется двумя руками Целителя. Однако символ остается всего лишь символом, удобная зацепка, на которую может опереться ментальное состояние. Если же, как утверждает Тавис, старое соотношение более невозможно поддерживать, если старая символика более неприме-

нима, тогда может быть установлена новая, как только Тавис осознает свою ограниченность и примет жизнь такой, какая она есть, что в конце концов он и делает. Конечно, *некоторые* ограничения не обойти. И располагать всего лишь одной рукой означает, что порой Тавис будет сталкиваться с некоторыми трудностями во время физических манипуляций, которые иногда бывает необходимо провести Целителю, чтобы добиться истинного исцеления — что на самом деле и происходит, когда он посредством Портала приводит с собой раненого Анселя в святилище михайлинцев в *«Скорби Гвиннеда»* и вынужден призвать других Целителей на помощь; однако любой из них был бы вынужден просить о помощи в таком случае. В данных обстоятельствах он делает все от него зависящее.

Часто Целители работают с не-Целителями или даже людьми-помощниками. Так Ивейн настолько часто работает с Райсом, что в конце концов становится способной направлять целительские возможности своего сына-Целителя, хотя сама Целителем не является. Первый помощник, которого мы видим вместе с Райсом — слуга по имени Гиффорд — не был даже просто Дерини. Даже такой полноценный Дерини, как Сирилд, королевский Целитель, вызванный, чтобы ухаживать за повредившим сухожилие Райсом, привлекает помощь не-Целителя.

> — Не двигайся пока, сынок. Прежде чем ты начнешь шивелить ногами, надо убедиться, что я убрал все сгустки крови. Конечно, с такими вещами, как подколенные сухожилия, на себе самом справиться не так-то просто, — продолжал он, сгибая исцеленную ногу Райса в колене и легонь-

ко проводя рукой по тому месту, где была рана. — Лорду Камберу пришлось мне помогать. Гораздо легче исцелять, когда есть возможность свести сначала вместе поврежденные ткани. Когда же края раны разошлись на целую пядь, их свести нелегко и исцелить сложнее.

(«Архивы Дерини»)

Таким образом, в определенные моменты любой Целитель может быть вынужден прибегнуть к физической помощи. Тавис просто может нуждаться в этом более часто, чем Целитель, у которого две руки. Однако его ущербность будет сведена к минимуму, как только он научится поддерживать равновесие и привлекать помощь, когда он нуждается в ней. Все дело не в руках самих по себе, хотя можно предположить, что Целитель вообще без рук может встретиться с более чем обычными трудностями во время использования именно этого дара.

Тем не менее, нам следует отметить также одну важную вещь: руки Целителя наделены еще и определенным символизмом, и Тавис, несомненно, осознал это в тот миг, когда получил свое увечье; возможно, он и не мог бы выразить этого словами, однако, вероятно, именно с этим и была связана его почти истерическая реакция на случившееся. Дело в том, что по эффективности воздействия и харизме руки Целителя как наиболее заметный инструмент проявления его силы имели почти такое же значение, как и руки священника. В самом деле, профессия Целителя считалась настолько близкой профессии священника по сокровенности призываемых сил, что во время последнего принятия и облечения полномочиями Целителя его руки помазывались и

освящались тем же образом, как и руки священника. Мы видим реакцию Сикарда Макардри на то, что было сделано с руками священника Дункана во время пытки («*Милость Келсона*»), и оправдание Лорисом содеянного на том основании, что Дункан как Дерини осквернил этими руками самую жертву, которую он осмелился предложить. Нам также следует вспомнить Райса, созерцающего, что сделали его руки и что могут делать, когда он размышляет над своей новой способностью блокировать могущество Дерини, что даруют ему его таланты.

> Вот они, руки Целителя, освященные, чтобы служить человечеству, как людям, так и Дерини. Я поклялся выполнять этот долг много лет назад, принеся обет Целителя. Часто в этих руках была сама жизнь — а порой и ваши жизни. Теперь, похоже, мне суждено держать не просто отдельные жизни, но жизнь всего нашего народа — в этих двух бренных руках...
>
> (*«Камбер-еретик»*)

Тавис дает ту же клятву Целителя, и руки обоих были освящены в торжественном ритуале. Не удивительно, что потеря руки стала для Тависа таким ударом.

Таким образом, мы можем прийти к заключению, что физический контакт с пациентом составляет сущность целительства, желательно двумя руками, хотя допускается и контакт одной. Затем Целитель должен очень отчетливо представить себе, что он собирается совершить. Это предполагает, что ему необходимо располагать точным знанием того, как должно выглядеть нормальное здоровое тело. Из этого

мы можем вынести, что Целители во время их обучения приобретают базовые знания о нормативной анатомии и физиологии человека так же, как врачи и военные хирурги. В случае крупных повреждений, таких, как перелом костей или различные типы разрывов тканей, визуализация Целителя в значительной мере более непосредственна. Сложнее лечить, когда повреждения не столь очевидны или задевают более сложные структуры, такие как внутренние органы, о функционировании которых известно намного меньше.

Непосредственные хирургические процедуры, отличные от исцеления повреждений, охватывают другую определенную, если не ограниченную область способностей Целителя. Первый пример исцеления этого рода, свидетелями которого мы стали, это случай с Целителем Симоном, произошедший шестьдесят лет спустя после того, как мы впервые встречаемся с молодым послушником-Целителем в аббатстве святого Неота, когда он удаляет опухоль на предплечье Джилре д'Эйриала. (*«Архивы Дерини»*). Другие хирургические манипуляции могут включать вскрытие и дренаж абсцессов, удаление инородных тел, таких как наконечники стрел, и иногда даже проведение кесарева сечения.

Принципиальное ограничение такого целительства будет заключаться в способности визуализировать тело пациента, которому возвращено здоровье. (Очевидно, все повреждения на микроскопическом уровне, как, например, предотвращение разрастания раковой опухоли, недоступны воздействию Целителя.) То, что Симон способен распознать злокачественную опухоль на руке Джилре, определить, что давление, оказываемое на нервы этой опухолью, вероят-

но, и является причиной того, что молодой человек не в состоянии действовать этой рукой, и провести соответствующую хирургическую операцию в полевых условиях, сделав анестезию, прооперировав опухоль и залечив разрез, позволяет признать, что он, по крайней мере, способен сам продолжить свое обучение после роспуска Ордена гавриилитов в 917 году. Постоянное пребывание Симона у руин аббатства святого Неота дает возможность предположить, что, по-видимому, другие Целители тоже возвратились в Гвиннед после того, как первоначальный размах преследований, развернутых регентами, пошел на убыль, возможно, были объединены секретной миссионерской подпольной организацией, которая, вероятно, осторожно распространялась по всему Гвиннеду. (Его приглашение Джилре присоединиться к нему у незапятнанного алтаря означает, что какое-то ответвление старого Ордена гавриилитов должно было сохраниться, даже если в него теперь принимались обычные люди наравне с Дерини.)

Таким образом, знание анатомии — ключ к успеху Целителя, но, к сожалению, оно не имеет отношения к общему разделу медицины и механизму заболеваний — отрасль, в которой наиболее образованный Целитель может лишь ненамного превзойти хорошо обученного врача-человека.

Связь между загрязнением ран и инфекциями тем не менее была замечена. И чистота ран и предметов, окружающих пациента, считалась важным элементом как людьми, так и врачами-Дерини, однако теория вирусов фактически не имела развития в течение многих столетий. Стандартная фармакопея обычного лечения симптомов была доступна практикующим врачам любых убеждений. Дерини же име-

ли, кроме того, доступ к немногим особым снадобьям, отличающимся по своим свойствам от известных науке того времени природных средств, таких как мох-сфагнум и синеватый порошок, который, по-видимому, был плесенью, подобной пенициллину; сумка Целителя не столь уж богата лекарствами, когда дело доходит до непосредственного медикаментозного вмешательства. Целители неспособны вылечить обычную простуду или любые другие подобные недомогания, которые мучили человечество на протяжении столетий.

Другие таланты Дерини, не имеющие непосредственного отношения к Целительству, также могли быть использованы в этих целях. Способность «безболезненно усыпить пациента, прежде чем оперировать его... это благословение свыше, и неважно, откуда оно исходит»,— замечает Дугал после того как Келсон помогает ему наложить шов на раненого солдата но окончании сражения. (*«Сын епископа»*). И в самом деле, сонные чары — одно из наиболее широко применяемых средств наряду со снятием боли, и обе способности обычно доступны всем Дерини, каким бы ни было их обучение.

В определенной мере большинство Дерини также могут научиться останавливать кровотечение, что, по сути, составляет простое применение психокинетических принципов, хотя для этого следует звать, когда, где и на какой срок прилагать соответствующее давление, чтобы не причинить большего вреда, чем пользы. Однако сама потеря крови не может быть восстановлена магией Дерини, что потерявший от горя рассудок Келсон имел все основания почувствовать очень хорошо, наблюдая, как утекает жизнь Сиданы из-под рук Моргана и Дункана. Если пациент умира-

ет в результате потери крови, он не может быть возвращен к жизни, даже если травма, послужившая причиной этой потери, исцелена. (Камбер узнает это в результате неоднократного общения с Райсом. Таким образом, он должен был наложить заклинание, сохраняющее жизнь, прежде чем сам умрет от потери крови.)

Целитель не в состоянии произвести новую кровь, чтобы вновь заполнить кровеносные сосуды, не дошла до переливания крови и наука Одиннадцати Королевств. Традиционная медицина была лишь знакома с основной концепцией замены потерянной жидкости через рот и считала, что поглощение пациентом пищи и напитков позволяет поддерживать воспроизводство новой крови, однако такие меры, конечно, не всегда были достаточны. Для того чтобы есть и пить, пациент должен быть жив. Целители иногда могут казаться «чудотворцами» и не позволять смерти приблизиться в течение некоторого времени, но они, к сожалению, не обладают абсолютной властью над жизнью и смертью.

Наряду с этим, обыкновенные Дерини, которые постоянно работают с Целителями, часто обучаются применению и других полумедицинских методов, как, например, мониторинг, регуляция дыхания и сердечной деятельности — защитные мероприятия, также широко применяемые во время исполнения определенных магических процедур, включающих вхождение в глубокий транс, находясь в котором, оператор может потерять контроль над функциями своего тела и попросту забыть о необходимости дышать. До некоторой степени контроль над температурой тела также возможен, хотя лишь в ограниченной мере; так, Целитель едва ли в состоянии справи-

ться с сильным жаром у больного. Камбер способен несколько охладить жар собственного тела, прежде чем пройти ритуал посвящения в епископы («Святой Камбер»), однако когда Нигель спрашивает о возможности понизить температуру в зале, где будет происходить передача потенциала Халдейнов, Дункан сообщает ему, что это потребует расхода энергии, которая понадобится им для других целей.

«Кроме того, ты не Дерини».
(«Милость Келсона»)

С таким же успехом Целители способны действовать и вне пределов бренной плоти. Разум может быть источником болезней, не менее серьезных, чем тело. И именно в этой сфере целительства Дерини не-Целитель способен действовать с той же эффективностью, что и тот, кто располагает даром исцелять. Дерини-психолог, способный отличить правду от лжи и даже читать мысли пациента, часто может преодолеть подсознательное сопротивление и достичь уровней формирования ложных установок и даже иногда получить прямой доступ к причинам психических нарушений. Примеры этого типа лечения мы видим в попытках Райса и Джорема помочь Катану совладать со своим горем и чувством вины (*«Камбер Кулдский»*) и в работе Ориэля со сломленным Декланом Кармоди в *«Скорби Гвиннеда»*. Кверон утверждает, что техника, которую он использует для проецирования воспоминаний Гвейра, также является эффективным способом лечения определенных ментальных заболеваний.

В сфере духовной и пастырской поддержки как Целители, так и не-Целители Дерини имеют отчетли-

вые преимущества над простыми врачами, лечащими душу. Этим и может отчасти объясняться враждебность Церкви по отношению к духовенству Дерини, так как способность Дерини как духовников разглядеть именно то, что лежит на сердце кающегося, способствует большей эффективности пастырской деятельности Дерини по сравнению со священником-человеком.

С другой стороны, какой защитой располагает бедный беззащитный смертный, жаждущий анонимности и тайны исповедальни, против уловок Дерини-священника, который может добиться того, чтобы кающийся открыл ему то, что он мог бы сохранить в тайне даже от исповедника? Дерини знают лучше, чем кто бы то ни было, что ни один из по-настоящему добросовестных священников никогда не нарушит свой священный обет и не раскроет тайну исповеди даже под страхом смерти. Однако церковная теократия, в которой главенствовали люди, особенно после Реставрации Халдейнов, все с большим недоверием относилась к Дерини. Несмотря на это, у нас создается впечатление, что методы медитации Дерини иногда позволяют достичь уровней религиозного пыла и экстаза, едва ли доступных простым людям. Неужели Дерини ближе к Господу? А если нет, как осмеливаются они претендовать на это? И разве религиозные Ордена Дерини не проводят обряды церкви несколько иначе, чем принято у людей? Возможно, Дерини вообще не принадлежат Господу?! Но страхи эти, в общем-то, не оказали особого влияния на умы, уже отравленные завистью и замкнувшиеся на себе из нежелания понять.

Целители-священники? Они не лучше остальных Дерини, если уж на то пошло!

Блокирование способностей Дерини

Прежде чем перевести взгляд на обучение Целителей, нам следует вкратце рассмотреть способность блокирования могущества Дерини. Опираясь на примеры четырех Дерини, способных делать это, мы можем вывести теоретическое предположение, что блокирующая способность является одной из сторон целительского дара.

На самом деле нам не следует удивляться, что способность блокирования оборачивается отдельной отраслью целительства, ведь что может быть лучше для Целителя, чем способность убирать сопротивление пациента, серьезно раненного или больного и неспособного дать сознательное согласие на лечение? Безусловно, эта сфера еще больше подвержена злоупотреблениям, чем многие из остальных способностей Дерини. Но это не умаляет ее полезности как одного из лечебных средств. На практике мы впервые встречаемся с этой способностью, когда Райс, погрузившись в глубокий транс, пытается излечить раненого в голову Грегори Эборского и вынужден использовать ее в ответ на случившийся припадок, во время которого выходят из-под контроля дериниские способности больного. Это является спонтанной и изначально инстинктивной попыткой со стороны Райса защититься от дальнейших припадков, которые могут заставить Грегори действительно причинить вред окружающим.

Какое бы средство ни применил Райс, оно смогло затронуть разум Грегори, «отключив» его возможность использовать свои способности. К счастью, отлично обученный Райс оказался способен повторить

свои шаги, найти, где имел место данный процесс и обратить его вспять, однако это дает основание для углубленных размышлений по поводу смысла всего происшедшего, так как никто не был уверен, смогут ли способности Грегори вернуться к нему в положенное время без дальнейшего вмешательства Райса.

Тем не менее, вопреки своему желанию и всем приложенным усилиям, Райс неспособен обучить этой процедуре других — ни Целителей, ни простых Дерини. Он знает, где происходит этот процесс, и может показать это другим, но не знает, как он проделал это. Лишь случайно Тавис узнает о там, что такой дар вообще существует, сам ищет эту способность в себе и находит, что он также обладает этим талантом. К сожалению, Райс погибает прежде, чем они с Тависом могут вместе исследовать скрытый смысл этого открытия, оставляя Тавису право в одиночку преодолеть препятствия.

Отыскать еще одного человека с такой же способностью весьма непросто, и неясно даже, каким образом взяться за поиски; однако следующего ищут уже целенаправленно и по определенной логике. Это тем более необходимо, что культ крестителя Ревана, созданный Райсом, иначе не сможет иметь успеха. Так как лишь у Целителей был обнаружен подобный дар — имеются в виду Райс и Тавис,— то Кверон предполагает, что следующим, у кого будет найден этот дар, тоже должен быть Целитель.

А где самая высокая концентрация Целителей в Одиннадцати Королевствах теперь, когда Целители аббатства святого Неота рассеяны по всей стране? Их можно отыскать лишь в непрекращающемся потоке беженцев, устремившихся в Тревалгу, новое поместье Грегори. Чтобы дать возможность Тавису об-

следовать их, Кверон предлагает Грегори и Джессу пропускать Целителей через цитадель михайлинцев.

Однако отчего дар Сильвена О'Салливана не был открыт ранее? В конце концов, он был Целителем Грегори и военным хирургом. В прошлом он часто работал с Райсом, прежде чем тот открыл способ блокирования. Даже то, что Райс оперировал Грегори в тот самый день, случилось из-за того, что услуги Сильвена потребовались в другом месте. Разумно было бы ожидать, что его близость к эпицентру событий приведет к тому, что редкостный дар будет обнаружен довольно скоро; однако тут следует учесть, что со времени смерти Райса и открытии Тависом в себе этой способности прошло меньше месяца.

Кроме того, мы можем предположить, что Сильвен постоянно был занят приемом беженцев. Когда Грегори приводит их с Аврелианом в ответ на призыв Тависа о помощи, их быстрое появление дает возможность предположить, что Грегори позвал с собой первых же двух Целителей, попавшихся ему под руку, и подумал о том, чтобы проверить их, лишь после того, как они уже были там, оперируя Анселя. Аврелиан, вероятно, был приведен для проверки, на Сильвена же просто не обращали какое-то время внимания из-за того, что он был хорошо знакомой и заметной фигурой в Тревалге.

Открытие способностей Тиега попадает под иную категорию. Маленький Тиег Турин, которому еще нет и четырех лет, полон сюрпризов. Он очень наглядно иллюстрирует те осложнения, которые могут возникнуть, когда способности Дерини проявляются в слишком раннем возрасте, до того как личность становится способной контролировать себя,

выносить суждения или проникать в суть вещей. К счастью, как мы уже заключили, этические соображения позволяют накладывать контроль на таких детей, чтобы сдерживать проявление их чувств до того времени, пока они не научатся благоразумию и сдержанности. Однако мы можем понять и озабоченность Ивейн относительно будущего сына, когда она размышляет над скрытым смыслом тех способностей, которыми располагает ее ребенок. В таком юном возрасте лишь его таланты Целителя уже были причиной как радости, так и обоснованных страхов. Его первая попытка блокирования могла повлечь за собой ужасные последствия, если бы сбылись страхи Ивейн и снять блок оказался бы способен лишь тот, кто его установил.

Однако способности Тиега теперь общеизвестны, и о них никогда не забудут, а из всех оставшихся Дерини в приюте михайлинцев Ивейн и, наверное, Джорем знают лучше всего, как беспощадны иногда вынуждены быть люди во имя своих целей. Ивейн и самой приходилось совершать жестокие поступки ради высшего блага и совершит еще немало их в будущем. Если вдруг окажется, что нет иного выхода, кроме как использовать способности Тиега, то это придется сделать. Ей нелегко смириться с этой мыслью.

Однако довольно дискуссий по поводу этого побочного, в сущности, таланта,— ведь, по сути своей, он призван уничтожать тот самый дар, что изначально его и породил. Давайте возвратимся к Целителям и их обучению.

Обучение Целителей

Обучение Целителей до Реставрации династии Халдейнов стало достаточно стандартизированным, хотя в нем все еще оставались различные философские течения внутри разных школ. Такие учебные заведения как школа гавриилитов в аббатстве святого Неота использовали в немалой степени эзотерическую теорию и практику в подготовке Целителей. Обучение у варнаритов было более прагматично и в основном направлено на подготовку высококвалифицированных военных хирургов, но его ученикам часто недоставало духовных аспектов обучения. Как отмечает Камбер-Элистер *(«Камбер-еретик»),* Тавис, прошедший курс подготовки у варнаритов, изучал «стандартные подходы к целительству» как первичные для установления взаимоотношений вещей.

Некоторые не столь большие независимые школы, такие, как школы в Ллентиете и Найфорде, выработали свои собственные системы подготовки, хотя все Целители, получающие право носить зеленую мантию, в конце концов сдавали экзамен не менее чем трем признанным Целителям, достигая высот на вступительных экзаменах в высшие учебные заведения и в религиозной службе. Некоторых Целителей подготавливали индивидуально, вне школы, настав-

ники-Целители, которым отдавали в обучение подростков, но если это был единственный источник обучения, это рассматривалось как большой минус.

Обучение у гавриилитов было, возможно, лучшим из всех существующих. Действительно, знания, полученные у гавриилитов будущими Целителями, так высоко ценились, что все Целители, имеющие духовное звание, и даже большинство светских, проводили по крайней мере семестр или два в аббатстве святого Неота в конце обучения, независимо от того, какой целительской деятельностью конкретно они собирались заниматься после ее окончания. Гавриилиты верили в возможность подготовки всех Дерини как духовно, так и в развитии ума и тела, а не только тех, кто обладал даром Целителя. Хотя сами гавриилиты давали клятву не применять насилие, все же они признавали, что, находясь на военной службе, воины должны обладать всеми необходимыми умениями, чтобы, если потребуется, ответить насилием на насилие. Поэтому этическая сторона военной подготовки была частью программы обучения всех молодых Дерини, которые приходили в аббатство святого Неота, независимо от того, имели они призвание к целительству или нет, как заметил Камбер-Элистер во время своего первого посещения аббатства гавриилитов.

> Они прогуливались по аллее, пока не подошли к группе мальчиков, сидящих под деревом в монастырском саду. По их простым белым туникам было видно, что это ученики. Моложавый мужчина, одеждой и прической похожий на гавриилитского священника, мягким равным голосом лектора рассказывал им о чем-то, хотя его

голос не доносился до Камбера и Эмриса. Камбер подумал, что это не случайно.

— Это наши десяти-двенадцатилетние ученики, проходящие общую подготовку, — тихо сказал Эмрис. — Они здесь всего около четырех месяцев. Отец Тивар — наставник по военному делу, один из наших лучших учителей. Но пока он еще не позволил им даже прикоснуться к оружию. Прежде всего, они должны научиться видеть движение своего противника внутренним зрением, даже если этот противник — Дерини. Но, конечно, ваше, михайлинцев, обучение в этом отношении очень похоже на наше.

— Да, это так.

Когда он отвечал, мальчики вскочили на ноги по какому-то неизвестному ему сигналу и, поделившись парами, начали медленно выполнять движения с закрытыми глазами, раскачиваясь и пританцовывая в привычном упражнении по борьбе, отражая удары противника кистями и локтями, которые, казалось, сами чувствовали движение. В юности Камбер сам выполнял такие же упражнения, и его двойное сознание Камбера-Элистера могло лучше оценить такое обучение,

— О да, я помню это упражнение. Хотя мы в Четлхеме выполняли его немного по-другому, — добавил он. — Вы помните ушибы и синяки, когда однажды выполнение упражнений ускорилось? Целители получают такое же военное обучение?

— Я нет, но многие получают, — улыбнулся Эмрис. — Пойдемте, и я покажу вам немного больше из непосредственного обучения Целителей, если хотите. Я уверен, Райсу это будет очень знакомо.

(«Камбер-еретик»)

То, что Камбер упомянул Четлхем, подчеркивает, что Элистер Келлен получил традиционное военное обучение, принятое у михайлинцев, хотя мы должны помнить, что даже у них образование не было целиком подчинено воинским целям. Оно предусматривало и некоторые отступления, поскольку большая часть обучения совпадала с традиционным обучением обычных Дерини.

О невоенной стороне обучения у михайлинцев говорится мало, мы знаем только, что михайлинская школа в аббатстве святого Лиама могла гордиться такими известными именами среди своих бывших учеников, как отец Джорем Мак-Рори и лорд Райс Турин.

Мы можем предположить активную духовную жизнь, как исходя из общей духовности, свойственной михайлинцам, так и на примере их религиозной практики, таких как медитация, концентрирующаяся на пламени или на мече святого Михаила. К тому же нужно напомнить, что обряд проведения мессы внутри Ордена во многом отличается от обычного. В частности, король Синхил Халдейн обнаружил, что михайлинцы получали двойное причастие, — практика, которая обычно используется в среде духовенства. (*«Святой Камбер»*)

Мы также можем сделать вывод о наличии других отличительных черт у Дерини, что являлось причиной страха и зависти, которые могли появиться у духовенства, не относящегося к Дерини и опасающегося, что те могли иметь прямую связь с Богом, которой лишены обычные люди.

Тогда, возможно, обучение Элистера Келлена было только в традициях михайлинцев, в отличие от обучения Камбера, которое исходило из более эф-

фективных источников. Мы знаем, например, что в сердце Камбера рано проснулось желание стать священником — занятие, вполне подходящее для третьего сына дворянина, — и он в течение нескольких лет посещал семинарию в Грекоте, которую возглавлял архиепископ Энском Тревасский. Отдавая должное знатности семьи Мак-Рори, так же как и академическим познаниям самого Камбера, можно предположить, что благородный лорд Камбер Мак-Рори стал бы в свое время епископом, если бы его карьера духовного лица не была так быстро прервана. Мы можем предположить, что Камбер поступил в юношескую семинарию в начале 856 года, то есть до того, как чуть позже, в том же году, умер его старший брат. Учеба в Грекоте закончилась для Камбера не ранее конца 866 года, когда умер второй его брат.

Камберу было шестнадцать лет, когда он вернулся в Кайрори, чтобы исполнить свой сыновний долг — уже не как будущий священник, а как наследник графа Кулдского.

Где-то на этом пути Камбер мог пройти интенсивное обучение, наделившее его силой Дерини, по крайней мере, отчасти, прежде чем он поступил в университет и семинарию — хотя, конечно, его образование как Дерини продолжалось и далее. Как сына графа — хотя тогда он, возможно, еще не получил в наследство титул — молодого Камбера обучали и более практическим дисциплинам, таким как верховая езда, фехтование, и основам управления имением, подобающим знатному юноше. Чтение и письмо были им в совершенстве освоены в раннем возрасте. Возможно, воспитатели, отвечающие за эту часть его образования, распознали его академические наклонности с самого начала и поощряли их. Этот интерес

поддерживал молодого Камбера, когда его религиозные занятия были отложены и он принял на себя обязанности наследника своего отца.

Возможно, таково было желание самого Камбера — обучаться воинскому искусству у михайлинцев. И конечно, его отец хотел бы убедиться, что молодой Камбер был прекрасно подготовлен к тому, чтобы стать его преемником, а обучение у михайлинцев наилучшим образом подходило для этого. К тому же лорд Баллард Мак-Рори хорошо сознавал опасности, таящиеся в придворной жизни будучи сам хорошо приспособлен к утонченной атмосфере жизни королей и принцев Дерини.

Он мог рассматривать обучение Камбера в семинарии как слишком мягкое для суровой мирской жизни. Кто бы ни отвечал за дальнейшее обучение Камбера, они отлично развили его умственные способности, поскольку именно в эти девять лет до возвращения домой и смерти отца Камбер достиг наивысшего уровня в своем образовании. Уровень его знаний был, наверное, очень высок, потому что он блестяще служил двум королям династии Фестилов и намеревался служить и третьему. Если все же он обучался у михайлинцев, мы можем догадаться, что он вряд ли впитал их политические идеи.

Несмотря на растущее несогласие со взглядами михайлинцев, Камбер, по-видимому, достаточно высоко ценил их обучение, и поэтому послал Джорема для получения начального образования именно к михайлинцам, в аббатство святого Лиама. И Катана, возможно, тоже, хотя прямого упоминания об этом нет.

Он также не стал вмешиваться, когда Джорем заявил о своем намерении стать михайлинцем, хотя

это еще долгое время оставалось предметом частых споров отца и сына. Ирония судьбы заключалась в том, что, приняв личность Элистера, он сам был вынужден стать михайлинцем, что привело его к неожиданной симпатии к этому Ордену и к лучшему пониманию его действий в прошлом. Действительно, без Ордена михайлинцев даже Реставрации Халдейна могло бы не произойти.

Михайлинцы не обучали Целителей специально, хотя среди членов этого, по сути своей воинского Ордена были Целители, как и следовало ожидать. Если и был какой-то Орден, который готовил преимущественно Целителей, это был Орден святого Гавриила. Хотя из заметок последнего настоятеля Ордена, его преосвященства Эмриса, понятно, что гавриилиты воспитывали своих членов на многих, самых разнообразных традициях. Эмрис сообщает, что первоначальное обучение от получил в иной традиции, отличной от михайлинской или гавриилитской. Когда он вспоминает те ранние годы, ему на память приходит сандаловое масло, а не масло ливанского кедра, которое известно в большинстве других Орденов. Далее Эмрис отмечает, что он не получил даже того утонченного военного обучения, которое обычно дается Целителям в аббатстве святого Неота, — одно из нескольких указаний на то, что существовала еще одна традиционная школа, еще сильнее, чем гавриилитская, ориентированная на духовное образование, в философии которой отказ от насилия играл еще большую роль. (Однако именно Эмрис поразил стрелой в сердце впавшего в безумие послушника-Целителя, который убил своего учителя.)

Варнаритская школа также предлагала свой собственный, отличный от всех прочих подход к воспита-

нию Целителей, хотя их обучение порой и рассматривалось как неполноценное в некоторых отношениях.

Камбер, хотя и не был сам михайлинцем, вполне мог положиться на воспитание Элистера, в образе которого он прожил более двенадцати лет; к тому же он мог привлечь опыт собственного обучения. Его первый по-настоящему близкий контакт с Тависом иллюстрирует точку зрения на варнаритское обучение как невполне совершенное.

> — Боюсь, Тавис, ты находишься в невыгодном положении. Мы, михайлинцы, выучены в старых традициях и формулах общения в контакте, равно как и гавриилиты, и иногда мы ошибочно полагаем, что и все остальные хорошо тренированные Дерини тоже. Но твое обучение Целителя проходило вне Ордена святого Гавриила, не так ли? И уж конечно, не в братстве святого Михаила.
>
> Тавис согласно кивнул.
>
> — Варнаритское?
>
> — Да.
>
> — Ага. Это многое объясняет. Подход скорее прагматичный, чем философский, для искусства исцеления вполне приемлемый, — добавил он, заметив на лице Тависа готовность выступить в свою защиту, — однако при этом довольно часто опускаются более тонкие нюансы, которые были бы так полезны в нашей ситуации. Ты научен стандартным подходам Целителей, но не вспомогательным навыкам. Правильно? Не удивляйся, после стольких лет работы с Райсом я знаком с вашей терминологией.
>
> *(«Камбер-еретик»)*

По реакции Тависа, Камбер сделал вывод, что молодому Целителю в какой-то момент обучения была нанесена серьезная травма. Может создаться впечатление, что применение физических наказаний было принято у варнаритов. Конечно, в ходе обучения нужно быть готовым к ушибам и шишкам. Камбер вспомнил синяки, которые он сам получал, изучая приемы борьбы, демонстрировавшиеся у гавриилитов. Но постоянное травмирование — физическое или психологическое — не было нормой. А если это случалось, то учитель пересматривал уровень возможностей ученика, при условии, что тот старался изо всех сил. Если же это происходило с определенной регулярностью, то значит, проблема заключалась в учителе и в самом методе обучения. Окончательного заключения о такой практике Камбер не делает, но из этой сцены можно сделать вывод, что подобные методы применялись в некоторых школах Дерини, — хотя современные воспитатели осудидили бы своих предшественников, которым ничего не стоило бы надавать по рукам непослушному ученику, или бросить ребенка в воду, чтобы научить его плавать.

В *«Скорби Гвиннеда»* описывается история наложения наказания за неповиновение на принца Джавана архиепископом Хьюбертом. Хьюберт обещает, что Джавану не будет страшно, что наказание будет не тяжелым, что он хочет лишь дать ему урок послушания. Монахи, которых назначили выполнять епитимью, имели многолетний опыт по дисциплинированию молодых монахов. Они умели правильно рассчитать силу ударов так, чтобы Джаван вынес их без криков. Но он был предупрежден, что если закричит, то ему будет добавлен еще один удар, то есть количество ударов может возрасти от двадцати до со-

рока. К счастью, Джавану удалось сдержаться, и он не закричал; он даже удивился, когда монахи похвалили его за то, что он выдержал наказание как мужчина.

> — Странно, что вы не били так, чтобы я действительно закричал. Разве не в этом весь смысл?
>
> — Лишь до определенного предела,— без утайки отозвался тот.— Истинный смысл в том, чтобы испытать вашу власть над собой, довести вас до грани, но не сломить. Наказание должно быть достаточно суровым, чтобы причинить сильную боль, сколько человек способен выдержать, но не унизить и не искалечить. Думается, вы запомните сей урок — как и то, что испытали себя самого до предела, и даже дальше. Это воспитывает характер, а не портит его.
>
> *(«Скорбь Гвиннеда»)*

Научиться измерять способности и пределы возможностей ученика — такова задача наставника. В этом отношении монахи Хьюберта показали себя вполне сведущими учителями. Действительно, как бы мы ни относились к человеку, стоявшему за ними, мудрость людей, осуществлявших наказание Джавана, их мягкие подсказки, как лучше перенести боль, дают надежду, что некоторые из людей, которых принимали в этот Ордена, организованного, чтобы уничтожить Дерини, все же были наделены хоть какой-то порядочностью.

Очевиден факт, что учитель всегда знал, когда ученик готов предпринять следующий шаг, и не ставил перед ним задачу за пределами его возможностей. Как замечает Тирцель в разговоре с Коналом,

когда просит его выполнить перемещение с помощью Портала в первый раз:

> — Разве я когда-либо просил тебя сделать то, к чему ты был не готов?
>
> *(«Тень Камбера»)*

Такая оценка и проверка способностей ученика — важный аспект любого обучения, так же как и постепенное нарастание сложности заданий с целью развития способностей ученика.

Другой аспект обучения, свойственный только Дерини, связан с применением мераши, — наркотического, разрушающего сознание снадобья — использование которой для контроля Дерини было принято еще до Камбера (хотя Морган сперва и был уверен, будто это — придумка Кариссы).

Нам известно из различных источников, что большинство Дерини, получивших официальное обучение, подвергалось воздействию этого лекарства в процессе обучения. Существенной и ценной частью обучения Дерини было изучение свойств этого снадобья и умение применять его и сводить к минимуму степень его воздействия. В этом отношении обучение Целителей было еще более изнуряющим, чем у обычных Дерини, поскольку только Целителям предоставлялось право воздействовать с его помощью на других людей, применять его само по себе или в сочетании с другими снадобьями при лечении и уметь предсказать результат.

Мы знаем, что Джебедия и дети Камбера были уже достаточно знакомы со свойствами этого лекарства, когда согласились применить его для проверки способностей Райса к блокированию способностей

Дерини, и что молодой Денис Арилан, пытавшийся изменить свойства вина для причастия перед своим посвящением в духовный сан, уже имел предварительный опыт воздействия этого снадобья. Мы видели, как впервые подвергались воздействию этого средства Келсон и Дугал под тщательным наблюдением для того, чтобы, если им придется в будущем встретиться с его воздействием, они смогли бы свести до минимума его отрицательное воздействие. Хочется верить, что мало кому из Дерини довелось узнать на себе воздействие *мераши* таким путем, как это случилось с Брионом.

Вернемся, однако, к обучению Целителей у гавриилитов. Школа в аббатстве святого Неота принимала Дерини, как обладающих задатками Целителей, так и не имеющих их, хотя, конечно, предпочтительно первых, в основном из светских кругов.

Как ранее упоминалось, не поощрялось, если Целители выбирали духовное призвание, поскольку когда лучшие из них воздерживались от вступления в брак и не заводили детей, количество Целителей сокращалось и, в конечном счете, могло бы стать совсем незначительным. Кандидаты в Целители-священники подвергались особенно строгой проверке их призвания.

Учеников-Целителей обычно брали в возрасте двенадцати лет, как только начинали проявляться их задатки. Начинали обучение с программы широкого спектра, которая способствовала превращению общих способностей Дерини в потенциальные таланты Целителей. Одновременно развивались некоторые специфические способности.

К шестнадцати годам упор делали на развитие преимущественно целительских способностей, а об-

щее образование теперь уже было вторично. Как раз в таком возрасте брали учеников-Целителей из других учебных заведений для совершенствования их образования у гавриилитов.

Мы знаем, что Райс провел здесь некоторое время. После того как начальную ступень обучения он прошел у михайлинцев в аббатстве святого Лиама, Райс отправился в университет в Грекоту. Получив здесь основы своего образования и обучения Целительству (в школе Целителей, включающую варнаритскую), на старшей ступени обучения он учился в аббатстве святого Неота.

В романе *«Камбер-еретик»* мы коротко рассмотрели часть обучения Целителей, когда Камбер под личиной Элистера Келлена отправляется в аббатство святого Неота для встречи со священниками Эмрисом и Квероном. Мы наблюдали, как неизвестный Целитель-гавриилит работает с мальчиком по имени Симон, которого он обучает управлять своим телом, чтобы в дальнейшем научиться управлять другими. Давайте остановимся на этом случае, узнаем еще немного о том, как готовили Целителей у гавриилитов.

Первый урок

...Мальчик немного нервничал, что и следовало ожидать от тринадцатилетнего ученика. Прежде чем назначить Килиана наставником новому послушнику, Эмрис предварительно изучил его данные. Мальчик подавал большие надежды. Отец Килиан смерил почти доброжелательным взглядом своего нового подопечного, когда мальчик нерешительно огляделся, заглянув в дверь, а затем вошел, повинуясь нетерпеливому жесту Килиана.

— Не топчись в дверях, парень, — пробормотал Килиан. Его слабая улыбка смягчила суровые слова. — Я пока что не откусил голову никому из своих учеников... хотя я прикажу тебя выпороть, если ты кому-то об этом расскажешь! Но твои предыдущие наставники говорили, будто из тебя может выйти неплохой Целитель.

Мальчик немного смутился от похвалы и несмело оглядел крошечную комнату для тренировок с узкой лежанкой и одетого в белое Целителя-гавриилита у ее изголовья. Он подошел к Килиану и почтительно преклонил колени, склонившись для обычного благословения, которое давал учитель ученику при первой встрече. На самом деле это было нечто большее, чем просто благословение, и это хорошо знали и мальчик, и Килиан.

— Меня зовут Симон де Бамон, отче, — сказал мальчик, четко произнося слова, которые он, должно быть, репетировал много раз, готовясь к этому моменту. — Я чувствую в себе призвание Целителя и с радостью подчиняюсь ему. Я прошу вас принять меня в ученики и научить искусству Целителя. Обещаю быть верным и прилежным во время обучения. Отдаю себя на ваше попечение и с радостью передаю себя в ваши руки.

Слова были просто пересказом клятвы, которую мальчик давал отцу Эмрису при поступлении в аббатство святого Неота. В ответ настоятель должен был обещать, что и он лично, и весь Орден помогут Симону развить у него дар Целителя, который уже был определен во время вступительных экзаменов. Таким образом эти двое заключали своего рода соглашение, которое будет действительно в течение всего периода обучения Симона. Этот договор позво-

лял Килиану применять любые средства, необходимые для того, чтобы сделать его Целителем во всей полноте его возможностей.

Мальчик не вздрогнул, когда руки Килиана мягко опустились ему на голову. Он также не противился, когда Килиан сделал первую ментальную попытку, слегка коснувшись его защит. Неожиданно его щиты опустились плавно и мягко, отреагировав на вмешательство Килиана, — что редко бывает с молодыми воспитанниками.

Лежащие на поверхности ближайшие мысли и воспоминания мальчика, казалось, готовы были расступиться и дать доступ в сокровенные глубины мозга. Это и предполагалось в контактах такого рода, хотя и не всегда удавалось достигнуть подобного результата в самом начале,

Приятно удивленный, Килиан закрыл глаза и проник глубже в мозг Симона, находя и связывая зоны контроля. Это было необходимо. Это стало теперь обычной практикой после трагедии, которая произошла когда-то здесь, в аббатстве святого Неота, и о которой все знали. То была трагическая история, когда послушник Ульрик, бывший всего несколькими годами старше, чем был тогда сам Килиан, сломался в процессе тренировки и обратился против своего наставника. Ульрик, силы которого вышли из-под контроля, убил своего учителя с помощью запрещенного магического приема, ранил нескольких наставников и даже учеников, пока стрела, пущенная Эмрисом, не остановила весь этот кошмар.

Эмрис тогда только что был избран настоятелем, и трагическое происшествие потрясло его и весь Орден. Никто из присутствующих тогда в монастыре никогда не смог забыть этот день. Гавриилиты реши-

ли тогда больше не терять Целителей, как был потерян Ульрик, и избегать ситуаций, в которых могла возникнуть необходимость отнять чью-то жизнь.

Итак, сейчас Килиан связал контрольные области, чтобы предотвратить подобную трагедию. Такое вмешательство в проявление свободной воли личности было необходимо. Килиан должен был установить своего рода клапан безопасности, к помощи которого прибегали при крайней необходимости. Вместе с обычным набором пусковых механизмов, которые устанавливались в мозгу каждого ученика для облегчения тренировок, Килиан ввел Симону твердое убеждение, что такой клапан необходим. Он не стал читать в сознании мальчика какие-либо детали о самом Симоне, поскольку предпочитал знакомиться со своими учениками посредством обычных методов общения. Наконец, чтобы придать законченную форму тому, что сейчас произошло, он прибег к словесному благословению, используя формулировку, проверенную гавриилитами в течение многих веков.

Когда он поднял руки, чтобы начертать знак благословения над склоненной головой Симона, мальчик посмотрел на него с едва сдерживаемыми слезами, светящимися в карих глазах. Он схватил руку Килиана и поцеловал ее:

— Спасибо, отче, — прошептал Симон. — Я попытаюсь доказать, что достоин вашего учения.

— Убежден, что твои старания будут равны твоему желанию, — ответил Килиан, сохраняя выражение терпения на своем лице; затем он протянул мальчику руки и поставил его на ноги. Он не сказал ничего более, потому что не хотел дать ученику так сразу понять, что тот подает большие надежды. — Теперь давай попробуем выяснить, как много ты уже зна-

ешь. Ложись вот сюда, и начнем. Посмотрим, хорошо ли ты научился управлять своим телом.

Со смешанным выражением опасения и желания поскорее начать, Симон сел на середину кровати и вытянул ноги, затем лег головой по направлению к Килиану.

— Отец Алвис был доволен моими успехами, — сказал он, запрокидывая голову назад, чтобы посмотреть на Целителя. — Но я не знаю точно, что должен уметь младший послушник.

— Ну, ты теперь послушник старшей ступени. А мы ожидаем от старших послушников больше, чем от младших. Итак, я буду направлять тебя, — сказал в ответ Килиан, пододвигая свой стул так, чтобы сидеть лицом к изголовью кровати. — Ложись поудобнее и закрой глаза. Мы начнем с базового упражнения, которому тебя учили, когда ты пришел сюда впервые.

Он положил свои руки на плечи Симона и подождал, пока мальчик подчинится и закроет глаза.

— Хорошо. Теперь я буду только наблюдать. Я хочу посмотреть, что ты умеешь делать. Глубоко вдохни и расслабься, насколько возможно. Вот так, хорошо.

Когда Симон выполнил все, погружаясь с готовностью в глубокое расслабление, Килиан медленно кивнул самому себе и плавно перевел руки с плеч Симона по обе стороны головы. Затем подвел их близко к вискам, не дотрагиваясь до них.

— Очень хорошо. Еще раз глубоко вдохни и медленно выдохни. С каждым вдохом ты становишься более и более расслабленным, все больше сосредотачиваешься. Думай о своем дыхании, и пусть каждый твой вдох уносит тебя глубже и глубже.

Он почувствовал, как кто-то заглянул в решетку двери — это был отец Эмрис и с ним несколько других Целителей. Но он не позволил себе отвлечься от работы.

— Хорошо, Симон. Расслабь каждую мышцу. Ты знаешь, как. Очень хорошо. Теперь сосредоточься и заставь себя ощутить, как кровь течет в твоих венах. Почувствуй, как бьется пульс. А теперь — как твое сердце перекачивает эту кровь. Оно бьется немного быстрее, чем нужно, но ты можешь замедлить его, если действительно этого захочешь. Попытайся... Нет, ты слишком стараешься, сынок. Расслабься. Ничего не делай насильно, пусть все происходит как бы само собой. Теперь глубоко вдохни и дай всему этому выход. Опять. Ты сделал это. Молодец, Вот так должен начинать каждый Целитель — учиться управлять собственным телом, прежде чем он сможет управлять другими. Хорошо. Теперь давай продвинемся немного глубже и продолжим. Глубже... Глубже...

Он легко коснулся кончиками пальцев висков мальчика, медленно нащупывая своим сознанием нужные пусковые механизмы, направляя сознание юного Симона к центру, который контролировал сердечный ритм. Он передал ему свое одобрение, когда мальчик нашел управление, постепенно меняя ритм на более медленный и устойчивый, соответствующий глубокому состоянию транса, в котором он находился.

— Отлично, — выдохнул Килиан, едва выговаривая слова, осознавая, что его невидимые наблюдатели удалились и вернулись к своим собственным делам. — Теперь переведем наше внимание на твою левую руку, — с этими Килиан незаметно передвинул

левую руку на плечо мальчика, затем обхватил его обнаженное запястье. — Почувствуй мое прикосновение к запястью и думай о том, как кровь поступает к этому участку тела. Знай, что ты можешь управлять притоком крови к этой руке. А теперь напряги все силы разума, чтобы ограничить этот поток.

Он начал процесс сам, но почувствовал, что ученик подхватил и продолжил почти немедленно, инстинктивно усиливая соответствующие контролирующие центры. По-настоящему довольный, Килиан убрал свой контроль силы и открыл глаза. Он поднялся и встал рядом с Симоном, по-прежнему слегка придерживая левое запястье мальчика. Рука сильно побледнела, и теперь Килиан провел двумя пальцами вдоль спины. Он тихо сказал;

— Хорошо сделано, Симон. Теперь притупи чувствительность, чтобы заблокировать боль. Ты знаешь, что нервы пролегают там же, где и кровеносные сосуды. Сожми их в области запястья и отключи все ощущения в этой руке.

И он опять погладил руку мальчика, помогая ему сконцентрироваться на ней. Затем правой рукой взял с маленькой полки в ногах кровати маленький, острый, как бритва, скальпель, положив его так, чтобы Симон ничего не видел, и приказал мальчику открыть глаза.

— Теперь удержи то, что ты сделал. Ты ограничил снабжение руки кровью и заблокировал чувствительность в ней. Это сделал ты, а не я. Проанализируй точно свои ощущения в руке сейчас, так, чтобы ты при желании мог повторить это. Посмотри, если это поможет тебе удержать образ.

Мальчик был в глубоком трансе, его взгляд с трудом фокусировался, когда он поднял руку и сжал па-

льцы перед лицом. Килиан наблюдал за ним, пока он не закрыл глаза, а затем опять обхватил запястье мальчика.

— Как ты считаешь, у тебя все в порядке? — сказал Килиан, поглаживая двумя пальцами ладонь, пальцы, а затем и спину Симона, чтобы вернуть его внимание. Мальчик рассеянно кивнул, ладони его полностью расслабились в руке Килиана.

— Да, отче, — прошептал он.

— Хорошо, — сказал в ответ учитель, собрав кожу на тыльной стороне ладони мальчика и резко оттянув ее. — Ты чувствуешь что-нибудь?

— Легкое давление, — ответил мальчик. — Не больно.

— Как ты думаешь, сможешь ли ты это выдержать? Что если бы я сделал что-то более болезненное, что подвергнет испытанию твой контроль над остановкой крови? — настаивал Килиан. Испытующе глядя на мальчика в глаза, он поднес скальпель прямо к глазам Симона, а затем слегка надавил лезвием на выпуклость у основания его большого пальца. — Я не прошу тебя заживлять то, что я сделаю, я этим займусь сам, когда мы закончим. Но сможешь ли ты задержать боль и кровотечение?

Симон быстро моргнул глазами несколько раз, глубоко вдохнул и выдохнул, опять находясь под жестким контролем.

— Думаю, что смогу, — ответил он.

— Да, ты сможешь, — без дальнейших отступлений, внимательно наблюдая за Симоном и стараясь, чтобы он не видел скальпеля, Килиан вонзил лезвие в мякоть руки мальчика на глубину в полногтя. Взгляд Симона на мгновение застыл, когда скальпель

входил в него, но рука не дрогнула и не начала кровоточить.

— Очень хорошо, — выдохнул Килиан. — Я видел многих людей намного старше тебя, которые сильно бледнели, когда я это делал. Могу я немного продолжить урок, чтобы закрепить его? Не сомневаюсь, что ты выдержишь.

Вздохнув еще раз глубоко и медленно, мальчик кивнул в знак согласия, на этот раз наблюдая, как Килиан вонзал лезвие глубже.

Надрез увеличился, когда Килиан вынул лезвие, но кровь не текла, а только немного сочилась.

— Так держать, — сказал Килиан, с улыбкой вкладывая скальпель в здоровую руку Симона. Сам он приготовился использовать свои целительные силы. — Ты хочешь посмотреть, как выглядит твоя рука изнутри, прежде чем я заживлю рану?

Мальчик посмотрел на рану, лицо его исказилось, когда он слегка согнул руку, и у него появилось ощущение какого-то неудобства. Затем перевел свои карие глаза на учителя с невысказанной мольбой. Он прошептал:

— Мне кажется, лучше бы вы сейчас поскорее закончили и заживили рану.

Он попытался не показать чувства нарастающего беспокойства, но Килиан все понял по тому, как мальчик судорожно сжимал рукоять скальпеля, надеясь, что священник не заметит этого.

— Я так и сделаю, сын мой, — тихо сказал Килиан. Он не обнаружил признаков боли у ученика, даже когда провел свободной рукой по лбу мальчика.

— Рана не беспокоит тебя, значит, это не она вызывает в тебе тревогу. Можешь мне сказать, что тебя беспокоит?

Мальчик, казалось, почерпнул силы в словах Килиана. Он с видимым усилием успокоил себя, когда Целитель перевернул его руку и надавил на края раны, чтобы расширить ее. Симон старался не смотреть на то, что делает Килиан.

— У меня странное чувство оттого, что я знаю, что разрез должен пульсировать и кровоточить, как заколотый поросенок. Но этого не происходит.

— А что, по-твоему, происходит? — настаивал Килиан, видя огорчение ученика. Симон прошептал:

— Когда вы углубились в рану, так, что края ее раздвинулись, мне почудилось, что это словно рот открылся, там, где его не должно быть. Я почувствовал ваше прикосновение и прохладу воздуха в ране там, где должно быть тепло. Вряд ли я смогу объяснить это.

Килиан улыбнулся одобряюще, он подумал, что Симон объяснил все очень хорошо,

— Мы исследуем твое восприятие при нашей следующей встрече, — обещал он. — А сейчас, я думаю, настало время залечить твою рану. Представь, что ты немного отпускаешь кровь, чтобы очистить порез. Мне бы не хотелось рисковать заражением. Не хватало еще, чтобы мой лучший ученик пострадал.

Комплимент имел желаемый эффект. Симону стало легче, он ослабил контроль над кровотечением, но одновременно продолжал контролировать боль. Он даже глазом не моргнул, когда Килиан осторожно ввел кончик пальца в еще кровоточащую рану. Затем Килиан несколько раз провел пальцем вдоль раны, пока она медленно не закрылась и от нее не осталось и следа. Сделав это, священник-Целитель задержал кончики пальцев еще на несколько секунд, тщательно закончив свою работу, так, что у Симона

не осталось ощущения неудобства, и наконец отдалился, неторопливо отойдя к краю кровати, чтобы помыть руки в тазу, специально приготовленном для этой цели. Все это время Симон следил за ним взглядом, полным благоговения. Он вытер руки и подошел, чтобы смыть небольшое пятно крови, оставшееся на ладони мальчика.

— А теперь вернемся к нормальному кровообращению и ощущениям, — сказал он мягко, положив свои руки на руки Симона, затем погладил мальчика по лбу, что послужило сигналом для возвращения в нормальное состояние.

— Сегодня ты хорошо выполнил работу, я вполне удовлетворен. Как твоя рука?

Симон моргнул и улыбнулся, медленно приподнимаясь на локтях и с удовлетворением рассматривая левую руку.

— Вполне нормально, а то, что я сделал, это на самом деле было не так уж трудно. Я знаю, что смогу сделать это снова.

— И ты действительно сможешь, — сказал Килиан, слегка коснувшись плеча мальчика, как бы успокаивая его. — И что более важно, ты сможешь научиться делать подобное для других. А теперь ты должен отдохнуть час до обеда. Это отняло у тебя больше сил, чем ты думаешь.

— Но я не устал.

— Ты пойдешь и поспишь час, — повторил Килиан, думая, что не обязательно подкреплять приказание, используя свой контроль. — Ты очень устал, но проснешься свежим после часа сна, с хорошим аппетитом перед дневной трапезой. Запомни все, чему ты научился. — Он улыбнулся Симону, увидев в ответ улыбку смирения и покорности на лице мальчи-

ка. — Ну вот, так-то лучше, я жду тебя завтра утром в это же время.

* * *

Приведенное выше типично для обучения молодых Целителей, которое давали в аббатстве святого Неота, по крайней мере на ранних ступенях. Вероятно, в ходе дальнейшего обучения послушники все лучше овладевают собственным телом, учатся контролировать его различные функции, с тем чтобы позднее перенести эти навыки на других людей — учеников в начале обучения, а затем наставников и на самих братьев по Ордену. По достижении определенного уровня знаний и умений, начинался практический этап обучения под руководством опытных Целителей, совсем как современные студенты-медики работают под руководством старших врачей. Более традиционное медицинское обучение также имело место, поскольку функции Целителей не так уж сильно отличаются от деятельности обычного врача; Целитель просто владеет силами, которые недоступны лекарям, не являющимся Дерини. Во многих областях обучение, полученное светскими врачами и военными хирургами, равноценно обучению Целителей, поскольку и военные хирурги, и Целители имеют дело с неожиданными травмами, шоком и элементарными хирургическими операциями. (В действительности, светским врачам разрешалось посещать занятия в аббатстве святого Неота, и они изучали там все, что могли). Хирург ведь, по сути, редко использует фармакологические средства, чаще всего ему требуются лишь успокаивающие и болеутоляющие. Он изучает простое наложение швов, знает

определенные травы, которые устраняют инфекции и даже снимают боль. Функции Целителей весьма схожи, но они используют исцеляющую силу, чтобы залечивать раны, не употребляя иголок и шелка, без наложения швов.

Однако никто из них не имеет преимущества, когда идет речь о серьезном заболевании, хотя Целители могут более точно определить состояние пациента и симптомы его болезни. Знание анатомии необходимо для любого. Это особенно важно для Целителя, поскольку его талант лечить повреждения при помощи магических сил основан на способности мысленно представлять организм в целостности, то есть таким, каким он должен быть.

В медицине определенные знания могут быть достигнуты при изучении собственного тела и коллег, но более полная информация может быть получена только при рассмотрении внутреннего строения человеческого организма. Какие-то знания можно приобрести, наблюдая за наставником-Целителем во время работы, но основные – только при детальном исследовании: при вскрытии трупов, как это делается сейчас в современных медицинских колледжах.

Сегодня мы воспринимаем эту ступень медицинского образования как нечто само собой разумеющееся, но нужно помнить, что даже в прошлом веке вскрытие человеческих останков было ограничено, вскрывать разрешалось только тела казненных. Тел для изучения не хватало, а те, которые позволяли анатомировать, к моменту, когда они попадали на стол для вскрытия, не всегда были нужного качества. Ужасные истории о грабителях, раскапывающих могилы недавно захороненных для продажи анатомам, и о похитителях тел, блуждающих по улицам Лондо-

на в поисках свежих трупов, были не просто плодом писательской фантазии, но отражали действительное положение дел в большинстве цивилизованных стран Европы.

Причин запрещения вскрытия трупов было немало. В свете наших сегодняшних представлений о человеческом теле они могут показаться неправдоподобными. Они исходили из религиозных и философских представлений о человеке, которые существовали у наших предков и предков Дерини. Последователи всех видов религий в обоих мирах имели твердые аргументы против такого рода практики. Считалось, что тело является вместилищем души, и поэтому его нельзя разрушать после смерти. Это считалось святотатством. Далее, церковь учила (и сейчас учит в соответствии с некоторыми верованиями), что после смерти каждого ожидает Страшный Суд и воскресение из мертвых. По этой же причине до недавних пор существовал запрет на кремацию, потому что тело, превращенное в пепел, не может предстать перед Богом на Страшном Суде.

Конечно, этот аргумент не принимает во внимание те тела, которые не могут быть погребены, хотя и не по собственной вине — погибшие в море и съеденные рыбами, или растерзанные дикими животными, или поглощенные пожаром. Также очевидна невозможность восстановления тела, которое подверглось разложению при погребении, когда кости в конце концов превращаются в прах и становятся частью почвы. Из почвы прорастают растения, которыми питаются животные, и тех в свою очередь съедает человек и снова воспроизводит себе подобных, несомненно, используя те же атомы и молекулы.

С другой стороны, если Бог способен воскресить людей во плоти в день Страшного Суда, если некий высший разум может выбирать для своих созданий телесные формы, тогда он может найти способ воссоединить все присущие данному индивидууму атомы и молекулы, то есть завершить свой план независимо от степени разрушения бывшего вместилища души.

Отношение гавриилитов к этой проблеме отражает тот же рациональный подход, несмотря на то, что официальная церковь не одобряла вскрытия мертвых. В стенах аббатства святого Неота стало обычной и приемлемой традицией отложить погребение умершего собрата, пока старший наставник не вскроет тело, чтобы ученики-Целители прошли на нем обучение. Это рассматривалось не как неуважение к мертвому, но, напротив, как последняя услуга, которую умерший мог оказать своим собратьям, отдавая свое тело следующему поколению Целителей для обучения.

Эти уроки принесли много пользы Килиану, хотя первый день его обучения на этой ступени подготовки Целителей оказался отмечен одной из самых мрачных трагедий в истории аббатства святого Неота.

Обучение Целителей: практические исследования

В анатомическом зале было тихо, когда Килиан и другие опоздавшие вошли и поспешили на свои места. На скамьях, расположенных ярусами, студентов было вдвое больше, чем Килиан когда-либо видел на обычном исследовании. События предыдущего дня всех ошеломили. Теперь здесь присутствовали все старшие послушники, небольшая кучка младших воспитанников, таких, как Килиан, и почти все учителя-Целители из школы.

В круглой аудитории стояла напряженная тишина, неожиданно она сменилась шорохом подошв из сандалового дерева, шелестом белых одежд учеников и зеленых шелковых мантий учителей, когда все поднялись при появлении настоятеля.

Отца Эмриса сопровождали двое наиболее уважаемых учителей-хирургов, один из которых был в зеленой светской одежде. Оба они остались у двери, когда настоятель прошел в зал. Белые драпировки покрывали то, что лежало на двух белых столах, высотой по пояс и занимающих весь центр зала. Эмрис прошел между ними. Чья-то бледная и дрожащая рука поправила край простыни, соскользнувшей с ближайшего стола.

Никому не надо было объяснять, что лежало под этой драпировкой, и тем более Эмрису. Менее чем двадцать четыре часа назад настоятель монастыря святого Неота выстрелил стрелой в сердце того, кто занимал теперь этот стол, это было намеренное и рассчитанное действие со стороны человека, который давал клятву никогда не отнимать человеческую жизнь. Не стоял вопрос о необходимости этого убийства, чрезвычайные обстоятельства оправдывали его, потому что тот, кто стал жертвой Эмриса, уже убил человека, лежащего на втором столе, и мог бы унести и другие жизни, если бы его так быстро не остановили. Но это не освобождало Эмриса от тяжелой моральной ноши. Немного удивляло, что духовник Эмриса Кверон наблюдал за каждым движением и выражением лица настоятеля с тревогой, стоя среди старших послушников, расположившихся на самом верхнем ярусе.

Если Эмрис и чувствовал испытующий взгляд Кверона, он не показывал этого. Держа руки скрещенными в рукавах своего белого одеяния, настоятель сделал два небольших шага по направлению к кафедре, чуть наклонив голову. Руки его были сложены, как для молитвы, — ладонь с ладонью перед грудью, — и собравшиеся в зале также поклонились. Через минуту Эмрис расправил плечи, намеренно глубоко вдохнул и выдохнул. Затем настоятель поднял голову и протянул руки к небесам, безмолвно обращаясь к Господу за благословением; затем его ладони изящным движением описали круг, точно собирая нити внимания аудитории. Тотчас мир и покой опустился на собравшихся, подобно снегопаду. В зале раздался тихий шелест, когда все повторили следом за ним священный магический знак.

Ничто в выражении его лица и физическом состоянии не выдавало, какое внутреннее смятение он, вероятно, переживал по поводу предстоящего вскрытия убитого им человека. Рассеянным жестом Эмрис пригласил всех присутствующих сесть. Еще раз послышался шорох шерстяных одежд и кожаных подметок. Тусклым взглядом оглядел он лица поверх ряс, терпеливо дожидаясь, пока все усядутся и в зале опять установится тишина. И наконец сказал:

— Не ожидайте от меня долгих объяснений по поводу вчерашних драматических событий. Я только скажу вам, что смерть унесла двоих наших братьев, и ныне мы все оплакиваем их. Отпевание было проведено, как требуют наши традиции. Что касается нашего покойного брата Келвига, я хочу заверить вас, что он умер в благодати Господней. Никакого обвинения не может быть выдвинуто против него в связи со вчерашними событиями, как бы ни были они плачевны. Что касается брата Ульрика, — здесь голос Эмриса на минуту упал, и он сделал глубокий вдох, прежде чем продолжил. — В наших горячих молитвах мы поминаем Ульрика как сына во Христе и считаем, что он тоже умер в милости Господней, хотя и потерял временно контроль над своим сознанием. Глубинные причины этого отклонения сейчас рассматриваются, и соответствующие меры будут приняты.

Когда Эмрис подал знак двум хирургам присоединиться к нему, Килиан понял, что дальнейших пояснений о том, что случилось, не будет.

— Таким образом, мы переходим к заключительному исследованию наших усопших братьев, — продолжал Эмрис, и его голосу вернулась обычная живость. — Сегодня вечером, после торжественной зау-

покойной мессы, их останки будут упокоены в священной земле по нашему обычаю. Сегодня утром отец Торстейн составил список тех, кто был выбран в помощь лорду Дову и брату Джурису. Если ваше имя будет названо, то спуститесь, пожалуйста, сюда для выполнения необходимого задания. Если ваше имя не назовут, оставайтесь там, где находитесь, пока мы не решим, сколько свободных мест осталось в наличии.

К удивлению Килиана, он услышал свое собственное имя среди четырех, назначенных ассистировать лорду Дову, хотя он только должен был держать поднос с инструментами. Старший послушник по имени Томан будет оказывать любую помощь, которая может потребоваться лорду Дову. Однако Килиан совсем не ожидал, что его вызовут. Он был дважды до этого на помосте, но только для того, чтобы следить за огнем, освещающим рабочее поле, — традиционное первое назначение для самых младших послушников, которое позволяло присутствовать при вскрытии. Держать инструменты разрешалось обычно только старшему послушнику, это назначение предписывало стоять у локтя учителя, что позволяло наилучшим образом рассмотреть все происходящее.

Довольный Килиан собрал инструменты и встал рядом с лордом Довом, хотя в желудке у него что-то странно бурчало и сжималось, когда он осознал, что Дов уже повел предназначенных ему помощников к столу, где лежало тело Ульрика, его товарища на протяжении нескольких лет ученичества.

«Я не опозорюсь, — твердил он про себя. — Я буду беспристрастным. Я не опозорю своих учителей.»

— Я поставлю только одно условие при вскрытии, — сказал тихим голосом Эмрис, испугав Килиа-

на своим неожиданным появлением у изголовья покрытого белой тканью стола. — Я сам буду ассистировать лорду Дову, и только я дотронусь до головы.

С легким поклоном темноволосый Дов велел ассистирующему Томану помочь ему снять драпировку, покрывающую тело, и раскрыть его до пояса. Другой старший послушник едва сдержал дрожь, когда взглянул в лицо погибшего товарища. Они с Ульриком были близкими друзьями. Второй старший воспитанник сильно побледнел и с шумом сглотнул. Килиан тоже вздрогнул при взгляде на стрелу, которая все еще пронзала неподвижную грудь Ульрика — гораздо более горькое напоминание того, что случилось, чем невредимое тело Келвига, также выставленное напоказ Джурисом и Торстейном на столе перед ними. Потому что Келвиг был поражен магией — не менее роковым оружием, чем стрела, которая унесла жизнь Ульрика, но более коварным, не оставляющим физических следов. Его тело не имело никаких внешних травм, которые можно было исследовать, поэтому Джурис сразу начал вскрывать грудную клетку, делая знак своим младшим ассистентам поднести огонь ближе.

— В начале вскрытия я сказал, что мы остановим свое внимание на ране умершего, — проговорил лорд Дов обычным лекторским тоном, быстро оглядев наблюдающих на галерее. — Я воспользуюсь ею, чтобы продемонстрировать, как иметь дело с подобной раной у живого пациента. Применение в боевых условиях подобной процедуры неминуемо, хотя нет смысла спорить, что подобное ранение оказалось бы смертельным, даже если бы целая команда врачей взялась лечить его, как это ни печально. После вскрытия грудной клетки мы изучим размеры внут-

ренних повреждений и на практике подтвердим то, что вы вчера уже узнали из лекции: стрела пронзила сердце и частично повредила сосуд, называемый аортой, то есть нанесла повреждения, не поддающиеся излечению. Теперь о примененном оружии.

С подноса, который держал Килиан, Дов взял охотничью стрелу и продемонстрировал ее так, чтобы все видели.

— Эта стрела имеет наконечник такой же, как и та, что мы собираемся извлечь. У нее острие с зубцами. То есть это плоский наконечник с зазубринами, как у любой стрелы, которую можно встретить на поле боя. Из-за того, что зубцы направлены назад, она не может быть вынута без дополнительных повреждений. — Он продемонстрировал это, протянув стрелу через свой полузакрытый кулак. — Если бы рана была в мягких тканях руки или ноги, что не угрожало бы жизни, вы могли бы направить стрелу по направлению зубцов, а не против, и протолкнуть ее наружу. К сожалению, по понятным причинам, такой прием не подходит для большинства ран. И поскольку туловище представляет собой гораздо большую мишень, чем рука или нога, вы сами можете догадаться о результатах военной статистики. Это означает, что необходимо вырезать наконечник из раны, желательно с наименьшей дополнительной травмой для пациента. Итак, сегодня я хотел бы продемонстрировать типичную процедуру хирургического удаления подобного предмета. Предположим, что рана не смертельная, и что вы уже усыпили пациента, заблокировали боль и знаете, как избежать шока, который является главной опасностью при таком ранении. Если вы будете действовать быстро и вам повезет, то, может быть, вам удастся залечить эту

потенциально смертельную рану, прежде чем ваш пациент истечет кровью. Огня, пожалуйста. — При этой команде старший и младший послушники, назначенные для этого, представили два ярких шара, направляя их свет на рану вокруг стрелы, но не на хирурга. Кивнув с одобрением, Дов выбрал скальпель на подносе и с его помощью увеличил нижний край входа в рану на ширину пальца. Средним пальцем левой руки исследуя ход стрелы, он правой придерживал ее древко.

— Теперь, чтобы у меня было больше простора для работы, обратите внимание, как я сделал небольшой надрез, чтобы слегка расширить рану, — продолжал Дов. Его отсутствующий взгляд говорил о том, что в это время он своим особым чувством, присущим только Дерини, исследовал рану.

— Теперь я буду одним пальцем придерживать древко, пока не локализую зубцы, и тогда у нас будет больше возможности для дальнейших действий.

Снова сверкнул скальпель, когда Дов наполовину увеличил первоначальный надрез.

— Теперь лучше. Есть вопросы?

Один из старших послушников со среднего яруса крикнул:

— Наставник, не опасно ли так увеличивать рану?

— И да, и нет, — ответил Дов, продолжая исследовать пальцем разрез. — Это означает, что вам придется больше сил потратить, чтобы залечить рану. Но еще опаснее не достать наконечник, так как легче исцелить разрез, чем рваную рану. Между прочим, имейте в виду, что все время, пока вы будете пытаться что-то сделать, пациент будет истекать кровью. Поэтому вы не можете положиться на зрение. При вскрытии это не так важно, так как мы заранее уби-

раем кровь. А вот и один конец наконечника. Теперь другой...

— Вынимая стрелу из раны и используя внутреннее зрение, я одновременно постоянно держу под контролем состояние пациента и готовлюсь к заживлению раны. Хороший Целитель уже мог бы начать остановку кровотечения и предварительно стянуть ткани, хотя палец все еще в ране. Затем, медленно вынимая палец, я одновременно продолжаю залечивать рану. Она закроется за мной, как только я уберу палец. Во всяком случае, если наш пациент жив. — Свои слова он пояснил действиями, плавно выводя палец из раны, на месте которой теперь оставалось темное отверстие, так как сила Целителя не могла подействовать на ткани, из которых ушла жизнь.

Неожиданно Килиан поймал себя на мысли, что больше всего ему сейчас интересно, что случается с кровью, вытекающей из мертвых тел. Он никогда раньше даже не задумывался над этим. Ведь только вчера в этом теле было столько крови. Куда она делась?

Ужас сковал его, когда он увидел, что Дов, положив инструмент на поднос, задумчиво смотрит на него, видимо, уловив вопрос в его сознании. Он еще больше ужаснулся, когда Эмрис прокашлялся и, прикрыв чистой салфеткой лицо Ульрика, заговорил о том же:

— Мне кажется, что некоторые из вас плохо себе представляют, что происходит с кровью, когда тела готовят для вскрытия. — Сотни глаз были прикованы к настоятелю в этот момент, и Килиан понял, что не его одного интересовал этот вопрос.

— Существует мнение, будто нам, Дерини, для магических действий нужна кровь. Нас даже обвиня-

ют в том, что мы якобы похищаем детей и приносим их в жертву в определенных целях. Это, конечно, нелепо, но некоторые люди могут поверить во все, чего они не понимают или боятся. И поскольку мы с вами относимся к Ордену, который обладает некоторыми тайными знаниями, в том числе и связанными с кровью, считается, будто мы что-то скрываем. И это, по мнению людей, неправильно... Добавьте к этому, что многие вне этих стен считают вскрытие святотатством и выражают недовольство по поводу того, что каждый гавриилит делает для Ордена, завещая свое тело для исследования, на котором будут учиться будущие Целители.

— Конечно, мы не считает это святотатством. Если мы испытываем уважение к телу как к храму, где обитает душа при жизни, то тем более мы должны уважать душу и разум, которые когда-то были в этом теле. И если это тело поможет живущим получить новые знания во славу Господа и для исцеления его созданий, что может быть лучше этой памяти, оставляемой душой! Что же касается вопроса, почему мы убираем кровь из тела, — продолжал Эмрис, — это вопрос удобства. Мы делаем это для того, чтобы приостановить разложение и чтобы кровь не препятствовала демонстрации наших действий во время вскрытия. Мы возвращаем кровь земле, как это и произошло бы, если бы она осталась в теле, которое будет погребено. Вы знаете, что мы, в аббатстве святого Неота, хороним наших мертвецов в подземной часовне, в склепе. Там же имеется специальный резервуар, высеченный в скале. Поскольку тело — тоже священный сосуд, мы считаем правильным, что кровь, когда-то наполнявшая его, должна вернуться в землю подобным образом.

Объяснение успокоило и приободрило Килиана, как и многих других присутствующих. Теперь они знали, что стоит за этим обычаем. Затем лорд Дов выбрал короткий острый инструмент на подносе у Килиана и без каких-либо предварительных предупреждений начал вскрывать грудную клетку Ульрика от горла до пояса.

Килиан заставил себя стоять не двигаясь во время этой процедуры, концентрируя свое внимание на подносе, который он держал, а не на хирургическом столе. Он и ранее видел вскрытую грудную клетку, но сейчас перед нам был его ровесник, которого он хорошо знал. Килиану помогло то, что Эмрис накрыл лицо Ульрика салфеткой, а вот старший послушник, освещающий место работы, побледнел и заслужил неодобрительный взгляд Дова, когда сила его концентрации ослабла и свет начал колебаться. Послушник Гомон один оставался хладнокровным в течение всей процедуры, даже когда его попросили осушить кровь, скопившуюся в грудной клетке.

— Сейчас мне хотелось бы привлечь ваше внимание к сердцу, — сказал Дов, демонстрируя этот орган. — Теперь, когда мы закончили эту часть нашего обсуждения, можете подойти поближе и посмотреть.

На столе работа приостановилась, так как Торстейн и Джурис вместе с ассистентами подошли к Дову. Наблюдающие с ярусов также приподнялись со своих мест.

— К сожалению, я значительно увеличил повреждения во время извлечения наконечника стрелы, но вы можете также посмотреть другие органы. — Дов продолжил, слегка приподняв сердце одной рукой так, чтобы зонд мог пройти через вход и выход раны, — Вот путь стрелы через сердце, вы также можете

видеть, как повреждена аорта, как и указывалось в предварительных лекциях. Это объясняет большое количество крови, обнаруженное в грудной клетке.

— В этом конкретном ранении есть одна особенность — оно нарушило кровоснабжение мозга и вызвало мгновенное отключение сознания, — сказал Дов. Послышался металлический звук. Это Дов положил зонд на мраморную крышку стола и обвел взглядом аудиторию.

— Такое отключение мозга сделало его обладателя, гонимого безумием, неспособным к дальнейшим действиям, грозящим гибелью окружающим. В результате через несколько секунд последовала смерть. Он не страдал, — добавил он более тихим голосом, пристально глядя на Эмриса, который стоял со склоненной головой, обхватив края стола по обе стороны головы умершего, пальцем прижав к крышке стола сломанные древко и наконечник стрелы.

Ни один гавриилит не отважился бы сказать то, что произнес сейчас Дов, в присутствии человека, который сделал это, а теперь стоял у неподвижного тела мальчика, держа в руках орудие, которым убил его. Несомненно, он чувствовал вину за то, что нарушил клятву не отнимать чужой жизни, даже если таким образом он спас десятки других.

Лорд Дов, хотя и прошел обучение у гавриилитов, не был одним из них, он был светским Целителем и не давал клятву верности и подчинения своему настоятелю, как монастырские братья. Под его пристальным, почти вызывающим взглядом Эмрис медленно поднял глаза. Килиан, все еще стоящий у локтя Дова, чувствовал энергию, напряженно пульсирующую между этими двоими, но не мог заставать себя сделать даже шаг в сторону,

— Я знаю, что он не страдал, — мягко сказал Эмрис, так, будто, кроме них двоих и мертвого Ульрика, в зале никого не было. — Я знал это, когда посылал стрелу. Я также сознавал, что убить его как можно скорее и точнее — даже в нарушение клятвы — было значительно лучше, чем позволить ему погубить еще больше наших бесценных Целителей.

Его плечи слегка вздрогнули, когда он посмотрел на изрезанное сердце в руках Дова, и его взгляд опять ушел куда-то внутрь, где он видел что-то, только ему одному известное.

— Да, я это знал, Дов, — прошептал снова Эмрис. — И знаю сейчас. Но мое сердце оплакивает эту необходимость. О, как оно скорбит! Вы должны дать мне время, чтобы залечить мое сердце, которое не менее изранено, чем то, которое вы сегодня так искусно нам показывали.

Эмрис плотно закрыл глаза, из уст его вырвалось беззвучное рыдание, и он едва удержался на ногах. Дов инстинктивно протянул руку, чтобы поддержать его, и неосторожным движением оставил красновато-коричневое пятно крови на белоснежной одежде Эмриса.

Но прежде чем кто-либо осмелился вмешаться, Эмрис глубоко вздохнул и распрямил плечи, как бы отклоняя помощь. Кивнув своей серебристо-белой головой, он поднял глаза на Дова.

— Спасибо, — пробормотал он. — Мне уже лучше. Думаю, мы можем продолжить исследование. Вы согласны? Пожалуйста, и вы, Торстейн, Джурис тоже.

И с мужеством, которого не встречал еще Килиан, аббат поднял глаза на охваченную благоговейным страхом аудиторию.

— У нас здесь молодые Целители, которые должны учиться у старших, и старшие, которые уже многому научились у более опытных.

Каким-то магическим образом слова Эмриса вернули в анатомический театр его обычную атмосферу спокойного уважительного внимания. После того как Дов извлек легкие и коротко рассказал об их общем строении и функции, сам Эмрис продемонстрировал систему кровообращения и рассказал о ней, с обычной своей скрупулезностью расспросив восхищенных слушателей у стола и на ярусах, а затем к обсуждению органов пищеварения перешел Торстейн.

Пока Торстейн читал лекцию, Дов продолжил вскрытие тела Ульрика.

Временами Килиан думал о лице, накрытом салфеткой, но в основном его внимание было поглощено тем, что делал хирург Дов. Постепенно он обнаружил, что больше не отождествляет тело, лежащее перед ним, со своим товарищем. В конце концов, полость, раскрытая перед ним, перестала вызывать в душе прежние чувства, теперь она представлялась ему чем-то, внушающим благоговение. Каждая структура организма казалась изысканным творением искусства. Вот чему была посвящена работа Целителя, и именно этому и Килиан, и все собравшиеся в аудитории обещали служить всю свою жизнь.

Когда рассечение и вскрытие туловища было закончено, наблюдающим с галерей было позволено спустишься и изучить работу; были вызваны новые группы старших послушников, и они по очереди вскрывали члены.

Под контролем хирургов студенты обнажали основные мышцы, кровеносные сосуды и нервы, что

сопровождалось комментариями Эмриса и Джуриса. Хотя, по традиции, вскрытие включало и рассмотрение головы и шеи, лица Келвига и Ульрика оставались закрытыми, и никто не спрашивал разрешения открыть их.

После полудня занятия были посвящены академическому обзору того, что было проделано утром, некоторые старшие наставники учили студентов по двое и по трое делать обзор конечных результатов вскрытия. Затем тела были снова собраны с величайшей осторожностью, кровь смыта, внутренние органы водружены на место, грудные клетки и брюшные полости плотно скреплены чистыми белыми повязками. Также перебинтовали и все члены тела, только головы все еще были выставлены для обозрения.

Когда все это было сделано, останки брата Ульрика одели в полное облечение гавриилита — хотя Ульрик не успел дать последней клятвы — за исключением только значка в виде ладони на зеленом фоне, с восьмиконечной белой звездой, который украшал одежду Келвига.

Ульрик был Целителем, хотя и не посвященным. И поэтому в его гроб положили зеленую мантию Целителя, прежде чем опустить туда бренное тело. Плечи его с любовью окутали шерстяной тканью, на которой был красовался знак Целителя — белая ладонь с зеленой восьмиконечной звездой — обратная сторона эмблемы гавриилитов. Ульрик заслужил это право, потому что был Целителем — Целителем, подававшим большие надежды.

Черная магия

Люди в своем невежестве всегда были склонны считать всю магию Дерини черной, и что их сила исходит из сатанинских источников, а мотивы их поступков — из дьявольских побуждений. Те, кто обладают непосредственными знаниями и опытом в магии, независимо люди они, или Дерини, знают, что дело не в этом, что сила, полученная с помощью магии, так же, как и любая другая сила, не является злом или добром сама по себе; место, которое отводится ей моралью, зависит от цели, с какой она будет использована.

Морган так объясняет это Дугалу:

> — Магия имеет дело со всепокоряющей силой, которая неприемлема для людей. Что такое сила, попытаюсь объяснить по-другому. Сила существует. Правильно?
>
> — Конечно.
>
> — Я думаю, что ты даже добавишь, что существует много видов силы, что сила может иметь много источников. Да?
>
> Дугал кивнул.
>
> — Хорошо. Возьмем тогда огонь, как пример одной из сил, — продолжал Морган. Он быстрым движением потер ладони и, протягивая их к холодному очагу, оглянулся на Дугала.

— Огонь можно использовать с полезными целями. Он дает нам свет, как эти факелы на стене, — он показал на них движением подбородка, — и он может обогреть жилище.

Движением мысли он послал пламя, и от него ярко запылали лежащие в очаге дрова. Дугал присел и пристально посмотрел на огонь.

— Как ты это сделал?

— Думаю, достаточно пока просто признать, что я сделал это, — ответил Морган, — и что осветить или обогреть комнату — это прекрасно. Но огонь может быть и разрушительным, когда он используется во зло. Он может спалить дом или накалить железо, с помощью которого у человека отнимут зрение... Так что такое огонь — добро или зло?

— Ни то, ни другое, — осторожно ответил Дугал. — Все дело в том, как его использовать. Тем же самым раскаленным железом, которое стоило твоему другу зрения, можно было бы прижечь рану.

Морган кивнул, довольный,

— Да, можно было бы. О чем это говорит?

— Что именно то, как используется сила, делает ее созидающей или разрушающей. — Дугал задумался на минуту. — И вы утверждаете, что то же самое касается и магии?

— Точно.

— Но священники говорят...

— В последние двести лет священники говорят то, что им велено говорить, — быстро возразил Морган. — Дерини не всегда подвергались преследованиям, и до недавних пор не всякая магия была проклятием. Черная магия — сверхъестественная сила,

применяемая в разрушительных и корыстных целях, всегда осуждалась праведниками. Но те, кто умел покорять сверхъестественную силу во благо человека — для исцеления и защиты от злоупотребления силой, — традиционно назывались волшебниками и божьими избранниками. Их также называли Дерини.

— Но ведь были и Дерини, причиняющие зло, — возразил Дугал. — И сейчас еще есть. Как насчет Кариссы и Венцита?

— Они были Дерини, которые использовали свой дар во зло. Но сам дар... — Морган вздохнул. — Как ты думаешь, я злой человек?

Лицо Дугала застыло.

— Нет. Но говорят...

— Что говорят, Дугал? — прошептал Морган. — И *кто* говорит? Думаешь, их и впрямь интересует, *что* я делаю — или только *кто* я такой?!

(«Сын епископа»)

Итак, ясно, что мотивы использования и само использование силы — вот что определяет ее мораль. Все же есть магические силы, в которых даже Дерини не уверены. Мы уже упоминали беспокойство Джорема по поводу перевоплощения, потому что оно влечет за собой обман. Еще более спорный вопрос — о настоящей черной магии (колдовстве).

Плененные души

Когда Дерини говорят о пленении душ, они не имеют в виду классическую продажу души дьяволу в обмен на земные блага. Пленить душу означает не

дать ей покинуть мертвое тело, препятствуя переходу во власть астральных сил, которые проведут ее за Врата Смерти в Нижний Мир (преисподнюю), чтобы там она предстала перед Священным Присутствием.

Нам нигде не говорится, как именно это делается, но есть описание случаев, когда Дерини признают, что это было сделано, и принимают меры, чтобы снять колдовские чары. Дункан признает «определенный отпечаток зла», когда осматривает мертвое тело короля Бриона, изменившее свои формы. То, как он снимает чары, подтверждает если и не изначально присущее им зло, то, во всяком случае, дурные намерения того, кто их наложил.

> Дункан глубоко вздохнул и медленно положил руки на лоб трупа. Через несколько секунд его глаза закрылись, дыхание стало более поверхностным.
>
> Теперь дыхание Дункана еще более участилось, капли холодного пота покрыли лицо и руки, несмотря на ледяной холод склепа. Мальчик и Морган видели, что тело под руками Дункана начало дрожать, сотрясаться, а затем приняло неясные, расплывчатые очертания. Наконец Дункан глубоко вздохнул и ненадолго застыл, и в ту же минуту черты лица умершего опять превратились в знакомое лицо Бриона. Дункан убрал руки и с бледным измученным лицом отошел от гроба.
>
> — С тобой все в порядке? — спросил Морган, подходя к гробу, чтобы поддержать своего родича.
>
> Дункан слабо кивнул и сделал над собой усилие, чтобы отрегулировать дыхание.
>
> — Это было ужасно, — прошептал священник. — Он не был полностью свобо-

ден, и сила, удерживающая его, была немалая. Когда я освободил его, я почувствовал, что он умер. Это было непередаваемо.

(«Возрождение Дерини»)

Реакция и комментарии Дункана заставляют задуматься, что же это такое — пленение души: просто пассивное пребывание ее в заточении или такой уровень сознания, на котором душа жертвы вынуждена постоянно снова и снова переживать свою смерть, пока удерживающая сила не отпустит ее. Как жестока эта бесконечная петля воспоминаний! Такую судьбу пожелала своему мертвому врагу жаждущая мщения Карисса. Когда-то он убил ее отца и отнял у него трон, который по праву принадлежал бы ему, а потом и ей.

Скорее всего Карисса тщательно спланировала свою месть заранее, и предварительное пленение души началось тогда, когда Брион выпил ее зелье. Это зелье, тонкое и коварное, дало ей возможность приостановить функции организма и на некоторое время удержать в теле искру жизни.

В этом смысле, возможно, Брион не был по-настоящему мертв, когда он, казалось, испустил дух на руках сына. Возможно, в это время он находился между жизнью и смертью, может быть, даже смутно сознавал, что происходит вокруг него. Но сознавая, что близкие готовятся к погребальному обряду, он лежал беспомощный, не в силах дать им знать о своем состоянии.

Дункан мог бы распознать, что случилось, если бы ему позволили увидеть тело. Но Джехана запретила это, потому что связывала Дункана с ненавистным ей Морганом. Она позволила придворным вра-

чам исследовать тело мужа, но они просто подтвердили первоначальный диагноз сердечного приступа, что, как указывает Нигель, является в конечном счете причиной любой смерти. Учитывая спешку, с которой Брион был погребен, можно предположить, что его тело не бальзамировали и не вскрывали. Это, несомненно, утешает, поскольку мы не знаем, насколько чувствительной может быть жертва в таком состоянии.

Итак, Брион оставался в таком положении — неподвижный, в теле, которое уже никогда не будет живым, глухой и слепой, но по-прежнему пребывая в сознании на каком-то более глубоком уровне — возможно, в течение нескольких дней, пока однажды ночью его не посетила сама Карисса. Возможно, в это время его тело все еще лежало перед алтарем собора Ремута, а душа так и не могла найти спасения в смерти. А затем было еще одно посещение Кариссой его гроба. В это время тело уже было помещено в Королевский склеп под собором; возможно, он даже сознавал на некоем глубинном уровне, когда крышка саркофага захлопнулась над ним во мраке. На этот раз Карисса пыталась изменить его физический облик, так, что если бы и нашелся кто-то, кто не побоялся бы исследовать тело и выяснить, что же случилось на самом деле, было бы слишком поздно.

Ужасный план! Но, увы, как это похоже на Кариссу! Это совпадает со словами Ивейн о ее отце, когда он рассказывает, как она и Джорем обсуждали, сможет ли он осуществить неизвестное заклинание для временного прекращения жизненных процессов. Может быть, и сама Карисса была более сведущей в магии, чем мы предполагали. Могла ли она знать, как использовать это колдовское заклинание, чтобы

удержать тело Бриона от разложения до тех пор, пока она не сможет извлечь из него душу и окончательно пленить ее? Если знала, то вряд ли ее остановили бы те сомнения, которые были у Камбера, когда он мучился вопросом, может ли он применить это заклинание к умирающему Райсу и имеет ли он, вообще, право принять такое решение, когда дело касается чужой души. Последствия этого заклинания распространяются на разные уровни, и действие его таково, что оно вполне оправдывает свое название запретного.

В любом случае, Ивейн и Джорем хорошо понимают скрытый смысл того, что произойдет, если заклинание сработает, и что произойдет, если Камбер лежит перед ними не мертвый, а лишь с временно заторможенными функциями организма, и в любую минуту может неожиданно выйти из этого состояния.

Так, Джорем говорит:

> — Не могу представить, что может быть ужаснее, чем прийти в сознание в могиле, понимая, что тебя похоронили заживо.
>
> — А я представляю, — пробормотала Ивейн, не глядя на него. — Куда хуже оказаться привязанным к телу, которое на самом деле мертво — и разлагается.
>
> *(«Скорбь Гвиннеда»)*

Не всегда причина плененния души такая, как в случае с Брионом. Известен другой пример, когда Камбер и Джорем находят мертвого Элистера Келлена в руках Эриеллы через час после его смерти. Но всегда пленение души — это результат коварства. Холод пронзил Камбера, когда он преклоняет колени у

поверженного Элистера и кладет свои руки на лоб умершего.

> — Будь проклят тот, кто это сделал! — воскликнул Камбер, чувствуя, что Элистер не мертв. Тело его было сражено смертью, но какая-то часть существа оставалась, разлученная с телом так, что воссоединение было невозможным, и все же удерживаемая по чьему-то злобному умыслу. Не могло быть возврата этой части существа в тело, потому что узы, связывающие их, были разорваны, нарушена серебряная нить, соединяющая их. Тело уже делалось безжизненным, и вместе с теплом жизни из него уходила память.
>
> *(«Святой Камбер»)*

В данном случае у нас не остается впечатления, что Келлен продолжает страдать (как это было с Брионом). Мы не видим желания освободить его, как это было у Моргана и Дункана у гроба Бриона. Сильно обеспокоенный тем, что он обнаружил, Камбер тем не менее не торопится. Он основательно обдумывает причины смерти Эриеллы, хочет заручиться поддержкой сына в том, что он решил сделать, раздумывает, как лучше принять в себя память Келлена, чтобы в дальнейшем объединить два сознания, прежде чем полностью освободить Келлена.

> Он тщательно просмотрел своим внутренним зрением, что еще удерживало Элистера. Он ощутил их, эти тонкие нити, ослабил и освободил их силой своей любви, как до этого высвободил другие — следы скрытой борьбы, которая, как заметил Джорем, не всегда убивает сразу. Казалось,

сам воздух вокруг просветлел, когда последнее заклинание было нейтрализовано. Затем он обратился с прощальными словами к Келлену, своему бывшему спутнику и противнику, другу и брату. Когда он открыл глаза Джорем стоял около него:

— Он...

— Он упокоился в мире, — мягко сказал Камбер.

(«Святой Камбер»)

Неумолимой судьбой положение Келлена было связано с Эриеллой. Она тоже умерла не без использования силы Дерини. «Мы, Дерини, никогда не умираем просто», — говорит отцу Джорем. И Келлен и Эриелла боролись насмерть — и Эриелла победила.

Ранее мы видели, что сделал Келлен: он вложил всю свою оставшуюся силу в меч и с последней отчаянной молитвой пронзил им Эриеллу. Неизвестно, как это ему удалось и как долго он сам оставался в сознании. Мы видим конечный результат этой борьбы в описании Камбера, сделанном почти сразу после смерти Эриеллы.

Эриелла лежала, тяжело упав поперек дерева, пронзенная мечом. Не веря своим глазам, Камбер опустился рядом с ней на колени и добавил света. Он увидел, что это был михайлинский меч Келлена с выгравированными на лезвии священными знаками. Он перекрестился. Это было нелишне, учитывая, что здесь произошло. Затем он внимательно осмотрел женщину. Вначале он подумал, что она просто старалась избежать удара мечом — ее мертвые пальцы почти касались стального лезвия, и было

понятно, что она даже боролась перед смертью. Но затем он ближе рассмотрел ее руки и, увидев, что они лежали не на мече, неожиданно догадался, что она хотела сделать. Теперь уже мертвые руки все еще были сложены на груди в виде чаши, а застывшие пальцы были изогнуты так, как требует одно из почти невозможных, легендарных заклинаний...

Он глубоко вдохнул и легко пробежал руками над поверхностью ее тела, не касаясь его, стараясь прочувствовать его. Затем он вздохнул. Ничто не удерживало жизнь в этом разрушенном теле. Заклинание, поддерживающее жизнь, в которое она вложила всю свою оставшуюся силу, не подействовало. Сила и жизнь ушли из тела. Эриелла, в отличие от Келлена, была действительно мертва.

(«Святой Камбер»)

Заговоренные мечи

Эриелла была в конце концов убита заговоренным мечом Элистера Келлена, который тот изо всех сил метнул в нее за миг перед гибелью. Это, по-видимому, это был какой-то особый заговор, известный только михайлинцам, потому что несколькими годами позже его же использует Джебедия. Но, впрочем, Камбер знает, как лишить его силы. Обернув руку несколько раз полой одежды, Камбер вынимает меч из тела Эриеллы.

Меч задрожал, когда он коснулся его, несмотря на несколько слоев шерстяной ткани между рукой и рукояткой оружия, и издал глубокий монотонный звук, когда

Камбер вытаскивал его. Он тихо произнес заклинание, отгоняющее все страхи, и прикоснулся губами к священному лезвию. И сразу же клинок стал обычным мечом.

(«Святой Камбер»)

Много лет спустя во время своей последней битвы Камбер и Джебедия использовали заговоренные мечи. Удвоив силу последнего заклинания настоящего Элистера, Камбер-Элистер сконцентрировал всю оставшуюся энергию в мече, вонзил его левой рукой в противника, мгновенно убив его, то есть одновременно нанеся физическое ранение и поразив его магической силой. Джебедия, наоборот, использовал другой прием. Он не вонзил меч в тело врага, а направил сгусток энергии вдоль лезвия. Казалось, что вся поляна вспыхнула светом. Когда Камбер пришел в себя, Джебедия лежал на снегу, «его окровавленная рука сжимала странно светящийся меч». *(«Камбер-еретик»)* Когда к Камберу вернулась способность анализировать случившееся, он почувствовал «остаток действия черной магии» и неожиданно догадался, откуда она исходила.

Когда он подобрался к едва двигающемуся Джебедия, он увидел меч, лежащий около магистра в подтаявшем снегу; он знал, что, если дотронуться до меча, он будет теплым:

— Господи, что ты сделал? — прошептал он.

Джебедия вдохнул, не разжимая зубов, и, собрав последние силы, улыбнулся, взглянув на Камбера.

— Только не говорите, что мое волшебство вам незнакомо, — пробормотал он. —

Боюсь, получилось небезупречно, но в противном случае ваш дружок убил бы вас.

— *Небезупречно? Что ты сделал?*

— Небольшое перемещение энергии. Беспокоиться не о чем.

(«Камбер-еретик»)

«Небольшое перемещение энергии» — так называет это Джебедия. Но он чувствует, что именно это перемещение энергии могло вызвать моральные сомнения Камбера. А может быть, он думает об Элистере в момент, когда жизнь уходит от него и он умирает на руках человека, так похожего на его старого друга, которого действительно могло бы оскорбить использование приема, который Камбер, возможно, назовет просто «подходящей» магией. О чем он конкретно думал, мы никогда не узнаем.

Запретное заклинание

Мы уже упоминали так называемое запретное заклинание, которое многие считали просто легендой. Это заклинание, которое приостанавливает жизнь и удерживает ее в теле. Мы уже размышляли о том, как этим можно злоупотребить.

Мысль об этом заклинании преследовала Камбера с тех пор, как он увидел доказательства того, что Эриелла пыталась наложить эти чары в день «его» (Элистера) смерти.

Мы знаем, что он продолжал тщательные поиски формулы заклинания и в последующие годы, просматривал записи в древних книгах, собранных в Грекоте. И к тому моменту, когда Райс лежал умирающим у него на руках, он нашел ее. Конечно, жела-

ние использовать заклинание было для него сильным искушением.

> У него проснулась надежда. Он-то знал, почему попытка Эриеллы не удалась, по крайней мере, теоретически. Рискнуть стоило, любой риск был оправдан теперешним состоянием Райса. Если бы удалось ненадолго вернуть хоть проблески сознания, он бы помог ему сделать работу. Заклинание даже не требовало наличия способностей Целителя. Позже он позаботился бы о том, как вывести Целителя из стазиса заклинания. Это он тоже знал в теории.
>
> Но Райс не приходил в сознание, и если бы и пришел, возможно, не согласился бы на такой отчаянный шаг. Целитель вовсе не был ярым консерватором, как Джорем, и тем не менее тут была этическая проблема. Имел ли Камбер право принять решение даже за такого близкого ему человека, как Райс?
>
> Он все-таки решил попробовать. В конце концов, это лишь немногим больше, чем обычное заклинание, накладываемое на тело, чтобы остановить его разложение, только и требовалось — сохранить в нетленном теле душу... всего-навсего. Прервав бесплодные споры с самим собой, Камбер сделал осторожную попытку проверить, можно ли применить заклинание к бессознательному Райсу. И тут же понял, что опоздал, жизнь навсегда покинула это тело.
>
> *(«Камбер-еретик»)*

В следующий раз, когда Камбер столкнулся с такой же дилеммой, он не позволил смерти остановить его. После боя, когда умер Джебедия, перед

смертью примирившись с настоящим Элистером Келленом, чувствуя, что жизнь покидает его, Камбер вспоминает все другие смерти на поляне в Йомейре и особенно Эриеллу, ее «пальцы, застывшие в положении, которое было необходимо для запретного заклинания».

> Ее попытка не удалась, и Камбер знал, почему. Он едва не использовал это заклинание для Райса и был уверен в успехе, сейчас он понял, что тогда не следовало привлекать магию. Никто не вправе решать за других.
>
> Но заклинание все-таки существовало. Снова и снова его мысли описывали один и тот же круг — Джебедия, Элистер, Эриелла и заклинание. Он был не в силах вырваться.
>
> Тот, кто произносил заклинание, действительно не умирал? Или только получал доступ к миру, который Камбер уже дважды видел? Однако просто сдаться смерти, по крайней мере сейчас, значит не получить ответа, хотя он никогда не боялся умереть, считая, что в свое время будет готов к ней. Существовал еще один вопрос: есть ли какая-то определенная причина, по которой ему дарован доступ в иной мир?
>
> В минуту озарения он все понял. Понял, почему попытки Эриеллы окончились неудачей, понял большую часть плана Создателя, в котором он сам был только звеном.
>
> Он понял и причины того, почему может быть дарована милость не умереть, а войти в иное, призрачное царство, где можно служить Господу и человеку иным способом. И именно ему было ниспослано знание того, где можно совершить этот пе-

реход, чтобы впоследствии служить силам Света.

Это было так просто... Это было так прекрасно. Ему всего лишь нужно было открыть свой разум, вот так...

(«Камбер-еретик»)

Вопрос о том, насколько Камберу удалось осуществить заклинание, был предметом постоянных размышлений Ивейн и Джорема. Не совсем понимая истинную природу заклинания, Ивейн сначала просто желает вернуть отца к жизни и залечить его раны, чтобы освободить «от того сумеречного состояния, которое, они знали, не было смертью, но не было и жизнью».

Постепенно, после долгих размышлений, Ивейн приходит к пониманию того, что же, на самом деле, совершил ее отец, и сознает, что заклинание относится уже к другому измерению бытия.

Да, отец добился своего. Он избежал смерти, но ужасной ценой. В обмен на свободу передвижения между мирами, дабы в виде духовной сущности продолжить работу, которую не могло исполнять разрушенное тело, он лишился — по крайней мере на время — блаженства воссоединения со Всевышним. Если бы он был более осторожен, используя магию, то мог бы получить возможность одновременно находиться в обоих мирах как посланник Бога.

Но Камбер не до конца понял заклинание, которое он произнес в момент неминуемой смерти. Смерть не пленила его. Но он все равно оказался в плену. Только изредка мощным усилием воли он мог про-

рваться в этот мир и дать почувствовать свое присутствие. Но такие случаи были нечасты и на таком уровне его воспринимали лишь избранные. И если не найдется кто-то, кто сможет привести чашу весов в равновесие, заплатив за это дорогой ценой, самоотверженно пожертвовав собой, лицо Бога может навсегда скрыться от Камбера Кайрила Мак-Рори.

Ивейн не медлила с решением. Она поняла, что надо сделать. Вернуть Камбера к жизни было невозможно, но просто смерть возвратила бы его на колесо перевоплощений, чтобы он мог начать все сначала в другом рождении, в котором он уже не сможет использовать ту мудрость, которая так дорого ему досталась. Это не было непреодолимым бедствием для такой необыкновенной души, как Камбер, но для человечества и мира Дерини, которым он служил так верно и так долго, это стало бы огромной и преждевременной утратой.

(«Скорбь Гвиннеда»)

Применение запретного заклинания, как мы видим, действительно имеет тяжелые последствия. Очевидно, Камбер не мог их предвидеть. Обстоятельства вышли за пределы обычной морали смертных в область, для них недоступную. Когда люди сталкиваются с чем-то подобным, это лишь укрепляет их уверенность, будто магия Дерини вся является черной.

Даже Ивейн, возможно, согласилась бы, что она имела дело с Тенью, когда спустилась в Нижний Мир, хотя здесь важно заметить, что Тень не обязательно скрывает зло, она просто *скрывает*, но это выше понимания или уровня духовного восприятия обычного человека.

Псевдо-Дерини

Изредка во время наших странствий по Одиннадцати Королевствам мы встречались с личностями, которые, будучи не совсем Дерини, все же обладали их могуществом. Этих людей можно подразделить на три основные категории: Халдейны и подобные им — те, кто могут присваивать могущество Дерини; потомки Дерини, которые не знают, кто они на самом деле; и другие, как Варин де Грей, чьи способности мы не в состоянии объяснить.

Линия Халдейнов

Со времен Реставрации Халдейнов среди определенной части Дерини утвердилось мнение о том, что королевский род Халдейнов включает особую ветвь, представители которой обладают потенциальной возможностью присваивать себе могущество Дерини. Первыми эту возможность обнаружили Камбер и его дети в Синхиле — первом короле реставрированной династии.

Однако незадолго до начала правления короля Келсона, особенно на Востоке, эта потенциальная возможность была замечена и у других индивидуумов. Среди восточной части адептов, обеспечиваю-

щих политические союзничества с помощью могущества псевдо-Дерини, такая возможность стала рассматриваться как нечто вполне естественное, а носители этой магии обладали статусом прирожденных Дерини. Лорд Ян и принц Лайонел Арьенольский были «созданными» Дерини, и Брэну Корису также даруется ограниченное деринийское могущество.

Поначалу, однако, это отнюдь не казалось естественным. Лишь отчаяние заставило Камбера и его семейство объединиться с принцем Синхилом Халдейном и положить начало данному процессу — ведь только могущество Дерини могло помочь Синхилу в борьбе против деспотичного Имре Фестила за возвращение наследственного престола. Впервые о возможности подобного процесса Райс и Камбер задумались, благодаря случайному наблюдению за Синхилом, от которого во время сильного эмоционального напряжения исходил странный резонирующий поток энергии. Возможно, именно в состоянии такого стресса находился он во время последней мессы — ведь вскоре он вынужден был оставить свое любимое место священника. К тому же этот резонанс оставил словно психическую пелену над алтарем, и казалось, что Синхил использует ее в качестве защиты, находясь под давлением отрицательных эмоций. Все эти аспекты очень напоминали проявление деринийских способностей.

Камбер не хотел давить на Синхила, ведь тогда его пришлось бы постоянно держать под контролем, чтобы заручиться содействием короля. Вскоре, однако, Ивейн сумела заметить и другую аномалию в Синхиле, что привело к глобальному открытию. Склонившись к использованию форм медитации, подсказанных ему Ивейн, Синхил доказал способ-

ность вызывать свечение кристалла ширала — искусство, на которое были способны только Дерини. (Впоследствии, эти кристаллы стали использовать для обнаружения любого магического потенциала, не только деринийского происхождения.)

Читатели *«Камбера Кулдского»* знакомы с процессом, благодаря которому Синхил получил свое могущество, поэтому мы не будем подробно описывать его здесь. Достаточно будет упомянуть о том, что в течение последующих десятилетий те, кто руководил Халдейнами, и сами Халдейны уверовали в то, что только Халдейны в состоянии осуществлять этот процесс и что только глава рода (мужчина) может владеть этим наследием в определенный промежуток времени. Было ли это правдой или нет — а вполне возможно, что Камбер и его родня с самого начала поддерживали это мнение в попытке защитить законного короля от притязаний сыновей и братьев, — усилия были сосредоточены на том, чтобы убедить окружающих, что только один Халдейн в определенное время может быть облечен полной властью. Во время правления Келсона Камберианский совет (за исключением Тирцеля Кларонского) твердо придерживался этого мнения.

Вопрос о том, могла ли женщина, представительница ветви Халдейнов, сосредотачивать в своих руках власть, даже не возникал, возможно, потому что в документах менее чем двухсотлетней давности нет указания на ослабление прямой мужской ветви. Между тем в течение многих лет существовали принцессы рода Халдейнов, на тех же правах, как и принцессы младших ветвей. Схема родословной, включенная в различные приложения, показывает только прямое поколение Халдейнов в царствующем доме.

Боковые линии и потомки женщин-Халдейнов опускались в интересах сохранения чистых линий. (Это означает, что принцы и короли Халдейны могли иметь сестер или дочерей, младших сыновей или братьев, существование которых в родословном древе указывалось только при наличии особых причин). Вот лишь один пример. Брион говорит о своем дяде, бездетном Ригарде Халдейне, как о наследнике в раннем рассказе «*Мечи против Марлука*», написанной еще до рождения Келсона. (Материал этой, а также другой истории, названной «*Наследство*», развивается в дальнейшем в трилогии о Моргане).

С трудом верится, что сами Халдейны задумывались над этой проблемой с тех пор, как вымерло прямое поколение сыновей Синхила. В самом деле, в течение более чем полутора веков, прошедших со времен смерти третьего сына Синхила Райса-Майкла Халдейна в 928-м и до вступления на престол Бриона Халдейна в 1095-м, многие правители-Халдейны были не в состоянии осмыслить свои связи с Дерини — а если время от времени в королевских ветвях и обнаруживались экстраординарные проявления способностей Дерини, их относили к дарам Божьим, по праву причитающимся королям. Это было гораздо безопаснее в те времена, когда демонстрация таких возможностей могла быть расценена как колдовство, а в качестве наказания преступнику грозило сожжение на костре; к тому же в интересах королевских советников, регентов и придворных было оградить своих владык от контактов с Дерини — ведь это могло привести к уменьшению их собственного влияния.

Более того, личность тех Дерини, которым была поручена защита королей Халдейнов, становится все

более загадочной. В начале, по крайней мере до смерти Джорема Мак-Рори, мы были уверены, что ответственность лежала на семье Мак-Рори и членах Камберианского совета. Мы знаем о возможностях всех троих сыновей Синхила, знаем о вступлении на престол старшего из них и можем предположить, что кое-кто из Совета мог содействовать принцу Джавану после занятия престола.

Не совсем понятно, в какой момент Совет сложил с себя эти обязанности — возможно, когда семья Мак-Рори перестала сходить в состав Совета. Но ясно, что со времени восшествия на престол Бриона Халдейна, который сам имел весьма смутное представление о связях Халдейнов с Дерини, практически все полномочия перешли в руки четырнадцатилетнего полукровки-Дерини Аларика Моргана, который не подозревал даже о существовании Камберианского совета до тех пор, пока на престоле Гвиннеда не утвердился сын Бриона. Как бы там ни было, Халдейны сумели сохранить часть своего могущества в годы преследований.

В чем же именно состоял процесс передачи могущества Халдейнов? Мы знаем, что возможность встречалась настолько редко, что она была отдана на откуп одной-единственной семье в течение многих лет. (Мы не знаем, когда на Востоке распространились «созданные» Дерини). Мы знаем о том, что полное присвоение могущества никогда не происходило спонтанно — хотя известно, что определенные индивидуумы, обладающие этой возможностью, такие, как Джаван и Конал, развивали различные степени деринийских талантов через повторный контакт с Дерини, пробуждающий эти способности. В меньшей степени это стало происходить и у Келсона.

Но для того чтобы возможность индивидуума была полностью реализована, процесс должен непосредственно контролироваться хотя бы одним Дерини, сведущим в основных принципах использования могущества Дерини. Со временем эта функция стала непосредственно связана с правами и обязанностями монарха Халдейна — развить возможность в своем будущем наследнике, или, изредка, передавать ответственность за это в другие руки. (По необходимости, Синхилу этот дар был вручен совместными усилиями Райса, Джорема, Ивейн и Камбера, но он передал эту возможность своим сыновьям по своему собственному выбору, хотя и не без их помощи; мы еще увидим, как это будет происходить в последующих поколениях Халдейнов.)

Если не принимать во внимание внешние проявления овладения могуществом, специфические для каждого человека, внутренняя сущность процесса практически всегда остается одной и той же. На практике он скорее распадается на две части — потенциальное обретение могущества, и его реальное использование. Между этими двумя процессами может (а в идеальном варианте и должно бы) пройти много лет. Непосредственно для субъекта обретение способностей — процесс гораздо более серьезный, так как для этого должны открываться прежде неиспользуемые каналы энергии в сознании. Зачастую это происходит насильственно, обычно методом, разрушающим имеющиеся способности субъекта, для того, чтобы перевести их на паранормальные уровни. Фактически, это обряд посвящения и восхождения на более высокий уровень сознания. Непосредственная форма проведения обряда должна быть выбрана тем, кто передает силу субъекту. В бо-

льшинстве случаев, раскрытие потенциала сопровождается таким ментальным напряжением, что это приводит к потере сознания, по крайней мере, на короткий промежуток времени.

Иногда процесс может быть облегчен при помощи осторожного использования специфических наркотиков Дерини, уменьшающих сопротивление глубинных уровней сознания. Мы не знаем точно, не подсыпал ли Камбер какое-то подобное снадобье в чашу, из которой должен был пить Синхил, — возможно, это была просто соль как символ Земли, ведь, предположительно, наркотик мог подействовать и на Камбера, всосавшись через кожу его пальцев, — но ясно, что сыновья Синхила были основательно одурманены, даже до того, как вступили в ритуальный круг.

Под наблюдением Арилана (чьи взгляды, вероятно, отражают традиционное для его времени понимание этого процесса другими Дерини), обряд, в ходе которого следующие поколения Халдейнов обретают свою силу, проводится отнюдь не столь осторожно. Нигель получает сильнейшее средство, одновременно успокоительное и служащее для раскрытия ментальных способностей из мази, которой Арилан смазывает внутреннюю сторону его предплечья. Возможно, сильнодействие этого препарата беспокоило Моргана и Дункана, потому что одиннадцатью месяцами позже, когда Конал должен был в свою очередь получить могущество, Арилан использует гораздо более мягкий наркотик (или меньшую дозу прежнего наркотика) в елее, который он наносит на голову, грудь и руки Конала. Снадобье это, по-видимому, безопасно в малых количествах — ведь часть масла попадает и на пальцы Арилана, но его это не бес-

покоит. Однако на застежку броши Льва, которой Конал должен проткнуть ладонь, он наносит более сильное вещество. Предполагалось, что боль, являясь последним препятствием, сыграет роль своеобразного катализатора, как в случае с Келсоном несколькими годами раньше.

Но действительно ли боль так подействовала на Келсона? Конечно, в ту пору он не получил никакой поддержки от Дерини, чтобы облегчить тяжелое испытание. Морган основывается частично на тайных указаниях Бриона, разгадываемых буквально в процессе самого обряда, а частично на смутном воспоминании о том, как он сам помогал в свое время Бриону в процессе достижения могущества, когда Моргану было столько же лет, как сейчас Келсону. Для Келсона боль от иглы, пронзающей руку, стала отправной точкой на пути к ментальному раскрепощению, но еще до завершения обряда у нас создается впечатления, что одного этого окажется недостаточно для полного раскрытия магического потенциала Келсона. Глаз Цыгана должен быть извлечен на свет Божий, пусть даже из могилы, и его мистический камень должен обагриться кровью Келсона.

Теперь, принимая во внимание важность обоих этих моментов и зная, что делать с энергией, необходимой для открытия нужных каналов в сознании субъекта, мы можем предположить, что энергия, накопленная в камне отца Келсона дает толчок резонансу, вызванному болью в пронзенной руке — и именно этот болевой резонанс принуждает открыть необходимые каналы в мозгу Келсона. Дункан рассматривает этот элемент ритуала как «препятствие, барьер, требующий мужества» *(«Возрождение Дерини»)*

– являющееся частью практически любого обряда посвящения.

Позднее, среди изолированных от мира Слуг святого Камбера в Сент-Кириеле, Келсон вновь сталкивается с необходимостью преодолеть некое препятствие или испытание, но теперь уже в ином контексте – как доказательство собственной невиновности, своего рода «суд Божий». В этом случае Келсон должен подвергнуться тяжелому испытанию *(«Тень Камбера»),* сродни тому ментальному поиску, что переживали древние пророки и ясновидящие, пытавшиеся обрести связь со своими богами, вдыхая наркотические пары, исходящие из расщелины скалы или, как в случае Келсона, от испарений подземного источника. Подобно снадобьям Арилана, эти пары снижают сопротивление разума и раскрывают ментальные каналы для восприятия информации с иных уровней бытия. Во всех этих случаях тайный смысл один и тот же: без страданий не может быть познания.

Итак, ключом является познание, и во всех случаях, где мы упоминали об испытаниях, обучение имело место. А в получении потенциала и обретении контроля над ним у Халдейнов познание подразумевает, что должны быть открыты новые каналы для ментальных потоков, и поскольку энергия по ним должна проходить с большей скоростью и силой, то неминуемо определенное насилие над субъектом, даже если он подвергается обряду по доброй воле. Неудивительно, что опыт этот болезнен, и пережить его нелегко.

Разумеется, это только начало становления Халдейна-Дерини, так как получение потенциала лишь готовит кандидата для принятия того огромного мо-

гущества, которое ожидает его; он им еще не обладает в действительности. Каналы установлены, и с течением времени могут проявляться некоторые новые таланты, но фактический доступ к могуществу невозможен вплоть до последнего действия, которое может произойти только по смерти предшественника. В случае с Келсоном, это означает ступить на печать Защитника.

Синхилу могущество даровалось одновременно с приобретением возможностей, но доступ к магии как таковой он получил, лишь когда гнев подхлестнул его, после гибели первенца.

Наследник Синхила обретает его могущество, надевая отцовское кольцо, но он не знает о том, как использовать его, а регенты постоянно потчуют его успокоительными снадобьями, чтобы держать нового короля в подчинении. Конал, который уже начал овладевать могуществом, благодаря сперва занятиям с Тирцелем, а затем и с помощью украденных знаний, проходит ритуал передачи силы, который скорее закрепляет уже имеющийся потенциал, нежели дает ему что-то новое. Что касается Нигеля, то он хотя и получил потенциал, но так никогда и не овладел королевским могуществом, а позднее был лишен и этой силы, когда стало ясно, что болезнь его неизлечима, и он никогда не сможет вступить на престол. Позднее мы еще увидим, к чему привела эта цепь событий.

Тем не менее, результаты поистине стоят любой боли и страха. (Конал, вероятно, сказал бы, что ради этого готов поступиться даже честью.) Приобретший потенциал и могущество Халдейн силами может сравниться с любым Дерини, он владеет всеми видами обрядовой и практической магии, в той же мере,

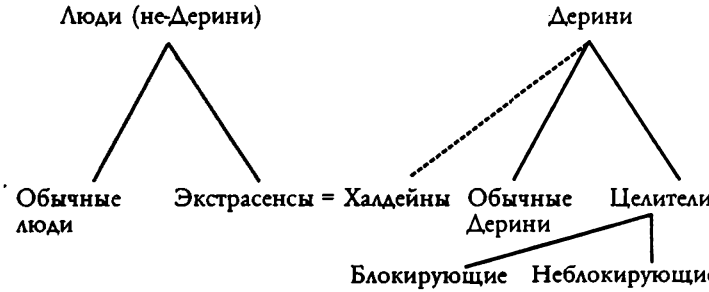
что и те Дерини, которые изначально наделили его могуществом.

Конечно, магической силе отнюдь не всегда сопутствуют мудрость, справедливость и опыт, однако она может быть мощным оружием в руках человека, наделенного хотя бы минимальным здравым смыслом.

В заключение нужно вернуться к тому, что, как утверждалось ранее, могуществом Дерини могут завладеть не только Халдейны. Карисса наградила могуществом, подобным деринийскому, лорда Яна. Венцит, искренне сожалея о том, что Брэн Корис не Дерини, сумел, однако, передать Брэну достаточно силы, чтобы тот достойно принял участие в магической дуэли с Келсоном. И даже Лайонел обладает не только врожденным могуществом, хотя из того факта, что он был женат на сестре Венцита, мы можем заключить, что это не считалось пороком в Торенте. И еще более следует опасаться Келсону Махаэля, младшего брата Лайонела, который также, без сомнения, владеет и природной, и благоприобретенной магией.

Отсюда можно сделать вывод, что, возможно, не просто у некоторых людей имеется поразительная способность принимать могущество Дерини, но и для самих Дерини также это определенный талант — передавать силу другому человеку.

Подобным же образом мы говорили о том, что среди Дерини встречаются те, кто наделены способностью исцелять, и Целители, способные блокировать деринийскую магию. Это можно изобразить следующим образом:

Наконец, к этой группе мы могли бы отнести тех людей (возможно, не столь малочисленных, как можно было предполагать), кто, очевидно, способен использовать такие методики как деринийскую медитацию и концентрацию внимания благодаря продолжительной совместной работе с Дерини. Джаван и Конал вполне подходят под эту категорию, но оба они — Халдейны, а, стало быть, возможно, и какой-то необычный тип Дерини. А вот Шон лорд Дерри не был ни тем, ни другим.

Сверхъестественные способности у людей

Шон Симус О'Флин представляет собой совершенно необычное явление. У нас нет доказательств тому, что он происходит из какой-либо человеческой семьи с могуществом Дерини, — Морган убежден, что Дерри такой же человек, как и все, но Морган может и ошибаться — все же Дерри способен на большее, чем мы могли бы ожидать. Часть причины его успеха состоит в том, что он доверяет Моргану

безоговорочно и верит, что Морган может наделить его необыкновенными способностями и дать ему защиту. (Магия Моргана, наверное, не работала бы столь успешно, если бы Дерри не был настолько предан ему.) Дерри поначалу принимает магию Моргана как нечто само собой разумеющееся и даже утверждает, будто магические кубики Моргана — это просто игральные кости странной формы. Он словно бы и не замечает, что в присутствии Моргана и, несомненно, по его воле, воловий хлыст извивается самым странным образом. Поэтому на вопрос Моргана, готов ли он быть посвященным в магию, Дерри тут же отвечает: «Разумеется, сударь!» *(«Игра Дерини»)*

Морган накапливает энергию в медальоне святого Камбера, передает ее Дерри, а затем учит его заклинанию, чтобы тот и сам мог пользоваться этой силой, — все это Дерри безропотно принимает. Кроме того, о его полном доверии свидетельствует тот факт, насколько легко Дерри входит в транс, подчиняясь приказаниям Моргана, — настолько легко, что можно заподозрить, что Морган нередко проделывал с ним это и прежде, даже если Дерри потом и не помнил о происшедшем.

Однако восторг Дерри по поводу того, что Морган общается с ним мысленно, свидетельствует, что Дерини нечасто использует при нем свою магию, хотя создается впечатление, что за годы своего общения с Морганом он многое повидал и его мало что способно удивить. Его ничуть не удивляет, когда Морган говорит, что они смогут общаться на расстоянии от Корота до Фатейна, «а при необходимости и еще дальше». Точно так же спокойно Дерри реагирует, когда, перед тем как послать его в погоню

за Ретаном после смерти Бронвин и Кевина, Келсон добавляет свою собственную магию в медальон.

Дерри прекрасно осведомлен о том, что происходит, когда Дерини вступают с ним в контакт и проявляет способность противостоять ментальному давлению, когда Венцит, взяв его в плен, пытается сломить его волю. Была ли эта способность врожденной или он обрел ее в результате тесной связи с Морганом, неизвестно. Но мы знаем, что даже без защиты медальона святого Камбера Дерри оказался способен оказывать противодействие Венциту, когда тот прибегнул к помощи деринийских наркотиков. Венцит был несказанно удивлен этим сопротивлением.

Но все же этого оказалось недостаточно, чтобы спасти Дерри. В конце концов, его воля разлетелась вдребезги, и он, по крайней мере на время, стал послушным орудием в руках Венцита. С помощью заклинания Венцита и кольца, которое тот надел ему на палец, Дерри, подобно тому, как это делал Ян Хоувелл, смог установить с Венцитом связь через сознание стражника и сообщить тому, когда нужно открыть Портал, чтобы похитить сына Риченды. Светлые вспышки вокруг его головы, напоминавшие светящуюся ауру Дерини, сопровождали этот процесс. По-видимому, Венцит сумел закрыть сознание Дерри щитами, потому что Риченда не заподозрила неладного, когда тот явился просить помощи для Варина. Позднее Дерри даже пытается убить Моргана. Разумеется, против своей воли, не в силах помешать происходящему, он предал своего наставника, короля и свою собственную честь.

Морган может затушевать воспоминания об этом предательстве, разрушив заклинание, подчинявшее Дерри командам Венцита, но достаточно ли это-

го? Обладает ли Дерри до сих пор могуществом Дерини? Был ли нанесен вред его рассудку, и каковы будут последствия? Хотя Морган решительно утверждает, что он позаботился о том, чтобы из памяти Дерри стерлись воспоминания о случившемся, но в то же время он признает, что ужас от содеянного никогда окончательно не оставит Дерри.

Как же этот ужас проявит себя в течение последующих недель или месяцев? Что еще пришлось вытерпеть Дерри в те два года, прошедших с момента его освобождения и до нашей новой встречи с ним во владениях Моргана? Дерри теперь не просто помощник Моргана, а управляющий имением в Корвине, — он как будто бы получил повышение. Но вот вопрос, было ли это, на самом деле, повышением, или его просто перевели подальше от короля и придворных в Ремуте, подальше от возможности нанести вред? Не пребывал ли он в негласной ссылке? Нетрудно себе представить, что, находясь на таком расстоянии, он не мог регулярно заседать в королевском Совете Келсона, так же, как не может он наслаждаться ежедневным общением с Морганом с тех пор, как тот стал проводить меньше времени в Короте.

С другой стороны, даже сам Дерри не может отрицать, что Моргану нужен верный человек в Короте, чтобы присматривать за женой и домочадцами. Кто же подходит на эту роль лучше, чем Дерри, который разбирается в военных и административных делах, всегда любезный и деликатный, преданный, хотя его преданность и могла быть поколеблена вмешательством Венцита? Зная, с какой легкостью он впадает в транс под влиянием Моргана, Риченда, возможно, даже использует эту склонность, пытаясь

разорвать старые связи с Венцитом. (Дерри и в голову, видимо, не приходит, что Риченда как Дерини, по крайней мере, не хуже Моргана способна справиться с любыми последствиями, вызванными противостоянием Дерри и Венцита; и в Корвине не только он присматривает за супругой Моргана, но и она — за ним самим.) В дальнейшем мы, возможно, больше узнаем о том, какую цену вынудил заплатить Венцит Дерри за склонность этого необычного человека мешаться в дела Дерини.

Наконец следует упомянуть Ревана, также человека, способного овладеть определенными навыками Дерини. Опять же, Реван с самого раннего возраста постоянно общался с опытными Дерини и привык воспринимать экстраординарные явления как обычные. Он полностью доверяет лорду и леди Дерини. Когда Ивейн знакомит его с планом создания нового культа, он принимает предназначенную ему роль без колебания, демонстрируя полную преданность, и привычно открывает свое сознание для полного подчинения ее воле.

> — Хорошо, — пробормотала она. — Расслабься и открой свой разум, как ты делал это прежде, и в интересах своей же собственной безопасности не старайся ничего запомнить из того, о чем мы будем говорить, пока я или Райс не напомним тебе.
>
> *(«Камбер-еретик»)*

Видимо, Ивейн подробно объясняет ему, каким образом он должен действовать, чтобы уйти со службы Дерини и перейти к виллимитам, а затем как связаться с ней, когда он окажется на месте. Кроме того нам известно, что в сознании Ревана Райс устанавли-

вает определенные защиты против вмешательства других Дерини — поскольку, навестив его в лагере виллимитов, он проверяет состояние этих щитов.

Однако настоящие таланты Дерини проявляются у Ревана, лишь когда он начинает устанавливать рабочие отношения с Тависом и Сильвеном. Когда он учится включать точки воздействия, которые Целители заранее устанавливают в сознании будущих субъектов культа, одновременно он обретает способности, усиливающие его собственную харизму проповедника. Сила, заложенная в виллимитском медальоне, еще более увеличивает его дар и может теперь, налагая руки на принимающих крещение, вызывать у них головокружение и дезориентацию, и даже заставлять терять сознание. *(«Скорбь Гвиннеда»)*

Новые способности Ревана не подвержены действию мераши, в больших дозах она может лишь действовать как снотворное.

> — Это будет самое главное испытание, когда они решат допросить тебя,— пояснил Кверон.— Вот уже не одну сотню лет мераша выполняет роль отличительного знака, поскольку общеизвестно, что все до единого Дерини реагируют на нее. Увидев, что с тобой ничего не происходит, они удостоверятся, что ты не один из нас.
>
> *(«Скорбь Гвиннеда»)*

Но если Реван не есть представитель нового типа Дерини, то что же он такое?

Еще один чудотворец, наподобие Варина? Человек будущего?

Прототип совершенного человека, способного обрести некоторые мистические способности Дери-

ни? Только дальнейшие исследования истории Одиннадцати Королевств помогут нам пролить свет на все эти вопросы.

Распознание скрытых Дерини

Время от времени нам попадались люди, похожие на Дерини, но сами не подозревающие, кем они являются. Обычно эти индивидуумы оказывались потомками Дерини, которые скрывались во времена гонений, и скрывались так основательно, что даже память о собственном происхождении стерлась в последующих поколениях, но затем должно было произойти что-то такое, что насильственно пробуждало потенциальный талант к действию, например, мощный контакт с Дерини; в противном же случае потенциальные возможности индивидуума могли оставаться невостребованными в течение длительного времени.

Дерини было гораздо легче скрыться, чем многим другим малочисленным группам, подвергавшимся гонениям в нашей земной истории, ведь по внешнему виду Дерини ничем не отличаются от людей — ни цветом кожи, ни структурой волос, ни формой глаз и носа, ни даже своим поведением, или манерой проведения религиозных обрядов.

Если Дерини не выдавали себя сами, используя запрещенное могущество в присутствии посторонних, обнаружить их было непросто. Способов выявить скрытых Дерини существует не так уж много, и чтобы применить их, нужно сперва иметь серьезные причины для подозрений. Да и тогда чаще всего Дерини могли спастись, переехав в другое место, где их

никто не знал, и там начать жизнь заново. Угроза стала еще меньше, после того как вымерли представители тех поколений, которые лично знали Дерини.

Первоначально наибольшую опасность представлял контроль со стороны властей — ведь для распознания Дерини те привлекали своих ищеек-Дерини, которым не составляло труда обнаружить себе подобных. Регенты заставляли их служить себе самым бесцеремонным образом, с помощью захвата семей Дерини в заложники. Согласие на сотрудничество с регентами означало жизнь и ограниченные привилегии, отказ мог повлечь за собой смерть не только самого Дерини (они всегда были мужчинами), но его близких.

Многие заложники и немало потенциальных ищеек были зверски убиты вначале, чтобы заставить остальных сотрудничать, но использование ищеек Дерини все равно продолжалось не более десятилетия. Ведь мало кто из Дерини мог продолжать жить с сознанием того, что их сотрудничество с регентами несет смерть собственному народу, и многие предпочитали смерть для себя и даже для своих семей предательству соплеменников. К тому же регенты осознали, что меры, направленные против Дерини, не всегда приносят желаемый результат. В конце концов, как люди могли быть уверены в том, что Дерини говорит правду на допросах? Разве, например, он не мог утаить информацию, которая могла бы повредить другому Дерини, если знал, что другой его не выдаст? Что если Дерини договаривались между собой обманывать своих хозяев? Кто мог об этом знать? Проще было искоренить их всех, за исключением немногих Целителей, на которых регенты считали, что могут положиться.

Таким образом, для самих коллаборационистов их действия все равно означали гибель, хотя на короткое время и облегчили положение отдельных Дерини. К несчастью, по мере того как использование Дерини-ищеек пошло на убыль, в руках людей появился новый инструмент укрощения Дерини. Это был специальный наркотик для Дерини — мераша.

Мераша, как уже говорилось ранее, — это одно из тех веществ, против которых Дерини бессильны. Все Дерини реагируют на него. Даже маленькая доза притупляет сознание, подавляет способность думать, рассеивает внимание и делает невозможным использование магических сил. На людей в малых количествах мераша действует как снотворное, а в слишком больших дозах она несет смерть и Дерини, и людям. Этот наркотик разработали сами Дерини для контроля над своими же соплеменниками, а люди позаимствовали его у них. (Морган, правда, утверждал, что это изобретение Кариссы, но, по-видимому, в этом вопросе, как и во многих других случаях, когда речь шла о Дерини, он был просто недостаточно осведомлен.)

Люди сначала очень осторожно пользовалась наркотиком. Люди короля Синхила, продолжая политику Фестилов, а может быть, уступив лекарям, восставшим против жестокостей пыток, усиленно использовал мерашу, не давая Дерини-пленникам возможности использовать свое могущество для того, чтобы освободиться. Во времена правления сына Синхила Алроя инквизиторы *Custodes Fidei* для выявления подозреваемого Дерини изобрели устройство, напоминавшее шило, прозванное «колючка Дерини», с двумя иглами на конце, смоченными мерашей. (Позднее церковники при помощи причастно-

го вина с примесью мераши пытались изгнать Дерини из рядов духовенства).

В большинстве случаев обычный Дерини мог избежать приема мераши, просто стараясь не высовываться и не возбуждать подозрений у окружающих. (В рядах Церкви считанные единицы знали об использовании наркотика — а те, кто не прошел испытания и погиб, не смогли рассказать о том, чем именно они себя выдали). Из этого становится ясно, что самая большая опасность для Дерини исходила от них самих: либо они были слишком беспечны в использовании магии, либо намеренно, из гордыни, проявляли свою силу в полном объеме.

Скрывая свою истинную сущность, Дерини действовали по-разному, в зависимости от того, как повели себя их далекие предки в начале гонений. Некоторые просто бежали в другие земли, где к их талантам относились более или менее благосклонно, хотя, конечно, времена безоговорочной власти Дерини давно прошли. Некоторые, подобно Слугам святого Камбера в Сент-Кириеле, сумели обосноваться внутри Гвиннеда, затаившись и отрешившись от остального мира до лучших дней.

В Приграничье и на высокогóрьях Пурпурной Марки и Келдора, наиболее изолированных областях Гвиннеда, некоторые Дерини объединялись и, постепенно приглушая свои таланты, как бы приспосабливались к обычаям тех мест — ведь у горцев широко распространено было понятие Второго Зрения. Всем было известно, что пограничники — отменные следопыты, они могут незаметно передвигаться на местности, общаться с животными и так далее. Именно так кровь Дерини могла влиться в клан Макардри, состоявший в отдаленном родстве с равнин-

ными Дерини, которые еще до того, как гонения приобрели широкие масштабы, ушли к границам в поисках спокойной жизни.

В низинах, там, где скрываться было довольно сложно, наименее знаменитые Дерини временами становились ярыми сторонниками режима, направленного против Дерини, пытаясь таким образом обезопасить себя. А герцоги Корвина (который в то время еще был самостоятельным герцогством, не входящим в Гвиннед) ради безопасности принимали покровительство других правителей, пытаясь не повредить остальным Дерини и не уронить свою честь. Это было возможно, хотя и очень сложно.

Некоторые же просто оставались самими собой, живя в постоянном страхе разоблачения и ожидая того момента, когда их дети и внуки забудут о своем происхождении. Были еще и такие Дерини, чье могущество было заблокировано благодаря культу крещения, некоторое время существовавшему после восшествия на престол короля Алроя в 917 году.

Последним не приходилось скрывать свое происхождение, ведь практически они даже не являлись Дерини. Они утратили свое былое могущество, и на мерашу реагировали не больше, чем обычные люди. Воспоминания об их прежнем существовании были настолько глубоко запрятаны, что их не выдали бы даже непосредственные контакты с другими Дерини. Согласно предположениям Камбера и его родственников, заблокированные способности таких Дерини не передавались их детям, однако те могли унаследовать магический потенциал, хотя маловероятно, чтобы они осмелились проявлять хоть какой-нибудь интерес к магии Дерини, когда это грозило смертью. Мало приятного открыть в себе что-то такое, за что

тебя могут убить. Кроме того, крестители заблокировали способности и у многих детей, так что у их собственных потомков не возникло бы даже и подозрения о своем происхождении. Таким образом, со временем становилось все больше Дерини, которые не имели ни малейшего представления о том, кто они на самом деле. Поэтому нет ничего удивительного, что нам порой будут встречаться «люди», в действительности являющиеся чистейшими Дерини.

Дерини — или не-Дерини?

Наконец мы должны поговорить о тех личностях, которые демонстрировали способности, подобные Деринийским, но не являлись Дерини, даже в том смысле, в каком могли быть ими Халдейны. То есть они не обладали потенциалом, который впоследствии мог быть развиться в могуществом Дерини. В этом смысле превосходным примером может служить Варин де Грей, и здесь у нас есть всего две вероятности. Первая — это то, что он Дерини.

Казалось бы, это невозможно, ведь и Морган, и Дункан утверждают, что это не так. Он, так же, как и Дерини, обладает способностью исцелять наложением рук, но ведь такой способностью обладали и библейские целители. Дерри наблюдает за ним в то время, когда он исцеляет раненого Мартина в таверне около поместья де Вали. У раненого было пробито легкое, и Дерри сначала показалось, что тот умер. Однако туманная фиолетово-синяя аура возникает вокруг головы Варина — верный признак того, что мы имеем дело с Дерини (или святым, или божеством), в то время как рана затягивается под его рука-

ми. Когда исцеленный Мартин поднялся, кто-то из окружения Варина провозгласил его новым мессией. На что Варин ничего не возразил, лишь поднял руку в благословении.

Дерри, который не желал признавать Варина за святого, решает, что Варин должен быть Дерини, так как обладает способностью совершать то же самое, что и Морган, а Морган — Дерини. Морган оспаривает правомерность этого заключения, но отмечает, что, если Варин и Дерини, то он может не знать этого. В дальнейшем выяснится, что Варин представления не имел о том, что такое мераша и как она действует на Дерини, но это доказывает лишь его неосведомленность в делах Дерини, а никак не его собственное происхождение.

Но можно также предположить, и этого не отрицают ни Морган, ни Дункан, что Варин — это настоящий чудотворец в классическом библейском смысле.

> «Беда в том, — говорил Морган, — что Варин творит чудеса, обычно свойственные святым и мессиям. Но, к сожалению, все эти деяния обычно не считают свойственными Дерини, хотя, может быть, их источниками и являются способности Дерини».
>
> *(«Игра Дерини»)*

Другими словами, Варин мог быть Дерини с задатками святого, что было присуще и Камберу. Морган и Дункан утверждали это, когда стали свидетелями исцеления раненого Оуэна Матиссона. Но когда Моргану удалось получше изучить Варина, он решает, что Варин все же не Дерини — это мнение было поддержано Дунканом и Келсоном.

Это заставляет нас предположить, что он, возможно, настоящий чудотворец, или что Морган и Дункан ошибались. В конце концов, они оба не были обученными Дерини, о чем Могран через пару лет напоминает Келсону. Конечно, Арилан мог бы установить это наверняка — у него была возможность проникнуть в сознание Варина, когда с его помощью устанавливали Портал в Ллиндрут Мидоуз — однако нельзя забывать, что в тот момент разум Варина контролировал Дункан. А поскольку тогда необходимо было срочно связаться с Советом Камбера, то у Арилана было немало других забот, так что едва ли он мог позволить себе отвлекаться на Варина. По крайней мере, когда на заседании Камберианского Совета говорят о Варине де Грее, он не высказывает своего мнения на его счет. А поскольку вскоре после описываемых событий Варин скрылся, то это так и останется для нас загадкой. Варин вполне мог оказаться Дерини. Но мог быть и настоящим чудотворцем.

Обряд: определение и подготовка

В само понятие обряда совсем не обязательно должна входить магия. Ритуал означает просто приведение сознания в определенное состояния для выполнения какой-то определенной работы. Чаще всего под обрядом подразумевают религиозное действо, — и действительно, церковные ритуалы с помощью соответствующих предметов, таких как свечи, фимиам, особые одеяния, помогают добиться соответствующего настроя в сознании верующих

Однако все мы выполняем определенные простейшие ритуалы каждый день, когда, к примеру, кладем хлеб в тостер и ждем, пока он поджарится, держа нож над маслом; или проверяем, заперты ли все двери и окна на ночь; или наносим зубную пасту на щетку, а перед этим либо закрываем, либо не закрываем тюбик... все это выполнение ритуалов. Выполнив любые действия, мы ожидаем результатов, которые могут последовать. Некая леди Максин Сандерс однажды таким образом выразилась по поводу ритуала: «Когда вы накрываете на стол к чаю, дети знают, что пришло время пить чай».

Дерини используют ритуальные приготовления во многих религиозных и псевдо-религиозных дейст-

вах. Мы подробно остановимся на этом позднее, но сперва выясним, что же представляет собой официальный ритуал у Дерини. Ритуал можно разделить на четыре основные части: материальная подготовка и организация, определение рабочего места и его защита, действо как таковое и его завершение. (Конечно, предполагается, что тот, кто проходит ритуал, заранее решил, какой результат он должен получить, и выбрал метод для достижения этого результата.)

Подготовка

Материальный аспект подготовки к ритуалу включает в себя выбор подходящего места, необходимую очистку рабочей области, перемещение мебели в соответствии с предусмотренными передвижениями, выбор нужных предметов и их размещение в зоне досягаемости.

По возможности, избранные предметы должны отражать специфику обряда и нести в себе определенную символику. К этой же области относится и облачение участников. В качестве примера разберем приготовления для пяти различных ритуалов. Три из них проходили во времена Камбера, а два — во время правления Келсона.

Передача могущества Синхилу

Ритуал пробуждения могущества Дерини в Синхиле был наименее формальным из всех. По-видимому, потому что он продумывался прямо по ходу действия Камбером и его родичами. Мы увидим все происходящее глазами Синхила, сознание которого,

разумеется, контролировали его наставники, однако совершенно очевидно, что они большое внимание уделили символике обряда, чтобы происходящее никоим образом не могло смутить богобоязненного Синхила.

Местом проведения ритуала была выбрана подземная часовня в святилище михайлинцев, уже знакомая Синхилу, и это отчасти его успокаивало. У дверей на часах, выполняя традиционную функцию стража, с мечом в руке стоял Джебедия. Логично предположить также, что на помещение была наложена особая магическая защита, поскольку упоминается о том, что засов «странно светился», когда участники обряда заперли за собой двери в часовню.

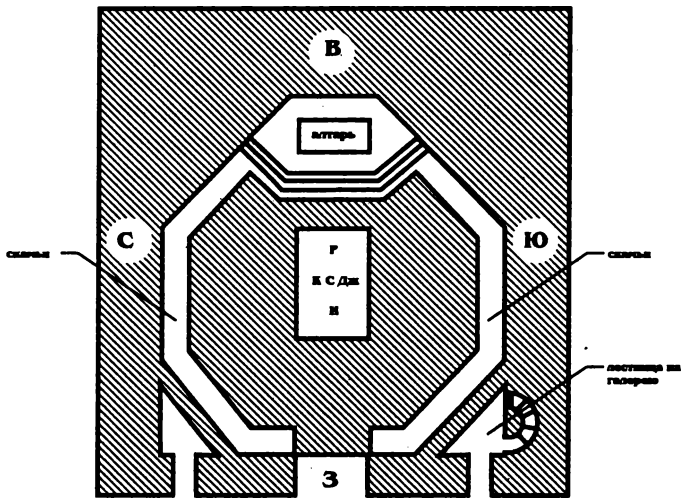
Войдя внутрь, Синхил не увидел ничего, что могло бы внушить опасение. На алтаре горели обычные белые свечи, а зажженная лампада как бы говорила о том, что в этом месте не может случиться ничего святотатственного.

Простые восковые свечи в медных подсвечниках отмечали стороны света. Синхила поставили по центру келдишского ковра, там же, где он стоял во время коронации, а затем и бракосочетания. Поверх сутаны Джорема надел стихарь и епитрахиль — в таком облачении обычно служили литургию.

В ходе ритуала внесли и другие предметы: обычное кадило, распространявшее знакомый запах фимиама, иглу, чтобы проколоть ухо Синхила и обагрить его кровью Глаз Цыгана, а также покрытую чашу, напоминавшую потир, до половины наполненную красным вином.

Перед тем, как Синхила заставили выпить вино, Камбер подсыпал в чашу какой-то белый порошок —

вполне возможно, обычную соль как символ Земли. Все это выглядит обыденно и ничуть не пугающе.

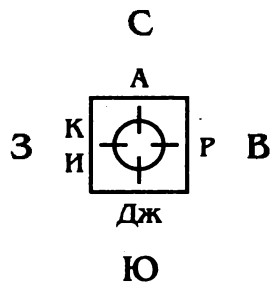

Ясновидение с помощью ожерелья

Это ритуал совершенно другого рода, куда более похожий на обычные деринийские обряды. Проводился он Камбером в связи с необходимостью узнать о приготовлениях Эриеллы к войне. Камбер до этого никогда не проводил подобной процедуры и поэтому опирался на указания «Протоколов Орина». Он, конечно, предпочитал работать на освященной земле, но, почувствовав, что лишь в своих покоях он будет в безопасности, избрал свою гардеробную местом проведения ритуала. Ивейн должна была прине-

сти большую серебряную чашу, полированную изнутри, Джорем – фимиам и сосуд, где его можно было бы воскурить, а Элистеру Келлену было поручено найти драгоценности, которые носила Эриелла. Камбер должен был быть облачен в пурпур.

В центре комнаты Камбер поставил временный алтарь, покрытый белой материей. На столе – одна зажженная свеча, стеклянный флакон с водой, маленькая закупоренная бутылка и четыре новых свечи, наполовину завернутые в салфетку. К этому Камбер добавляет серебряную чашу, ожерелье и маленькое серебряное распятие.

Передача могущества сыновьям Синхила

Ритуал передачи могущества Дерини сыновьям Синхила происходит в личной часовне короля, примыкавшей к его спальне.

После утренней мессы Джорем поручил слугам очистить комнату. А затем он и Ивейн начали более тщательные приготовления под наблюдением Синхила.

Освещенная только лампадой да маленькой свечой на столике в центре комнаты, часовня приобрела совершенно новый вид после того, как Ивейн и Райс убрали из нее все, за исключением тяжелого алтаря у восточной стены и пушистого ковра, покрывавшего подножье алтаря. Ковром они закрыли центр комнаты, и принесли еще один, поменьше, постелив в северо-восточный угол...

Новые покрывала появились на алтаре, свечки также заменились новыми, а лампаду заполнили маслом... Четыре подсвечника с разноцветными стеклами обозначали стороны света в комнате.

(«Камбер-еретик»)

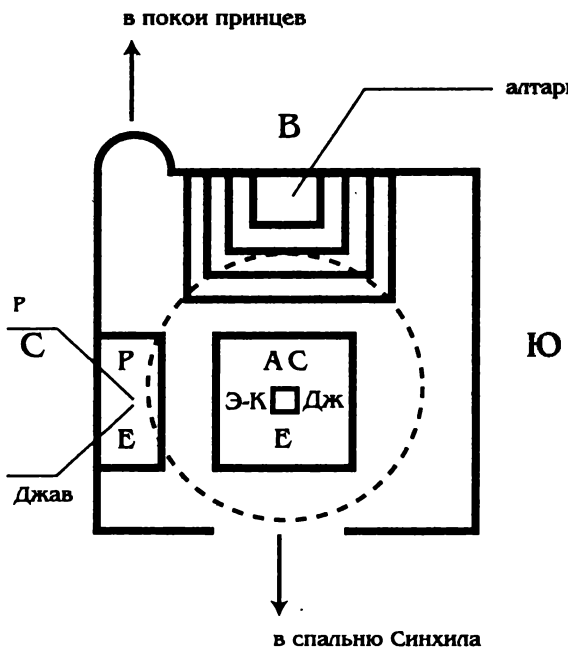
После этого Джебедия принес меч в резных, усыпанных драгоценностями ножнах, а Камбер-Элистер положил его на алтарь перед свечами. На маленьком столике в центре спальни Ивейн разложила предметы поменьше, также необходимые для ритуала, напоминавшие те, которые Синхил использовал в своем собственном ритуале: кадило, маленький кубок с водой, изящный серебряный кинжал. (Синхил отметил, что он уже видел этот кинжал на поясе Ивейн. Тот же кинжал видит и Кверон, когда его принимают в члены Совета Камбера, так что, по-видимому, это был один из ритуальных предметов, имевших особое значение.)

Наконец под столом также были разложены различные предметы: медицинская сумка Райса, пара сделанных из крученой золотой проволоки сережек и три маленьких кусочка пергамента с наставлениями Синхила каждому из своих трех сыновей. На том, что был предназначен старшему, было начертаны слова псалма:

«Я объявляю мою волю. Господь сказал мне, сын мой, в этот день я породил тебя. Попроси, и я дам тебе язычество в наследство и Самые далекие земли во владение.»

(«Камбер-еретик»)

Незадолго до начала ритуала внесли спящих сыновей Синхила. Элроя положили на ковер около центрального стола, а Джавана и Райса-Майкла оставили на маленьком ковре. Перед тем как приступить к ритуалу, всем трем мальчикам прокололи мочку

правого уха для того, чтобы вставить Алрою как прямому наследнику Глаз Цыгана; Джаван и Райс-Майкл получили украшения поменьше, символизирующие их возможность в дальнейшем унаследовать рубин. Камбер-Элистер вынес меч Халдейна на середину и положил на стол. Все было готово.

Передача могущества Нигелю

Приобретение могущества Дерини Нигелем имеет много сходного с ритуалом наделения могуществом сыновей Синхила, но есть и определенные отличия, связанные не только с тем, что Нигель, будучи взрослым, осознавал, что его ждет и был готов участвовать в обряде, но и с тем, что он подразумевался только как временный наследник.

Некоторые различия можно также объяснить тем, что эти два ритуала проводились различными способами. Например, восточное происхождение Риченды сказалось на манере обращения к Хранителям сторон света. Кроме того, очевидно, что многие знания были утрачены Дерини за два века гонений, и это не могло не сказаться на проведении обряда. Мы, например, видим, что Денис Арилан, член Камберианского совета того времени, сохранил тайные знания на очень высоком уровне; но Келсон, Морган и Дункан, у которых отсутствовала формальная тренировка, должны были полагаться на инстинкт и подсказки Арилана. Тем не менее, ритуал сохранил классические черты и проходил по установленной процедуре.

Не стоит недооценивать и личность самого наследника. Нигель уже не ребенок, в отличие от сыно-

вей Синхила, он приходится королю дядей и готов подвергнуться обряду лишь по необходимости, в качестве временного наследника до того времени, как у Келсона родится ребенок. Нигеля решили использовать в этом качестве после того, как в январе 1124 года была убита Сидана, а весной того же года Келсон отправился на войну; между двумя этими событиями прошло два месяца.

Поэтому в распоряжении Нигеля было гораздо больше времени, чем у других кандидатов, чтобы подготовить себя к тяжелому испытанию, представлявшему собой магическое посвящение.

То, что ритуал посвящения Нигеля проводится в маленькой часовне святого Камбера, придает ему отчетливую деринийскую окраску, чего не было в обряде передачи могущества Синхилу. Предварительную подготовку провели Дункан и Дугал.

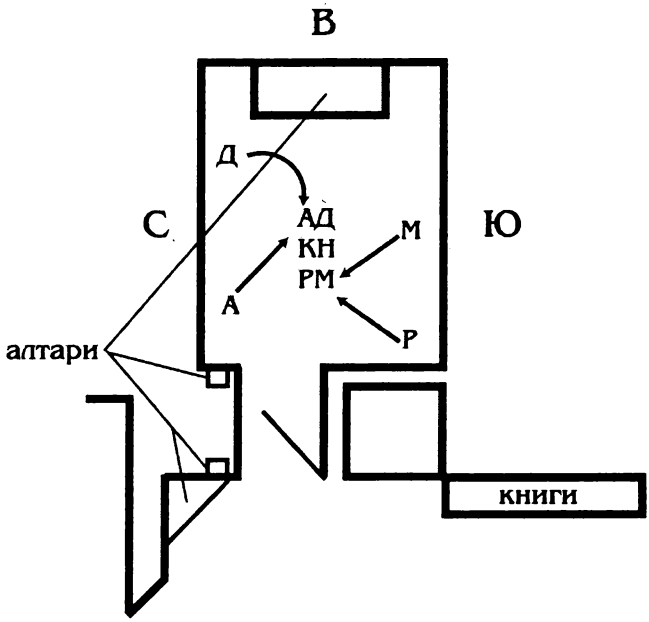
Дальнейшие приготовления были направлены в равной мере на то, чтобы сосредоточить внимание участников и укрепить их дух, а также и на то, чтобы очистить помещение. Дункан окропляет часовню и воскуряет фимиам, и поет гимн, тогда как Дугал произносит положенные ответы, осуществляя таким образом традиционное освящение рабочего пространства

> Дункан, кропя часовню, произносил строки Писания, а Дугал ему вторил:
> — Окропи меня, Господи, гиссопом, и я очищусь, омой меня, и стану я белее снега...
> — Аминь.
> — Мир этому дому.
> — И всем, кто в нем обитает.
>
> *(«Милость Келсона»)*

Все происходящее в часовне мы наблюдаем глазами Нигеля, и можно легко сопоставить его восприятие с восприятием Синхила. Нагель не был привержен соблюдению религиозных обрядов, а поэтому организаторы ритуала свели формальности к минимуму. Возможно, именно это стало причиной того, что обошлись даже без церковного облачения; впрочем, в царившей в помещении жаре и духоте, это было всеми воспринято скорее с облегчением.

> Помещение за дверью оказалось плохо освещенным и маленьким — вполовину той комнаты, которую они только что покинули,— и уже переполненная людьми. Арилан и Морган стояли у стен слева и справа, Риченда, в белом, справа от двери у стены,— но внимание Нигеля мгновенно привлек Келсон.
>
> Его племянник... нет, *король* — король стоял спиной к нему точно в центре комнаты, откинув назад черноволосую голову и свободно опустив руки...
>
> Король, похоже, смотрел на покрытое густой резьбой черное распятие, висевшее над алтарем, расположенным у восточной стены — или, может быть, его взор был устремлен на саму стену,— на ней было изображено ночное небо, усеянное сверкающими золотыми звездами,— в них отражался свет шести желтых, медового оттенка свечей. Звезды мерцали в волнах горячего воздуха, поднимавшегося от свечей, воздух наполнял аромат благовоний...
>
> — Встань рядом со мной, дядя,— мягко сказал Келсон, слегка поворачиваясь и протягивая принцу правую руку.
>
> *(«Милость Келсона»)*

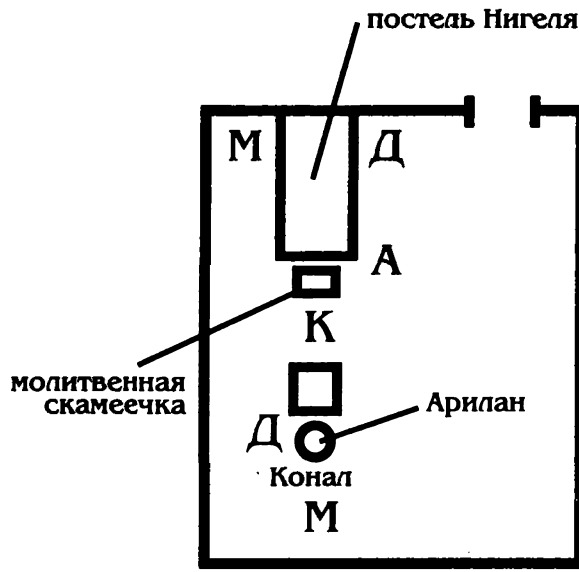
На алтаре лежали меч Халдейнов, маленькая сумочка с инструментами, необходимыми для прокалывания уха Нигеля (на сей раз это должно было произойти после размыкания круга), чаша с водой, кусок пергамента с перечисленными королевскими званиями Нигеля, вездесущее кадило и крохотный медный сосуд со снадобьем, призванным снизить ментальное сопротивление — единственный вклад Арилана в предстоящий обряд.

Часовня Святого Камбера
рядом с кабинетом Дункана

Передача могущества Коналу

Этот последний обряд значительно отличался от предыдущих, поскольку включал в себя лишения Нигеля магической силы и передачу ее Коналу в тот момент, когда придворные были убеждены в гибели Келсона и в том, что болезнь Нигеля неизлечима. Поскольку такая ситуация возникла впервые, то Моргану, Дункану и Арилану пришлось импровизировать и проводить ритуал не по заданной схеме — хотя классические традиции обнаруживаются и здесь.

Спальня Нигеля

Обряд проводился в спальне Нигеля, поскольку присутствие погруженного в кому Нигеля было сочтено необходимым для подтверждения их намерений. В первой части ритуала, еще до того, как очертить круг и призвать Хранителей сторон света, тело Нигеля на кровати с балдахином становится если и не алтарем, то, по крайней мере, заменяющей алтарь точкой концентрации энергий. Рядом с постелью ставят молитвенную скамеечку, а рядом с телом кладут обнаженный меч Халдейнов. Рядом располагают пергамент с указанием цели ритуала, который должен был подписать Конал, перо и чернила, чашку, чтобы сжечь в ней документ, окропленный кровью обоих мужчин, лекарскую сумку Дункана и самоцвет, призванный заменить Глаз Цыгана, оставшийся у Келсона, — ограненный сапфир в оправе из золотой проволоки.

Во второй половине ритуала маленький столик с алтарем передвинули в центр комнаты. На нем, по обычаю, зажгли свечи, поставили сосуд со священным маслом, смешанным с особым снадобьем для облегчения ментального проникновения, кусочек ткани и массивную золотую брошь Алого Льва с застежкой, смазанной наркотиком Дункана для уменьшения сопротивления Конала тем силам, которые должны были быть на него направлены. Здесь же была скамеечка, которой воспользовался Арилан во время помазания Конала.

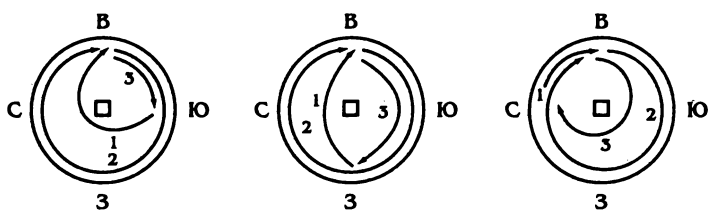
Таковы были приготовления к разным типам обрядов, свойственных Дерини. В следующей главе мы рассмотрим непосредственное освящение рабочего пространства, где проводится ритуал: оно включает в себя очерчивание круга и установление защиты, также известное как заклинание Сторон Света.

Обряд: очерчивание круга и защита

Очерчивание магического круга служит трем основным целям: подготовка священного пространства, где должен проводиться ритуал; сдерживание вызываемых энергий; ограничение вторжения чужеродных сил, препятствующих работе.

Обычно формальное очерчивание магического круга предполагает три окружности внутри круга. По традициям Дерини, все движение в круге начинается и заканчивается на востоке, символизирующем источник Света, и происходит по часовой стрелке относительно центра, иначе говоря, в направлении движения солнца, даже если это означает, что ко-

Движение участников обряда при очерчивании круга

му-то из действующих лиц придется совершать более сложные перемещения.

Движения против часовой стрелки избегаются, потому что сопровождаются обычно поворотом налево, что ассоциируется с отрицательной энергией и намерениями — так называемый «Путь левой руки» — хотя существуют и особые, весьма продвинутые обряды, допускающие подобный символизм.

Очерчивание первых двух окружностей имеет очистительное значение, а также устанавливает физические границы места проведения ритуала. Кроме того, в самом общем смысле, эти действия помогают установить контакт с Природными Силами, атрибуты которых будут проявлены в дальнейшем, при обращении к Сторонам Света.

Обычно перед тем, как непосредственно очертить круг мечом (или кинжалом, или большим и указательным пальцами правой руки), место окропляют святой водой со щепоткой соли, символизирующими элементы Воды и Земли; затем окуривают фимиамом, вызывая символическое присутствие Воздуха и Огня. Далеко не всегда все происходит по указанной схеме. Иногда к четырем материальным началам (Вода, Земля, Воздух, Огонь) добавляют еще и пятое — духовное, связующее и уравновешивающее первые четыре; в этих целях, как правило, используется Меч. Иногда ритуал обхода круга с огнем и зажжение свечей, которыми отмечены части света, заменяет кропление водой, или вместо трех окружностей используют четыре (или пять). Выбор формы обряда остается за теми, кто его проводит, в соответствии с избранной символикой. То же самое относится и к заклятию Сторон Света, служащему для защиты магического круга.

Охрана круга: заклинание Сторон Света

Охрана может принимать различные формы, а Природные Силы, символизирующие Части Света, воспринимаются всеми по-разному. Большинство Дерини предпочитают библейские символы — Архангелов. Некоторые традиции нашего собственного мира предусматривают для воплощения основных атрибутов воздуха, огня, воды и земли — сильфов, саламандр, ундин и гномов; другие — владык-элементалий, чьи имена — Паральда, Джинн, Никса и Хоб. Есть и те, кто предпочитает взывать к четырем Священным Созданиям, которые ассоциируются с Евангелиями: это Человек святого Матвея, Лев святого Марка, Орел святого Иоанна и Телец святого Луки. Вполне подходят здесь и символы Таро: мечи, жезлы, кубки и пентакли. Когда система устоявшаяся, не столь важно, какие специфические формы она обретает.

Какая бы ни использовалась система, в ходе постоянной визуализации она постепенно обретает плоть. Так, Дерини на протяжении столетий представляют себе природные силы в виде Архангелов, и способны видеть их внутренним взором как вполне реальных существ, со своими характерными атрибутами и даже вполне определенными чертами внешности. Со временем эти образы стали общепринятыми и сделались полезным подспорьем для магов, позволяя перекинуть мосты преемственности от поколения к поколению.

Стороны света называются в определенном порядке, начиная с востока. И хотя один и тот же адепт способен обратиться ко всем Сторонам Света

поочередно, чаще всего во время обряда все же стараются, чтобы к ним взывали разные люди — как правило, соблюдая символизм, характерный для фигур Архангелов. Так, к Рафаилу лучше всего обращаться Целителю, если таковой имеется; Михаила представляет воин, а Гавриила, который тесно связан с Девой Марией, — женщина.

Что касается Уриила, то вековая мудрость является одним из его атрибутов, так для обращения к нему, как правило, выбирают самого старшего из адептов.

Итак, мы имели возможность наглядно рассмотреть принципы очерчивания круга и его охраны, которые очень разнообразны благодаря отличиям в стилях и источниках мастерства. Контраст станет еще более очевиден, если мы обнажим механизм проведения обрядов и выявим характерный для них сценарий.

Передача могущества Синхилу

Поскольку использование нехристианских символов могло насторожить Синхила, то очерчивание круга и его охрана проводились как можно незаметнее. Синхил созарцал все происходящее, как будто в тумане, однако его глазами мы видим Ивейн, зажигавшую свечи, и Джорема, окуривающего ладаном сам круг и всех участников обряда; все эти действия сопровождались пением двадцать третьего псалма, выбранного специально, чтобы успокоить богобоязненную натуру Синхила.

Мы не видели, чтобы круг очерчивали мечом, однако Синхил не слишком внимательно следил за

приготовлениями и мог просто ничего не заметить. Вероятно, Джорем все же сделал это.

Что касается установления защиты, то резонно предположить, что начальные элементы обряда были исполнены заранее, равно как и обращение к Сторонам Света. При появлении Синхила с сопровождающими, Джебедия на время убрал защиту, чтобы дать им войти в часовню. Заклинание, произнесенное Ивейн, ставшее впоследствии «фирменным знаком» Камберианского совета, послужило отправной точкой для начала самого ритуала.

> — Мы находимся вне времени и вне пространства. Как предвещали наши предки, мы сливаемся воедино... Во имя Твоих благословенных апостолов Матфея, Марка, Луки, и Иоанна, во имя всех Твоих святых ангелов, во имя всех сил Света и Тьмы, спаси и сохрани нас от всех бед, о Всевышний. Да будет так и ныне, и присно, и во веки веков.
>
> *(«Камбер Кулдский»)*

Подобное заклинание повторялось и во время подготовки чаши, слова его отчасти повторяют обращение к Сторонам Света и в общем виде предвосхищают форму подобных заклятий в будущем. Следует отметить, как каждое из обращений подчеркивает характерные черты Архангелов, ассоциируемые с Силами Природы — и в тот же момент соответствующее вещество-символ добавляется в чашу с вином.

Немаловажно, что в конце каждого обращения звучат слова: *Fiat voluntas mea* — Да исполнится воля *моя*.

Райс: Я призываю могущественного Архангела Рафаила, Целителя, повелителя Ветров и Бурь. Как Святой Дух, парящий над водой, влей свою жизнь в эту чашу, и тот, кто выпьет из нее, сможет по праву повелевать силами Воздуха. Да исполнится воля моя.

Джорем: Я призываю могущественного Архангела Михаила, Защитника, Стража ворот Рая. Как огненный твой меч охраняет. Отца Небесного, пошли свою защиту этой чаше, и тот, кто выпьет из нее, по праву сможет овладеть могуществом Огня. Да исполнится воля моя.

Ивейн: Я призываю могущественного Архангела Гавриила, Вестника, принесшего счастливую весть Богоматери. Пошли свою мудрость в эту чашу, и тот, кто выпьет из нее, по праву может познать тайны Воды. Да исполнится воля моя.

Камбер: Я призываю могущественного Архангела Уриила, Ангела Смерти, кто приносит все души в Нижний Мир. Наполни эту чашу, и тот, кто отопьет из нее, может по праву установить связь с силами Земли. Да исполнится воля моя.

(«Камбер Кулдский»)

Ясновидение с помощью ожерелья

Для этого ритуала круг не очерчивался, поскольку здесь речь идет об обряде, действующем, большей частью, на внутренних уровнях сознания субъекта. Для охраны адепта достаточно установки простейших защит.

Мы можем сравнить защитные заклятья, использованные в этом случае, с предыдущими — они

очень похожи, но одновременно отражают специфику каждого конкретного действа.

Райс: Я призываю могущественного архангела Рафаила, Целителя и хранителя ветров. Пусть твои ветры этой ночью несут прохладу и свежесть, принося то, что мы должны знать. Fiat, fiat, fiat voluntas mea.

Джорем: Я призываю могущественного архангела Михаила, защитника и хранителя врат Эдема. Дай нам свой меч на эту ночь, чтобы ничто не помешало нам узнать то, что мы должны знать. Fiat, fiat, fiat voluntas mea.

Ивейн: Я призываю могущественного архангела Гавриила-посланца с благой вестью к Богородице. Мы все дети воды, так пусть сегодня ночью вода принесет новые вести, чтобы смогли узнать то, что мы должны знать. Fiat, fiat, fiat voluntas mea.

Элистер: Я взываю к могущественному архангелу Уриилу, ангелу смерти, который уносит наши души к берегу последнего пристанища. Минуй нас сегодня ночью и принеси лишь то, что мы должны знать. Fiat, fiat, fiat voluntas mea.

Камбер (зажигая пятую свечу): Воздух, Огонь, Вода, Земля и Дух: единство Человеческое. В этом круге все соединилось в одно.

(«Святой Камбер»)

Передача могущества сыновьям Синхила

Камбер и его сторонники позволяют Синхилу самому выбрать форму для основы ритуала, но базовую часть обряда они выполняют по своему усмот-

рению. Все начинается с очерчивания круга, и Синхил завершает этот этап самостоятельно. Вот его основные составляющие:

1. Ивейн зажигает уголь в кадиле, затем берет свечку, с востока движется по часовой стрелке, зажигая свечи, обозначающие стороны света.

2. Джорем окуривает ладаном по кругу, читая Псалом Пастыря (Псалом 23), окуривает всех участников ритуала, стоящих внутри круга, включая спящего принца Алроя. Дым фимиама повисает в воздухе, удерживаясь в границах круга. Закончив с этим, Джорем передает кадило Камберу-Элистеру, чтобы тот, в свою очередь, окурил бы его самого, затем ставит кадило на столик в центре комнаты и берет в руки меч Халдейнов. До половины вытащив его из ножен, он передает клинок Синхилу.

3. Синхил очерчивает круг мечом и одновременно взывает поочередно ко всем Частям Света. У каждой стороны он останавливается, салютует мечом и произносит соответствующее заклинание. Следует отметить, что такая форма обряда не является общепринятой, однако таков был выбор Синхила. (Позднее мы увидим, как король усиливает воздействие Сил Природы, особым образом заряжая энергией чашу, из которой должны испить его сыновья.)

> Синхил (обращаясь к востоку): Святой Рафаил, Целитель, Повелитель ветра и бури, да будем мы хранимы, исцелены душой и телом в эту ночь.
>
> Обращаясь к югу: Святой Михаил, Защитник, Хранитель Эдема, защити нас в час нужды.

Обращаясь к западу: О, святой Гавриил, Небесный вестник, донеси слова нашей молитвы до Пресвятой Богородицы.

Обращаясь к северу: Святой Уриил, Темный ангел, если должен, приди с миром, и пусть все наши страхи умрут здесь.

(«Камбер-еретик»)

Наконец Синхил возвращается на восточную сторону, прочертив круг, и кладет меч на северо-востоке. Тогда Ивейн повторяет заклинание, использованное во время передачи могущества самому Синхилу, чтобы закрепить содеянное и вернуть обряд в более традиционные рамки.

— Мы стоим вне земли, время не касается нас. Мы слиты воедино, как наши предки завещали нам. Именем благословенных апостолов Твоих Матфея, Марка, Луки и Иоанна, с помощью Сил Света и Тьмы, мы призываем тебя, о Всевышний, охрани нас и избави от всех напастей. Так было и есть, и да пребудет вовеки.

(«Камбер-еретик»)

Передача могущества Нигелю

В данном случае очерчивание круга происходит по классическим канонам, возможно, благодаря присутствию Арилана, хотя кропление и окуривание проводились в обратном порядке, а точнее — почти одновременно: Арилан держал кадильницу, а у Дункана было кропило. После того как Морган очертил третью окружность мечом Халдейнов, Арилан произносит первую часть заклинания (теперь мы уже знаем, что именно в такой форме оно принято у чле-

нов Камберианского Совета, со времен самого Камбера, а истоки его уходят в еще более древние времена). Однако он опускает упоминание четырех Апостолов, возможно, в соответствии с восточной традицией, в которой была воспитана Риченда. Именно она продолжает обряд и взывает ко всем четырем Сторонам Света.

Арилан: Мы вышли за пределы времени, и место это — не земля. Как повелели наши предки, мы соединились и стали Одним.

Отзыв: Аминь.

Риченда (поднимая правую руку и обводя круг на востоке): Перед нами... Рафаил... Господь исцеляет.

Отзыв: Господь исцеляет.

(Все поворачиваются на юг) Риченда: Перед нами Михаил... Он подобен Творцу.

Отзыв: Он подобен Творцу.

(Все поворачиваются на запад) Риченда: Перед нами... Гавриил... Господь — моя сила.

Отзыв: Господь — моя сила.

(Все поворачиваются на север) Риченда: Перед нами... Уриил... Пламя Господне.

Отзыв: Пламя Господне.

Риченда (держа руки ладонями вверх на уровне талии, закрывает глаза): Наш центр и наша основа есть Дух... то, что длится вечно.

Риченда (разводит руки в стороны и слегка поворачивает их вниз: материализуется фиолетовая звезда и плывет к полу; затем поднимает руки к небесам): Над нами — вращающийся крест — определяющий и объединяющий, единство всего, содержащегося в Одном.

(«Милость Келсона»)

Риченда заканчивает взывать к Сторонам Света, и заклинание подхватывает Арилан. В его устах вновь звучат слова, более привычные для Совета Камбера, с отчетливым религиозным оттенком; в этом, вероятно, повинно его собственное воспитание. Более того, в заклинаниях Арилана улавливаются гавриилитские нотки, дошедшие через многие поколения, даже после гибели Ордена. Вероятно, гавриилитские традиции все же сохранились в обучении Дерини. То же самое можно сказать и о библейской реплике, которую произносит в ответ Келсон — несомненно, в такой форме он услышал ее именно от Арилана.

> Арилан: Теперь мы встретились. Теперь мы Единое в Свете. Уважая пути древних, мы не вступим на ту же тропу. Augeatur in nobis, quaesumus, Domine, tunae virtutis operatio... Позволь Твоей силе взрасти в нас, о Владыка...
>
> Риченда: Да будет так. Аминь.
>
> Келсон (осеняя себя крестом): Lumen Christi gloriose resurgentis sissipet tenebras cordis et mentis. Пусть свет Христа восстанет во славе и рассеет тьму наших сердец и умов...
>
> *(«Милость Келсона»)*

Вслед за этим Келсон замечает, что ритуал охраны круга был заимствован «частично из традиций, в которых воспитывалась Риченда, и признавалось довольно близким к форме, употреблявшейся во времена Камбера, за исключением мавританских элементов, появившихся с годами. Хотя этого нельзя утверждать наверняка».

Несомненно, многие элементы ритуала дошли неизменными со времен Камбера, — мы осознаем это, поскольку знаем многое о Камбере и его времени, что не было известно Келсону, — но часть информации была, пусть даже и незначительно, искажена в результате ошибок, допущенных переписчиками, и погрешностей человеческой памяти. Памятуя о своеволии Арилана, можно предположить, что он внес в старинную традицию многие элементы, которые казались правильными лично ему. Однако нам неизвестно, насколько достойными доверия были его источники; прежде всего, он основывался на опыте Камберианского совета, который со времен Камбера претерпел сильные изменения, и не всегда в лучшую сторону.

Передача могущества Коналу

Немало новых элементов возникает в ритуале обретения могущества Коналом — и прежде всего, ему предшествует подготовительный обряд изъятия потенциала Халдейнов у Нигеля, происходящий еще до очерчивания круга. Между подготовительным и основным ритуалом происходит заклинание сторон света.

Итак, в первоначальной части обряда происходят три события:

1. Морган торжественно спрашивает Конала, добровольно ли тот предается душой и телом в руки адептов, проводящих инициацию, на что Конал дает утвердительный ответ. (Это подразумевается в любом обряде посвящения, даже если не говорится вслух.)

2. Дункан зачитывает официальное заявление об изъятии могущества Халдейнов у Нигеля и передаче его Коналу, подтверждая полномочиях присутствующих (самого Дункана, Моргана и Арилана) совершить это. (Обозначая тем самым цель ритуала.)

3. Наконец документ подписан, засвидетельствован и скреплен кровью двоих основных действующих лиц, после чего Коналу вручают серьгу в виде ограненного сапфира, взамен потерянного Глаза Цыгана (хотя серьга в данном случае скорее действует как добавочный, чисто символический элемент, не имея магической силы Глаза Цыгана).

После этого участники взывают к Природным Силам, дабы те стали свидетелями передачи могущества Коналу от Нигеля. Стоит обратить внимание на то, как общение с такими опытными Дерини, как Риченда и Арилан, благотворно повлияло на Моргана. Теперь он, как опытный адепт, принимает классическую эзотерическую «позу Осириса» со скрещенными на груди руками (символизирующую пристальное внимание) и выпевает имена Архангелов. В ответ ему раздается положенное «Аминь».

> Морган: А теперь я требую от тебя, Конал Блейн Клеим Утер, как от истинного законного наследника Нигеля Клеима Гвидиона Райса, засвидетельствовать законное изъятие сил Халдейнов у Нигеля Клеима Гвидиона Райса. Для этой цели я теперь призываю невидимых свидетелей для одобрения сего действия. Пусть защитят нас от всех опасностей и врагов с востока во имя Рафаила.
>
> Отзыв: Аминь.

Морган: И пусть мы так же будем защищены ото всех опасностей и врагов с юга, во имя Михаила.

Отзыв: Аминь.

Морган: Пусть мы также будем защищены ото всех опасностей и врагов с запада, во имя Гавриила.

Отзыв: Аминь.

Морган: И, наконец, пусть мы будем защищены от опасностей и врагов с Севера, во имя Уриила.

Отзыв: Аминь, аминь, аминь. И да приступим к делу с открытым сердцем.

(«Тень Камбера»)

Затем Арилан вызывает дремлющее могущество Нигеля, фокусирует его, применяя при этом формулу, использование которой мы наблюдали до этого дважды — когда Камбер освящал воду для магического поиска; и когда члены Камберианского Совета устанавливают границы круга, где пройдет поединок между Келсоном и Венцитом.

Арилан, рисуя правой рукой крест на теле и плечах Нигеля:

— Благословен Создатель, Вчера и Сегодня, Начало и Конец, Альфа и Омега.

Выводит греческие буквы на голове и ногах Нагеля, символы природных сил в углах креста.

— Время Его навеки, слава Его и владычество во веки веков. Да будет воля Твоя. Да святится имя Твое.

(«Тень Камбера»)

После того как Морган и Дункан изымают могущество Нигеля и концентрируют энергию в мече

Халдейнов, защитный круг очерчивается в классической манере:

1. Морган несет меч Халдейнов в центр комнаты.

2. Арилан окропляет круг, начиная и заканчивая движение на востоке.

3. Дункан: (а) зажигает свечи на центральном алтаре; (б) сжигает документ, окропленный кровью Нигеля и Конала; (в) призывает благословение на ладан, которым затем окуривает круг.

4. Морган обходит круг с мечом в руке третий раз, замыкая его на востоке, и возвращается к центру, здесь он поднимает меч горизонтально над головой, упирая кончик в левую руку. Знакомые уже заклинания Арилана сопровождают все действия Моргана.

> Арилан: Теперь мы едины.
>
> Морган разводит руки широко в стороны и, смыкая их над головой, описывает арку в воздухе.
>
> Арилан (наклоняя голову): Теперь мы единое целое, несущее Свет. Оглянемся на прошлые пути. Мы не последуем им вновь.
>
> Дункан: И пусть Твое могущество, о Боже, передастся нам.
>
> Морган: Да будет так. Аминь.
>
> Арилан (поднимая руку для благословения, в то время как Морган и Дункан осеняют себя крестом): Во имя Твоего милосердия, Боже, рассей тьму в сознании нашем.
>
> *(«Тень Камбера»)*

Рассмотрев подробно материальные приготовления к ритуалу, очерчивание круга и установку его защиты при помощи заклинания сторон Света, теперь логично было бы взглянуть поближе на особые цели различных обрядов — однако эти вопросы были подробно освещены в различных книгах, и мы не будем заострять на них внимание. Поэтому мы не станем тратить время на анализ, а вместо этого рассмотрим завершающую часть ритуала. Зачастую, этим этапом пренебрегают, однако он является не менее значимым, чем все остальные, если адепт рассчитывает добиться положительного результата своих усилий.

Обряд: завершение

Очень часто окончание ритуала рассматривается как пустая формальность, и лишь немногие опытные оккультисты знают, что завершение не менее важно, чем начало обряда. Многие авторы зачастую пропускают описание этой части ритуала, поскольку она недостаточно зрелищна и эффектна.

Таким образом создается впечатление, будто обряд завершается сам по себе, без особых усилий. Но что хорошо для литературы — не годится для магии. Если поспешить с окончанием ритуала, можно вывести из равновесия мощные энергетические потоки. Ведь неспроста же, в конце концов, существуют установленные формы и процедуры для каждого действия. Когда обряд закончен слишком торопливо, эффект может быть различным — от смутного ощущения, будто что-то неладно, до ноющей головной боли у одного или нескольких участников обряда. Хуже того, на месте проведения ритуала могут наблюдаться сверхъестественные проявления, еще долгое время после его завершения. А может случиться и настоящая катастрофа.

Так, едва не случилось несчастья, когда душа Синхила, покидая сферу через врата, без предварительной подготовки, разбивает вдребезги магический за-

щитный купол *(«Камбер-еретик»).* В действительности, резкий переход души Синхила из мира живых в мир иной создает вакуум в космическом равновесии, и одновременно высвобождает мощные Силы, стремящиеся заполнить эту пустоту. В результате происходит такой мощный выброс энергии, сосредоточенной внутри сферы, что, по мнению Камбера, от смертельной опасности его спасают только освященные гостии. Разумеется, это крайний пример, но он выявляет реальную опасность. Камбер и его дети имеют большой опыт в проведении ритуалов, но этот случай застал их врасплох. Камбер инстинктивно становится единственным проводником энергии, хотя в случае полноценного закрытия сферы посредником должна была стать вся группа. Если бы Камбер потерпел неудачу, то Синхил Халдейн, возможно, стал бы не единственной жертвой этой ночи. Задним числом мы можем сказать, что Камберу стоило бы сперва закрыть круг, а уж затем препоручить Архангелам душу Синхила, однако многие вещи трудно предугадать заранее. В данном случае, нарушение равновесия произошло непреднамеренно, однако эффект оказался вполне зримым и угрожающим.

К счастью, несовершенное распределение остаточной энергии нечасто приводит к таким ужасным результатам. Особенно в начале оккультных занятий, когда ученики еще не владеют могуществом в полной мере, они могут неверно оценить свои способности и допустить ошибки в ритуале. Следствием этого может стать головная боль или общее недомогание. В дальнейшем, с приобретением опыта, такие недомогания исчезают, по мере того как сосредоточение и распределение энергии становится для адепта привычным делом. Но в процессе обучения го-

ловные боли — нормальное явление. Именно так было с Коналом после уроков Тирцеля. Практически во всех случаях естественный сон приносит облегчение.

Обычно в организованном должным образом ритуале ответственность за распределение энергии лежит на всех участниках, так, чтобы излишняя энергия рассеялась, не причинив никому вреда. Внутренняя подоплека ритуала вновь облекается в символы ритуала внешнего. Тремя основными действиями являются рассеивание излишней энергии, снятие заклятий со Сторон Света, и размыкание круга.

Распределение энергии

Термин «распределение энергии» может показаться не слишком точным, но он означает управляемое рассеивание любой остаточной энергии, не использованной в целях ритуала. Во время магического процесса энергия производится и содержится внутри круга, либо непосредственно для выполнения задач обряда, либо как побочный продукт иных действий. Хорошо, если вся она используется при достижении цели ритуала. Но в случае, если этого не происходит, заряд должен быть надлежащим образом рассеян, а не выпущен весь разом, как это произошло в случае с Камбером.

Распределение энергии может проводиться различными способами. Один из наиболее простых заключается в том, что все участники сплетают руки и прогоняют оставшуюся энергию «потоком» по кругу, обычно по часовой стрелке, распределяя ее между собой. Затем они могут сфокусировать и использо-

вать ее для некой определенной цели; каждый участник обряда может почерпнуть из этих запасов, чтобы восстановить утраченные силы; или же они могут попросту «заземлить» ее, пропустив через себя в почву под ногами. В некоторых случаях используются все эти три способа одновременно.

Каким бы образом ни была перераспределена избыточная энергия, в результате должны уменьшиться силовые потоки внутри сферы до уровня, необходимого для поддержания самого магического круга. В этом случае возникает впечатление, будто купол сферы медленно сдувается, словно огромный радужный мыльный пузырь, а затем перед внутренним взором остается лишь сияющая линия, очерчивающая непосредственно сам круг.

Иногда возникает также видение сферы, размыкающейся от вершины купола лепестками, подобно гигантскому цветку ириса. (Именно так, вероятно, должна была распасться сфера Камбера, если бы он сумел удержать процесс под контролем, вместо того чтобы разлететься на осколки.)

Какое видение считать правильным, целиком зависит от представлений адепта, проводящего ритуал. После того, как излишки энергии были должным образом перераспределены, круг постепенно исчезает, и можно приступать к снятию охранных заклинаний с Хранителей Сторон Света.

Снятие заклинаний

Фактически, термин «снятие заклинания со Сторон Света» неточен, ведь смертный не обладает властью заклясть таких могущественных существ как

Верховные Хранители. И когда кто-то вызывает эти существа в образе четырех великих Архангелов, это не означает, что он повелевает ими; в действительности, адепт лишь просит, или даже молит их о присутствии. Адепт взывает к этим созданиям с различными целями: для охраны, помощи, либо приглашая их стать свидетелями некоего действа. Затем нужно как можно яснее представить себе их зрительный образ, и тогда они объявятся. (Любопытен тот факт, что подобно вездесущему Господу, который одновременно присутствует в каждой частичке Своего творения, эти аспекты Природных Сил, которые мы представляем себе в образе Архангелов, также обладают достаточной мощью, чтобы почтить своим присутствием множество магических ритуалов одновременно. Иными словами, когда вы звоните Архангелам, то никогда не услышите сигнала «занято».)

Тем не менее, поскольку люди привыкли придавать этим Природным Силам вполне человеческий облик, наделяя их соответствующими чертами и свойствами, то простая любезность требует, чтобы по окончании ритуала им вежливо сообщили, что их присутствие больше не требуется, поблагодарили за помощь и позволили отправляться в свое измерение. Для этого используется схожее заклинание, как и для вызова, причем к каждому из них обращаются отдельно и в том порядке, в котором они были призваны. Например, если Рафаил был вызван следующим образом: «Я призываю могущественного Архангела Рафаила, Целителя, повелителя Ветров и Бурь. Мы просим тебя, будь с нами, владыка Воздуха, охрани нашу сферу и засвидетельствуй наш ритуал», — то чтобы отпустить Архангела, нужно сказать примерно

следующее, повернувшись в нужном направлении и вскинув правую руку:

«О, могущественный Рафаил, Архангел Воздуха, Целитель и повелитель Ветров и Бурь. Благодарим тебя за твое присутствие здесь и покровительство, и прежде чем ты вернешься в свои воздушные владения, прими наши приветствия и в добрый путь!»

На что остальные участники, также подняв правую руку, должны откликнуться: «В добрый путь!» и поклониться, прижав правую руку к сердцу. (Если читателю эти слова покажутся знакомыми, ничего удивительного: большинство эзотерических традиций равно чтит Архангелов Сторон Света — они же Владыки Природных Сил, или Хранители — и точно так же всем им свойственна обычная вежливость.)

Вышеописанный ритуал повторяют в отношении оставшихся трех Архангелов, разумеется, подставляя нужные имена и характеристики, причем снимать заклятие должен тот же адепт, который вызывал Архангела, а все остальные участники в это время поворачиваются в нужном направлении. Последнее приветствие всегда заканчивается на востоке. К этому времени вся энергия магической сферы переходит на самый низкий уровень, и поэтому остается только окончательно разомкнуть круг.

Размыкание круга

В заключение тот, кто очерчивал круг мечом в третий и последний раз (обычно, это Мастер ритуала), поворачивает меч на восток, салютует, совершает крестообразное разрезающее движение, символизирующее разрыв последних энергетических связей.

Это повторяется в направлении юга, запада и севера, и наконец, последний поворот на восток — и приветствие источнику Света.

Согласно некоторым традициям, сферу размыкают, совершая движение против часовой стрелки и как бы стирая или разматывая круг но и в этом случае движение начинается и заканчивается на востоке. Другой способ уничтожения сферы — сматывание веревки, использовавшейся для обозначения границ круга, производимое против часовой стрелки. Обычно это делается сразу после того, как Мастер разомкнет круг, но прежде чем он снимет последнее заклятие.

После последнего приветствия, направленного на восток, Мастер вонзает меч в землю и, повернувшись к центру, провозглашает: «Обряд закончен, ступайте с миром!» Остальные отвечают: «Аминь». Существует множество разновидностей этой части ритуала, однако смысл ее остается неизменным.

Структура ритуала

Итак, проанализировав несколько различных обрядов, мы можем теперь создать общую схему проведения типичного ритуала Дерини. Детали могут различаться в зависимости от целей, обстановки, подручных предметов, личных предпочтений и происхождения участников, однако суть обряда всегда одинакова.

Обстановка

Для указания места расположения четырех Сторон Света требуется четыре свечи или лампады. Напомним, что у Дерини, по крайней мере на западе, архангелов сторон света символизируют следующие цвета:

Восток (Рафаил) — желтый или золотой
Юг (Михаил) — красный
Запад (Гавриил) — голубой
Север (Уриил) — зеленый.

Цветным может быть стекло лампады либо подсвечник и даже сама свеча. Любые дополнительные источники света, такие как алтарные свечи, обычно выбираются белыми или нейтрального цвета, например, из натурального воска (кстати сказать, свечи по сторонам света также могут быть белыми, но зачем усложнять себе жизнь? Любой стоящий оккультист скажет вам, что хороший маг способен работать даже обнаженным посреди пустыни, без всякой помощи со стороны, достаточно лишь тренированного разума и воли, но он также скажет вам, что цвет — это отличная подсказка для правильной ментальной установки и ориентации. В ходе ритуала адепт должен помнить о куда более важных вещах, чем цветовые соответствия).

Центр круга обычно занимает алтарный столик, покрытый белой тканью. За исключением крайне специфических случаев для этого не используется христианский алтарь. Это просто некая точка фокусировки для ритуала, совершенно отличная от любого другого алтаря, который может находиться в помещении (иногда без алтарного столика можно

обойтись, если обряд должен проходить на ментальном уровне, как например, в случае, когда Ивейн пыталась освободить душу своего отца). Если обряд проходит в церкви или часовне, на заранее освященной земле и под защитой Святых Даров, то круг обычно прочерчивается таким образом, чтобы включить в себя христианский алтарь на восточной стороне или прямо рядом с ним, как в случае передачи могущества Синхилу. В этом случае, по меньшей мере две белых свечи будут зажжены на алтаре.

Подобно христианскому алтарю, алтарный столик всегда обращен на восток к источнику Света, и любые движения в круге начинаются и заканчиваются на востоке по часовой стрелке. На алтарном столике также обычно зажигают две белых свечи, туда же добавляются иные необходимые предметы. Если обряд требует определенного символизма, могут быть выбраны свечи другого цвета. Все дополнительное снаряжение для ритуала собирают обычно под столиком и прячут алтарным покровом, поскольку скопление разнообразных предметов на столе может отвлечь во время обряда.

Облачение

Дерини в своих ритуалах редко используют особое церемониальное облачение, за исключением священников, которые предпочитают в этих случаях сохранять привычную рясу (создается впечатление, что одеяние членов Камберианского Совета во времена Арилана скорее подчеркивало их членство в этом Совете, тем не менее во время дуэли Венцита и Келсона на них были особые церемонные облачения).

Во времена Камбера опрятность и практичность были важнее, чем некий особый стиль или цвет. Тем не менее одеяние, вызывающее определенные ассоциации может помочь установить желаемую атмосферу в некоторых случаях. Этой цели служат, к примеру, одеяния Целителей, монахов-гавриилитов, либо синие одежды михайлинцев. Все это вызывает вполне определенное эмоциональное настроение (точно также негативное отношение вызывал плетеный пояс из пурпурного и золотого вервия, который носили монахи Custodes Fidei). Полезно использовать также плащи или накидки с капюшоном, поскольку капюшон помогает отвлечься от всего внешнего во время медитации и подготовительной стадии обряда. В остальном облачение выбирается наиболее подходящее к случаю.

Хотя Морган не был священником, он решил надеть черную рясу, когда они с Дунканом и Арилаком изымают могущество Халдейнов у Нигеля и передают его Коналу. Черный — это нейтральный цвет для тех действий, которые ему нужно осуществить, а поскольку именно он должен стать Мастером ритуала, то символизм авторитета священника показался ему наиболее подходящим. Именно такие ассоциации эта одежда должна была вызвать у Конала. Когда Камбер осуществляет гадание по ожерелью, то на нем алое бархатное одеяние, поскольку так указано в описании ритуала, но подобные инструкции встречаются крайне редко.

Чаще всего мы видим, что во время различных обрядов Райс одет в зеленые цвета Целителя, подчеркивая тем самым свои функции в Круге, а священники, как, например, Джорем, Кверон и Дункан, предпочитают монашеские одеяния либо одежду мо-

нашеского ордена, как, например, синий цвет михайлинцев. Епископ Арилан отдает предпочтение пурпуру. Ивейн, одна из немногих женщин, способных проводить магические ритуалы, предпочитает простые платья нейтрального цвета, не отвлекающие внимание. Риченда в обряде передачи могущества Нигелю предпочитает длинное белое одеяние, опять же это простая строгая одежда, в то время, как мужчины, участвующие в ритуале вместе с ней, скидывают с себя верхнюю одежду и расстегивают ворот туники из-за жары, царящей в помещении. Физический дискомфорт крайне вреден, когда нужно концентрировать внимание. Таким образом, следует сказать, что для магических обрядов Дерини предпочитают облачение наиболее подходящее к ситуации.

Распределение ролей

Распределение ролей участников обряда в Круге, как правило, определяется их призванием в обычном мире. Если среди адептов имеется михайлинец, как правило, он займет южную сторону и будет держать меч. Целитель точно также встанет на востоке, ибо Рафаил — это Архангел исцеления, несмотря даже на тот факт, что покровителем Ордена Целителей считается святой Гавриил. Что касается гавриилитов, то они предпочитают место на западе, и, как правило, эту сторону займет женщина, поскольку запад зачастую ассоциируется с Благой Вестью и Богоматерью. Самый старший из адептов, как, например, Камбер, обычно берет на себя север.

Начертание Круга

Для начертания Круга требуется святая вода. Ее могут приготовить заранее или в ходе обряда (во время подготовки вода должна быть экзорцизирована, то есть из нее следует изгнать любые следы отрицательного влияния, затем ее благословляет священник. Также он благословляет щепотку чистой соли, которая добавляется затем в воду. Тем самым, это символизирует очищающие свойства Воды и Земли.)

Святая вода разбрызгивается вдоль границ Круга с помощью традиционного кропила, либо пучка зелени, который обмакивается в чашу, либо даже просто кончиками пальцев. Это делается, чтобы участники ритуала были очищены Водой и Землей. Тот, кто делает это (лучше всего женщина, поскольку Вода и Земля являются женскими атрибутами), именуется кропильщиком. Чаще всего во время обхода круга читается двадцать третий псалом, именуемый также Псаломом Пастыря. Он усиливает защитную атмосферу и, кроме того, наиболее любим и привычен для Дерини. Также зачастую выбирается традиционный гимн, который открывает воскресную мессу, начиная со слов: «Ты окропишь меня гиссопом, Господи, и буду я очищен. Ты омоешь меня, и стану я белее снега». Однако подойдет и любое другое песнопение, равным образом как и молчание. Важнейшим на этом этапе является очищение.

Памятуя об этом, кропитель делает первый круг, останавливаясь у каждой стороны света, чтобы дополнительно окропить это место и поклониться. Он начинает и заканчивает на востоке. Прежде чем отложить необходимые для окропления предметы, он также кропит святой водой каждого из участников

обряда, чтобы очистить их. Затем сам он должен быть очищен таким же образом.

Желательно также наличие благовоний и некий сосуд, где их можно сжечь. Для этого могут использовать обычное кадило, свисающее на цепочках, или любой другой огнеупорный сосуд, куда помещается уголь, на который высыпают благовония (благовония на палочках не были известны Дерини, но даже это лучше, чем полное отсутствие всяких благовоний). Чтобы вызвать у участников ритуала нужные ассоциации, обоняние играет огромное значение. Даже намек на знакомый запах может высвободить поток воспоминаний, ассоциаций и образов. Все они должны быть использованы, чтобы усилить желаемый ментальный настрой. Этой цели служит, к примеру, резкий чистый запах кедрового масла для Камбера-Элистера и пряный аромат церковного фимиама, который невозможно забыть, однажды его ощутив. Он всегда будет напоминать о великолепии освященных веками мест поклонения, о приглушенной таинственности озаренного свечами алтаря, о белоснежных алтарных покровах, ярких, украшенных драгоценностями шелковых облачениях, шелестящих в тишине храма, о сверкании золотых чаш, поднятых, дабы принять Священное Присутствие, о голосах, что сливаются в сладчайшей гармонии, в то время как дымок фимиама спиралью поднимается к небесам вместе с благочестивыми мыслями и молитвами... Какие мощные образы всего лишь для одного скромного запаха!

Адепт, который отвечает за воскурение благовоний, именуется кадильщиком. Чаще всего это мужчина, поскольку он благословляет Огонь и Воздух, которые являются мужскими атрибутами. Как и кро-

пильщик, он обходит Круг по часовой стрелке с востока на восток, поклоняясь каждой из сторон света и окуривая остальных участников обряда по завершении обхода Круга. Он также может читать при этом псалом или произносить иные святые слова.

Для последнего прочерчивания Круга чаще всего используется меч, хотя вполне подойдет и кинжал или иное церемониальное оружие. То же самое можно сделать и двумя пальцами правой руки, держа их подобно острию (в случае, если используется меч, его практически всегда будет держать мужчина). Кончик меча обычно не касается земли, но лишь указывает на окружность, установленную предварительно первыми двумя обходами. Из него исходит видимый внутренним взором поток энергии, чаще всего голубовато-фиолетового цвета, который и служит для очерчивания границ круга. Обычным зрением Круг могут увидеть только просвещенные адепты.

Следует отметить, что участники ритуала могут сделать Круг намеренно видимым для зрения обычных людей как в тех случаях, когда Круг возводится для защиты от внешних воздействий, например, во время магической дуэли. Однако чаще всего простой человек ничего не сможет заметить. В лучшем случае он получит лишь расплывчатое впечатление, словно что-то зацепит уголком глаза. Опытные адепты в этих случаях пользуются внутренним зрением, хотя для описания увиденного больше всего подходят привычные нам термины, ведь на самом деле тот цвет, который мы называем голубовато-фиолетовым таковым не является. В действительности, эта полоса спектра не имеет названия в человеческом языке.

Итак, с помощью меча окончательно очерчиваются и замыкаются границы Круга. После третьего обхода адепт чаще всего превращает обычный круг света в купол над головой, пользуясь для этого либо мечом, либо руками чтобы направить потоки энергии. Не следует забывать, даже если это не указывается особо, что купол окружает адептов также и под землей, так что защищенная область в действительности представляет собой сферу.

Обращение к Сторонам Света

Поскольку эта часть ритуалов Дерини была подробно рассмотрена выше, так что мы не будем повторять здесь вышесказанное и отметим лишь, что эта часть обряда проводится после того, как был прочерчен Круг. Именно когда адепт взывает к Сторонам Света, он чаще всего оглашает вслух цели ритуала. Впрочем, это же может быть сделано и отдельно. В определенный момент взывают также к покровительству Божества. Когда эта часть обряда закончена, адепты приступают непосредственно к магической работе, в зависимости от тех целей, которые они преследуют. В каждом случае их действия различны, но адепты будут стараться максимально использовать внешний символизм, чтобы усилить воздействие обряда в форме различных предметов, звуков, запахов и ритуальных движений.

Врата

Нужно сказать еще несколько слов об открывании и закрывании Врат в Круге, поскольку это зачас-

тую бывает необходимо для исполнения ритуала. Хотя использование Врат следует свести к минимуму, но с этой целью делаются особые приготовления. Разумеется, самым постыдным для адепта следует считать необходимость покинуть Круг, чтобы принести какой-то забытый предмет для обряда. В остальном, бывают случаи, когда открыть Врата становится просто необходимо. Так, сама природа ритуала передачи могущества сыновьям Синхила требовала, чтобы Джорем несколько раз открывал Круг, иначе не удалось бы внести в него спящих мальчиков. Точно так же Грегори открывал Круг в киилле, чтобы впустить Кверона, когда того принимали в Камберианский Совет. Кстати, в виде отступления стоит вспомнить, как использовалась веревка, чтобы физически очертить границы Круга в киилле (*«Скорбь Гвиннеда»*). Концы ее связывались, а затем развязывались, чтобы усилить символизм открытия и закрытия прохода.

Также может потребоваться открыть Врата, чтобы впустить в Круг или дать выход из него некоей духовной сущности. Так, Джорем открывал проход для души покойного Синхила, а Келсон распахнул Врата, чтобы позволить войти святому Камберу. Тем не менее, даже когда Врата открываются с заранее установленным намерением, как в случае с Синхилом, это ослабляет структуру Круга. Поэтому следует свести открывание прохода к минимуму и сделать это лишь на минимально необходимое время, после чего закрыть и запечатать проход. Чем более мощным должен быть ритуал, тем важнее становится этот момент.

Мы видели несколько примеров открывания и закрывания Врат. Чаще всего это делается с помощью любого магического орудия, которое использовалось

для прочерчивания последней окружности. Как правило, в этой роли выступает меч. Если участники ритуала предвидят необходимость проделать в Круге проход, они заранее положат меч в том месте, где потом нужно будет открыть Врата. Так поступил Синхил в ритуале для своих сыновей (*«Камбер-еретик»*).

Взяв в руки магическое оружие, адепт отдает поклон тому месту в круге, где будет проделан проход, чаще всего целует меч либо свои пальцы, если для этого будет пользоваться рукой. Это делается с той целью, чтобы привлечь внимание остальных адептов к тому, что должно быть сделано и как бы выделить этот процесс из всего остального ритуала.

Став лицом к будущим Вратам, адепт кончиком меча касается пола слева от себя, затем делает взмах вверх, направо и вниз, создавая тем самым узкую арку, достаточную для прохода одного человека. Одновременно он концентрируется на своем намерении открыть дверь. Внутренним зрением опытные маги способны увидеть, что область, где была очерчена арка, становится прозрачной, тогда как весь купол попрежнему сверкает от сохраняющейся в нем энергии. Именно так описан проход, который Келсон сотворил для святого Камбера.

> Его сердце сильно билось, когда он помечал контуры Врат, используя собственную ладонь как лезвие священного меча, и разрезал энергетические связи, закрепив их по краям. Очертив проход, Келсон рукой растворил энергию внутри Врат и открыл их.
>
> *(«Тень Камбера»)*

Если же в этих целях используется не меч, а кинжал или рука, тогда адепт очерчивает ею арку прохода и проводит ею по краям Круга, там, где должны быть границы Врат, словно вырезая сегмент окружности. Когда появляются Врата, независимо от того способа, каким они были созданы, адепт отступает в сторону, по-прежнему держа меч острием вниз, и на ментальном уровне удерживает проход все время, пока это необходимо.

Если тот адепт, который создал Врата, должен покинуть Круг и некому занять место стража, он укладывает меч через границу Круга, чтобы затем подобрать его по возвращении. Если же проход должен остаться открытым, пока адепт занят в другой части Круга, то зачастую меч укладывается слева от Врат острием к их границе, а рукоятью к центру Круга, символизируя тем самым магическое оружие, запрещающее вход тем, у кого нет на это права.

Закрыть Врата можно разными способами. Чаще всего острием меча просто проводят по порогу слева направо, словно заново воссоздавая часть Круга, одновременно внутренним зрением представляя себе, как он замыкается. Некоторые адепты проводят линию трижды, повторяя три изначальных прочерчивания Круга.

Первое, что следует помнить во всех вышеперечисленных действиях, это что внешнее проявление призваны лишь усиливать внутренние процессы, которые и являются самыми важными. Истинный адепт способен начертить круг, воззвать к покровительству Сторон Света, исполнить задачу ритуала и все прочие цели, затем выпустить излишек энергии и закрыть Круг, на физическом уровне не пошевелив для этого даже пальцем.

Вывод

В этой главе мы в деталях рассмотрели общие требования, присущие большинству ритуалов Дерини. В заключение давайте подведем итог базовой структуре ритуала. Мы можем выделить десять элементов, присутствующих практически в любом обряде. Все прочее служит лишь для украшения или для некоторой специфической цели.

1. Зажечь свечи на четырех сторонах света (возможен также предварительный обход Круга с огнем в руках).
2. Очистить воду и благословить соль, если это не было сделано заранее и если это требуется для окропления Круга.
3. Прочертить Круг с помощью кропила, воскурения благовоний и меча.
4. Воззвать к четырем Сторонам Света — востоку, югу, западу и северу.
5. Обозначить свое намерение (эта часть может сочетаться с пунктом 4).
6. Воззвать к божеству за помощью, защитой и т.д.
7. Произвести непосредственные магические действия.
8. Перераспределить избыточную энергию.
9. Освободить Хранителей Сторон Света.
10. Разомкнуть Круг.

Практическое назначение обрядов

Большая часть из того, что Дерини называют магической работой, в отличие от обычных прикладных заклинаний, подразумевает ритуальное применение могущества. Мы уже установили, что обряд — это просто удобные рамки работы или некий контекст, в который помещается действо. Он необходим, чтобы установить особый ментальный настрой, необходимый для достижения желаемой цели, а также для усиления психического воздействия благодаря повторению одних и тех же движений и установок для похожих видов работы. Что наверху, то и внизу. Что снаружи, то и внутри. Внутренняя реальность может отражаться в реальности внешней.

Кроме того, особые ритуалы, которые повторяются в определенном виде с определенным намерением на протяжении длительного периода времени, накапливают эзотерический вес, который превышает простое сложение результатов обычной работы и тем самым облегчает дальнейшее продвижение в этой области и усиливает последующее воздействие ритуалов. Точно таким же образом, как многочисленные прохожие, следующие одной и той же дорогой, постепенно утаптывают и расширяют ее, то же

происходит и с обрядами, которые, повторяясь, расширяют и укрепляют каналы для связи с иной реальностью. Кроме того, тот факт, что нет нужды заново изобретать колесо для каждого отдельно взятого обряда означает, что можно сохранить больше сил для действительно важной работы.

Кроме того, ритуал подразумевает общий символизм и фокусирует внимание, когда совместно над ним трудятся два человека и более. Если бы обряды не обладали такими унифицирующими свойствами, то координировать энергии и ментальные действия множества участников было бы практически невозможно.

Таким образом, рассмотрев природу ритуала, мы можем сделать вывод, что большинство нецерковных обрядов, которые применяются Дерини, можно разделить на три общих категории. Защитные ритуалы включают в себя установку барьеров, а также действия, предназначенные для концентрации силы в целях охраны. Зачастую такой обряд очень точен в своих действиях и выполняется почти механически. Такова, например, процедура активации кубиков защиты. Сам по себе этот процесс является сокращенным обрядом, основанным на гораздо более сложном управлении психической энергией, которая в свое время была использована для зарядки нового набора кубиков, когда из обычных странных четырех игральных костей без точек они были превращены в магический объект. В эту же категорию попадает и защита круга, хотя проведение данного обряда сильно варьируется в зависимости от вкусов и опыта действующих лиц.

Собственно говоря, защитная магия не подразумевает особых ритуалов. Иногда ее действие может

быть очень простым, как в том случае, когда Морган накапливает энергию в медальоне Святого Камбера, который он отдает Дерри (хотя Морган, вероятно, уже провел над этим медальоном определенную работу, поскольку сам долгое время носил его), или в том случае, когда Тирцель устанавливает в памяти Конала защитные преграды, чтобы посторонние не могли прочитать его мысли.

Ритуалы посвящения или инициации как правило являются гораздо более формальными и всегда предполагают переход кандидата на более высокий уровень сознания. К примеру инициирующих обрядов можно отнести передачу могущества Халдейнов, а также принятие новых членов в Совет Камбера. В этой связи христианское посвящение в сан также является своего рода эзотерической инициацией. Когда же в нее добавляются деринийские элементы, это лишь усиливает значение обряда. Христианская инициация, именуемая чаще всего крещением, является другим примером такого обряда. Когда же она сочетается с призванием Целителя как в рассказе *«Песнь Целителя»*, это придает ритуалу дополнительный мистический характер. Вообще, как мы видим, многие обряды, относившиеся к Целителям, в том числе их освящение и рукоположение, являлись инициирующими ритуалами.

К третьей категории деринийских обрядов можно отнести те техники, которые следует называть созерцательными или медитативными. Зачастую для Дерини подобные обряды ассоциировались с религиозной практикой, такой как поклонение у алтаря, хотя их содержание и направленность не всегда являются исключительно христианскими. Так, например, Дерини часто используют кристалл ширала, концент-

рирующий внимание при медитации. Это та же самая техника, что используется во время молитвы с помощью христианских четок (в земной истории, насколько нам известно, четки получили широкое распространение только с середины XV века. То же самое можно сказать и об истории Гвиннеда, однако сама идея использования камушков или бусин для отсчета молитв является очень древней и появляется во многих культурах. В восточной церкви молящиеся нередко использовали четки, сделанные из веревки с завязанными на ней узлами. Вероятно, по духу это сродни древней деринийской магии, использовавшей различные плетения. А если Дерини все же использовали четки, то можно представить себе, насколько усилилось бы их воздействие, когда бусины заменили бы кристаллы ширала).

В общем и в целом Дерини гораздо более чувствительны, чем люди, к эзотерическим измерениям религиозной практики. Впрочем, не стоит забывать, что эти измерения значительно доступнее для Дерини, чем для людей, и в этом, как мы уже имели возможность предположить, заключалась причина враждебности официальной Церкви по отношению к Дерини, поскольку ее высшие иерархи одновременно страшатся и завидуют тому, чего они не понимают, но чем желали бы обладать. Классическим примером подобного мистического религиозного опыта может служить скорбь Синхила, которому вскоре предстоит оставить священный сан, и его духовный экстаз во время служения мессы.

> Как мне объяснить, что значит посвятить свою жизнь Богу?.. Это такое чувство, как будто вы находитесь в сфере мягкого

золотого света, и этот свет защищает вас от всего, что может повредить вам. И вы знаете, что Он здесь, что Он рядом, ваш разум свободно парит в золотом сиянии...

(«Камбер Кулдский»)

Рассудочно, Камбер, разумеется, способен посочувствовать Синхилу, хотя сочувствие его не настолько велико, чтобы заставить отступить с намеченного пути. Однако мы можем предположить, что лишь после того, как Камбер сам принимает священнический сан, он способен по-настоящему понять, о чем говорит ему Синхил. Мы уже обращались к его рукоположению, когда говорили о различных ощущениях Дерини, однако, сейчас нам следует вернуться к пережитому мистическому опыту.

Давление внутри разума росло; его наполняло Нечто, такое могущественное и пугающее, что он не мог противиться влиянию, отдававшемуся в самых дальних уголках его существа.

Камбер утратил слух и понял, что зрение исчезло еще раньше, но не стал этого проверять — спасение своей плоти и бренной жизни сейчас немного значило.

Постепенно он перестал ощущать свое тело. Остался сгусток сознания, купающийся в прохладном, золотистом сиянии и устремленный к яркой сверкающей точке. Никогда многоопытный Дерини не переживал ничего подобного.

Камбер уже не боялся. Он окунулся в мир ликования и полного единения со всем, что было когда-то, есть сейчас и еще будет. Он парил, растянувшись радужной дугой, понимая, как мало значит для человеческого существа его земная жизнь.

Вслед за смертью тела сущность освобождается от оболочки, развивается и растет. Впереди у нее — вечность.

Вспышкой серебряных искр перед Камбером рассыпалось все его прошлое, вся земная история; мелькнуло и исчезло.

Потом он увидел свое посвящение. Где-то внизу на светловолосую голову с густой проседью опускались освящающие руки. В движении соединялись легкость и неодолимая мощь.

Внезапно мелькнула мысль; все это игра воображения. Его практичный разум ухватился за нее, но сознание восстало, даже не дав этой мысли как следует оформиться.

Разве имело какое-нибудь значение — правда открылась ему, или чей-то вымысел завладел его мозгом? Мог ли смертный мечтать о счастье соприкосновения с Божественным во всем его величии. Особой милостью провидения избранные могли краем глаза на миг узреть Внеземное.

Теперь он переживал невероятную близость к силам, управляющим движением Вселенной, он — существо неправедное и слабое, человек и Дерини.

(«Святой Камбер»)

Арилан также испытывает мистическое просветление во время посвящения в сан, однако это происходит не в течение самого обряда, а лишь в ходе мессы, когда он полностью предается Божьей воле, принимая неизбежность своей гибели в том случае, если в вине содержится мераша. Лишь тогда Денис Арилан познает истинную силу веры.

Вино было сладким и крепким, мягче, чем ему запомнилось, и сразу же от желуд-

ка покатилось по всему позвоночнику, по рукам и ногам слабое покалывание, которое усилилось и неожиданно взорвалось в затылке звездной, горячей вспышкой любви и света — и это была не мераша.

Ему показалось, что свет осиял сосуды, стоявшие на алтаре, дарохранительницу на жертвеннике, потир де Нора и что та же энергия растеклась по жилам всех находившихся рядом. И Вениамина с Милвасом, стоявших на коленях возле него, озарил этот свет; и в дароносице, которую де Нор торжественно вручил ему через несколько минут, пульсировало сияние, словно то билось сердце самой вселенной, сияние, которое видел только он и которое озаряло и его руки.

Ему казалось, что он плывет не касаясь земли, когда он встал и пошел навстречу брату и родне других новопосвященных, чтобы дать им причаститься. Нет, он не плыл, конечно, но чувствовал — ибо силы Дерини в нем не только не уменьшились, но явно окрепли, — что мог бы даже взлететь, если бы захотел.

И когда он, ставший наконец священником, дал впервые своему брату Святое Причастие и увидел на его лице удивленное и благоговейное выражение, которое запомнил на всю жизнь, радость его достигла своего предела.

(«Архивы Дерини»)

В подтверждение того, что нечто потустороннее и впрямь коснулось Дениса Арилана в тот день, позднее он узнает, что на самом деле выпил мерашу. И то, что она на него не подействовала, может быть отнесено лишь на Божественное вмешательство.

> Он подумал, что пережил нынче величайшее чудо из всех, какие только выпадали на долю человека, — и что жизнь свою он проведет в неустанном служении Тому, Кто пощадил его сегодня.
>
> *(«Архивы Дерини»)*

Но на самом ли деле Арилан пережил чудо? Если же происшедшее чудом не являлось, тогда нам нужно отыскать рациональное объяснение. Насколько нам известно, ни одному Дерини до или после Дениса Арилана не удалось сделать то, что сделал он в день посвящения в сан. Вправе ли мы утверждать, что ему удалось каким-то образом нейтрализовать мерашу в своем теле и трансмутировать ее в некую безвредную субстанцию? С точки зрения здравого смысла, очевидно, произошло именно это. Однако, даже в таком случае мы должны говорить о чуде, поскольку не можем объяснить, каким образом этого достиг Арилан, либо как мог Господь проделать подобную трансмутацию напрямую.

Впрочем, моменты духовного подъема не относятся исключительно к религиозной практике. Нам уже доводилось во вполне мирском окружении несколько раз стать свидетелями совершенно необычайного феномена в тот миг, когда некоторые люди уходили в мир иной.

В момент смерти Синхила уже после того, как он передал свое могущество сыновьям, Камбер пытается облегчить ему этот переход. В этот миг он совершенно открыт, и дает возможность Синхилу узнать свою истинную личность Камбера-Элистера, точно так же, как в свое время Синхил признался Элистеру, что до сих пор служит мессу, ибо в эти послед-

ние моменты между ними двоими не может быть никакой лжи и притворства.

Устало кивнув, Камбер закрыл глаза, остановил течение мыслей и открыл знакомую связь, которую часть его существа, бывшая теперь Элистером, установила с королем много лет назад.

Он почувствовал присутствие Синхила в себе, но это было совсем иное, нежели прежде.

А затем его мозг стал осознавать то, что он мог определить как звук, хотя это было совершенно иным — светом, эхом отдаленного перезвона множества маленьких колокольчиков, поющих невыразимо чарующую мелодию.

Небесная музыка, гадал Элистер, или, может быть, голоса небесных владык, или и то, и другое, либо ни то, ни другое

Закружился молочно-опаловый вихрь, затем пришло чувство раздвоения, и он стал видеть Синхила как бы снизу, хотя прекрасно сознавал, что его глаза по-прежнему закрыты.

Он видел, как следы прожитых лет исчезают с лица Синхила. Видел, как обостряется внутреннее зрение, сбрасывает покровы, открывая правду.

Король с трепетом обнаруживал в том, кто был для него Элистером Келленом и стоял рядом последние двенадцать лет, совсем другие черты.

— Камбер? — осторожно спросил он без страха, возмущения и злобы.

— И Элистер, — последовал смиренный ответ. И с этими словами Камбер открыл Синхилу всю историю, без утайки, — в неземном царстве, где они пребывали, невозможно было скрыть истину. По-видимому,

прошло время, но нельзя сказать, сколько — тут и время было другим — и история была рассказана, Синхил смотрел с полным одобрением, потом поднялся и подал руку Камберу.

(«Камбер-еретик»)

Можно утверждать, что Камбер находился в измененном состоянии сознания в тот миг, когда обнимает слабеющего короля и просит Джорема открыть врата в круге, чтобы выпустить душу Синхила. Внутренним зрением он видит, как обновленный и помолодевший Синхил словно поднимается из бренного тела и уходит прочь в сопровождении четырех Архангелов-хранителей. Столь четкая визуализация этих потусторонних Стражей не часто достигается даже для столь опытного Дерини, как Камбер, и мы не можем утверждать наверняка, распался ли купол круга в тот миг, когда Синхил прошел через врата из-за того, что Архангел протрубил в свой рог, или просто из-за резкой смены энергетических уровней, когда Синхил переходит в иное измерение.

Камбер закрыл глаза, в последний раз обращая свой внутренний взор на уходящего владыку Гвиннеда.

Тот поднял руку в прощальном привете, потом переступил черту и вышел из круга. Сияние обволакивало его, меняя знакомые Камберу черты. Он увидел рядом с удаляющимся Синхилом двух мальчиков, похожих на него, какую-то красивую женщину с пшеничными волосами и другие образы, которые было не распознать в сиянии.

Дуновение воздуха и шелест крыльев возвестили приближение Хранителей маги-

ческого круга. И они явились, Существа, похожие на бесплотные, смутно очерченные тени, исполненные могущества, безмерного, но не несущего угрозы.

(«Камбер-еретик»)

В другой главе мы уже рассматривали появление четырех великих Архангелов. В данном случае ключом является трансформация Синхила, когда он покидает смертное тело, и образы близких, ожидающих его по ту сторону. Там его покойная жена и сыновья и другие люди, которых Камбер не знает, вероятнее всего, Синхил был знаком с ними по прежней монашеской жизни, до того как стал королем.

Джебедия также испытывает обновление в момент смерти, и его приветствует тот, кто ушел в мир иной прежде него. Камбер становится свидетелем этому благодаря обострившимся чувствам в близости неминуемой гибели.

Серебряная нить развязывалась, и связывавшие с землей узы стали слабеть. Сейчас не было магического круга, но внутренним зрением Камбер увидел едва различимый, бесплотный образ молодого Джебедии, поднимающегося над телом, обмякшим в его руках, — образ доброго, полного жизни юноши.

Михайлинец не смотрел на него. Его взгляд был устремлен к часовне за поляной. Оттуда брызнул холодный серебряный свет. Сверкающая искорка превратилась в фигуру кого-то очень знакомого, облаченную в голубые одежды Ордена святого Михаила, фигура медленно плыла к ним, едва касаясь ногами недавно выпавшего снега. На лице, которое столько лет

смотрело на Камбера из зеркала, светилась широкая молодая улыбка, навстречу Джебедии распахнулись объятия.

Затаив дыхание, Камбер смотрел, как молодой Джебедия поднялся с земли и шагнул к призраку. Они обнялись, как давно разлученные братья, их радость ощущал даже Камбер. Они обернулись и посмотрели на Камбера, сначала Джебедия, а потом призрак, и раскрыли объятья для него, приглашая присоединиться. Как он желал этого! И согласно помахал рукой... Но приступ боли застлал слезами глаза, возвращая в телесный мир.

(«Камбер-еретик»)

Мог ли Камбер присоединиться к Джебедии и Элистеру? Тело его смертельно ранено, жизнь медленно утекает вместе с кровью, сочащейся на снег. И все же Камбер уверен, что еще не пришло время для него сдаться на милость смерти. И то, что рядом с Джебедией и Элистером нет никого из его покойных близких, словно бы подтверждает правоту принятого решения. Ведь Райс умер не так давно, и он был очень близок Камберу. Следовало бы ожидать, что он придет встретить его на пороге смерти. Точно так же там должен был бы присутствовать дух убитого Катана или покойной жены Камбера Джоселин.Мы мало что знаем о ней, поскольку она умерла за семь лет до того, как мы впервые встретились с Камбером, но, зная этого человека, мы не сомневаемся, что у него были тесные и любящие отношения с супругой. Так что отсутствие всех любимых на пороге смерти следует считать значительным явлением.

Переход в мир иной является не менее драматическим событием, когда мы видим его глазами ухо-

дящего. Хотя когда дело касается Ивейн, мы провожаем ее лишь до последнего порога, но не далее.

> На миг ей удалось уловить последний образ: невыразимо близкое лицо отца, исцеленного, совсем молодого, который распахнул глаза и улыбнулся ей с любовью, состраданием, пониманием, прощением и благодарностью, за ту невероятную жертву, что она принесла ради его освобождения.
>
> А потом он просто исчез, и она обернулась к вратам в круге, за которым тянул к ней руки возлюбленный, с растрепанными рыжими волосами и смеющимися янтарными глазами, а у него на плечах восседал хохочущий, счастливый девятилетний мальчуган Она даже не вспомнила об оставленном позади теле, которое мягко опустилось на руки Кверону, подобно опавшему парусу. Она видела перед собой лишь мужчину, и мальчика, а затем — ослепительный Свет, что объял ее за порогом теней, в трепете черно-зеленых крыл.
>
> *(«Скорбь Гвиннеда»)*

Может быть, чудо и не произошло, и все же это было нечто большее, чем приходится испытывать обычным смертным. Вероятнее всего, для того чтобы в полной мере осознать, что происходит с человеком, когда душа его отлетает в мир иной, нужно быть Дерини, и даже не просто Дерини, а опытным и продвинутым адептом. Тем не менее, даже в нашей земной истории есть множество рассказов очевидцев, когда самые обычные люди, казалось бы, умирали, а затем возвращались, чтобы рассказать о пережитом. Их повествования отличаются между собой, но встречаются общие детали. Великий свет, ма-

нящий издалека, вид покойных любимых и близких, ощущение всепоглощающей, окутывающей любви. Все эти детали кажутся нам знакомыми. Возможно, мы сами Дерини куда в большей степени, чем думаем, или, возможно, Дерини куда больше люди, чем им бы того хотелось.

Медитация

Отличительной чертой большинства техник медитации будь то у людей или у Дерини является способность субъекта переходить в измененное состояние сознания для достижения просветления и мудрости, недостижимой в нормальном бодрствующем состоянии.

Это происходит обычно в религиозном или псевдорелигиозном контексте, поскольку созерцание важных вопросов бытия, как правило, ассоциируется с вещами куда более возвышенными, чем наша повседневная деятельность, отнимающая большую часть времени.

Люди для медитации обычно сосредотачиваются на точке фокусировки, в роли которой выступает огонь или отражение, или некий иной объект, отделенный от окружающей обстановки, либо человек просто закрывает глаза и проделывает то же самое мысленно. В любом случае, после этого внимание направляется к определенной идее или некоей общей цели. Такой целью может являться просветление. Иногда субъект довольствуется просто обретением покоя и обновлением энергии, которая сопровождает близкий контакт с собственным высшим Я или с Божеством.

Дерини, как правило, делают то же самое, однако, благодаря лучшему умению сосредотачиваться и их способности перемещаться с одного уровня сознания на другой, они получают более конкретные и значительные результаты. В случае использования кристалла ширала как фокуса для медитации, камень играет роль своего рода ответной связи, поскольку зримо показывает, когда субъект достиг внутреннего равновесия и готов к дальнейшей работе. Разумеется, это визуальное подтверждение является лишь дополнением, не всегда необходимым, к ощущению внутреннего продвижения на более высокий уровень, однако на начальных стадиях обучения такое зримое свидетельство полезно ученику и используется именно для этого.

Когда Синхил случайно обнаружил Ивейн, медитирующую в часовне, то удивился, насколько спокойной она выглядит, словно была открыта в этот миг всей вселенной, и от благоговения он готов был опуститься на колени. Чтобы описать это состояние, он говорит даже о свечении, исходившем от ее фигуры, и об ощущении святости. Набравшись смелости, Синхил спрашивает у Ивейн, имел ли значение для этого состояния кристалл ширала, и она признает, что хотя кристалл и неспособен сам по себе вызвать такое состояние, но, возможно, он усилил его. Мы нередко были свидетелями медитации у Дерини в самых разных обстоятельствах. Созерцательность лежит в самой основе обучения Дерини, даже когда они полностью погружены в мирскую жизнь. Что же касается религиозных Орденов Дерини, то они придают медитативным практикам чрезвычайно большое значение.

Медитация в религиозной практике

Религиозные Ордена Дерини или те Ордена, членами которых в большинстве своем являются Дерини, как правило, имеют в своем арсенале определенные созерцательные техники. Это естественное продолжение духовной дисциплины, практикуемой любым религиозным Орденом, усиленной высшими сверхчувственными способностями и тесной связью индивидов, которые живут и поклоняются Богу не порознь, а как единое сообщество.

За Орденом святого Михаила издавна закрепилась репутация воинственной организации, очень закрытой для посторонних. Мы можем рассматривать ее как некий гвиннедский эквивалент смеси тамплиеров и иезуитов, где от первых они взяли воинскую удаль, отвагу и ловкое обращение с финансами, а от вторых — дисциплину, интеллектуальное обучение и религиозную преданность (любопытно заметить, что и у Рыцарей Храма, и у Общества Иисуса, имелись тайные обряды, послужившие их успеху... и падению. Страшно себе представить, каких высот они бы достигли, будь они наделены могуществом Дерини!)

До сих пор мы не видели, чтобы религиозная практика михайлинцев сильно отличалась от той, что принята в других Орденах. Нам известно, что рыцари-михайлинцы, будучи воинами воинствующей Церкви, имеют право убивать, что, разумеется, запрещено всем прочим членам Церкви. Мы знаем также, что они служат евхаристию определенным образом, то есть причащают и вином, и гостией, что

было не принято в ту пору как в Гвиннеде, так и в нашем собственном Средневековье.

Кроме того, нам известно, что у михайлинцев была принята медитация с мечом. Вероятнее всего, она заключалась в том, что при молитве рыцарь опускался на колени и ставил свой меч вертикально, острием в землю, а рукоятью вверх, держа его перед собой, точно крест. Предположительно, при этом ему надлежало концентрировать внимание на священных знаках, нанесенных на рукоять. С должным уровнем концентрации, усиленным михайлинской духовной дисциплиной, подобная медитация облегчила бы даже для рыцаря-человека переход в измененное состояние сознания, которое также можно назвать трансом. Дальнейшее просветление зависело бы уже от индивидуальных свойств молящегося. Похожие методы медитации используют и современные рыцари-тамплиеры. На общем собрании, которое можно рассматривать как групповое упражнение, михайлинская медитация на мече значительно усиливалась бы, поскольку Дерини — члены Ордена могли повести за собой обычных людей. Вероятнее всего, проводил ритуал глава Ордена или избранное им лицо. Он устанавливал цель визуализации и желаемый результат. Так, Камбер в романе «*Камбер-еретик*» вспоминает, что михайлинцев учили фокусировать внимание на пламени или на мече святого Михаила. Это очень важный обрывок информации, который пришел к нему скорее из памяти Элистера, чем из собственного опыта. К несчастью, мы не узнаем ничего больше. Можно предположить, что меч был установлен вертикально в алтарном камне, подобном синему каменному кубу в гавриилитской часовне. Скорее всего, там имелось также углубление, в

котором горел огонь. Этот огонь мог быть сотворенным магически. Отсюда можно сделать вывод, что камень каким-то образом собирал энергию, поскольку Камбер признает сходство между алтарем гавриилитов и михайлинцев, а также ощущает их связь с черно-белым алтарным камнем в подземельях Грекоты, о котором он точно знает, что тот является узлом сосредоточения силовых потоков. Однако, нам до сих пор неизвестно, с какой целью михайлинцы проводили этот обряд. Возможно, мы еще узнаем об этом в будущем.

Орден святого Гавриила в некоторых отношениях является еще большей загадкой, чем Орден михайлинцев. Поскольку все гавриилиты являлись Дерини, у них не было необходимости приспосабливать свою практику к уровню человеческих способностей. Все гавриилиты являлись либо адептами, либо учениками адептов. Именно поэтому их обряды несли в себе куда больше следов магии, чем ритуалы михайлинцев, хотя оба Ордена были чрезвычайно осторожны и хранили свои секреты от непосвященных, будь то люди или Дерини.

Мы уже упоминали синюю каменную алтарную плиту в гавриилитском зале собраний. Камбер считает, что это была точка приложения энергии, но больше он ничего не знает. Райс также неспособен ему ничем помочь, потому что он был в аббатстве святого Неота простым учеником и ему неведомы глубинные тайны Ордена.

Конечно, ему должно быть кое-что известно о самом зале собраний. Прежде всего, все обитатели аббатства, будь то священники и Целители, или ученики и послушники, — все они должны были исполнять в этом зале самые простые обязанности, начи-

ная от уборки и так далее. Но, кроме того, Райс неизбежно должен был предстать перед капитулом Ордена, когда проходил экзамены или отвечал за какие-то дисциплинарные проступки. Тем не менее, не будучи членом Ордена, он не мог знать, что происходит на собраниях капитула или во время молитвенных собраний старших братьев.

Впрочем, если бы Райс и узнал или услышал что-то недозволенное, как это часто случается с любопытными учениками, и мог бы прийти с помощью этой информации к неким правильным, но нежеланным выводам, наверняка его наставники постарались бы в мягкой форме убедиться, что эта информация не выйдет из стен аббатства святого Неота. Старшие Целители, которым было поручено обучение студентов, регулярно и глубоко проникали в их сознание. Им не составило бы труда незаметно скрыть сведения, которые могли бы повредить Ордену.

В обстановке аббатства святого Неота повсюду мы видим намеки на скрытые, потаенные корни Ордена. Так, на синей черепице купола Камбер замечает гавриилитский крест. Этот крест был равновеликим, вписанным в солнечный круг и с загнутыми концами.

> При ближайшем рассмотрении стали различимы детали — золотой оттиск креста Ордена, четырьмя концами касавшийся солнечного диска. Этот мотив и другие были традиционны и повторялись на тяжелых бронзовых дверях здания капитула. Ощущение близости прошлого укрепило Камбера в мысли, что истоки гавриилитов, как и самих Дерини, много древнее, чем при-

нято считать. Хотя это не стало широкой темой для дискуссий, особенно среди ортодоксальных священников, те, кто занимался изучением древности, отлично знали, что в основу волшебства Дерини, кроме христианского, легло множество верований.

(«Камбер-еретик»)

Зачастую, это наследие открыто проявляется у гавриилитов. Мы видим это, когда Камбер-Элистер отправляется в аббатство святого Неота в канун Рождества 917 года, чтобы предупредить гавриилитов о нападении войск регентов. Мы видим отца Эмриса со спины, окутанного облаком серебристого света, озаряющего хоры церкви по бокам и позади него.

Вечерняя служба завершила уставные часы молитв, и две ровные цепочки монахов, священников, Целителей и нескольких старших учеников потянулись с хоров к центру, чтобы выразить свое почтение аббату и затеплить свечи. Камбер и Джорем видели, как каждый возвращается с зажженным огоньком в ладонях и опускается на колени: молящиеся все полнее уходили в самоотрешение, и серебристые огоньки в руках меняли цвет, у каждой свечи все заметнее становился собственный, неповторимый оттенок.

(«Камбер-еретик»)

Камбер отмечает, что это была чисто деринийская церемония. Кроме того, это деринийский вариант бенедиктинской практики, когда все члены сообщества поочередно выходят вперед в конце службы и аббат или аббатисса на лбу у каждого чертят крест святой водой, черпая ее из особого сосуда в форме

раковины. Дерини вполне могли бы делать то же самое, особенно гавриилиты, поскольку морская раковина, наполненная водой, является мощным визуальным символом Благословенной Девы как Звезды Морской, а нам известно, что гавриилиты особо поклонялись Богоматери. Можно предположить, что гавриилиты являются некоей разновидностью дерийских бенедиктинцев. У обоих Орденов приняты постоянные бдения, у бенедиктинцев перед Святыми Дарами, у гавриилитов перед образом святого Гавриила и Богоматери, где также должны были храниться Святые Дары. Именно там Джеффрай знал, что непременно отыщет Эмриса, отстаивавшего бдение в ночь на Саббат, когда ему нужно было устроить встречу с Эмрисом, Квероном, Райсом и Камбером.

Во время этой встречи, точнее, в самом ее начале, Камбер испытывает нечто странное, и это указывает нам еще на один гавриилитский обряд, у которого нет других параллелей во всем Гвиннеде. Это искусство звуков и музыкальных гармоний. В нашем мире давно было известно, что некоторые звуки, звуковые частоты и их сочетание оказывают определенное воздействие на человеческое сознание. Музыка является областью не только эстетической, но также некоторые виды мелодий и ритмов могут влиять на наши ощущения (так, музыка, играющая в лифте или в кабинете дантиста, вызывает совсем иные чувства, чем Моцарт или хард-рок).

Древние кельты очень хорошо разбирались в эффектах, которые различные звуки оказывают на слушателей. Совершенно по-разному действуют мажорный и минорный лад. Перед некоторыми гармониями просто невозможно устоять. У любого опытного

арфиста в репертуаре были песни на все случаи жизни: чтобы погрузить человека в сон или ускорить выздоровление, или подтолкнуть людей к бою, или пробудить в них любовь. Арфа являлась излюбленным инструментом бардов, способным подражать даже человеческому голосу, поэтому нас не должно удивлять, что гавриилиты, ведущие свое происхождение от кельтов параллельного мира, научились использовать те же самые принципы, применяя гармонию, чтобы усилить воздействие песнопений и гимнов, и это воздействие особенно значимым было бы для слушателя-Дерини. Камберу уже доводилось слушать Adsum Domine, когда Райс посвящал своего маленького сына Тиега в Целители. Но исполнение этого песнопения одним голосом не может сравниться с хоровым антифоном, что он услышал в тот день у алтаря в аббатстве святого Неота.

> Это был древний, широко известный гимн Adsum, Domine. Он содержал основы этических правил, что определяли жизнь Целителей мирских и духовных с тех самых пор, как среди Дерини появились первые Целители. Во второй раз за всю жизнь Камбер слышал его исполнение, хотя слова читал тысячу раз и знал их наизусть...
>
> Гармония голосов Целителей-священников проникала в самое существо Камбера. Он слушал и размышлял над тем, что одних делает Целителями, а другие, лишенные этого неведомого свойства, остаются простыми смертными.
>
> *(«Камбер-еретик»)*

Это песнопение предназначено, в основном, для Целителей, хотя оказывает мощное воздействие и на

других адептов. Можно сравнить его действие с не вполне настроенным телевизором, который то подстраивается, то вновь теряет картинку, улавливает время от времени какие-то образы и обрывки диалогов, но так и не дает четкого изображения. И если уж этот опыт так остро отозвался в душе Камбера, мы можем лишь попытаться представить, каково было пережить то же самое Целителю, способному уловить все нюансы. Нам неизвестно, имелись ли у гавриилитов иные подобные песнопения для других целей, но вероятнее всего, что это так и было.

Еще о двух обрядах гавриилитов мы узнаем из романа «*Скорбь Гвиннеда*», но их полное значение, вероятнее всего, известно лишь старейшинам Ордена. Кверон Киневан описывает часть ритуала, который проводил Мастер несколько раз в году на утренних медитациях в зале собраний (мы не знаем точно, кто был этот мастер, скорее всего, не аббат, иначе Кверон назвал бы его именно так. Аббат возглавлял Совет из двенадцати старейшин и, скорее всего, сам являлся старейшиной, но не обязательно должен был быть Мастером. Вполне возможно, что Мастер выполнял иную, более эзотерическую роль.)

«Нас всегда учили, что это символическое действо, хотя никто точно не мог сказать, в чем заключается его символика, и я никогда не задавался этим вопросом», — говорит Кверон Ивейн и Джорему, рассказывая им о кубиках защиты, выставленных в виде алтарной плиты на самом алтаре.

> ...обычно Мастер выстраивал эту комбинацию, затем читал определенную молитву, держа руки лодочкой над кубом, словно во время евхаристии. После чего из куба начинала проистекать энергия, напол-

няя алтарь до краев... Мне лично всегда казалось, что это делалось для очищения алтаря, но теперь я начал сомневаться, ведь он проделывал это лишь над кубическим алтарем в Капитуле, и никогда над другим, обычным, в святилище. А тот использовался только для медитаций.

(«Скорбь Гвиннеда»)

Разумеется, мы вскоре узнаем, что ритуал имел мало общего с очищением, точнее, не сводился исключительно к очищению, и точно также выясняем, что деревянный катафалк, который использовали на похоронах гавриилитских старейшин тайным образом соотносился с гробом Орина из четырех белых и четырех черных кубов, установленных в виде Столпов Храма таким образом, что покойный символически возлежал на них в равновесии между столпами Суровости и Милосердия, классических образов каббалистической символики.

...катафалк состоял из восьми полых деревянных кубов, соединенных между собой, в точности как этот; катафалк был разборным, тогда я думал, это чтобы удобнее было его хранить. Грани кубов были ровными, из мореного дерева — кажется, то был тис,— и украшены символами нашего ордена и веры, как и следовало ожидать. Те грани, которые соединялись между собой, были гладкими.— Он провел пальцем по соединению белого и черного куба.— Но изнутри они были выкрашены в белый и черный цвет — я обнаружил это, лишь когда уже очень долго пробыл у гавриилитов, случайно, зачем-то другим зайдя в хранилище. Мне и в голову не пришло никого расспрашивать об этом, но теперь я

понимаю, что когда их скрепляли, то черные оказывались слева, а белые справа. Значение этого я осознал лишь сейчас... За приготовлениями к похоронам всегда наблюдал брат ризничий. И я даже не помню, чтобы он хоть кого-то просил помочь, хотя кубы, наверняка, весили немало, и кто-то должен был переносить их в церковь со склада. Послушники и младшие братья делали всю черную работу, но когда мы приходили, катафалк всегда уже стоял.

— И готов поручиться, что брат ризничий всегда был одним из старейшин, верно? — предположил Джорем.

— Всегда.

— Судя по вашему описанию, речь идет о некоем ордене внутри ордена,— высказала догадку Ивейн.— Похоже, значение некоторых обрядов оказалось утрачено со временем — как, к примеру, обряд очищения,— но вполне возможно, что некая тесная группа избранных старалась по-прежнему продолжать традиции Эйрсидов.

(«Скорбь Гвиннеда»)

Ранее уже отмечалось, что отец Эмрис получил образование в некоей эзотерической традиции, не являвшейся ни гаврилиитской, ни михайлинской. Вероятно, то была школа Эйрсидов. Возможно также, что гавриилитский Совет старейшин представлял собой некий орден внутри ордена, куда входили последние хранители древней мудрости предков Дерини. К счастью, со временем мы отыщем куда больше подобных свидетельств, по мере того как Дерини будут стараться в полной мере вернуть себе утраченное наследие и использовать его для мирного сосуществования с людьми.

Приложение: Епархии в Гвиннеде и окрестностях

Валорет – северо-восточная часть Халдейна, исключая Дхассу; область к северу от реки св. Джарлата.

Ремут – юго-западная часть Халдейна, ограниченная основными реками.

Дхасса – вольный святой город в Лендорских горах, к востоку от Дженнанской долины и к северу от Кингслейка.

Корот – Картмур и герцогство Корвин, к северу от Дженнанской долины.

Кербери – область вокруг одноименного города; объединена с Грекотой и прекратила самостоятельное существование в 1122 году.

Кулди – юго-западная часть Гвиннедской равнины, с юга граничит с Ремутом и Куилтейном.

Марбери – графство Марли.

Стэвенхем – области Клейборн, Келдиш Райдинг и озеро Рендалл.

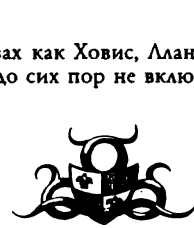
Меара – область Старой Меары, включающая в себя Меару и Кирни.

Кешиен – северная область Лланнеда вдоль реки, на севере ограничена Ремутом и Куилтейном, а на западе – горами.

Кардоса – Истмарк к югу от Кингслейка.

Баллимар – Кассан.

В таких королевствах как Ховис, Лланнед и Коннаит существует собственная иерархия, до сих пор не включенная в общую структуру гвиннедской Церкви.

Епископы Гвиннеда

Епископы Гвиннеда: 905 год (правление короля Синхила)

Валорет – архиепископ Энском Тревасский, Дерини (891-906 гг.), архиепископ Джеффрай Керберийский, Орден св. Гавриила, Дерини (906-917 гг.), помощник – епископа Роланд (до 906 г.), помощник – не назван (906-916 гг.).

Ремут – место архиепископа вакантно в 905 году архиепископ Роберт Орисс, *Ordo Verbi Dei* (905-... гг.), помощник – не назван.

Дхасса – епископ Ниеллан Трей, Орден св. Михаила, Дерини.

Грекота – к 905 году место епископа было вакантно уже более пяти лет. Епископ Элистер Келлен, Орден святого Михаила, Дерини (905-917 гг.).

Найфорд – епископ Уллиам ап Лью.

Кешиен – епископ Дермот О'Бирн.

Странствующие епископы – восемь человек (включая двоих помощников). Из них нам известны епископ Кай Дескантор, Дерини, епископ Юстас Фарлей, епископ Давет Неван, епископ Терло.

Это положение сохранялось практически неизменным до 2 февраля 917 года, когда на престол взошел король Алрой. В предыдущем году помощниками епископов в Ремуте и Валорете были избраны Айлин Мак-Грегор и Хьюберт Мак-Иннис, соответственно. Вскоре после коронации Алроя были назначены также новый странствующие епископы, и число их доведено до двенадцати человек.

Епископы Гвиннеда: 917 год (правление короля Алроя)

Валорет – архиепископ Джеффрай Керберийский, Орден св. Гавриила, Дерини (906-917 гг.), помощник – епископ Айлин Мак-Грегор (916-... гг.).

Ремут – архиепископ Роберт Орисс, *Ordo Verbi Dei* (905-... гг.), помощник – епископ Хьюберт Мак-Иннис (916-... гг.).

Дхасса – епископ Ниеллан Трей, Орден св. Михаила, Дерини.

Грекота – епископ Элистер Келлен, Орден св. Михаила, Дерини (905-917 гг.).

Найфорд – епископ Уллиам ап Лью.

Кешиен – епископ Дермот О'Бирн.

Странствующие епископы – двенадцать человек (включая двоих помощников). Из них нам известны епископ Кай Дескантор, Дерини; епископ Юстас Фарлей; епископ Давет Неван: епископ Терло; епископ Зефрам Лордский, *Ordo Verbi Dei* – бывший глава *Ordo Verbi Dei;* епископ Арчер Аррандский, *Ordo Verbi Dei* – теолог; епископ Альфред Вудборнский – королевский духовник; епископ Полин Рамосский – пасынок Таммарона.

В ноябре 917 года, после гибели архиепископа Джеффрая Керберийского, двое странствующих епископов получили новое назначение: епископ Терло был перемещен в Марбери, а епископ Полин – в Стэвенхемскую епархию. 24 декабря, после продолжительных споров и невзирая на сильнейшее противодействие со стороны регентов, преемником Джеффрая на посту архиепископа Валоретского был избран Элистер Келлен. Он законный образом вступил в должность 25 декабря, но в тот же день был смещен регентами и вынужден спасаться бегством вместе с епископами Ниелланом Треем и Дермотом О'Бирном. В ходе последовавших беспорядков погиб епископ Давет Неван и Кай Дескантор, последний епископ-Дерини.

На следующее утро оставшиеся епископы пополнили свои ряды, избрав шестерых новых странствующих епископов – в их число вошел и двадцатилетний племянник Хьюберта, Эдвард Мак-Иннис. 27 декабря, после ряда ловких маневров Хьюберт добился, чтобы его избрали архиепископом Валоретским и примасом Гвиннеда. Немедленно вслед за этим Хьюберт созван Рамосский собор.

Епископы Гвиннеда: весна 918 год (правление короля Алроя)

Валорет – архиепископ Хьюберт Джон Уильям Валериан Мак-Иннис, регент; помощник – епископ Айлин Мак-Грегор.

Ремут – архиепископ Роберт Орисс; помощник – епископ Альфред Вудборнский.

Дхасса – епископ Арчер Аррандский.

Грекота – епископ Эдвард Мак-Иннис Арнхемкий, племянник Хьюберта.

Найфорд – епископ Уллиам ап Лью.

Кешиен – епископ Зефрам Лордский.

Марбери – епископ Терло.

Стэвенхем – епископ Полин Рамосский (с середины ноября 917 года до 2 февраля 918 года, когда он стал главой *Ordo Custodem Fidei*).

Когда пыль улеглась, из прежних десяти странствующих епископов на своем посту остался один лишь Юстас Фарлей (если не считать двоих помощников епископов). Вскоре были назначены еще пятеро, а в течение полугода их общее число вновь довели до десяти.

Вероятно, церковная структура продолжала развиваться в течение последующих двухсот лет, однако этот вопрос подлежит более тщательному изучению в будущем. Скажем лишь, что в ноябре 1121 года, к моменту восшествия на престол короля Келсона, в Гвиннеде имелось десять епископов, имеющих постоянную епархию (из них два архиепископа) и двенадцать странствующих (из них два помощника епископа.)

Епископы Гвиннеда: 1121 год (правление короля Келсона)

Валорет – архиепископ Эдмунд Лорис; помощник – не назван.

Ремут – архиепископ Патрик Корриган; помощник – епископ Денис Арилан.

Дхасса – епископ Томас Кардиель.

Грекота – епископ Браден.

Корот – епископ Ральф Толливер.

Керберн – епископ Креода.

Марбери – епископ Айфор.

Стэвенхем — епископ Де Лейси.

Меара — епископ Карстен.

Кешиен — епископ Белден Эрнский.

Странствующие епископы — двенадцать человек (включая двоих помощников). Из них нам известны: епископ Сивард; епископ Гилберт Десмонд; епископ Вольфрам де Бланет; епископ Генри Истеллин; епископ Конлан; епископ Моррис; епископ Ричард Найфордский.

К 1122 году произошли определенные изменения. Лорис были смещен с поста и помещен в тюрьму, несколько человек скончались (Патрик Корриган в 1121 г. от сердечного приступа; Ричард Найфордский казнен вместе с герцогом Джаредом в 1121 г.; Де Лейси в 1122 г. от пневмонии; и наконец Моррис — дата и причина смерти неизвестны). Кроме того, были созданы новые епархии в Баллимаре и Кардосе, и отменена — в Кербери.

Епископы Гвинneда: 1122 год (правление короля Келсона)

Валорет — архиепископ Браден Грекотский; помощник — епископ Генри Истеллин.

Ремут — архиепископ Томас Кардиель; помощник — епископ Дункан Маклайн.

Дхасса — епископ Денис Арилан.

Грекота — епископ Вольфрам де Бланет.

Корот — епископ Ральф Толливер.

Кулди — епископ Креода Керберийский.

Марбери — епископ Айфор.

Стэвенхем — епископ Конлан.

Меара — епископ Карстен.

Кешиен — епископ Белден Эрнский.

Кардоса — епископ Сивард.

Баллимар — епископ Лахлан Кварлисский.

Странствующие епископы — двенадцать человек (включая двоих помощников): епископ Джеймс Маккензи; епископ Гилберт Десмонд; епископ Хью де Берри; епископ Мир Кирнийский; епископ Раймер де Валенс; епископ Беван де Торинъи; епископ Неван д'Эстрелдас; епископ Корберт Матисен; епископ Джон Фитцпадрейк; епископ

Амори Релледский; епископ Эдвард Клумский; епископ Калдер Шиильский (дядя Дункана).

В ходе Меарского Синода, осенью 1123 года, после кончины Карстена Меарского, король предложил на пост епископа Меары Генри Истеллина, и его кандидатура была одобрена Синодом. Вскоре после этого бывший архиепископ Эдмунд Лорис бежал из заточения, сместил Истеллина и, преступно казнив его, самовольно занял пост примаса Меары, назначив Джедаила Меарского епископом Ратаркина. В этих должностях они пребывали до лета 1124 года, когда были пленены и казнены Келсоном. Впоследствии своих постов лишились еще ряд епископов, поддерживавших Лориса и Джедаила, что вызвало новые назначения.

Епископы Гвиннеда: 1125 год (правление короля Келсона)

Валорет — архиепископ Браден. Грекотский помощник — епископ Бенуа д'Эверинг.

Ремут — архиепископ Томас Кардиель;помощник — епископ Дункан Маклайн.

Дхасса — епископ Денис Арилан.

Грекота — епископ Вольфрам де Бланет.

Корот — епископ Ральф Толливер.

Кулди — епископ Беван деТориньи.

Марбери — епископ Айфор Марлийский.

Стэвенхем — епископ Конлан.

Меара — епископ Джон Фитцпадрейк.

Кешиен — епископ Джеймс Маккензи.

Кардоса — епископ Сивард.

Баллимар — епископ Хью де Берри.

Странствующие епископы — двенадцать человек (включая двоих помощников). Из них нам известны имена: епископ Джодок д'Арман; епископ Корберт Матисен; епископ Амори Релледский; епископ Эдвард Клумский.

Смещены с должности и осуждены на пожизненное заключение: Белден Эрнский; Лахлан Кварлисский; Креода Керберийский.

Смещены с должности и низведены до простых священников: Гилберт Десмонд; Мир Кирнийский; Раймер де Валенс; Неван д'Эстрелдас; Калдер Шиильский.

Религиозные Ордена в Гвиннеде

***ОРДЕН СВ. МИХАИЛА (МИХАЙЛИНЦЫ)** – рыцари и священники, большей частью Дерини; уничтожен в Гвиннеде в 917 году.

Верховный настоятель: Элистер Келлен, затем Креван Эллин.
Магистр: лорд Джебедия Алькарский.

Обители михайлинцев:

Челтхем (командория до 905 г.)

Верхний Эйриал

Моллингфорд

Аргод (командория 905-917 гг.)

Куилтейн (на меарско-гвиннедской границе)

Аббатство св. Лиама (учебное заведение)

Джелларда (первоначальная штаб-квартира и командория, Наковальня Господня)

Сент-Элдерон (на границе с Истмарком)

Брустаркия (Арьенол)

Тайное убежище св. Михаила

Облачение священников: синяя ряса с алым поясом или кушаком, синий плащ с михайлинской эмблемой на левом плече; небольшая тонзура размером с монету.

Облачение рыцарей: синяя накидка-сюрко с эмблемой михайлинцев сзади и на груди, белый пояс или кушак; синий плащ, как у священников; небольшая тонзура размером с монету.

Символика: на лазурном поле серебряный крест, заостренный книзу, в языках красного с золотом пламени. (Братья миряне и низшие воинские чины носят значок с простым белым крестом, заостренным книзу.)

***ОРДЕН СВ. ГАВРИИЛА (ГАВРИИЛИТЫ)** – орден Дерини, большей частью Целителей и наставников Целителей; уничтожен в Гвиннеде в 917 году.

Аббат: отец Эмрис.

Облачение: белое одеяние с капюшоном, белый кушак, белая накидка; тонзуру не выбривают, волосы отпускают и заплетают в косу.

Символика Ордена: заключенный в круг крест с раздвоенными концами, обычно белого или голубого цвета.

Символика Целителей: зеленого цвета сжатая «лодочкой» ладонь правой руки, пронзенная восьмиконечной белой звездой (у Целителей-мирян – наоборот).

Штаб-квартира: аббатство св. Неота (к югу от Лендорских гор).

***ORDO VERBI DEI (ОРДЕН СЛОВА ГОСПОДНЯ)** – полумонашеский Орден, известный прежде как Орден св. Джарлата.

Верховный настоятель: отец Роберт Орисс, затем Зефрам Лордский.

Штаб-квартира: аббатство св. Джарлата (к северу от Лендорских гор).

Аббат: отец Грегори Арденский.

Облачение: аббат – бордовое, монахи – серое, братья-миряне – коричневое.

Приорство св. Приана (близ Валорета).

Приор: отец Стефан.

Облачение: аббат – белое, братья-миряне – серое, послушники – черное.

Аббатство св. Фоиллана (Лендорское нагорье).

Аббат: отец Зефрам Лордский.

Приор: отец Патрик.

Облачение: аббат – белое, монахи – белое, братья-миряне – серое.

Приорство св. Ультана (к юго-западу от Мурина).

Приорство св. Ильтида (близ Найфорда).

МАЛЫЕ БРАТЬЯ СВ. ЭРКОНА

Основатель: отец Полин (Синклер) Рамосский, пасынок графа Таммарона.

ВИЛЛИМИТЫ – светский Орден, посвященный св. Виллиму (младшему брату св. Эркона), младенцу, принявшую мученическую смерть от рук злодея-Дерини.

***ORDO CUSTODEM FIDEI (ОРДЕН ХРАНИТЕЛЕЙ ВЕРЫ)** – создан в 918 году в противовес михайлинцам; воины и наставники, особенно в семиинариях.

Основатель: архиепископ Хьюберт Мак-Иннис.

Первый верховный настоятель: преподобный Полин (Синклер) Рамосский (бывший епископ Стэвенхемский).

Верховный канцлер: отец Марк Конкеннон, ведает семинариями.

Верховный инквизитор: брат Серафин; помощник – отец Лиор.

Облачение: братия – черная ряса, алый с золотом кушак, черный плащ с алым подбоем.

Символика: на красном фоне, лев, поднявшийся на задние лапы с мечом в правой лапе и головой, окруженной золотым ореолом.

Капитулы во всех соборах Гвиннеда.

Основная семинария: Arx Fidei (Цитадель Веры), близ Валорета; аббатство Параклета.

Equite Custodem Fidei (Рыцари Хранителей Веры).

Первый магистр: лорд Альберт (старший брат Полина, бывший граф Тарлетонский).

Командории во всех крупных городах, приорства по всему Гвиннеду.

Облачение: черная накидка с красный крестом и львиной головой, окруженной ореолом, белый кушак, отороченный пурпуром, плетеное вервие через левое плечо, черный плащ с алым подбоем.

FRATRI SILENTII (БРАТЬЯ БЕЗМОЛВИЯ) – аббатство св. Айви.

Облачение: ряса цвета морской волны.

ORDO VOX DEI (ОРДЕН ГЛАСА БОЖИЯ)

Облачение: черная ряса с синим кушаком.

*БРАТСТВО СВ. ЙОРИКА

ВАРНАРИТЫ – каноники Варнаритской Школы, отделившиеся от кафедрального капитула Грекоты в конце VIII века, деринийский ученый Орден, просуществовавший вплоть до Реставрации. Ультра-консервативное крыло варнаритов отделилось еще ранее, превратившись в Орден гавриилитов. Учение варнаритов положило начало эзотерической философии Дерини.

TEMPLUM ARCHANGELORUM – давно исчезнувшее аббатство с древними эзотерическими корнями; его символ был на печати Иодоты.

Значком (*) отмечены те Ордена, главы которых приравниваются в епископам и могут заседать в Синоде.

Местонахождение Порталов в Гвиннеде

Церковные Порталы

Собор св. Георгия, Ремут: ризница; кабинет настоятеля в базилике св. Хилари.

Собор всех Святых, Валорет: ризница; молельня в личных апартаментах архиепископа.

Собор св. Сенана, Дхасса: ризница (предположительно); северный транцепт, личная часовня епископа.

Собор Грекоты: ризница (предположительно); несколько Порталов в апартаментах епископа в башне епископского дворца (особый Портал, предположительно уничтожен после смерти Камбера-Элистера) в руинах под епископским дворцом.

Собор Найфорда: ризница (предположительно).

Собор Кешиена: ризница (предположительно).

Собор св. Уриила и Всех Ангелов, Ратаркин, епархия Меары: ризница (предположительно).

Гаврилитские и михайлинские Порталы

ОРДЕН СВ. ГАВРИИЛА: аббатство св. Неота – в ризнице; вероятно, не единственный.

ОРДЕН СВ. МИХАИЛА:

Верхний Эйриал, Моллингфорд: обители были переданы другим Орденам после роспуска михайлинцев, но Порталы продолжали функционировать как минимум до 24.12.917 г., когда Джебедия воспользовался ими, чтобы предупредить о грядущих погромах.

Челтхем (штаб-квартира Ордена, уничтожена в 904 г.): Порталы расположены в апартаментах настоятеля и, вероятно, в ризнице.

Аргод (командорство 905-917 гг.): местоположение не установлено.

Куилтейн (на границе Меары и Гвиннеда): местоположение не установлено.

Аббатство св. Лиама: местоположение не установлено.

Джелларда (изначальная штаб-квартира и командорство, Наковальня Господня): местоположение не установлено.

Сент-Элдерон (на границе Торрента и Истмарка): местоположение не установлено.

Брустаркия (малая штаб-квартира в Арьеноле): местоположение не установлено.

Убежище св. Михаила.

Порталы при учебных заведениях

Лентит, близ Коннаита: там находилась школа Дерини до октября 917 года; Дерини спаслись бегством, предварительно скрыв Портал.

Найфордская семинария: была частично восстановлена после пожара 916 года, но после беспорядков осенью 917 года Портал был закрыт, Дерини спаслись бегством.

Личные Порталы

Валорет: в подвалах Королевской Башни, замаскирован под уборную.

Кайрори: в кабинете Камбера; в подземном ходе, ведущем из замка (этим путем Энсель бежал после гибели Девина).

Кор Кулди: вторая резиденция Мак-Рори, наверняка, Камбер устроил там Портал.

Шиил: в кабинете Райса; позднее закрыт для всех, кроме семьи Турин и Мак-Рори.

Тревалга: новое поместье Грегори в Коннаите (вероятно, в Эборе не было Портала, иначе Райс воспользовался бы им, чтобы позвать на помощь Камбера-Элистера и Джорема, когда Грегори был болен).

Ремут: в комнате, примыкающей к библиотеке Бриона. Изначально это была комната для гостей; вероятно, именно там размещался лорд Ян в ночь перед коронацией Келсона, и оттуда Карисса смогла по-

пасть в библиотеку. К тому времени, как Келсон был посвящен в рыцари, эту комнату сделали продолжением библиотеки, замуровав дверь в коридор и соорудив новый проход в стене, защитив его особым заклятием. Тирцель объясняет это Коналу:

> Келсон и его друзья выбрали очень специфический заговор, разрешив мне и другим членам Совета пользоваться библиотекой, но сделали так, чтобы мы без объявления не могли появляться в других частях замка. После Кариссы это, несомненно, оправданно. В любом случае, я мог бы покинуть ту комнату или тем способом, которым воспользовались мы, или попросив тебя провести меня под своей защитой. Вполне действенный способ.
>
> *(«Тень Камбера»)*

Порталы Камбернанского Совета

Члены Совета Камбера, несомненно, имели личные Порталы в своих домах. Упоминаются Порталы Торна Хагена, Дениса Арилана и семейный Портал Ариланов в Тре-Арилане (именно туда Денис Арилан приводит Кардиеля).

Отсутствующие Порталы

Особо упомянуты места, где не имеется Порталов, включая Трурилл (поскольку сестра Камбера вышла замуж за обычного человека) и Корот (по крайней мере, до лета 1121 года). Впрочем, поскольку герцогами Корота несколько веков были Дерини, то Порталы там должны быть, однако Морган ничего о них не знает, и у него пока не хватает сил и знаний, чтобы соорудить свой собственный.

Adsum, Domine: Песнопение Целителей

Узри меня, Господи:
По милости Твоей исцеляю я плоть человеков.
Узри меня, Господи:
С благословения Твоего прозреваю я души.
Узри меня, Господи:
Силою Твоею властен я над сердцами.
Не оставь, Господи, меня,
ниспошли силу и мудрость
Лишь по зову Твоему служить Тебе
дарами Твоими.
И сказал мне Господь Пресветлый: смотри,
Я избрал тебя, чадо Мое, человекам в дар.
Душу твою до того, как зачали тебя,
прежде даже, чем солнце зажглось,
Я отметил печатью Моей до скончанья времен.
Ты — Моя Исцеляющая рука,
Мощь Моя, коей Я возвращаю жизнь.
Через Меня познаешь ты дух Исцеляющих сил,
Темные тайны земли, лесов и долин.
Через дары Мои познаешь ты любовь,
Кою питаю к тебе: облегчай же боль
И человека, и зверя. Огнем души
Всякую порчу сжигай,
страданье развеивай сном.
И тайны Мои в сердце твоем храни,
ибо они — святыня, доверенная тебе.
Тайны же сердца другого не вызнавай,
Если он сам для тебя не откроет души.
Да будут руки твои чисты — исцеляй,
Да будет чиста душа — прикоснись
и даруй покой.
Узри меня, Господи:

Все дары мои — у ног Твоих.
Узри меня, Господи: Всего сущего Ты Творец,
Безраздельно правишь Ты Светом и Тьмою,
Жизни Податель и Дар Жизни — все это Ты.
Узри меня, Господи:
Предан я всецело воле Твоей.
Узри меня, Господи:
Жизнь моя — служение Тебе,
власть моя над плотию и духом — от Тебя.
Веди же, Господи, меня
и сохрани от всякого искушения,
Дабы с честию Тебе служил
и не уронил Дара своего.

Adsum, Domine: Me gratiam corpora hominum sanare concessisti.
Adsum, Domine: Me Visu animas hominum Videre benedixisti.
Adsum, Domine: Me potentiam dedisti voluntate aliorum intendere.
Da, Domine, vires et prudentiam omnis haec dona tractare solum ut voluntas tua me ministraret.
Dominus lucis me dixit, Ecce:
Tu es infas electum meam,
donum meam ad hominem.
Ante luciferum, multi ante in utero matris eras,
anima tuam me sancitur aetatis ex mente.
Tu es manus sanatio mea super hoc mundo,
instrumentum meum vitae
et potestatis sanationiae.
Te spiritum potentiae sanationiae do,
res arcanas reverentias et obscuras sylvae
et luci et terrae.
Te omnis haec dona do, ita ut scias
caritatem meam.
Haec utere in ministerio mitigationis
viri et pecoris.
Ignis purgationis esto corruptio purificare,
lacuna somno esto mitigatio de dolor ferre.
In pectore tuo cela omni secreta dabantur,
quam tutus confessione dictus,
et quam sacrosantus.
Visus tuus pro revelatia non uteor,
nisi mens aliae sponte offertur.

Cum manibus consecratus, fractum restitude.
Cum anima consecrata, tende et pacem meam da.
Adsum, Domine:
Totus ingenibus meis at pedes tuos proponeo.
Adsum, Domine: Tu es Creator Unius de rerum totum.
Tu es Unus Omnipartus,
Qui Lucem et Umbram regit,
Donator Vitae et Ipse Donum Vitae.
Adsum, Domine: Omnis existentia mea
ad voluntatem tuam ligatur.
Adsum, Domine:
Ad ministerio tuum consecratur,
cum viribus conservare aut interficiere cingitur.
Duce et regere servum tui, Domine,
ab omnibus tentationem.
Ita ut honor purus et donum
neum incontaminatus sit.

Эзотерические тексты Дерини

«Анналы», автор Сулиен Р'Кассанский, адепт Дерини.

«Codex Orini» – свиток, перевязанный фиолетовой лентой; содержит комментарии и рабочие заметки Великого Орина. Включает «Преграду смерти», «Беседы с ангелом-хранителем», «Поддержание жизни после смерти и возвращение мертвых к жизни».

«Дух Ардала-чужестранца», автор Эамонн Мак-Дара, меаранский поэт VIII века; содержит упоминание о заклятье, побеждающем смерть.

«Haut Arcanum», автор отец Эдуард, философ-гавриилит.

«История Келдора», автор Махаэль.

«Лэ лорда Ллевеллина», автор – знаменитый бард, умер ок. 850 г.

«Liber Fati Caeriesse» – сборник пророчеств Несты, провидицы-Дерини VI века.

«Liber Ricae», иначе именуемая «Книгой Покрова» – редчайшее издание.

«Liber Sancti Ruadan», автор Руадан Дхасский, мистик-Дерини.

«Principia Magica», автор Китрон, текст частично зашифрован.

«Протоколы Орина»

Черный Протокол (свиток) включает «Изменение внешнего облика умерших», «Оживление умерших», «Призвание сущностей»

Алый Протокол (свиток) включает «Установку защит», «Дальновидение», «Сооружение Порталов», включая Порталы-ловушки.

Золотой (иначе, Желтый) Протокол (свиток) включает «Создание облика умершего», «Чтение памяти умершего», «Поглощение чужой памяти».

Зеленый Протокол (свиток) включает тексты по Целительству.

Синий (инавче, Пятый) Протокол (Свиток Отваги) включает «О расположении звезд», «Наблюдения за луной», «Блокирование магических способностей».

Прочие авторы Дерини

Джокал Тиндурский – поэт; описанные им Целительские процедуры весьма заинтересовали Райса.

Джоревин Кешельский – мистик-Дерини.

Льютерн – мистик-Дерини.

Неста – ясновидящая-Дерини, предсказавшая падение Кериссы.

Парган Ховиккан – эпический поэт Дерини IX века; классические саги о богах древности.

Члены Камберианского Совета (918 год)

Совет Камбера (в то время еще не носивший этого имени) был создан в 909 году лордом **Камбером Мак-Рори** (как епископ **Элистер Келлен**), отцом **Джоремом Мак-Рори** (Орден св. Михаила), леди **Ивейн Мак-Рори Турин**, лордом **Райсом Турином**, лордом **Джебедией Алькарским**.

21 декабря 910 года его членами стали также архиепископ **Джеффрай Керберийский** (Орден св. Гавриила); **Грегори, граф Эборский**; отец **Терстейн** (Орден св. Гавриила).

Вскоре после этого **Джеффрай** дал Совету его нынешнее название. Изначально Совет был создан, чтобы пресекать злоупотребления Дерини и надзирать за соблюдение правил Магических Поединков.

Весной 916 года отец **Терстейн** погиб, упав с лошади. На его место не сразу нашелся преемник, и **Джебедия** стал называть его кресло «троном святого Камбера», и это вошло в традицию. Как потенциального кандидата в члены Совета рассматривали **Девина Мак-Рори**, но он погиб 28 сентября 917 года, и вакансия так и осталась незаполненной.

Меньше чем через месяц, в октябре 917 года, епископ **Джеффрай** был убит, и Совет сократился до шести человек. На его место прочили **Энселя Мак-Рори**, но прежде чем он успел войти в состав Совета, погибли еще трое его членов: **Райс** (25 декабря) и **Джебедия** с **Элистером** (6 января 918 года).

Джорем, Ивейн и **Грегори** приняли в Совет **Энселя Мак-Рори** в период с 7 по 9 января 918 года. Сын **Грегори Джесс** и отец **Кверон Киневан** прошли посвящение 10 и 11 января, соответственно. **Тавис О'Нилл** стал седьмым членом Совета весной 918 года, а восьмым – епископ **Ниеллан Трей** (Орден св. Михаила). Однако после гибели **Ивейн** (1 августа 918 года) в Совет вновь стали входить лишь семь человек.

Глоссарий терминов Дерини

Cognomen – наименование спаренных кубиков защиты. Например, **Prime + Quinte = Primus** (множ. число – cognomena).

Nomen – обозначение кубика защиты (множ. число – nomena).

Phrasa – особая формула, именующая и активирующая пару перемещенных кубиков защиты (множ. число – phrasae).

Salutus – ритуальное обращение при установке защиты. Например, Primus est Deus... (множ. число – saluti).

Г'дула – коса из четырех прядей у гавриилитов; позднее стала обозначать любую мужскую косу, которую заплетают на затылке; характерна для жителей приграничных районов.

Круайдх-дьюхаин – испытание, periculum.

Киилль – часовня или святилище; чаще всего относится к помещению под залом Камберианского Совета.

Мераша – деринийский наркотик, затуманивающий сознание, на простых людей оказывает снотворное действие.

Талицил – жаропонижающее снадобье, действует как аспирин.

Ширал – драгоценный камень, напоминающий янтарь, чувствительный к пси-излучению.

Эйрсиды – древнее эзотерическое братство Дерини.

Содержание

АРХИВЫ ДЕРИНИ

Перевод Инны Шаргородской

Предисловие 7
С чего все начиналось... 16
Песнь Целителя 34
Призвание 50
Бетана 82
Посвящение Арилана 105
Наследство 164
Посвящение Дерри в рыцари 179
Суд 212
Приложение 1 239
Приложение 2 244
Приложение 3 246
Приложение 4 253
Краткое изложение романа «Возрождение Дерини» 284

МАГИЯ ДЕРИНИ

Перевод Натальи Баулиной

Магия Дерини: некоторые разъяснения 298
Клан Дерини: истоки и общие исторические сведения 302
Структура церкви, религиозные ордена, таинства крещения и брака 311

Рукоположение, исповедь, последнее причастие, причащение 330
Экстрасенсорные способности: общие положения, этика, защитные поля, передача мыслей на расстояние, увеличение энергетического потенциала 347
Телепатическая взаимосвязь 371
Чтение мыслей, контроль над разумом 384
Сверхчувственное восприятие 406
Телекинез 413
Порталы 420
Прикладная магия: утилитарные заклинания. Магическая дуэль 440
Практическая магия: изменение внешности 467
Защитные заклятья. Стражи частей света 487
Магические кубики: основы 502
Магические кубики: усложненные комбинации 516
Целители и исцеление 534
Обучение Целителей 559
Обучение Целителей: практические исследования 586
Черная магия 600
Псевдо-Дерини 616
Обряд: определение и подготовка 641
Обряд: очерчивание круга и защита 654
Обряд: завершение 670
Практическое назначение обрядов 689
Епархии в Гвиннеде и окрестностях 714
Религиозные Ордена в Гвиннеде 720
Местонахождение Порталов в Гвиннеде 724
Adsum, Domine: Песнопение Целителей 727
Эзотерические тексты Дерини 730
Члены Камберианского Совета (918 год) 732
Глоссарий терминов Дерини 733

По вопросам оптовой покупки книг
«Издательской группы АСТ» обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги «Издательской группы АСТ» можно заказать по адресу:
***107140, Москва, а/я 140,* АСТ – «Книги по почте»**

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Куртц Кэтрин

Архивы Дерини
Магия Дерини

Составление: Н. Науменко, Д. Ивахнов
Художественные редакторы О. Адаскина, И. Богданов
Компьютерный дизайн: С. Шумилин
Верстка: Л. Андреева
Технический редактор В. Успенский
Корректор Н. Ушинская

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс». Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999
Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А
Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125
sz-press@peterlink.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
"Самарский Дом печати"
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам.

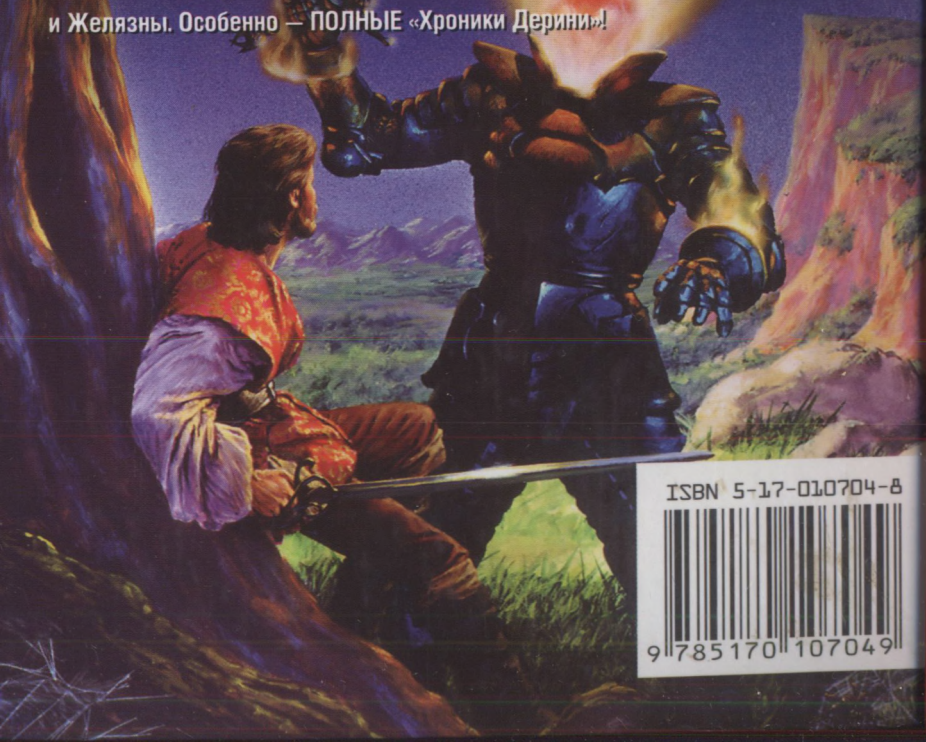
Кэтрин Куртц — автор, без которой жанр «классической фэнтези» попросту не вошел бы в одну из самых любопытных своих фаз — в фазу «маньеризма». Речь тут идет уже даже не о культовом статусе (хотя нельзя обойтись и без этого), даже не о «золотом фонде» стиля «литературной легенды» (хотя это тоже важно), не о славе, не о призах — и даже не о книгах, на которых выросли целые поколения не читателей даже, но — ПОЧИТАТЕЛЕЙ. Речь идет о книгах УНИКАЛЬНЫХ. До предела изысканных — и до предела ОРИГИНАЛЬНЫХ...

«Хроники Дерини». Уникальная сага — «фэнтези», раз и навсегда вписавшая имя Кэтрин Куртц в золотой фонд жанра «литературной легенды».

«Хроники Дерини». Сказание о мире странном, прозрачном и прекрасном, о мире изощренно-изысканных придворных интриг, жестоких и отчаянных поединков «меча и колдовства», о мире прекрасных дам, бесстрашных кавалеров, порочных чернокнижников и надменных святых. Сказание о мире, силою магии живущем — и магию за великий грех считающем.

Настоящие поклонники фэнтези!

«Хроники Дерини» должны стоять на вашей книжной полке — между Толкиным и Желязны. Особенно — ПОЛНЫЕ «Хроники Дерини»!

ISBN 5-17-010704-8